

Лучшие
Сказки
мира

Сборник лучших сказок мира в пересказе для детей.

- [ЛУЧШИЕ СКАЗКИ МИРА](#)
 - [СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА](#)
 - [ОСЛИНАЯ ШКУРА](#)
 - [МАРЬЯ МОРЕВНА](#)
 - [КУЗЬМА И ЛИС](#)
 - [КОТ В САПОГАХ](#)
 - [ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА](#)
 - [ДЮЙМОВОЧКА](#)
 - [ТРИ АПЕЛЬСИНА](#)
 - [ЗЕЛЕНАЯ ЗМЕЯ](#)
 - [ОГНИВО](#)
 - [ГЕНЕРАЛ ФАНТА-ГИРО](#)
 - [ЗОЛУШКА](#)
 - [КАРЛИК НОС](#)
 - [КИЦ, ЗАКОЛДОВАННЫЙ КОТ](#)
 - [ГРЕЙС И ДЕРЕК](#)
 - [ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ](#)
 - [УРАШИМА И ЧЕРЕПАХА](#)
 - [ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА](#)
 - [МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК](#)
 - [ДИКИЕ ЛЕБЕДИ](#)
 - [ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО](#)
 - [ГАНС И ПОЛОСАТЫЙ КОТ](#)
 - [КРАСНАЯ ШАПОЧКА](#)
 - [ФЕЯ И КОТЕЛ](#)
 - [БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ](#)
 - [КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ](#)
 - [ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВЦЕ И СЕРЕБРЯНОЕ ДЕРЕВЦЕ](#)
 - [СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ](#)
 - [ПРИНЦЕССА-КОШКА](#)
 - [КОЛА-РЫБА](#)
 - [ЧУБЧИК-РИККИ](#)
 - [СЕМЬ ПРИНЦЕВ-ВОРОНОВ](#)
 - [ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ](#)
 - [ГОЛУБОЙ ХОХОЛОК](#)
 - [КОРОЛЕВСКИЙ БАРАН](#)
 - [ПРИНЦ И ДОЧЬ ВЕЛИКАНА](#)
 - [БРАЙТ, ПРЕЛЕСТНЫЙ ОЛЕНЬ И КОТ](#)
 - [ЯСНАЯ ЗАРЯ С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ](#)
 - [ФИНИСТ — ЯСНЫЙ СОКОЛ](#)

- [ВОЛШЕБСТВО](#)
- [СИНЯЯ СВЕЧКА](#)
- [ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА](#)
- [МАЛЕНЬКИЙ ПЕТУШОК И ЗОЛОТАЯ МОНЕТКА](#)
- [САНТУРАМ И АНТУРАМ](#)
- [СЫН КОРОЛЯ ФРАНЦИИ И КРАСАВИЦА ДЖОАНА](#)
- [ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ](#)
- [ХРАБРЫЙ ЮНОША](#)
- [ТЩЕСЛАВНАЯ МЫШЬ](#)
- [ПРИНЦЕССА, КОТОРАЯ МЕЧТАЛА О КОРОНЕ ИЗ РОСЫ](#)
- [ЛОД, СЫН ФЕРМЕРА](#)
- [ЧУДЕСНЫЕ ЗЕРНА](#)
- [КРАСАВИЦА НАСТО](#)
- [БЕЛЫЙ ГОЛУБОК](#)
- [РУСАЛОЧКА](#)
- [ЦАРИЦА ДУХОВ И ЗМЕЙ](#)
- [КОРОЛЕВСКИЙ СОКОЛ](#)
- [ВЕДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА](#)
- [ЧЕРНАЯ ЛОШАДКА](#)
- [ЧЕРНЫЙ БЫК НОРРОУЭЙСКИЙ](#)
- [МАТТЕО И МАРИУЧЧА](#)
- [МАША И МЕДВЕДЬ](#)
- [РАПУНЦЕЛЬ](#)
- [ТРИ ЦАРЕВИЧА](#)
- [ТАЙНА ФЛОРИО](#)
- [НОЧНЫЕ ПОМОЩНИЦЫ ДОБРОЙ ХОЗЯЮШКИ](#)
- [ЧЕРЕПАХА, ОБЕЗЬЯНА И БАНАНОВОЕ ДЕРЕВО](#)
- [АССИПАТЛ И ВЛАДЫКА МОРСКОЙ ЗМЕЙ](#)
- [КОРОЛЬ-ВЕТЕР И ПРИНЦЕССА](#)
- [ВОЛШЕБНАЯ ЯБЛОНЯ](#)
- [ТРИ КОЗЛА ГРАФ И ЗЛОБНЫЙ ТРОЛЛЬ](#)
- [ХРУСТАЛЬНЫЙ МОСТ](#)
- [ГОРДАЯ ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ](#)
- [ТОМ С НОГОТОК И БОЛЬШАЯ ПРИНЦЕССА](#)
- [НОВЫЙ КОСТЮМ](#)
- [ТРИ ПОРОСЕНКА](#)
- [МОЛОДЕЦ СО ЗВЕЗДОЙ ВО ЛБУ И ЕГО РОГАТЫЙ КОНЬ](#)
- [ВЕЛИКАН ТОМ](#)
- [ЗМЕИНОЕ ДЕРЕВЦЕ](#)
- [ЗОЛОТАЯ ДЕВОЧКА](#)
- [ВЕЛИКАН ОХ И ТРИ ДЕВУШКИ](#)
- [ГОРБАТАЯ ПРИНЦЕССА](#)
- [ДЕВУШКА, СДЕЛАННАЯ ИЗ ИЗВЕСТИ](#)
- [ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ](#)
- [ПРИНЦЕССА И ЛЯГУШОНОК](#)

- [ДЕТИ ВОЕВОДЫ](#)
- [ТРИ ЖЕЛАНИЯ](#)
- [ДЖЕК И БОБОВЫЙ СТЕБЕЛЬ](#)
- [СОРОК БРАТЬЕВ И ИХ СЕСТРИЧКА](#)
- [БЕЛОСНЕЖКА И АЛОЦВЕТИК](#)
- [КОРОЛЕВНА И ДОЧЬ СОЛНЦА](#)
- [СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК](#)
- [ПРИНЦ С ОСЛИНЫМИ УШАМИ](#)
- [ПРИНЦЕССА-ДРАКОН](#)
- [СИГНИ И ПРИНЦ ЛИНИ](#)
- [ПРИНЦ-КРОЛИК](#)
- [МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНОКОЖИЙ ЗАМБО](#)
- [КУКОЛКА В ТРАВЕ](#)
- [КУРОЧКА И КОРОЛЬ](#)
- [ЮНОША И ИГОЛКА](#)
- [ВЕДЬМА ИЗ ФАЙФА](#)
- [ДЕВУШКА-БЕЗРУЧКА](#)
- [ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА](#)
- [ПЕТУХ И КУРОЧКА](#)
- [ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА АЛАМАРАЙ](#)
- [ЕГЛЕ](#)
- [МУХА, КОТОРАЯ УЧИЛАСЬ В ШКОЛЕ](#)
- [ГАРПАЛИОНУ — ВЛАДЫКА ЛЬВОВ](#)
- [КОШАЧИЙ КОРОЛЬ](#)
- [ФЕИ МЕРЛИНОВОЙ СКАЛЫ](#)
- [ИВАН-БОГАТЫРЬ](#)
- [ЖОЗЕ И ПРИНЦЕССА](#)
- [РЫЦАРЬ-ЭЛЬФ](#)
- [НЕВЕСТА-МЫШЬ](#)
- [ЙОРИНДА И ЙОРИНГЕЛЬ](#)
- [ДОЧЬ ГРАФА МАРА](#)
- [ХРАБРЫЙ МАЗИНО И ВЕДЬМА](#)
- [ВОЛШЕБНАЯ ТЫКВА](#)
- [БЕЛОСНЕЖКА И СЕМЬ ГНОМОВ](#)
- [ГОРОД НАВОБОД](#)
- [АНАИТ](#)
- [ДЕТИ КОРОЛЯ ЭЙЛПА](#)
- [ПРЕКРАСНАЯ РОЗАЛИНДА](#)
- [МОРЕГ И ВОДЯНОЙ КОНЬ](#)
- [ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО](#)
- [ПАЖ И СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК](#)
- [АЛАДДИН И ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА](#)
- [ДЯДЮШКА ДОЛГОНОС](#)
- [АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ](#)
- [ДОЧЬ МОРСКОГО ЦАРЯ](#)

- [ВЕЛИКАН ДРЕГЛИН ХОГИН](#)
 - [СКАЗКА О РАЗНОЦВЕТНЫХ РЫБАХ](#)
 - [ТРИ СОБАКИ](#)
 - [ЕЖ И МЕДВЕДЬ](#)
 - [КРАСАВЕЦ ВОДОНОС](#)
 - [ВОЛШЕБНАЯ КОРОБОЧКА](#)
 - [СЧАСТЛИВКА И НЕСЧАСТЛИВКА](#)
 - [ЗЛОЙ ВОЛШЕБНИК](#)
 - [ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ ПЛОДОВ](#)
 - [КРОШКА ФЕЯ](#)
 - [МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА](#)
 - [ЦАРЬ И КРАСАВИЦА](#)
 - [КРОШКА МЭТТИ И КОРОЛЬ](#)
-

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Шарль Перро

Жили-были храбрый король со своей прекрасной королевой. Они были бездетны, и это их очень огорчало. Горячо молились они, чтобы Бог послал им ребеночка, и, наконец, королева родила дочь.

Пышно справили крестины новорожденной, пригласив на празднество всех волшебниц королевства (их было семь) в крестные матери. Приглашенные волшебницы по-тогдашнему обычаю сделали маленькой принцессе подарок и пожелание. Таким образом, принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

После крестин все волшебницы отправились на торжественный обед в честь этого знаменательного события, где для них приготовили роскошные угощения. Перед каждой из семи волшебниц поставили золотую посуду, усыпанную бриллиантами и рубинами. Рядом лежали великолепные золотые ложки, вилки и ножи. Когда волшебницы уселись за стол, в зал вошла старая-престарая колдунья, которую не пригласили, потому что ее считали давно умершей или очарованной. Более пятидесяти лет она не показывалась из своей башни, и все, естественно, про нее забыли.

Король с королевой посадили старуху за стол. Но золотой посуды и столовых приборов больше не было, так как они были заказаны и сделаны строго по количеству приглашенных волшебниц, поэтому старой волшебнице поставили серебряную посуду.

Старая ворчунья страшно обиделась на это и пробормотала сквозь зубы:

— Хорошо же, они у меня увидят...

Самая молодая волшебница, сидевшая рядом со старухой, услышала ее бормотание и сообразила, что колдунья может надеть на малютке неприятностей, поэтому она решила последней наградить маленькую принцессу, чтобы, таким образом, постараться поправить то зло, которое колдунья навлечет на малышку.

Наконец волшебницы начали награждать маленькую принцессу разными качествами. Младшая пообещала, что она будет красивее всех на свете, вторая — что умнее ее трудно будет сыскать девушку, третья дала принцессе милосердие и доброе сердце, четвертая и пятая наградили ее искусством танца и соловьиного пения, шестая — даром игры на всех музыкальных инструментах без исключения.

Затем дошла очередь старой колдуньи. Злорадно ухмыляясь, она сказала:

— Принцесса проткнет себе палец веретеном и умрет в тот же час.

От этого ужасного предречения все безудержно заплакали. Но тут седьмая волшебница громко сказала:

— Не плачьте, дорогие гости и вы, король с королевой. Я не могу отменить то, что сказала старая карга, но в моей власти немного изменить это предсказание. Когда принцесса проткнет себе палец веретеном, она не умрет. Она уснет глубоким сном ровно на сто лет. И однажды придет молодой принц и разбудит ее.

Несмотря на это обещание, король издал указ, запрещающий всем в королевстве пользоваться веретенами под страхом смерти. Не разрешалось даже просто держать их дома. Но он не знал, что обычный смертный не может победить волшебство.

Прошло пятнадцать лет. И вот однажды юная принцесса решила обследовать все

комнаты и закоулки в огромном отцовском замке. Взобравшись на самый верх, в одной крохотной, покрытой паутиной комнатке она нашла маленькую старушонку, которая, улыбаясь, пряла веретеном пряжу.

— Ой, что это такое у тебя в руках? — воскликнула принцесса. — Бабушка, покажи мне, пожалуйста, эту вещичку.

— Это веретено, мое золотко, — сказала старушка, которая давным-давно не выходила из своей каморки и слыхом не слыхивала о старой колдунье, зловещем предсказании и королевском указе. — Возьми посмотри, если интересно.

Как только принцесса взяла веретено в руки, она уколола им палец и замертво упала на каменный пол комнаты.

— На помощь! — закричала перепуганная старушка, и все королевские слуги вмиг сбежались к ней. Они изо всех сил старались оживить принцессу, прикладывали ей на голову холодное льняное полотенце, нюхательную соль к носу, брызгали в лицо розовой водой — все было бесполезно.

Прибежавший вслед за слугами король понял, что пророчество старой ведьмы сбылось. Он приказал отнести принцессу в самую лучшую дворцовую комнату, одеть в самое красивое платье и положить на кровать из парчи, золота и серебра. Волшебный сон не нарушил красоты принцессы. Ее щеки алели, как розы, зубы были белы, как кораллы, и свежи, как лепестки лилии, спокойное ровное дыхание показывало, что она не умерла, а просто уснула.

Волшебница, которая спасла ее жизнь своим заклинанием, в этот роковой день находилась далеко от дворца. Но карлик в семимильных сапогах тотчас же принес ей известие об этом несчастье, и не прошло получаса, как она появилась в замке.

Король рассказал доброй волшебнице все по порядку и спросил у нее, правильно ли он все сделал.

— Принцесса очень огорчится, проснувшись через столько лет и не найдя вокруг себя слуг, а у видя только пустой замок, — сказала добрая фея. Я не могу допустить этого.

Своей волшебной палочкой она коснулась всех, кто был в замке: фрейлин, гувернанток, горничных, дворецких, поваров и поварят, охранников и пажей, конюхов, лошадей в конюшнях, кучера и даже маленькой любимицы принцессы — собачки Пуфлетты, которая лежала рядом с хозяйкой на кровати.

Король с королевой поцеловали свою дочь и ушли жить в другой замок. А добрая фея окружила замок дремучим лесом и зарослями колючего терновника, чтобы ни человек, ни зверь не посмели нарушить раньше времени столетний сон принцессы.

Прошло сто лет. Однажды молодой королевич, сын короля соседнего государства, охотился в этих местах. Вдруг высоко подняв голову, он увидел в центре дремучего леса верхушки каких-то старинных башен. Принц начал расспрашивать проживающих в этих местах людей и получил на свой вопрос пятьдесят разных ответов. Один сказал ему, что это место сборища ведьм, где они празднуют свой шабаш, другой уверял, что там живут эльфы, маленькие лесные человечки, третий — что там живет огромный голодный людоед.

Только один совсем древний старец сказал ему:

— Когда я был совсем маленьким ребенком, я слышал от своего отца, что в том замке спит необыкновенной красоты принцесса. Фея усыпила ее на сто лет, и только какой-нибудь смелый принц сможет ее разбудить.

Молодой королевич поверил старцу.

— Какое интересное приключение ждет меня! — воскликнул он. — Вперед, к счастью и удаче! — и, помчавшись к замку, он пришпорил коня. Жажда любви и славы придавала ему храбрости. Подъехав совсем близко к дикому лесу, он собрался пробираться через него, как вдруг колючие заросли терновника расступились сами собой, давая ему дорогу. Принц направился к замку, а заросли сомкнулись у него за спиной, не давая никому возможности следовать за ним. Вскоре он вошел во дворец и ужаснулся. В полной тишине кругом спали люди, которых сон застал в самых естественных позах: кто-то пировал, кто-то поднимался по дворцовой лестнице, кто-то вышивал или читал. Пройдя дальше, принц вошел в золотую комнату и остановился в изумлении. На золотой, затканной серебром парчовой кровати спала сказочной красоты принцесса. Даже солнце не могло сравниться с ней, розы бы увяли в сравнении с румянцем на ее щеках, а гордые белые лилии стыдливо спрятались бы, если бы им предложили померяться с ней белизною кожи.

Смущенный и очарованный ее красотой, принц присел рядом с ней. И вот, наконец, сбылось предсказание доброй феи, и принцесса, ровно через сто лет, проснулась и открыла глаза:

— Как же долго я вас ждала, мой милый принц, — прошептала она.

В восхищении от этих слов, от ее красоты и от необычности всего происходящего, королевич понял, что полюбил принцессу больше жизни.

Постепенно все в замке начало оживать, всякий принялся за свое дело, и вошедшая в зал фрейлина объявила:

— Обед подан.

Королевич помог принцессе подняться. Он ни словом не обмолвился, что ее роскошное платье уже давно вышло из моды и выглядело очень нелепо. Но даже в этом старомодном наряде она выглядела лучше самых модных красавиц в мире.

В красивой дворцовой комнате они пообедали. Принц был очарован старинными кушаньями и музыкой, мелодию которой он помнил с детства. После обеда священник обвенчал молодого принца и принцессу в дворцовой церкви.

На следующий день принц отправился домой к своим родителям. Он решил сохранить от них свое приключение в секрете, поскольку его мать была злой женщиной, и говаривали даже, что она из породы людоедов. Кроме того, она отличалась вспыльчивостью и не любила, когда ее сын делал что-то, не спросив предварительно у нее совета. Поэтому королевич сказал, что заблудился на охоте и провел ночь в избушке лесника.

Никто ни о чем не догадывался, и так прошло два года. У принца и принцессы родилось двое детей. Старшую дочку они называли Утренней Зарей, а второго ребенка — сына — Ясным Днем.

Вскоре старый король умер, и принц унаследовал его трон. Он объявил о своей женитьбе и с пышной церемонией перевез в замок свое маленькое семейство.

Некоторое время спустя, следующим летом, молодой король пошел воевать. Отправляясь в поход, он поручил своей матери управлять государством в его отсутствие.

Как только он уехал, старая королева тотчас отослала принцессу с детьми в разрушенный дом посреди дремучего леса и через несколько дней приехала навестить их.

Она позвала повара и сказала ему:

— Поддай мне завтра на обед Утреннюю Зарю.

— О, Ваше Величество! — вскрикнул повар.

— Исполни! — сказала королева страшным людоедским голосом. — И не забудь

полить ее сверху вкусным соусом.

Бедный повар, видя, что с людоедкой спорить бессмысленно и опасно, взял большой кухонный нож и пошел в комнату Утренней Зари. Увидя его, маленькая девочка засмеялась, радостно хлопала в ладоши и попросила рассказать ей сказку. Она была так прелестна и нежна, что повар не смог заставить себя сделать черное дело и убить ее. Он со слезами выбежал из комнаты.

На скотном дворе он нашел молодого барашка, зарезал его и приготовил на обед старой королеве. Между тем его жена спрятала Утреннюю Зарю на сеновале. Людоедка с большим удовольствием съела молодого барашка, приговаривая: «Никогда в жизни не едала такой вкуснятинки!»

В следующее воскресенье она опять позвала повара и сказала:

— Сегодня к ужину приготовь мне Ясный День!

Повар не стал с ней спорить, а взял и спрятал мальчика на сеновале. Потом приготовил под чудесным белым соусом молодого гуся и отдал его королеве. Людоедка была восхищена кулинарными способностями повара и осталась довольна. Прошло еще некоторое время. Все было спокойно. Но однажды злодейка опять заявила повару:

— Теперь я хочу съесть молодую королеву. Поддай мне ее под тем же вкусным соусом!

Это была трудная задача для повара. Молодой королеве было двадцать лет, не считая ста лет, которые она проспала. А животные на ферме были слишком молоды, и людоедка могла обнаружить обман.

Страшно боясь прогневить людоедку, повар решился-таки убить молодую королеву. Настроившись решительно, он ворвался к ней в комнату. Но увидев прекрасную королеву, он решил рассказать ей все.

— Делай, как тебе введено! — сказала ему королева, гордо подняв голову. — Я с радостью умру, чтобы на том свете наконец-то встретиться с моими несчастными съеденными детьми.

Она не знала, что ее дети живы и здоровы. Ее храбрость обезоружила повара.

— О, нет, моя госпожа! — воскликнул он. — Я не могу сделать это. Вам не нужно умирать, чтобы увидеться со своими детьми. Я их надежно спрятал, и вас я спрячу тоже. А злой королеве вместо вас приготовлю на обед дикого оленя.

Он спрятал королеву на сеновале, а людоедке приготовил молодого оленя, которого та съела с огромным удовольствием. Старая карга решила, что когда вернется ее сын, она скажет, будто бы бешеные волки загрызли всю его семью.

Однажды она прогуливалась по двору и проходила мимо сеновала. Вдруг она услышала доносящийся оттуда детский смех и знакомый женский голос, успокаивающий детей. Без сомнения, это была молодая королева со своими детьми. Людоедка впала в бешенство, оттого что ее обманули.

Она закричала диким голосом:

— Найдите самую большую и глубокую бочку в королевстве. Поставьте ее во внутреннем дворе и к утру заполните ее ядовитыми змеями, жабами, ящерицами и ехиднами. Бросьте туда молодую королеву с детьми и поваром. Я хочу посмотреть, как они будут умирать там в страшных муках.

На следующий день людоедские слуги приготовились бросить королеву с детьми и поваром в кишашую извивающимися змеями и отвратительными жабами бочку.

Но вдруг ворота замка распахнулись и в них въехал молодой король, вернувшийся с

войны.

— Что это у вас тут готовится? — воскликнул он в изумлении.

Никто не посмел сказать ему правду, все стояли молча, потупив глаза. Старая людоедка поняла, что сейчас все ее фокусы станут известны, и со злости, что она не добилась своего, прыгнула в бочку, где ее тут же разорвали на части отвратительные ползучие твари.

Король поначалу опечалился, но потом, узнав все, утешился и стал жить счастливо со своей прекрасной женой и двумя очаровательными детьми.

ОСЛИНАЯ ШКУРА

Шарль Перро

Жил да был удачливый в делах, сильный, смелый, добрый король со своей прекрасной женой королевой. Его подданные обожали его. Его соседи и соперники преклонялись перед ним. Его жена была очаровательна и нежна, а их любовь была глубока и искренна. У них была единственная дочь, красота которой равнялась добродетели.

Король с королевой любили ее больше жизни.

Роскошь и изобилие царили во дворце повсюду, советники короля были мудры, слуги — трудолюбивы и верны, конюшни были полны самыми породистыми лошадьми, подвалы — неисчислимыми запасами еды и питья.

Но самое удивительное заключалось в том, что на самом видном месте, в конюшне, стоял обыкновенный серый длинноухий осел, которого обслуживали тысячи расторопных слуг. Это была не просто причуда короля. Дело заключалось в том, что вместо нечистот, которыми должна бы быть усеяна ослиная подстилка, каждое утро она была усыпана золотыми монетами, которые слуги ежедневно собирали. Так прекрасно шла жизнь в этом счастливом королевстве.

И вот однажды королева заболела. Съехавшиеся со всего света ученые искусные доктора не могли вылечить ее. Она чувствовала, что приближается ее смертный час. Позвав короля, она сказала:

— Я хочу, чтобы вы исполнили мое последнее желание. Когда после моей смерти вы женитесь...

— Никогда! — отчаянно перебил ее впавший в горе король.

Но королева, мягко остановив его жестом руки, продолжала твердым голосом:

— Вы должны жениться вновь. Ваши министры правы, вы обязаны иметь наследника и должны обещать мне, что дадите согласие на брак только в том случае, если ваша избранница будет красивее и стройнее меня. Обещайте же мне это, и я умру спокойно.

Король торжественно пообещал ей это, и королева скончалась с блаженной уверенностью, что нет на свете другой такой же красивой, как она.

После ее смерти министры сразу же стали требовать, чтобы король женился вновь. Король не хотел и слышать об этом, горюя целыми днями об умершей жене. Но министры не отставали от него, и он, поведав им последнюю просьбу королевы, сказал, что женится, если найдется такая же красивая, как она.

Министры стали подыскивать ему жену. Они навестили все семьи, где были дочки на выданье, но ни одна из них по красоте не могла сравниться с королевой.

Однажды, сидя во дворце и горюя по умершей жене, король увидел в саду свою дочь, и мрак застил ему разум. Она была красивее своей матери, и обезумевший король решил жениться на ней.

Он сообщил ей о своем решении, и она впала в отчаянье и слезы. Но ни что не могло изменить решение безумца.

Ночью принцесса села в карету и отправилась к своей крестной матери Сирень-Волшебнице. Та успокоила ее и научила, что делать.

— Выйти замуж за своего отца — большой грех, — сказала она, — поэтому мы сделаем

так: ты не станешь ему перечить, но скажешь, что хочешь получить в подарок перед свадьбой платье цвета небосвода. Это невозможно сделать, он нигде не сможет найти такого наряда.

Принцесса поблагодарила волшебницу и поехала домой.

На следующий день она сказала королю, что согласится на брак с ним только после того, как он достанет ей платье, не уступающее по красоте небосводу. Король немедленно созвал всех самых искусных портных.

— Срочно сшейте для моей дочери такое платье, в сравнении с которым померк бы голубой небесный свод, — приказал он. — Если вы не выполните мой приказ, то вас всех повесят.

Вскоре портные принесли готовое платье. На фоне голубого небесного свода плыли легкие золотые облака. Платье было так прекрасно, что рядом с ним меркло все живое.

Принцесса не знала, что делать. Она опять отправилась к Сирень-Волшебнице.

— Потребуй платье цвета месяца, — сказала крестная.

Король, услышав от дочери эту просьбу, опять немедленно созвал самых лучших мастеров и таким грозным голосом отдал им распоряжение, что они сшили платье буквально на следующий день. Это платье было еще лучше прежнего. Мягкий блеск серебра и камней, которыми оно было расшито, так расстроил принцессу, что она в слезах скрылась в своей комнате. Сирень-Волшебница опять пришла на помощь крестнице:

— Теперь потребуй от него платье цвета солнца, — сказала она, — по крайней мере, это займет его, а мы тем временем придумаем что-нибудь.

Влюбленный король, не колеблясь, отдал все бриллианты и рубины, чтобы украсить это платье. Когда портные принесли и развернули его, все придворные, видевшие его, сразу ослепли, так ярко оно сияло и переливалось. Принцесса, сказав, что от яркого блеска у нее разболелась голова, убежала в свою комнату. Появившаяся вслед за ней волшебница была крайне раздосадована и обескуражена.

— Ну, а теперь, — сказала она, — наступила самая переломная минута в твоей судьбе. Попроси у отца шкуру его любимого знаменитого осла, который снабжает его золотом. Вперед, моя дорогая!

Принцесса высказала королю свою просьбу, и тот, хотя понимал, что это безрассудный каприз, не колеблясь отдал распоряжение убить осла. Бедное животное убили, а его шкуру торжественно преподнесли онемевшей от горя принцессе. Стеная и рыдая, она бросилась в свою комнату, где ее ожидала волшебница.

— Не плачь, дитя мое, — сказала она, — если ты будешь храброй, горе сменится радостью. Завернись в эту шкуру и уходи отсюда. Иди, пока идут твои ноги и тебя несет земля: Бог не оставляет добродетель. Если ты все сделаешь, как я велю, Господь даст тебе счастье. Ступай. Возьми мою волшебную палочку. Вся твоя одежда будет следовать за тобой под землей. Если ты захочешь что-нибудь надеть, стукни палочкой дважды по земле, и явится то, что тебе нужно. А теперь поспеши.

Принцесса надела на себя безобразную ослиную шкуру, вымазалась печной сажой и, никем не замеченная, выскользнула из замка.

Король был взбешен, когда обнаружил ее исчезновение. Он разослал во все стороны сто девяносто девять солдат и тысячу сто девяносто девять полицейских, чтобы отыскать принцессу. Но все было напрасно.

Тем временем принцесса бежала и бежала все дальше, ища место для ночлега. Добрые

люди давали ей еду, но она была такая грязная и страшная, что никто не хотел принять ее к себе в дом.

Наконец она попала на большую ферму, где искали девочку, которая бы стирала грязные тряпки, мыла свиные корыта и выносила помои, словом, делала бы всю черную работу по дому. Увидев грязную безобразную девочку, фермер предложил ей наняться к нему, считая, что это как раз ей подходит.

Принцесса была очень рада, она усердно трудилась день-деньской среди овец, свиней и коров. И скоро, несмотря на ее уродство, фермер с женой полюбили ее за трудолюбие и усердие.

Однажды, собирая в лесу хворост, она увидела в ручье свое отражение. Мерзкая ослиная шкура, надетая на нее, привела ее в ужас. Она быстро помылась и увидела, что ее прежняя красота вернулась к ней. Возвращаясь домой, она опять вынуждена была надеть противную ослиную шкуру.

На следующий день был праздник. Оставшись одна в своей каморке, она достала волшебную палочку и, дважды стукнув ею по полу, вызвала к себе сундук с платьями. Вскоре, безукоризненно чистая, роскошная в своем платье цвета небосвода, вся в бриллиантах и кольцах, она любовалась собой в зеркале.

В это же время королевский сын, которому принадлежала эта местность, поехал на охоту. На обратном пути, уставший, он решил остановиться отдохнуть на этой ферме. Он был молод, красив, прекрасно сложен и добр сердцем. Жена фермера приготовила ему обед. После еды он пошел осматривать ферму. Зайдя в длинный темный коридор, он увидел в глубине его маленькую запертую каморку и посмотрел в замочную скважину. Удивлению и восхищению его не было предела. Он увидел такую прекрасную и богато одетую девушку, какой не видел даже во сне. В ту же минуту он влюбился в нее и поспешил к фермеру узнать, кто эта прекрасная незнакомка. Ему ответили, что в каморке живет девушка Ослиная Шкура, названная так потому, что она грязная и мерзкая до такой степени, что никто даже не может смотреть на нее.

Принц понял, что фермер и его жена ничего не знают об этой тайне и расспрашивать их бессмысленно. Он возвратился к себе домой в королевский дворец, но образ прекрасной божественной девушки постоянно терзал его воображение, не давая ни минуты покоя. От этого он занемог и слег в ужасной горячке. Доктора были бессильны ему помочь.

— Возможно, — говорили они королеве, — вашего сына терзает какая-то ужасная тайна.

Взволнованная королева поспешила к сыну и стала умолять его поведать ей причину его горести. Она пообещала исполнить любое его желание.

— Матушка, — отвечал ей принц слабым голосом, — на ферме недалеко отсюда живет страшная дурнушка по прозвищу Ослиная Шкура. Я хочу, чтобы она лично приготовила мне пирог. Может быть, когда я отведаю его, мне станет легче.

Удивленная королева стала расспрашивать своих придворных, кто такая Ослиная Шкура.

— Ваше Величество, — объяснил ей один из придворных, который был однажды на этой дальней ферме. — Это ужасная, гнусная, чернокожая дурнушка, которая убирает навоз и кормит помоями свиней.

— Неважно, какая она, — возразила ему королева, — может быть, это и странный каприз моего больного сына, но раз он хочет этого, пусть эта Ослиная Шкура самолично

испечет для него пирог. Вы должны быстро доставить его сюда.

Через несколько минут скороход доставил королевский приказ на ферму. Услышав это. Ослиная Шкура очень обрадовалась такому случаю. Счастливая, она поспешила в свою каморку, заперлась в ней и, умывшись и одевшись в красивую одежду, принялась готовить пирог. Взяв самую белую муку и самые свежие яйца с маслом, она начала месить тесто. И тут, случайно или нарочно (кто знает?), у нее с пальца соскользнуло кольцо и упало в тесто. Когда пирог был готов, она напялила свою уродливую засаленную ослиную шкуру и отдала пирог придворному скороходу, который поспешил с ним во дворец.

Принц с жадностью начал есть пирог, и вдруг ему попало маленькое золотое колечко с изумрудом. Теперь он знал, что все, что он увидел, не было сном. Колечко было такое маленькое, что могло налезть только на самый хорошенький пальчик на свете.

Принц постоянно думал и мечтал об этой сказочной красавице, и его опять схватила горячка, да еще с гораздо большей силой, чем раньше. Как только король с королевой узнали, что их сын совсем тяжело заболел и нет надежды на его выздоровление, они в слезах прибежали к нему.

— Мой дорогой сын! — вскричал опечаленный король. — Скажи нам, чего ты желаешь? Нет на свете такой вещи, которую бы мы не достали для тебя.

— Мой любезный отец, — отвечал принц, — посмотрите на это колечко, оно даст мне выздоровление и исцелит меня от печали. Я хочу жениться на девушке, которой это колечко будет впору, и неважно кто она — принцесса или самая бедная крестьянка.

Король бережно взял колечко. Тотчас он разослал сотню барабанщиков и глашатаев, чтобы всех оповестили о королевском указе: та девушка, на пальчик которой наденется золотое колечко, станет невестой принца.

Сначала явились принцессы, потом пришли герцогини, баронессы и маркизы. Но никто из них не смог надеть кольцо. Крутили пальцами и старались натянуть кольцо актрисы и белошвейки, но их пальцы были слишком толстыми. Затем дело дошло до горничных, кухарок и пастушек, но и их постигла неудача.

Об этом доложили принцу.

— А приходила ли примерять колечко Ослиная Шкура?

Придворные захохотали и отвечали, что она слишком грязна, чтобы появиться во дворце.

— Найдите ее и приведите сюда, — распорядился король, — колечко должны примерить все без исключения.

Ослиная Шкура слышала бой барабанов и крики глашатаев и поняла, что это ее колечко вызвала такую суматоху.

Как только она услышала, что в ее дверь стучат, она вымылась, причесалась и красиво оделась. Затем накинула на себя шкуру и открыла дверь. Посланные за ней придворные с хохотом повели ее во дворец к принцу.

— Это вы живете в маленькой каморке в углу конюшни? — спросил он.

— Да, Ваше Высочество, — ответила замарашка.

— Покажите мне вашу руку, — попросил принц, испытывая небывалое прежде волнение. Но каково же было изумление короля с королевой и всех придворных, когда из-под грязной вонючей ослиной шкуры высунулась маленькая белая ручка, на пальчик которой без труда скользнуло золотое колечко, оказавшееся впору. Принц упал перед ней на колени. Бросившись поднимать его, замарашка наклонилась, ослиная шкура соскользнула с нее, и

всем предстала девушка такой восхитительной красоты, которая бывает только в сказках. Одетая в платье цвета солнца, она вся блистала, ее щекам позавидовали бы самые лучшие розы королевского сада, а ее глаза цвета голубого неба блестели ярче самых крупных бриллиантов королевской казны. Король сиял. Королева захлопала в ладоши от радости. Они стали умолять ее выйти замуж за их сына.

Не успела принцесса ответить, как с небес спустилась Сирень-Волшебница, расточая вокруг нежнейший аромат цветов. Она поведала всем историю Ослиной Шкуры. Король с королевой были безмерно счастливы, что их будущая невестка происходит из такого богатого и знатного рода, а принц, услышав о ее храбрости, влюбился в нее еще сильнее.

В разные страны полетели приглашения на свадьбу. Первому послали приглашение отцу принцессы, но не написали, кто невеста. И вот наступил день свадьбы. Со всех сторон съехались на нее короли и королевы, принцы и принцессы. Кто приехал в золоченых каретах, кто на огромных слонах, свирепых тиграх и львах, кто прилетел на быстрых орлах. Но самым богатым и могущественным явился отец принцессы. Он приехал со своей новой женой красивой вдовой королевой. С огромной нежностью и радостью он узнал свою дочь и тотчас благословил ее на этот брак. В качестве свадебного подарка он объявил, что его дочь с этого дня правит его королевством.

Три месяца продолжалось это знаменитое пиршество. А любовь молодого принца с молодой принцессой продолжалась долго-долго, пока в один прекрасный день не умерла вместе с ними.

МАРЬЯ МОРЕВНА

Русская сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай при себе не держи долго!

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцом и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю — пусть с Богом идет!

Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит царевич. Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился об пол и сделался добрым молодцом:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом.

И посватал он Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем во зеленом саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцом: прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно. «Пойду, говорит, искать сестриц». Собрался в дорогу, шел, шел и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побил Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу

Марья Моревна, прекрасная королева:

— Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят!

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королеве на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих! — и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу:

— Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шуринок мой любезный! Как тебя Господь милует?

Выбежала Марья-царевна, ветрела Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучшего первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет.

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька

и говорит:

— Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцом и закричал:

— Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет.

Выбежала Анна-царевна, ветрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали, а Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ну, говорит, первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

— Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет сжать-смолотить, вина наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны как ушей своих!

Отнял ее и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали, как надобно. Ворон брызнул мертвой водою — тело срослось, съединилось; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятя. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать. Кощей сказал:

— За тридевять земель в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за это баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, делается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не

пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка.

— Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажио тошно стало!

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрел голодный, шел, шел — стоит дом баба-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Пошто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчат твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойдя в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга уснула, а самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга чебурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебя Бог сохранил?

— Так и так, говорит. Поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощей Бессмертного и разможил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклац царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощей Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попиrowали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

КУЗЬМА И ЛИС

Японская сказка

Жил-был фермер с женой, и был у них сынок по имени Кузьма. Мальчик он был хороший, да только ленивый, никак не хотел работать. Однажды жена фермера сказала:

— Не нужен нам такой ленивец, пусть идет и попытает счастья на стороне.

Фермер согласился и отвел Кузьму в лес. Он построил ему хижину и дал старую лошадь, пять цыплят и глупого петуха.

Там Кузьма и жил, день за днем проводя в безделье. Однажды к хижине подошел лис, учуяв запах цыплят. И когда Кузьма ушел на охоту, он пробрался в хижину и стащил одного цыпленка. Вернувшись с охоты Кузьма очень удивился: что за вор побывала его домике? На следующий день он опять отправился на охоту и по пути встретил лиса. Хитро улыбаясь, лис поинтересовался:

— Как идет охота?

— Отлично, — ответил Кузьма.

— Желаю удачи, — ухмыляясь, пожелал лис. Затем он быстро побежал к хижине и украл еще одного цыпленка. Вернувшись домой и обнаружив пропажу еще одного цыпленка, Кузьма очень огорчился: «Может быть, это проделки лиса?» подумал он.

На другой день он, перед тем как уйти, запер все окна и двери. По пути он опять встретил лиса. Хитрый лис опять поинтересовался, как идет охота и, пожелав Кузьме удачи, стремглав бросился к хижине. Но как он ни пытался пролезть в дом, он не мог: окна и двери были крепко закрыты. Вдруг он увидел на крыше печную трубу и решил проникнуть в дом через дымоход.

А Кузьма в это время на охоту не пошел, а притаился в кустах и все видел.

— Ну, теперь уж я поймаю тебя, противный воришка! — закричал Кузьма. — Сейчас я тебе задам!

— О, пожалуйста, добренький Кузьма, не убивай меня, — запричитал лис жалостливым голосом. — Теперь тебе не придется работать. Все, что тебе нужно будет сделать, это заплатить мне вперед за мою работу. Зажарь мне в свежем сливочном масле самого толстого цыпленка.

Кузьма, пораскинув умом, решил рискнуть. Он зажарил цыпленка и досыта накормил лиса. Наевшись, лис сказал:

— За этим лесом расположено королевство короля Громовержца и королевы Молнии. У них есть дочь — красавица из красавиц. Она добра, богата и вскоре станет твоей женой.

— Что-что? Принцесса выйдет за меня замуж?! — захохотал Кузьма.

— Вот увидишь! — сказал лис. — Я дал тебе слово и сдержу его.

И лис побежал прямо в королевский дворец. Вбежав в тронный зал, лис учтиво поклонился и вежливо сказал:

— Приветствую вас. Ваше Высочество король Громоовежец и королева Молния.

— Здравствуй, маленький лис, — ответил король. — Что тебе нужно?

— Я пришел к вам со сватовством. У вас есть прекрасная девушка, а у меня отличный жених для нее.

— Но почему он не пришел сам? С ним что-нибудь случилось? — спросил король,

удивившись учтивости лиса.

— Сейчас он не может покинуть свои владения, — отвечал лис. — Он правит всеми дикими зверями и должен за ними следить.

— Странное занятие для моего будущего зятя, — сказал король. — Пусть он пришлет мне сорок раз по сорок волков. Тогда, может быть, я и соглашусь выдать свою дочь за него замуж.

Лис побежал в самую гущу леса. Там он начал весело распевать песню о том, как сытно он сегодня поел.

Услышав эту песню, к лису подошел волк и спросил, где это ему удалось так хорошо пообедать?

— Я был на королевском банкете для зверей, — сказал лис. — Почему ты не пришел туда? Я никогда не видел столь ко вкуснятины и такого количества зверей, явившихся туда.

— Как я люблю пиршества, — мечтательно произнес волк. — Возьми меня туда с собой в следующий раз.

— Хорошо, — сказал лис, — Но королевский повар не будет готовить ужин для одного. Он готовит обычно для целой стаи. Завтра в полдень приведи сюда ко мне сорок раз по сорок волков, и мы все вместе пойдем во дворец. Мы отлично проведем там время.

На следующий день в лесу в назначенном месте собралась огромная стая волков. Лис повел их во дворец, выстроив в шеренгу по сорок.

— Ваше Сомневающееся Высочество, — сказал он. — Здесь то, что вы просили. Сосчитайте их. Ваш будущий зять посылает их вам, в знак своего уважения.

— Спасибо, — сказал польщенный король. — Загоните их на скотный двор. Я вижу, что у моего будущего зятя отличные звери. Почему бы ему не прислать мне в подарок такое же количество медведей?

Лис побежал к Кузьме и сказал:

— Я голоден. Чтобы мои замыслы удались, я должен выглядеть сытым. Зарежь мне еще одного цыпленка на ужин, пожалуйста.

Наевшись, лис побежал в королевский лес. Он развалился под деревом и стал громким голосом распевать о том, как сытно он сегодня наелся. Его песню услышал медведь и подошел узнать у него, где это он побывал.

— Ты такой толстый, сразу видно, что сытно поел, — сказал медведь. Где это тебе удалось?

— Я только что вернулся с королевского банкета для зверей, — сказал лис, облизывая свои лапы. — Какая жалость, я уже не мог съесть ни крошечки. А банкет еще продолжается.

— Вот это да! — мечтательно сказал медведь. — А медведи могут пойти на банкет?

— Если со мной, то, конечно, — сказал лис. — Но дело в том, что королевский повар готовит только для целой стаи. Давай встретимся завтра. Ты захвати с собой сорок раз по сорок медведей, а я отведу вас во дворец.

На следующий день ровно тысяча шестьсот медведей ждали лиса на поляне. Лис повел их во дворец, построив в шеренгу по сорок. Зайдя в тронный зал, лис, поклонившись королю, сказал:

— Ваше Высочество, медведи прибыли.

— Отлично, — сказал король и велел слугам отвести зверей на скотный двор. — Ну, а теперь я хочу получить сорок раз по сорок норок и тогда сразу же объявлю о свадьбе.

Лис опрометью помчался к Кузьме.

— Покоорми меня еще раз, — попросил он. — Я должен выглядеть упитанным, чтобы нам повезло в наших делах.

Кузьма зажарил ему последнего цыпленка и глупого петуха. Лис, наевшись, побежал опять в королевский лес. Он, повалившись под деревом, опять заголосил песню о том, как он отлично наелся сегодня. Вскоре перед ним появилась норка и спросила, где это ему удалось сегодня поесть?

— Сегодня на королевском банкете для зверей. Было множество блюд из форели, — сказал лис.

— А почему же не пригласили меня? — удивилась норка.

— Не знаю, — ответил лис, — но завтра опять будет банкет по случаю бракосочетания королевской дочери. Если хочешь я отведу тебя во дворец. Но чтобы было веселее, возьми с собой сорок раз по сорок норок.

На следующий день, выйдя из дворца, король увидел шествующих на скотный двор сорок раз по сорок норок. Он сказал лису:

— Завтра будет официально объявлено о помолвке моей дочери с твоим господином. Скажи ему, что я приглашаю его на обед по этому случаю.

На следующий день лис явился к королю и с озабоченным видом сказал:

— Мой господин очень извиняется, что не сможет сегодня явиться к вам.

— Почему? — спросил король.

— Он хотел преподнести в подарок половину своего золота, но у него не нашлось достаточно больших емкостей, чтобы взвесить его. Если вы можете одолжить ему свои огромные корзины для взвешивания, дело пойдет быстрее.

— Корзины? — изумился король. — Хорошо, возьми их.

Он был в восторге от того, что у него будет зять, который меряет золото корзинами. На следующий день лис опять прибежал во дворец и сказал:

— Ваше Высочество, ваш будущий зять сегодня прибудет к вам. Он решил привезти все свое золото, а вы возьмете столько, сколько вам захочется.

Король радостно захлопал в ладоши. Лис побежал в хижину Кузьмы.

— Свершилось! — еще с порога закричал он. — Сегодня ты должен жениться на дочери короля Громовержца и королевы Молнии. Готовься, сейчас едем.

— Ты уверен, что ты не сошел с ума? — спросил Кузьма. — Как я могу поехать к королю? У меня даже нет хорошей одежды!

— Не думай об этом, — сказал лис. — Седлай свою старую клячу и захвати с собой пилу. Остальное предоставь мне.

Кузьма послушался лиса. Он сел на свою старую лошадь и поехал за лисом. Доехав до моста через реку, лис сказал Кузьме:

— Видишь столбы, которые держат мост? Пойди и подпили их.

Кузьма исполнил его приказание, и подпиленный мост рухнул в реку.

— Теперь, — сказал лис, — раздевайся. Отправь свою лошадь домой и утопи в реке свои лохмотья. Стой в воде, пока твоя кожа не посинеет. Затем вскарабкайся вон на то бревно, плывущее по течению, и жди меня. Это последняя работа в; твоей жизни, я обещаю тебе это.

Кузьма почесал в недоумении за ухом, однако все исполнил в точности.

Лис помчался во дворец, громко вопя:

— Караул!!! Караул!!! Ваше добрейшее Высочество! Помогите! Какая ужасная трагедия!

Все потеряно, он погибает!

— Что случилось? — закричал король.

— Вы знаете мост через реку, недалеко от вашего дворца? Он рухнул! Он не выдержал огромного количества золота, которое вез вам ваш будущий зять. Мой господин упал в воду. Золото, лошади, слуги — все утонуло, причитал лис.

Король пришел в ужас от происшедшего, ему было также очень стыдно за свой старый мост. Он послал слуг с сухой одеждой для своего будущего зятя.

Слуги нашли Кузьму, едва живого от холода. Они растерли его душистыми мазями и одели в королевские одежды.

Когда король увидел Кузьму — статного и красивого в роскошных одеждах, он крепко обнял его. Он пообещал ему срочно сделать новый мост и попросил прощения за то, что стал виновником его несчастья. Кузьма милостиво простил его.

Зазвенели колокола, засверкал фейерверк, и Кузьма женился на дочери короля и зажил счастливо. Лиса он взял с собой во дворец и до конца дней его кормил жареными цыплятами на свежем сливочном масле.

КОТ В САПОГАХ

Шарль Перро

Было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и кота.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили все их небогатое наследство. Старшему досталась мельница. Среднему — осел. Ну, а уж младшему пришлось взять себе кота.

Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

— Братья могут честно заработать себе на хлеб, — говорил он. — А что станется со мной после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть помирай с голоду.

Кот услышал эти слова, но виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

— Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок, да закажите пару сапог, чтобы легче было бродить по лесу, и вы увидите, что вас не так уж и обделили, как вам это сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался этот плут, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мертвым, то повиснув на задних лапках, то зарывшись чуть ли не головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва кот получил все, что ему было надобно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в Заповедный лес, где водилось много кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мертвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь глупый кролик, еще не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберется в мешок, чтобы полакомиться припасенным для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький доверчивый простачок-кролик сразу же прыгнул в мешок.

Недолго думая, кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приема у короля.

Его ввели в королевские покои. Он отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

— Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

— Поблагодари своего господина, — ответил король, — и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошел на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнурки на мешке и понес обеих к королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал наградить кота.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз кот узнал, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

— Согласны вы послушаться моего совета? — спросил он своего хозяина. — В таком случае счастье у вас в руках. Все, что от вас требуется, — это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил все, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно. В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился к ней и закричал что было мочи:

— Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал свою стражу выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у его господина во время купанья воры украли все до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным принести для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и впору, и к лицу, а так как маркиз и без того был хоть куда — красивый и статный, — то, приодевшись, он, конечно, стал еще лучше, и королевская дочка, поглядев на него, нашла, что он как раз в ее вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в ее сторону два-три взгляда, очень почтительных и в то же время нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу ее молодой маркиз тоже пришелся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге оттого, что все идет как по маслу, и весело побежал перед каретой.

По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

— Эй, люди добрые, — крикнул он на бегу, — если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят на куски, словно начинку для пирога! Так и знайте!

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

— Чей это луг вы косите?

— Маркиза де Карабаса! — в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

— Однако, маркиз, у вас тут славное именье! — сказал король.

— Да, государь, этот луг каждый год дает отличное сено, — скромно ответил маркиз.

А между тем кот бежал все вперед и вперед, пока не увидел по дороге жнецов, работающих в поле.

— Эй, добрые люди, — крикнул он, — если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: вас всех изрубят в куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи поля они жнут.

— Поля маркиза де Карабаса, — ответили жнецы.

И король опять порадовался за господина маркиза.

А кот все бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «это мельница маркиза де Карабаса», «это сад маркиза де Карабаса». Король не мог надивиться богатству молодого маркиза.

И вот, наконец, кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан-людоед. Никто на свете никогда не видел великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чем его сила, и попросил допустить к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

— Меня уверяли, — сказал кот, — что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться в льва или слона...

— Могу! — рявкнул великан. — И, чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом. Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хоть это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по черепице.

Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

— А еще меня уверяли, — сказал он, — но уж этому-то я никак не могу поверить, что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

— Ах вот как! Невозможным? — переспросил великан. — А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение великан превратился в мышь. Мышка проворно забегала по полу, но кот погнался за ней и разом проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил по пути прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъемном мосту колеса королевской кареты и, выбежав навстречу, сказал королю:

— Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

— Как, господин маркиз?! — воскликнул король. — Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повел ее вслед за королем, который, как полагается, шел впереди.

Все втроем они вошли в большой зал, где был приготовлен великолепный ужин.

Как раз в этот день людоед пригласил к себе приятелей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина де Караба — почти так же, как его дочка, которая была от маркиза просо без ума.

Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

— Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я —

согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот стал знатным вельможей и с тех пор охотился на мышей только изредка — для собственного удовольствия.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Русская сказка

В старые годы у одного царя было три сына. Вот когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

— Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

— Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

— Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла ее купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шел, шел, дошел до болота, видит — сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

— Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

— Возьми меня замуж!

— Что ты, как я возьму в жены лягушку?

— Бери, знать судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего — на купеческой, а несчастного Ивана-царевича — на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

— Хочу посмотреть, которая из ваших жен лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

— Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

— Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушачью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а рубашка уж лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в

это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял ее и сказал:

— Эту рубашку в черной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

— В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами.

Царь только взглянул:

— Ну, вот это рубашка — в праздник ее надевать.

Пошли братья по домам — те двое — и судят между собой.

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитрая колдунья.

Царь опять позвал сыновей.

— Пускай ваши жены испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришел домой. Лягушка его спрашивает:

— Что закручинился?

Он отвечает:

— Надо к завтраму испечь царю хлеб.

— Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

А хитрая лягушка это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

— Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жены-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

— Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трем своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

— Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово неприветливое?

— Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришел с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

— Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук

да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошел один. Вот старшие братья приехали с женами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные — пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье — частые звезды, на голове — месяц ясный, такая красавица — ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берет она Ивана-царевича за руку и ведет за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены больших-то царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась всем на диво. Махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом — только гостей забрызгали; махнули другим — только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашел там лягушачью кожу и бросил ее в печь, сжег на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась — нет лягушачьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал? Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошел куда глаза глядят — искать жену, Василису Премудрую. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссек. Попадается ему навстречу старичок.

— Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про свое несчастье. Старичок говорит ему:

— Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушачью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старичка и пошел за клубочком. Клубок катится, он за ним идет. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше. Бежит косою заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь!

Пожалел он зайца, пошел дальше. Подходит к синему морю и видит — на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

— Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошел дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошел в нее и видит — на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему баба-яга. Дело пытаешь или от дела пытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде накормила, напоила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга в бане его выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю, — говорит ему баба-яга, — твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее будет достать, нелегко с Кошеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный как свой глаз бережет.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит — стоит, шумит высокий дуб, на нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц — и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на нее селезень кинулся; как ударит ее — утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами — где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у нее конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею умереть.

Иван-царевич пошел в Кошечьи палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

ДЮЙМОВОЧКА

Ганс Христиан Андерсен

Жила-была женщина; очень ей хотелось иметь ребенка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

— Мне так хочется иметь ребеночка; не скажешь ли ты, где мне его достать?

— Отчего же! — сказала колдунья. — Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок — увидишь, что будет!

— Спасибо! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были еще плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой славный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

Что-то щелкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом стульчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая всего с дюйм ростом, ее и прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была ее колыбелью, голубые фиалки — матрацем, а лепесток розы — одеяльцем; в эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днем она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нем Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую; вместо весел у нее были два белых конских волоса. Все это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоса никто еще не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепестком Дюймовочка.

— Вот и жена моему сынку! — сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел прелестную крошку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Она еще проснется, пожалуй, да убежит от нас, — сказала старуха жаба. — Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка ее посередине реки на широкий лист кувшинки — это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока приберем там, внизу, наше гнездышко. Вам ведь в нем жить да поживать.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был дальше всего от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидела, куда она попала, и горько заплакала: со

всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала свое жилище тростником и желтыми кувшинками — надо же было приукрасить все для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, что бы взять прежде всего ее хорошенькую кроватку и поставит в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одинешенька на зеленом листе и горько-горько плакала, — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели ее, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше... Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла мимо разных прелестных местечек, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав ее, пели:

— Какая хорошенькая девочка!

А листок все плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг нее и наконец уселся на листок — уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать ее, а вокруг все было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук, увидел девочку, обхватил ее за тонкую талию лапкой и унес на дерево, а зеленый листок поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотылька, которого она привязала к листку: ему придется теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зеленый лист, покормил ее сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем непохожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, и жучки-барышни шевелили усиками и говорили:

— У нее только две ножки! Жалко смотреть!

— У нее нет усиков!

— Какая у нее тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! — сказали в один голос все жуки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принес ее, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашел, что она безобразна, и не захотел больше держать ее у себя — пусть идет куда хочет. Он слетел с нею с дерева и посадил ее на

ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать ее у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим созданием: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка о дна-одинешенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила ее под большой лопушиный лист — там дождик не мог достать ее. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной и холодной. Все певуны птички разлетелись, кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мерзла от холода: платьице ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — замерзай, да и все тут! Пошел снег, и каждая снежинка была для нее то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мерзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зёрнами; кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна — она два дня ничего не ела!

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха. — Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

— Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

— Скоро, пожалуй, у нас будут гости, — сказала как-то полевая мышь. Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живет еще куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; но ты расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа — ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришел в гости к полевой мыши. Правда, он носил черную бархатную шубку, был очень богат и учен; по словам полевой мыши, помещение у него было раз в двадцать просторнее, чем у нее, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно — он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот прямо-таки в нее влюбился. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землей длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мертвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта в землю как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте это ведь все равно, что свечка, — и пошел

вперед, освещая длинную темную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мертвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробился дневной свет. В самой середине галереи лежала мертвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу, лапки и головка спрятаны в перышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль ее, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своей короткой лапой и сказал:

— Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава Богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет чирикать — поневоле замерзнешь зимой!

— Да, да, правда ваша, умные слова приятно слышать, — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки. «Может быть, эта та самая, которая так чудесно распевала летом! — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой славный ковер, снесла его в галерею и завернула в него мертвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

— Прощай, миленькая птичка, — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась — внутри что-то застучало. Это забилося сердечко птицы: она не умерла, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в теплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадет замертво на землю, и ее засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга — птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, — но все-таки собралась с духом, еще больше закутала ласточку, потом сбегала принесла листок мяты, которым закрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, — другого фонаря у нее не было.

— Благодарю тебя, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала девочка, — теперь так холодно, идет снег! Остайся лучше в своей теплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крыло о терновый куст и поэтому не смогла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Как упала на землю и... да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда — не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрощалась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, — пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес! Но Дюймовочка не захотела бросить полевую мышь — она ведь знала, что старуха очень огорчится.

— Нет, нельзя! — сказала девочка ласточке.

— Прощай, прощай, милая добрая крошка! — сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у нее даже слезы навернулись на глазах, — уж очень полюбилась ей бедная птичка.

— Кви-вить, кви-вить! — прощбетала птичка и скрылась в зеленом лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так все заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

— Летом тебе придется готовить себе приданое! — сказала ей полевая мышь. Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

— Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чем нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырех пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и все только и болтал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю, — а то она совсем уж как камень стала, — и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер на закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» — думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зеленом лесу!

К осени Дюймовочка приготовила все свое приданое.

— Через месяц твоя свадьба! — сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Пустяки! — сказала старуха мышь. — Только не капризничай, а то я укушу тебя — видишь, какой у меня белый зуб? У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодарите Бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришел за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не выходить на солнце, — крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распрощаться с красным солнышком! У полевой мыши она все-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала

ему:

— Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь ее!

— Кви-вить, кви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за противного крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглянет солнышко.

— Скоро придет холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину — только привяжи себя покрепче поясом, — и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, в теплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка, села птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми прелестями, которые встречались в пути.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, а около канав и изгородей рос зеленый и черный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше и дальше, и чем дальше, тем было все лучше. На берегу красивого голубого озера, среди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнезда. В одном из них и жила ласточка, что принесла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты чудесно заживешь!

— Вот было бы хорошо! — сказала крошка и хлопала в ладоши.

Внизу лежали большие куски мрамора, — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, между ними росли крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке живет эльф, мальчик или девочка, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

— Ах, как он хорош! — шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему просто чудовищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, — он никогда еще не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел ее Дюймовочке на голову и спросил, как ее зовут и хочет ли она быть его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Вот это так муж! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльфы —

мальчики и девочки — такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! Вот-то была радость! А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и пела им, как только умела.

ТРИ АПЕЛЬСИНА

Итальянская сказка

По всей Италии рассказывают историю о трех апельсинах. Но вот удивительно — в каждой местности ее рассказывают по-своему. Но Генуэзцы говорят одно, неаполитанцы — другое, сицилийцы — третье. А мы выслушали все эти сказки и теперь знаем, как все случилось на самом деле.

Жили когда-то король и королева. Был у них дворец, было королевство, были, конечно, и подданные, а вот детей у короля и королевы не было.

Однажды король сказал:

— Если бы у нас родился сын, я поставил бы на площади перед дворцом фонтан. И била бы из него не вино, а золотистое оливковое масло. Семь лет приходили бы к нему женщины и благословляли бы моего сына.

Скоро у короля и королевы родился прехорошенький мальчик. Счастливые родители выполнили свой обет, и на площади забили два фонтана. В первый год фонтаны вина и масла вздымались выше дворцовой башни. На следующий год они стали пониже. Словом, королевский сын, что ни день, становился больше, а фонтаны — меньше.

На исходе седьмого года фонтаны уже не били, из них по капле сочилось вино и масло.

Как-то королевский сын вышел на площадь поиграть в кегли. А в это самое время к фонтанам притащилась седая сгорбленная старушонка. Она принесла с собой губку и два глиняных кувшина. По каплям губка впитывала то вино, то масло, а старуха выжимала ее в кувшины.

Кувшины почти наполнились. И вдруг — трах! — оба разлетелись в черепки. Вот так меткий удар! Это королевский сын целился большим деревянным шаром в кегли, а попал в кувшины. В тот же миг иссякли и фонтаны, они уже не давали ни капли вина и масла. Ведь королевичу как раз в эту минуту исполнилось ровно семь лет.

Старуха погрозила скрюченным пальцем и заговорила скрипучим голосом:

— Слушай меня, королевский сын. За то, что ты разбил мои кувшины, я положу на тебя заклятье. Когда тебе минет трижды семь лет, на тебя нападет тоска. И станет она тебя терзать, пока ты не найдешь дерево с тремя апельсинами. А когда ты найдешь дерево и сорвешь три апельсина, тебе захочется пить. Тогда-то мы и посмотрим, что будет.

Старуха злорадно засмеялась и поплелась прочь.

А королевский сын продолжал играть в кегли и через полчаса уже забыл и о разбитых кувшинах, и о старухином заклятье.

Вспомнил о нем королевич, когда ему исполнилось трижды семь — двадцать один год. Напала на него тоска, и ни охотничьи забавы, ни пышные балы не могли ее развеять.

— Ах, где найти мне три апельсина! — повторял он.

Услышали это отец-король и мать-королева и сказали:

— Неужели мы пожалеем для своего дорогого сына хотя три, хоть три десятка, хоть три сотни, хоть три тысячи апельсинов!

И они навалили перед королевичем целую гору золотистых плодов. Но королевич только покачал головой.

— Нет, это не те апельсины. А какие те, что мне нужны, и сам не знаю. Оседлайте коня,

я поеду их искать.

Королевичу оседлали коня, он вскочил на него и поехал. Ездил, ездил он по дорогам, ничего не нашел. Тогда свернул королевич с дороги и поскакал напрямик. Доскакал до ручья вдруг слышит тоненький голосок:

— Эй, королевский сын, смотри, как бы твой конь не растоптал моего домика!

Посмотрел королевич во все стороны — никого нет. Глянул под копыта коню — лежит в траве яичная скорлупка. Спешился он, наклонился, видит сидит в скорлупке фея. Удивился королевич, а фея говорит:

— Давно у меня в гостях никто не бывал, подарков не приносил.

Тогда королевич снял с пальца перстень с дорогим камнем и надел фее вместо пояса. Фея засмеялась от радости и сказала:

— Знаю, знаю, чего ты ищешь. Добудь алмазный ключик, и ты попадешь в сад. Там висят на ветке три апельсина.

— А где же найти алмазный ключик? — спросил королевич.

— Это, наверно, знает моя старшая сестра. Она живет в каштановой роще.

Юноша поблагодарил фею и вскочил на коня. Вторая фея и вправду жила в каштановой роще, в скорлупке каштана. Королевич подарил ей золотую пряжку с плаща.

— Спасибо тебе, — сказала фея, — у меня теперь будет золотая кровать. За это я тебе открою тайну. Алмазный ключик лежит в хрустальном ларце.

— А где же ларец? — спросил юноша.

— Это знает моя старшая сестра, — ответила фея. — Она живет в орешнике.

Королевич разыскал орешник. Самая старшая фея устроила себе домик в скорлупке лесного ореха. Королевский сын снял с шеи золотую цепочку и подарил ее фее. Фея подвязала цепочку к ветке и сказала:

— Это будут мои качели. За такой щедрый подарок я скажу тебе то, чего не знают мои младшие сестры. Хрустальный ларец находится во дворце. Дворец стоит на горе, а та гора за тремя горами, за тремя пустынями. Охраняет ларец одноглазый сторож. Запомни хорошенько: когда сторож спит глаз у него открыт, когда не спит — глаз закрыт. Поезжай и ничего не бойся.

Долго ли ехал королевич, не знаем. Только перевалил он через три горы, проехал три пустыни и подъехал к той самой горе. Тут он спешился, привязал коня к дереву и оглянулся. Вот и тропинка. Совсем заросла она травой, — видно, в этих краях давно никто не бывал. Пошел по ней королевич. Ползет тропинка, извиваясь, как змея, все вверх да вверх. Королевич с нее не сворачивает. Так и довела его тропинка до вершины горы, где стоял дворец.

Пролетала мимо сорока. Королевич попросил ее:

— Сорока, сорока, загляни в дворцовое окошко. Посмотри, спит ли сторож.

Сорока заглянула в окошко и закричала:

— Спит, спит! Глаз у него закрыт!

— Э, — сказал себе королевич, — сейчас не время входить во дворец.

Подождал он до ночи. Пролетала мимо сова. Королевич попросил ее:

— Совушка, сова, загляни в дворцовое окошко. Посмотри, спит ли сторож.

Сова заглянула в окошко и проухала:

— Ух-ух! Не спит сторож! Глаз у него так на меня и смотрит.

— Вот теперь самое время, — сказал себе королевич и вошел во дворец.

Там он увидел одноглазого сторожа. Около сторожа стоял трехногий столик, на нем хрустальный ларчик. Королевич поднял крышку ларчика, вынул алмазный ключик, а что открывать им — не знает. Стал он ходить по дворцовым залам и пробовать, к какой двери подойдет алмазный ключик. Перепробовал все замки, ни к одному ключик не подходит. Осталась только маленькая золотая дверка в самом дальнем зале. Вложил королевич алмазный ключик в замочную скважину, он пришелся, как по мерке. Дверца сразу распахнулась, и королевич попал в сад.

Посреди сада стояло апельсиновое дерево, на нем росли всего-навсего три апельсина. Но какие это были апельсины! Большие, душистые, с золотой кожурой. словно все щедрое солнце Италии досталось им одним. Королевский сын сорвал апельсины, спрятал их под плащ и пошел обратно.

Только королевич спустился с горы и вскочил на коня, одноглазый сторож закрыл свой единственный глаз и проснулся. Он сразу увидел, что в ларце нет алмазного ключика. Но было уже поздно, потому что королевич скакал во весь опор на своем добром коне, увозя три апельсина.

Вот перевалил он одну гору, едет по пустыне. День знойный, на лазурном небе ни облачка. Раскаленный воздух струится над раскаленным песком. Королевичу захотелось пить. Так захотелось, что ни о чем другом он и думать не может.

«Да ведь у меня есть три апельсина! — сказал он себе. — Съем один и утолю жажду!»

Едва он надрезал кожуру, апельсин распался на две половинки. Из него вышла красивая девушка.

— Дай мне пить, — попросила она жалобным голосом.

Что было делать королевичу! Он ведь и сам сгорал от жажды.

— Пить, пить! — вздохнула девушка, упала на горячий песок и умерла.

Погоревал над ней королевич и поехал дальше. А когда оглянулся, то увидел, что на том месте зеленеет апельсиновая роща. Королевич удивился, но назад возвращаться не стал.

Скоро пустыня кончилась, юноша подъехал к лесу. На опушке приветливо журчал ручеек. Королевич бросился к ручью, сам напился, вволю напоил коня, а потом сел отдохнуть под раскидистым каштаном. Вынул он из-под плаща второй апельсин, подержал его на ладони, и стало томить королевича любопытство так же сильно, как недавно томила жажда. Что скрыто за золотой кожурой? И королевич надрезал второй апельсин.

Апельсин распался на две половинки, и из него вышла девушка. Она была еще красивее, чем первая.

— Дай мне пить, — сказала девушка.

— Вот ручей, — ответил королевич, — вода его чиста и прохладна.

Девушка припала к струе и мигом выпила всю воду из ручья, даже песок на дне его стал сухим.

— Пить, пить! — опять застонала девушка, упала на траву и умерла.

Королевич очень огорчился и сказал:

— Э, нет, уж теперь-то я и капли воды в рот не возьму, пока не напою третью девушку из третьего апельсина!

И он пришпорил своего коня. Проехал немного и оглянулся. Что за чудо! По берегам ручья стеной встали апельсиновые деревья. Под густой зеленью их веток ручей наполнился водой и опять запел свою песенку.

Но королевич и тут не стал возвращаться. Он поехал дальше, прижимая к груди

последний апельсин.

Как он страдал в пути от зноя и жажды, — и рассказать невозможно. Однако, рано или поздно, доскакал королевич до реки, что протекала у границ его родного королевства. Здесь он надрезал третий апельсин, самый большой и спелый. Апельсин раскрылся, словно лепестки, и перед королевичем появилась девушка невиданной красоты. Уж на что были хороши первые две, а рядом с этой показались бы просто дурнушками. Королевич взора не мог от нее отвести. Лицо ее было нежнее цветка апельсинового дерева, глаза зеленые, как завязь плода, волосы золотые, словно кожура спелого апельсина.

Королевский сын взял ее за руку и подвел к реке. Девушка наклонилась над рекой и стала пить. Но река была широка и глубока. Сколько ни пила девушка, воды не убывало.

Наконец красавица подняла голову и улыбнулась королевичу.

— Спасибо тебе, королевич, за то, что дал мне жизнь. Перед тобой дочь короля апельсиновых деревьев. Я так долго ждала тебя в своей золотой темнице! Да и сестры мои тоже ждали.

— Ах, бедняжки, — вздохнул королевич. — Это я виноват в их смерти.

— Но ведь они не умерли, — сказала девушка. — Разве ты не видел, что они стали апельсиновыми рощами? Они будут давать прохладу усталым путникам, утолять их жажду. Но теперь мои сестры уже никогда не смогут превратиться в девушек.

— А ты не покинешь меня? — воскликнул королевич.

— Не покину, если ты меня не разлюбишь.

Королевич положил руку на рукоять своего меча и поклялся, что никого не назовет своей женой, кроме дочери короля апельсиновых деревьев.

Он посадил девушку впереди себя на седло и поскакал к родному дворцу.

Вот уже заблестели вдали дворцовые башенки. Королевич остановил коня и сказал:

— Подожди меня здесь, я вернусь за тобой в золотой карете и привезу тебе атласное платье и атласные туфельки.

— Не надо мне ни кареты, ни нарядов. Лучше не оставляй меня одну.

— Но я хочу, чтобы ты въехала во дворец моего отца, как подобает невесте королевского сына. Не бойся, я посажу тебя на ветку дерева, вот над этим прудом. Тут тебя никто не увидит.

Он поднял ее на руки, посадил на дерево, а сам въехал в ворота.

В это время хромоногая, кривая на один глаз служанка пришла к пруду полоскать белье. Она наклонилась над водой и увидела в пруду отражение девушки.

— Неужели это я? — закричала служанка. — Как я стала прекрасна! Верно, само солнце завидует моей красоте!

Служанка подняла вверх глаза, чтобы посмотреть на солнце, и заметила среди густой листвы девушку. Тут служанка поняла, что видит в воде не свое отражение.

— Эй, кто ты такая и что тут делаешь? — со злобой крикнула служанка.

— Я невеста королевского сына и жду, когда он придет за мной.

Служанка подумала: «Вот случай перехитрить судьбу».

— Ну, это еще неизвестно, за кем он придет, — ответила она и принялась изо всех сил трясти дерево.

Бедная девушка из апельсина старалась, как могла, удержаться на ветвях. Но служанка раскачивала ствол все сильнее и сильнее. Девушка сорвалась с ветки и, падая, превратилась опять в золотистый апельсин.

Служанка живо схватила апельсин, сунула за пазуху и полезла на дерево. Только успела она примоститься на ветке, как подъехал королевич в карете, запряженной шестеркой белых коней.

Служанка не стала дожидаться, пока ее снимут с дерева, и спрыгнула на землю.

Королевич так и отшатнулся, увидев свою невесту хромоногой и кривой на один глаз.

Служанка быстро сказала:

— Э, женишок, не беспокойся, это все у меня скоро пройдет. В глаз мне попала соринка, а ногу я отсидела на дереве. После свадьбы я стану еще лучше, чем была.

Королевичу ничего другого не оставалось, как везти ее во дворец. Ведь он поклялся на своем мече.

Отец-король и мать-королева очень огорчились, увидев невесту своего любимого сына. Стоило ездить за такой красоткой чуть не на край света! Но раз слово дано, надо его выполнять. Принялись готовиться к свадьбе.

Настал вечер. Весь дворец так и сиял огнями. Столы были пышно накрыты, а гости разряжены в пух и прах. Все веселились. Невесел был только королевский сын. Его томила тоска, такая тоска, будто он и не держал никогда в руках трех апельсинов. Хоть снова садись на коня да поезжай неведомо куда, неизвестно за чем.

Тут ударили в колокол, и все сели за стол. А во главе стола посадили молодых. Слуги обносили гостей искусно приготовленными кушаньями и напитками.

Невеста попробовала одного кушанья, попробовала другого, но каждый кусок так и застревал у нее в горле. Ей хотелось пить. Но, сколько она ни пила, жажда не унималась. Тогда она вспомнила про апельсин и решила его съесть. Вдруг апельсин выкатился у нее рук и покатился по столу, выговаривая нежным голосом: Кривая кривда сидит за столом, А правда с нею проникла в дом!

Гости затаили дыхание. Невеста побледнела. Апельсин прокатился вокруг стола, подкатился к королевичу и раскрылся. Из него вышла прекрасная дочь короля апельсиновых деревьев.

Королевич взял ее за руки и подвел к отцу и матери.

— Вот моя настоящая невеста!

Злую обманщицу тотчас прогнали прочь. А королевич с девушкой из апельсина отпраздновали веселую свадьбу и прожили счастливо до глубокой старости.

ЗЕЛЕНАЯ ЗМЕЯ

Мадам д'Олнуа

Жила-была королева, у которой родились однажды дочери-близнецы. Она позвала на крестины фей. А в те времена, если феи приходили крестить ребенка, они приносили ему в дар множество подарков. Они могли превратить обычного ребенка в красивейшего и умнейшего в мире. Но иногда феи, рассердившись на что-либо, могли пожелать младенцу много плохого, поэтому все родители старались всячески задобрить фей.

И вот во дворце был устроен роскошный банкет для фей. Не успели феи приняться за еду, как появилась старая-старая фея, которую уже много лет никто не видел. Королева в ужасе затряслась от страшного предчувствия. А король, подбежав к старухе, хотел усадить ее за стол, но та грубо оттолкнула его и сказала:

— Мне не нужны ваши подачки.

— Ну, пожалуйста, — взмолилась королева, — удостойте нас чести видеть вас за нашим столом.

— Если бы вы хотели этого, то пригласили бы меня, — возмущенно воскликнула гадкая старуха. — Если вы думаете, что сила моего волшебства уменьшилась с годами, то это не так, и скоро я докажу вам это.

Наконец она соизволила сесть за стол, но ее злоба закипела с новой силой, когда она увидела пояса, усеянные драгоценными камнями, которые другие феи получили в подарок от короля и королевы. Ей не досталось пояса. Перепуганная королева принесла ей шкатулку, украшенную бриллиантами, но старая карга оттолкнула подарок, заявив с возмущением:

— Вот еще одно доказательство того, что вы и не думали меня приглашать. Уберите свою коробку, у меня есть столько бриллиантов, что вам и не снилось!

Она ударила дважды волшебной палочкой по столу, и вместо роскошных кушаний на блюдах появились гадкие извивающиеся змеи. В ужасе все феи разбежались.

Как только они исчезли, старая карга подошла к кровати первого ребенка и сказала:

— Я желаю тебе быть отвратительной и ужасной, насколько это возможно.

Она подошла уже было к другой кровати, но тут к ней подскочила молоденькая смелая фея, оставшаяся в тронном зале, и схватила ее за спину. Старая карга от злости вспыхнула и сгорела. Вернувшиеся феи постарались наградить бедную пострадавшую малышку самыми лучшими своими дарами. Но королева была безутешна, видя, что с каждой минутой ее дочь становится все уродливей и уродливей.

— Как мы можем помочь ей? — спорили феи. Они немного посоветовались.

— Ваше величество, — сказали они, — не плачьте. Мы обещаем вам, что в один прекрасный день ваша дочь станет счастливейшей девушкой на свете.

— А будет ли она красивой? — спросила безутешная королева.

— Мы не можем всего объяснить, — ответили феи. — Но верьте нам — она будет счастливой.

Королева поблагодарила их и дала им богатые подарки. Первую дочь она назвала Дорагли, а вторую — Дорабелла. Дорагли с годами становилась все страшнее и страшнее, а Дорабелла — все прекрасней и прекрасней. Когда Дорагли исполнилось 12 лет, она стала такой ужасной, что никто без брезгливости не мог даже приближаться к ней. Поэтому

король купил самый отдаленный замок в королевстве и поселил ее туда жить в одиночестве. Она отправилась туда со своей старой нянькой и несколькими слугами. Старый замок стоял на берегу моря. С другой стороны его был дремучий лес, за которым простирались необъятные поля. Там и жила Дорагли долгих два года.

Она занималась музыкой и живописью и даже сочинила целую книгу стихов. Но она очень скучала по родителям и однажды решила навестить их. Дорагли приехала как раз в то время, когда ее сестра выходила замуж за принца из соседнего королевства. Родственники были совсем не рады ей. Им было неприятно смотреть на ее уродство, и они боялись, что принц, увидев ее, откажется жениться на ее сестре, Дорабелле.

Бедная Дорагли сквозь слезы сказала им:

— Я приехала только, чтобы на минуточку увидеть вас. Я так скучала! Но вы не желаете меня видеть, и я сейчас же уезжаю обратно!

Она хотела было напомнить им, что ее уродство — это не ее вина, а их. Но у нее было очень доброе сердце, и она не стала этого делать, а лишь в слезах покинула дворец. Однажды, гуляя по лесу, она увидела огромную зеленую змею, которая, приподняв голову, сказала ей человеческим голосом:

— Доброе утро, Дорагли. Не грусти. Посмотри на меня. Я гораздо уродливей тебя. А когда-то я была привлекательной.

Дорагли очень испугалась и убежала домой. Несколько дней она боялась выходить из дома, но однажды вечером, устав от однообразности дворцовых комнат, она вышла погулять к морю. Подойдя к берегу, она увидела роскошную маленькую золотую лодочку, всю усыпанную драгоценными камнями и сияющую в лучах заходящего солнца.

Ее весла были сделаны из чистого золота. Лодочка потихоньку качалась на волнах, и Дорагли подошла посмотреть ее поближе. Она вошла в лодочку и спустилась в маленькую кабину, обшитую зеленым бархатом. Пока она рассматривала убранство каюты, подул ветер, и лодочка быстро поплыла в открытое море. Дорагли сначала пыталась остановить лодочку, но потом подумала:

— Я наверняка умру, и тогда моим мучениям придет конец. Я такая уродина, что все ненавидят меня. Моя сестра стала королевой, а я страшной уродиной. Только гадкие змеи хотят говорить со мной.

Вдруг среди волн появилась зеленая змея, которая сказала человеческим голосом:

— Дорагли, если ты не отвергнешь помощь гадкой змеи, я смогу спасти тебе жизнь.

— Лучше я умру, — сказала Дорагли, так как всю жизнь боялась змей.

Ни слова не сказав, змея исчезла в волнах.

«Это зеленое пресмыкающееся наводит на меня ужас. Я просто трясусь от страха, когда вижу эти горящие желтым огнем глаза и жало, торчащее из отвратительной пасти. Я лучше умру, чем доверю ей свою жизнь. Но почему она преследует меня? И как она научилась говорить?» — подумала Дорагли.

Вдруг, ветер донес до нее слова:

— Принцесса, будь ласкова с зеленой змеей. В конце концов, она для змеи очень даже красива, в отличие от тебя. Она может тебе помочь даже в том, в чем ты не предполагаешь. Разреши ей сделать это.

Тут налетел ураган, погнал лодку на рифы и, разбив ее вдребезги, утих. Дорагли схватилась за обломок лодки, едва уместаясь на нем. Вдруг она с ужасом обнаружила, что держится не за обломок дерева, а за туловище зеленой змеи. Через какое-то время они

подплыли к скале, и змея, высадив Дорагли на берег, исчезла опять. Дорагли в одиночестве сидя на скале плакала, приговаривая: «Я спаслась от бури, но здесь я точно умру».

Приближался вечер. Взобравшись на верхушку скалы, Дорагли прилегла, укрывшись фартучком, и заснула. Во сне ей слышалась самая чудесная музыка, которую она когда-либо слышала. «Какой чудесный сон», — подумала Дорагли и, потянувшись, открыла глаза. Но каково же было ее удивление, когда она вдруг увидела вокруг себя не море и не скалу под собой, а прекрасный золотой зал с золоченым балконом. Выйдя на балкон, Дорагли увидела цветущие сады и леса, огромный старинный парк со сверкающими фонтанами и статуями необыкновенной работы. Вдалеке, переливаясь всеми цветами радуги, стояли маленькие домики, усыпанные драгоценными камнями.

— Что это со мной? Где я нахожусь? — недоумевала Дорагли.

Вдруг она услышала стук в дверь. Подойдя и открыв ее, она обнаружила на пороге пятьдесят маленьких китайских куколок, живых, как обычные люди. Они были величиной всего с ладошку, но смеялись и говорили, как люди. Они поприветствовали Дорагли и выразили надежду, что ей понравится в их чудесном королевстве.

— Наша дорогая гостья, — сказала самая маленькая куколка, которая, по-видимому, была среди них главная. — Наш дорогой король пожелал, чтобы мы сделали ваше присутствие здесь очень счастливым. Поэтому мы в вашем распоряжении.

Они повели Дорагли в сад, где показали ей роскошный бассейн. Рядом с бассейном она увидела два больших стула.

— Чьи это? — спросила она.

— Один короля, — сказали куколки, — а второй — ваш.

— Но где же сам король? Я его не вижу, — сказала Дорагли.

— Он сейчас сражается на войне, — ответила куколка.

— А он женат? — поинтересовалась Дорагли.

— Нет, — ответила куколка. — Он еще не встретил свою мечту.

Искупавшись в бассейне, Дорагли надела роскошные одежды, которые принесли ей куколки. Они причесали ее и украсили прическу драгоценными камнями. Дорагли была счастлива. Впервые в жизни она почувствовала себя принцессой.

Незаметно пролетела неделя. Дорагли была счастлива, куколки тоже.

Они полюбили ее за доброе сердце. Однажды ночью, лежа в своей постели, она размышляла, что же будет дальше. Она чувствовала себя почему-то все равно одиноко.

«Это потому, что не знаешь любви, — ответил ее мыслям голос сверху. Настоящее счастье приходит только к любящим людям».

— Какая же из куколок разговаривает со мной? — поинтересовалась Дорагли.

— Это не куколка. Это я, король всех этих земель, моя дорогая. И я люблю вас всем сердцем.

— Принц любит меня? — спросила пораженная Дорагли. — Вы, должно быть, незрячи. Я самая страшная уродина на свете.

— Нет, я прекрасно вижу вас и еще раз смею утверждать, что вы самая прекрасная девушка на свете.

— Вы очень добры, — сказала Дорагли. — Я даже не знаю, что и сказать.

Невидимый король больше ничего не сказал в эту ночь. На следующий день Дорагли спросила куколок, не вернулся ли домой король, и их ответ: «Нет еще», очень ее озадачил.

— Молод ли и хорош он собой? — спросила она.

— Да, — ответили куколки. — И еще он очень любезен. Он сообщает нам новости о себе каждый день.

— Но знает ли он, что я здесь?

— Да, он знает о вас все. Каждый час скороходы доставляют ему подробный отчет о вашем пребывании здесь.

С тех пор, едва почувствовав себя одиноко, Дорагли слышала голос невидимого короля. Он всегда говорил ей приятные и добрые слова.

Однажды ночью, проснувшись, она увидела рядом со своей кроватью туманную фигуру. Она подумала, что это одна из куколок охраняет ее сон, и протянула руку, пытаясь дотронуться до фигурки. Вдруг кто-то начал целовать ее руку, и несколько капель слез пролилось на нее. Дорагли вдруг поняла, что это невидимый король.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она. — Как я могу полюбить тебя, если никогда не видела твоего лица?

— Моя возлюбленная принцесса, — ответил невидимый король. — Дело в том, что я не могу показать тебе свое лицо. Злая старая колдунья, которая жестоко обошлась с тобой, наложила на меня семилетнее заклятье. Пять лет уже минуло, осталось всего два года. И если ты сейчас согласишься выйти за меня замуж, они будут самыми счастливыми в моей жизни.

Тронутая добротой и благородством невидимого короля, Дорагли сразу же полюбила его и дала согласие выйти за него замуж. При этом она обещала, что не будет настаивать увидеть его в течении оставшихся двух лет заклятья.

— Все дело в том, моя любимая, — сказал невидимый король, — что если ты нарушишь свой обет, то с этого момента семь лет заклятья начнутся вновь. А если ты сдержишь свое обещание, то я через два года предстану пред тобой самым красивейшим мужчиной на свете, и ты тоже станешь прекраснейшей из королев, поскольку и к тебе вернется твоя красота, отобранная злой колдуньей.

Дорагли пообещала ему быть терпеливой и нелюбопытной, и вскоре они поженились.

Через несколько месяцев после свадьбы Дорагли очень затосковала по своим родным. Она попросила короля разрешить ей пригласить их в гости. Невидимый король пытался отговорить ее, но все было напрасно. Наконец он разрешил ей послать кукол к ее родным за море с приглашением посетить их дворец.

Матери Дорагли было очень интересно увидеть своего зятя. Она сразу же отправилась в путь, захватив с собой Дорабеллу.

Дорагли с большим удовольствием показывала им свой дворец. Когда же они интересовались ее мужем, она лгала им, как могла, говоря, то он на войне, то на охоте, то просто болен. Но поскольку она была очень правдивой девушкой, то как следует врать не умела, и мать с сестрой решили, что у нее вообще нет мужа. Они принялись выпытывать у нее правду. Не выдержав их расспросов, Дорагли рассказала им всю правду.

— Он просто дурит тебе голову, — сказали ей мать с сестрой, выслушав ее рассказ. — Неужели ты веришь его словам? А, может быть, он ужасный монстр, который хочет убить тебя?

Слова матери ужасно обеспокоили Дорагли. Проводив ее с богатыми подарками домой, Дорагли решила узнать тайну своего невидимого мужа до конца. Однажды ночью она поставила у своей кровати лампу, и когда король подошел к ее кровати, она осветила его лицо. О, ужас! Это был не король, а огромная зеленая змея.

— О, Боже! — вскричал, заливаясь слезами король. — За что ты так наказала меня, ведь я люблю тебя больше жизни!

Дорагли в ответ только молча тряслась от страха. Зеленая змея исчезла.

Утром явились куколки, очень грустные, поскольку только что получили новости, что злая колдунья наслала на их королевство врагов — марионеток. Куколки храбро сражались и победили их. Тогда колдунья закружила вихрь из пыли и грязи на все королевство невидимого короля. Уцелела только Дорагли. Марионетки взяли ее в плен и привели к старой колдунье.

— Здравствуй, дорогуша, — сказала старуха. — Мне кажется, что мы раньше встречались с тобой. — Она захохотала. — Я однажды отлично погуляла на твоих крестинах.

— Неужели, — взмолилась Дорагли, — ты тогда недостаточно наказала меня, сделав отвратительной уродиной? Зачем же сейчас ты еще делаешь мне больно, так поступив с моим мужем?

— Ты слишком много болтаешь, — сказала старуха. — Эй, слуги, принесите железные башмаки и наденьте их на королеву.

Слуги натянули узкие и тяжелые башмаки на королеву. Затем старая карга дала ей ужасное веретено, колющее пальцы до крови и спутанный клубок паутины.

— Распутай ее в течение двух часов и спряди в красивую пряжу.

— Я не умею прясть, но постараюсь, — ответила Дорагли.

Ее отвели в темную-претемную маленькую каморку и закрыли на замок. Дорагли несколько раз пыталась распутать паутину, но у нее ничего не получалось. Она до крови исколола себе пальцы. Уронив голову на грудь, она горько заплакала, вспомнив свою безмятежно-счастливую жизнь во дворце, которой она лишилась по собственной глупости.

Вдруг она услышала знакомый голос.

— Моя возлюбленная, зачем ты заставила меня так страдать? Но я люблю тебя и хочу, чтобы ты спаслась. У меня остался один друг — Фея Покровительница, и я попросил ее помочь тебе.

Вдруг кто-то три раза хлопнул в ладоши, и паутина Дорагли превратилась в прелестную пряжу.

Через два часа явилась колдунья, предвкушая расправу.

— Ну что же ты не напряла, гадкая ленивица, — еще с порога завопила она.

— Я сделала все, что смогла, — ответила Дорагли, протягивая ей моток красивой пряжи.

— Ты думаешь, что ты можешь перехитрить меня, — затряслась от злости ведьма. — Ну так вот, мое второе задание. Сплети из этой пряжи сеть, да такую прочную, чтобы ею можно было ловить лосося.

— Но, бабушка, — отвечала ей Дорагли, — даже мухи иногда прорывают сеть из паутины.

— Я уничтожу тебя, если ты не выполнишь мое задание, — злобно зашипела старуха.

Как только она ушла, Дорагли горько заплакала и, воздев к небу руки, сказала:

— Фея Покровительница, умоляю тебя, помоги мне.

Не успела она договорить, как сеть была готова. Дорагли поблагодарила фею и добавила:

— Мой любимый король! Только теперь я поняла, как не ценила твою любовь и причинила тебе столько страданий. Прости меня, если можешь.

Когда ведьма увидела сеть, она пришла в бешенство.

— Я заберу тебя к себе во дворец, и там уже никто не сможет тебе помочь, — вскричала она.

Она схватила Дорагли и велела слугам увезти ее на корабле к себе в государство. Ночью, сидя на палубе, Дорагли смотрела на звезды и оплакивала свою судьбу. Вдруг она услышала знакомый голос.

— Не беспокойся, любовь моя. Я спасу тебя.

Дорагли посмотрела на воду и увидела зеленую змею. Вдруг откуда ни возьмись появилась злая колдунья. Она никогда не спала и слышала голос невидимого короля.

— Зеленая змея, — закричала она страшным голосом. — Я приказываю тебе уплыть отсюда на самый край света и больше здесь не появляться. Ты же Дорагли увидишь, что я сделаю с тобой, когда мы прибудем на место.

Зеленая змея уплыла к месту своего заключения. Наутро корабль прибыл на место. Колдунья взяла Дорагли, привязала ей на шею огромный камень и дала в руки дырявое ведро.

— Поднимайся на скалу, — приказала она ей. На вершине скалы находится дикий лес, полный злобных зверей, которые охраняют колодец Мудрости и Терпения. Иди туда и принеси мне ведро, полное воды из этого колодца. И поторопись, я даю тебе на это три года.

— Но как я могу взобраться на эту скалу? — взмолилась Дорагли. — Как я могу принести воды в дырявом ведре?

— Меня не интересует, как ты это сделаешь, — захохотала ведьма, сделай это, или я убью зеленую змею.

Дорагли дала себе слово, что зеленая змея больше никогда не пострадает из-за нее, и она принялась за дело. Фея Покровительница помогала ей. Поднявшийся сильный ветер забросил Дорагли на вершину скалы. Фея укротила диких зверей своей волшебной палочкой. После еще одного взмаха волшебной палочкой появилась колесница, запряженная двумя орлами. Дорагли начала горячо благодарить фею, но та, улыбнувшись, сказала:

— Зеленая змея попросила меня помочь тебе. Орлы вмиг домчат тебя до колодца Мудрости и Терпения. Они также наполнят водой твоё ведро. Когда ты получишь воду Мудрости и Терпения, умой ей свое лицо, и к тебе вернется твоя красота.

— Как это прекрасно! — воскликнула Дорагли.

— Но ты должна поторопиться и сделать то, что я тебе скажу, прежде чем вернуться к колдунье. Твое заклятье сделало тебя рабыней ровно на семь лет. Птицы домчат тебя до леса. Пережди срок своего заклятья там.

Дорагли горячо поблагодарила фею и сказала:

— Все твои подарки и даже красота, которая должна вернуться ко мне, не принесут мне удовлетворения. Я не могу быть счастливой, пока страдает зеленая змея.

— Если ты будешь храброй все оставшиеся годы твоего заклятья, ты будешь свободна и зеленая змея тоже, — пообещала фея.

— Неужели такое долгое время я не увижу и не услышу его? — спросила Дорагли.

— К сожалению, нет, — ответила фея. — Твое заклятье не позволяет тебе получать от него вести.

Слезы брызнули из глаз Дорагли при этих словах. Она села в колесницу, и орлы помчали ее к колодцу Мудрости и Терпения.

Когда орлы наполнили ее ведро водой так, что не пролилось ни капельки, Дорагли подумала: «Это вода может сделать меня мудрее. Я, пожалуй, выпью глоток и стану разумнее. А уж потом умоюсь, чтобы быть красивой».

Она сначала выпила глоток волшебной воды. Потом умылась. Она стала такой привлекательной, что все птицы вокруг сразу же запели, глядя на ее красоту.

Тут же появилась добрая фея и сказала:

— Твое желание стать мудрее, чем красивее, радует меня. И я сокращу твоё заклятье на три года.

— Благодарю тебя, — сказала Дорагли. — Но вместо этого лучше помоги зеленой змее.

— Я попробую, — сказала фея. — Но посмотри на себя. Какой прекрасной ты стала, ты не можешь называться больше Дорагли. Я дала тебе новое имя — королева Дискрит. Перед тем как исчезнуть, фея коснулась ног королевы, и тесные уродливые железные башмаки превратились в пару золотых туфель.

Птицы примчали королеву Дискрит в лес. Как прекрасно там было. Райские птицы пели на райских деревьях, а звери вокруг говорили человеческими голосами.

— Фея прислала нас гостью, — оповестили орлы всех вокруг. — Это королева Дискрит.

— О, как она прекрасна! — зашумели звери. — Стань, пожалуйста, нашей повелительницей!

— С удовольствием, — сказала Дискрит. — Но скажите мне сначала, что это за место, где мы сейчас находимся?

Старый мудрый крот ответил ей:

— Много-много лет назад феи устали бороться с людской ленью, ложью и бездельем. Сначала они пытались образумить людей, но потом рассердились на них и превратили хамов в свиней, болтливые сплетницы стали попугаями или курицами, а лгуны — обезьянами. Этот лес стал их домом. Они будут здесь находиться до тех пор, пока феи не посчитают, что они достаточно проучены.

Звери очень полюбили добрую, мудрую, прекрасную Дискрит. Они собирали для нее орехи, кормили ее ягодами и развлекали сказками. Поистине, любой бы был счастлив в этом раю. Но Дискрит постоянно терзалась думами о том, какое несчастье она принесла зеленой змее. Быстро пролетели три года. Королева Дискрит опять надела свои железные башмаки, взяла ведро с водой мудрости, надела на шею цепь с камнем и попросила орлов отправить ее к старой колдунье.

Старая карга очень удивилась, увидев ее. Она считала, что Дискрит уже давно умерла, или ее растерзали дикие звери в лесу. Но вот, перед ней, стояла живая и здоровая Дискрит и протягивала ей ведро с волшебной водой. Увидев ее лицо, ведьма впала в неопишную ярость.

— Что сделало тебя такой красивой? — зарычала она диким от злобы голосом.

— Я умылась водой мудрости, — сказала королева.

— Ты посмела послушаться меня, — закричала колдунья, в ярости топая ногами. — Я проучу тебя. Отправляйся в своих железных башмаках на край света. Там в глубокой яме лежит бутылка с эликсиром долголетия. Принеси ее мне. Я запрещаю тебе открывать бутылку. Если ты слушаешься меня, твоё заклятье будет длиться вечно.

Слезы навернулись на глаза Дискрит. Увидев их, колдунья злорадно засмеялась.

— Беги быстрее, — зашипела она. — И попробуй не выполнить мой приказ!

Принцесса побрела, даже не зная, в какой стороне конец света. Она шла много дней и

ночей, но однажды ее израненные и кровоточащие ноги подкосились от усталости. Она упала на землю и подумала, что умирает и сожалеет только о том, что больше не увидит зеленой змеи.

Вдруг перед ней появилась добрая фея и сказала ей:

— Дискрит, знаешь ли ты, что ты сможешь расколдовать зеленую змею только в том случае, если принесешь колдунье эликсир долголетия?

— Я обязательно дойду туда, — пообещала Дискрит. — Но как мне узнать, где находится край света?

— Возьми эту волшебную ветку, — сказала фея, — и воткни ее в землю.

Поблагодарив фею, королева все исполнила, как она велела. Со страшным гулом перед ней раздвинулась земля, и королева увидела глубокую темную яму. И хотя она очень боялась, смело спустилась вниз. Ее отвага была заслуженно вознаграждена. Внизу ее ждал красивейший юноша на свете, и Дискрит поняла, что это зеленая змея. Увидев ее, король лишился дара речи, пораженный ее красотой.

Долгое время они сидели, обнявшись и плача от счастья. Затем появилась колдунья, охраняющая эликсир, и вручила Дискрит бутылку. Как будто чтобы испытать ее, бутылка была открыта. Но Дискрит хорошо помнила уроки судьбы и преодолела искушение отпить из бутылки.

Король и королева принесли эликсир старой ведьме. Выпив его за один глоток, она стала такой красивой и доброй, что сразу же забыла про все те гадости, которые она делала в жизни.

Взмахнув своей палочкой, она превратила разрушенное королевство зеленой змеи в еще более прекрасное, чем прежде. Затем она отослала прекрасного короля и мудрую королеву домой к своим любимым куколкам.

Там они и прожили долго и счастливо много-много лет.

ОГНИВО

Ганс Христиан Андерсен

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны. На дороге встретилась ему старая ведьма — безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала она. — Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот brave солдат! Ну сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. — Оно внутри пустое. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустишься в него, в самый низ! А перед тем я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса, ты мне крикни, и я тебя вытащу.

— Зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма. — Знай, что когда ты доберешься до самого низа, то увидишь большой подземный ход; в нем горит больше сотни ламп, и там совсем светло. Ты увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку: глаза у нее, словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подойди и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра — ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, как мельничные колеса! Но ты не пугайся: сажай ее на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота, сколько сможешь унести; походи только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза — каждый с круглую башню. Вот это собака! Злющая-презлющая! Но ты ее не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь что-нибудь да тебе от меня нужно?

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

— Ну, обвязывай меня веревкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и таращилась на солдата.

— Вот так молодец! — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колеса.

— Нечего тебе таращиться на меня, глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром. Затем солдат пошел в третью комнату. Фу ты пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две круглые башни и вертелись, точно

колеса.

— Мое почтение! — сказал солдат и взял под козырек. Такой собаки он еще не видывал.

Долго смотреть на нее он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговки сладостями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! На все хватило бы! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные деньги и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Ну, наконец-то он был с деньгами! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах черт, чуть не забыл! — сказал солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдай огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сейчас же говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу! — уперлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Ведьма повалилась мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Город был чудесный; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда теперь ведь он был богачом!

Слуга, который чистил приезжим обувь, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим барином, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы ее увидеть? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему. — Она живет в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят!

«Вот бы на нее поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много помогал бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, как плохо сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел очень много друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Так он все тратил да тратил деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; никто из друзей не навещал его, — уж очень высоко было к нему подниматься!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, и вспомнил

про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить по кремню, как дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещица: я могу получить все, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке. Раз — ее уж и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у нее большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чудное у него огниво. Ударить по кремню раз — является собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударить два — является та, которая сидела на серебре; ударить три — прибегает собака, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же узнали его и ужасно полюбили.

Вот ему и приди в голову: «Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ведь она век свой сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями. Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое огниво?» И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат. — Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал ее, — он ведь был бравый воин, настоящий солдат.

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидела этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота — повсюду белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженек! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Да и здесь крест и здесь! — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она

большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки штору шелковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездил принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что начал жалеть, отчего он не принц, — так хотелось ему жениться на ней. Собака и не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она прыгнула с принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездил принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Очень было невесело услышать это, а огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку и стал смотреть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко.

— Эй ты, куда торопишься! — сказал мальчику солдат. — Без меня ведь дело не обойдется! А вот, если сбегаешь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и... А вот теперь послушаем!

За городом построили огромную виселицу, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку, это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как круглая башня.

— А ну помогите мне избавиться от петли! — приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажень, и все падали и разбивались вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вверх вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королем и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

ГЕНЕРАЛ ФАНТА-ГИРО

Итальянская сказка

Рассказывают и пересказывают удивительную историю, что случилась в давние времена.

Жил король, у которого не было ни одного сына, зато было три дочери. Старшую звали Бьянка, среднюю — Ассунтина, а о младшей стоит поговорить отдельно. Только она родилась на свет и открыла черные-пречерные глаза, все так и ахнули — такая она была красавица. И решили ее назвать самым красивым именем, которого никто никогда на свете не слыхивал, — Фанта-Гиро.

Кроме трех дочерей, у короля было три трона. Один голубой, другой черный, а третий пурпурный. На голубом троне король восседал, когда был весел, на черном — когда был чем-нибудь недоволен, а на пурпурном никогда не сидел.

Вот однажды утром дочки прибежали поздороваться с отцом и увидели, что он сидит на черном троне и смотрит в окно.

— Чем вы недовольны, отец? — спросили дочки и тоже посмотрели в окно.

Ничего нового они не увидели. Перед дворцом расстился луг, немного подальше блестела река, потом поднималась роща, за рощей стояла гора. А за горой начиналось соседнее королевство, только его не было видно.

— Чем же вы недовольны, ваше величество? — опять спросили дочки.

— Как мне быть довольным, если в соседнем королевстве солнце встает на целых полчаса раньше. И все из-за проклятой горы! Я прожил семьдесят лет и никогда этого не замечал. Но сегодня я это заметил и теперь ни за что не сойду с черного трона.

Дочки опечалились. Они знали, что во дворце не будет балов, ни праздников, пока отец не пересядет на голубой трон.

Поэтому старшая, немного подумав, сказала:

— Если перетащить дворец на триста шагов правее, гора не будет загораживать солнце.

Король молча покачал головой.

Тогда средняя дочь сказала:

— Если вы не хотите перетащить дворец направо, можно перетащить его налево.

Тут король чуть не заплакал от огорчения.

— Вот и видно, что вы девчонки! — сказал он. — Ваш брат, мой сын, которого никогда и не было, не стал бы давать такие глупые советы. Он ведь прекрасно знает, то есть знал бы, что королевский дворец не собачья будка, которую можно перетаскивать с места на место. Там, где жил мой пра-прадед, мой прадед, мой дед, мой отец, должен жить и я.

— Есть о чем печалиться, дорогой отец, — весело сказала Фанта-Гиро. Раз нельзя перенести дворец, прикажите срыть гору.

— Ах, дочь моя, — закричал обрадованный король, — ты почти так же умна, как твой брат... Если бы он был.

Король тут же отдал приказание срыть гору.

Конечно, срыть гору нелегко, но возможно. Потому что, как говорит пословица, нельзя разрушить только тот дом, который нарисован на бумаге. Гора, правда, не дом, однако скоро или не скоро, а дело было сделано, и дочки пришли поздравить отца.

Что же они увидели! Отец сидел не на черном троне, но и не на голубом. Король сидел на пурпурном троне. Такого с королем еще ни разу не бывало.

— Что случилось, синьор отец? — спросили дочери.

— Мне грозит война, — ответил он. — Соседний король недоволен тем, что у него пропало эхо.

— А куда же оно делось, дорогой отец, и при чем тут вы? — воскликнули дочери.

— Да вот, видите ли, гора, которую я повелел срыть, стояла на нашей земле и принадлежала нам. А эхо, которое отдавалось от горы, было собственностью соседнего короля. Когда срыли гору, куда-то пропало и эхо. Соседний король собрал войско и требует, чтобы ему вернули его королевское эхо, иначе он объявит войну. Вот я и сел на пурпурный трон трон войны.

— И вы будете воевать? — спросили дочери.

— Уж не знаю, как и быть, — ответил, вздыхая, король. — Во-первых, я ни разу не воевал и не знаю, как это делается. Во-вторых, я стар и немощен. А в-третьих, у меня нет генерала. Вот если бы у вас был брат, он и был бы генералом.

— Если вы разрешите, — сказала Бьянка, старшая дочь, — генералом буду я. Неужели я не сумею командовать солдатами!

— Не женское это дело, — проворчал король.

— А вы меня испытайте, — настаивала Бьянка.

— Испытать, пожалуй, можно, — согласился король. — Но помни, если ты в походе начнешь болтать о разных женских пустяках, — значит, ты не генерал, а просто королевская дочка. Изволь тогда немедленно возвращаться домой вместе со всем войском.

Так и порешили. Король велел своему верному оруженосцу Тонино ни на шаг не отходить от королевны и слушать, что она говорит.

Вот Бьянка и Тонино поскакали на войну, а за ними все войско. Миновали луг и подъехали к реке, поросшей тростником.

— Что за чудесный тростник! — воскликнула Бьянка. — На обратном пути с войны обязательно нарежем его побольше и наделаем прялок.

— Мелеете резать тростник хоть сейчас, — сказал Тонино, — потому что вы уже возвращаетесь.

Он подал команду, и все войско сделало налево кругом. Так и не удалось Бьянке стать генералом.

— Теперь испытайте меня, — сказала королю средняя дочь, Ассунтина.

Войско выступило во второй раз. Впереди скакали Ассунтина и верный оруженосец короля.

Проехали тростник. Ассунтина не сказала ни слова. Въехали в рощу. Ассунтина заговорила:

— Что за чудесные кашганы! Каких жердей можно нарубить для веретен!

— Стой! — скомандовал войску Тонино. — Поехали домой.

И все войско — кавалерия, артиллерия, пехота и обоз — двинулось в обратный путь.

Тогда к отцу прибежала младшая дочь — Фанта-Гиро.

— Нет, нет, — сказал король, — ты слишком молода.

— Дорогой отец, неужели вы любите меня меньше, чем сестер?

Король не устоял. Он издал третий указ и назначил генералом Фанта Гиро.

— Если уж быть генералом, так настоящим, — сказала себе девушка.

Она надела доспехи, подобрала длинные косы под шлем, опоясалась мечом да еще прибавила два пистолета. Генерал получился хоть куда.

Двинулись походом в третий раз. Проехали тростник — Фанта-Гиро ни слова; проехали каштановую рощу — Фанта-Гиро будто воды в рот набрала. Вот и граница, а по ту сторону границы стоит вражеское войско. Перед войском разъезжает на вороном коне молодой король, красивый и статный.

Тут Фанта-Гиро остановила свои полки и сказала Тонино:

— Прежде чем начать сражение, я поговорю с соседом. А ты скачи туда, где стояла гора, и спрячься в кустах. Если я подъеду к тому месту и заговорю, повторяй за мной каждое мое последнее слово. Да погромче, — слышишь?

Будь Фанта-Гиро, как раньше, младшей королевской дочерью, Тонино, может, попробовал бы с ней спорить. Ведь он не кто-нибудь, а верный оруженосец самого короля. Ему ли, словно зайцу, прятаться в кустах. Но теперь Тонино стоял перед генералом. Поэтому он сделал налево кругом и отправился в кусты.

А Фанта-Гиро подъехала к вражескому королю и сказала.

— Ваше королевское величество, мое войско готово к бою. Кони сыты, пушки заряжены, ружья начищены, сабли наточены. Но давайте поговорим из-за чего мы будем воевать? Ведь король, мой повелитель, мог делать со своей горой все, что ему угодно.

— С горой да, — возразил молодой король, — но ведь он посягнул на чужую собственность — на мое эхо.

— Ах, ваше величество, я уверен, что вам это показалось, Поедем к тому месту, и вы убедитесь, что эхо никуда не исчезло.

— Поедем, — согласился король.

Они пришпорили коней и скоро очутились там, где еще недавно возвышалась гора. Тут они остановились, и генерал Фанта-Гиро запел нежным голосом:

Жило долго маленькое эхо
На горе высокой и крутой.
Слыша песню, людям на потеху
Отвечало песенкой простой...

— ...Простой-ой-ой! — завопил из кустов Тонино, да так, что король вздрогнул. Но он тут же забыл про эхо, потому что генерал продолжал свою песенку:

Говорят, теперь пропало эхо,
Больше нет ни песенок, ни смеха...
Только правды в том ни капли нет.
Спой лишь звонче — эхо даст ответ.

— Ого-го! — заревел оруженосец. — Да еще как да-аст!

— О, пресвятая мадонна! — воскликнул король, затыкая уши. — И из-за этого я, безумец, хотел воевать!

— Я могу спеть еще, — любезно предложил генерал.

— Только не здесь, — поспешно сказал король. — Мне очень нравится ваше пение, но эха я не желаю больше слышать. Забудем все наши раздоры и станем друзьями. Не согласитесь ли вы погостить в моем замке?

— Охотно, ваше величество, — сказал генерал.

Едва они приехали в королевский замок, король побежал в покои своей матери.

— Матушка, я привез с собой в гости неприятельского генерала. Но он совсем не похож на усатого вояку. Ах, какие глаза, какой ротик, какой нежный голос! Сдается мне, что это не генерал, а переодетая девушка. Вы мудрая женщина, посоветуйте, как мне узнать правду.

— Сведи генерала в оружейную палату, — ответила королева. — Если генерал и впрямь девушка, она и внимания не обратит на оружие.

Молодой король послушался совета матери. Но, едва генерал переступил порог оружейной палаты, он вскрикнул от восхищения. Он хвалил длиннотвольные пищали, пробовал, хорошо ли наточены мечи, заострены ли шпаги. Он схватил саблю и принялся размахивать ею перед самым носом короля.

Тогда король снова поспешил к королеве.

— Матушка, — сказал он, — генерал ведет себя, как настоящий мужчина, но я еще больше, чем раньше, уверен, что это девушка. И девушка с каждой минутой нравится мне все больше.

— Что ж, сынок, — ответила королева. — Поведи генерала в сад. Если это девушка, она сорвет розу или фиалку и приколет к груди. Если это мужчина, он сорвет веточку жасмина и заложит ее за ухо.

Молодой король пригласил Фанта-Гиро погулять в саду. Он глаз не спускал с генерала. А тот и не глянул ни на пышные розы, ни на стыдливые фиалки. Зато, проходя мимо цветущего куста жасмина, генерал небрежно сорвал веточку и сунул себе за ухо.

Король в третий раз постучался в покои старой королевы.

— Матушка, по всем вашим приметам генерал — мужчина, а сердце мое говорит, что это девушка. Что же мне делать?

— Вот тебе мой последний совет. Пригласи генерала к обеду. Да смотри повнимательней. Женщина отрезает ломтики, прижимая хлеб к груди, мужчина же режет хлеб на весу.

Начался обед. Генерал взял нож и на весу отхватил большой ломоть хлеба.

А после обеда мать сказала сыну:

— Теперь ты окончательно убедился, что генерал — мужчина.

— Нет, матушка, это девушка. И я сам испытаю ее.

Подойдя к Фанта-Гиро, молодой король сказал:

— Я так подружился с вами, генерал, что хочу познакомить вас с моей невестой. Сейчас мы немного отдохнем, а в вечеру, если вы согласны, велим оседлать коней и поедем в ней в гости.

Ох, что сделалось с генералом! Он побледнел, потом покраснел и ответил дрожащим голосом:

— Охотно, ваше величество. Увидеть вашу невесту будет для меня самым большим удовольствием.

Потом король проводил генерала в отведенные ему покои. Когда же часа через два он пришел снова, генерала и след простыл. Молодой король, не медля ни минуты, вскочил на коня и поскакал в соседнее государство.

А Фанта-Гиро в это время обнимала своего отца, сидевшего снова на голубом троне.

— Ах, дорогой отец, — говорила она, горько плача, — я поехала на войну, а привезла с собой мир.

— Так о чем же ты плачешь, милая дочь? — спросил ее отец.

— Я потеряла там свое сердце! — отвечала она, заплакав еще жалобней.

Вдруг под окнами дворца послышался топот копыт, а через минуту в тронный зал вбежал молодой король. Он подошел прямо к Фанта-Гиро и сказал:

— Генерал, прошу вас стать моей женой.

— А ваша невеста? — спросила девушка.

— Милая Фанта-Гиро, когда я вам рассказывал о невесте, вы были генералом. А неприятельского генерала обмануть, право же, не грешно. Никакой невесты у меня нет, кроме вас, если вы на то согласны.

— Согласна, она согласна, — ответил старый король за свою дочь.

Скоро сыграли свадьбу. Фанта-Гиро, забросив боевые доспехи, надела платье с длинным шлейфом и приколола к груди розу. Молодой король весь сиял, глядя на свою красавицу жену. А старый король и старая королева так отплясывали тарантеллу, что любо-дорого было смотреть.

ЗОЛУШКА

Шарль Перро

Жил-был вдовец, у которого была прелестная добрая дочка. Однажды он решил жениться вновь и взял в жены злую, эгоистичную женщину. У нее были две дочери, которые по характеру были как две капли воды похожи на свою мать.

После свадьбы мачеха сразу же показала свой злой нрав. Она прекрасно понимала, что рядом с красивой добросердечной падчерицей ее родные дочери выглядят еще грязнее и уродливее. Поэтому она возненавидела падчерицу и заставляла ее делать всю самую грязную работу по дому.

Бедная девочка готовила и стирала, убирала комнаты сестер и мыла лестницы. Сама же она жила в маленькой тесной каморке на чердаке. Она переживала за своего тихого отца, которого страшно третировала новая жена.

По вечерам она часто сидела на теплой золе у самого очага, поэтому ее прозвали Золушкой. Но, несмотря на свое имя, она была в своих лохмотьях в сто раз милее, чем ее сестры в дорогих платьях, расшитых золотом.

Однажды королевский сын давал бал в свою честь и разослал приглашения всем подданным своего королевства. Сестры Золушки были в восторге от этого и целыми днями примеряли вороха новых платьев, специально накопленных по этому случаю.

— Я надена красное бархатное платье, — говорила старшая, — с отделкой из ручных кружев.

— А я надена вот это гладкое бальное платье, — говорила вторая сестра, — но поверх него я надена свои бриллианты и шляпу с золотыми цветами.

Они советовались с самым лучшим парикмахером насчет модных причесок. У Золушки был отличный вкус, поэтому у нее тоже спрашивали совета.

— Я сделаю вам самые модные прически во всем королевстве, — сказала Золушка.

Сестры милостиво согласились. Пока она причесывала их, они выпытывали у нее:

— Тебе бы хотелось пойти на бал, Золушка?

— Я боюсь, что меня не пустят на бал, — отвечала Золушка.

— Ты права. Только представишь тебя на балу и сразу можно умереть со смеху!

Любая другая девочка отомстила бы за такие насмешки и сделала бы их прически похожими на копны сена. Но она как можно лучше причесала сестер. Они были довольны. Они постоянно крутились и вертелись перед зеркалами и даже совсем забыли про еду. Чтобы сделать свои талии потоньше, они истратили кучу лент, замотавшись в них, как в коконы. Наконец они были готовы ехать на бал. Золушка проводила их до порога и немножко всплакнула от одиночества. Золушкина крестная мать, волшебница, пришла посмотреть, почему она плачет.

— Как я мечтаю попасть на бал! — всхлипывала Золушка.

— Делай все, как я скажу, а там посмотрим, — сказала волшебница. Принеси мне из сада большую тыкву.

Золушка побежала в сад и принесла самую большую тыкву, какую только могла принести. Волшебница выдолбила тыкву, а затем коснулась ее волшебной палочкой. Она мгновенно превратилась в прелестную золотую карету.

Потом она заметила в мышеловке шесть маленьких мышей. Она выпустила их и, прикоснувшись к ним волшебной палочкой, превратила их в шесть красивых быстроногих коней.

Теперь не хватало кучера.

— Крыса подойдет? — спросила Золушка.

— Конечно, — ответила крестная.

Золушка принесла крысоловку. Волшебница выбрала крысу с самыми длинными усами и превратила ее в толстого важного кучера.

Затем она сказала:

— У ворот сада сидят шесть ящериц. Принеси их мне.

Золушка быстро исполнила приказание. Волшебница превратила их в ловких слуг, стоящих на запятках кареты.

— Ну а теперь, ты можешь ехать на бал, — сказала она. — Ты довольна?

— Конечно, — ответила сияющая от счастья Золушка.

— Но удобно ли мне будет появиться там в этих лохмотьях?

Волшебница взмахнула своей палочкой и золушкины лохмотья превратились в роскошный, затканый золотом и серебром наряд. Ее стоптанные башмаки превратились в хрустальные туфельки, словно предназначенные именно для бальных танцев. Золушка была ослепительно красива в своем наряде.

Золушка уселась в карету, и волшебница сказала ей:

— Желаю тебе весело провести время. Но запомни одну вещь. Ты должна покинуть бал ровно в полночь. Если ты не сделаешь этого, твоя карета превратится в тыкву, лошади! опять станут мышами, слуги — ящерицами, а твое роскошное бальное платье — грязными лохмотьями.

Золушка пообещала крестной покинуть бал ровно в полночь и умчалась.

Слуги доложили принцу, что на бал приехала прекрасная богатая незнакомка. Он поспешил встретить ее и проводить во дворец. Легкий шепот изумления и восторга пробежал по залу. Все взгляды были прикованы к красавице. Старый король шепнул королеве, что он уже много лет не видел такого чуда. Дамы внимательно рассматривали ее наряд, стараясь не упустить ни одной мелочи, чтобы завтра же заказать себе такой же, если им только это удастся.

Принц пригласил ее на танец. Одно удовольствие было смотреть, как она танцует. Подали ужин, но принц совсем забыл про еду, его глаза не отрывались от глаз прекрасной незнакомки. Она села рядом со своими сводными сестрами и угостила их экзотическими фруктами из корзинки, которую преподнес ей принц. Они зарделись от удовольствия, удостоившись такой чести, но не узнали Золушку.

В самый разгар бала часы пробили три четверти двенадцатого. Золушка попрощалась со всеми и поспешила уйти. Вернувшись домой, она сердечно поблагодарила волшебницу и попросила у нее разрешения назавтра опять отправиться на бал, поскольку принц очень просил ее приехать. Волшебница обещала ей помочь опять.

Вскоре явились сестры с мачехой. Золушка, притворившись, что она спала, зевая, открыла дверь.

Сестры были в страшном возбуждении от появления на балу красавицы-незнакомки.

— Она была красивей всех на свете, — без умолку тараторила старшая сестра. — Она даже угостила нас фруктами.

Золушка улыбнулась и спросила:

— А как ее звали?

— Никто не знает. Принц отдал бы что угодно, лишь бы узнать, кто она такая?

— Как я хочу увидеть ее. Не смогли бы вы одолжить мне какое-нибудь ненужное вам платье, чтобы я тоже смогла пойти на бал? — спросила Золушка.

— Что? Ты собираешься напялить на себя наши платья? Никогда! — зашикали на нее сестры.

Золушка была уверена, что так и случится. Если бы они разрешили ей, что бы она делала? На следующий вечер сестры опять отправились на бал. Золушка тоже поехала вскоре после них, одетая еще более богато, чем в прошлый раз. Принц не покидал ее ни на минуту. Он был так любезен и мил, что Золушка совсем забыла про наказ волшебницы. Вдруг она услышала, как часы пробили полночь. Выскочив из зала, она помчалась к выходу, как быстроногая лань. Принц попытался поймать ее. Вдруг с ее ноги соскользнула и упала хрустальная туфелька, и принц еле успел подхватить ее. Едва достигнув ворот дворца, Золушка превратилась в грязную замарашку в лохмотьях, а карета, кучер и слуги в тыкву, крысу и ящериц. Ничего больше не напоминало о волшебстве, кроме хрустальной туфельки, оставшейся у нее.

Она прибежала домой чуть раньше сестер. Они опять рассказали ей о том, что прекрасная незнакомка появлялась вновь. Она была еще лучше, чем прежде. Но она исчезла так внезапно, что потеряла хрустальную туфельку. Принц нашел ее и спрятал у сердца. Все уверены, что он безумно влюблен в незнакомку.

Они были правы. На следующий день принц объявил, что женится на той девушке, которой хрустальная туфелька окажется впору. Принцессы, герцогини и придворные дамы — все примеряли туфельку, но безуспешно. Придворные принесли туфельку и к золушкиным сестрам. Они изо всех сил старались надеть туфельку, но безуспешно. Тогда Золушка спросила:

— Можно мне попробовать тоже?

Ее сестры рассмеялись. Но королевский слуга сказал:

— Мне дан приказ примерять туфельку всем девушкам королевства без исключения.

Туфелька свободно наделась на золушкину ножку, как будто была сделана по ней. Тут же Золушка достала из кармана вторую туфельку, и все вокруг застыли в изумлении.

Появившаяся тут же волшебница, коснулась Золушки волшебной палочкой, и она превратилась в богато одетую красавицу-незнакомку.

Вот тут-то сестры и узнали ее. Они упали перед ней на колени и покаялись во всех своих дурных делах. Золушка простила их и предложила им стать друзьями.

С почетным эскортом Золушку проводили во дворец, где с нетерпением ожидал ее молодой красавец-принц. Через несколько дней они поженились и справили пышную свадьбу.

Золушка была так же добра, как и красива. Она взяла сестер жить во дворец и вскоре выдала их замуж за знатных вельмож.

КАРЛИК НОС

Вильгельм Хауф

В одном большом городе в Германии много лет тому назад скромно и тихо жил сапожник со своей женой. Сапожник сидел обыкновенно в лавке на углу улицы и чинил башмаки и туфли. Случалось ему иногда шить и новую обувь, если находились заказчики, но для этого ему каждый раз приходилось покупать кожу, так как он по бедности не имел запасов. Жена сапожника торговала овощами и фруктами, которые разводила в небольшом садике за городом, и многие охотно покупали у нее, так как она всегда была опрятно одета и умела привлекательно раскладывать свой товар.

У сапожника был сын, хорошенький двенадцатилетний мальчик, очень стройный, даже высокий для своего возраста. Он обыкновенно сидел на рынке подле матери и относил надом купленную женщинами или поварами провизию. Редко случалось ему возвращаться без какого-нибудь подарка: то бывало, принесет какой-нибудь цветочек, то кусок пирога, то и небольшую монету, потому что жители города, покупавшие у его матери, очень любили красивого мальчика и почти никогда не отпускали его с пустыми руками.

Однажды жена сапожника сидела, по обыкновению, на рынке, а пред нею стояло несколько больших корзин с капустой, разными кореньями и семенами, а в одной — корзине, поменьше, лежали груши и абрикосы. Маленький Яков — так звали мальчика — стоял подле матери и звонким голоском зазывал покупателей.

— Пожалуйте сюда! Посмотрите, какая хорошая капуста, какие душистые коренья! Не угодно ли груш, яблок и абрикосов? Матушка дешево продает, купите!

Как раз в это время на рынке показалась какая-то странна я старуха; платье на ней было оборвано, лицо маленькое, острое, сморщенное от старости, с красными глазами и длинными крючковатым носом. Она шла, опираясь на длинную палку, хромала, шаталась из стороны в сторону, как будто на ногах у нее были колеса, того и гляди, она могла шлепнуться острым носом на мостовую.

Жена сапожника с удивлением поглядела на нее. Вот уже! шестнадцать лет, как она ежедневно сидит на рынке, но ни разу не приходилось ей видеть такой странной особы. Она невольно вздрогнула, когда старуха, хромая и пошатываясь, подошла к ней и остановилась перед ее корзиной.

— Это ты — Анна, торговка зеленью? — спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

— Да, это я, — отвечала жена сапожника. — Что вам угодно?

— А вот посмотрим, есть ли у тебя то, что мне нужно, — отвечала старуха и, нагнувшись над корзинами, стала рыться в них своими безобразными черными руками. Она вытаскивала из корзины коренья, поочередно подносила их к своему длинному носу и обнюхивала.

Жене сапожника было неприятно видеть, как старуха обращается с ее овощами, но она ничего не посмела сказать: ведь каждый покупатель имеет право осматривать товар, и к тому же старуха внушала ей какой-то непонятный страх.

Наконец, старуха, перерыв всю корзину, пробормотала:

— Дурной товар, дрянные коренья! Нет ничего, что мне нужно. То ли дело пятьдесят

лет назад... Дурной товар... дурной.

Слова эти рассердили маленького Якова.

— Ах, ты, бесстыжая старуха! — вскричал он с досадой. — Сперва рылась своими безобразными пальцами и перемяла всю зелень, потом перенюхала все своим длинным носом, так что всякий, кто видел это, не захочет покупать у нас, а теперь еще ругает наш товар! У нас сам герцогский повар покупает, не то что такие нищие, как ты.

Старуха покосилась на смелого мальчика, засмеялась противным смехом и сказала своим хриплым голосом:

— Вот как, сыночек! Тебе не нравится мой прекрасный длинный нос? погоди, и у тебя будет такой же, до самого подбородка!

Сказав это, она перешла к другой корзине, в которой лежала капуста, и снова стала перебирать руками великолепные белые кочни, сжимая их так, что они громко трещали, после чего в беспорядке бросала их назад в корзину и говорила:

— Плохой товар... скверная капуста.

— Да не качай ты так безобразно головой! — воскликнул боязливо мальчик. — Шея у тебя тонкая, словно кочерыжка, — она может переломишься, и тогда голова твоя упадет в корзину. А уж ее-то никто покупать не станет!

— Так тебе не нравится моя тонкая шея? — со смехом пробормотала старуха. — Ну что ж, у тебя ее не будет совсем; голова будет торчать прямо из плеч, чтобы не оторвалась от тела.

— Не говорите таких слов мальчику! — сказала, наконец, жена сапожника, рассерженная этим долгим осматриванием и обнюхиванием. — Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь; ведь вы только разгоняете у меня других покупателей.

— Хорошо, пусть будет по-твоему! — воскликнула старуха с яростным взглядом. — Я куплю у тебя эти шесть кочней. Только вот что: я ведь должна опираться на палку и сама нести их не могу, так вели своему сынку, чтобы он отнес мне товар на дом. Я ему за это заплачу.

Мальчуган не хотел идти, потому что боялся безобразной старухи, но мать строго приказала ему отнести капусту, так как жалела слабую, дряхлую женщину. Мальчик повиновался, но со слезами на глазах. Сложив капусту в платок, он пошел вслед за старухой по рынку.

Старуха шла очень медленно, и потому ей понадобилось добрых три четверти часа, пока она добралась до отдаленной части города и остановилась перед маленьким ветхим домиком. Она вынула из кармана старый заржавленный ключ, проворно всунула его в замочную скважину, и дверь с шумом раскрылась. Но как же изумился маленький Яков, когда вошел в дом! Внутренность его была великолепно убрана; потолок и стены были мраморные, мебель из лучшего черного дерева украшена золотом и драгоценными камнями; пол же был весь из стекла и такой гладкий, что мальчик несколько раз поскользнулся и упал.

Между тем старуха достала из кармана серебряный свисток. Раздался резкий, пронзительный звук. В ту же минуту по лестнице сбежало несколько морских свинок. Якову показалось очень странным, что они ходили на двух ногах, обутых вместо башмаков в ореховые скорлупки, носили человеческое платье и даже шляпы по последней моде.

— Где мои туфли, негодные твари? — крикнула старуха и так сильно ударила палкой, что свинки с криком подскочили вверх. — Долго ли мне еще стоять тут?

В одну минуту свинки взбежали вверх по лестнице и, вернувшись с парой кокосовых

скорлупок, подбитых кожей, проворно надели их старухе на ноги.

И в тот же миг прежней хромоты и пошатывания как не бывало. Старуха отбросила в сторону палку и проворно побежала по стеклянному полу, увлекая за собою маленького Якова. Наконец, они остановились в комнате, наполненной всякой утварью, придававшей ей вид кухни, хотя столы из красного дерева и диваны, покрытые драгоценными коврами, могли стоять и в любой роскошной гостиной.

— Присядь тут, — сказала старуха очень ласково, усаживая Якова в угол дивана и ставя пред ним стол таким образом, чтобы он не мог оттуда выйти. — Присядь! Тебе ведь пришлось нести немалую тяжесть: человеческие головы не очень-то легки.

— Что вы, старуха, что вы такое говорите? — воскликнул мальчик. Правда, я действительно устал, но ведь то, что я нес, были лишь кочни капусты, которые вы купили у моей матери.

— Как же, много ты знаешь! — сказала старуха со смехом и, подняв крышку с корзины, вытащила оттуда за волосы человеческую голову.

Мальчик чуть не обмер от страха. Он не мог понять, как это все могло случиться, но при этом невольно подумал об опасности, которая угрожала его матери, если б кто-нибудь узнал об этих человеческих головах.

— Надо чем-нибудь вознаградить тебя за то, что ты был такой вежливый, — пробормотала старуха. — Вот подожди немного, я сварю тебе суп, которого ты не забудешь во всю жизнь.

Тут она снова засвистела. Снова появилось несколько морских свинок в человеческих платьях и передниках; за поясом у них торчали кухонные ложки и поварские ножи. За ними вприпрыжку прибежало множество белок в широких турецких шароварах и зеленых бархатных шапочках. Они, по-видимому, были поварами. С величайшим проворством они лазали по висевшим на стенах полкам, доставали оттуда кастрюли и блюда, приносили яйца и масло, корни и муку и все это ставили на плиту.

Старуха же в своих кокосовых скорлупках бегала и суетилась по комнате, и мальчик видел, что она старается сварить ему что-то очень вкусное.

Вот затрещал огонь под плитой, в кастрюле закипело, и приятный аромат разлился по комнате. Но старуха продолжала бегать туда и сюда, морские свинки за ней, и каждый раз, проходя мимо плиты, она совала свой длинный нос прямо в горшок.

Наконец, кушанье закипело, пар густыми клубами повалил из горшка, и пена полилась на плиту. Тогда старуха сняла горшок с плиты, вылила содержимое его в серебряную тарелку и поставила ее перед маленьким Яковым.

— Вот тебе, сыночек! — сказала она. — Покушай этого супа, тогда у тебя будет все то, что тебе так понравилось у меня. Будешь и ты искусным поваром, но корешка, корешка-то не найдешь, потому что его не оказалось в корзине твоей матери!

Мальчик не понял, о чем старуха говорит; да он и не старался понять: все его внимание было поглощено супом, который ему очень понравился. Правда, мать не раз готовила для него разные лакомые блюда, но такого супа он никогда еще не пробовал. От супа исходил чудный аромат трав и корней; при этом он был и сладок, и кисл, и чрезвычайно крепок.

Пока Яков доедал последние ложки лакомого блюда, морские свинки зажгли аравийский ладан, и комната наполнилась голубоватым дымом. Все гуще и гуще становился этот дым, а запах ладана усыпительно действовал на мальчика. Несколько раз он вспоминал,

что ему пора возвратиться к матери, но вслед за тем его снова одолевала сильная дремота — он забывался и, наконец, крепко заснул на диване у старухи.

Странные сны мерещились ему. Ему казалось будто старуха снимает с него платье и одевает в беличью шкуру. Теперь он мог прыгать и лазать не хуже белок. Он жил вместе с белками и морскими свинками, которые оказались очень благовоспитанными особами, и вместе с ними прислуживал старухе. Сначала ему поручали только чистку сапог, то есть он должен был натирать до блеска маслом кокосовые скорлупки, служившие старухе туфлями. Так как в доме отца ему часто приходилось исполнять подобную работу, то он справлялся с нею наилучшим образом. Через год — снилось ему дальше ему стали поручать более тонкую работу. Вместе с несколькими другими белками он должен был ловить и собирать пылинки, а потом просеивать их сквозь тончайшее волосяное сито. Дело в том, что старуха считала пылинки питательными веществами, а так как она за неимением зубов не могла разжевать ничего твердого, то ей пекли хлеб исключительно из пылинок.

Еще через год он был переведен в разряд слуг, собиравших воду для питья старухи. Не думайте, однако, что она велела для этого вырыть бассейн или доставить во двор бочку, чтобы собирать в нее дождевую воду, нет, у нее дело было обставлено похитрее. Белки, а в том числе и Яков, должны были собирать в ореховые скорлупки росу с роз, которую старуха употребляла для питья, а так как она пила очень много, то у водоносов работа была нелегкая.

Прошел еще год, и маленького Якова перевели на домашние работы. Ему поручено было содержать в чистоте пол, но так как последний был из стекла, на котором можно было заметить малейшее дыхание, то и эта работа была тоже не из легких. Чтобы вытирать пол, Яков должен был обертывать ноги старым сукном и разъезжать таким образом по всем комнатам.

Наконец, на пятый год его перевели на кухню. Это была почетная должность, которой можно было достигнуть только после продолжительного искусства. Яков прошел все степени, начиная с поваренка до первого повара, и достиг такой ловкости и умения во всем, что касается кухни, что часто дивился самому себе. Самые замысловатые блюда, паштеты из двухсот снадобьев, супы из всевозможных кореньев и зелени — все это он научился готовить, и притом необыкновенно скоро и вкусно.

Так провел он около семи лет в услужении у старухи. Но вот однажды она сняла кокосовые туфли и, взяв в руку корзину и клюку, собралась уходить. Она приказала Якову, чтобы к ее возвращению он ошпал курицу, начинил ее зеленью и хорошенько зажарил. Так Яков и сделал. Свернув курице шею, он обварил ее кипятком, искусно ошпал перья, соскоблил кожу, чтобы она стала гладкая и нежная, и вынул из курицы внутренности. Потом он начал собирать коренья, которыми должен был ее начинить. В кладовой он увидел стенной шкафчик, дверь которого была полуотворена и которого он до сих пор ни разу не замечал. Он с любопытством заглянул туда. В шкафу стояло множество корзинок, из которых исходил сильный приятный запах. Он открыл одну из корзинок и нашел в ней растение какой-то особенной формы и цвета. Стебли и листья его были голубовато-зеленые, а цветок огненно-красный, с желтой каймой. Яков задумчиво поглядел на этот цветок, понюхал его и вспомнил, что он так же сильно пахнет, как тот суп, которым когда-то угостила его старуха. Запах был так силен, что он должен был чихнуть — раз, другой, и, наконец, он начал чихать так сильно, что проснулся.

Он лежал на диване старухи и удивленно осматривался кругом. «Удивительно, как можно видеть такие вздорные сны, — сказал он самому себе, и притом с такой ясностью!

Ведь я мог бы поспорить, что был белкой, товарищем морских свинок и всякой другой нечисти и, наконец, сделался великим поваром. Вот уж посмеется маменька, когда я ей расскажу все это! Впрочем, не будет ли она меня бранить за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?» С этими мыслями маленький Яков поднялся с места, чтобы уйти домой, но все его тело так онемело от сна, в особенности затылок, что он не мог повернуть головы. Он невольно рассмеялся над собою и над своею сонливостью, так как каждую минуту стучался носом то о шкаф, то о стену или же задевал им за косяк двери. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, как будто желая его проводить. На пороге он обернулся и пригласил их последовать за собой, но они побежали обратно в дом и только издали провожали его жалобным визгом.

Улица, куда привела его старуха, находилась в очень отдаленной части города, и Яков едва мог выбраться из узких переулков. Там была страшная толкотня. По всей вероятности, думал он, где-нибудь поблизости показывают карлика, так как он поминутно слышал возгласы:

— Ах, посмотрите на безобразного карлика! Откуда он взялся? Какой у него длинный нос и как смешно голова торчит у него прямо на плечах! А руки-то, руки какие у него черные, безобразные!

В другое время Яков и сам побежал бы за толпой, потому что очень любил смотреть на великанов, карликов и вообще на всякие диковинки, но на этот раз ему было не до того: он спешил вернуться к матери.

Ему стало как-то жутко, когда он пришел на рынок. Мать все еще сидела на своем месте, и в корзине у нее оставалось довольно много овощей, следовательно, он проспал недолго. Однако ему еще издали показалось, что мать сидит какая-то грустная, потому что она не зазывала покупателей, а сидела неподвижно, подперев голову рукой; а когда он подошел поближе, то ему показалось даже, что она бледнее обыкновенного. С минуту он простоял в нерешительности, не зная, что делать но потом собрался с духом, подошел к ней сзади, ласково опустил руку на ее плечо и сказал:

— Что с тобой, мамочка, ты сердишься на меня?

Мать обернулась, но в ту же минуту отшатнулась от него с криком ужаса.

— Что тебе нужно от меня, безобразный карлик! — воскликнула она. Прочь, прочь от меня, я терпеть не могу подобных шуток!

— Но, мамочка, что с тобой? — спросил Яков с испугом. — Тебе, верно, нездоровится. Зачем же ты гонишь меня, своего сына?

— Я уже сказала тебе: убирайся прочь! — возразила она с гневом. — От меня ты не получишь ни гроша за свои шутки, уродливое создание!

«Вот горе-то, она совсем помешалась! — подумал огорченный Яков. — Как бы мне отвести ее домой?..»

— Милая мамочка, будь же рассудительна, посмотри на меня хорошенько, — ведь я твой сын, твой Яков...

— Нет, это уж чересчур! — воскликнула мать, обращаясь к соседке. Посмотрите на безобразного карлика! Вот он стоит предо мной и разгоняет покупателей, да еще осмеливается издеваться над моим несчастьем. Этот бессовестный урод не стыдится уверять меня, будто он — мой сын, мой Яков.

Тут соседки с шумом поднялись и осыпали Якова отборнейшей бранью: ведь торговки, как известно, на этот счет мастерицы. Они ругали его за то, что он смеется над несчастьем

бедной женщины, у которой семь лет тому назад украли красавца-сына. Они грозили, если он не уйдет, сейчас же накинуться на него и выцарапать ему глаза.

Бедный Яков не знал, что и подумать обо всем происходящем. Ведь не далее как сегодня утром он пошел с матерью на рынок, помог ей разложить товар, потом отправился за старухой, поел у нее супу, вздремнул маленько и вернулся на рынок, а между тем и мать и соседки толкуют о каких-то семи годах да еще называют его безобразным карликом. Что же такое случилось с ним? Однако, убедившись, что мать не хочет его знать, он с трудом удержался от слез и печально побрел в лавку, где отец его днем занимался починкой обуви. «Посмотрим, — подумал он, — может быть, он узнает меня; я встану у дверей и заговорю с ним».

Дойдя до лавки сапожника, он остановился перед дверью и заглянул туда. Отец был так углублен в работу, что сначала и не заметил его, но когда случайно взгляд его упал на дверь, он выронил из рук сапог, шило, дратву и воскликнул с ужасом:

— Господи, помилуй, что я вижу?

— Добрый вечер, хозяин! — сказал карлик, входя в лавку. — Как идут дела?

— Плохо, очень плохо, маленький господин! — отвечал отец, к великому изумлению Якова: как видно, он тоже не узнавал сына. — Дело у меня плохо спорится, я одинок, становлюсь старым, а держать подмастерья мне не по средствам.

— А разве у вас нет сына, которого вы могли бы мало-помалу приучить к делу? — продолжал расспрашивать Яков.

— Да, был у меня сын, по имени Яков. Теперь он был бы уже стройным, ловким двадцатилетним парнем и мог бы стать мне отличным помощником. То-то была бы жизнь! Когда ему было еще двенадцать лет, он выказывал уже большое проворство и ловкость и кое-что уже смыслил в ремесле. А какой был красавчик! Будь он при мне, у меня было бы столько заказчиков, что я перестал бы чинить старье и шил бы только новые башмаки. Да, видно, этому не суждено исполниться!

— Где же теперь ваш сын? — спросил Яков дрожащим голосом.

— Про то знает один Бог! — отвечал сапожник. — Лет семь тому назад его украли у нас на рынке.

— Семь лет! — воскликнул Яков с ужасом.

— Да, маленький господин, семь лет тому назад. Я еще, как сейчас, помню, как жена моя вернулась домой с криком и плачем, что мальчик целый день не возвращался, и что она искала его повсюду и не нашла. Я всегда опасался, что так случится. Яков был мальчик красивый — жена гордилась им и была довольна, когда чужие его хвалили. Часто она посылала его с овощами в богатые дома; положим, это было выгодно, потому что его каждый раз щедро награждали за это, а все-таки не раз говорил я ей: «Берегись, город велик, злых людей много, смотри в оба за Яковом!» Так оно и случилось. Однажды пришла на рынок безобразная старуха, накупила столько овощей, что не могла сама снести их домой; у жены моей сердце жалостливое, вот она и послала с ней мальчика, и с тех пор — только мы его и видели.

— И это случилось семь лет тому назад, говорите вы?

— Да, весной исполнится семь лет. Уж мы искали его, искали, ходили из дома в дом и везде расспрашивали о нем. Многие знали хорошенького мальчика, любили его и помогали нам в розысках, но все было напрасно. Да и старухи, которая купила у нас овощи, также не могли отыскать. Только одна старая-престарая женщина, прожившая уже на свете девяносто

лет, сказала, что это, вероятно, злая волшебница, которая каждые пять-десять лет приходит в город, чтобы закупить себе разные травы.

Сказав это, отец Якова снова взял в руки башмак и обеими руками вытащил драгву. И тут только Яков, наконец, понял, что то, что казалось ему сном, произошло в действительности и что он в самом деле под видом белки прослужил у старухи семь лет. Сердце его преисполнилось горя и гнева: как, целых семь лет его юности украла у него старуха, и что же он получил взамен? Разве то, что он может чистить туфли из кокосовых скорлупок, мести стеклянные полы, или то, что он научился от морских свинок всем тайнам поварского искусства?

Так простоял он несколько минут, раздумывая о своей судьбе, пока отец не спросил его.

— Не угодно ли вам заказать мне что-нибудь, молодой господин? Может быть, пару новых туфель или, — прибавил он, улыбаясь, — футляр для вашего носа?

— Какое вам дело до моего носа? — спросил Яков. — Зачем мне к нему футляр?

— Ну, — возразил сапожник, — у каждого свой вкус. Что до меня, то, будь у меня такой ужасный нос, я бы непременно заказал для него футляр из розовой кожи. Посмотрите, у меня как раз есть хорошенький кусочек. Правда, для вашего носа потребуется не меньше аршина, но зато, по крайней мере, вы будете в безопасности. Ведь вы, наверно, стучаетесь носом о каждый косяк, о каждую карету, от которой хотите посторониться?

Яков онемел от изумления. Он ощупал свой нос. О, ужас! Нос оказался необыкновенно толстым, а длиной — чуть ли не в две ладони. Итак, старуха изуродовала даже его наружность! Вот почему мать не узнала его, вот почему все называли его безобразным карликом!

— Хозяин, — сказал он, чуть не плача, — нет ли у вас маленького зеркальца, в которое я мог бы посмотреть на себя?

— Молодой человек, — возразил отец серьезным тоном, — у вас не такая наружность, чтобы быть тщеславным, и вам, право, не следовало бы поминутно глядеться в зеркало. Постарайтесь отучить себя от этой смешной привычки.

— Ах, дайте мне все-таки посмотреться в зеркало! — сказал карлик. Уверяю вас, что я делаю это не из тщеславия...

— Оставьте меня в покое! У жены моей есть зеркало, но я не знаю, куда она его запрятала. Если же вам непременно хочется посмотреть на себя, то вон там, через улицу, живет цирюльник Урбан; у него есть зеркало вдвое больше вашей головы; отправляйтесь к нему, а пока прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь на ключ и снова сел за работу. Яков же, глубоко огорченный, отправился через улицу к цирюльнику Урбану, которого еще помнил по прежнему времени.

— Здравствуйте, Урбан! — сказал он ему. — Я пришел попросить у вас маленькой услуги: будьте любезны, позвольте мне посмотреться в ваше зеркало.

— С удовольствием, вот оно! — воскликнул цирюльник, смеясь, и все посетители, которым он собирался брить бороды, расхохотались вслед за ним. — Что и говорить, вы красавец хоть куда, стройный, изящный! Шея у вас, как у лебедя, ручки, как у королевы, а нос такой, лучше которого и не найдешь. Правда, вы немного тщеславны, но так и быть, поглядите на себя! Пусть не говорят добрые люди, что я из зависти не позволил вам полюбоваться собою.

Неудержимый хохот присутствующих сопровождал слова цирюльника. Яков же между

тем подошел к зеркалу и взглянул на себя. Слезы выступили у него на глазах. «Да, конечно, в таком виде ты не могла узнать своего Якова, милая маменька! — сказал он самому себе. — Не такой он был в те счастливые дни, когда ты гордилась им перед всеми!»

И действительно, перемена была ужасающая: глаза стали крошечными, как у свиньи, огромный нос висел ниже подбородка, шея как будто совсем исчезла, так что голова прямо торчала на плечах, и только с трудом он мог поворачивать ее направо или налево. Ростом он был не выше, чем тогда, когда ему было двенадцать лет. Но в то время, как другие юноши от двенадцати до двадцатилетнего возраста растут в высоту, он вырос только в ширину: спина и грудь у него были широкие и выгнутые и походили на туго набитые мешки. Это толстое туловище держалось на маленьких, слабых ножках, которым такая тяжесть была не под силу. Зато его руки были такой же длины, как у обыкновенного взрослого человека. Ладони толстые, коричневые, пальцы длинные, паукообразные, и когда он вытягивал руки, то мог, не сгибаясь, достать ими до полу. Вот каким безобразным карликом стал теперь маленький Яков...

Теперь он вспомнил то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Все, над чем он тогда смеялся: ее длинный нос, ее безобразные пальцы — все это она передала ему, за исключением длинной, дрожащей шеи.

— Ну что, достаточно налюбовался собой, мой принц, — сказал цирюльник, подходя к Якову и со смехом рассматривая его. — Право, даже во сне нельзя вообразить себе ничего более смешного. А знаете, я вам сделаю предложение, маленький человечек. Хотя моя цирюльня и из лучших, но последнее время у меня не так много посетителей, как прежде, и в том виной мой сосед, цирюльник Пенкин, который где-то отыскал великана, заманивающего к нему публику. Но великан-то — невелика редкость, а вот такой человек, как вы, — это дело другого рода. Поступайте ко мне на службу, любезный! Вы получите квартиру, стол, одежду — все, что вам нужно, а за это вы будете каждое утро стоять у дверей и зазывать посетителей. Вы будете взбивать пену и подавать гостям полотенце, и будьте уверены, что мы оба не останемся внакладе. У меня будет больше посетителей, чем у соседа с его великаном, а вам все охотно будут давать на чай.

Яков в глубине души был глубоко возмущен этим предложением. Но — увы! — он должен был теперь привыкать к подобным оскорблениям. Поэтому он по возможности спокойно заявил цирюльнику, что у него нет времени для подобной службы, и пошел далее.

Но хотя злая старуха придала ему уродливый вид, она все же, как видно, ничего не могла сделать с его умственными способностями. Это он сознавал вполне ясно, потому что теперь он думал и чувствовал далеко не так, как семь лет тому назад. Яков за этот промежуток времени стал и умнее и рассудительнее. И действительно, он не горевал о своей утраченной красоте, не плакал из-за своего безобразия; его огорчало лишь то, что его, как собаку, прогнали из родного дома. Однако он решился сделать еще одну попытку и поговорить с матерью.

Он подошел к ней на рынке и упросил спокойно выслушать его. Он напомнил ей о том дне, когда пошел за старухой, напомнил ей разные случаи из своего детства, рассказал она околдовала его за то, что он посмеялся над ней на рынке. Жена сапожника не знала, что и подумать. Все, что Яков рассказывал о своем детстве, было совершенно верно, но когда он заговорил о том, как семь лет прослужил белкой, — то она никак не могла представить себе, чтобы это было возможно. А когда она при этом еще взглядывала на карлика, то приходила в ужас от его уродства и окончательно отказывалась верить, что это ее сын. Однако она сочла

более благоразумным переговорить с мужем. Собрав свои корзины, она велела Якову следовать за нею, и они отправились в лавку сапожника.

— Послушай, — сказала она мужу, — этот вот человек уверяет, что он наш пропавший Яков. Он рассказал мне все: как его украли у нас семь лет тому назад и как он был заколдован волшебницей.

— Вот как! — с гневом прервал ее сапожник. — Так это он тебе рассказал! Постой же ты, негодяй! Ведь все это я сам с час тому назад рассказал ему, а потом он отправился к тебе, чтобы надуть тебя. Так ты был заколдован, сыночек? погоди же, я сейчас сниму с тебя колдовство!

С этими словами он схватил пучок ремней, которые только что нарезал, бросился на карлика и так хлестнул его по спине и длинным рукам, что тот закричал от боли и с плачем побежал прочь.

В городе нелегко было найти человека, который готов был помочь несчастному, обладающему такой смешной наружностью. Бедный карлик оставался весь день без пищи и питья и вечером должен был избрать для ночлега церковную паперть, несмотря на то, что ступени ее были и жестки и холодны.

На другое утро, проснувшись на заре, Яков серьезно задумался о том, как найти себе пропитание, так как отец и мать окончательно прогнали его. Служить вывеской для цирюльника или показывать себя за деньги ему не позволяла гордость. Что же ему оставалось делать? Но тут вдруг ему пришло в голову, что, будучи белкой, он сделал большие успехи в поварском искусстве. Он справедливо полагал, что не уступит в этом деле никакому повару, и решил воспользоваться своими познаниями по этой части.

Как только улицы стали оживляться, он отправился в город. Он знал, что герцог, повелитель страны, был большой любитель хорошего стола и собирал у себя искусных поваров из разных стран света; к его-то дворцу и отправился наш карлик. Когда он подошел к наружным воротам, караульные спросили, что ему нужно, и стали над ним насмехаться. Но он потребовал, чтобы его повели к главному смотрителю над кухней. Караульные расхохотались и повели его через парадные двери. Повсюду на его пути слуги останавливались, глядели на него и со смехом сопровождали его, так что, когда он стал подниматься по лестнице дворца, за ним тянулся уже длинный хвост всяческой прислуги. Конюхи побросали свои скребницы, скороходы бежали со всех ног, полотеры забыли выколачивать ковры; все бегали и суетились так, как будто неприятель стоял у ворот. Со всех сторон раздавались крики: «Карлик, карлик! Видели вы карлика?» Наконец, в дверях появился смотритель дворца с гневным лицом, держа в руке огромный хлыст.

— Что тут за шум? Разве вы не знаете, собаки, что герцог еще спит?

С этими словами он взмахнул хлыстом и не совсем деликатно опустил его на спины ближайших конюхов и привратников.

— Ах, господин! — вскричали они. — Да разве вы не видите? Ведь мы привели карлика, да такого, какого вы, наверно, никогда не видали.

Смотритель дворца теперь только увидел Якова и с трудом удержался от смеха, так как боялся уронить этим свое достоинство. Поэтому он, разогнав хлыстом толпу, повел карлика в дом и спросил, что ему нужно. Но услышав, что тот хочет видеть смотрителя над кухней, возразил:

— Ты, верно, ошибся, голубчик! Ведь ты хочешь ко мне, к смотрителю дворца? Ты хочешь сделаться лейб-карликом герцога, не правда ли?

— Нет, господин, — отвечал Яков, — я искусный повар и умею готовить всевозможные редкие блюда. Соблаговолите отвести меня к главному смотрителю над кухней; быть может, ему пригодятся мои услуги.

— Как угодно, маленький человек, а все-таки ты нерассудительный мальчик. В кухню — вот выдумал! Ведь, будучи лейб-карликом, ты мог бы ничего не делать, есть и пить вдоволь и носить прекрасное платье. Ну, да мы еще увидим, вправду ли ты настолько искусен, чтобы быть поваром у герцога. А для поваренка ты слишком хорош.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повел в комнаты главного смотрителя над кухней.

— Милостивый государь! — сказал карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра, покрывавшего пол. — Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель над кухней оглядел его с ног до головы и разразился громким хохотом.

— Как, ты хочешь быть поваром? Неужели ты думаешь, что сможешь достать до плиты, даже ставши на цыпочки и высунув голову из плеч? Нет, крошка, тот, кто прислал тебя ко мне, хотел, видно, посмеяться над тобой.

Говоря это, смотритель над кухней заливался смехом, а смотритель дворца и все бывшие в комнате громко ему вторили.

Но карлик ничуть не смутился таким приемом.

— Послушайте, — продолжал он, — что вам стоит рискнуть парой яиц, небольшим количеством вина, муки и кореньев? Ведь у вас этого добра вдоволь. Прикажите мне приготовить какое-нибудь лакомое блюдо, дайте мне все, что нужно для этого, и оно будет приготовлено на ваших же глазах, да так, что вы сами должны будете сказать: «Он готовит по всем правилам искусства».

Такие слова говорил карлик, и странно было видеть, как он при этом сверкал своими крошечными глазками, как жестикулировал своими тонкими паукообразными пальцами и как поворачивался во все стороны его длинный нос.

— Ладно, будь по-твоему! — воскликнул, наконец, смотритель над кухней и взял под руку смотрителя дворца. — Что ж, попробуем, хотя бы ради шутки! Пойдемте все в кухню.

Они миновали несколько залов и коридоров и, наконец, пришли в кухню. Это было большое, очень просторное помещение, великолепно устроенное. Под двадцатью плитами горел огонь; посредине комнаты протекал прозрачный ручеек, служивший одновременно и бассейном для рыбы. В шкафах из мрамора и драгоценного дерева были сложены разные припасы, которые необходимо иметь всегда под рукой, а по обеим сторонам кухни тянулись десять залов, в которых хранилось все, что только можно найти редкого и лакомого во всех странах востока и запада. Кухонная прислуга всякого рода бегала туда и сюда, гремела котлами и кастрюлями, вилками и половниками. Но когда главный смотритель над кухней появился среди них, они все безмолвно выстроились в ряд, так что слышен был лишь треск огня и журчание воды.

— Какой завтрак заказал герцог на сегодня? — спросил смотритель у первого повара, заведовавшего завтраками.

— Его высочеству угодно было заказать датский суп и красные гамбургские клецки.

— Хорошо, — продолжал смотритель над кухней. — Слышал ты, что заказал герцог? Считаешь ли ты себя способным приготовить этот мудреный суп? Что касается клецек, то ты, во всяком случае, не сделаешь их, — это наша тайна.

— Нет ничего легче! — возразил карлик, к всеобщему — удивлению, так как, будучи белкой, он часто готовил это блюдо. — Нет ничего легче: для супа вы мне дайте такие-то и; такие коренья, такие-то пряности, кабаньей жир и яйца. Что же касается клецок, — продолжал он потише, так, чтобы его могли слышать только смотритель над кухней и первый повар, — то для них мне нужно мясо четырех сортов, немного вина, утиный жир, имбирь и одна травка, называемая «желудочной».

— Да ты, верно, был в ученье у какого-нибудь волшебника! — воскликнул повар с изумлением. — Ведь он назвал все, как есть, а про желудочную травку мы и сами не знали. Нет сомнения, от нее клецки будут еще вкуснее; положительно, ты не повар, а совершенство!

— Никогда бы не поверил этому! — сказал главный смотритель над кухней. — Ну что ж, пусть покажет образец своего искусства. Дайте ему все, что нужно, и пусть он приготовляет завтрак.

Так и было сделано. На плите все приготовили для завтрака, но тут оказалось, что карлик едва может достать до нее носом. Тогда к плите приставили два стула, положили на них мраморную доску, и маленький человечек взобрался на нее, чтобы показать свое искусство. Кругом со всех сторон расположились повара, поварята и всякая другая кухонная прислуга. Все с изумлением глядели, как быстро и ловко все спорилось у него в руках. Когда все нужные приготовления были окончены, он приказал поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не велит снять. Потом он начал считать: раз, два, три и т. д., и когда сосчитал ровно пятьсот, крикнул: «Стой!» Немедленно горшки были сняты с огня, и карлик пригласил смотрителя отведать его кушанье.

Главный повар приказал поваренку принести золотую ложку, сполоснул ее в ручейке и передал смотрителю над кухней. Тот с торжественным видом подошел к плите, зачерпнул ложкой супа, отведал его, зажмурил глаза и даже прищелкнул от удовольствия языком.

— Великолепно, клянусь здоровьем герцога, великолепно! Не отведаете ли и вы, господин смотритель дворца?

Тот поклонился, взял ложку, отведал и в свою очередь пришел в восторг:

— Нет, господин повар, вы, конечно, знаток своего дела, но вам никогда еще не удавался такой суп и такие клецки, какие приготовил этот карлик!

Отведал и сам повар, после чего почтительно пожал руку карлику и сказал:

— Да, крошка, ты знаток своего дела! Эта желудочная травка придает всему какой-то особенный вкус.

Как раз в эту минуту в кухню вошел камердинер герцога и объявил, что герцог хочет завтракать. Немедленно блюда были поставлены на серебряные подносы и отосланы герцогу, старший же смотритель над кухней взял карлика под руку и увел в свою комнату, где вступил с ним в беседу. Но не прошло и нескольких минут, как явился посланный от герцога, чтобы позвать к нему смотрителя над кухней. Тот поспешно переоделся в парадное платье и последовал за посланным.

Герцог был в великолепном расположении духа: он съел все, что ему было подано на серебряных подносах, и вытирал себе бороду, когда к нему вошел смотритель над кухней.

— Слушай, смотритель, — сказал герцог, — я всегда был доволен твоими поварами, но скажи, кто сегодня приготовил мой завтрак? С тех пор, как я сижу на троне моих предков, я никогда не ел ничего подобного. Скажи, как зовут этого повара, чтобы я мог послать ему в награду несколько червонцев.

— Государь, это престранная история! — отвечал смотритель над кухней и рассказал,

как утром к нему привели карлика, который непременно хотел сделаться поваром.

Удивленный герцог велел призвать к себе карлика и спросил, кто он и откуда. Но бедный Яков, конечно, не мог сказать, что он заколдован и был раньше белкой. Однако он не совсем уклонился от правды, а рассказал только, что у него нет ни отца, ни матери и что он научился стряпать у одной старухи. Герцог и не стал более расспрашивать; его больше всего занимала странная наружность нового повара.

— Останься у меня! — сказал он. — Ты будешь получать ежегодно пятьдесят червонцев, праздничное платье и, сверх того, две пары панталон. За это ты будешь ежедневно готовить мне завтрак, следить за приготовлением обеда и вообще присматривать за кухней. А так как в моем дворце каждый получает особое прозвище, то ты будешь называться впредь Носом и занимать должность младшего смотрителя над кухней.

Карлик Нос поблагодарил герцога и обещал служить ему верой и правдой.

Итак, Яков был теперь пристроен. И, надо отдать ему справедливость, он справлялся со своим делом как нельзя лучше.

Он сделался своего рода знаменитостью. Многие повара обращались к смотрителю над кухней с просьбой позволить им присутствовать при том, как стряпает карлик, а некоторые из вельмож добились позволения герцога посылать к нему на выучку своих слуг, что доставило ему немалый заработок. Впрочем, чтобы не возбуждать зависти в остальных поварах, карлик Нос отдавал в их пользу деньги, которые господа платили ему за обучение поваров.

Так прожил карлик Нос почти два года в довольстве и почете, и только мысль о родителях по временам омрачала его счастье. Жизнь его текла безмятежно, без всяких приключений, до тех пор, пока не произошел следующий случай.

Необходимо заметить, что карлик Нос умел удачно делать всякого рода закупки. Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он отправлялся сам на рынок, чтобы закупать дичь и зелень. Однажды утром он отправился в птичий ряд и стал искать жирных гусей, до которых герцог был большой охотник.

Несколько раз прошел он по рядам, осматривая провизию.

Вдруг в конце одного ряда он заметил женщину, продававшую гусей, но, в отличие от других торговок, не зазывавшую покупателей. К ней-то он и подошел и стал взвешивать и осматривать ее гусей. Найдя их достаточно жирными, он купил три штуки вместе с клеткой, взвалил на свои широкие плечи и направился домой. Однако по дороге ему показалось очень странным, что только двое из гусей гоготали и орали, как настоящие гуси, тогда как третья, гусыня, сидела тихо и выпускала вздохи, словно человек. «Надо поскорее заколоть ее, — подумал карлик, — не то она еще околеет». Но тут гусыня совершенно внятно и громко проговорила:

— Если захочешь меня заколоть, я укушу тебя; если свернешь мне шею, сам сойдешь со мной в могилу.

Вне себя от изумления карлик Нос поставил клетку наземь, но гусыня по-прежнему смотрела на него своими прекрасными, умными глазами и продолжала вздыхать.

— Вот чудеса! — воскликнул карлик Нос. Гусыня умеет говорить по-человечьи. Вот уж никак не ожидал! Ну-ну, успокойся, я не так жесток и не лишу жизни такую редкую птицу. Но я готов биться об заклад, что ты не всегда принадлежала к пернатым, ведь и я когда-то был жалкой белкой.

— Ты прав, — ответила гусыня. — Я тоже родилась не в этом позорном обличье. Увы,

кто бы мог предположить, что Мими, дочь великого Веттербока, будет зарезана на кухне герцога...

— Будь спокойна, любезная Мими! — утешал ее карлик. — Клянусь честью, тебе не будет сделано ничего дурного. Я устрою тебе помещение в моей комнате, буду доставлять тебе корм, а в свободное время будем беседовать. При первом удобном случае я выпущу тебя на свободу. Прочим же поварам я скажу, что я откармливаю тебя для герцога особенными травами.

Гусыня поблагодарила его со слезами на глазах. И карлик действительно сделал так, как обещал. Он заколол двух других гусей, для Мими же отвел отдельное помещение под предлогом, что хочет ее откармливать для герцога. Но он не давал ей обыкновенного гусяного корма, а доставлял ей печенья и сладкие блюда. Когда у него было свободное время, он отправлялся к ней, беседовал с ней и утешал ее. Они рассказали друг другу каждый свою историю, и Нос узнал, таким образом, что гусыня была дочерью волшебника Веттербока на острове Готланде. Веттербок когда-то поссорился с одной старой феей, которая его победила с помощью хитрости и превратила его дочь в гусыню. Когда же карлик Нос рассказал Мими свою собственную историю, она сказала:

— Я тоже немного смыслю в этих делах: отец кое-что из своих знаний передал мне и сестрам. Ваш спор у корзины с овощами, твое внезапное превращение, когда ты понюхал какой-то травки, и те слова старухи, которые ты запомнил, свидетельствуют о том, что твои чары находятся в связи с травами, то есть, если ты отыщешь ту траву, которая фея сварила перед твоим превращением, то будешь избавлен от своего уродства.

Все это, конечно, было плохим утешением для карлика; в самом деле, как найти траву, которой не знаешь даже по названию? Но тем не менее он поблагодарил Мими и в глубине души почувствовал некоторую надежду.

Скоро после этого к герцогу приехал в гости его друг, один из соседних князей. Герцог по этому случаю позвал к себе карлика и сказал ему:

— Наступило время, когда ты должен доказать, что ты знаток своего дела. Князь, который приехал ко мне в гости, считается после меня величайшим знатоком по части еды, и кухня у него одна из лучших в мире. Постарайся же, чтобы мой стол возбудил удивление даже в нем. Старайся также, под страхом моей немилости, чтобы за все то время, которое он проведет при моем дворе, ни одно блюдо не подавалось дважды. Все, что тебе будет нужно, ты можешь требовать от моего казначея; хотя бы тебе пришлось растопить для этого мое золото и бриллианты, ты не должен остановиться ни перед чем. Я готов лучше остаться бедняком, чем ударить лицом в грязь перед своим гостем.

Так говорил герцог, и карлик отвечал:

— Воля ваша, государь, будет исполнена! Сделаю так, чтобы вашему гостю здесь все понравилось.

Крошечный повар нашел теперь случай выказать свое искусство во всем его блеске. Он не щадил сокровищ своего хозяина, да и себя ничуть не берег: целый день его можно было видеть перед плитой окутанным облаками пара, и голос его беспрестанно звучал в огромной кухне, раздавая приказания целой армии поваров и поварят.

Приезжий князь провел уже две недели в гостях у герцога и, по-видимому, чувствовал себя прекрасно. Ежедневно гость и хозяин пять раз садились за стол, и герцог был в высшей степени доволен искусством карлика. На пятнадцатый день герцог призвал карлика к своему столу, представил его гостю и спросил последнего, доволен ли он его поваром.

— Ты превосходный повар, — отвечал гость, обращаясь к карлику, — и знаешь, как разнообразить стол. За все время, пока я здесь, ты ни разу не повторил ни одного блюда, и все они тебе великолепно удавались. Но скажи мне, почему ты до сих пор еще ни разу не подавал к столу царя всех блюд — паштет-сюзерен?

Карлик испугался: он никогда не слышал о таком паштете. Но он сохранил наружное спокойствие и отвечал:

— О государь, я надеялся, что ты еще долго будешь освещать наш двор, вот почему я и медлил с этим блюдом. Чем же другим мог я почтить тебя в день отъезда, как не царем паштетов?

— Вот как! — заметил герцог, смеясь. — А что касается меня, то ты, вероятно, ждал дня моей смерти, чтобы угостить меня этим кушаньем. Ведь ты мне еще ни разу не подавал этого паштета. Ну, нет, любезный, придумай что-нибудь другое для прощального обеда, а паштет этот ты должен завтра же подать на стол.

— Как угодно моему государю! — отвечал карлик и удалился. Но на душе у него было далеко не весело. Он чувствовал, что наступил день его срама и несчастья: ведь он не имел даже понятия о том, как приготовить этот паштет. Он пошел в свою комнату и залился слезами при мысли об ожидающей его участи. Но тут Мими, расхаживавшая в его комнате, обратилась к нему с вопросом о причине его горя.

— Не печалься, — сказала гусыня, узнав, в чем дело, — это блюдо часто подавалось за столом моего отца, и я приблизительно могу сказать тебе, что для него нужно. Возьми того-то и того-то в таком-то количестве; может быть, это не совсем так, как нужно, но надеюсь, что эти господа не разберут, в чем дело.

Услыхав это, карлик радостно вскочил с места, благословляя тот день, когда купил гусыню, и стал готовиться к завтрашнему дню. Сначала он сделал маленький пробный паштет и нашел его удачным; он дал отведать его главному смотрителю над кухней, и тот, по обыкновению, рассыпался в похвалах его искусству.

На другой день он приготовил паштет как следует и послал его к столу герцога прямо из печки, предварительно украсив его цветами. Сам он надел свое лучшее парадное платье и отправился в столовую. Он вошел как раз в ту минуту, когда один из служителей был занят разрезанием паштета, который затем поднес на серебряных блюдах герцогу и его гостю. Герцог отрезал себе порядочный кусок и, проглотив его, поднял глаза к потолку и сказал:

— Да, недаром называют его царем паштетов! Но ведь и мой карлик — король всех поваров, не правда ли, любезный друг?

Гость отвечал не сразу: он предварительно проглотил несколько кусков с видом знатока, но потом улыбнулся насмешливо и таинственно.

— Да, штука приготовлена недурно, — отвечал он, наконец, отодвигая тарелку, — а все-таки это не то, что называется паштетом-сюзерен. Впрочем, я так и ждал.

Тут герцог от досады нахмурил лоб и даже покраснел от стыда.

— Ах, ты, собака-повар! — воскликнул он. — Как ты осмелился так сконфузить своего государя? Ты заслуживаешь, чтобы я велел отрубить твою большую голову в наказание за скверную стряпню.

— Ради Бога, государь, не гневайтесь: я приготовил это блюдо по всем правилам искусства; здесь есть все, что нужно, — сказал карлик, дрожа от страха.

— Врешь, негодяй! — возразил герцог, толкнув его ногой. — Мой гость не сказал бы напрасно, что тут чего-то недостает. Я велю разрубить тебя самого и запечь в паштет.

— Сжальтесь! — воскликнул карлик. — Скажите мне, чего не хватает в этом паштете, чтобы он пришелся вам по вкусу. Не дайте мне умереть из-за какой-нибудь недостающей крупы муки или кусочка мяса.

— Это тебе мало поможет, любезный Нос, — отвечал гость со смехом. — Я вчера еще был уверен, что ты не пригодишь этого паштета, как мой повар. Знай же, в нем недостает одной травки, которой здесь, в вашей стране, совсем не знают и которая называется «чихай-трава». Без нее паштет не будет паштет-сюзерен, и твоему государю никогда не удастся кушать его в таком виде, в каком он подается мне.

При этих словах герцог пришел в ярость.

— А все-таки мы будем есть его! — вскричал он со сверкающими глазами. — Клянусь моей герцогской короной, либо завтра я угощу вас таким паштетом, какого вы желаете, либо голова этого карлика будет красоваться на воротах дворца. Поди прочь, собака! Я даю тебе двадцать четыре часа срока.

Полный отчаяния, карлик снова ушел в свою комнату и стал жаловаться гусыне на свою горькую судьбу, так как до сих пор ни разу он не слышал о подобной траве.

— Ну, если дело только за этим, — сказала Мими, — то я могу помочь твоему горю, потому что мой отец научил меня распознавать все травы. Быть может, в другое время тебе не избежать бы смерти, но, к счастью, теперь как раз новолуние, а трава эта цветет именно в начале месяца. Но скажи мне, есть ли тут поблизости старые каштановые деревья?

— О, да! — отвечал Нос с облегченным сердцем. — У озера, в двухстах шагах от дворца растет много этих деревьев. Но к чему тебе непременно каштаны?

— Да потому, что эта травка цветет только у подножья старых каштанов! — сказала Мими. — Однако медлить нечего. Пойдем искать то, что тебе нужно. Возьми меня на руки и, когда выйдем из дворца, спусти меня на землю — я помогу тебе в поисках.

Карлик сделал так, как сказала гусыня, и отправился ней к воротам дворца, но тут караульный протянул к нем ружье и сказал:

— Мой добрый Нос, дело твое плохо: ты не смеешь выходить из дворца, мне строжайше запрещено выпускать тебя.

— Но ведь могу же я выйти в сад? — возразил карлик. — Сделай милость, пошли одного из твоих товарищей к смотрителю дворца и спроси у него, могу ли я отправиться в сад, чтобы поискать нужных мне трав.

Караульный осведомился, и позволение было получено. Сад был окружен высокими стенами, так что убежать из него не было возможности. Когда карлик Нос с гусыней очутились под открытым небом, он осторожно спустил ее на землю, и она быстро побежала к озеру, где росли каштаны. Сам он со стесненным сердцем последовал за ней: ведь это была его последняя, его единственная надежда! Если Мими не найдет травы, то он твердо решил лучше броситься в озеро, чем дать себя обезглавить. Мими искала напрасно. Она обошла все каштаны, переворачивала клювом малейшую травку — все было безуспешно. Из жалости и страха она даже заплакала, потому что ночь надвигалась и становилось все труднее различать в темноте.

Вдруг взгляд карлика устремился на другой берег озера, и он воскликнул:

— Посмотри, вон там, за озером, растет еще одно большое старое дерево. Пойдем поищем: быть может, там-то и расцветет мое счастье!

Гусыня вспорхнула и полетела впереди, а карлик побежал за ней, как только позволяли его маленькие ножки. Каштановое дерево бросало большую тень, и кругом было так темно,

что почти ничего нельзя было уже разобрать. Но вдруг гусыня остановилась, от радости захлопала крыльями, потом поспешно опустила голову в высокую траву, что-то сорвала и поднесла это в клюве изумленному карлику.

— Вот твоя травка! Здесь ее растет такое множество, что у тебя не будет в ней недостатка.

Карлик задумчиво посмотрел на травку: от нее исходил какой-то особенный аромат, который невольно напомнил ему сцену его превращения. Стебелек и листья растения были зеленовато-голубые, а среди них красовался ослепительно-красный цветок с желтой каймой.

— Ну, наконец-то! — воскликнул он. — Что за счастье! Знаешь, ведь, мне кажется, это та самая трава, которая превратила меня в жалкого карлика. Не попробовать ли мне сейчас же принять свой настоящий вид?

— погоди еще, — сказала гусыня, — набери горсть этой травы, а затем пойдем в комнату. Там ты заберешь свои деньги и все, что скопил, а потом уж мы испытаем силу этой травы.

Так они и сделали. Сердце карлика сильно билось от ожидания. Забрав пятьдесят или шестьдесят червонцев, которые он успел скопить, и уложив свое платье в небольшой узел, он сказал:

— Наконец-то я избавлюсь от этого бремени! И глубоко засунув нос в траву, он стал вдыхать ее аромат.

Что-то словно затрещало и потянулось в его теле; он почувствовал, как он вытягивается, как голова его высовывается из плеч; он покосился глазом на свой нос и заметил, что тот становится все меньше и меньше; спина и грудь стали выравниваться, ноги становились все длиннее.

Мими с изумлением смотрела на него.

— Ах, какой же ты большой, какой красивый! — воскликнула она. — Теперь в тебе не осталось ничего, что напоминала бы о твоём прежнем уродстве.

Обрадованный Яков, несмотря на свою радость, все-таки не забывал, как много он обязан своей спасительнице Мими. Правда, сердце влекло его отправиться прямо к родителям, но он из благодарности подавил это желание и сказал:

— Кому, как не тебе, обязан я своим исцелением? Не будь тебя, я никогда не нашел бы этой травки и навеки должен был бы оставаться карликом, а то и совсем погибнуть от руки палача. Но я постараюсь отблагодарить тебя. Я отвезу тебя к твоему отцу, — быть может, он, столь опытный в волшебстве, сумеет и тебя избавить от злых чар.

Мими залилась слезами радости и приняла его предложение. Якову удалось благополучно выбраться с нею из дворца, после чего они пустились в путь по направлению к морскому берегу, родине Мими.

Не станем подробно описывать, как они совершили свое путешествие, как Веттербок снял чары со своей дочери и отпустил Якова с богатыми подарками, как Яков вернулся в свой родной город и как родители его с радостью признали в красивом молодом человеке своего пропавшего сына.

Прибавим лишь одно, что после его исчезновения из дворца герцога, там поднялась страшная суматоха.

Когда на другой день герцог, не получив паштета, захотел исполнить свою клятву и приказал отрубить карлику голову, последнего нигде не могли отыскать.

Князь же утверждал, что герцог сам дал ему возможность тайком убежать, чтобы не

потерять своего лучшего повара, и упрекал его в том, что он нарушил свое слово.

Из-за этого между обоими государями возникла продолжительная война, которая известна историкам названием «Травяной войны». Обе стороны дали несколько сражений, но в конце концов был заключен мир, который получил название «Паштетного», так как на празднике в честь примирения повар князя подал к столу паштет-сюзерен, которому герцог и оказал должную честь.

КИП, ЗАКОЛДОВАННЫЙ КОТ

Шведская сказка

Жила-была однажды королева, у которой была кошка. Также у нее был муж-король, прекрасное королевство, драгоценности и множество верных слуг. Но больше всего на свете королева любила свою кошку.

Она была очень красива: с пышной серебристой шерстью и ярко-голубыми глазами. Она тоже очень любила королеву. Они всегда были вместе, и кошке было позволено есть за королевским столом.

Однажды у кошки появился котенок, и его назвали Кип.

— Ты счастливее меня, — сказала кошке королева. — У меня нет детей, а у тебя такой чудесный малыш, а ты покидаешь меня, оставляя его на мое попечение.

— Не плачьте, Ваше Высочество, — сказала кошка, которая была настолько же разумна, насколько красива. — Слезами горю не поможешь. Я обещаю вам, что скоро и вы родите малыша.

В ту же ночь кошка ушла в лес, чтобы найти своих сородичей, а через некоторое время королева родила прелестную дочь, которую назвали Ингрид. Маленькая принцесса и котенок очень подружились. Они целыми днями вместе играли спали в одной кроватке. Но однажды котенок ночью отправился ловить мышей и исчез. Больше его никто не видел.

Прошли годы. Однажды принцесса Ингрид играла в саду с мячом. Она подбрасывала мяч вверх, как можно выше, забавляясь и смеясь. И вот, подброшенный ею мяч упал в кустарник с розами. Она отправилась искать его и услышала голос:

— Здравствуй, Ингрид!

Она посмотрела под ноги и увидела прелестного полосатого кота.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросила она.

— А ты разве не помнишь меня? Мое имя — Кип, — сказал кот.

— Я никогда не слышала этого имени, — ответила Ингрид.

— Я — Кип, — продолжал кот. — Маленьким я спал у тебя на руках. Но у детей, в отличие от котов, короткая память, — с сожалением сказал кот.

Вдруг рядом с принцессой появилась ее гувернантка, которая, увидев кота, закричала:

— Убирайся прочь, грязный воришка!

Услышав это, кот тотчас же исчез в кустах. Ингрид, задумавшись, пошла во дворец. Вечером, когда она лежала в постели, пришла королева пожелать ей спокойной ночи, и Ингрид спросила ее о коте.

— Да, действительно, так и было, — сказала королева. — Как бы я хотела увидеть Кипа еще раз.

На следующий день стояла ужасная жара и играть в саду было невозможно. Ингрид с гувернанткой отправились к опушке леса.

Там они сели под тенистое дерево, и Ингрид стала тихонько напевать. Через некоторое время гувернантка заснула, по крайней мере, так показалось Ингрид.

Она вскочила и, бросившись в лес, стала громко звать:

— Кип, Кип!

Она увидела ручей и, сняв туфли, зашла в прохладную воду. Вдруг сзади послышался

подозрительный шум.

Обернувшись, она увидела позади себя громадного черного чудовищного великана. Он схватил Ингрид за руки и зарычал страшным голосом:

— Пойдем со мной!

Он потащил ее за собой и шел так быстро, что Ингрид едва успевала за ним. Ее ноги стерлись до крови, но она не смела попросить его вернуться к ручью за своими башмаками.

Ее слезы привели великана в бешенство.

— Я терпеть не могу слезливых детей, — заявил он. — Если ты не перестанешь, я убью тебя!

Он достал огромный нож и отрезал Ингрид ступни ног. Сунув их к себе в карман, он исчез в лесу. Потрясенная и стонущая от боли, Ингрид упала на землю. Вдруг она услышала слабый свист.

— Помогите! — закричала она, что было сил.

— Иду-иду, — ответил ей голос. Это был Кип. Он ехал в своей собственной карете запряженной великолепной лошадью. Он поднял Ингрид и бережно положил ее в карету.

Очнувшись и открыв глаза, Ингрид вдруг обнаружила, что лежит в мягкой белоснежной кровати, и Кип поит ее теплым молоком с ложечки.

Ее ноги больше не болели, поскольку Кип смазал их волшебной мазью вербенового дерева.

— Постарайся не двигаться, — сказал Кип. — Поспи, пока не найду великана и не принесу назад твои ступни. Я закрою дверь на ключ, чтобы никто не потревожил тебя.

Кип сел в свою карету и поехал. Через некоторое время он увидел хижину великана. Он прислонился ухом к замочной скважине и стал слушать.

Великан разговаривал со своей женой.

— Гадкая плакса эта девчонка, — злобно говорил он. — Я должен убить ее.

— Ты успеешь сделать это и завтра, — ответила ему жена. — Мы зажарим ее и устроим вкусный ужин.

— Она слишком молода, — ответил людоед. — В этом возрасте они еще очень костлявые.

Пока они разговаривали. Кип пробрался в кухню и, взяв большую пачку соли, высыпал ее в готовящийся на плите суп. Затем он спрятался опять. Вскоре жена людоеда принесла из кухни суп, и они принялись есть его огромными половниками. От большого количества соли у них пересохло в горле.

— Я пойду, пожалуй, к колодцу, попью, — сказал людоед.

— Я тоже, — ответила жена.

Когда они вышли, Кип пробрался в их хижину и вытащил из кармана людоедовой куртки ступни Ингрид. Он схватил их и помчался домой так быстро, как только мог.

Ингрид ждала его.

— Вот, возьми, — сказал Кип, — и не беспокойся. Я смажу их волшебной мазью, и они за секунду прирастут снова.

Он приложил отрезанные ступни к ногам Ингрид и смазал их волшебной мазью из вербены.

— Но ты не должна несколько дней вставать с постели — сказал он, Завтра я отвезу тебя домой. Королева будет очень рада увидеть тебя живой и здоровой.

В самом деле королева была счастлива увидеть свою дочь снова. Взяв Ингрид из рук

Кипа, она спросила его:

— Как мне отблагодарить тебя? Ты спас ей жизнь, а ее жизнь для меня дороже моей собственной.

— Не думай пока об этом, — ответил Кип. — Позаботься об Ингрид. Как-нибудь я попрошу у тебя помощи.

Кип сел в свою карету и вернулся домой. Когда Ингрид услышала, что Кип уехал, она очень затосковала. Она не могла ни есть, ни пить и не думать ни о чем, кроме него.

Ее мать приносила ей новые нарядные платья, экзотические фрукты и волшебные сказки, но ничто не могло рассеять грусть Ингрид.

— Я не знаю, что делать! — сказала королева, обращаясь к мужу-королю. — Я перепробовала все средства.

— Не все, — сказал задумчиво король.

— Что ты имеешь в виду? — спросила изумленная королева.

— Мы должны найти ей мужа. Может быть, это спасет ее от тоски.

Королева согласилась, и со всех концов во дворец съехались прекрасные молодые принцы. Выбрав самого отважного и красивого из них, Ингрид впервые улыбнулась, и они обручились.

Приближался день свадьбы. Звонили во все колокола. Во дворцовой церкви священник обвенчал молодых.

После церемонии бракосочетания состоялся бал. Уже в конце бала появился Кип. Ингрид была очень рада увидеть его. Она обняла его и расцеловала.

— Я хочу попросить тебя об одном одолжении, — сказал Кип.

— Я исполню все, что ты пожелаешь, мой дорогой Кип, — сказала Ингрид.

— Разреши мне сегодня ночью лечь у твоих ног? — попросил он.

— И это все? Конечно, я разрешаю, — сказала Ингрид.

— Благодарю! — ответил Кип.

В эту ночь Кип спал у ног Ингрид. На следующее утро, проснувшись, Ингрид увидела не месте, где спал кот, прелестную молодую принцессу.

Она поведала Ингрид странную историю. Она и ее мать были заколдованы злой волшебницей. Их чары должны были продолжаться до тех пор, пока они не устранят какое-нибудь большое зло. Мать Кипа умерла, так и не расколдовавшись. А Кип противостоял злу великана, и поэтому чары заклятья спали с него, и он стал принцессой.

Ингрид была очень рада за принцессу и пригласила ее жить во дворце. Вскоре принцессе нашли богатого молодого принца, и они поженились.

А потом у Ингрид с мужем и молодой принцессы с принцем появились дети, которые больше всего на свете любили слушать историю про Кипа — заколдованного кота.

ГРЕЙС И ДЕРЕК

Мадам д'Олнуа

Жил-был король с королевой, и у них была единственная дочь, которую звали Грейс. Это имя очень подходило ей. Она была красива, добра и умна. Грейс была украшением дворца, и многие королевские советники спрашивали у нее совета перед принятием решений.

По утрам мать обучала ее искусству быть королевой. Слуги сервировали ей стол серебряными и золотыми приборами и подавали самые роскошные и экзотические кушанья на свете, словом — она была счастливейшей из девушек.

Среди дворцовых дам была вечно всем недовольная и завистливая герцогиня Грудж, у нее были сальные волосы и круглое красное лицо. Она была неряхой, ленивицей и, кроме того, одна нога у нее была короче другой. Она ненавидела Грейс, которая все хорошела и хорошела с каждым днем.

Однажды королева заболела и умерла. Грейс очень тосковала по своей матери, а король безутешно оплакивал кончину своей супруги. Так прошел год. Король все чах и чах от тоски, и доктора велели ему чаще бывать на свежем воздухе.

Король решил поехать поохотиться. В один прекрасный день, поехав на охоту, он остановился отдохнуть в большом особняке. Это был дом герцогини Грудж.

Она вышла встретить короля и проводила его в прохладную часть дома, где он прилет отдохнуть. После обильного ужина герцогиня повела короля показать свои винные погреба.

— Разрешите мне предложить вам немного старинного вина, — сказала она.

— Что за вина хранятся у вас здесь? — поинтересовался король.

— Сейчас мы посмотрим, — ответила герцогиня. Она вытащила пробку из одной бочки. Тысячи золотых монет посыпались на пол.

— Как странно, — сказала герцогиня. Она выдернула пробку из другой бочки, и десятки тысяч монет посыпались из новой бочки.

— Все-таки это очень странно, — усмехнулась герцогиня. И она начала выдергивать пробки из каждой бочки подряд. Жемчуга и бриллианты, сапфиры и изумруды посыпались на пол погреба.

— О, Ваше Высочество, похоже здесь совсем нет вина. Вместо него бочки полны каким-то хламом, — сказала хитрая герцогиня.

— Хламом? — вскричал изумленный король. — Вы называете богатство хламом?

— Вы еще не видели моего богатства, — сказала Грудж, которая просто упивалась своей хитростью. — Все мои погреба полны золота и драгоценных камней. Все они будут вашими, если вы женитесь на мне.

— Моя дорогая герцогиня, конечно же, я женюсь на вас! — воскликнул король, который просто обожал деньги.

— Но у меня есть одно условие, — сказала Грудж. — Я хочу быть опекуной вашей дочери и настаиваю на том, чтобы она подчинялась мне беспрекословно.

— Хорошо, — согласился король.

Герцогиня вручила ему ключи от погребов, и в этот же день они обвенчались в маленькой церкви.

Приехав домой, король сразу же пошел в комнату дочери.

— Ну как прошла охота? — спросила Грейс. — Велика ли добыча?

— Добыча огромная — это несметные сокровища герцогини Грудж, с которой мы обвенчались сегодня утром. Теперь ты должна любить ее, уважать и слушаться беспрекословно. Пойди переоденься в свою лучшую одежду. Сегодня я привезу герцогиню во дворец.

Грейс очень любила отца и хотела ему только счастья, но она не смогла держать нахлынувших слез. Это увидела ее нянюшка, поинтересовавшись, что же случилось.

— Мой отец женился вновь, — рыдала Грейс. — И моя мачеха — мой заклятый враг герцогиня Грудж.

— Никогда не забывай, что ты принцесса, дорогая. Умей скрывать свои чувства. Обещай мне, что герцогиня никогда не узнает о твоём отношении к ней, — попросила старая нянюшка.

Это было очень тяжело. Но Грейс дала себе слово встретить герцогиню со счастливым лицом и самыми добрыми намерениями. Она надела платье цвета молодой зелени и золотую мантию. Грейс также сделала красивую причёску и увенчала ее короной, усыпанной бриллиантами.

Грудж тоже готовилась к встрече тщательно. На свою короткую ногу она надела башмак на высоком каблуке, покрасила свои волосы в черный цвет, а лицо обильно напудрила.

А портниха сшила ей платье, скрывающее горб. Послав скорохода с запиской к королю, она написала, что хотела бы въехать на королевский двор на самой прекрасной лошади короля.

Пока шли приготовления, Грейс вышла прогуляться в лес. Здесь никто не мешал наплакаться вволю. Успокоившись, она посмотрела вверх и увидела очаровательного маленького пажа, одетого в зеленый шелковый камзол и белую бархатную шляпу. Он, улыбаясь, приближался к ней.

— Принцесса, король ждет вас.

Грейс была озадачена. «Почему она никогда не видела его среди королевских слуг?»

— Давно ли вы служите у нас? — спросила она.

— Я не служу никакому королю, моя дорогая. Я служу только вам. Меня зовут Дерек. Я принц волшебного королевства. При рождении я был наделен волшебной силой, позволившей мне находиться с вами везде, где бы вы ни были, оставаясь невидимым. Я слышал весь ваш разговор с отцом и пришел, чтобы помочь вам.

— Так значит вы и есть тот самый умный на свете принц Дерек, о котором я столько слышала. Я рада, что вы предлагаете мне свою помощь. Теперь я уже не так боюсь герцогини Грудж, — сказала Грейс.

Они вернулись в замок. Дерек выбрал для принцессы самую красивую лошадь, и она с отцом выехала встречать герцогиню. В суматохе приготовлений никто и не заметил, что лошадь Грейс во сто крат красивее, чем лошадь, выбранная для герцогини.

Кортеж герцогини встретил их на полпути. Король помог герцогине выйти из кареты и проводил ее до выбранной для нее лошади. Увидев лошадь Грейс, уродина-герцогиня закричала страшным голосом:

— Что это за издевательство надо мной? Почему у этой девчонки лошадь лучше, чем у меня? Я отказываюсь ехать в замок и возвращаюсь домой. Король стал умолять герцогиню; не делать этого и велел Грейс отдать ей свою лошадь.

Взобравшись в седло герцогиня со злости так хлестнула лошадь кнутом, что та полетела быстрее вихря. И как ни старалась Грудж удержаться в седле, она все-таки свалилась в грязную лужу.

Король подбежал к ней, поднял на руки и унес ее во дворец, где слуги уложили ее в постель.

— Это все мне подстроила Грейс, — вопила злая герцогиня. — Она сделала это, чтобы унижить меня. Она хотела убить меня!

Король решил задобрить Грудж. Он знал, как ей хочется быть красивой, и заказал для нее портрет, который как могли приукрасили королевские живописцы. Он дал бал в честь герцогини и посадил ее на самое почетное место.

Герцогиня сияла от счастья. Ей казалось, что все только и делают, что смотрят на нее. На самом деле все приглашенные принцы, короли, герцоги и бароны смотрели на Грейс, которая стояла за спиной своей мачехи. Увидев это, герцогиня решила уничтожить падчерицу.

Поздно ночью стража схватила Грейс и отвезла далеко в лес, полный диких зверей. Там ее и оставили одну-оденешеньку. Бредя по дикому, темному лесу, Грейс плакала, причитая:

— О, Дерек, где же ты? Неужели и ты покинул меня?

И вдруг случилось чудо. На каждой веточке каждого дерева зажглось по свечке, освещая дорогу к роскошному хрустальному дворцу, стоящему в глубине леса. Подойдя к нему поближе, она увидела на пороге сияющего Дерека, который протягивал к ней руки.

— Не бойся, моя дорогая, ведь я так люблю тебя, — сказал он. — Идем скорее во дворец, моя матушка и сестры заждались тебя.

Чудесная музыка играла повсюду во дворце. Королева и ее дочери проводили Грейс в волшебную хрустальную комнату, где пораженная принцесса увидела в зеркалах всю свою жизнь и все приключения, что с ней случились.

— Я хочу запомнить все о тебе навсегда, — объяснил Дерек.

Грейс не знала, что сказать. Тут вмешалась королева и позвала всех к столу. После обильного ужина, Грейс почувствовала себя уставшей. Тридцать служанок раздели ее и уложили в постель, где она сладко уснула под тихую мелодичную музыку.

Когда она проснулась, ей показали шкафы полные платьев и драгоценностей, а также множество красивой обуви. Все было ее размера и на ее вкус. Грейс поблагодарила Дерека за все это.

— Я должна идти, — сказала она. — Мой отец, должно быть, волнуется.

— Здесь ты в безопасности, — возразил ей Дерек. — Зачем тебе уходить? Выходи за меня замуж и забудь свое прошлое, как дурной сон. Мы прекрасно заживем здесь.

— Я бы с удовольствием осталась здесь, — ответила Грейс. — Но мой долг находиться сейчас рядом с отцом, который сойдет с ума, решив, что я умерла. Кроме того, я очень боюсь, что эта гадкая Грудж изведет его до смерти.

Дерек пытался уговорить Грейс, но все было бесполезно. В конце концов он согласился отпустить ее. Он сделал ее невидимой, чтобы она могла незаметно пробраться в замок.

Грейс, проникнув в замок, сразу же направилась в комнату отца. Сначала он очень испугался, приняв Грейс за привидение, но потом успокоился и выслушал ее.

Она объяснила отцу, что Грудж хотела убить ее, и только чудом ей удалось спастись. Она просила отца отправить ее в самый дальний конец королевства, чтобы там спокойно прожить без козней Грудж.

Король, хотя и был человек смелый и волевой, оказался под каблуком у новой жены. Он успокоил Грейс и пригласил ее поужинать с ним. Слуги герцогини увидели Грейс и доложили ей, что принцесса живая и невредимая возвратилась во дворец.

Когда король уснул, герцогиня начала действовать. Она схватила Грейс, одела ее в рваные лохмотья и посадила в тюремную яму. Вместо постели она кинула ей туда пучок соломы. Грейс очень тосковала по родному дворцу, милому отцу и доброму Дереку. Но никого не звала на помощь.

В это время Грудж со своей подругой, злой феей, придумывали для Грейс самые ужасные наказания. Наконец фея, напрягши свой изощренный в гадостях ум, сказала:

— Давай попробуем вот это.

Они дали ей заколдованный клубок спутанных ниток и велели до утра разобрать его и смотать заново. Как Грейс ни старалась, шерсть только все больше запутывалась и запутывалась.

Грейс отложила клубок в сторону и горько заплакала.

— Пусть лучше Грудж убьет меня, чем я буду так мучиться, — рыдала она. — О, Дерек, если ты не можешь помочь мне, то хотя бы приди и попрощайся со мной.

Не успела она произнести последние слова, как откуда ни возьмись появился принц Дерек.

— Не плачь, моя дорогая, — сказал он. — Пойдем со мной, мы поженимся и будем жить счастливо.

— Но как я могу проверить, что ты действительно любишь меня, ведь мы знакомы очень короткое время? — сказала Грейс.

Дерек только грустно склонил голову, чтобы скрыть свои слезы и, попрощавшись с ней, исчез.

Грудж едва могла дожждаться ночи, предвкушая расправу с Грейс. Она принесла Грейс огромный саквояж, полный перьев различных птиц, и потребовала, чтобы Грейс разделила их по видам.

Перья были такие разноцветные и разные и их было такое огромное количество, что это была просто невыполнимая задача. Никто не смог бы, кроме самих птиц, отличить, какое перышко принадлежит какому виду.

«Я больше не буду звать Дереку, — подумала Грейс. — Если он действительно любит меня, он придет сюда сам».

— Я здесь, моя дорогая! — послышался сверху голос, и она увидела своего любимого. Он трижды взмахнул своей палочкой, и все перышки сами разделились на нужные кучки.

— Как я благодарна тебе за все, — горячо поблагодарила его Грейс. — Я никогда не забуду твоей доброты ко мне!

Наутро, увидев, что вся работа выполнена верно и в срок, Грудж пришла в неопишемую ярость. Она опрометью кинулась к подружке — колдунье и умоляла ее дать Грейс самую невыполнимую работу.

— Возьми вот эту волшебную коробочку, — сказала злая фея. — Если Грейс откроет ее, она уже никогда не закроется. Отправь ее с ней и строго-настрого накажи ей не раскрывать ее, любопытство все равно возьмет верх, и Грейс откроет коробочку. Вот тогда у тебя будет повод наказать ее.

Грудж в точности выполнила наказ колдуньи и, отдавая Грейс коробочку, сказала:

— Отнеси это ко мне в поместье. Да смотри, не заглядывай в нее, потому что там

находятся вещи, которые слишком дороги для тебя, чтобы видеть их. Я запрещаю тебе это под страхом смерти.

Грейс взяла коробочку и отправилась в путь. Пройдя почти половину пути, она остановилась отдохнуть. Присев на траву, она положила коробочку на колени и подумала: «Интересно, что там внутри? Я открою ее разок и не буду ничего трогать».

Она открыла коробочку и оттуда вдруг вылетела целая стая крохотных прозрачных человечков, самый большой из которых был с ноготь человеческого мизинца. Они покружились немного в воздухе и исчезли.

— О, Боже, что же я наделала, — заплакала Грейс. — Из-за своего любопытства я попала в беду. О, Дерек, если ты еще любишь меня, такую глупую, помоги мне скорее!

Принц сразу же появился. Он взмахнул своей волшебной палочкой и крохотные человечки, вдруг слетевшись со всех сторон, сразу же запрыгнули в коробочку и закрыли за собой крышку.

Он еще раз взмахнул своей палочкой и появилась его карета. Дерек посадил в нее Грейс и отвез ее в поместье Грудж.

Но слуги не впустили Грейс, поскольку она была в грязных лохмотьях.

Принцесса была вынуждена вернуться назад, во дворец. К тому времени, когда она вернулась, у злой герцогини созрел новый план.

В саду она велела вырыть большую яму с капканом на дне и сверху заложить ее травой.

Вечером вместе со своими служанками и Грейс она отправилась прогуляться в сад. Проходя мимо ямы, она столкнула туда бедную принцессу, а сама со служанками убежала обратно во дворец.

Горько плакала бедняжка Грейс в темной сырой яме.

— Я похоронена здесь заживо, — рыдала она. — О, Дерек, вот мне наказание за то, что я не верила твоей любви.

Вдруг она услышала странный шорох и, обернувшись, увидела, что в одном из углов ямы появилась дверь, которая стала увеличиваться и увеличиваться.

Через нее пробивался свет. Открыв ее, Грейс увидела цветущий сад с диковинными цветами и фруктами и фонтаном необыкновенной красоты.

А впереди красовался огромный хрустальный дворец принца Дерека. Сам принц, его мать и сестры вышли ее встречать.

— Дорогой принц, — сказала Грейс. — Я не верила твоей любви, но ты доказал мне ее. Если ты не передумал, я с удовольствием выйду за тебя замуж.

Они тут же поженились и зажили счастливо в волшебном королевстве, где и живут до сих пор.

ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

Русская сказка

Ехал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около стога и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру в сено. Сел казак на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Оглянулся казак, смотрит — стог сена горит, а в огне стоит красная девица и говорит громким голосом:

— Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.

— Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.

— Сунь в огонь свою пику, я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

Тотчас красная девица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался; не придумает, что ему делать и как ему быть.

Провещала змея человеческим голосом:

— Не бойся, добрый молодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство.

Много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена.

Поскакал казак на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту же минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз пропала — словно ее не было.

Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх, — думает казак, — куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, придется помирать голодною смертью!»

Только подумал, глядь — перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть — всего вдоволь; он закусил и выпил, и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню — конь стоит в стойле да овес ест.

— Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить.

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. Вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошел во дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является.

Лег казак спать. На другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит — нет ему ничего! «Эх, — думает, — сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только покаялся, как сейчас и еда и питье — все готово!

Прошло три дня; проснулся казак поутру, глянул в окно — у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни возьмись — явилась красная девица:

— Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончились — избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь. Унес меня Кощей Бессмертный от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедem к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит.

— А что за корысть в нем?

— Покатишь бочонок в правую сторону — тотчас дворец явится, покатишь в левую — дворец пропадет.

— Хорошо, — сказал казак.

Сел он на коня, посадил с собой и прекрасную королеву; высокие стены сами перед ними пораздвинулись, и поехали они в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — приезжает казак с королевной к королю. Король увидел свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полные мешки золота и жемчугу.

Говорит добрый молодец:

— Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит.

— Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль. Бери.

Казак взял королевский подарок и отправится по белу свету странствовать.

Ехал, ехал, попадаетея ему навстречу древний старичок. Просит старик:

— Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатыл его вправо — в ту ж минуту чудный дворец явился.

Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

— Эй, слуги мои верные! — закричал казак. — Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить — несут слуги целого быка и три котла пива. Начал старик есть да похваливать; съел целого быка, выпил три котла пива, крякнул и говорит:

— Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб и за соль.

Вышли из дворца; казак покатыл свой бочонок в левую сторону — и дворца как не бывало.

— Давай поменяемся, — говорит старик казаку, — я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

— А что толку в мече?

— Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вон видишь — лес растет; хочешь, пробу сделаю?

Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

— Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился.

Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на нее мечом:

— Меч-саморуб! Сослужи-ка службу; поруби войско вражье!

Полетели головы... И часу не прошло, как вражьей силы не стало.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королеву.

Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

УРАШИМА И ЧЕРЕПАХА

Японская сказка

Жил-был однажды молодой рыбак, который больше всего на свете любил море. Он жил в хижине на берегу. Утром и вечером, зимой и летом он не переставал любоваться морем. Звали его Урашима.

Каждый день он ловил рыбу. Но поскольку был влюблен в море и добр от природы, он всегда выпускал пойманную рыбу обратно в море.

Однажды, закинув свою удочку, Урашима вдруг почувствовал, что леска сильно натянулась. Выдернув ее, он увидел большую черепаху, зацепившуюся за крючок. Урашима освободил черепаху и отпустил ее обратно в море. «Лучше я буду голодать сегодня, — подумал он, — чем убью молодую черепаху».

Ты знаешь, что черепахи живут много-много лет, а эта была еще совсем юная. Черепаха исчезла в волнах, а через некоторое время необыкновенной красоты девушка появилась у лодки Урашимы.

Присев на ее край, она сказала:

— Я дочь морского царя. Мы живем на дне моря. Отец разрешил мне превратиться в черепаху, чтобы испытать твое доброе сердце. Ты и в самом деле добр и благороден. Я приглашаю тебя к себе в гости посмотреть мой подводный дворец.

Урашима не мог вымолвить ни слова, пораженный ее неземной красотой. Одним лишь желанием было следовать за ней повсюду.

— Да, — только и мог вымолвить он и, подав ей руку, последовал за ней на морское дно. Хрустальная рыбка с золотыми плавниками сопровождала их. Еще до захода солнца они достигли подводного дворца.

Он был сделан из кораллов и жемчуга и сверкал так, что было больно глазам. Драконы с нежно-бархатной кожей охраняли вход во дворец.

В тишине и роскоши дворца прожил Урашима четыре года вместе с красавицей принцессой. Каждый день море искрилось и сияло в лучах солнца. Они были счастливы, пока однажды Урашима не повстречал маленькую черепаху. Она напомнила ему тот день, когда он ушел к морю. Он вспомнил о своей деревне и своей семье.

Принцесса знала, что однажды он вспомнит и затоскует по дому.

— Ты должен вернуться на землю, к людям, — сказала она. — Если ты останешься здесь, ты возненавидишь меня и умрешь с тоски. Если ты отправишься сейчас, ты сможешь вернуться назад. Возьми эту жемчужную коробочку, перевязанную зеленой лентой. Но смотри, не развязывай ленты. Если ты сделаешь это и раскроешь коробочку, ты уже никогда не сможешь вернуться назад.

Урашима сел в свою лодку, и принцесса вынесла ее наверх. Он поплыл к родному берегу. Увидев его, он заплакал от радости.

Там все также стоял холм, росли черешневые деревья, и все таким же золотым был прибрежный песок, из которого он в детстве строил красивые замки, Урашима поспешил вверх по знакомой тропе. Поднявшись, он не узнал окрестностей. Все также светило солнце, пели птицы и синело, переливаясь, море. Хижины его не было, не было даже дерева, под тенью которого она стояла. Он пошел дальше. Что же случилось за четыре года, пока он был

в подводном царстве?

Вдруг он увидел седовласого старца, отдыхающего под тенью дерева, и подошел поговорить к нему.

— Простите, вы не скажете, как пройти к хижине Урашимы? — спросил он.

— Урашима? — переспросил старец. — Это очень древнее имя. Я слышал его однажды в детстве. Это было в рассказе моего прадедушки о мальчике, который утонул в море. Его братья, их сыновья и их внуки жили здесь и рыбачили. Но все они уже умерли. Это очень грустная история, правда? Молодой человек пошел в море 400 лет назад и не вернулся домой. Не нашли даже щепки от его лодки. Море поглотило все, — сказал старец.

Без семьи, без дома, никому незнакомый и ненужный Урашима был чужой в своей деревне.

Старец, указав в сторону холма, сказал:

— Там находится деревенское кладбище, и там вы найдете его могилу.

Медленно Урашима побрел на кладбище. Там, среди имен матери, отца и братьев он увидел и свое имя, вырезанное на сером могильном камне.

И вдруг он понял. Ничто не связывало его больше со своей деревней. Здесь на земле он был мертв, он опоздал сюда на 400 лет. Он должен вернуться к своей возлюбленной принцессе.

Он знал, что ему нельзя потерять свою коробочку, перевязанную зеленой лентой. Он знал, что должен поспешить, но чувствовал себя усталым и ненужным.

Он потихоньку вернулся на берег, сел на морской песок и положил на колени жемчужную коробочку. Он мечтал о том, как вернется назад, в морское царство. Машинально он развязал зеленую ленту и открыл коробочку.

Белый туман потихоньку выплыл из коробочки и поднялся высоко в небо. Там он приобрел очертания его любимой, прелестной принцессы.

Урашима протянул к ней руки и кинулся за ней, но туман рассеялся в морском воздухе.

Урашима почувствовал себя очень старым. Его спина вмиг сгорбилась, руки затряслись, а волосы поседели. Его мускулы стали дряблыми, а ноги стали едва передвигаться.

Вскоре на морском берегу дети нашли скелет неизвестного человека. А на морских волнах все плыла, качаясь, маленькая жемчужная коробочка. Над ней легко кружилась на ветру зеленая лента.

ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА

Карельская сказка

Давным-давно жили старик со старухой. Некому было их старость покоить — не было у них ни сына, ни дочери. Пошел как-то старик в лес дрова рубить. А старуха и говорит:

— Вытесал бы ты, старик, из ольховой чурки мне куклу. Я бы ее вместо ребенка в колыбели качала, коли своих детей качать мне не привелось.

Пошел старик в лес и целый день тесал из ольховой чурки куклу. Принес старик куклу домой, сделал колыбельку. Старуха спеленала деревяшку, как ребенка, уложила в колыбель, стала качать и песни колыбельные ей петь.

Три года качала старуха ольховую чурку. Однажды утром стала она хлеба печь. Слышит — колыбель сама закачалась — застучала по половицам. Оглянулась: в колыбели сидит трехлетний мальчик и раскачивается. Спрыгнул он на пол и говорит:

— Испеки мне, мать, хлебец, я есть хочу!

Старуха так обрадовалась, что не знает, куда сына и посадить, чем его накормить. Спрашивает сын: — А где же отец? — Отец поле пашет. — Я пойду ему помогать, — говорит мальчик. Пришел на край поля, кричит:

— Здравствуй, отец, я пришел тебе помогать!

Старик остановил лошадь, посмотрел и говорит:

— Кто меня отцом кличет? У нас же нет сына.

— А я Ольховая Чурка, которую мать три года качала. Теперь я ваш сын. Скажи, что мне делать.

Смотрит старик: перед ним стоит молодец, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать!

— Ну, коли ты мне сын, помогай. Надо сделать изгородь, чтобы медведи овес не травили.

Пошел старик обедать, а Ольховая Чурка остался поле городить. Такую изгородь из толстых деревьев сделал, что зайцу под нее не пролезть, птице через нее не перелететь. А проход на поле не догадался оставить. Вернулся старик, увидел это, только головой покачал. А вечером старухе сказал:

— Силы у парня много, а что толку: такую изгородь сделал, что теперь и на поле не попадешь.

За всякую работу с охотой принимался Ольховая Чурка, но в полсилы работать не умел. Вот и выходило, что не столько пользы от его помощи, сколько хлопот.

Ольховая Чурка и сам понял это. Однажды утром и говорит он старухе:

— Испеки, мать, мне подорожников. Пойду по белу свету бродить, может, где моя сила и пригодится.

Всплакнула старушка, а Ольховая Чурка взял с ее плеч красный платок, привязал к жерди под потолком и сказал:

— Когда с этого платка кровь закапает, тогда и ищите меня.

И пошел. Шел близко ли, далеко ли, видит: сидит на утесе, на берегу озера, человек и удит. Удилище — толстенная сосна, леска — якорная цепь, а вместо крючка — якорь.

— Вот это силач так силач! — сказал Ольховая Чурка.

— Что ты, добрый человек! Разве я силач? Говорят, есть на свете Ольховая Чурка — так

тот всем силачам силач! — говорит Удильщик.

Смолчал Ольховая Чурка, не сказал, кто он.

— Пойдем вместе белый свет смотреть, — говорит он Удильщику.

Пошли вдвоем. Шли близко ли, далеко ли, слышат грохот. Смотрят: стоит человек, высоко над головой скалу поднял. Как бросит скалу на скалу, так обе и разлетаются на куски.

— Эй, добрый человек, что ты делаешь? — кричат ему Ольховая Чурка и Удильщик.

— А я не знаю, куда силу девать — просто так тешусь.

— Вот это силач так силач! — говорит Ольховая Чурка.

— Что ты, разве я силач? Вот говорят есть на свете Ольховая Чурка тот всем силачам силач! — отвечает Скалолом.

Опять ничего не сказал Ольховая Чурка о себе.

— Пошли вместе белый свет смотреть, — говорят Скалолому Ольховая Чурка и Удильщик.

Идут втроем. Шли близко ли, далеко ли, стало вдруг смеркаться. И чем дальше идут, тем темнее становится. Удивились путники — ведь только что было утро, почему же среди бела дня ночь наступила? Идут они, идут совсем темно стало, как в осеннюю ночь. Видят впереди что-то ровное, словно море, а на берегу не то город, не то крепость — в темноте-то не разобрать.

У самой крепостной стены стоит бедная избушка, в которой жила старая вдова. Зашли в нее путники и спрашивают:

— Что это за земля, где среди бела дня ночь наступает?

— Ох, сыночки! Уже три года не видим мы ни солнца, ни месяца, ни зари. Один злой человек проклял солнышко, потому что жгло его сильно, вот девятиглавый змей и похитил солнце. Другой злодей месяц проклял, потому что мешал он ему воровать и темные дела творить. И шестиглавый змей похитил месяц. А третий дурной человек зарю утреннюю проклял: лентяй был, так заря, видишь ли, ему спать мешала по утрам. Трехглавый змей и унес зарю.

— А нельзя ли этому горю помочь? — спросил Ольховая Чурка.

— Ох, сынок, — говорит старая вдова, — три года ищут силачей, которые могли бы этих змеев одолеть, да нигде не могут найти. Есть у нашего царя такой волшебный напиток: слабые его и пить не могут — обжигает, как огонь. Вот если бы кто смог три чаши этого напитка выпить, тот освободил бы зарю, кто бы выпил шесть чаш — освободил бы месяц, а кто бы девять чаш осушил — тот и солнце бы освободил... Только нет таких силачей у нас.

— А не попробовать ли нам? — говорит Ольховая Чурка. Пошли они к царю.

А было у царя свое горе великое. Трехглавый змей, который зарю утреннюю на дно морское унес, потребовал старшую дочь царя на съедение.

Принесли тот волшебный напиток огненный, налили первую чашу. Удильщик взял и выпил ее до дна — не поморщился. Налили другую чашу — выпил, и третью выпил. Скалолом шесть чаш выпил, а Ольховая Чурка — все девять до дна осушил, как будто это была вода. Разнеслась весть по округе: нашлись богатыри, которые могут зарю, месяц и солнце освободить!

Попросили Удильщик, Скалолом и Ольховая Чурка им мечи сковать: первому трехпудовый, второму шестипудовый, а Ольховой Чурке девятипудовый меч. Взяли они мечи и пошли к той старой вдове, попросили у нее ночлега.

Наступил вечер, когда трехглавый змей должен выйти из моря за старшей дочерью царя. Привели слуги девушку на берег и на камень усадили. Приходит Удильщик и говорит ей:

— Смотри зорко на море и жди, а я тем временем посплю. Когда змей будет из моря выходить, разбуди меня.

Положил он голову царевне на колени и крепко заснул. Прошло сколько-то времени, всколыхнулось море раз, другой, третий. Царевна начала Удильщика трясти, а он не просыпается. Вот уже голова змея показалась над водой. Тут у царевны от страха сил прибавилось, встряхнула она Удильщика что было силы! Он вскочил, схватил свой трехпудовый меч и пошел на змея. Увидел змей молодца и говорит:

— Ху-ху, человеческим духом пахнет. Хотел одну съесть, а пришли двое.

— Раньше времени не радуйся! Сперва поборемся, — говорит Удильщик.

— Коли ты такой сильный, то выдохни, чтоб здесь железное поле было, где нам биться, — говорит змей.

— Зачем тебе, толстобрюхому, железное поле? Я и на песке тебе головы отрублю.

И стали они биться. Бились они, бились, снес Удильщик змею голову, другую, а третью никак отрубить не может. Крикнул молодец:

— Смотри, дом твой горит!

Оглянулся змей, тут Удильщик и третью голову отрубил. Царская дочь подарила ему свое именное кольцо и стала звать с собой в царский дворец, но молодец велел ей одной идти домой, а сам пошел к той старушке-вдове, где его ждали товарищи.

А утром рано люди проснулись: на небе утренняя заря сияет.

Но скоро опять потемнело. Пошел Ольховая Чурка с товарищами по городищу гулять, а народ уже не радуется, снова плачет! Узнали они, что шестиглавый змей, который месяц на дно морское унес, требует среднюю дочь царя.

Настал вечер. Теперь пришел черед Скалолomu идти со змеем биться. Приходит он на берег моря, а средняя дочь царя уже там сидит на камне, слезами заливаается. Подходит к ней Скалолом и говорит:

— Не горюй, девушка, авось все обойдется. Я тут немного посплю, а ты не спускай глаз с моря, жди, когда змей будет подниматься. Тогда меня разбуди. Если не проснусь, то уколи меня булавкой.

Положил Скалолом голову царевне на колени и заснул крепким сном. А царевна глаз не спускает с моря. Вот всколыхнулось море раз, другой, третий. Стала царская дочь тормозить Скалолома, а тот никак не просыпается. Вот уже море в четвертый раз всколыхнулось и в пятый, а царевна все не может разбудить своего спасителя. Вспомнила наконец о булавке, уколола руку Скалолома. Тот мигом вскочил на ноги и схватил свой шестипудовый меч.

Всколыхнулось море в шестой раз, и вышел из воды шестиглавый змей. Увидел змей Скалолома и говорит:

— Ху-ху! Человечьим духом пахнет. Хотел одну съесть, а пришли двое! То-то ужин добрый будет.

— Раньше времени-то не хвались! Давай сперва силами померяемся, — говорит Скалолом.

— Ну, коли ты такой сильный, так выдохни, чтобы здесь медное поле стало, где нам биться, — говорит змей.

— Зачем тебе, толстобрюхому, медное поле? Я и на песке тебе головы поотрублю.

И пошел Скалолом на змея. Бились, бились они, отрубил молодец змею голову, вторую

и третью, но змей не поддается. Уже четвертая, пятая голова скатилась на песок, а у змея будто и силы не убавилось. Никак не может Скалолом шестую, последнюю голову одолеть. Пошел на хитрость:

— Смотри-ка, змей, дети твои на тебя дивуются, что ты безголовый стал! — кричит Скалолом.

Змей оглянулся — и шестая голова на песок скатилась. И тут из моря выплыла луна, которую змей на дно морское упрятал. А царевна на радостях подарила своему спасителю именное кольцо и стала звать его с собой в царский дворец, но Скалолом пошел к старой вдове, где его дожидались Удильщик да Ольховая Чурка.

Пошли утром три товарища по городищу гулять и видят: народ ликует, как в великий праздник.

Но не успели люди вдоволь нарадоваться, как разнеслась молва: сам девятиглавый змей требует на съедение младшую дочь царя.

Настал вечер, привели царские слуги младшую царевну на берег моря, на белый камень усадили. Сидит она на камне и горько плачет.

Вдруг, откуда ни возьмись, очутился перед ней молодец с девятипудовым мечом (это был Ольховая Чурка) и говорит царевне:

— Раньше времени девушка, не горюй! Я немного посплю, а ты не спускай с моря глаз и жди: как начнет змей выходить, меня разбуди. Если не добудишься, то вынь мой нож из ножен и ткни меня в руку — тут уж я вскочу.

Положил голову на колени девушке и заснул. Мало ли, много ли времени прошло, всколыхнулось море раз, другой, третий... Царевна давай молодца будить, тормошить, а Ольховая Чурка все спит. Всколыхнулось море в четвертый, пятый раз, волны до неба взметнулись, а она все не может его разбудить. Вот уже в восьмой раз вздыбилось море, огненные полосы пробежали по гребням волн. Тут царевна вспомнила о ноже, схватила за рукоятку, вынула из ножен и ткнула острием Ольховую Чурку в руку. Когда море в девятый раз вздыбилось, он уже был на ногах. Вышел из воды девятиглавый змей, увидел Ольховую Чурку и говорит:

— Ху-ху! Сам Ольховая Чурка ко мне на ужин пришел! Это как раз по мне! Слышал я про Ольховую Чурку, но не надеялся, что он сам ко мне в пасть ползет.

— Хвастливые речи только слабосильным говорить, — отвечает Ольховая Чурка. — Лучше без лишних слов к делу приступить!

— Ну, коли таким сильным себя мнишь, так выдуй серебряное поле, где нам биться! — говорит змей.

— Для чего тебе серебряное тюле? Твоим головам и на песке мягко будет лежать, — говорит молодец.

И пошел Ольховая Чурка прямо на змея со своим девятипудовым мечом. Не успел змей опомниться, как полетели у него три головы с плеч. Уже четвертая, и пятая, и шестая головы на песок скатились, а змей все не поддается. Бились они долго, вот уже седьмую голову Ольховая Чурка отрубил, а последние две никак не может одолеть. Но вот и восьмая голова покатила. Тут уж и Ольховая Чурка стал уставать. И не отрубить бы ему последней головы, если бы не придумал хитрость.

— Смотри, змей, солнышко из моря выходит! — крикнул Ольховая Чурка.

И правда, над морем уже заря занялась. Змей оглянулся. Тут Ольховая Чурка и девятую голову змею отрубил.

Младшая царевна выбежала из-за камня, взяла Ольховую Чурку за руку и стала звать во дворец: хотелось ей отцу показать своего спасителя. Но он велел ей одной идти во дворец, а подарок ее — именное кольцо — спрятал в карман.

Ольховая Чурка пошел к избушке старой вдовы и лег спать. Совсем немного удалось ему поспать, разбудили его радостные крики с улицы.

— Почему там кричат, чему радуются? — спрашивает Ольховая Чурка.

— Э, родимый, — отвечает старушка-вдова, — ты все спишь, и про то не ведаешь, что солнышко ясное встало. Три года мы солнца не видали — как же тут не радоваться! Один только Ольховая Чурка на свете мог убить девятиглавого змея и освободить солнце. Хоть бы одним глазом на него взглянуть!

Удильщик и Скалолом поглядывают на своего товарища: может он и есть Ольховая Чурка?

Вышли все трое из избушки, пошли по городищу гулять. Говорят люди трем товарищам:

— По всему царству ищут трех силачей, которые освободили утреннюю зарю, месяц и солнышко ясное да еще избавили царство от страшных змеев. Царь обещал каждому из этих молодцев в жены ту царевну, которую тот спас. А еще обещал царь поделить между ними полцарства и половину сокровищ.

Три дня прошло, а те молодцы никак не объявляются. На четвертый день приходят царские слуги в избушку старой вдовы и говорят:

— У тебя какие-то три чужестранца живут. Вели им по приказу царя явиться во дворец.

— Ну что ж, раз ведено, так надо идти, — говорит Ольховая Чурка. Только надо нам нарядиться как следует. Нет ли у тебя, хозяйка, какой-нибудь рваной одежды, что от мужа покойного осталась?

Принесла вдова из подклети рваную одежду, молодцы натянули ее на себя и стали похожи на нищих бродяг. Так и пошли в царский дворец. Не пускают их слуги — не место нищим в царских палатах. Тогда Ольховая Чурка и говорит:

— Позовите сюда младшую дочь царя.

Пришла царевна, Ольховая Чурка вынул из кармана ее именное кольцо и говорит:

— Признаешь ли свое кольцо, царевна?

Тут царевна вскрикнула от радости и бросилась Ольховой Чурке на шею. Слуги диву даются! А царевна отстранила слуг и сказала:

— Они победили змеев!

Пришли они в ту палату, где был царь с царицей и со своими дочерьми. Разгневался было царь — зачем впустили бродяг — но младшая дочь подошла к царю и все рассказала. Тут и Удильщик и Скалолом показали свои кольца, и старшие дочери царя признали в них своих спасителей.

Что лее оставалось делать — хоть и не по вкусу пришлись царю женихи, а свадьбу надо справить: не к лицу царю изменять своему слову.

Но тут заговорил Ольховая Чурка:

— Не надо нам ни царства, ни дочерей твоих, царь. Об одном только просим: дай нам царь, добрых коней и немного припасов, чтобы доехать до родной стороны.

Обрадовался царь и щедро наградил молодцев. Только младшая дочь царя опечалилась: по душе ей пришелся Ольховая Чурка.

И отправились три товарища в обратный путь.

Едут они, едут, вдруг видят — стоит в лесу, недалеко от дороги, избушка. Избушка как

избушка, но какие-то странные голоса оттуда слышны. Слез Ольховая Чурка с коня и обернулся горностаем. Вскарабкался на поленницу дров, под самое гнездо избушки. Слышит голос:

— Вот едут убийцы моих сыновей! Думают скоро дома быть. Да не уйти им от меня!

Ольховая Чурка тут догадался, что это мать тех змеев, Сюоятар.

— А что ты им сделаешь? — спрашивает другой голос.

— А напушу на них такой голод, что они совсем сил лишатся. А возле дороги накрою столы со всякой едой. Но как только они присядут к тем столам, тотчас умрут. Откуда им знать, что стоит лишь ударить трижды мечами по столам, как исчезнут эти столы, а вместе с ними и голод.

— А если они догадаются? — спрашивает кто-то.

— Если на этот раз они спасутся, — говорит Сюоятар, — то я напушу на них такую жажду, что они от слабости с коней валиться будут. А возле дороги я наколдую озеро, и берестяные черпачки тут будут — только пей! Станут молодцы пить — тут им и смерть. А догадайся они мечами три раза по воде ударить, пропало бы озеро, и жажду их как рукой бы сняло. Ну а если они и на этот раз спасутся, то есть у меня про запас третья хитрость: напушу на них такой сон, что они с коней попадают. А у самого края дороги три кровати поставлю. Как улягутся на них молодцы, тут и сгорят. На этот раз и меч им не поможет. Хитрее всех Ольховая Чурка, но если он эту тайну вслух выскажет, то навеки с белым светом распрощается.

Выслушал это Ольховая Чурка, побежал от избушки горностаем, потом обернулся снова человеком. Идет к своим товарищам, задумался крепко, опечалился. А Скалолом и Удильщик начали его расспрашивать, о чем в избушке говорили и что за люди там живут.

— А, пустое дело, — говорит Ольховая Чурка. — Там какие-то женщины от нечего делать болтали всякое.

Поехали они дальше. Проехали немного, и напал на них такой голод хоть ложись и умирай. И тут же, откуда ни возмись, появились у дороги столы со всякой едой. Не успели Скалолом и Удильщик руки протянуть, чтобы взять по куску, как Ольховая Чурка ударил своим мечом три раза по столам, и они пропали. Рассердились товарищи:

— Не дал нам поесть! А еда такая хорошая была.

Ничего не сказал Ольховая Чурка, но все вдруг заметили, что есть им уже вовсе не хочется.

Едут дальше. Проехали сколько-то, и напала на них такая жажда, что прямо умирают они от слабости. А у самой дороги вдруг озеро появилось, и берестяные черпачки на берегу положены. Не успели товарищи Ольховой Чурки с коней слезть, чтобы напиться, как тот ударил по воде три раза мечом, и озера как не бывало. А у путников жажда прошла.

Едут дальше. Напал на них такой сон, что вот-вот с коней свалятся. И показались у края дороги три кровати с перинами и подушками пуховыми только спи, отсыпайся. Соскочили Скалолом и Удильщик с коней, хотели было броситься на кровати. Тут Ольховая Чурка, не помня себя, закричал:

— Пойдите! Если вы ляжете на эти кровати, то погибнете!

Рассердились товарищи на Ольховую Чурку, разгневались не на шутку:

— Что ты нам ни есть, ни пить, ни спать не даешь? — говорят они. — Ты как хочешь, а мы ляжем — нет сил больше ехать.

Видит Ольховая Чурка, что не послушаются они, а как сделать, чтобы заколдованные

кровати исчезли, не знает.

— Погодите, послушайте, что я вам скажу, — говорит Ольховая Чурка. Эти кровати Сюоятар наколдовала. Если вы ляжете на них, то сгорите. Вы бы давно пропали, если бы не я. Про это колдовство я от самой Сюоятар слышал, когда ходил к той избушке...

Только успел сказать эти слова, как превратился в ольховый чурбан, который старик некогда вытесал. Погоревали тут Удильщик и Скалолом, погоревали, но что делать? Не оставаться же им тут на веки вечные. Поехали они дальше, своей дорогой. А сон с них так и слетел.

В это самое время в доме старика и старухи с того красного платка, который Ольховая Чурка перед уходом к воронцу привязал, кровь закапала. Испугалась старуха, запричитала:

— Беда случилась с моим ненаглядным сыночком, которого я три года в колыбели качала!

Собралась старуха сына искать, из беды выручать. Старик уговаривает:

— Куда ты, старая, пойдешь? И где ты его найдешь? Может, ему уже глаза вороны выклевали, кости звери лесные растаскали? Только сама пропадешь.

Но не послушалась старая, собрала в кошель еды, кошель на плечи, посох в руки — и вышла на дорогу, еще до солнышка. Спрашивает старушка у зари утренней:

— Золотая зоренька, скажи, не видела ли моего сына, Ольховую Чурку?

— Нет, — говорит заря, — не видела. Спроси у моего братца месяца, он высоко в небо поднимается и всюду заглядывает, может, он видел.

Идет старушка день до самой ночи. Взошла полная луна. Старушка спрашивает:

— Месяц ясный, скажи, не видал ли сына моего, Ольховую Чурку?

— Нет, — говорит месяц, — не видал. Я плохо в темных чащах вижу, а ты лучше спроси у старшего брата солнышка, оно во все уголки заглядывает, ничего от его глаз не скроется.

Идет старушка всю ночь, утро, до самого полудня, когда солнце высоко поднялось. Спрашивает у солнца:

— Солнышко светлое, скажи, не видало ли ты сына моего, Ольховую Чурку?

— Знаю я, где Ольховая Чурка. Он меня от змея девятиглавого освободил, а я вот его беде помочь не могу.

И рассказало солнышко, где и как найти Ольховую Чурку. Приходит старушка на ту лесную опушку, где Ольховая Чурка остался лежать, увидела деревянную куклу, узнала сразу — как не узнать, коли три года ее качала — припала к ней и запричитала:

— Сынок мой единственный, ненаглядный, что с тобой приключилось? На кого ты меня, старую, покинул?

Плачет старушка над Ольховой Чуркой. Упала слеза горячая на деревянную куклу — ожил Ольховая Чурка, вскочил на ноги — молодец молодцом, как и раньше был!

— Долго же я спал! — говорит Ольховая Чурка.

— Век бы спал, сыночек, если бы не я, — отвечает мать.

Вернулись мать с сыном домой. Старик им сильно обрадовался. Стали они жить, не тужить. Может, и нынче еще Ольховая Чурка со стариком и старушкой живет, а может, опять пошел дело себе по плечу искать. Как знать?

МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК

Шарль Перро

Жил был однажды дровосек, и было у них с женой семеро сыновей: два близнеца по десять лет, два близнеца по девять лет, два близнеца по восемь лет и один младшенький семи лет. Он был очень маленький и молчаливый. Когда он родился, то был ростом не больше вашего пальца, поэтому его и назвали Мальчик-с-пальчик. Он был очень умен, хотя родители и братья считали его дурачком, поскольку он все время молчал. Но зато он отлично умел слушать собеседника. Дровосек был очень беден, и семья постоянно жила впроголодь. Однажды случилась засуха, и погиб весь урожай. Везде наступил голод. Однажды вечером дровосек сказал своей жене:

— Что же нам делать? Я люблю своих сыновей, но мое сердце разрывается от боли, когда я вижу, что они умирают от голода. Завтра мы отведем их в чащу леса и оставим там.

— Нет! Это было бы слишком жестоко, — вскричала его жена. Она понимала, что еды достать негде, но без памяти любила своих дорогих сыновей.

— В лесу у них есть шанс спастись, — сказал дровосек. — А дома они уж точно умрут.

Его жена зарыдала и согласилась.

Мальчик-с-пальчик не спал и слышал весь разговор родителей. Он моментально придумал план. Он вышел во двор, наполнил свои карманы блестящей галькой и вернулся домой спать.

Наутро дровосек повел сыновей далеко в лес.

Пока он рубил деревья, дети собирали хворост. Потихоньку дровосек все отходил от детей дальше и дальше, пока совсем не потерял их из виду. В одиночестве он вернулся домой.

Когда мальчики увидели, что их отец исчез, они очень испугались. Но Мальчик-с-пальчик знал дорогу домой, потому что пока они шли, он бросал из карманов блестящие камешки, по которым можно было вернуться назад. Поэтому он сказал братьям:

— Не плачьте. Идите за мной, и я приведу вас обратно к дому.

Следуя за младшим братом, дети пришли домой. Они сели на скамеечку, боясь войти в дом, и стали прислушиваться к тому, что происходило внутри.

Они не подозревали, что пока их не было дома, у дровосека произошел приятный сюрприз. Человек, который давным-давно занимал у него деньги, наконец-то вернул свой долг, и дровосек с женой на радостях закупили много вкусной еды.

Когда голодные муж с женой сели есть, жена начала опять плакать:

— Как бы я хотела, чтобы мои дорогие сыночки были сейчас здесь. Я бы приготовила им вкусный обед.

Мальчики услышали ее.

— Мы здесь, матушка! — закричали они. Они вбежали в дом и сели за вкусный ужин.

Радостная семья счастливо зажила вновь. Но скоро деньги кончились, и дровосек опять впал в отчаянье. Он сказал жене, что опять уведет детей в лес, но теперь уже подальше и поглубже. Мальчик-с-пальчик опять услышал их разговор. Он решил снова набрать камешков, но не смог, так как все двери были заперты на замки.

На следующий день, перед их уходом, матушка дала им на завтрак хлеба. Мальчик-с-

палец не стал есть свой кусок, а припрятал его, чтобы по крошкам разбросать его вдоль дороги вместо камешков.

Они зашли в самую глубокую чащу леса. Пока дети трудились в поте лица, отец оставил их и скрылся. Мальчик-с-палец ничуть не волновался, поскольку был уверен, что найдет дорогу к дому по хлебным крошкам. Но когда он стал их искать, то обнаружил, что птицы съели все хлебные крошки.

Дети в отчаянии плутали и плутали по лесу. Наступила ночь, и подул холодный сильный ветер. Мальчики промокли свои ботинки. Пошел сильный холодный дождь. Мальчик-с-палец вскарабкался на дерево посмотреть, не видно ли дороги домой. Далеко в левой стороне он увидел огонек. Он слез с дерева и повел братьев налево.

На краю леса они увидели домик с огоньками в окошечках. Они постучались в дверь, и женский голос ответил им, что они могут войти. Они вошли и Мальчик-с-палец сказал женщине, вышедшей к ним навстречу:

— Мадам! Мы потерялись в лесу. Не будете ли вы так добры разрешить нам переночевать здесь?

— Ах, вы, бедные крошки! — запричитала женщина. — Знаете ли вы, что этот дом принадлежит страшному людоеду, который обожает маленьких мальчиков?

Сбившись в кучку, холодные, промокшие до костей, голодные мальчики стояли в нерешительности у двери.

— Что же нам делать? — спросил Мальчик-с-палец. — Если мы опять пойдем в лес, волки уж точно съедят нас. Может быть, ваш муж окажется добрее волков.

— Хорошо, — ответила жена людоеда. — Входите и согрейтесь у огня.

Едва мальчики успели просушить свою мокрую одежду, раздался жуткий стук в дверь. Это пришел людоед! Его жена быстро спрятала детей под кровать и открыла дверь людоеду. Людоед ввалился в комнату и сел за стол есть. Вдруг он начал принохиваться.

— Я чувствую запах живого мяса, — заревел людоед страшным голосом.

— Я зарезала сегодня гуся, — сказала жена.

— Я чувствую запах человеческого мяса, — еще громче заорал людоед. Ты не обманешь меня.

Он подошел к кровати и заглянул под нее. Он вытащил за ноги мальчиков одного за другим.

— Отлично! — захохотал он. — Семь лакомых молоденьких мальчиков. Я приготовлю из них отличный десерт для вечеринки, на которую я пригласил моих друзей.

Мальчики упали на колени и стали умолять людоеда пощадить их, но людоед пожирал их глазами, смачно облизываясь. Он наточил свой большой нож и схватил одного из мальчиков. Но не успел он замахнуться ножом, чтобы разрезать мальчика, как его жена подбежала к нему и, схватив его за руку, сказала:

— Совершенно незачем делать это сегодня. Мы успеем убить их и завтра.

— Замолчи! — заорал людоед.

Его жена быстро заговорила:

— Но они испортятся, пока ты соберешься их съесть. У нас в погребе очень много мяса.

— Ты права, — сказал людоед, отпуская мальчика. — Хорошенько накорми их и положи в постель. Мы подержим их несколько дней, чтобы они потолстели и стали вкуснее.

Добрая женщина была рада, что приключение закончилось так благополучно. Она сытно накормила их и уложила в комнате, где спали ее собственные дочери — молодые

людоедки. Они все спали на одной большой кровати, и у каждой на голове была золотая корона. Они все были очень страшные: с крошечными глазками, крючковатыми носами и огромным ртом, из которого выставлялись гигантские острые зубы. В комнате стояла еще одна большая кровать. Жена людоеда уложила на нее мальчиков.

Мальчик-с-пальчик заметил золотые короны на головах людоедок. Он подумал: «А вдруг людоед изменит свое решение и захочет зарезать нас ночью?»

Он собрал шапки братьев и надел их на головы людоедских дочерей, а их золотые короны на своих братьев. И стал ждать.

Он оказался прав. Людоед, проснувшись, пожалел о своем намерении и решил действовать немедленно. Взяв в руку длинный-предлинный нож, он поспешил в соседнюю комнату. Он подошел к кровати, где спали мальчики, и стал ощупывать их головы. Нашупав золотые короны, людоед страшно испугался и запричитал:

— Я чуть было не зарезал моих маленьких девочек, хорошеньких людоедочек.

Он подошел к другой кровати и нашупав шапочки сказал:

— А, вот и они.

Довольный, он быстро зарезал семерых своих дочерей и радостный отправился спать дальше.

Когда Мальчик-с-пальчик услышал, что людоед опять захрапел, он разбудил своих братьев. Они быстро оделись и убежали из этого дома.

На следующее утро людоед проснулся пораньше, чтобы успеть приготовить гостям вкусные мясные кушанья. Он отправился в детскую комнату, где, к своему ужасу, увидел семерых мертвых людоедочек.

— Они поплатятся за этот фокус, — в бешенстве заорал он и затопал ногами.

Он достал из сундука семимильные сапоги и поспешил вслед за братьями. Он пересек полгосударства за несколько шагов и вскоре оказался на дороге, по которой бежали мальчики. Они уже были близко к отцовскому дому, когда услышали позади себя сопение людоеда. Он перепрыгивал с горы на гору, перешагивал огромные реки, словно маленькие лужицы.

Мальчик-с-пальчик заметил в скале пещеру и быстро спрятался в нее вместе с братьями. Через несколько секунд появился людоед. Он очень устал, так как семимильные сапоги натерли ему ноги, и поэтому решил прилечь отдохнуть. Он повалился на землю, где находились братья, и захрапел.

Мальчик-с-пальчик сказал:

— Не беспокойтесь и бегите быстрее домой, пока он спит. Увидимся позже.

Мальчики убежали и скрылись в доме родителей. Между тем Мальчик-с-пальчик стащил с храпящего людоеда семимильные сапоги и надел их на себя. Конечно же, они были очень большие. Но секрет состоял в том, что они могли и увеличиваться и уменьшаться в зависимости от размера ноги, надевшего их человека. В секунду сапоги уменьшились и стали впору Мальчику-с-пальчику.

Он отправился в них к людоедской жене и сказал ей:

— Разбойники напали на вашего мужа и требуют выкуп, иначе они убьют его. Он попросил меня сообщить вам об этом и приказал собрать все его золото для выкупа. Он не хочет умирать.

Жена людоеда отдала ему все золотые монеты и ценные вещи людоеда. Мальчик-с-пальчик поспешил домой с мешком денег за плечами.

Людоед, проснувшись, обнаружил пропажу семимильных сапог. Но без них он не мог разыскать братьев и огорченный отправился домой.

Семья Мальчика-с-пальчика очень гордилась им.

— Мой младший сыночек хоть и очень мал ростом, — говорила его мать, зато очень умен.

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Ганс Христиан Андерсен

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза.

Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; на груди у каждого красовалась звезда, а сбоку гремела сабля; писали они на золотых досках алмазными грифелями и отлично умели читать, хоть по книжке, хоть наизусть — все равно. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей. Им пришлось испытать это в первый же день: во дворце шло веселье, и дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо разных пирожных и печеных яблок, которых они всегда получали вдоволь, дала им чайную чашку песку и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню каким-то крестьянам, а прошло еще немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

— Летите-ка подобру-поздорову на все четыре стороны! — сказала злая королева. — Летите большими птицами без голоса и промышляйте о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, — они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись летать над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой темный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зеленым листочком — других игрушек у нее не было; она проткнула в листе дырочку, смотрела сквозь нее на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев; когда же теплые лучи солнца скользили по ее щеке, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая псалтырь, а ветер переворачивал листы, говоря книге: «Есть ли кто набожнее тебя?» книга отвечала: «Элиза набожнее!» И розы и псалтырь говорили сущую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и ее отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы ее в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную, всю убранную чудными коврами и мягкими подушками купальню, взяла трех жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Сядь Элизе на голову, когда она войдет в купальню; пусть она станет такою же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! — сказала она другой. — Пусть Элиза будет такою же безобразной, как ты, и отец не узнает ее! Ты же ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. Пусть она станет злонравной и мучиться от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела ее и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на нее.

Увидав это, злая королева натерла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала ее чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отец ее испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал ее, кроме цепной собаки да ласточек, но кто же стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и подумала о своих выгнанных братьях, тайком ушла из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так истосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдет.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой теплый, в траве мелькали, точно зеленые огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, играли вместе, писали грифелью на золотых досках и рассматривали чудеснейшую книжку с картинками, которая стоила полкоролевства. Но писали они на досках не черточки и нулики, как бывало прежде, — нет, они описывали все, что видели и пережили. Все картины в книжке были живые: птицы распевали, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и ее братьями; но стоило ей захотеть перевернуть лист, — они впрыгивали обратно, иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видеть его за густою листвою деревьев, но отдельные лучи его пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве; от зелени шел чудный запах, а птички чуть не садились Элизе на плечи. Невдалеке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьев, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Пруд был окружен живой изгородью, но в одном месте дикие олени проломали для себя широкий проход, и Элиза могла спуститься к самой воде. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне, так ясно они отражались в зеркале вод.

Увидав в воде свое лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было черное и гадкое; и вот она зачерпнула горсть воды, потеряла глаза и лоб, и опять заблестела ее белая нежная

кожа. Тогда Элиза разделась совсем и вошла в прохладную воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по белу свету!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что бог не покинет ее: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подперла ветви палочками и углубилась в самую чащу леса. Там стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Ни единой птички не залетало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь сплошную чащу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда еще Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало еще темнее; во мху не светило ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись, и на нее глянул добрыми очами сам господь бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во сне или наяву.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила ее, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простиравшие навстречу друг другу свои длинные, густо покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они все же добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в открытое море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всем его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься в дальнейший путь. Элиза посмотрела на бесчисленные валуны, выброшенные на берег морем, — вода отшлифовала их так, что они стали совсем гладкими и круглыми. Все остальные выброшенные морем предметы: стекло, железо и камни — тоже носили следы этой шлифовки, а между тем вода была мягче нежных рук Элизы, и девушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и наконец шлифуют самые твердые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вам за науку, светлые быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала и связала их в пучок; на перьях еще блестели капли — росы или слез, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вечное разнообразие; в несколько часов тут можно было насмотреться больше, чем в целый год где-нибудь на берегах пресных внутренних озер. Если на небо надвигалась большая черная туча и ветер крепчал, море как будто говорило: «Я тоже могу почернеть!» — начинало бурлить, волноваться и покрывалось белыми барашками. Если же облака были розоватого цвета, а ветер спал, — море было похоже на лепесток розы; иногда оно

становилось зеленым, иногда белым; но какая бы тишь ни стояла в воздухе и как бы спокойно ни было само море, у берега постоянно было заметно легкое волнение, — вода тихо вздымалась, словно грудь спящего ребенка.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; всех лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинною белою лентой, Элиза взобралась наверх и спряталась за куст. Лебеди спустились недалеко от нее и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на земле очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то, что они успели сильно измениться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и ее братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как скверно поступила с ними мачеха.

— Мы, братья, — сказал самый старший, — летаем в виде диких лебедей весь день, от восхода до самого заката солнечного; когда же солнце заходит, мы опять принимаем человеческий образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твердую землю: случись нам превратиться в людей во время нашего полета под облаками, мы тотчас же упали бы с такой страшной высоты. Живем же мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна, как эта, но дорога туда длинна, приходится перелетать через все море, а по пути нет ни единого острова, где бы мы могли провести ночь. Только по самой середине моря торчит небольшой одинокий утес, на котором мы кое-как и можем отдохнуть, тесно прижавшись друг к другу. Если море бушует, брызги воды перелетают даже через наши головы, но мы благодарим бога и за такое пристанище: не будь его, нам вовсе не удалось бы навестить нашей милой родины — и теперь-то для этого перелета нам приходится выбирать два самых длинных дня в году. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живет наш отец, и колокольня церкви, где покоится наша мать. Тут даже кусты и деревья кажутся нам родными; тут по равнинам по-прежнему бегают дикие лошади, которых мы видели в дни нашего детства, а угольщики по-прежнему поют те песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня еще можем мы пробыть здесь, а затем должны улететь за море, в чужую страну! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

— Как бы мне освободить вас от чар? — спросила братьев сестра.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыл. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев; лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его перышки. Целый день провели они вдвоем, к вечеру же прилетели и остальные, и когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

— Завтра мы должны улететь отсюда и сможем вернуться не раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! — сказал младший брат. — Хватит ли у тебя мужества улететь с нами? Мои руки довольно сильны, чтобы пронести тебя через лес, — неужели же мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньем сетки из гибкого лозняка и тростника; сетка вышла большая и прочная; в нее положили Элизу. Превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой, спавшей крепким сном, сестрицей к облакам. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, поэтому один из лебедей полетел над ее головой, защищая ее от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было ей лететь по воздуху. Возле нее лежали ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев; их набрал и положил к ней самый младший из братьев, и она благодарно улыбнулась ему, — сна догадалась, что это он летел над ней и защищал ее от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели они, так что первый корабль, который они увидели в море, показался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако — настоящая гора! — и на нем Элиза увидела движущиеся исполинские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Вот была картина! Таких ей еще не приходилось видеть! Но по мере того как солнце подымалось выше и облако оставалось все дальше и дальше позади, воздушные тени мало-помалу исчезли.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но все-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День стал клониться к вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, одинокого морского утеса все еще не было видно. Вот ей показалось, что лебеди как-то усиленно машут крыльями. Ах, это она была виной того, что они не могли лететь быстрее! Зайдет солнце, они станут людьми, упадут в море и утонут! И она от всего сердца стала молиться богу, но утес все не показывался. Черная туча приближалась, сильные порывы ветра предвещали бурю, облака собрались в сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молния сверкала за молнией.

Одним своим краем солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдруг полетели вниз с невероятной быстротой, и девушка подумала уже, что все они падают; но нет, они опять продолжали лететь. Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда только Элиза увидела под собой утес, величиною не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звездочкой; но вот лебеди ступили ногой на твердую почву, и солнце погасло, как последняя искра догоревшей бумаги. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва умещались на крошечном утесе. Море бешено билось об него и окатывало их целым дождем брызг; небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и пели псалом, вливавший в их сердца утешение и мужество.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и они видели с высоты, как плыла по темно-зеленой воде, точно несметные стаи лебедей, белая пена.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе гористую страну с массами блестящего льда на скалах; между скалами возвышался огромный замок, обвитый какими-то смелыми воздушными галереями из колонн; внизу под ним качались пальмовые леса и роскошные цветы, величиною с мельничные колеса. Элиза спросила, не это ли та страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: она видела перед собой чудный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы; туда они не

смели принести ни единой человеческой души. Элиза опять устремила свой взор на замок, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей; Элиза взгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой. Да, перед глазами у нее были вечно сменяющиеся воздушные образы и картины! Но вот, наконец, показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались чудные горы, кедровые леса, города и замки.

Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, точно обвешанной вышитыми зелеными коврами — так обросла она нежно-зелеными ползучими растениями.

— Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! — сказал младший из братьев и указал сестре ее спальню.

— Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! — сказала она, и эта мысль так и не выходила у нее из головы.

Элиза стала усердно молиться Богу и продолжала свою молитву даже во сне. И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку Фата-Морганы и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягоды и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала она. — Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук и все-таки шифует камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое бы стало изнывать от страха и муки, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та крапива, что растет на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов; потом разомнешь ее ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетишь из них одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь ее, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же все это!

И фея коснулась ее руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и рядом с ней лежал пучок крапивы, точно такой же, как та, которую она видела сейчас во сне. Тогда она упала на колени, поблагодарила Бога и вышла из пещеры, чтобы сейчас же приняться за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ее покрывались крупными волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милых братьев! Потом она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зеленое волокно.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но. Взглянув на ее руки, поняли они, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слезы его падали ей на руки, и там, куда упала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдых не шел ей на ум; она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди

летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не бежало для нее с такой быстротой. Одна рубашка-панцирь была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов; Элиза испугалась; звуки все приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперед. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники; самый красивый из них был король той страны; он подошел к Элизе — никогда еще не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой; она ведь не смела говорить: от ее молчания зависела жизнь и спасение ее братьев. Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел, как она страдает.

— Пойдем со мной! — сказал он. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце! — И он посадил ее на седло перед собой; Элиза плакала и ломала себе руки, но король сказал: — Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня!

И повез ее через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля, с церквами и куполами, и король привел Элизу в свой дворец, где в высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были украшены живописью. Но Элиза не смотрела ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она в распоряжение прислужниц, и те надели на нее королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на обожженные пальцы тонкие перчатки.

Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил ее своей невестой, хотя архиепископ и покачивал головой, нашептывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не стал его слушать, подал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повел Элизу через благоухающие сады в великолепные покои, она же оставалась по-прежнему грустной и печальной. Но вот король открыл дверцу в маленькую комнатку, находившуюся как раз возле ее спальни. Комнатка вся была увешана зелеными коврами и напоминала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала связка крапивного волокна, а на потолке висела сплетенная Элизой рубашка-панцирь; все это, как диковинку, захватил с собой из леса один из охотников.

— Вот тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище! — сказал король. — Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую ее сердцу работу, Элиза улыбнулась и покраснела; она подумала о спасении братьев и поцеловала у короля руку, а он прижал ее к сердцу и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

Архиепископ продолжал нашептывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно,

но она даже не обратила на это внимания: что значила для нее телесная боль, если сердце ее изнывало от тоски и жалости к милым братьям! Губы ее по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетело из них — она знала, что от ее молчания зависит жизнь братьев, — зато в глазах светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал все, чтобы только порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему все больше и больше. О! Если бы она могла довериться ему, высказать ему свои страдания, но — увы! — она должна была молчать, пока не окончит своей работы. По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаенную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у нее вышло все волокно.

Она знала, что может найти такую крапиву на кладбище, но ведь она должна была рвать ее сама; как же быть?

«О, что значит телесная боль в сравнении с печалью, терзающею мое сердце! — думала Элиза. — Я должна решиться! Господь не оставит меня!»

Сердце ее сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунною ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели отвратительные ведьмы; они сбросили с себя лохмотья, точно собирались купаться, разрывали своими костлявыми пальцами свежие могилы, вытаскивали оттуда тела и пожирали их. Элизе пришлось пройти мимо них, и они так и таращили на нее свои злые глаза — но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел ее — архиепископ; теперь он убедился, что был прав, подозревая королеву, итак, она была ведьмой и потому сумела околдовать короля и весь народ.

Когда король пришел к нему в исповедальню, архиепископ рассказал ему о том, что видел и что подозревал; злые слова так и сыпались у него с языка, а резные изображения святых качали головами, точно хотели сказать: «Неправда, Элиза невинна!» Но архиепископ перетолковывал это по-своему, говоря, что и святые свидетельствуют против нее, неодобрительно качая головами. Две крупные слезы покатались по щекам короля, сомнение и отчаяние овладели его сердцем. Ночью он только притворился, что спит, на самом же деле сон бежал от него. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое; он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потаенной комнатке.

Чело короля становилось все мрачнее и мрачнее; Элиза замечала это, но не понимала причины; сердце ее ныло от страха и от жалости к братьям; на королевский пурпур катились горькие слезы, блестящие, как алмазы, а люди, видевшие ее богатые уборы, желали быть на месте королевы! Но скоро-скоро конец ее работе; недоставало всего одной рубашки, и взором и знаками попросила его уйти; в эту ночь ей ведь нужно было кончить свою работу, иначе пропали бы задаром все ее страдания, и слезы, и бессонные ночи! Архиепископ ушел, понося ее бранными словами, но бедняжка Элиза знала, что она невинна, и продолжала работать.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшие по полу, стали собирать и приносить к ее ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решетчатым окном, утешал ее своею веселою песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, у дворцовых ворот появились одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им отвечали, что этого никак

нельзя: король еще спал и никто не смел его беспокоить. Они продолжали просить, потом стали угрожать; явилась стража, а затем вышел и сам король узнать, в чем дело. Но в эту минуту взошло солнце, и никаких братьев больше не было — над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ валом повалил за город посмотреть, как будут жечь ведьму. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на нее накинули плащ из грубой мешковины; ее чудные длинные волосы были распущены по плечам, в лице не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зеленую пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять рубашек-панцирей лежали у ее ног совсем готовые, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

— Посмотрите на ведьму! Ишь, бормочет! Небось не молитвенник у нее в руках — нет, все возится со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у нее да разорвем в клочки.

И они теснились вокруг нее, собираясь вырвать из ее рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганная толпа отступила.

— Это знамение небесное! Она невинна, — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

Палач схватил Элизу за руку, но она поспешно набросила на лебедей одиннадцать рубашек, и... перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо нее было лебединое крыло: Элиза не успела закончить последней рубашки, и в ней недоставало одного рукава.

— Теперь я могу говорить! — сказала она. — Я невинна!

И народ, видевший все, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, но она без чувств упала в объятия братьев — так подействовали на нее неустанное напряжение сил, страх и боль.

— Да, она невинна! — сказал самый старший брат и рассказал все, как было; и пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, точно от множества роз, — это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и образовался высокий благоухающий куст, покрытый красными розами. На самой же верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она пришла в себя на радость и на счастье!

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал еще ни один король!

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Русская сказка

Жила в деревне крестьянка. При ней жил сын ее Семен, неженатый еще. Жили они бедно: спали на соломе, одежка на них старая, латаная и в рот им положить нечего. Жили они давно; тогда земли у крестьян было мало, а что и была, так неродящая была земля: что и посеет крестьянин, то вымерзнет, а не вымерзнет, так от засухи посохнет, а не посохнет, так вымокнет, а не вымокнет, так саранча пожрет.

Получал Семен в городе пенсию за отца — копейку в месяц.

Вот идет Семен однажды с деньгами, с копейкой, и видит: один человек надел собаке веревку на шею и удавливает ее. А собака-то маленькая, беленькая, щенок.

Семен к тому человеку:

— Ты пошто щенка мучаешь?

А тот ему:

— А какое тебе дело? Хоть убью, хоть нет — не твое дело.

— А ты продай мне его за копейку!

— Бери!

Отдал Семен последнюю копейку, взял щенка на руки и пошел домой.

— Нет у меня коровы, нету лошади, зато щенок есть.

Принес он щенка домой, а мать бранится:

— Глупый ты у меня! Нам самим есть нечего, а он собак покупает!

— Ничего, мама, — отвечает ей сын, — и щенок скотина: не мычит, так брешет.

Через месяц Семен снова пошел в город за пенсией. Вышла копейка прибавки, получил он две копейки.

Идет он домой, а на дороге тот же человек кошку мучает.

Подбежал Семен к нему:

— Пошто ты живую тварь уродуешь?

— А тебе-то что? Чай кошка-то моя!

— Продай ее мне!

— Купи, да кошка-то, гляди, дороже собаки.

Сторговались за две копейки.

Понес Семен кошку домой. Мать пуще прежнего забранилась на сына — и в тот день до вечера бранилась и на другой день с утра начала браниться.

Прошел месяц. Пошел Семен опять в город за пенсией. Опять в прибавку вышла копейка: получил Семен три копейки.

Идет Семен из города, а на дороге стоит тот же человек и змею давит.

Семен сразу к нему:

— Не убивай ее, эта змея вишь какая, я и не видал такую — должно, она не ядовитая. Лучше продай ее мне.

Купил он змею за все деньги, сколько было у него, за три копейки, положил ее за пазуху и пошел домой.

Змея отогрелась и говорит:

— Не жалея, Семен, что последние деньги на меня потратил. Я не простая змея, а я

змея Скарапея. Без тебя пришла бы мне смерть, а теперь я жива, и мой отец тебя отблагодарит.

Пришел Семен домой и выпустил змею из-за пазухи. А мать как увидела змею, так на печку залезла и даже побранить сына не может: у нее язык отнялся с испуга. Змея же Скарапея заползла под печку, свернулась там и уснула.

Вот и стали жить — собака белая да кошка серая, Семен с матерью да змея Скарапея, а всего пятеро.

Невзлюбила мать Семена Скарапею-змею: то есть ей не даст и воды не поставит, то на хвост наступит.

Говорит тогда Скарапея Семену:

— Твоя мать обижает меня. Проводи меня к моему отцу.

Поползла змея по дороге, а Семен следом пошел. Долго шел он за змеею — день и ночь, день и ночь. Обступили их темные дебри. Подумал Семен: куда он идет и как назад вернется?

А змея утешает его:

— Не бойся ничего, сейчас доползем, это уж змеиное царство началось, видишь? А я змеиного царя — дочь, и сейчас мы увидим моего отца. А теперь слушай. Вот когда я скажу ему, как ты меня спас, он поблагодарит тебя и даст тебе много золота, а ты золото не бери, а попроси одно золотое кольцо, что у отца на пальце. Кольцо это волшебное. Отец для меня его бережет, а я хочу тебе его подарить.

Пришел Семен со змеиной царевной к Змею-царю. Змей обрадовался дочери.

Говорит он Семену:

— Спасибо тебе, Семен, спас ты мне любимую дочь! Выдал бы я ее замуж за тебя, не пожалел бы, да есть у нее сговоренный жених. Бери у меня золота сколько хочешь!

Семен золото не берет, а говорит змеиному царю:

— Дай мне кольцо с твоей руки, оно мне будет в память о твоей дочери. На нем, видишь, на твоём кольце, змеиная головка выдавлена и два зеленых камня, как глаза, горят.

Задумался змеиный царь, а потом снял кольцо с руки и отдал Семену и сказал ему потихоньку на ухо, как надо действовать кольцом, чтобы вызывать волшебную силу.

Попрощался Семен со змеиным царем и с дочерью его Скарапеей, а невдалеке тут стоял еще приемный сын змеиного царя — Аспид; так Семен и с ним попрощался.

Пришел Семен домой, к матери. А ночью, как мать легла на покой, Семен переменял змеиное кольцо с пальца на палец, и в тот же момент явились перед ним двенадцать молодцов.

— Здравствуй, новый хозяин! — говорят. — Чего тебе надобно?

Семен им в ответ:

— А насыпьте, братцы, муки амбар, да сахару, да масла немного.

— Ладно, — молодцы говорят.

И пропали.

Проснулся Семен наутро, видит — мать корки сухие мочит да жует их старыми зубами.

— Чего ж ты, мать, теста не поставила и не охаживаешь его? Поставила бы тесто и пирогов бы напекла.

— Очнись, сынок! У нас второе лето муки и горсти нету.

— А ты наведайся, мама, в амбар — гляди, и найдешь.

— Да там и мыши с голоду подохли! Чего глядеть в пустое место? Нешто дверь пойти

наглухо припереть.

Пошла мать к амбару, тронула дверь, а дверь распахнулась, и мать Семена головой в муку так и упала.

С тех пор они стали жить сытно. Половину муки Семен продал и купил на все деньги говядины, так у них и кошка с собакой каждый день котлеты ели, шерсть у них лосниться стала.

И увидел однажды Семен видение во сне. Только он задремал, видит, как живую, прекрасную девицу, а проснулся — нету ее. Затосковал Семен по ней, а где она, и сам не знает.

Передел он змеиное кольцо с пальца на палец. И двенадцать молодцов вот они.

— Чего прикажешь, хозяин? — спрашивают.

Семен им: так и так, говорит, видел я прекрасную девицу, а где она, не знаю, а туда-то мне и надобно.

Глядь — и очутился Семен в другом царстве, где жила та самая прекрасная девица.

Спросил он у тамошнего жителя о прекрасной девице.

— Это которая? — спросил у Семена житель.

Семен рассказал, какая была девица.

— Так она царская дочь! — сказал ему житель.

Переместил Семен кольцо и велел молодцам доставить его во дворец к царевне. Очутился он во дворце, видит он молодую царевну, и тут она еще лучше была, чем почудилась ему во сне.

Вздыхнул Семен — чего будешь делать? — и опять за кольцо: вызвал молодцов и велел возратить его домой.

Вот живет он дома, да грустно ему без царевны: и пища не естся и брага не пьется.

Смотрит на него мать:

— Заболел ты, что ли, либо скучаешь о ком?

— Скучаю, мама, — сказал Семен и рассказал, что с ним случилось.

А мать, как услышала, испугалась:

— И что ты удумал! Да разве можно крестьянскому сыну царевну любить? Цари-то люди ложные и лукавые, они и насмеются, и надругаются над тобой, и жизни тебя лишат, а уж дочь за тебя не выдадут! Женись-ка ты на бедной крестьянской девушке, глядишь — и счастливым будешь!

А Семен одно говорит: иди, мать, да иди — сватай за меня царевну. А мать не идет, не хочет.

Подумал Семен, что ему делать, и выдумал. Взялся он за свой змеиный перстень, вызвал молодцов. Те — вот они:

— Чего надобно, хозяин?

— А надобны мне хоромы и чтоб к утру были готовы. А для матери устройте в хоромы богатые покои и в постель ей положите пуховую перину.

Молодцы ему в ответ:

— Построим хоромы, хозяин, и перину пухом набьем!

Проснулась наутро Семенова мать, а подняться сразу не может: угрузла она в пуховой перине. Смотрит вокруг по горнице — узнать ничего не может: во сне, что ли, это или взаправду?

Тут Семен к ней подошел и говорит:

— Здравствуй, мама! Значит, все взаправду.

Спрашивает она:

— Откуда же у нас добро такое явилось?

А сын ей в ответ:

— Добро, мама, из добра явилось. Теперь и тебе жить покойнее будет, и мне за кого хочешь свататься можно — всем я ровня.

Подумала мать: «Ишь, сын у меня какой умелый да удалый!»

А сын ей опять за свое:

— Ступай, матушка, к царю, царице и посватай за меня царевну.

Огляделась мать, прошлась по хоромам.

«Эко дивно стало у нас!» — видит она и решила: «А схожу-ка я и вправду к царю, посватаю его дочку! Хоть и не ровня мы ему, да уж теперь нам до него недалече».

И пошла.

Приходит она в царскую избу, в столовую горницу. Царь с царицей в тот час чай пили и на блюда дули, а молодая царевна в своей девичьей горенке приданое перебирала в сундуках.

Вот царь с царицей в блюда дуют, на Семенову мать не глядят. Из блюдец брызги летят, чай проливается на скатерть, а чай с сахаром. Царь, а чай пить не умеет!

Семенова мать и говорит:

— Чай — не вода. Чего брызгаете?

Царь глянул на нее:

— А тебе чего надоть?

Вышла мать на середину горницы, под матицу.

— Здравствуйте, говорит, царь-государь-император. У вас товар, у нас купец. А не отдадите ли вашу дочь замуж за нашего сына?

— А кто таков твой жених? Каких он родов, каких городов и какого отца сын?

Мать в ответ:

— Роду он крестьянского, деревни нездешней, а по отчеству Семен Егорович. Не слышал такого?

Тут царица так и ахнула:

— Да что ты, сватья, с ума, что ль, сошла? Мы в женихах-то, как в сору каком, роемся — выбираем. Разве пойдет наша дочка за мужика?

Обиделась Семенова мать за сына:

— Это какой мужик, матушка, случится! Другой мужик — против него и десять царских сыновей ничего не стоят, а уж про девок-дочерей и говорить нечего! Таков вот и мой!

Царь придумал здесь хитрость.

— Пусть, говорит, твой жених от нашего избяного дворца да до вашего крыльца мост хрустальный построит. Тогда мы по такому мосту приедем женихово житье смотреть. Так-то.

Вернулась Семенова мать к родному двору. В сенях ей попались навстречу собака с кошкой, гладкие стали.

Мать в сердцах прогнала их прочь. «Ишь, — подумала, — только спят да едят! Какая от них польза!»

Сказала она сыну:

— Понапрасну ходила, не согласны они.

Семен удивился:

— Неужели не согласны? За меня-то?

— А ты думал — обрадуются? А царь еще и посмеялся над нами: «Пусть, говорит, от нас до вас жених мост хрустальный построит, а мы к вам по хрустальному приедем в гости».

— Это, мама, ничто для нас!

Ночью Семен переметнул кольцо с одной руки на другую, вызвал молодых и велел им построить к утру хрустальный мост, и чтоб мост от ихнего крыльца до царского избяного дворца поверх прошел, через все реки и овраги, и чтобы по мосту самосильная машина ходила.

С полночи до зари повсюду окрест молотки стучали и пилы пилили.

Семен вышел утром на крыльцо, глядит — а мост уж готов и по хрустальному мосту ходит самосильная машина.

Семен к матери:

— Ступай, мама, к царю теперь. Пусть они в гости к нам собираются, а я на самосильной машине туда подкачу!

Пошла мать к царю.

Только ступила она на мост, на хрусталь на самый, а хрусталь скользкий, тут ветер подул на нее сзади, она присела от страха, да так и покатила до самого царского крыльца.

Приходит она к царю:

— Вчерась была я у вас, так вы мост велели построить жениху. Погляди в окошко — вот тебе и мост готов.

Глянул царь в окошко:

— Ишь ты! Ан правда — мост! Знать, жених-то умелец!

Одел царь золотые парчовые штаны, надел корону, кликнул царицу и вышел на крыльцо. Пошатал он перила — прочно ли стоят? Похлопал ладонями по хрустальным кирпичам — не подделка ли? Нет, мост построен по доброте.

Тут Семен на чудной самосильной машине подъехал. Отворяет он дверку в машине и говорит:

— Садитесь, царь-государь с женою-супругой, пожалуйста к нам в гости.

— Я-то с охотой, — царь говорит, — а вот жена моя как бы не оробела.

Семен — к царице, а она руками машет:

— Не поеду! Страсть какая! Сронят в реку, так что тут хорошего!

Здесь явились вельможи к царю. Старший вельможа совет подает:

— Надобно, государь, проехать, пример показать. Пусть не подумают, что ты оробел.

Делать нечего. Влез царь с царицей в машину, а вельможи на запятках, на штырях повисли, за крючья уцепились.

Засвистела, зашумела, загудела, задрожала машина, в звонок зазвонила, жаром-паром запыхтела, скакнула и поехала. Ехали, всю дорогу качались спасибо, недалеко было, всего один мост переехать.

Доехали до Семеновых хором; Семен из машины вышел, хотел царю дверку открыть, а уж вельможи вперед него успели — волокут они из машины царя и царицу, поддувалами на них машут, в чувство их приводят, чтоб они опомнились.

Царица сердается-кричит, а царь хоть и молчит, да, видно, ей поддакивает.

— Ох, тошно! — шумит царица. — Ох, укачало, растрясло и растрепало! Ой, шут с тобой, где ты есть, жених-то? Бери девку, а мы-то уж обратно пешком пойдем.

А далее вышло все по желанию Семена. Выдали за него девку-царевну, и стал он жить с женою. Сперва они хорошо жили, нечего сказать.

Да случилось вот что. Пошел Семен с женою в лес гулять. Зашли они далеко, утомились, легли под дерево и задремали.

В то время проходил по лесу Аспид, приемный сын Змея-царя. Аспид увидел кольцо на пальце Семена и от зависти превратился в гадюку. Он давно хотел, чтобы это кольцо было у него, он знал его волшебную силу и просил его у Змея. Однако Змей-царь не отдал Аспиду волшебного кольца и не сказал, как им надо орудовать.

Обратился Аспид в прекрасную девицу, прекраснее молодой жены Семена, разбудил Семена и позвал за собой. «Тогда и кольцо мое будет», — подумал Аспид.

А Семен поглядел на незнакомую прекрасную девицу, что манила его, и сказал ей: — Ступай, куда шла. Хоть ты и хороша, даже лучше моей жены, за тобой я не пойду. Сказал так Семен и опять заснул.

Обратился тогда Аспид в прекрасного юношу, в молодца из молодцов. Вот разбудил он царевну, жену Семена, и красуется перед ней.

«Ой, ктой-то! — подумала царевна. — Да он лучше Семена! Вот бы мне в женихи такого, когда я девкой была!»

Приблизился Аспид к Семеновой жене и протянул ей руку. Царевна поднялась с земли, поглядела на Семена, а у него сор на лице, ноздрями он пыль раздувает.

— Ты чей? — спросила царевна у Аспида.

— А я царский сын, по прозванию Молодец из Молодцов.

— А я царская дочь!

— Пойдем со мной, я тебя не обижу!

— Пойдем, молодец! — сказала Семенова жена и подала Аспиду руку.

Аспид нашептал на ухо царевне, научил ее, что надо сделать, а царевна на все согласилась. Тогда Аспид ушел. А он научил ее вызнать у Семена действие волшебного кольца и принести ему то самое кольцо.

Вот пошла она с Семеном домой, взяла его за руку и спросила его, правда ли, что у него на пальце кольцо волшебное. И если он любит ее, пусть скажет, как это кольцо действует.

Семен, по доброте, рассказал жене про свое кольцо. «Раз жена меня любит, — подумал Семен, — пусть и о кольце моем знает, она мне зла не сделает».

И надел Семен волшебное кольцо на палец жены. Когда кольцо понадобится, его всегда можно взять обратно.

А ночью царевна переместила кольцо с одного пальца на другой, и немедля явились двенадцать молодцов:

— Мы — вот они! Чем служить тебе, новая хозяйка?

Царевна дает им наказ:

— Служите мне вот чем. Возьмите вот эти хоромы да и мост хрустальный и перенесите их туда, где живет Молодец из Молодцов.

Только и был женат Семен Егоров сын.

Проснулся он с матерью — ничего у них нету, одна худая изба и амбар пустой, как прежде было. И остался Семен с одной матерью, да еще кошка и собака при них, всего четверо, а есть им, считай, нечего.

Семен не вздохнул, не пожаловался. Вспомнил он, что мать ему говорила: не женись на царевне — не будет счастья. Не послушался он матери!

Поглядел Семен с горя в окошко, видит — карета едет, а в ней — царь. Вышел царь из кареты как раз против Семенова окошка, смотрит — куда что делось: ни хором нету, ни хрустального моста, ни света, ни блеску — одна худая изба, а в окошко на царя Семен глядит.

Царь как закричит:

— А что тут такое? А где моя дочь-царевна? Ах ты обманщик!

Семен вышел к царю. Сказал ему правду, как было: что царская дочь взяла у него волшебное кольцо и обманула его.

Царь правде не поверил, а разгневался и велел посадить Семена в тюрьму, покуда он не скажет, где царская дочь.

Увели у матери сына, не стало у нее кормильца. Оголодала старуха, кликнула она кошку и собаку, пошла побираться. Под одним окошком хлеба попросит, под другим съест. А тут заглодало, потемнело, лето состарилось, к зиме пошло.

Кошка и говорит собаке:

— Пропадем мы все. Пойдем царевну сыщем и возьмем от нее волшебное кольцо. Нас хозяин от смерти спас, теперь мы его спасем.

Собака была согласна. Она понюхала землю и побежала, а кошка за нею.

Далеко им пришлось бежать. Сказывать скоро. А идти далеко.

Бежали они, бежали, покуда не увидели хрустальный мост и Семеновы хоромы, в которых и они прежде жили.

Собака осталась снаружи, а кошка пошла в хоромы. Забралась она в спальню, где спала царевна, Семенова обманщица. Увидела кошка: царевна во рту держит волшебное кольцо, меж зубов у нее оно блестит. Боится, знать, как бы не украли.

Поймала кошка мышку, надкусила ей ухо и научила ее уму-разуму, что мышка должна сделать. Влезла мышка на кровать, неслышно прошла по царевне и стала своим хвостиком свербить у нее в носу. Царевна чихнула, ртом дыхнула, кольцо на пол и покатилося.

А кошка хватить кольцо — и в окно. Пока царевна проснулась, покуда она туда-сюда — кольца уж нету, и та мышка, что хвостиком у царевны в носу свербила, уж на кухне корочку грызет: она-де ни при чем.

А кошка и собака домой бегут. Они не спят, не едят — им некогда, они торопятся. Бегут они через горы, через лесные дебри, плывут через реки и чистыми полями бегут. Кошка волшебное кольцо держит под языком, рта не разевает.

Вот уже перед ними последняя река, а за рекою видна ихняя деревня, там и Семенова изба.

Собака говорит кошке:

— Садись ко мне на спину, а я поплыву. Да смотри, кольцо держи крепче в зубах, не оброни.

Поплыли они по реке, доплыли до середины. Собака говорит:

— Смотри, кошка, не говори: кольцо утопишь.

Кошка молчит. Проплыли еще немного, собака опять:

— Молчи, кошка!

А кошка и так рта не открывает. Собака снова к ней:

— Не вырони кольца-то! Молчи лучше!

Кошка и сказала:

— Да я молчу! — и уронила кольцо в реку.

Выбрались они на берег и давай драться и ругаться.

Собака визжит:

— Это ты виновата, кошка-болтушка!

А кошка в ответ:

— Нет, это ты, брехунья! Зачем ты говорила, когда я молчала?

А тут рыбаки вытащили сетью рыбу на берег и стали ее потрошить. Увидели они — кошка с собакой не ладят, подумали, что голодные, и бросили им рыбки внутренности.

Схватили кошка с собакой рыбки внутренности, стали есть, съели немного, вдруг — хряп! — твердое попало. Глядят — кольцо!

Оставили они еду и побежали в деревню. Пробежали мимо своей избы нет ли там хозяина? Глядят — нету его, а мать побирается. Побежали в город, в тюрьму, где Семен был.

Взобралась кошка на тюремную ограду, ходит поверху, глядит, где Семен там, а не знает. Хочется ей помякувать, помурлыкать, да кольцо у нее под языком, боится обронить.

К вечеру выглянул Семен в тюремное окно, хотел поглядеть на белый свет. Кошка увидела Семена и по дождевой трубе, а потом по стене забралась к Семену в каземат.

Семен взял кошку на руки. «Вот, — думает, — хоть и кошка, а сердце у нее верное, помнит она меня!»

Кошка мяукнула и обронила на пол волшебное кольцо.

Поднял Семен кольцо и вызвал двенадцать молодцов. Те явились, тут как тут.

— Здравствуй, дорогой старый хозяин, — говорят, — прикажи, чего тебе надобно, а мы живо исполним!

Семен им говорит:

— Перенесите откуда ни на есть мои хоромы сюда: и кто там живет, пусть в горницах будет, — я погляжу.

И мост хрустальный приподымите да сюда его уставьте, а только другим концом отверните его от царской избы и опустите в соседнюю деревню.

Все и было исполнено, как приказано Семеном. Хоромы его стали на место, а в них оказалась молодая царевна с Аспидом своим. Ну, ушли они из Семеновых хором, пошли жить к отцу царевны, — куда же еще?

Аспид же, как узнал, что это царевна кольцо потеряла, так от злости превратился в змею-гадюку.

И не мог уже он обратно обратиться в молодца, потому что не проходила в нем злоба на царевну. Так и остался Аспид гадюкой; он только делал, что шипел на царевну и бранил ее. Тут отец царевны вспомнил про Семена.

— Эх, — говорит, — а ведь Семен-то хоть и простой, да добрый малый был, а вот Аспид хоть и не простого рода, да ведь гадюка!

А Семен с матерью опять в хоромах жили, и собака с кошкой при них.

Семен на самосильной машине каждый день навещается в соседнюю деревню: по хрустальному мосту дорога туда близкой стала.

Слышно еще, Семен из той деревни жену себе берет; живет там одна девушка-сирота, прекраснее той царевны, вот ее и сватает Семен.

Должно, так и будет — женится Семен на сироте, пойдут у них дети, и новая сказка начнется.

ГАНС И ПОЛОСАТЫЙ КОТ

Братья Гримм

Жил-был одинокий мельник, у которого было три ученика. Однажды он вызвал их к себе, чтобы поговорить о чем-то важном.

— Как вы знаете, у меня нет детей, — сказал он. — Поэтому я хочу, чтобы один из вас унаследовал мельницу. Она достанется тому, кто найдет и приведет мне самую красивую на свете лошадь. Идите и через семь лет возвращайтесь с лошадьми.

Самого младшего ученика звали Ганс. Он был ленив и глуп до такой степени, что все только и смеялись над ним.

— Куда ты пошел с нами, — говорили ему старшие ученики. — Если тебе даже и достанется мельница, ты не знаешь, как управлять ей.

Но Ганс ничего не отвечал и упорно шел за ними.

Ночью, когда Ганс уснул, братья убежали от него. Проснувшись, Ганс очень расстроился: «Что же мне теперь делать? — причитал он. — Я не смогу найти лошадь сам, в одиночку».

Вдруг он увидел, что у него в головах сидит полосатый кот, который спрашивает его человеческим голосом:

— Куда держишь путь, милый Ганс?

— По правде сказать, я и сам не знаю, — ответил Ганс.

— Ну, тогда я предлагаю тебе вот что. Пойдем со мной, обещаю слушаться меня во всем ровно семь лет, а по истечении этого срока я дам тебе самую распрекрасную лошадь на свете.

— Я согласен, — сказал Ганс. — Уж если ты так умен, что умеешь говорить человеческим голосом, то я думаю, могу положиться на тебя.

Кот привел Ганса в свой дворец, где множество слуг отмыли его, переодели и накормили чудесной едой. После этого они отвели его в роскошную комнату и уложили в шелковую белоснежную кровать.

Каждый день Ганс старательно выполнял все приказания кота: рубил кустарник серебряным топором, поливал из золотой лейки розы в саду, стриг бриллиантовыми ножницами кустарник.

Однажды, заметив, что его одежда стала ему тесна, а башмаки сносились, он подумал: «А не прошло ли уже семь лет?», — и он спросил вечером кота:

— Дорогой кот, я не знаю, сколько времени я нахожусь у вас, но не пора ли мне уже получить мою обещанную лошадь?

— Еще не совсем пора, — ответил кот. — Сначала ты должен будешь построить дом. Вот тебе серебряные гвозди, молоток и доски. Все из серебра строй!

— Хорошо, — ответил Ганс и принялся за работу. Когда он все сделал, кот остался доволен и, поблагодарив его, повел на конюшню выбирать лошадь, какая ему понравится.

Но все лошади были так хороши, что он не мог выбрать лучшую.

— Мы сделаем вот как, — сказал кот. — Ты отправляйся на мельницу, а через три дня я сам приведу тебе лошадь.

Ганс попрощался с котом, оделся в свою старую рваную одежду и пошел домой. Придя

домой, он увидел двух других учеников, которые привели мельнику двух старых, грустных кляч.

— А где твоя лошадь, Ганс? — спросили они.

— Она будет здесь через три дня, — ответил Ганс.

— Через три дня? — засмеялись старшие ученики. — Почему же не через три года? Что это за лошадь, которая плетется медленнее человека? Кто-то опять подшутил над тобой, дурачок!

Мельник, увидев Ганса, рассердился.

— Как ты мог заявиться на мою чистую мельницу в своих грязных лохмотьях? — закричал он. — Убирайся вон?

Ганс отправился жить в хлев. Три дня спустя, рано утром во двор мельницы въехала золотая карета, запряженная шестью резвыми лошадьми. Еще одна лошадь, привязанная сзади кареты, была красивее и статнее остальных. На ней сидела необыкновенной красоты молодая принцесса.

— Мельник! — позвала она.

Мельник выскочил ей навстречу, беспрестанно кланяясь. Он отродясь не видел такого богатства.

— Позови мне своего младшего ученика, великолепного Ганса, который служил у меня семь лет, — велела принцесса.

— Он в коровьем хлеву, Ваше Высочество, — сказал смутившийся мельник.

Из кареты вышли слуги, которые вынесли бочку чистой воды, они вымыли Ганса и одели его в роскошные одежды.

— Мельник, — сказала принцесса, — эта лошадь для тебя от Ганса.

— Я никогда не видел такой красивой лошади, — вскричал радостный мельник. — Мельница по праву теперь достанется Гансу.

— Оставь это все себе, — сказала принцесса. Она усадила Ганса в карету, и они умчались.

Остановившись около серебряного дома, построенного Гансом, они увидели, что он превратился в роскошный замок. Ганс и принцесса отправились туда. Наутро они поженились и прожили счастливо всю свою жизнь.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Шарль Перро

Жила однажды в далекой деревушке маленькая прелестная девочка. Ее мать и бабушка любили ее без памяти. Бабушка сшила ей красную шапочку, которая была ей так к лицу, что все и стали звать девочку Красной Шапочкой.

Однажды мама напекла целый противень пирогов и говорит дочке:

— Красная Шапочка, бабушка заболела. Не отнесешь ли ты ей пирожков и горшочек свежесдобитого масла?

Красная Шапочка тут же встала и отправилась к бабушке. А бабушка ее жила в другой деревне, за густым, диким лесом.

Проходя через лес, она встретила волка. Волк хотел было ее съесть, но побоялся, поскольку недалеко работали дровосеки. Поэтому он придумал план.

— Куда ты идешь, моя крошка? — спросил волк.

— Повидать свою бабушку, — сказала Красная Шапочка. — У меня есть для нее горшочек свежесдобитого масла и пирожки.

— И далеко тебе идти? — спросил волк.

— Далеко, — ответила Красная Шапочка. — Ее дом довольно далеко отсюда, первый с той стороны леса.

— Я тоже хочу навестить бабушку, — сказал хитрый волк. — Я пойду этой тропинкой, а ты другой. Посмотрим, кто из нас первый доберется туда. Волк бросился бежать изо всех сил по самой короткой тропинке, а Красная Шапочка пошла по самой длинной дорожке. Она собирала цветы, пела веселые песни, играла с красивыми бабочками. Волк тем временем добежал до бабушкиного дома. Он дважды постучал в дверь.

— Кто там? — спросила Бабушка.

— Это я, Красная Шапочка, — сказал волк голосом девочки. — Я принесла тебе пирожков и горшочек свежесдобитого масла.

Бабушка лежала в постели, потому что болела.

— Открой дверь и войди, — крикнула она.

Волк ворвался в комнату. Он не ел целых три дня и был поэтому очень голоден. Он тотчас проглотил Бабушку. Потом он натянул на себя бабушкин халат, забрался на постель и стал поджидать Красную Шапочку, которая через некоторое время пришла и постучалась в дверь.

— Кто там? — спросил Волк бабушкиным голосом. Его голос был хриплым, но Красная Шапочка подумала, что у Бабушки болит горло.

— Это я, Красная Шапочка, — сказала она. — Я принесла тебе пирожков и горшочек свежесдобитого масла.

— Открой дверь и войди, — сказал волк таким ласковым голосом, насколько мог.

Он натянул одеяло до самых глаз.

— Поставь свою корзинку на стол и подойди ко мне, — сказал волк.

Красная Шапочка подошла поближе. Она сказала:

— Бабушка, какие у вас длинные руки!

— Это чтобы лучше обнимать тебя, моя дорогая, — сказал волк.

- Бабушка, какие у вас длинные уши!
- Это чтобы лучше слышать тебя, моя дорогая.
- Бабушка, какие у вас большие глаза!
- Это чтобы получше видеть тебя, моя дорогая.
- Бабушка, какие у вас большие зубы!
- Это чтобы съесть тебя! — сказал волк и проглотил Красную Шапочку.

Он так громко зарычал своим жутким волчьим голосом, что дровосеки услышали его. Они вбежали в дом с топорами. Они размахнулись своими топорами и убили волка. Из волчьего живота тотчас вылезли Бабушка с Красной Шапочкой, живые и здоровые. Они зарыли волка в лесу и пригласили дровосеков на чай. К чаю были поданы вкусные пирожки со свежевзбитым маслом.

ФЕЯ И КОТЕЛ

Шотландская сказка

Островок Сандрей, один из Внешних Гебридских островов, расположен к югу от острова Барры, и его омывает безбрежный Атлантический океан. Вокруг островка кипят волны с белыми гребешками, а на берегу всегда дует соленый резкий ветер. Над островком, пронзительно крича, проносятся морские птицы: чайки с жалобными голосами и устрицееды, что, выпятив грудь и распластав крылья белым крестом, летают с криком: «Би-глик! Би-глик! Би-глик!» (Осторожней! Осторожней! Осторожней!)

На этом островке когда-то жил один пастух. Жену его звали Мэриред. Она дружила с одной «мирной женщиной», как в старину называли фей. (А еще племя фей называли: «добрые соседи» и «маленький народец».)

Эта фея была крошечная женщина с остреньким личиком, блестящими глазками и смуглой кожей орехового цвета. Жила она в зеленом, поросшем травой холмике, что возвышался неподалеку от дома пастуха. Каждый день фея семенила по тропинке к его дому, сразу же входила в комнату и, подойдя к очагу, где горел торф, снимала с огня и уносила с собой большой черный котел. Все это она проделывала молча, а перед самым ее уходом Мэриред ей говорила:

В горн кузнец насыплет углей
И чугуна раскалит докрасна.
Надо котел, полный костей,
Ко мне принести дотемна.

Вечером фея возвращалась и оставляла на пороге дома котел, полный вкусных мозговых косточек.

И вот как-то раз пришлось Мэриред отправиться на остров Барру, в его главный город — Каслбей. Утром перед отъездом она сказала мужу:

— Когда придет «мирная женщина», скажи ей, что я уехала в Каслбей. А она пусть возьмет котел, как всегда берет.

Потом Мэриред уехала, а муж ее, оставшись один в доме, принялся крутить жгут из стеблей вереска. Немного погодя он услышал чьи-то легкие шаги, поднял голову и увидел, что к дому подходит «мирная женщина». И тут ему почему-то стало жутко. Он вспомнил вдруг все рассказы о том, как феи заколдовывают людей, вскочил с места и, как только «мирная женщина» подошла к порогу, захлопнул дверь.

Надо сказать, что «маленький народец» очень вспыльчив и легко обижается. Блестящие глазки феи засверкали гневом — так ее рассердила грубость пастуха. Она ступила ножкой на выступ под окном, а оттуда вскарабкалась на крышу. Потом наклонилась над дымовым отверстием и что-то крикнула. Это был зловещий, пронзительный крик.

Пастух в ужасе прижался к двери и вдруг увидел, как большой черный котел подпрыгнул раз, потом еще раз и... вылетел в дымоход. Но там его сейчас же ухватила чья-то сухонькая смуглая ручонка.

Не скоро осмелился пастух открыть дверь своего дома, а когда открыл, феи уже не было.

В тот же вечер Мэриред вернулась с корзинкой, полной свежей сельди, и первым долгом спросила мужа, почему котел не вернулся на свое место в очаге.

— Ведь «мирная женщина» всегда возвращала его засветло, — добавила она. — Неужто позабыла? Не похоже это на нее.

Тут муж рассказал ей про все, что с ним приключилось, пока она была в отъезде, а когда досказал, Мэриред крепко выругала его за глупость.

Потом она встала, взяла фонарь и побежала к зеленому холму, где жила фея. Светила луна, и при ее свете Мэриред отыскала свой котел. Он стоял у подножия холмика и, как всегда, был полон вкусных мозговых костей. Мэриред подняла котел и уже повернулась, чтобы идти домой, как вдруг чей-то нечеловеческий голос крикнул:

Молчунья-жена, молчунья-жена,
Что к нам пришла из дремучих лесов,
И ты, что стоишь на вершине холма,
Пустите по следу злых, яростных псов!

И тут с вершины холмика донесся дикий визг. Кто-то темный, что там стоял, спустил со своры двух лежащих у его ног заколдованных псов. С громким протяжным лаем псы сбежали с холмика. Хвосты их были закручены над зелеными спинами, языки вывалились и болтались между острыми клыками.

Мэриред услышала, что кто-то за нею гонится, оглянулась и пустилась бежать, не помня себя от страха. Она знала, что псы фей могут догнать и растерзать все живое, что встретят на своем пути. Но как ни быстро она бежала, зеленые псы стали ее нагонять — она уже чувствовала, как их дыхание обжигает ей пятки, и подумала: «Еще миг, и они схватят меня зубами за щиколотки!»

И тут Мэриред вспомнила про кости в котле и догадалась, как ей спастись. Она сунула руку в котел и на бегу стала бросать на землю кости, перекидывая их через плечо.

Псы фей жадно хватили кости, и Мэриред обрадовалась, когда они немного отстали. Наконец она увидела свой дом и вскоре подбежала к двери. Но вдруг услышала, что псы опять ее догоняют, и в отчаянии крикнула мужу из последних сил:

— Впусти меня!

А как только ворвалась в дом, рухнула на пол за порогом. Муж тотчас захлопнул за нею дверь. И тут они слышали, как псы фей свирепо царапают когтями дверь и яростно воют.

Всю ночь Мэриред с мужем просидели, дрожа от страха, — спать и не ложились. Когда же утром, наконец, отважились выглянуть за дверь, увидели, что она с наружной стороны вся исцарапана когтями зеленых псов и обожжена их огненным дыханием.

С тех пор «мирная женщина» больше не приходила за котлом, а Мэриред и ее муж всю свою жизнь боялись попасться на глаза своим «добрым соседям» — феям.

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Мадам д'Олнуа

Жили-были однажды король с королевой. Было у них прекрасное королевство, и они им счастливо правили. Только одно огорчало их — у них не было детей.

Однажды, гуляя по лесу, королева присела отдохнуть на берегу озера. Вдруг ей стало так невыносимо грустно и одиноко, что она громко закричала:

— О, Боже, как я хочу иметь ребенка!

Вдруг вода в озере забурлила, и из его глубин выплыла громадная креветка.

Она сказала человеческим голосом:

— Королева, твоя мечта исполнится. Но разреши мне, ничтожной креветке, сопровождать тебя до волшебного дворца, который не может увидеть ни один смертный?

— С удовольствием! — ответила королева. — Но я не могу плавать под водой, как это делаешь ты.

Креветка засмеялась и превратилась в милую старую даму. Когда она вышла из воды, ее одежда была сухая. Она была одета в белое платье с малиновыми полосками, а в ее седые волосы вплетены зеленые ленты.

Королева отправилась за ней в частый дикий лес. Волшебная тропа, по которой они шли, светилась у них под ногами, а апельсиновые деревья сплетали крышу над головой. Кругом разносился божественный запах цветущих фиалок.

Через некоторое время они пришли к замку, сделанному из чистых бриллиантов. Двери замка отворились, и шесть красавиц фей вышли навстречу королеве с букетом цветов, сделанных из драгоценных камней.

— Ваше Высочество, — сказали феи, — только некоторые смертные могут посетить этот дворец. Ваши мольбы о ребенке тронули наши сердца. У вас родится ребенок по имени Фейф. Когда он родится, возьмите букет цветов, который мы подарили вам, и громко произнесите название каждого цветка. Мы тут же появимся и наградим вашего ребенка самыми лучшими дарами.

Королева была вне себя от радости. Она бесчисленное число раз благодарила фей за их доброту. Затем, счастливая, она отправилась домой.

Через некоторое время у нее родилась дочь, которую она назвала Фейф. Она тотчас же достала букет и громко произнесла название каждого цветка.

И сразу же вся комната заполнилась феями. Их сопровождали маленькие пажи, которые несли шкатулки с подарками.

Здесь были распашонки и пинетки, чепчики и погремушки. Все было расшито золотом и украшено драгоценными камнями.

Феи немножко поиграли с ребенком, а потом взялись за работу. По очереди они наградили ее добротой, умом, исключительной красотой, удачливостью и отменным здоровьем.

Не успела королева поблагодарить фей, как дверь распахнулась и в комнату вбежала огромная креветка, злобно крича:

— А про меня ты забыла! А ведь этим счастьем ты обязана мне.

Королева пришла в ужас.

— О, прости меня, пожалуйста, — взмолилась она. — Я допустила ужасную ошибку!

Феи присоединились к ней:

— Прости ее, пожалуйста. Она сделала это не нарочно.

— Ну, хорошо, — сказала фея-креветка. — Я дарю ребенку жизнь. Но я предупреждаю, что до пятнадцати лет она не должна видеть дневного света, иначе случится что-то ужасное. Если вы разрешите ей увидеть солнце раньше пятнадцати лет, берегитесь!

В королевском дворце были заколочены все окна и двери. Нигде не пробивался даже луч света, только свечи освещали дворцовые комнаты.

Девочка росла очень смышленной и красивой. Феи часто навевались посмотреть на нее и поиграть с ней. Особенно ее полюбила фея по имени Тюльпан.

Она постоянно напоминала королеве:

— Помните, что сказала фея-креветка. Берегите свою дочь от дневного света.

Королева обещала быть осторожной.

Когда Фейф исполнилось четырнадцать лет, королевский живописец нарисовал ее портрет, и каждый, кто его видел, сразу же влюблялся в нее без памяти.

В это время в другом королевстве жил принц по имени Волак. Ему было всего 18 лет, и, увидев портрет принцессы Фейф, он обезумел от страсти и любви. Он отправился к своему отцу королю Сейджу и сказал:

— Отец, мне нужна ваша помощь. Вот портрет принцессы Фейф. Она покорила мое сердце. Дайте свое благословение, я хочу жениться на ней.

— Какая красивая девушка, и, должно быть, очень умная и добрая, сказал король. — Я даю тебе мое родительское благословение и пошлю лорда Кэнвиса послом к ее отцу.

Молодой лорд Кэнвис был ближайшим другом принца. Принц сказал ему:

— Если тебе дорога моя жизнь, сделай все, чтобы завоевать сердце принцессы. Я умру, если она не станет моей женой.

Он дал Кэнвису тысячу прекрасных подарков для принцессы. Родители Фейф были очень польщены, когда узнали, что за их дочь сватается принц Волак. Они знали, что это самый лучший, храбрый, правдивый и красивый принц из всех существующих на свете.

Король с королевой сначала решили показать Фейф лорду Кэнвису, но фея Тюльпан предупредила их, что это небезопасно.

Когда лорд приехал во дворец, то, к его великому изумлению, ему отказали во встрече с принцессой. Король рассказал ему всю историю с феями.

— Но, Ваше Высочество, — запротестовал Кэнвис, — принц Волак очень сильно влюблен. Он не может ни есть, ни пить, ни спать. Он очень болен. Разрешите мне показать вам его портрет. Поймите, если вы не покажете принцу Фейф, он умрет от тоски.

— Бедный принц, — сказал король. — Он так безумно влюблен в мою дочь. Я тоже был молод и знаю, что такое любовь. Мы постараемся что-нибудь придумать.

Фейф показали портрет принца, и она тоже полюбила его с первого взгляда.

Этот разговор услышала леди Уид, у которой были две дочери одного с Фейф возраста. Одну звали Дейзи, и она обожала принцессу, а другую звали Прикли, и она ненавидела Фейф всем сердцем. Она тоже видела портрет принца и дала себе слово стать его женой.

А крестной матерью Прикли была, к несчастью, фея-креветка. Ночью Прикли отправилась к ней и сказала:

— Фейф выходит замуж за принца Волака. А я сама хочу стать его женой. Ты можешь мне помочь в этом?

— Конечно! Для меня будет счастьем расстроить ее мечту, — сказала злая фея и что-то нашептала на ухо Прикли.

В это время Фейф мечтала о принце Волаке. Наконец она придумала, как избавиться его от болезни. Она пошла к своей матушке и сказала:

— Мы можем обмануть злую фею. Пошли меня к принцу в карете без окон и с занавешенной дверью. Я поеду к нему ночью.

Король и королева согласились с таким планом. Они сообщили Кэнвису об этом, и он, счастливый, помчался домой, сообщить принцу радостную новость. Король велел сделать закрытую карету. Внутри ее отделали зеленым бархатом и серебром.

Ключи от кареты вручили самому старшему лорду королевства и велели запереть в шкапулку. Когда все было готово, Фейф вместе с Прикли, Дейзи и леди Уид села в карету. Королева сказала леди Уид:

— Я вручаю вам сокровище всей своей жизни. Берегите ее, помните, что она не должна видеть дневного света. Принц уже заколотил окна в своем дворце и приготовился к встрече.

Уид ответила:

— Не беспокойтесь и доверьтесь мне.

И они отправились в путь. Через некоторое время Прикли шепнула матери:

— Мама, нужно срочно что-то сделать. Если я не стану женой принца, я умру.

Леди Уид достала длинный нож, который она спрятала под юбками, и разрешила обивку кареты.

Хлынул дневной свет. Фейф сразу же превратилась в белого оленя, который выпрыгнул из кареты и скрылся в лесу.

Слуги бросились искать белого оленя. Но злая фея наслала на них бурю и перенесла их всех далеко-далеко, на другой конец света.

Остались только леди Уид, Прикли и Дейзи. Прикли надела обручальное кольцо Фейф и ее корону. Вскоре они увидели золоченую карету принца, который с нетерпением поджидал свою любимую невесту. Увидев Прикли, старый король вскричал:

— Что за шутки?

Леди Уид отвечала с достоинством:

— Это принцесса Фейф, Ваше Высочество. И это доказывают письма ее отца и матери, которые я передаю вам.

Принц сказал:

— Отец, они обманули нас. Портрет не имеет ничего общего с оригиналом. Я лучше умру, нежели женюсь на этой уродине.

Король сказал:

— До выяснения всех обстоятельств, я заберу принцессу и ее сопровождающих в качестве пленников и поселю их в замке.

Принц же отправился в свой загородный дом в лесу, поохотиться и отвлечься от неприятных мыслей.

Гуляя в лесу, он вдруг почувствовал слабость и прилег на землю. Если бы он только знал, что недалеко от этого места ходила его любимая принцесса, обратившаяся в белого оленя, больше всего на свете любившего дневной свет.

Фея Тюльпан знала, что произошло с Фейф. Она послала Дейзи искать свою любимую принцессу, и они встретились, горько заплакав и обнявшись.

— Моя дорогая принцесса, — сказала Дейзи. — Я останусь с вами навсегда и буду

служить вам вечно.

Она отвела белого оленя во фруктовый сад, чтобы он поел плодов с деревьев, и спросила его, где же они будут ночевать. Ведь в лесу много волков и очень страшно.

— Не видели ли вы в этом лесу какого-нибудь домика? — спросила Дейзи оленя. Тот лишь покачал головой.

Вдруг появилась фея Тюльпан, чье сердце тронула дружба девушки и оленя, и сказала:

— Каждую ночь, после захода солнца, Фейф будет превращаться опять в девушку. А теперь идите по этой дорожке и будьте храбры и терпеливы.

Дейзи и белый олень вскоре пришли к хижине, на пороге которой сидела пожилая женщина.

— Не найдется ли у вас комнаты для меня и моего оленя? — спросила Дейзи.

— Конечно, молодая леди, — ответила старушка. Она проводила их в маленькую, но очень чистую комнатку, где стояли рядом две кровати.

Когда солнце зашло, белый олень превратился в принцессу, которая, бросившись на шею Дейзи, горячо поблагодарила ее за помощь. Они проговорили всю ночь, а наутро Фейф опять превратилась в оленя и убежала в лес, чтобы пощипать травы.

В это время принц и лорд Кэнвис набрали на ту же избушку в поисках ночлега. Улыбающаяся старая женщина дала им поесть и выделила комнату, как раз напротив комнаты девушек.

Выспавшись, молодой принц отправился на охоту. Вдруг он увидел белого оленя, который пасся невдалеке. Прицелившись, он выстрелил в оленя, но тот, увернувшись, скрылся в чаще леса.

Придя вечером домой, олень превратился в принцессу, которая поведала Дейзи, что с ней приключилось.

— Милая принцесса, — сказала Дейзи. — Оставайтесь здесь, не ходите в лес, это опасно. Я буду читать вам книги, и время потечет быстро.

— Я бы с удовольствием, — отвечала принцесса. — Но дело в том, что когда я превращаюсь в оленя, я и чувствую себя как олень. Я должна бегать и есть траву.

Уставшая, она тотчас же заснула. В это время в другой комнате принц рассказывал о чудесном олене, которого он видел сегодня утром.

— Завтра я обязательно пристрелю его, — сказал он.

Утром он отправился на поиски оленя. Но Фейф была настороже и не выходила из чащи леса. Принц ходил и ходил, пока не повалился от усталости под яблоневым деревом и уснул.

В это время из чащи вышел белый олень и подошел к принцу.

— Он еще прекраснее, чем на портрете, — подумала Фейф и прилегла рядом.

Принц Волак проснулся и остолбенел от изумления — рядом с ним лежал белый олень. Не успел он схватить лук, как Фейф стремглав скрылась из виду. Принц кинулся вслед за ней и выстрелил. Стрела попала белому оленю в ногу, и он повалился на землю.

Принц хотел было его пристрелить, но, увидев полные слез и мольбы глаза оленя, пожалел его и понес в хижину.

Выбежавшая навстречу Дейзи закричала ему:

— Это мой олень! Отдайте его мне!

— Нет, — ответил принц. — Я поймал его в лесу. Он — мой!

— Я скорее потеряю свою жизнь, чем своего оленя, — отвечала Дейзи. Посмотри, как он сейчас узнает меня.

Она сказала:

— Белый олень, пожалуйста, дай мне ногу, — и олень протянул раненую ногу.

Она сказала:

— Белый олень, любишь ли ты меня? — и олень согласно кивнул головой. Принц был поражен.

— Я согласен, — сказал он. — Олень — ваш. Я сожалею, что подстрелил его.

Дейзи подхватила оленя и отнесла его в свою комнату. В это время лорд Кэнвис сказал молодому принцу:

— Я узнал эту девушку, она из сопровождения принцессы Фейф, я видел ее в карете принцессы. Тут что-то не так!

Они узнали у старушки, в какой из комнат остановились девушки, и проделали в стенке дырку. Заглянув в нее, они увидели принцессу Фейф, сидящую на кровати, а возле нее Дейзи, бинтующую ей ногу.

Принц тут же кинулся в комнату девушек и упал перед принцессой на колени.

— Простите меня, — закричал он. — Я не знал ничего про оленя. Я бы скорее умер, чем причинил вам зло.

Фейф все рассказала ему про свои несчастья. Они проговорили всю ночь, а наутро, когда солнце встало, принцесса вдруг обнаружила, что в этот раз не превратилась в оленя. Радость их не знала границ.

— Мы должны сообщить об этом моему отцу, — сказал принц. — Он собирается пойти войной на ваше королевство, обвиняя твоих родителей в обмане.

Вдруг они услышали звуки горнов и увидели, что сам король едет к ним, а в скотном фургоне сидят Прикли и ее мать.

— Мой дорогой отец! — кинулся к нему принц. — Вот моя возлюбленная принцесса Фейф. Я нашел ее! — воскликнул он.

Король взглянул на принцессу. Она стояла в серебряном платье, расшитом свежими благоухающими розами, ее голову венчала корона из бриллиантов. Такой красоты он не видел никогда. Невдалеке стояла фея Тюльпан, которая и была той старушкой у хижины.

Все были счастливы. А лорд Кэнвис, тронутый преданностью и добрым сердцем Дейзи, сделал ей предложение, и две счастливые пары обвенчали в дворцовой церкви.

Прикли и ее мать простили и отправили их домой. А все королевство еще долго пересказывало историю о волшебном белом олене и его приключениях, так счастливо закончившихся.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Мадам Лёпренс де Бомон

Жил-был богатый купец, у которого было три дочери и три сына. Младшую из дочерей звали Красавица. Ее сестрицы не любили ее за то, что она была всеобщей любимицей. Однажды купец разорился и сказал своим детям:

— Теперь нам придется жить в деревне и работать на ферме, чтобы сводить концы с концами.

Живя на ферме, Красавица все делала по дому, да еще помогала братьям в поле. Старшие же сестры целыми днями бездельничали. Так они прожили год.

Вдруг купцу сообщили хорошие новости. Нашелся один из его пропавших кораблей, и теперь он опять богат. Он собрался поехать в город получить свои деньги и спросил дочерей, что им привезти в подарок. Старшие попросили платья, а младшая — розу.

В городе, получив деньги, купец раздал долги и стал еще беднее, чем был.

По пути домой он заблудился и попал в чащу леса, где было очень темно и завывали голодные волки. Пошел снег, и холодный ветер пронизывал до костей.

Вдруг вдалеке показались огоньки. Приблизившись, он увидел старинный замок. Войдя в его ворота, он поставил свою лошадь на конюшню и вошел в зал. Там находился стол, сервированный на одного, и горящий камин. Он подумал: «Хозяин, наверно, придет с минуты на минуту». Он прождал час, два, три — никто не появлялся. Он сел за стол и вкусно поел. Затем пошел посмотреть другие комнаты. Зайдя в спальню, прилег на кровать и уснул глубоким сном.

Проснувшись поутру, купец увидел на стуле рядом с кроватью новую одежду. Спустившись вниз, он обнаружил на обеденном столе чашку кофе с теплыми булочками.

— Добрый волшебник! — сказал он. — Спасибо тебе за твою заботу.

Выйдя во двор, он увидел уже оседланного коня и отправился домой. Проезжая по аллее, купец увидел розовый куст и вспомнил о просьбе младшей дочери. Он подъехал к нему и сорвал самую красивую розу.

Вдруг раздался рев и перед ним предстал отвратительный огромный монстр.

— Я спас тебе жизнь, а ты вот как отплатил мне за это, — прорычал он. — За это ты должен умереть!

— Ваше Величество, простите меня, пожалуйста, — взмолился купец. — Я сорвал розу для одной из моих дочерей, она очень просила меня об этом.

— Меня зовут не Ваше Величество, — зарычал монстр. — Меня зовут Чудовище. Отправляйся домой, спроси у своих дочерей: не хотят ли они умереть вместо тебя. Если они откажутся, то через три месяца ты должен сам вернуться сюда.

Купец и не помышлял посылать своих дочерей на смерть. Он подумал: «Я пойду попрощаюсь со своей семьей, а через три месяца вернусь сюда».

Чудовище сказало:

— Поезжай домой. Когда ты прибудешь туда, я пришлю тебе сундук, полный золота.

«Какой он странный, — подумал купец. — Добрый и жестокий одновременно». Он сел на коня и отправился домой. Конь быстро нашел верную дорогу, и купец еще засветло добрался домой. Встретив детей, он отдал младшей розу и сказал:

— Я заплатил за нее высокую цену.

И рассказал про свои злключения.

Старшие сестры накинулись на младшую:

— Это ты во всем виновата! — кричали они. — Захотела оригинальности и заказала паршивый цветок, за который отец теперь должен расплачиваться жизнью, а сейчас стоишь и даже не плачешь.

— Зачем же плакать? — ответила им кротко Красавица. — Чудовище сказало, что я могу пойти к нему вместо отца. И я с радостью это сделаю.

— Нет, — возразили ей братья, — мы отправимся туда и убьем этого монстра.

— Это бессмысленно, — сказал купец. — Чудовище обладает волшебной силой. Я пойду к нему сам. Я стар, и мне вскоре все равно умирать. Единственно, о чем я горюю, так это о том, что оставляю вас одних, мои дорогие деточки.

Но Красавица настаивала на своем:

— Я никогда не прощу себе, — твердила она, — если вы, мой дорогой отец, умрете из-за меня.

Сестры же были, напротив, очень рады избавиться от нее. Отец позвал ее и показал ей сундук, полный золота.

— Как хорошо! — радостно сказала добрая Красавица. — К моим сестрам сватаются женихи, и это будет их приданое.

На следующий день Красавица отправилась в путь. Братья плакали, а сестры, натерев луком глаза, рыдали тоже. Лошадь быстро сама нашла обратный путь к замку. Войдя в зал, она обнаружила стол, сервированный на двух человек, с изысканными винами и кушаньями. Красавица старалась не бояться. Она подумала: «Чудовище, должно быть, хочет сожрать меня, поэтому откармливает».

После обеда появилось рычащее Чудовище и спросило ее:

— Пришла ли ты сюда по собственной воле?

— Да, — ответила Красавица тихим голосом.

— У тебя доброе сердце, и я буду милосерден к тебе, — сказало Чудовище и исчезло.

Проснувшись утром, Красавица подумала: «Чему быть — того не миновать. Поэтому я не буду волноваться. Чудовище скорее всего не будет меня есть утром, поэтому я прогуляюсь пока по парку».

Она с удовольствием побродила по замку и парку. Войдя в одну из комнат с табличкой «Комната для Красавицы», она увидела стеллажи, полные книг, и пианино. Она страшно удивилась: «Зачем же Чудовище принесло все сюда, если ночью собирается съесть меня?»

На столе лежало зеркало, на ручке которого было написано:

«Все, что Красавица пожелает, я исполню».

— Я желаю, — сказала Красавица, — узнать, что сейчас делает мой отец.

Она взглянула в зеркало и увидела отца, сидящего на пороге дома. Он выглядел очень грустным.

«Какой все-таки добрый этот монстр, — подумала Красавица. — Я уже меньше боюсь его».

Вечером, сидя за ужином, она услышала голос Чудовища:

— Красавица, разреши мне посмотреть, как ты ужинаешь.

— Вы хозяин здесь, — ответила она.

— Нет, в этом замке твое желание — закон. Скажи мне, я очень уродлив?

— Да! — ответила Красавица. — Я не умею врать. Но зато, я думаю, что вы очень добры.

— Твой ум и милосердие трогают мое сердце и делают мое уродство не таким болезненным для меня, — сказала Чудовище.

Однажды Чудовище сказало:

— Красавица, выходи за меня замуж!

— Нет, — ответила, помолчав, девушка, — я не могу.

Чудовище заплакало и исчезло.

Прошло три месяца. Каждый день Чудовище сидело и смотрело, как Красавица ужинает.

— Ты единственная моя отрада, — говорило оно, — без тебя я умру. Пообещай мне хотя бы, что никогда не покинешь меня.

Красавица пообещала.

Однажды зеркало показало ей, что отец болен. Ей очень захотелось навестить его. Она сказала Чудовищу:

— Я обещала тебе никогда не покидать тебя. Но если я не увижу своего умирающего отца, мне будет жизнь не мила.

— Ты можешь уходить домой, — сказало Чудовище, — а я умру здесь от тоски и одиночества.

— Нет, — возразила ему Красавица. — Я обещаю тебе, что вернусь назад. Зеркало сказало мне, что мои сестры вышли замуж, братья — в армии, а отец лежит один больной. Дай мне сроку неделю.

— Завтра ты проснешься уже дома, — сказало Чудовище. — Когда ты захочешь вернуться назад, просто положи кольцо на тумбочку рядом с кроватью. Спокойной ночи. Красавица.

И Чудовище быстро удалилось.

Проснувшись на следующий день, Красавица обнаружила себя в родном доме. Она оделась в свои дорогие одежды, надела корону из бриллиантов и пошла к отцу. Он был несказанно рад, увидев свою дочь целой и невредимой. Прибежали ее сестры и увидели, что она стала еще красивее, да вдобавок разодета, как королева. Их ненависть к ней возросла с удвоенной силой.

Красавица рассказала все, что с ней приключилось, и сказала, что непременно должна вернуться назад.

Прошла неделя. Красавица собралась обратно в замок. Коварные сестры стали так плакать и причитать, что она решила остаться еще на неделю. На девятый день ей приснился сон, что Чудовище лежит на траве в парке и умирает. Она в ужасе проснулась и подумала: «Мне нужно срочно вернуться; и вылечить его».

Она положила кольцо на стол и легла спать. На следующий день она проснулась уже в замке. Надев свою лучшую одежду, она стала с нетерпением поджидать Чудовище, но оно не появлялось. Вспомнив про свой странный сон, она кинулась в сад. Там на траве лежало бездыханное Чудовище. Она кинулась к ручью, набрала воды и брызнула Чудовищу в лицо. Ее сердце разрывалось от жалости. Вдруг оно открыло глаза и прошептало:

— Я не могу жить без тебя. И теперь я счастливо умираю, зная, что ты рядом со мной.

— Нет, ты не должен умереть! — заплакала Красавица. — Я люблю тебя и хочу стать твоей женой.

Как только она произнесла эти слова, весь замок озарился ярким светом и всюду

заиграла музыка. Чудовище исчезло, а вместо него на траве лежал прелестнейший из принцев.

— Но где же Чудовище? — закричала Красавица.

— Это я и есть, — сказал принц. — Злая фея заколдовала меня и превратила в монстра. Я должен был оставаться им до тех пор, пока молодая красивая девушка не полюбит меня и не захочет выйти за меня замуж. Я люблю вас и прошу быть моей женой.

Красавица подала ему руку, и они отправились в замок. Там, к своей великой радости, они обнаружили отца, сестер и братьев Красавицы, поджидавших их. Тут же появилась добрая фея и сказала:

— Красавица, ты достойна этой чести и отныне ты будешь королевой этого замка.

Затем, обратившись к сестрам, она сказала:

— А вы станете за свою злобу и зависть каменными статуями у дверей замка и будете оставаться такими до тех пор, пока не осознаете свою вину и не побреете. Но я подозреваю, что такой день не наступит никогда.

Красавица с принцем обвенчались и зажили счастливо и долго.

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВЦЕ И СЕРЕБРЯНОЕ ДЕРЕВЦЕ

Шотландская сказка

В стародавние времена жила-была маленькая принцесса по имени Золотое Деревце, и была она такая красавица девочка, какой свет не видывал.

Мать ее умерла. Отец нежно любил дочку и всячески старался ей угодить, так что она жила очень счастливо. Но вот король вздумал снова жениться, и тогда настали для принцессы тяжелые дни.

Вторая жена короля, — а ее, как ни странно, звали Серебряное Деревце, — тоже была красавица, но уж очень завистливая. Вечно она боялась увидеть женщину, что затмит ее своей красотой. Падчерицу она сразу невзлюбила за ее прекрасное лицо, и когда глядела на нее, все себя спрашивала: «Неужто люди думают, что Золотое Деревце краше меня?» Да она в глубине души и сама так думала, а потому часто обижала падчерицу.

Как-то раз, когда принцесса Золотое Деревце уже совсем выросла и стала девушкой на выданье, она вместе с мачехой пошла погулять в одно глубокое ущелье. На дне этого ущелья под деревьями был небольшой родник, и вода в нем была такая прозрачная, что хорошо отражала лицо каждого, кто над ним наклонялся. Гордая королева любила ходить к этому роднику и смотреть на свое отражение.

В тот день она опять наклонилась над родником и увидела, как в нем почти у самой поверхности воды снует маленькая форель.

— Форель, форель, ответь мне на один вопрос, — сказала ей королева. Правда, что краше меня нет женщины на свете?

— Есть! — быстро ответила форель и подпрыгнула над водой, чтобы поймать мушку.

— Кто же это? — спросила королева в досаде. Ведь она ожидала совсем другого ответа.

— Конечно, падчерица твоя, принцесса Золотое Деревце, — ответила форель.

Лицо у завистливой королевы потемнело от гнева, и она бросила такой злобный взгляд на падчерицу — та собирала цветы невдалеке, — что рыбка испугалась и нырнула поглубже.

«А вдруг люди тоже скажут, что эта девчонка краше меня!» — думала королева. И она так разозлилась, что совсем потеряла власть над собой. Вернулась домой, убежала в свою спальню и бросилась на кровать, жалуясь, что тяжело заболела.

Напрасно принцесса Золотое Деревце спрашивала мачеху, что с нею и чем можно ей помочь. Королева не позволяла падчерице даже дотронуться до нее и отталкивала ее от себя, словно что-то мерзкое. Наконец принцесса, очень опечаленная, вышла из королевской спальни и оставила мачеху одну.

Вскоре вернулся с охоты король и сразу же спросил про жену. Ему сказали, что она внезапно занемогла и лежит в своей опочивальне. К ней уже вызывали придворного лекаря, но ни он, ни другие люди не могут понять, что с ней такое.

Король очень встревожился, потому что любил жену. Он подошел к ее постели и спросил, как она себя чувствует, и что надо сделать, чтобы облегчить ее страдания.

— Ты можешь сделать лишь одно, — ответила королева резким голосом, и только это может меня спасти, но я хорошо знаю, что ты не согласишься.

— Неправда! — сказал король. — Я не заслужил этих слов. Ты знаешь, что я готов дать тебе все — даже половину своего королевства.

— Так дай мне съесть сердце твоей дочери! — вскричала королева. — А если не дашь, я умру, умру очень скоро!

Она проговорила это так горячо и так странно посмотрела на мужа, что бедный король сразу подумал: «Да она помешалась!»

Не зная, что делать, он, растерянный, вышел из спальни и пошел по коридору. И вдруг вспомнил: как раз в этот самый день сын одного могущественного короля приехал из заморской страны свататься к его дочери.

«Вот и хорошо! — подумал король. — Этот брак мне по душе, и я нынче же прикажу сыграть свадьбу. Дочь моя покинет нашу страну здоровой и невредимой. А я отправлю человека в горы с приказом убить козла. Сердце этого козла я велю сварить и пошлю жене. Может, она тогда исцелится от своего безумия».

И вот он призвал к себе заморского принца и сказал ему, что королева внезапно занемогла. От болезни разум у нее помутился, и она возненавидела принцессу. Так что если Золотое Деревце согласна, то лучше всего сыграть свадьбу сегодня же. Тогда странная болезнь королевы, может быть, и пройдет.

Принц очень обрадовался, что невеста досталась ему так легко, а Золотое Деревце тоже была рада расстаться с мачехой, что ее так ненавидела. И вот свадьбу сыграли в тот же день, и молодые отправились за море, на родину принца.

Тогда король послал человека в горы с приказом убить козла, а когда тот вернулся, велел сварить сердце этого козла и отослал его на серебряном блюде в спальню королевы. Злая женщина поверила, что это — сердце ее падчерицы. Съела его и сразу же встала с постели совсем здоровая.

Между тем замужество принцессы оказалось очень удачным. Муж ее, принц, был богатый, могущественный властитель и души в ней не чаял. Так что жили они в любви и согласии.

Почти целый год прошел мирно и тихо. Принцесса счастливо жила в своем новом доме. А королева тоже была довольна — ведь она думала, что падчерицы ее нет на свете.

Но вот королева как-то раз снова пошла гулять в ущелье к роднику, чтобы посмотреть на свое отражение в воде.

И случилось так, что в роднике опять сновала та же маленькая форель, что плавала тут в прошлом году. Тщеславной королеве опять захотелось задать ей вопрос, — она думала, что теперь-то уж услышит желанные слова. И вот она наклонилась над водой и спросила:

— Форель, форель, правда, что краше меня нет женщины на свете?

— Нет, есть! — напрямик ответила форель.

— А кто же краше меня? — спросила королева и даже побледнела — до того ей было досадно, что у нее есть какая-то соперница.

— Конечно, падчерица твоего величества, принцесса Золотое Деревце! ответила форель.

Тут королева сразу успокоилась.

— Ну, если даже и так, — сказала она, — то люди теперь уже не могут на нее любоваться. Ведь скоро год, как она умерла. Я съела ее сердце за ужином.

— Ты в этом уверена, королева? — спросила форель, и глазки ее заблестели. — А по моему, она год назад вышла замуж за доблестного молодого принца, что явился просить ее руки, и в тот же день уехала с ним за море в его страну.

Как услышала королева эти слова, затряслась от злости. Теперь она поняла, что муж ее

обманул. Она встала с колен и пошла прямо домой, во дворец, всячески стараясь скрыть свою ярость. И вот она попросила короля приготовить королевскую ладью.

— Я хочу съездить навестить свою милую падчерицу, — сказала она. Ведь мы так давно не виделись!

Король удивился этой просьбе, но в то же время обрадовался, что королева перестала ненавидеть его дочь. И он приказал подготовить королевскую ладью к плаванию.

Вскоре ладья уже летела по волнам, и нос ее был повернут к той стране, где жила принцесса Золотое Деревце. За рулем сидела сама королева. Она знала, куда надо направлять ладью, и так спешила поскорее прибыть на место, что никому не давала сесть за руль.

Случилось так, что в тот день принцесса Золотое Деревце осталась дома одна — муж ее уехал на охоту. Она сидела у окна и смотрела на море, как вдруг увидела, что к пристани на всех парусах летит ладья. Принцесса сразу же узнала ее и догадалась, кто в ней сидит.

Тут она чуть не помешалась от страха, — ведь она знала, что не с добром едет к ней королева. Принцесса отдала бы все на свете, чтобы муж ее был дома, но он еще не вернулся с охоты. В отчаянии она побежала в людскую к слугам.

— Ох, что мне делать, что делать? — стонала она. — Я вижу, как по морю плывет к нам ладья моего отца, и знаю, что в ней сидит моя мачеха. А уж она постарается меня убить — ведь она ненавидит меня пуще всего на свете!

Слуги очень любили свою молодую госпожу, потому что она всегда была к ним добра. Они увидели, как бедняжка испугалась, услышали ее жалобы и все столпились вокруг нее, словно затем, чтобы оградить ее от беды.

— Не пугайся принцесса, — говорили они. — Если понадобится, мы будем защищать тебя до последней капли крови. Но чтобы мачеха твоя не околдовала тебя злыми чарами, мы запрем тебя в большой кладовой, той, что с решетками на окнах. Там она до тебя не доберется.

Надо сказать, что кладовая находилась в боковом крыле замка, и дверь у нее была такая прочная, что взломать ее было невозможно. Принцесса знала, что, когда за нею запрут эту толстую дубовую дверь, злая мачеха не сможет ей ничем повредить.

И вот она спряталась в кладовой с решетками на окнах, и слуги заперли ее там.

А королева Серебряное Деревце сошла на берег и направилась к воротам замка. Навстречу ей вышел слуга, и она приказала ему проводить ее к принцессе. Но он только низко поклонился и ответил, что не может выполнить ее приказ, потому что принцесса заперта в кладовой и выпустить ее оттуда нельзя, так как никто не знает, где ключ от двери.

Это была правда: никто в замке и в самом деле не знал, где ключ от кладовой, потому что старик дворецкий привязал его к ошейнику любимой овчарки принца и послал собаку в горы за хозяином.

— Так проводи меня до двери этой кладовой, — приказала королева. — Я хоть одним словечком перемолвлюсь со своей милой дочерью!

И слуга повиновался — он думал, что в этом ничего опасного нет.

— Если ключ и вправду потерян, — сказала злая королева, когда они подошли к толстой дубовой двери, — и ты не можешь выйти ко мне, дорогая моя Золотое Деревце, так хоть просунь свой мизинчик в замочную скважину, мне так хочется его поцеловать!

И принцесса, не чуя беды, просунула свой мизинчик в замочную скважину. Но беда пришла! Вместо того чтобы поцеловать крошечный пальчик принцессы, мачеха уколола его

отравленной иглой. А яд в этой игле был такой сильный, что бедная принцесса не успела даже вскрикнуть — замертво рухнула на пол.

Королева услышала, как она упала, и улыбнулась, очень довольная. «Ну, теперь я смогу сказать, что краше меня нет женщины на свете!» — прошептала она.

Она вернулась к слуге, что ожидал ее в конце коридора, и сказала ему:

— Я уже поговорила со своей дочерью, а теперь хочу вернуться домой.

Слуга почтительно проводил ее до ладьи, и королева пустилась в обратный путь.

Люди в замке и не подозревали, какая беда случилась с их хозяйкой, пока принц не вернулся домой с охоты. В руке у него был ключ от кладовой — его принесла овчарка.

Принцу рассказали, что в гости приезжала королева Серебряное Деревце, а принцесса от нее спряталась. Но он на это только рассмеялся и сказал слугам, что они поступили правильно. Потом он быстро поднялся по лестнице, чтобы открыть кладовую и выпустить жену на волю.

Но до чего же он испугался, когда отпер дверь и увидел, что жена его лежит на полу и не дышит! Чуть не обезумел от гнева и горя.

Тот яд, каким королева отравила падчерицу, сохранял мертвые тела нетленными. Шло время, а принцесса по-прежнему лежала, как живая. Принц не стал ее хоронить, а положил на покрытое шелком ложе и оставил в кладовой, чтобы иногда приходить и смотреть на нее.

Однако он так страдал от одиночества, что скоро женился во второй раз. Вторая его жена оказалась такой же доброй и ласковой, как и первая, и она тоже стала жить с ним в ладу и согласии. Но кое-что все-таки не давало ей покоя.

Она знала, что в замке, в самом конце одного коридора, есть комната, куда ей войти нельзя, ибо ключ от нее принц всегда носит при себе. Не раз она спрашивала мужа про эту комнату, но он уклонялся от ответа, и она перестала спрашивать, чтобы он не подумал, что она ему не доверяет.

Но однажды принц позабыл запереть дверь в кладовую, и его вторая жена вошла в нее, — ведь муж не запрещал ей туда входить. И вот она увидела принцессу Золотое Деревце на ложе, покрытом шелковым покрывалом. Казалось, будто она спокойно спит.

«Умерла она или только уснула?» — подумала вторая жена принца. Она подошла к ложу и стала разглядывать принцессу Золотое Деревце. Но вдруг заметила в ее мизинчике иголку и сразу обо всем догадалась, — ведь она была искусной врачевательницей.

«Тут свершилось злое дело, — подумала она. — Бьюсь об заклад, что эта игла отравлена, а если нет, так, значит, я ничего не понимаю в людских недугах». И она осторожно вытащила иглу.

Золотое Деревце открыла глаза, пришла в себя и вскоре рассказала второй принцессе обо всем, что с нею случилось.

Надо сказать, что если королева Серебряное Деревце была завистницей, то вторая жена принца была ничуть не завистлива и не ревнива. Она выслушала принцессу Золотое Деревце и радостно захлопала в ладоши.

— Ох, как обрадуется принц! — воскликнула она. — Хоть он и женился на мне, но я знаю, что тебя он любит больше.

В тот вечер принц возвратился домой с охоты очень усталый и печальный. Вторая принцесса сказала правду: хоть он и привязался к ней, но всегда тосковал по своей первой жене — не мог ее разлюбить.

— Какой ты печальный! — сказала вторая принцесса, когда вышла ему навстречу. —

Чем могу я вызвать улыбку на твоём лице?

— Ничем, — устало ответил принц и отложил в сторону свой лук.

Он так тосковал, что был не в силах притворяться веселым.

— Нет, смогу! — возразила вторая принцесса, лукаво улыбаясь. — Смогу, если верну тебе Золотое Деревце. А я ее верну! Ступай — ты найдешь ее живую и здоровую в кладовой с решетками на окнах.

Принц, не говоря ни слова, побежал наверх. И вот он увидел свою возлюбленную жену Золотое Деревце. Она сидела на ложе, покрытом шелком, и улыбалась ему.

Он так обрадовался, что обнял ее и принялся целовать, а про вторую принцессу совсем забыл. Но она пришла за ним следом и теперь стояла на пороге и радовалась счастьем супругов. Ведь оно было делом ее рук. Она как будто совсем не думала о себе.

— Я знаю, что ты всегда тосковал о Золотом Деревце, — сказала она. И так оно и должно быть. Ведь ее ты полюбил первую, и раз уж она ожила, я уеду домой к своим родным.

— Нет, не уедешь, — возразил принц. — Ты останешься с нами. Ведь это ты вернула ее мне. Золотое Деревце станет твоей самой задушевной подругой.

Так оно и вышло. Принцесса Золотое Деревце и вторая принцесса подружились и полюбили друг друга, как родные сестры. Казалось, будто они от рождения не разлучались.

Прошел еще год. Но вот как-то раз вечером королева Серебряное Деревце опять пришла в ущелье, чтобы посмотреть на свое отражение в воде родника. И опять в воде плавала маленькая форель.

— Форель, форель, — шепнула ей королева, — правда, я самая красивая женщина на свете?

— Вовсе нет! — ответила форель.

— А кто же, по-твоему, самая красивая? — спросила королева, и голос ее задрожал от досады и ярости.

— Я тебе уже два года назад назвала ее имя, — ответила форель. — Конечно, это принцесса Золотое Деревце.

— Но ведь она умерла! — со смехом воскликнула королева. — Уж теперь-то ее наверное нет в живых! Ровно год назад я уколола ее в мизинец отравленной иглой и своими ушами слышала, как она, мертвая, рухнула на пол.

— Ну, а я не уверена, что она умерла, — возразила форель и, ни слова больше не вымолвив, нырнула в глубь родника.

А королева потеряла покой с того дня, как услышала загадочные слова форели. Наконец она опять попросила мужа подготовить королевскую ладью к плаванию. Она-де хочет навестить свою падчерицу.

Король охотно приказал подготовить ладью, и все потом было так, как было год назад.

Королева сама села за руль, и когда ладья стала приближаться к берегу, ее увидела и узнала принцесса Золотое Деревце.

Принц и на этот раз был на охоте, и принцесса в ужасе побежала к своей любимой подруге.

— Ох, что мне делать? — застонала она. — Я вижу, плывет ладья моего отца, и знаю, что в ней сидит моя жестокая мачеха. Она опять попытается меня убить, как пыталась раньше. Ох, давай убежим в горы!

— Нет, ненадо, — возразила вторая принцесса и обняла трепещущую подругу. — Я не

боюсь твоей мачехи. Пойдем со мной, встретим ее на берегу.

И вот они обе пошли на берег, а королева Серебряное Деревце, как увидела свою падчерицу, притворилась, что очень обрадовалась ей. Она выскочила из ладьи и протянула падчерице серебряный кубок с вином.

— Это редкое вино — оно привезено из восточных стран, — сказала королева, — Я привезла с собой фляжку — хочу выпить с тобой кубок дружбы.

Принцесса Золотое Деревце была женщина кроткая и учтивая. Она уже протянула было руку к кубку, но вторая принцесса помешала ей, встав между ней и королевой.

— Нет, госпожа, — сказала она, строго глядя королеве прямо в лицо, в нашей стране такой обычай: тот, кто предлагает другому выпить кубок дружбы, должен первый отпить из него.

— Что ж, это я охотно сделаю, — отозвалась королева и поднесла к губам кубок.

Но вторая принцесса пристально следила за королевой и заметила, что она ни капельки не отпила. Тогда вторая принцесса сделала шаг вперед и, как бы нечаянно, подтолкнула дно кубка плечом. Часть вина брызнула на лицо королевы, часть попала ей в рот.

Так она сама запуталась в своих сетях. Ведь она отравила вино таким сильным ядом, что едва проглотила несколько капель, как упала мертвая к ногам принцесс.

Никто о ней не жалел — она заслужила свою участь. Ее спешно похоронили в уединенном месте, и вскоре все о ней позабыли.

А принцесса Золотое Деревце счастливо и мирно жила вместе с мужем и подругой до конца дней своих.

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

Павел Бажов

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей, не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григория да и жену его тоже. Оба веселые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдет, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму ее. Только пойдет ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житье у нее. Приказчик избу Григорьеву отдал кому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастет. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда, — отвечает Кокованя, — уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На топчане, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подаренка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну, как, подаренушка, пойдешь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Даренкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, говорит, вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да все увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдешь ко мне жить, так все и расскажу, — ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик веселый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку Муренку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовет. Стала скорей Даренкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трется у ног-то да мурлычет:

— Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

Вот и повел Кокованя сиротку к себе жить.

Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Даренка да кошка Муренка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житье не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил. Даренка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Муренка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать, Даренка любила те сказки слушать, а кошка Муренка лежит да мурлычет:

— Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Даренка напомним:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груды дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Даренки только и разговору, что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая. А Даренка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подбедает.

— Дедо, а шерстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Муренки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, а он душной?

Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной? Это домашние козлы такие бывают, а лесной козел, он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне

козлов больше пасется. Даренка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберешь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот. Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Даренка дома, а Кокованя в лес ушел.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Даренке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасется. Туда и пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Даренка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Даренка опять спрашивает:

— Серебряное копытце в той же стороне пасется?

— Кто его знает. Может, и он там.

Даренка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдет, — я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замерзнешь еще!

Только Даренка никак не отстает:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя:

«Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится».

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Даренка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да еще веревку.

«Нельзя ли, — думает, — этой веревкой Серебряное копытце поймать?»

Жаль Даренке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Муренка, с дедом в лес пойдем, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда все расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

— Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Даренкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжился старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повел!

Как стали Кокованя с Даренкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, — а это Муренка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Муренка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Даренка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Муренка до

лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Даренка, но не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Муренка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Даренка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Муренка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Даренку с кошкой в лесу оставить! А Даренка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна. Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

— Чего, — отвечает, — бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Муренка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся все-таки!

Ушел Кокованя. Осталась Даренка с Муренкой. Днем-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Муренка лежит спокойнехонько. Даренка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела, — это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Даренка поглядеть, а никого нет. Воротилась да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось.

Муренка мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Легла Даренка рядом с кошкой, да и уснула до утра.

Другой день прошел. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Даренке, а не плачет.

Гладит Муренку да приговаривает:

— Не скучай, Муренушка! Завтра дедо непременно придет.

Муренка свою песенку поет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Даренушка у окошка, полюбовалась на звезды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошел. Испугалась Даренка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом где дверка, а там и сверху запостукивало. Не громко, будто кто легонький да быстрый ходит.

Даренка и думает:

«Не козел ли тот вчерашний прибежал?»

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козел — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Даренка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся. Повернулся и побежал.

Пришла Даренушка в балаган, рассказывает Муренке:

— Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Муренка, знай, свою песенку поет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Даренка. Слезки запokaпывали. Хотела с Муренкой поговорить, а ее нету. Тут вовсе испугалась Даренушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежитбежит козел, остановится и давай копытцем бить. Муренка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит — и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Муренка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Муренки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Даренка запросила:

— Не тронь, дедо, завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб.

Все бы хорошо, да Муренки жалко. Больше ее так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил раз, — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются. Видали?

ПРИНЦЕССА-КОШКА

Мадам д'Олнуа

Жил-был король, у которого было три прекрасных сына. Он хотел, чтобы один из них наследовал его трон. И он решил, чтобы выбрать более достойного из них, испытать их ум и храбрость.

Король позвал сыновей и сказал:

— Вы знаете, что я стар и болен для того, чтобы править королевством. Один из вас должен занять мое место. Я отдам трон тому из вас, кто найдет мне самого преданного друга. Я хочу умную, смелую маленькую собачку. И тот из вас, кто достанет мне самую маленькую собачку, унаследует мою корону.

Принцы были в недоумении, но они слишком почитали отца, чтобы отказаться от этой просьбы.

Каждому из них отец выдал мешочек с золотом и сказал:

— Встретимся через год.

Братья поклялись друг другу оставаться друзьями, независимо от того, кто победит, и разошлись в разные стороны. Каждый пошел своей дорогой.

С каждым из них приключилась масса приключений, но с том, что произошло с младшим принцем, я вам сейчас расскажу.

Он был умен, красив собой, и ему всегда везло в жизни. Все, что он делал, он делал хорошо. А еще он был очень храбр, храбрее, чем стая львов.

И вот однажды вечером, когда молодой принц пробирался в лесу через заросли, начался ураган. Все вокруг покрылось мраком, и принц заблудился.

Вдруг вдалеке он увидел огонек и, пойдя на него, увидел волшебный замок. Его двери и окна были украшены сверкающими драгоценными камнями, а стены были хрустальные. На них золотом и серебром были нарисованы сюжеты из волшебных сказок про Золушку, Мальчика-с-пальчика. Спящую Красавицу и других.

Огромный бриллиант был дверной ручкой. Принц постучал, и дверь открылась. Войдя внутрь, он увидел несколько пар рук, держащих подносы с угощениями. Самих людей или их тел не было видно. Удивленный принц не знал, что делать, и стоял как вкопанный.

Пока он раздумывал, не убежать ли ему отсюда, одна пара рук подхватила его под локоть и повела в глубь замка. Затем, подведя к коралловой двери, его втокнули внутрь.

Он прошел через шестьдесят комнат, каждая из которых была украшена волшебными картинами. Везде горели свечи в канделябрах.

Вдруг опять откуда-то появившиеся руки подтолкнул его на середину шестьдесят первой комнаты. Здесь был горящий камин, и рядом с ним стояло кресло. Руки невидимые быстро сняли с него мокрую одежду и надели сухую, еще более богатую, чем его прежняя.

Затем его проводили в следующую комнату, где стены были разрисованы различными кошачьими героями: здесь были и кот в сапогах, и три маленьких котенка, потерявших свои перчатки, и кошка, отправившаяся в Лондон посмотреть на королеву, и еще множество других.

Посередине комнаты стоял стол, накрытый на двоих и сервированный золотой посудой. Вошла кошка необыкновенной красоты с роскошной белой шерстью. Ее сопровождали

кошки-слуги, одетые в богатые одежды.

— Здравствуй, молодой принц, — сказала она. — Мы рады видеть тебя в нашем замке.

— Ваше Высочайшее Высочество, — ответил принц. — Я благодарю вас за ваше гостеприимство. Вы поистине самая выдающаяся кошка, которую я когда-либо видел. Ваши речи так учтивы, вкус так изыскан, а убранство вашего дворца выше всяких похвал.

— Молодой принц, — сказала кошка. — Не надо льстить мне, я люблю простые слова и простых людей. Не хочешь ли ты отобедать со мной?

Руки невидимки тут же накрыли на стол и положили в тарелки кушанья: кусочек мышиного пирога для кошки и кусочек пирога с ягодами для принца.

Вид мышиного пирога испугал принца. Ему стало не по себе, и он никак не мог заставить себя съесть хоть кусочек своего кушанья. Словно угадав его мысли, кошка сказала:

— Не беспокойся, принц. Мой повар очень чистоплотный и аккуратный человек. Он знает, что кошки едят мышей, а люди — нет. Ешь свою еду спокойно.

Принц улыбнулся и сразу же все съел. После ужина они перешли в другую комнату. Там кошки, одетые в бальные костюмы, стали развлекать их испанскими и китайскими танцами. После этого принца увели в спальню и уложили в кровать. Стены в спальне были украшены картинами различных цветов, сделанных из крылышек мотыльков и птичьих перышек.

На следующий день рано утром принца разбудил звук горна. Руки невидимого слуги подали одежду для охоты, и он спустился вниз, где его ждал волшебный деревянный конь, который бегал и скакал не хуже настоящего. Сама же принцесса-кошка ехала на охоту верхом на обезьяне. После охоты за обедом принцу поднесли волшебный ликер, выпив который он сразу же забыл, кто он и откуда, и зачем сюда пришел. Ему хотелось только постоянно находиться в обществе очаровательной принцессы-кошки.

Они ездили на охоту, удили рыбу, читали и играли на пианино. Они слушали кошачьи оперы и смотрели кошачий балет. И все время их обслуживали руки невидимого неутомимого слуги.

И вот однажды принцесса-кошка сказала принцу:

— Через три дня ты должен вернуться к отцу и принести ему маленькую собачку.

— О, Господи! — закричал принц. — Как я мог забыть об этом? Но как же я успею достать собачку, купить лошадь и добраться домой? И все это за три дня.

Принцесса-кошка загадочно улыбнулась:

— Принц, ты мой друг, и я помогу тебе. Мой волшебный деревянный конь домчит тебя до дома за двадцать четыре часа.

— А как же собачка? — спросил принц.

— Вот она, — ответила принцесса и дала ему маленькое зернышко.

— Положи его себе в ухо, — велела она.

Он сделал так, и зернышко в ухе вдруг тоненько залаяло.

— Не раскрывай это зернышко, пока не вернешься к отцу, — сказала она.

Принц раньше братьев вернулся домой, но вскоре пришли и они. Король появился перед своими сыновьями. Младший принц протянул ему зернышко.

— Это для тебя, отец, — сказал он.

Король раскрыл зернышко. Из его серединки, обтянутой бархатом, выпрыгнула крохотная собачка, которая была ростом меньше дырочки на булавочной головке. Она, мило поклонившись, станцевала для короля испанский танец. Король был очень рад, но решил дать сыновьям еще одно испытание.

— Теперь, — сказал он, — принесите мне каждый по платье, которое пролезало бы в игольное ушко. Даю вам сроку один год.

Принцы отправились в разные стороны, а младший напрямик в кошачий дворец. Принцесса была очень рада увидеть его и, послушав его рассказ, сказала:

— Не волнуйся, живи спокойно, я все устрою наилучшим образом.

Так прошел еще один год. Однажды принцесса, рано утром разбудив принца, сказала:

— Завтра ты должен вернуться к отцу и принести ему платье. Карета с лошадьми готова, отправляйся в путь. Вот тебе грецкий орех для твоего отца. Открыв его, он найдет в нем то, что хотел.

— Моя дорогая принцесса, — сказал принц. — Мне так хорошо с тобой, что совсем не хочется возвращаться к отцу, не хочу трона, я хочу быть с тобой рядом.

Кошка улыбнулась и сказала:

— Ты должен вернуться. Это твой сыновний долг.

Принц вернулся домой, братья уже были во дворце. Принесенные платья были, безусловно, самыми тончайшими красивыми. Но когда отец-король попытался протянуть одежду через игольное ушко, у него ничего не вышло. Тогда вперед выступил молодой принц. Он подал королю грецкий орех. Все заулыбались и подумали, что это просто шутка. Король открыл орех, внутри было бобовое зерно. Он открыл зерно и обнаружил пшеничное зерно. Принц заволновался. Но когда король открыл это зерно и достал из него прелестное королевское платье, все остолбенели, так оно переливалось и сверкало всеми цветами радуги. На нем были изображены все самые диковинные звери, птицы и рыбы на свете. Оно свободно прошло через игольное ушко.

— Я очень рад, — сказал король. — И теперь даю вам последнее задание. Привезите мне прекраснейшую из девушек, которая станет вашей невестой. Даю вам сроку один год.

Принцы опять отправились в путь, а младший напрямик в кошачий дворец.

— Я уже все знаю, — сказала принцесса-кошка, — и помогу тебе.

Третий год промчался еще быстрее первых двух. Принц принцесса-кошка охотились, играли в шахматы и читал вслух волшебные сказки. Наконец настал день возвращаться домой.

— Теперь все твое счастье в твоих руках, — сказала кошка. — Я заколдованная принцесса, и ты можешь расколдовать меня.

— Но как? — вскричал принц.

— Отруби мне голову и хвост и сожги их в огне, — сказала кошка.

— Отрубить тебе голову? Ни за что! Ты для меня дороже сотни корон и тронов. Ни один волосок не упадет с твоей головы!

— Ты должен это сделать, — настаивала кошка. — Нам с тобой будет только лучше от этого.

Принц согласился, и хотя его руки сильно дрожали, сделал все, что велела кошка. И тут случилось чудо. Перед ним стояла девушка такой неземной красоты, что каждый хоть раз увидевший ее тут же влюбился бы в нее без памяти, позабыв про все и всех. Тут же все слуги кошки тоже превратились в людей. И принцесса рассказала принцу историю своего превращения.

— Я не всегда была кошкой, — сказала она. — Мой отец владел шестью королевствами, а моя мать очень любила путешествовать. Однажды она услышала рассказ о диковинном фрукте, растущем в старинном заброшенном замке, и сразу же отправилась туда. Но ворота

замка были наглухо закрыты изнутри, а стены были такие высокие и неприступные, что не было никакой возможности пробраться туда. Королева слегла от болезни, поняв, что ей не удастся отведать диковинного плода. И вот однажды перед ней вдруг появилась старушка.

— Королева, — сказала она. — Я знаю, что тебе так хочется отведать диковинного плода, что ты умираешь без этого. Я согласна принести его, но взамен ты должна отдать мне свою дочь, которую ты вскоре родишь.

— Хорошо, — сказала королева.

— Я наделю твою дочь добротой, мудростью, красотой и благородством, но ты не должна будешь видеть ее до тех пор, пока ей не исполнится двадцать лет.

— Ты берешь с меня суровое обещание, но я согласна, — сказала королева.

Служанка одела ее и повела за собой в сад, где стояло диковинное дерево с плодами. Королева отведала плода, и старушка нарвала ей еще целую корзину и дала с собой.

Вскоре после этого я родилась. Моя мать страшилась своего обещания. Она не могла сказать отцу об этом и впала в глубокую тоску. Отец был очень обеспокоен и долгими расспросами добился от нее правды. Он был вне себя от бешенства. Жену он велел запереть в тюрьму, а дочь усиленно охранять. Феи рассердились на короля и наслали на его королевство все самые страшные болезни на свете. Каждый день умирали сотни детей, стариков и женщин. Обезумев от ужаса, король обратился к другу-волшебнику и попросил его о помощи.

— Я ничего не могу поделать, — сказал волшебник. — Слово нужно держать.

Отец смирился, он выпустил мою мать из тюрьмы. Она положила меня в золотую колыбель и отнесла феям. Они с радостью приняли меня и отнесли в крепость, которую построили специально для меня. Там было множество прелестных комнат, а крыша была в виде цветущего сада. Дверей в крепости не было, а были только очень высокие окна. Там прошло несколько лет, и феи решили, что мне пора выходить замуж. Мужем мне они выбрали короля Тинни. Накануне свадьбы ко мне прилетел мой друг попугай и сказал:

— Бедная маленькая принцесса, как мне жаль тебя!

— Почему? — спросила я.

— Потому что твой будущий муж, король Тинни, — страшный урод и изверг. Он живет на том же дереве, где и я.

Не успел он это произнести, как вошла одна из фей и сказала:

— Побыстрее собирайся и спускайся вниз. Там пришел король Тинни, будь с ним полюбезнее.

— Но я не хочу видеть его и выходить за него замуж, — заплакала я.

— Глупое дитя, я лучше знаю, кто нужен тебе в мужья. Только посмей послушаться меня!

Я в слезах спустилась вниз и увидела его. Он был величиной не больше попугая, у него были когтистые лапы орла, горб и уродливое лицо злобного карлика. Его нос был острый и длинный, как карандаш. Он хотел поцеловать меня, но я в ужасе убежала и закрылась в своей комнате. Тогда жестокие феи заколдовали меня и моих слуг, превратив нас всех в кошек и котов. Колдовство должно было закончиться только тогда, когда в моем дворце появится молодой принц, который полюбит меня.

— Я люблю тебя больше жизни, — сказал принц. — И хочу жениться на тебе.

Они отправились во дворец, а принцесса спряталась внутри рубинового яичка. Братья принца уже были во дворце, оба с красивейшими принцессами. Когда очередь дошла до младшего, он раскрыл рубиновое яичко, и из него вышла принцесса, затмевающая день и

ночь, солнце и луну. Она была одета в бело-розовые одежды, а ее голову украшал венок из диковинных цветов.

— Да, — закричал радостный король. — Только она достойна моего дворца.

— Ваше Величество, — отвечала принцесса. — Я благодарю вас за доверие, но мне не нужен ваш дворец, у меня их целых шесть. Разрешите мне подарить два из них вашим старшим сыновьям, а за младшего выйти замуж и поселиться в оставшихся четырех дворцах.

Все были счастливы. И тотчас священник обвенчал три молодые пары, которые счастливо прожили всю оставшуюся жизнь.

КОЛА-РЫБА

Итальянская сказка

В Мессине, на самом берегу голубого Мессинского пролива, стояла хижина. Жила в ней вдова рыбака с единственным сыном, которого звали Кола.

Когда маленький Кола появился на свет, его приветствовал шум моря. Когда он впервые засмеялся, он засмеялся солнечным зайчиком, прыгавшим на волнах. Едва мальчик научился ходить, он побежал прямо к морю.

Игрушками его были высохшие морские звезды, выкинутые приливом на берег, да обкатанные водой блестящие камешки.

Что же удивительного, что для мальчика море было роднее редкого дома!

А мать боялась моря. Ведь оно унесло ее отца, брата, а потом и мужа. Поэтому стоило мальчику отплыть хоть немного от берега, мать выбегала из дому и кричала:

— Вернись, Кола! Вернись, Кола!

И Кола послушно поворачивал к берегу.

Но вот однажды, когда она звала его, Кола засмеялся, помахал ей рукой и поплыл дальше.

Тогда мать рассердилась и крикнула ему вслед:

— Если тебе море дороже матери, то и живи в море, как рыба!

Ничего дурного она не желала своему сыну, просто крикнула в сердцах, как многие матери, когда их рассердят дети. Но то ли этот день был днем чудес, то ли услышал ее слова злой волшебник, только Кола и впрямь навсегда остался в море. Между пальцами у него выросла перепонка, горло вздулось и сделалось как у лягушки.

Бедная мать, увидев, что натворили ее необдуманные слова, заболела с горя и через несколько дней умерла.

Хижина, в которой уже никто не жил, обветшала и покосилась. Но раз в год, в тот самый день, когда у матери вырвалось нечаянное проклятие, Кола подплывал к берегу и с грустью смотрел на дом, куда ему уже больше не вернуться.

В эти дни мессинские рыбаки, их жены и дети не подходили близко к этому месту. И вовсе не потому, что они боялись человека-рыбу. Кола был их большим другом. Он распутывая рыбачьи сети, если их запутывал морской черт-скат, показывал, какой стороной идут косяки рыб, предупреждал о вечно меняющихся коварных подводных течениях. Рыбаки не подходили к старой хижине, чтобы не помешать Кола одолеть свое горе в одиночку. Они ведь и сами так поступали — радость старались встретить вместе, горем не делились ни с кем.

Как-то услышал о Кола-Рыбе король. И захотелось ему посмотреть на такое чудо. Король велел всем морякам зорко глядеть, когда они выходят в море, не покажется ли где Кола. Если увидят его, пусть передадут, что сам король желает с ним говорить.

На рассвете одного дня матрос с парусной шхуны заметил в открытом море, как Кола играет в волнах, словно большой дельфин. Матрос приставил ко рту ладони и закричал:

— Эй, Кола-Рыба, плыви в Мессину! С тобой хочет говорить король!

Кола тотчас повернул к берегу. В полдень он подплыл к ступеням дворцовой лестницы, что уходила прямо в воду.

Начальник береговой стражи доложил об этом привратнику, привратник младшему лакею, младший лакей — старшему камердинеру, а уж старший камердинер осмелился доложить королю.

Король в мантии и короне спустился до половины лестницы и заговорил:

— Слушай меня, Кола-Рыба! Мое королевство богато и обширно. Все, что находится на суше, я знаю наперечет. А что скрыто в моих подводных владениях, не ведомо никому, даже мне. Я хочу, чтобы ты узнал это и рассказал своему королю.

— Хорошо, — ответил Кола и ушел в морскую глубину.

Когда Кола вернулся, он рассказал много удивительного. Рассказал, что видел на морском дне долины, горы и пещеры. Рассказал о рощах из разноцветных кораллов, о холодных течениях и горячих ключах, что бьют из расселин морских гор. Рассказал о диковинных рыбах, которых никто никогда не видел, потому что они живут далеко внизу, в вечных зеленых сумерках. Только в одном месте Кола не мог достичь дна — у большого Мессинского маяка.

— Ах, какое огорчение! — воскликнул король. — Мне как раз больше всего хотелось знать, на чем стоит Мессина. Прощу тебя, спустись поглубже.

Кола кивнул головой и снова нырнул — только легонько плеснула волна.

Целый день и целую ночь он пропадал в пучине. Вернулся измученный, усталый и сказал королю:

— Слушай, король, я опять не достиг дна. Но я увидел, что Мессина стоит на утесе, утес покоится на трех колоннах. Что будет с тобой, Мессина! Одна из колонн еще цела, другая дала трещину, а третья вот-вот рухнет.

— А на чем стоят колонны? — спросил король. — Мы непременно должны это узнать. Кола-Рыба.

— Я не могу нырнуть глубже, — ответил Кола. — Вода внизу тяжела, как камни. От нее болят глаза, грудь и уши.

— Прыгни с верхушки сторожевой башни маяка, — посоветовал король. Ты и не заметишь, как опустишься на дно.

Башня стояла как раз в устье пролива. В те давние времена на ней, сменяя друг друга, несли свою службу дозорные. Когда надвигался ураган, дозорный трубил в рог и разворачивал по ветру флаг. Увидев это, корабли уходили в открытое море, подальше от земли, чтобы их не разбило о прибрежные скалы.

Кола-Рыба поднялся на сторожевую башню и с ее верхушки ринулся в волны.

На этот раз Кола пропадал три дня и три ночи. Только на рассвете четвертого дня голова его показалась над водой. Он с трудом подплыл к дворцовой лестнице и сел на первую ступеньку.

— Горе тебе, Мессина, настает черный день, и ты обратишься в прах! заговорил он, едва отдышавшись.

— Расскажи же скорей, что ты увидел! — нетерпеливо воскликнул король. — Что делается на дне?

Кола покачал головой.

— Не знаю. Я и теперь не добрался до дна. Откуда-то снизу поднимаются дым и пламя. Дым замутил воду, от огня она стала горячей. Никто живой, ни рыба, ни морские звезды, не могут спуститься ниже, чем спустился я.

— Раньшея тебя просил, а теперь приказываю: что бы ни было там, внизу, ты должен

узнать, на чем стоит Мессина.

Кола-Рыба усмехнулся.

— Слушай, король! Ветер и волны не поймаешь даже самой частой сетью. А я сродни ветру и волнам! Мне приказывать нельзя. Прощайте, ваше величество.

Он соскользнул со ступенек в воду и собирался уплыть прочь.

Тут король со злости затопал ногами, сорвал с головы корону и бросил ее в воду.

— Что ты сделал, король! — воскликнул Кола. — Ведь корона стоит несметных сокровищ!

— Да, — согласился король, — второй такой короны нет на свете. Если ты не достанешь ее со дна, мне придется сделать то, что делают все короли, когда им нужны деньги. Я обложу податью всех рыбаков Сицилии, и рано или поздно мои сборщики выколотят из них новую корону.

Кола-Рыба опять присел на ступеньку лестницы.

— Будь по-твоему, король! Ради детей рыбаков я постараюсь достать до дна. Но сердце говорит мне, что я никогда не увижу больше родного сицилийского неба над головой. Дайте мне горсть чечевицы, я возьму ее с собой. Если я погибну в глубинах, вы узнаете об этом.

На серебряном блюде принесли чечевицу. Кола зажал ее плоские зерна в руке и бросился в море.

Король поставил часовых у того места, где погрузился в воду Кола-Рыба. Семь дней часовые не спускали глаз с морской глади, а на восьмой день вдруг увидели, что по воде плывет чечевица. Тут все поняли, что Кола больше уже не вернется.

А вслед за покачивающимися на волнах зернами вынырнула удивительная рыба, какой никто никогда не видывал. Верно, одна из тех придонных рыб, о которых рассказывал Кола.

В зубастой пасти она держала драгоценную королевскую корону. Рыба высунулась из воды, положила корону на нижнюю ступеньку лестницы и, плеснув хвостом, исчезла в море.

Никто не знает, как погиб человек-рыба, который пошел на смерть, чтобы избавить бедняков от беды. Но рассказы о нем передавались от деда к отцу, от отца к сыну.

И вот вправду настал черный день Мессины. Все кругом загудело и затряслось. Горы раскалывались на куски и с грохотом рушились вниз. Земля расступалась, и там, где было ровное место, зияли пропасти.

Вмиг цветущий город превратился в груды развалин. Сбылось пророчество Кола.

Однако люди не ушли из Мессины. Ведь каждому дороже всего край, где он появился на свет и прожил всю жизнь. Оставшиеся в живых выстроили новый город, еще прекраснее прежнего. Он и сейчас стоит на самом берегу голубого Мессинского пролива.

ЧУБЧИК-РИККИ

Шарль Перро

Жила-была королева, которая родила такого ужасного уродя сына, что все, кто видел его, не могли смотреть без содрогания. Ребенок родился с пучком волос на голове, который торчал вверх, как пучок сухой травы, никак не хотел приглаживаться и был такой скользкий, как будто его облизала языком корова. Поэтому ребенку и дали имя — Чубчик-Рикки. Но для королевы этот уродя был желаннее всех детей на свете. Волшебница, которая явилась ему на крестины, одарила его необыкновенным умом и предрекла также, что Чубчик-Рикки сможет передавать свой ум всякому, кого он полюбит. Королева была счастлива, услышав предсказания волшебницы.

Через несколько лет королева соседней страны родила двух дочерей. Первая была прекрасна, как солнце, но волшебница, которая присутствовала при родах, сказала, что она, к сожалению, будет, несмотря на это, глупа как пробка. Когда вслед за первой на свет появилась вторая дочь, королева упала без чувств, увидев, какого страшного уродя она родила.

— Не расстраивайтесь. Ваше Высочество, — сказала ей волшебница. — Эта девочка будет так умна и добра, что ее уродство никто не заметит.

— Дай Бог, — отвечала королева. — Но нельзя ли дать хоть капельку ума старшей и чуточку красоты младшей, — попросила она волшебницу.

— К сожалению, нет. Единственно, что я могу сделать, это дать ей дар, что она будет передавать свою красоту всякому, кого полюбит.

По мере того как девочки подрастали, одна становилась все глупее и глупее, а другая уродливее и уродливее. На балах гости всегда поначалу толпились вокруг красавицы, чтобы полюбоваться ею, но, послушав несколько минут ее глупую болтовню, переходили к младшей. Кроме того, старшая была такая разиня и неумеха, что постоянно все роняла, разбивала и ломала вокруг.

Однажды, в одиночестве гуляя по лесу, она повстречала маленького уродливого человечка со смешным чубчиком на голове. Это был принц Чубчик-Рикки, который, однажды увидев портрет принцессы, влюбился в нее без памяти и, оставив свое королевство, отправился в путь, чтобы разыскать ее. Почтительным поклоном приветствуя принцессу, он спросил:

— О чем может грустить такая прекрасная особа?

— Я сама не знаю о чем, — ответила глупая принцесса.

— Красота — это такое великое достоинство, — заметил Рикки, — что тому, кто обладает им, не о чем горевать!

— Лучше бы я была уродлива, чем глупа как пробка, — сказала принцесса.

— Я вижу, сударыня, что вы, наоборот, чрезвычайно умны. Ведь только умный человек может признаться, что он не всезнайка.

— Этого я не знаю, — сказала принцесса, — я только знаю, что очень глупа, и это сильно огорчает меня, делая самой несчастной на свете!

— Так это недостаток ума является причиной вашей горести! — воскликнул Рикки. — Я могу помочь вам!

— Каким образом? — удивилась принцесса, раскрыв от удивления рот.

— Я принц Чубчик-Рикки и обладаю даром передавать ум тому, кого люблю всем сердцем. Вы, сударыня, и есть та особа, которую я люблю больше всего на свете. Я дам вам ум, если вы согласитесь выйти за меня замуж.

Принцесса была не в состоянии вымолвить ни слова.

— Я вижу, вы не в восторге от моего предложения, — сказал Рикки. — Но я не принуждаю вас сейчас же выйти за меня замуж. Я даю вам срок — целый год. Подумайте и дайте ответ.

Принцесса была так глупа, и ей так не терпелось поумнеть, что год показался ей целой вечностью. И, боясь, что Рикки передумает, она тотчас же согласилась выйти за него замуж, хотя на самом деле не пылала желанием стать его женой.

Как только она дала это обещание, ее пустая голова вдруг поумнела, и она почувствовала в себе способность говорить умные вещи и выражать свои мысли приятным и естественным языком.

Они не заметили, как проболтали с Рикки довольно долгое время. При этом он был поражен, насколько приятно она вела беседу, и даже подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил самому.

Затем принцесса вернулась во дворец. Придворные были крайне изумлены переменой, произошедшей в ней. Сочетание красоты и ума, бывшее теперь в ней, делало ее невообразимо привлекательной и приятной в общении. Ее отец-король даже стал обращаться к ней за советами в государственных делах.

Весь мир облетел слух о перемене, произошедшей в ней. Принцы со всех сторон света стали съезжаться во дворец, чтобы просить ее руки. Отец-король не раз говорил ей:

— Дочь моя, тронный зал переполнен высокородными принцами. Реши, наконец, кому из них ты отдашь предпочтение.

Принцесса решила пойти прогуляться в лес, чтобы в одиночестве решить, кто удостоится чести называться ее женихом. Но чем человек умнее, тем труднее ему сделать выбор в брачных делах.

Что же решить? Кто будет ее избранником?

Вдруг мысли принцессы были прерваны тонкими голосами, которые доносились прямо из-под земли, как будто под ней бегали и ходили тысячи маленьких человечков.

— Увеличь огонь, — сказал один голосок.

Другой ответил:

— Здесь мы поставим столы.

— Где золотой котел? — спросил третий.

Посмотрев под ноги, принцесса увидела в земле щель, глянув в которую она обнаружила маленьких эльфов, которые в поварских колпаках готовили различные кушанья.

Каждый из них носил в ухе золотую сережку в виде маленькой вилочки — отличительный знак их профессии. Распевая веселые песни, они резали мясо, пекли пироги, взбивали крем.

Крайне удивленная принцесса спросила их, к какому празднеству они все это готовят?

— К свадьбе, — ответили они. — Завтра Чубчик-Рикки женится на принцессе. После свадьбы будет дан роскошный пир.

Принцесса остолбенела, вдруг вспомнив про свое обещание. Это было как раз год назад. Получив от Рикки ум, она тут же забыла про все свои глупости, которые совершила в жизни.

Вдруг откуда ни возьмись появился сам принц Рикки.

— Принцесса, вы сделали меня счастливейшим человеком на свете. Я пришел сдержать свое слово. И надеюсь, вы тоже пришли сюда, чтобы сдержать свою клятву и стать моей женой.

— Если откровенно, это не так, — ответила принцесса. — Если бы я имела дело с дураком, я бы ответила вам довольно мягко и туманно, но с вами я должна быть честна. Я не хочу выходить за вас замуж и не захочу никогда.

— Вы смущаете меня, сударыня, — сказал Рикки.

— Даже дураку понятно, что принцесса должна держать свое слово, — перебила его красавица. — Но вспомните, ведь клятву вам давала набитая дура, а я умна и не должна быть в ответе за клятву глупцов.

— Сударыня, — поспешил с ответом Рикки, — вы сказали, что только глупец может попрекнуть вас изменой. Но ответьте мне, могу ли я удержаться от упреков, когда речь идет о счастье всей моей жизни? Справедливо ли требовать, чтобы умные люди терпели больше дураков? Но давайте говорить конкретно: вам не нравится мое уродство? Это вполне понятно. Но позвольте спросить, что помимо этого вас отталкивает от меня? Находите ли вы мой род недостаточно знатным или мои манеры недостаточно изящными? Устраивает ли вас мой ум и нрав?

— Все эти качества мне как раз очень нравятся в вас, — возразила принцесса.

— Если это так, — сказал Чубчик-Рикки, — я надеюсь, что буду все же счастлив, ибо если вы пожелаете, вы можете сделать меня красивейшим мужчиной на свете.

— Что вы имеете в виду? — спросила принцесса.

— Это довольно просто, — ответил Рикки. — Как вы знаете, волшебница наградила меня даром передавать свой ум всякому, кого я крепко люблю, эта же самая волшебница и вам разрешила сообщать вашу красоту тому, кого полюбите вы.

— Если это действительно так, — сказала принцесса, — то всем своим сердцем я желаю, чтобы вы стали самым красивейшим принцем из всех существующих на свете, я дам вам дар красоты.

Не успела она это сказать, как Рикки изменился у нее на глазах. Он показался ей самым красивым, самым стройным человеком, которого она когда-либо видела. Она тут же обещала ему свою руку и сердце, если только ее отец будет согласен на этот брак.

Они вернулись в замок и попросили у короля благословения. Король-отец с удовольствием согласился иметь такого умного, богатого и красивого зятя.

На следующий день отпраздновали свадьбу. После церемонии бракосочетания в лесу было пышное празднество, которое умный принц давно дал распоряжение готовить.

СЕМЬ ПРИНЦЕВ-ВОРОНОВ

Братья Гримм

Было у одного человека семеро сыновей и ни одной дочки, а ему очень хотелось ее иметь. Вот, наконец, жена подала ему добрую надежду, что будет у них дитя; и родилась у них девочка. Радость была большая; но дитя оказалось хилое и маленькое, так что пришлось его крестить раньше срока.

Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды для крещения; шестеро остальных побежало вслед за ним — каждому из них хотелось первому набрать воды, — вот и упал кувшин в колодец. И они стояли и не знали, что им теперь делать, и никто не решался вернуться домой. Отец ждал их, ждал, а они все не возвращались, потерял он, наконец, терпенье и говорит:

— Пожалуй, гадкие мальчишки опять заигрались, а про дело забыли. — И он стал опасаться, что девочка помрет некрещеной, и с досады крикнул:

— А чтоб вас всех в воронов обратило!

Только вымолвил он эти слова, вдруг слышит над головой шум крыльев. Глянул он вверх, видит — кружат над ним семеро черных как смоль воронов.

И не могли отец с матерью снять своего заклятья, и как они ни горевали об утрате своих семерых сыновей, но все же мало-помалу утешились, гляючи на свою любимую дочку. Она вскоре подросла, окрепла и с каждым днем становилась все красивей и красивей.

Долгое время она не знала, что были у нее братья, — отец и мать избегали говорить ей об этом. Но вот однажды она случайно от людей услышала, как те говорили, что девочка-де и вправду хороша, да виновата в несчастье своих семерых братьев.

Услыхав об этом, она сильно запечалилась, подошла к отцу-матери и стала у них спрашивать, были ли у нее братья, и куда они пропали. И вот, — правды не скроешь, — им пришлось ей объяснить, что это случилось по воле свыше и рождение ее было лишь нечаянной тому причиной. Стала девочка каждый день себя попрекать и крепко призадумалась, как бы ей вызволить своих братьев.

И не было ей покоя до той поры, пока не собралась она тайком в дальнюю путь-дорогу, чтоб отыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало. Взяла она с собой в дорогу на память об отце-матери одно лишь колечко, хлебец — на случай, если проголодается, и скамеечку, чтобы можно было отдохнуть, если устанет.

И пошла она далеко-далеко, на самый край света. Вот подошла она к солнцу, но было оно такое жаркое, такое страшное, и оно пожирало маленьких детей. Бросилась она поскорей от солнца к месяцу, но был он такой холодный, мрачный и злой, и как увидел он девочку, сказал ей:

— Чую, чую мясо человечье.

Она убежала от него и пришла к звездам. Они были ласковые и добрые, и сидела каждая из звезд на особой скамеечке. Поднялась утренняя звезда, дала ей костылек и сказала:

— Если не будет с тобой этого костылька — не разомкнуть тебе Стекло́нной горы, где заточены твои братья.

Взяла девочка костылек, завернула его хорошенько в платочек и пошла. Шла она долго-долго, пока не пришла к Стекло́нной горе. Ворота были закрыты; хотела она достать

костылек, развернула платок, глядь — а он пустой, потеряла она подарок добрых звезд.

Что тут делать? Ей так хотелось спасти своих братьев, а ключа от Стеклоянной горы не оказалось. Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Входит она, а навстречу ей карлик, и говорит ей:

— Девочка, что ты здесь ищешь?

— Ищу я своих братьев, семерых воронов.

А карлик ей говорит:

— Воронов нету дома. Если хочешь их подождать, пока они вернутся, то входи.

Потом карлик принес воронам пищу на семи тарелочках; отведала сестрица из каждой тарелочки по крошке и выпила из каждого кубочка по глоточку, а в последний кубочек опустила колечко, взятое с собой в дорогу.

Вдруг слышит в воздухе шум крыльев и свист. И говорит ей карлик:

— Это летят домой вороны.

Вот прилетели они, есть-пить захотели, стали искать свои тарелочки и кубочки. А ворон за вороном и говорит:

— Кто это ел из моей тарелочки? Кто пил из моего кубочка? Никак человечьи уста?

Допил седьмой ворон до дна свой кубок, тут и выкатилось колечко. Посмотрел он на него и узнал, что то колечко отца-матери, и говорит:

— Дай боже, чтобы наша сестрица тут оказалась, тогда мы будем расколдованы.

А девочка стояла тут же за дверью; она услышала их желанье и вошла к ним, — и вот обернулись вороны опять в людей. И целовались они, миловались и весело вместе домой воротились.

ДЕРЕВЯННЫЙ ОРЕЛ

Русская сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. И было у царя множество слуг. Да не простых прислужников, а разных мастеров: и столяров, и гончаров, и портных. Любил царь, чтобы и платье у него лучше, чем у других, было сшито, и посуда хитрее расписана, и дворец резьбою украшен.

Мастеров в царском дворце видимо-невидимо было.

Все они по утрам собирались к царскому выходу и ждали, кому какое дело царь на сегодня назначит.

И вот случилось раз, что столкнулись у царского порога золотых дел мастер и столяр. Столкнулись и заспорили — кто из них свое ремесло лучше знает, и чья работа труднее.

Золотых дел мастер и говорит:

— Твое мастерство невелико, ты над деревом сидишь, деревянные вещи режешь. То ли дело моя работа. Я все из чистого золота делаю: любо-дорого поглядеть.

А столяр и отвечает:

— Не хитро дорогую вещь сделать, коли золото само в цене. Ты вот из простого дерева сделай такую штучку, чтобы все кругом диву дались. Вот тогда я поверю, что ты мастер.

Спорили они, спорили, чуть до драки не дошли, да в это время царь входит. Услыхал он этот разговор, усмехнулся и приказал:

— Сделайте вы мне оба по диковинке, один из золота, другой из дерева. Погляжу на них и решу, кто из вас лучший мастер.

С царем не поспоришь, коли жизнь дорога. Пошли мастера из дворца каждый к себе: оба крепкую думу думают, как бы друг друга перегнать в мастерстве.

Дал им царь неделю сроку.

Через неделю приходят оба мастера во дворец, становятся в ряд с другими, ждут царского выхода. И у каждого по свертку в руках.

Вышел царь и говорит:

— Ну, молодцы, показывайте ваше искусство, — а сам в бороду усмехается. Приказал он позвать в палату и царицу, и молодого сына-царевича.

— Пусть и они на ваши чудеса поглядят.

Сели царь с царицей на лавку, а царевич рядом встал. Вышел вперед золотых дел мастер.

— Прикажи, царь-батюшка, мне большой чан воды принести.

Принесли большой чан, водой налили.

Развязал мастер свой узелок, вынул оттуда золотую утку и пустил ее на воду. Поплыла утка, словно живая: головой вертит, крикает, носиком перышки обчищает.

Открыл царь рот от удивления, а царица кричит:

— Да это живая утка, а не золотая! Он, видно, живую утку золотом покрыл!

Обиделся мастер:

— Какая же она живая? Прикажи мне ее разобрать по частям и опять на винтики собрать.

Вынул он утку из чана, сначала ей крылышки отвинтил, потом голову, а после и всю на

кусочки разобрал. Разложил на столе, да и давай снова свинчивать. Свинтил, пустил на воду. И поплыла утка лучше прежнего.

Захлопали все придворные в ладоши.

— Ну и мастер! Ну и чудо сделал! Век такого не видывали.

Обернулся царь к столяру:

— Теперь ты свое искусство показывай.

Поклонился столяр:

— Прикажи, ваше царское величество, окошко в этой горнице отворить.

Отворили окошко. Развернул столяр свой узелок, вынимает из него орла деревянного.

Да так этот орел хорошо сделан был, что от живого не отличить. А столяр и говорит:

— Утка-то золотая только по воде плавает, а мой орел в облака подымается.

Сел столяр на орла верхом и повернул винтик. Поднял его орел и вынес по воздуху из царской палаты. Кинулись все к окнам, смотрят, рты разинув, а столяр над царским двором в воздухе разные круги делает. Влево повернет винтик — орел книзу летит, вправо — подымается. У царя от удивления корона на затылок съехала, глядит он в окошко, оторваться не может. Все кругом словно замерли. Такого мастерства никто не видывал.

Покружил столяр по воздуху и обратно в палату влетает. Поставил орла в сторонку и к царю подходит.

— Ну, как, царь-батюшка, доволен ли моим искусством?

— Слов не нахожу, так доволен, — царь отвечает. — Да как же ты этак умудрился? Да как же ты ему этот винтик пристроил?

Начал столяр все это царю объяснять, а в это время царица как ахнет, как закричит:

— Куда ты? Куда? Ах, ловите, остановите!

Обернулись все на ее голос и видят: пока царь со столяром беседовал, царевич молодой вскочил на орла, повернул винтик — и вылетел из окошка на двор.

— Вернись скорей! Куда ты? Убьешься! — кричат ему царь с царицей. А царевич махнул рукой, да и перелетел через забор серебряный, которым дворец огорожен был. Повернул он винтик вправо — поднялся орел за облака и скрылся из глаз.

Царица без памяти лежит, а царь на столяра гневается.

— Это ты нарочно такую шутку придумал, чтобы нашего сына единственного сгубить. Эй, стражники, схватить его и бросить в темницу. А если через две недели царевич не вернется, вздернуть столяра на виселицу.

Схватили стражники столяра и кинули в темное подземелье. А царевич на деревянном орле все дальше и дальше летит.

Любо царевичу. Просторно, вольно кругом. В ушах ветер свистит, кудри развеивает, под ногами облака проносятся, и сам царевич — словно птица крылатая. Куда хочет, туда в небе и поворачивает.

К вечеру прилетел он в неведомое царство, опустился на край города. Видит — стоит избушка маленькая.

Постучал царевич в дверь.

Выглянула старушка.

— Пусти, бабушка, переночевать. Я тут чужой человек, никого не знаю, остановиться не у кого.

— Отчего не пустить, сынок. Входи, места много. Я одна живу.

Развинтил царевич орла, связал в узелок, входит к старушке в домик.

Стала она его ужином кормить, а царевич расспрашивает: что за город, да кто в нем живет, да какие в городе диковинки.

Вот и говорит старушка:

— Есть у нас, сынок, одно чудо в государстве. Стоит посреди города царский дворец, а подле дворца высокая башня. Заперта та башня тридцатью замками, и охраняют ее ворота тридцать сторожей. Никого в башню не пускают. А живет там царская дочь. Как родилась она, так ее с нянькой в той башне и заперли, чтобы никто не видел. Боятся царь с царицей, что полюбит царевна кого-нибудь и придется ее замуж на чужую сторону отдавать. А им с ней расставаться жалко: она у них единственная. Вот и живет девушка в башне, словно в темнице.

— А что, и верно, что хороша царевна? — спрашивает гость.

— Не знаю, сынок, сама не видала, а люди сказывают — такой красоты во всем свете не сыщется.

Захотелось царевичу в запретную башню пробраться. Лег он спать, а сам все раздумывает, как бы ему царевну увидеть.

На другой день, как стемнело, сел он на своего деревянного орла, взвился в облака и полетел к башне с той стороны, где окошко в тереме было.

Подлетел и стучит в стекло.

Удивилась царевна. Видит — молодец красоты неописанной.

— Кто ты, добрый молодец? — спрашивает.

— Отвори окно. Сейчас все тебе расскажу.

Открыла девушка раму, влетел деревянный орел в комнату. Слез с него царевич, поздоровался, рассказал девушке все, что с ним случилось.

Сидят они, друг на друга глядят — наглядеться не могут.

Спрашивает царевич, согласна ли она его женой стать.

— Я-то согласна, — говорит царевна, — да боюсь, батюшка с матушкой не отпустят.

А злая мамка, которая царевну сторожила, все выследила. Побежала она во дворец и донесла, что так, мол, и так, к царевне кто-то прилетал, а теперь этот молодец в доме старушки скрывается.

Прибежала тут стража, схватила царевича и потащила во дворец. А там разгневанный царь на троне сидит, дубинкой об стол стучит.

— Как ты, такой-сякой, разбойник, осмелился мой царский запрет нарушить? Завтра казнить тебя буду!

Повели царевича в темницу, бросили одного и крепкими замками заперли.

Наутро весь город на площадь согнали. Объявлено было, что казнить станут дерзкого молодца, который в башню к царевне проник.

Вот уж и палач пришел, и виселицу поставили, и сам царь с царицей на казнь глядеть приехали.

Вывели царевича на площадь. А он обернулся к царю и говорит:

— Ваше величество, разрешите мне последнюю просьбу высказать.

Нахмурился царь, а отказать нельзя.

— Ну, говори.

— Прикажите гонцу сбегать в дом к старушке, где я жил, узелок мой из-под подушки принести.

Не мог отказать царь, послал гонца. Принесли узелок.

А царевича в это время уже к виселице подвели, на лесенку поставили. Протянул ему гонец узелок.

Развернул его царевич, вскочил на деревянного орла — да и был таков. Взвился он над виселицей, над царем, над всей толпой.

Ахнул царь:

— Лови его! Держи! Улетит!

А царевич направил орла к башне, подлетел к знакомому окошку, царевну подхватил и перед собой на орла сажает.

— Ну, говорит, теперь нам с тобой никакая погоня не страшна.

И помчал их орел в родное государство.

А там из подземелья бедный столяр в подзорную трубу глядит, глаз с неба не сводит — не летит ли царевич обратно? Завтра две недели кончаются, висеть столяру на веревке, коли царский сын не воротится.

И вдруг видит бедный мастер: летит по небу орел деревянный, а на нем царевич, да не один, а с невестой-красавицей.

Опустился орел посреди царского двора. Снял царевич с него невесту, к отцу с матерью повел. Рассказал им, где он пропадал две недели. А те от радости и тревогу свою ему простили.

Великий пир царь устроил. Три месяца свадьбу праздновали.

А всех столяров в том государстве с той поры особо уважать стали.

ГОЛУБОЙ ХОХОЛОК

Мадам д'Олнуа

В одном королевстве жил-был вдовый король. Он был несказанно богат, и у него была дочь, которую звали Эйприл, и была она прекрасней весны. Когда ей исполнилось 15 лет, ее отец женился вновь. У мачехи была дочь, которую звали Тротти, и была она страшнее самой страшной ночи. Ее лицо было как потрескавшаяся кожа барабана, волосы как спутанная пряжа, а тело было желтым, как старый воск. Но мачеха обожала свою дочь и желала для нее всяческого счастья.

Однажды король сказал:

— Пожалуй, наступило время выдать наших дочек замуж.

— Это отличная мысль, — ответила королева. — Моя дочь заслуживает самого красивого и богатого мужа в мире. Она, в отличие от глупой Эйприл, умна и привлекательна. А поскольку она старше Эйприл, то должна первой выйти замуж.

Король согласился, потому что был добр и не любил скандалов. Он пригласил во дворец короля Криспина, самого влиятельного и богатого в мире. Тем временем королева скупила в городе всю материю и нашла Тротти множество нарядов. Оставшийся материал она сожгла. Таким образом, Эйприл пришлось довольствоваться старыми нарядами.

В тот день, когда ожидали приезда Криспина, королева подговорила злую служанку, и та облила грязью и изорвала в клочья всю одежду Эйприл. Поэтому принцесса вынуждена была спрятаться в самом темном углу и оттуда наблюдать за Криспином.

Криспину представили Тротти. Она, одетая в бархат и кружева, выглядела еще более уродливо, чем когда-либо. Отшатнувшись от нее, король Криспин сказал:

— А есть ли у вас еще принцесса? Я слышал, ее зовут Эйприл.

— Да вот она, — сказала Тротти, показывая пальцем на забившуюся в угол принцессу.

Король посмотрел на нее и тут же влюбился без памяти. Он проговорил с ней целых три часа и, к своей неописуемой радости, убедился, что она так же умна, как и красива.

Разъяренные королева и Тротти явились к отцу-королю с требованием немедленно заточить Эйприл в крепость. Король, находившийся под каблуком жены, согласился. В это время Криспин, вернувшись домой, постоянно грезил о принцессе. Королева, пробравшись в его королевство и одарив его слуг золотом, велела им говорить Криспину всякие гадости об Эйприл. Один из слуг сказал ему, что она любит убивать кошек и собак, другой — что она ведьма и по ночам летает на метле, третий — что она сумасшедшая. Но Криспин не слушал их ложь. Он приехал в королевство Эйприл в надежде снова увидеть ее. Но ее нигде не было. Огорченный Криспин потребовал ответа.

— Отец заточил ее в темницу, где она будет находиться, пока ее сестра не выйдет замуж, — ответила ему королева.

Криспин тут же вызвал к себе своего верного слугу и сказал ему:

— Речь идет о моей жизни. Я хочу, чтобы ты узнал, где находится принцесса Эйприл.

Слуга узнал и доложил своему господину. Этот разговор подслушала королева, и у нее родился коварный план. Она подменила Эйприл и посадила вместо нее в темницу Тротти.

Темной ночью влюбленный король пробрался в темницу и, пав к ногам пленницы, объяснился ей в любви и попросил ее согласия выйти за него замуж. В знак своей искренней

любви он надел Тротти на палец (думая, что это Эйприл) обручальное кольцо. Они договорились встретиться завтра снова. Когда наступила следующая ночь, еще более темная, чем прежняя, король Криспин подъехал к темнице в карете, запряженной быстроногими лошадьми, и помог Тротти вылезти из окна. Он усадил ее в карету, и они помчались в его дворец. Он был уверен, что похищает Эйприл. По дороге он спросил, где бы она хотела обвенчаться с ним. Тротти ответила, что у своей крестной матери, феи Фретфул. Король согласился, и они поехали к замку злой феи. Тротти вбежала внутрь и, кинувшись к крестной на шею, все рассказала ей, моля о помощи. Фея вышла навстречу королю и сказала:

— Здесь находится моя крестная дочь, принцесса Тротти, ты говорил ей, что любишь ее и хочешь жениться на ней. Исполни же свое обещание.

— Что?! — закричал взбешенный король. — Я должен жениться на этой глупой уродице? Никогда и ни за что! Она обманывает, уверяя, что я обещал жениться на ней. Пусть докажет это!

— А вот и доказательство, глупый король, — сказала Тротти, показывая обручальное кольцо. — Ты сам надел его мне на палец.

— Это обман! — кричал король. — И я докажу это!

Тротти и фея настаивали на женитьбе, умоляли его и грозили, но он был непреклонен. Так они спорили двадцать дней и ночей. Наконец, уставшая фея сказала:

— Криспин, выбирай одно из двух: или я заколдую тебя за твое непослушание, или ты женишься на моей крестнице.

Криспин ответил:

— Делай, что хочешь, но моей женой станет только принцесса Эйприл.

И в тот же миг он превратился в маленькую птичку с голубыми тонкими перышками. Маленький голубой хохолок торчал на ее головке, словно корона.

— Отлично, — сказала злая фея. — Ты будешь птицей ровно семь лет, а теперь улетай прочь, окно открыто.

Король полетел прочь от колдовского места, его единственным желанием было найти Эйприл и попросить ее подождать семь долгих лет, пока он опять не превратится в человека, и они поженятся.

Фея отослала Тротти назад к матери.

Когда королева узнала, что ее план провалился, она совсем обезумела.

— Я отомщу Эйприл за это, — шипела она.

Задумав новый, еще более изощренный план, она надела Тротти корону королевы и привела ее к Эйприл.

— Вот твоя сестра, — сказала она. — Она только что вернулась со своей свадьбы. Теперь она жена короля Криспина.

И Тротти продемонстрировала бедной Эйприл обручальное кольцо короля. Закричав от тоски, принцесса упала без чувств, а очнувшись, попросила:

— Оставьте меня все, я достаточно уже хлебнула горя. У меня больше нет сил жить.

Все следующие дни и ночи она сидела у окна темницы, тоскуя и плача. А в это время бедный король летал вокруг дворца в надежде увидеть свою любовь. Он боялся поближе подлетать к окнам, чтобы Тротти не увидела его.

Рядом с окном темницы росло огромное цитрусовое дерево. Голубая птичка присела на ветке этого дерева, чтобы отдохнуть. Вдруг она услышала тоскливый голос, молящий о смерти. Узнав этот самый дорогой на целом свете голос, птичка подлетела к окну Эйприл:

— Не грусти, моя дорогая принцесса.

— Кто ты? — воскликнула в изумлении принцесса, глядя на красивую голубую птичку, говорящую человеческим голосом.

— Принцесса, я готов отдать жизнь ради тебя, — ответила странная птица. — Разве ты не узнала меня? Я король Криспин. Фея Фретфул превратила меня в птицу на семь лет, но это не может изменить моей любви к тебе.

— Как же это может быть? Храбрейший на свете король Криспин превратился в такую маленькую птичку?

— Это цена, которую я заплатил за любовь к тебе.

— Любовь? Если бы ты любил меня, ты бы никогда не женился на Тротти. Я видела твое кольцо у нее на пальце.

— Тротти сказала, что я женился на ней? Она лжет! Они хотят тебя заставить забыть меня. Они обманом завлекли меня во дворец, а потом предложили мне на выбор: или стать птицей, или жениться на твоей сестре.

Эйприл поняла, что Криспин говорит правду. Она была так рада видеть его, что сразу позабыла про свою неволю. Они проговорили всю ночь, а утром вынуждены были расстаться, чтобы никто не увидел их, пообещав друг другу встречаться каждую ночь у окна. Чтобы доказать Эйприл свою любовь, Криспин слетал в замок и принес ей в подарок пару бриллиантовых сережек. На следующую ночь он подарил ей браслет, украшенный громадным изумрудом. Затем он подарил ей часы, сделанные из огромной жемчужины. Каждый день он летал во дворец и приносил принцессе необыкновенные подарки. Вскоре у Эйприл накопилась громаднейшая коллекция драгоценностей. Ночью она надевала их на себя, чтобы понравиться Криспину, а днем прятала их в шкатулки.

Прошло два года. Эйприл больше не тяготило заточение: каждую ночь она встречалась с любимым. Между тем ее мачеха продолжала пытаться выдать замуж Тротти. Во все концы страны были разосланы посланники, но как только упоминалось имя Тротти, их отсылали обратно. Королева думала, что это вина Эйприл, и ненавидела ее с каждым днем все больше.

Однажды ночью они с Тротти отправились в крепость поговорить с Эйприл. Подойдя к двери, они слышали птичий голосок.

— Тротти, она обманывает нас! — крикнула королева и ворвалась в комнату.

Быстрее молнии Эйприл закрыла окно, давая птице шанс спастись.

— С кем это ты разговариваешь по ночам? — злобно шипела королева.

— Ни с кем, — спокойно отвечала Эйприл, — я не вижу здесь никого, кроме тех слуг, которых вы мне посылаете.

Но королева и Тротти не слушали ее, во все глаза они смотрели на сверкающие бриллианты.

— Откуда у тебя эти драгоценности?

— Я нашла из здесь.

— Ах ты лгунья! Сейчас мы тебя проучим, — пригрозила Тротти.

— Еще не время, — вставила королева. — Может быть, эти бриллианты она получила от своей доброй матери феи. Наказав ее, мы разозлим фею.

Они подослали девочку прислуживать Эйприл и строго-настрого приказали ей смотреть за всем, что происходит в темнице. Эйприл поняла их замысел и не подходила к окну, несмотря на то, что видела, как за ним, тоскуя, кружится голубая птичка.

Целый месяц служанка, не смыкая глаз, следила за Эйприл. Наконец она уснула.

Принцесса поспешила к окну и запела: Голубая птичка, голубая, как небо и море, Быстрее, быстрее ко мне прилетай!

Криспин тотчас же появился. Всю ночь они проговорили. В течение последующих двух ночей служанка продолжала спать, и счастьем влюбленных ничто не мешало. Но на следующую ночь она проснулась и притворилась спящей. Свет луны падал на принцессу, разговаривающую с голубой птицей. С рассветом птичка улетела, и служанка сразу же отправилась доложить об этом королеве.

— Это, должно быть, Криспин, — заключила Тротти.

— Как они посмели так провести нас? — закричала королева. — Теперь очередь за нами.

Она велела служанке сделать вид, как будто ничего не произошло. В эту ночь Эйприл опять пела свою песню, но никто не прилетел. Злобная королева дала распоряжение срубить цитрусовое дерево, и, к несчастью, под удар топора попал Криспин. Ему поранили ноги и крылья. Он умирал. Криспин жаждал смерти, думая, что Эйприл предала его, рассказав королеве о его ночных визитах.

К счастью, у него был друг волшебник, который все эти долгие годы продолжал искать его. Восемь раз он обходил вокруг света в поисках своего любимого короля. Теперь на девятый раз он проходил мимо того места, где лежал Криспин.

— О, где ты, дорогой Криспин? — позвал он.

И вдруг с земли ему ответил слабый голос друга:

— Я здесь, посмотри под цитрусовым деревом.

Волшебник взглянул, но увидел только раненую голубую птичку.

— Это я, Криспин, меня заколдовала злая волшебница, — прошептала птица.

Волшебник подхватил ее на руки и тихо произнес несколько волшебных слов. И Криспин поправился. Он рассказал другу обо всем, что с ним приключилось. И о предательстве Эйприл.

— Какая дрянная девчонка, — сказал волшебник, — забудь ее. Она не стоит твоей любви. Сейчас я не могу вернуть тебе твое обличье, но вскоре, я надеюсь, мне удастся сделать это.

— Посади меня в клетку для птиц, — попросил король.

— Разумеется, — ответил волшебник, — но ваше королевство не может обходиться без короля целых пять лет. Мы должны что-то обязательно придумать.

Между тем Эйприл целыми днями звала у окна Криспина. Она очень боялась, что Тротти и королева убили птичку. Она пыталась расспросить их, но они молчали, этим еще больше терзая ее сердце.

Отец Эйприл в это время был тяжело болен. Когда он умер, королевство перешло к Тротти и ее матери. Злобные по натуре, они мучили и терзали всех вокруг. Королева умерла от злости, а Тротти поспешила к своей крестной матери, спасаясь от мести окружающих. Люди освободили Эйприл из темницы и торжественно короновали ее. Даже будучи королевой, Эйприл целыми днями думала о Криспине.

Однажды, оставив вместо себя лорда-советника, она надела все свои драгоценности, подаренные им, и отправилась на поиски своей любимой птички.

Волшебник прилагал все усилия, чтобы превратить Криспина в человека, но у него ничего не получалось. Наконец, он решил пойти к Фретфул и попытаться договориться с ней. Он предложил ей вернуть Криспину человеческое обличье, а взамен обещал уговорить

Криспина подумать о женитьбе на Тротти. Фретфул согласилась. Она одела Тротти в серебро и золото и отправила к Криспину. Вновь увидев ее, король не мог сдержать отвращения. Проходили день за днем, а он все больше ненавидел ее.

А в это время Эйприл, одетая как бедная крестьянка, искала его повсюду. Однажды, сидя у ручья, она отдыхала в тени деревьев. Вдруг откуда ни возьмись появилась пожилая женщина и спросила:

— Что ты тут делаешь, дорогая?

— Я ищу голубую птичку, — ответила грустная Эйприл и поведала ей свою историю.

Вдруг пожилая женщина превратилась в красавицу волшебницу.

— Любезная Эйприл, — сказала она, — моя сестра Фретфул уже расколдовала Криспина. Он в своем дворце, и если ты храбра, у твоей истории будет счастливый конец. Вот тебе четыре яйца. Когда с тобой приключится беда, разбей одно из них — оттуда придет помощь.

Эйприл поблагодарила волшебницу и поспешила, во дворец к Криспину. Через семь дней и ночей она добралась до огромной хрустальной горы. Как ни пыталась она влезть на нее, все было бесполезно. Наконец она вспомнила об яичках и разбила одно из них. Внутри она обнаружила маленькие золотые шипы, которые приделала к туфелькам и легко забралась на гору. Но как же спуститься? Она разбила второе яичко. Оттуда выпала карета, запряженная двумя голубями. На глазах у Эйприл карета стала большой. Эйприл села в нее и попросила:

— Маленькие птички, домчите меня скорей до королевства Криспина.

Через несколько минут карета остановилась у ворот. Вымазав лицо сажей, чтобы никто не узнал ее, Эйприл спросила у стражников, где она может найти короля.

— Сегодня вечером он публично объявит о своей помолвке с принцессой Тротти, — сказали они.

Сердце Эйприл заныло: «Тротти! Пока я беспокоюсь о нем, он решил жениться на этой глупой уродице. Он забыл все свои обещания!» И она отправилась на королевскую площадь. Вскоре там появилась и Тротти, богато одетая, но еще уродливее, чем прежде. Эйприл подошла к ней.

— Кто эта грязная крестьянка, которая пачкает мне платье? — вскрикнула Тротти.

— Я принесла вам подарок, — сказала Эйприл и достала изумрудный браслет, подаренный Криспином. Глаза Тротти жадно заблестели.

— Я дам тебе за него пятьдесят центов, — предложила она.

— Покажите его оценщикам и тогда можно будет поговорить о цене, — ответила Эйприл.

Тротти с нетерпением побежала к королю. Он был удивлен, увидев знакомый браслет.

— Я знаю всего лишь один браслет на свете, но, может быть, их два. Купи его.

Тротти вернулась к Эйприл:

— Сколько ты за него хочешь?

— Тебе не хватит всего золота мира. Но если хочешь, можешь оставить его себе в обмен на ночь, проведенную в комнате над королевской опочивальней.

— И всего-то, — обрадовалась Тротти.

Дело было в том, что все, что ни говорилось в этой комнате, было слышно в спальне. И все, что ни делалось в спальне, было слышно в этой комнате. Поздно ночью, стоя посреди комнаты, Эйприл произнесла:

— Неужели ты забыл меня? Ведь ты клялся мне в любви, а теперь мое место заняла Тротти.

Слуги слышали это, а король нет. Потому что с тех пор, как он покинул Эйприл, каждую ночь Крисипи принимал снотворное. Эйприл не знала, что и думать, когда не услышала ответа. В отчаянье она разбила, третье яйцо. Внутри его оказалась золотая карета, которой управляла маленькая мышь. Вместо лошади был большой серый кот. Четыре маленьких клоуна сидел внутри.

Вечером Эйприл показала Тротти эту вещицу.

— Сколько ты хочешь за нее?

— За деньги это не купишь. Разреши мне провезти еще одну ночь в той же комнате.

Жадная Тротти согласилась.

Этой ночью Эйприл напоминала королю об их прежних счастливых днях, но ее слова остались без ответа. Король крепко спал. В отчаянье Эйприл разбила четвертое яйцо. Оттуда вылетели четыре маленьких игрушечных птички. Они могли петь, как живые, могли предсказать судьбу и были сведущи в медицине. Как только Эйприл вышла из комнаты, слуги сказали ей:

— Это ты так шумишь в комнате над королевской спальней? Хорошо, что король принимает снотворное и не слышит тебя. А то бы непременно он прогнал тебя.

Наконец-то Эйприл поняла, почему Криспин не отвечает ей. Достав из сумки все свои драгоценности, она предложила слугам:

— Если сегодня вместо снотворного вы дадите королю обычные пилюли, все это будет вашим.

Слуги согласились. Затем принцесса пошла к Тротти и показала ей волшебных птиц.

— Сколько же они стоят?

— Плата прежняя.

Наступила ночь. Эйприл шептала у окна:

— Я вытерпела столько несчастий. Я забросила королевство и свой народ. Неужели ты действительно забыл меня?

Поначалу Криспину показалось, что он бредит. Он закричал:

— Это жестокий сон, напоминающий мне о принцессе, предавшей меня.

И тут Эйприл рассказала ему обо всем, что произошло. Счастливый король вбежал в комнату и пал к ее ногам, моля о прощении. Появившаяся в комнате Тротти, увидев это, умерла от злости. А король Криспин и принцесса Эйприл поженились и прожили вместе счастливо много-много лет.

КОРОЛЕВСКИЙ БАРАН

Мадам д'Олнуа

Жил-был король, и у него было три дочери. Все они были очень красивы, но прекраснее всех была младшая. Ее звали Ванда, и она была отцовской любимицей. Ей всегда дарили больше всех подарков и меньше всех запрещали проказничать.

Однажды король ушел на войну. Услышав, что он победил и возвращается домой, дочери принарядились к его приезду: старшая надела зеленое с изумрудами платье, голубое с бирюзой, а младшая — белое с бриллиантами. Радостный король вернулся, и начался пир. Подозвав старшую дочь, отец спросил ее:

— Скажи мне, почему ты надела зеленое платье?

— Ваше Величество, я слышала о вашей великой победе и надела зеленое платье, чтобы показать мою гордость за вашу храбрость и счастье по поводу вашего счастливого возвращения.

— Отлично сказано, — улыбнулся король. — А ты, моя средняя, почему сегодня в голубом?

— Ваше Величество, я надела голубое платье, чтобы показать, как мы волновались за вас. Ваше возвращение подобно ясному голубому небу в солнечный день.

— Прекрасно, — сказал король. — А ты, дорогая Ванда, почему выбрала белый цвет?

— Потому, что он мне идет, — ответила принцесса.

— И только-то? — спросил разочарованный король. Он был очень себялюбив и темпераментен, и ему нравилось, когда дочери преклонялись перед ним. — Есть ли у тебя другая причина?

— Отец, моя причина — быть настолько привлекательной, насколько возможно. Мы, твои дочери, любим тебя и должны делать все, чтобы радовать твой взор.

— Воистину умный ответ! — воскликнул король. — А теперь расскажите-ка мне, что вам снилось прошлой ночью.

Первая дочь сказала, что ей снилось, что отец привез ей платье, затканное золотом и драгоценными камнями. Средняя — что он подарил ей золотую пряжку с серебряными спицами. А младшая сказала:

— Мне снился день свадьбы моей средней сестры, и вы, отец, подозвали меня и сказали: «Подойди, я обмою тебе руки розовой водой».

Разъяренный король вскочил с трона:

— Эта девица глупа и горда! Она думает, что я могу быть ее слугой, а ведь я — король!

Он вызвал охрану и приказал:

— Вы все слышали. Видите, какие козни плетет Ванда? Уведите ее в глухой лес и изрубите на куски. А в доказательство смерти принесите мне ее сердце и язык.

Стражники были в ужасе, но они боялись короля и обещали, что в точности выполнят его приказ. Затем, схватив принцессу, повели ее в лес. Увидев в глазах стражников слезы, принцесса спросила:

— Что-то случилось? Расскажите мне, я постараюсь помочь.

— Госпожа, нам дано ужасное задание, ваш отец приказал убить вас.

Ванда побледнела.

— Он действительно распорядился убить меня? Я знаю вас с детства и не сделала вам ничего дурного. Я люблю и почитаю своего отца.

— Госпожа, мы не можем убить вас, но мы также не можем оставить вас здесь. Бегите, а мы постараемся обмануть вашего отца.

Ванда поблагодарила стражников и поспешила в лес. Она шла и шла, пока не наступила полночь. Ветви деревьев рвали на ней одежду и царапали лицо. Она почувствовала смертельную усталость и голод. Остановившись, она услышала вдали блеяние овцы. «Может быть, это хижина лесника? — подумала она. — Попробую-ка я попросить у них одежду, ведь моя изорвалась в клочья, а мне предстоит еще долгий путь». Она направилась на голос овцы и вскоре пришла к большому загону. Там на ковре из лепестков душистых цветов стоял огромный белоснежный баран, украшенный золотой цепью с драгоценными камнями. Над ним возвышался золотой шатер, а вокруг него находились сотни украшенных овец и баранов. Вместо травы они ели клубничное мороженое с шоколадным кремом и запивали его лимонадом. Невдалеке стояли два карточных стола, за которыми овцы играли в покер. Изумленная принцесса застыла на пороге. Бараний король предложил ей войти.

— Расскажи мне, что привело тебя к нам.

— Я вынуждена была убежать из дома, так как отец хотел убить меня.

— Оставайся с нами, — сочувственно произнес баран.

Слуги-бараны внесли громадную тыкву. Она была выдолблена изнутри и отделана белоснежным бархатом. Бараний король взял Ванду за руку и помог войти ей внутрь. Затем слуги-бараны подняли тыкву и понесли ее к высокому холму, где находилась пещера. Бараний король открыл дверь ключом.

— Не пугайся, принцесса, и следуй за мной.

Ступенька за ступенькой спускались они по винтовой лестнице в глубь пещеры, и вдруг перед ними открылся волшебный сад, полный цветов и сверкающих фонтанов. Вместо воды в них были заморские напитки. На деревьях висели диковинные фрукты, и кроме того, на ветках раскачивалась аппетитная ветчина, свежезажаренные цыплята, ноздреватый сыр и благоухающие раки. Лепестки цветов были сделаны из шоколада и карамели. Вся еда была как будто специально приготовлена к их приезду.

Вдоль аллеи стояли золотые, усыпанные драгоценными камнями домики. Выбрав самый красивый, король-баран сказал:

— Здесь ты можешь жить спокойно. Любое твоё желание будет тотчас же выполняться.

— Как вы добры ко мне, Ваше Величество, — ответила принцесса. — Но мне тут так непривычно, что я лучше бы вернулась домой.

— Остайся хотя бы выслушать мою историю, — попросил бараний король. — Я сын очень богатого и знатного короля. Однажды на охоте мои слуги отстали от меня. Я выехал на опушку леса и увидел озеро с чистой водой. Подойдя к нему напиться, я вдруг обнаружил, что вода в озере горячая, а не холодная. Пока я в раздумье смотрел на воду, из середины озера вдруг взвился огненный столб, который, подхватив меня, увлек за собой. На дне озера я увидел злую фею по имени Рэгтадж. Она, увидев меня, закричала: «Теперь ты будешь моим пленником, я превращу тебя в барана!» Мановением волшебной палочки она превратила меня в мое теперешнее обличье. Все овцы и бараны вокруг тоже ее пленники. Это несчастные добрые люди, которые однажды прогневали эту злючку.

Ванда с удивлением выслушала его рассказ и согласилась остаться погостить. Вскоре она заметила, что король Баран не только приятен, но и очень умен. Он искренне любил ее,

и его чувство не осталось без ответа. Он говорил ей, что надеется однажды опять стать человеком, и тогда он увезет ее в свое королевство, где они будут счастливо жить вместе.

Они охотились, музицировали и болтали обо всем на свете. Так прошло некоторое время. Однажды до принцессы дошло известие, что ее старшая сестра выходит замуж.

— О, как бы мне хотелось увидеть эту свадьбу, — мечтала Ванда.

— Мы можем это запросто сделать! — сказал бараний король. — Но обещай мне вернуться назад.

Ванда обещала и в ту же минуту оказалась в дворце у отца. Все придворные, не узнав ее, недоумевали: кто же эта богатая красавица? Король-отец тоже не узнал ее, поскольку был уверен, что его дочь умерла много лет назад. После церемонии бракосочетания она исчезла. Король был опечален этим и приказал своим слугам:

— Как только опять появится незнакомка, закройте ее в тронном зале. Я хочу узнать, кто она такая.

Через некоторое время вторая сестра Ванды решила выйти замуж. Ванда опять попросила короля Барана отпустить ее домой.

— Я обещаю тебе, — сказала она, — сразу же вернуться сюда.

После церемонии бракосочетания она собралась уехать домой, но, к своему ужасу, обнаружила, что все двери закрыты. Вдруг вошел король и сказал:

— Не бойся, красавица. Я хочу, чтобы ты вместе с другими гостями осталась на банкет. Я пойду сам обмою тебе руки розовой водой.

Ванда вдруг вспомнила свой сон, который послужил причиной ее несчастий, и вскрикнула:

— Видишь, отец, сон сбылся, и от этого никому не стало плохо.

Король припал к ее ногам и стал молить о прощении. Он сказал ей:

— Ты очень мудра. Будь же ты королевой вместо меня!

Все были счастливы, и пир продолжался много дней. Между тем король Баран все ждал и ждал принцессу Ванду и, наконец, понял, что она не вернется.

— Я слишком уродлив, она ушла навсегда, — плакал он. — Но я не могу жить без нее. О, злая фея, зачем ты заколдовала меня!

Он печально побрел ко дворцу отца Ванды. Стража у ворот побила его палкой. Он упал в тоске у дворцовых ворот и умер.

Ванда же забыла от радости встречи с родными обо всем на свете. Она смеялась, пела и танцевала. Вдруг отец предложил всем выйти к дворцовым воротам и полюбоваться фейерверком. Когда они подошли к ним, Ванда вдруг с ужасом увидела на земле бездыханное тело своего любимого барана. Она подбежала к нему и начала его целовать, но он не очнулся — он был мертв. Она горько заплакала, поняв, что потеряла навсегда своего возлюбленного. Так однажды наша радость уходит, сменяясь печалью.

ПРИНЦ И ДОЧЬ ВЕЛИКАНА

Шотландская сказка

Давным-давно, когда на земле еще не перевелись великаны, в Тетертауне правил король, и был у него сын Айен. Как-то раз королевич пошел на охоту. Вдруг видит — на дереве змея. Подкралась к ворону и вот-вот укусит его. Айен схватил свою пращу, запустил в змею камнем, и она мертвая свалилась на землю. А ворон в тот же миг превратился в красивого юношу с черными блестящими волосами и темными глазами. Он с благодарностью посмотрел на своего спасителя и сказал:

— Тысячу раз благодарю тебя, королевич, за то, что ты меня расколдовал, и я из ворона стал опять человеком. Вот возьми этот узелок и ступай своей дорогой, — тут юноша протянул Айену какой-то предмет с острыми углами, завернутый в тряпку. — Но помни: узелок развяжи только там, где тебе больше всего хотелось бы жить.

И юноша скрылся из виду за гребнем горы.

Королевич пошел домой, но ему не терпелось узнать, какой подарок он получил. Узелок был очень тяжелый, и когда Айен подошел к густому темному лесу, что рос за несколько миль от его отчего дома, он решил присесть и отдохнуть.

«Ну теперь уж, наверное, ничего страшного не случится, если я только загляну в узелок и посмотрю, что там такое», — подумал королевич.

Не утерпел и развязал узелок. И вдруг перед Айеном возник огромный замок, какого он в жизни не видывал. Башенки замка вздымались выше самых высоких деревьев, а вокруг него раскинулись пышные цветники и зеленые сады.

Айен прямо залюбовался этим замком. Но вдруг сообразил, какую глупость сделал, что не поборол любопытства.

«Надо мне было подождать до той красивой зеленой лощины, что напротив нашего дома, — сокрушался он. — Ведь больше всего мне хотелось бы жить там. Эх, если б колесо было опять завернуть замок в тряпку и отнести туда!»

И вдруг послышались чьи-то шаги, да такие тяжелые, что даже деревья в лесу закачались. Ветви их трепетали, земля тряслась, и вот уже вдали показался громадный великан с огненно-рыжими волосами и бородой.

— Напрасно ты построил себе дом здесь, королевич, — заревел он. Ведь эта земля моя!

— А мне вовсе и не хочется, чтобы дом мой стоял здесь, — молвил Айен — Да только не могу я опять завернуть его в тряпку и унести.

Тут великан ухмыльнулся в свою рыжую бороду и сказал:

— Какую награду дашь ты мне, королевич, если я сам заверну твой замок в тряпку?

— А какой награды ты просишь? — спросил Айен.

— Отдай мне своего первенца, когда ему исполнится семь лет, — ответил великан.

У Айена пока не было ни жены, ни детей, и он охотно согласился:

— Только-то? Пожалуйста! Первенца моего ты получишь.

Великан тотчас схватил замок вместе с пышными цветниками и зелеными садами и завернул все это в тряпку, а королевич взял узелок и отправился домой.

Как только Айен дошел до красивой зеленой лощины, что была перед его отчим домом и где ему так хотелось жить, он тотчас развязал узелок. И вот в лощине возник замок, а

вокруг него раскинулись пышные цветники и зеленые сады. Айен очень обрадовался. Распахнул огромную дверь замка и вошел в большой зал. В зале стояла красивая девушка с ясными глазами. Она улыбнулась Айену и сказала:

— Подойди ко мне, королевич! Все здесь к твоим услугам, если ты согласен жениться на мне сегодня же вечером.

Королевич был рад жениться на такой красавице. Их тут же обвенчали, и они мирно и счастливо зажили в своем новом замке, а когда старый король скончался, Айен стал правителем Тетертауна. Вскоре у королевской четы родился сын, но Айен и думать позабыл о своем опрометчивом обещании великану.

Прошло семь лет и один день. И вдруг деревья в зеленых садах закачались, земля затряслась, и великан с огненно-рыжими волосами и бородой подошел к замку требовать своей награды.

Королева выглянула в окошко, увидела великана и спросила короля:

— Милый мой муж, что ему здесь нужно, этому страшному рыжему великану?

— Горе мне! — ответил Айен. — Он пришел за нашим первенцем.

И, сокрушенный, он поведал жене про свою встречу с великаном семь лет назад.

— Позволь мне уладить дело, — сказала королева. — Я придумала, как помочь горю.

Между тем великан ревел все громче, требуя обещанного, и Айен крикнул ему в ответ:

— Сейчас пришлю тебе своего сына. Мать одевает его в дорогу.

А королева приказала привести сынишку повара. Он был ровесник маленького принца, и она решила отдать великану этого мальчика вместо своего сына. Ведь она думала, что великана обмануть не трудно.

Она одела сынишку повара в платье принца и отвела к великану. Великан ушел вместе с мальчиком, но еще не успел далеко отойти, как подумал: «А вдруг этот мальчишка вовсе не маленький принц?» И вот он отломил от орехового куста толстый прут, подал его сыну повара и спросил:

— Что сделает твой отец с этим прутом, если возьмет его в руки?

— Должно быть, отгонит собак и кошек, что подбираются к мясу на королевской кухне, — ответил мальчик.

Так великан узнал, что этот мальчик не королевский сын, и в страшном гневе повернул обратно к замку. Король с королевой увидели великана и догадались, что им не удалось его обмануть. Но королева все-таки не сдалась. Она позвала сынишку дворецкого, тоже семилетнего мальчика. Пока великан нетерпеливо ждал на дворе, королева одела сынишку дворецкого в платье принца и отослала его великану вместо своего сына.

Великан увел мальчика, но еще не успел отойти далеко, как снова решил узнать, правда ли ему отдали маленького принца, а не кого-то другого. Он опять отломил прут от орехового куста, подал его мальчику и спросил:

— Что сделает твой отец с этим прутом, если возьмет его в руки?

— Должно быть, отгонит кошек и собак, если те близко подойдут к королевским бутылкам и стаканам, — ответил сын дворецкого.

Так великан узнал, что и этот мальчик не королевский сын, и повернул назад к замку в еще более страшном гневе.

— Давайте мне своего сына! — заревел он, да так громко, что затряслись самые высокие башенки. — А если и на сей раз не отдадите, — камня на камне не останется от вашего замка!

Делать нечего. Как ни горько было королеве, она знала, что в третий раз ей великана не перехитрить.

В это время маленький принц играл со своим щенком во дворе. Королева, заливаясь слезами, позвала его и отвела к великану. А тот, как завидел мальчика, сразу узнал, что он королевский сын, — очень уж он был красивый и держался гордо.

Вместе они прошли длинный путь от королевского замка до великанова дома. Дом этот стоял на берегу озера с темной водой. Здесь принца радушно встретили, и здесь он остался жить.

Проходили годы, принц вырос, стал сильным, красивым юношей.

Как-то раз утром он пошел в горы на охоту, а когда возвращался, услышал, подходя к дому, тихое пение. Он поднял голову и увидел в самом верхнем окошке красивую девушку с золотисто-рыжими волосами.

— Прекрасная девушка, кто ты? — спросил он, и в душе его сразу вспыхнула любовь к ней.

— Я младшая дочь великана, — ответила она, — и часто на тебя любовалась, когда ты проходил по дому моего отца.

Принц, не долго думая, признался ей в любви, и дочь великана ответила, что для нее нет большей радости, чем стать его женой.

— Но слушай внимательно, что я тебе скажу. От этого зависит наше будущее счастье, — молвила она. — Завтра отец предложит тебе жениться на одной из моих двух старших сестер. А ты откажись и скажи, что хочешь жениться на его младшей дочери. Отец разгневется, но я дело улажу, и все будет хорошо.

И правда, на другой же день великан позвал принца и предложил ему выбрать себе в жены одну из его двух старших дочерей. Но принц не забыл наказа красавицы и сказал великану:

— Я хочу жениться на твоей младшей дочери.

Великан страшно разгневался — ведь младшая дочь была его самым дорогим сокровищем, и он прочил ее за могущественного короля, что правил соседним королевством. И он сразу придумал, как отомстить принцу за столь дерзкую просьбу.

— Многого ты просишь, принц, — сказал он и хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду. — Такое сокровище, как моя младшая дочь, даром не получишь. Если хочешь на ней жениться, сперва сделай три дела, какие я тебе поручу. А не сумеешь, потеряешь не только мою дочь, но и жизнь свою. Ну, что скажешь? Согласен ты рискнуть жизнью ради своей прихоти?

— Охотно, — ответил принц. — Ведь без этой прихоти, как ты говоришь, жизнь моя будет все равно что потухший очаг.

На другой день великан ушел на охоту, а перед уходом задал принцу первую задачу — велел ему вычистить громадный хлев во дворе. В этом хлеву стояло сто коров, и его не чистили семь лет.

— Я вернусь вечером, — сказал великан. — К тому времени хлев у тебя должен быть таким чистым, что покати по нему золотое яблоко — из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится. А не вычистишь, уж я попыю твоей кровушки!

Принц выслушал эти слова, и сердце у него упало. Однако наутро он встал рано, пошел в хлев и принялся за работу, хоть и видел, что ее не закончить. Но как только великан вышел из дому и скрылся за горами, младшая его дочь прибежала к принцу и стала его утешать.

— Не горюй! — говорит. — Я же тебе сказала, что все будет хорошо. И не тревожься! Приляг вон там за дверью, под тенистым деревом и спи себе.

Принц послушался. Лег под тенистым деревом и, хоть и был беспокоен, крепко заснул. Проснулся он уже в сумерках. Посмотрел — девушки и след простыл. Но хлев был вычищен, да так хорошо, что покати по нему золотое яблоко — и оно из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится.

Немного погодя великан вернулся, увидел, что принц выполнил первое его поручение, и в досаде нахмурил свои рыжие лохматые брови.

— Как тебе это удалось, не знаю, — говорит, — Но раз дело сделано, придется мне задать тебе вторую задачу.

И он приказал принцу:

— Завтра покрой этот хлев кровлей из птичьих перьев. Все они должны быть разных цветов — так, чтобы даже двух одинаковых не было. На это уйдет тысяча тысяч разных птиц. А не сумеешь, я, как вернусь, вволю поплюю твоей кровушки.

Наутро солнце взошло рано, а принц еще раньше взял лук и стрелы и отправился на торфяные болота, чтобы настрелять птиц и набрать перьев для кровли. Но он не надеялся на удачу. Да ему и не повезло — к полудню он подстрелил только двух черных дроздов, но перья у них были одинакового цвета. И вдруг к нему подошла младшая дочь великана и говорит:

— Не горюй! Я же тебе говорила, что все будет хорошо. И не тревожься. Приляг вон там, на душистый вереск и спи себе.

Принц послушался, хоть и подумал, что как проснется он, так ему и конец придет. Он лег на вереск и заснул крепким сном. Когда он проснулся, сумерки уже спускались на болото, а великановой дочери и след простыл. Тогда принц вернулся домой и прямо диву дался, увидев, что хлев уже покрыт кровлей из птичьих перьев. Тысяча тысяч разных перьев сверкали там, отливая всеми цветами радуги. Тысяча тысяч разных птиц ушло на эту кровлю.

Великан увидел, что и второе его поручение выполнено, и разгневался пуще прежнего.

— Как ты сделал это, не знаю, — сказал он. — Но раз уж дело сделано, придется задать тебе третью задачу. Завтра принеси мне к обеду пять сорочьих яиц, что лежат в гнезде на верхушке ели у озера. Принесешь, я в тот же вечер задам пышный свадебный пир.

Наутро принц пошел к озеру, когда предрассветный туман еще лежал на воде. Ель была такая могучая, что верхние ее ветви упирались в облака. Высоко-высоко на этих ветвях виднелся маленький комочек — сорочье гнездо. От земли до нижних ветвей ели было футов пятьсот.

Как ни старался принц забраться на дерево по стволу — не смог. Только выбился из сил да ободрал себе руки о шершавую кору. В полдень он все еще стоял на земле под деревом и в отчаянии глядел на свои окровавленные ладони, как вдруг к нему подбежала младшая дочь великана. Но на этот раз она не велела принцу ложиться спать.

Она один за другим обломала свои пальчики и понатыкала их в щели на стволе дерева, так, чтобы принцу было за что ухватиться руками и на что ступить ногой. И вот принц начал карабкаться на ель — быстро, как только мог. Наконец добрался до самой верхушки и стал на тонкий гибкий сук. А сук прогнулся под его тяжестью — вот-вот переломится. Но принц уже протянул руку к сорочьему гнезду.

— Ох, скорей, скорей! — крикнула ему снизу дочь великана. — Отец домой идет! Его дыхание мне спину жжет.

Принц быстро схватил гнездо и поспешил спуститься на землю с пятью сорочьими яйцами, целыми и невредимыми. По дороге он вынимал из щелей пальчики девушки, но так торопился, что позабыл на верхушке дерева мизинчик с ее левой руки.

— Ну, теперь скорей снеси яйца моему отцу, — сказала дочь великана. И нынче же вечером я стану твоей женой, если только ты сумеешь узнать меня. Отец прикажет мне и сестрам одеться одинаково и закрыть лицо плотными покрывалами. И вот когда свадебный пир кончится, отец скажет тебе: «Ступай к своей жене, королевский сын!» А ты выбери из нас троих ту, что без мизинчика на левой руке.

Принц обрадовался, что все три дела уже сделаны, и поспешил отнести великану пять сорочьих яиц. Увидел их великан и пришел в страшную ярость, но постарался ее скрыть и велел готовиться к пышному свадебному пиру. А принцу сказал:

— Нынче вечером получишь, чего желал. Если только... — и он хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду, — если только ты узнаешь свою невесту.

И вот когда в зале отпировали и блюда с мясом были опорожнены, а сосуды, полные зля, осушены, великан повел принца в небольшую комнату, где их ждали все три великановы дочери. Они были одеты совершенно одинаково в длинные платья из белоснежной шерстяной ткани, а лица их были закрыты плотными покрывалами, так что рассмотреть их было невозможно.

— Ну, королевский сын, теперь подойди к своей жене, — сказал великан.

Принц подошел к трем девушкам и, не колеблясь, стал рядом с той, у которой не было мизинца на левой руке. Тут великан увидел, что все его козни не привели ни к чему — принц добился-таки его младшей дочери. И великан так разгневался, как еще никогда не гневался. Но пока что делать было нечего. Пришлось ему позволить молодым удалиться в брачный покой.

Как только принц и дочь великана остались одни, она сказала:

— Смотри не засни, а не то погибнешь! Надо нам бежать, пока отец тебя не убил.

И вот она взяла яблоко и разрешила его на девять ломтиков. Два ломтика она положила в изголовье кровати, два — в ногах. Потом вывела принца из дома и положила два ломтика яблока у первой двери и два у второй. Последний ломтик она оставила за воротами, что вели во двор. Затем молодые пошли в конюшню, сняли путы с молодой сивой кобылицы, сели на нее верхом и помчались прочь на крыльях ветра.

А великан думал, что молодые все еще в брачном покое. Немного погодя он крикнул им:

— Вы спите?

И два ломтика яблока, что лежали в изголовье кровати, ответили:

— Нет еще!

Великану не терпелось, чтобы молодые поскорее заснули, — тогда он пошел бы в их спальню и убил бы принца. И вот он опять крикнул:

— Вы спите?

И два ломтика в ногах кровати ответили:

— Нет еще!

В третий раз великану ответили те два ломтика, что лежали у первой двери, а в четвертый раз — те, что лежали у второй. Тут великан заподозрил неладное и нахмурился.

— Должно быть, вы сбежать хотите, — сказал он.

Наконец он в пятый раз спросил:

— Вы спите? — и ломтик яблока, что остался за воротами, ответил:

— Нет еще! — но голосок у него был такой тихий, что великан сразу обо всем догадался. Он вскочил на ноги и заревел:

— Вы сбежали!

Тут он ринулся вон из дома, в страшном гневе на дочь за то, что она его обманула, и погнался за беглецами. А те все летели вперед на сивой кобылице.

Наутро, чуть забрезжило, дочь великана сказала мужу:

— Слышишь, как земля дрожит? Это отец нас нагоняет — его дыхание мне спину жжет.

— Ох! Что же нам делать? — вскричал принц. — Как нам от него спастись?

— Сунь руку в ухо сивой кобылице, — сказала дочь великана, — и что найдешь там, то брось назад, да так, чтобы это упало поперек дороги отцу.

Принц сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вынул оттуда сучок с колючками. Он бросил сучок назад через плечо, и на дороге выросли и разрослись на двадцать миль заросли терновника, такие густые, что даже маленький зверек ласка и тот не мог бы пробраться сквозь эту непроходимую чащу.

Как увидел великан преграду на своем пути, выругался страшным ругательством.

— Все равно нагоню! — зарычал он и быстро повернул домой, чтобы взять свой острый топор и нож, каким сучья обрезают.

Вскоре он вернулся и быстро прорубил себе дорогу в чаще. И вот в полдень, когда солнце высоко стояло на небе, дочь великана снова крикнула мужу:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжет!

И она опять велела принцу сунуть пальцы в ухо сивой кобылице и потом бросить на дорогу то, что он оттуда вынет. На сей раз принц вынул обломок серого камня и бросил его назад через плечо. И как только камешек упал на дорогу, позади беглецов выросли отвесные скалы и загроздили равнину на двадцать миль в длину и двадцать в ширину.

Великан увидел перед собой эти неприступные горы и заревел:

— Меня не остановишь! Все равно нагоню!

Он бегом бросился назад, и земля тряслась под его ногами. А как прибежал домой, схватил свой толстенный лом и громадную кирку. Уже темнело, когда он, наконец, пробил себе дорогу в скалах. Но вот взошла луна, и дочь великана крикнула мужу в третий раз:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжет!

Принц не стал дожидаться ее приказаний — сам в третий раз сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вытащил маленький пузырек с водой. И едва он бросил его назад через плечо, бездонное озеро в двадцать миль длиной и двадцать шириной разлилось позади беглецов. А великан гнался за ними до того быстро, что не смог остановиться, когда озеро вдруг разлилось у его ног. Полетел вниз головой прямо в темную воду и утонул. И ни дочь его, ни принц и никто другой на свете никогда уже больше его не видели.

Верная сивая кобылица перешла на ровную рысь. Луна поднялась высоко и осветила все вокруг. И тут принц вдруг узнал свои родные места.

— Гляди! Мы подъезжаем к моему отчому дому! — сказал он молодой жене. — Вот те самые поля, где я играл ребенком.

И он возрадовался великой радостью, что наконец-то вернулся на родину.

Немного погодя они подъехали к старому каменному колодцу и спешили, чтобы немного отдохнуть. Когда же принц встал и собрался ехать домой, дочь великана сказала:

— Лучше поезжай к отцу один и подготовь его к моему приходу. А я подожду тебя

здесь.

Принц согласился, и когда он вскочил в седло, жена стала ему наказывать:

— Милый мой, не позволяй никому — ни человеку, ни зверю — дотронуться до тебя губами, пока ты далеко от меня. А если позволишь, найдет на тебя помрачение, и ты навсегда меня позабудешь.

— Да разве могу я позабыть! — возразил принц. Но все-таки обещал выполнить наказ жены.

Он ускакал и вскоре подъехал к своему богатому отчому дому, что стоял в красивой зеленой долине. И хотя принцу было только семь лет, когда за ним пришел великан, он сразу вспомнил и эти высокие башенки, и пышные цветники, и зеленые сады, что окружали замок. Он оставил во дворе свою сивую кобылицу и вошел в огромный зал. Родители его сидели за главным столом, и когда увидели перед собой красивого стройного юношу, узнали в нем своего сына. Они бросились его обнимать, но принц помнил наказ жены и отстранился, когда родители попытались поцеловать его в щеку.

Ему очень хотелось поскорее вернуться за женой, и он сразу же принялся рассказывать родителям про все, что с ним приключилось. Но вдруг зашуршал камыш, которым был устлан пол, и стройная борзая собака с радостным лаем выскочила из-под стола. Это была собака принца, и с ней он играл, когда она была маленьким щенком.

Собака бросилась к принцу и ткнулась мордой прямо ему в губы, а он не успел ей помешать. И вот горе! Принц сразу же забыл дочь великана. Отец стал было просить сына продолжать рассказ.

— Ты начал говорить нам про одну прекрасную девушку, сын мой, — молвил король.

Но принц даже не понял отца, — только посмотрел на него и сказал:

— Про какую девушку? Никакой девушки я не встречал, отец мой.

Между тем дочь великана ждала его там, где он с нею расстался, — у старого каменного колодца. Время шло, а принц все не возвращался, и она поняла, что случилось то, чего она так боялась: он ее забыл.

Поблизости не было никакого человеческого жилья, и дочь великана влезла на дерево, что росло у колодца. Она опасалась, как бы на нее не напали волки, и решила там подождать, пока кто-нибудь не подойдет.

Не успела она усесться на суку с развилиной, как послышались чьи-то шаги, и к колодцу подошла старая женщина с ведром в руке. Это была жена сапожника, что жил неподалеку, и он послал ее по воду. Старуха наклонилась над колодцем, чтобы опустить в него ведро, и вдруг отшатнулась, словно в испуге, она увидела, что в воде отражается прекрасное женское лицо. Это было лицо великановой дочери, но жена сапожника была придурковата и подумала, что это ее собственное лицо отразилось в воде. — Ох, да какая же красавица! — вскричала она и погладила свои морщинистые щеки. Да разве пристало таким красоткам, как я, носить воду для какого-то неуклюжего старого мужлана-сапожника!

Она бросила свое ведро и ушла домой. А бедный сапожник прямо диву дался, когда его жена вернулась домой без ведра, да еще прихорашиваться стала. Он пожал плечами и сам пошел по воду, а когда подошел к колодцу, дочь великана окликнула его с дерева и спросила, нельзя ли ей где-нибудь переночевать. Сапожник, как только увидел ее прекрасное лицо, сразу догадался, что это ее отражение старуха приняла за свое.

Он пригласил красавицу переночевать в его доме и отвел ее туда. Тут жена сапожника уразумела, что ошиблась, и сама над собой посмеялась. Старики уговорили гостью пожить у

них, пока она сама не решит, куда ей идти. А дочь великана все это время обдумывала, как ей вернуть мужа.

Как-то раз старый сапожник пришел домой в большом волнении.

— В королевском замке скоро будут играть свадьбу, — сказал он. — И мне заказали обувь для жениха и всех домочадцев.

Дочь великана спросила его, кто женится, и сапожник ответил:

— Сам молодой принц женится на дочери какого-то богатого лорда.

С того дня по всей округе только и разговоров было, что о пышной свадьбе в королевском замке. И когда настал день свадьбы, дочь великана, наконец, придумала, что ей делать.

Перед самым венчанием король задал пир на весь мир. Пригласили всех, кто жил в окрестностях замка. На пир пошел и сапожник с женой. Пошла с ними и дочь великана. Их усадили за один из тех длинных столов, что были накрыты в большом зале, и они стали пить и есть досыта и веселиться всласть.

Многие гости заметили дочь великана. Они говорили между собой про ее красоту и спрашивали, кто она такая. Принц сидел с невестой и всей родней за главным столом, и он тоже заметил красавицу с золотисто-рыжими волосами. Тут что-то промелькнуло у него в голове, но сразу же позабылось. И вот когда веселье было в самом разгаре, король предложил гостям выпить за здоровье и счастье его сына. Все гости поднялись и пожелали счастья прекрасному юному принцу.

Дочь великана тоже подняла кубок, чтобы выпить за счастье своего мужа, но еще не успела поднести его к губам, как вдруг в кубке вспыхнуло и взвилось яркое пламя. Все в огромном зале примолкли, когда увидели это чудо. Но вот из пламени вылетели два голубя. У первого голубя крылья светились золотым светом и грудка была как расплавленное золото. У другого голубя перья сияли, словно кованое серебро. Обе птицы вместе сделали круг в воздухе и опустились на главный стол прямо против принца. Он глядел на них и дивился. И тут голуби заговорили с ним человеческим голосом.

— О королевский сын, — сказал золотой голубь, — ты помнишь, кто вычистил хлев во дворе великана и кто рассеял твою тревогу?

— О сын короля, — сказал серебряный голубь, — или ты забыл, как тот хлев покрывали кровлей из перьев тысяч птиц?

А потом они заговорили вместе:

— О королевич, или ты не помнишь, как для тебя добыли сорочьи яйца, что лежали в гнезде на верхушке ели у озера? Когда ты доставал их, твоя верная возлюбленная потеряла свой мизинчик, и нет у нее этого мизинчика до сих пор.

Тут принц вскочил и схватился за голову. Он вспомнил, какие задачи задавал ему великан и кто выполнял эти задачи. Вспомнил он и прекрасную девушку, что стала его женой.

И вот он оглядел все длинные столы в зале и встретился глазами с дочерью великана. С криком радости он подбежал к ней и взял ее за руку. Так, наконец, к ним вернулось счастье.

Свадебные гости пировали много дней, и если еще не кончили, значит, и сейчас пируют.

БРАЙТ, ПРЕЛЕСТНЫЙ ОЛЕНЬ И КОТ

Графиня де Сегюр

Однажды в некотором королевстве правил король Кайнд и королева Джентл. У них была маленькая дочка, которую звали Брайт. Она была очень добрая, смелая и красивая. Вскоре после рождения дочери королева умерла.

А через год король женился вновь на королеве из соседнего королевства принцессе Ригиде. Она была красива и умна, и все считали, что этот брак будет счастливым. Когда Брайт исполнилось три года, ее стали пугать глаза мачехи: холодные и зеленые, как у пантеры. Узнав об этом, отец поселил маленькую принцессу с няньками в самом дальнем крыле замка.

Вскоре у королевы Ригиды родилась дочь, которую она назвала Дак. Девочка была хороша собой, но имела такие же пороки, как и мать. Когда никто не видел ее, она била и пинала свою сестру Брайт и ломала ее игрушки.

Королева видела, что король по-прежнему любит свою первую дочь, и ненавидела Брайт с каждым днем все сильнее и сильнее. Когда девочке исполнилось семь лет, Ригида придумала коварный план.

У принцессы была маленькая карета с двумя страусами вместо лошадей. Каретой правил карлик-паж по имени Пигго, который больше всего на свете любил сладости.

Этим и воспользовалась королева. Она стала подкармливать сладостями Пигго, и через некоторое время он больше уже ни о чем не мог думать, кроме шоколадок и леденцов.

Тогда коварная королева позвала его к себе и сказала:

— Пигго, если ты исполнишь то, что я тебе велю, ты будешь до отвала есть конфеты до конца своей жизни. Завтра во время прогулки ты должен завести принцессу Брайт в заколдованный фиалковый лес.

— Но я не могу это сделать! — заплакал маленький паж, который очень любил свою госпожу-принцессу.

— Тогда ты не увидишь ничего сладкого до конца своих дней! — свирепо закричала королева.

— О, не говорите так! Я не вынесу этой пытки, — громко зарыдал паж.

— Тогда делай то, что я велю.

— А что же скажет король, узнав про это?

— Это моя забота. Когда ты выполнишь мой приказ, я отправлю тебя в другое королевство и велю наложить тебе 15 сундуков с конфетами, шоколадками и халвой.

Паж согласился и на следующий день, когда они с принцессой подъехали к фиалковому лесу, старался все время думать только о конфетах, но у него ничего не получалось. Ему было жалко маленькую Брайт.

В это время она, увидев в окно прелестные фиалки, бросилась собирать их и вошла в лес. Карлик-паж изо всех сил закричал:

— Вернись, вернись!

Но волшебный лес уже заколдовал принцессу: она никого не слышала, и деревья сомкнулись за ней. Она собирала фиалки, пока не устала.

— Пигго, Пигго, — позвала пажа Брайт, но ответа не было. Она еще долго ходила и

звала его, но все было бесполезно.

— О Боже, что подумает отец? — заплакала она и прилегла под деревом. Уставшая, она тотчас заснула. Проснувшись утром, она увидела белого кота, который сидел рядом с ней и смотрел на нее добрыми глазами.

— О, как ты красив. Проводи меня, пожалуйста, домой, я очень голодна.

Кот замаякал и указал своей лапкой на лежащий рядом пакет. Брайт открыла его. Там лежал свежий хлеб и масло. С жадностью она съела все, не забыв дать кусочек и коту.

— Спасибо тебе, котик, — сказала она. — Не мог бы ты указать мне, в какую сторону мне лучше теперь идти?

Кот кивнул и повел за собой девочку. Они долго шли и, наконец, вошли в огромный старинный парк, в середине которого находился золотой замок.

Войдя в него, принцесса увидела множество разных комнат: голубых, розовых и бежевых, украшенных драгоценными камнями. В одной из комнат, самой большой в замке, на троне из свежих зеленых листьев сидел белый олень.

Он встал, приветствуя принцессу, и сказал:

— Я рад тебя видеть. Я хорошо знаю твою семью.

— Пожалуйста, — взмолилась принцесса, — отправьте меня назад, к отцу.

— Я не могу. Ты находишься под чарами фиалкового леса. Я и кот тоже пленники этого леса. Все, что я смогу, это во сне рассказать твоему отцу, что ты жива и здорова.

— И я никогда больше его не увижу? — заплакала Брайт.

— Будущее никому не известно, — сказал олень. — Мы постараемся, чтобы ты была счастлива здесь. Сходи посмотри свою комнату.

Принцесса поднялась вверх. Стены в ее комнате были отделаны белым бархатом, пол застелен ковром из лепестков роз, потолок был серебряный, а мебель — золотая.

На стене висели два портрета в красивых резных рамах. На одном портрете была изображена необыкновенной красоты девушка, а на другом — не менее прелестный юноша.

— Кто они такие? — спросила Брайт у оленя.

— Вскоре ты узнаешь об этом, — ответил он. — А сейчас пойдем обедать.

За столом прислуживали три газели, которые подносили диковинные кушанья и заморские напитки.

После обеда уставшая Брайт захотела поспать. Услужливые газели раздели ее и уложили в постель. Проснувшись, она увидела свое отражение в зеркале. Она уже была не маленькой девочкой. Из зеркала на нее смотрела прелестная молодая девушка. Быстро одевшись, она побежала вниз узнать, что с ней произошло.

— Олень, олень! — закричала она. — Я ложилась спать маленькой девочкой, а проснулась взрослой девушкой.

— Сегодня тебе исполнилось 14 лет, моя дорогая, — сказал олень. — Ты проспала целых семь лет. Во сне мы с котом учили тебя всяким премудростям жизни. Посмотри, что ты умеешь.

Олень посадил принцессу за пианино, и она обнаружила, что великолепно играет на нем. Взяв в руки перо и чернильницу, она увидела, что прекрасно пишет. Посмотрев на книги во дворцовой библиотеке, вдруг осознала, что она их все уже давно прочитала. А что касается рисования, то ей мог бы позавидовать любой самый знаменитый живописец.

Она обняла оленя за шею.

— О, спасибо тебе за все. Как мне отблагодарить тебя за это? И как мой отец? —

поинтересовалась принцесса.

— Он жив и здоров и часто тоскует о тебе. Он сейчас живет один. Королева Ригида умерла, а принцесса Дак вышла замуж за принца Фиерса.

Брайт очень обрадовалась и счастливо зажила в замке.

— Только берегись фиалкового леса, не заходи в него, — каждый день предупреждали ее кот и олень.

— Но почему? — спрашивала принцесса.

— Это ужасное место, — только и говорил олень.

Однажды, сидя на окне и мечтая о доме, Брайт заметила попугая, который присел рядом с ней.

— Здравствуй, Брайт! — сказал он. — Тебе одиноко, не правда ли? Хочешь, я буду прилетать к тебе поболтать, только не говори про это коту и оленю.

— Но почему? — удивилась Брайт.

— Если ты не пообещаешь мне это, я никогда больше не вернусь сюда. Кот и олень ненавидят меня, они очень злые и коварные!

— Хорошо, — пообещала принцесса. Она была рада поболтать с кем-нибудь, а попугай обещал рассказать ей много интересного.

Он прилетал каждый день и развлекал ее. Однажды он сказал:

— У меня новости о твоём отце.

— Здоров ли он? — забеспокоилась принцесса.

— Да, но он очень скучает по тебе. Он попросил меня освободить тебя из заточения.

— Заточения? — удивилась принцесса. — Кот и олень очень добры ко мне, и мне здесь хорошо.

— О, ты не знаешь их. Они очень коварные. Они ненавидят меня потому, что я знаю, где находится волшебный талисман.

— Талисман? — спросила заинтригованная принцесса.

— Да, они умрут от тоски без тебя, поэтому они и удерживают тебя здесь. А что касается талисмана, то это роза. Сорви ее, и ты вмиг очутишься во дворце своего отца.

— Но в нашем саду нет роз! — с горечью воскликнула принцесса.

— Я знаю это. Завтра я расскажу тебе, где растут розы. Только доверься мне. Попробуй спроси у оленя про розу и посмотри, что он ответит, — сказал попугай и улетел.

Слова глупого попугая так запали в душу Брайт, что она сразу же позабыла про все то добро, которое сделали ей олень и кот. Она отправилась на поиски оленя.

Встретив его в саду, она спросила:

— Почему у нас здесь не растут розы?

Олень побледнел и ответил:

— Брайт, даже имя этого цветка запрещено упоминать в этом доме. Он приносит несчастье.

Тон, каким говорил олень, настолько удивил и испугал ее, что она не осмелилась расспрашивать дальше.

Когда на следующий день попугай прилетел и спросил:

— Ну, был ли я прав насчет оленя и розы?

Принцесса была вынуждена признать, что прав.

— Тогда пошли в лес, — предложил попугай. — Я покажу тебе, где растет роза.

— Но я не могу. Когда я хожу на прогулку, кот всегда следует за мной.

— А ты отошли его обратно, — сказал попугай. — А если он не захочет, убеги от него.

Вскоре принцесса и кот пошли гулять. Брайт пыталась всячески уговорить кота не ходить с ней, но он не соглашался. Тогда Брайт, по совету попугая, пнула кота ногой. Тот закричал от боли и убежал в замок.

— Поспешим, — сказал появившийся откуда-то попугай. — Беги за мной.

Он потащил ее за собой туда, где не было никаких цветов и не было слышно пения птиц.

— Быстрее, быстрее! — торопил он. — Вспомни своего отца.

Наконец он закричал:

— Вот мы и пришли.

Они стояли рядом с розовым кустом, на верхушке которого росла гигантская роза алого цвета.

— Сорви ее, принцесса, — сказал попугай. — Ты заслужила ее. Ну давай же, рви!

Принцесса подошла и сорвала розу. Вдруг цветок выскользнул из ее рук, и попугай захохотал страшным голосом:

— Спасибо, глупая Брайт, что ты сняла с меня заклятье, наложенное оленем. Я твоё несчастье. И теперь ты моя! А я теперь уже не буду попугаем, — радостно захохотала коварная птица. — Я волшебник фиалкового леса. Я ненавижу оленя и кота. А теперь ты уничтожила их. О, как же было легко обмануть тебя, глупая девочка. Ха-ха-ха!

Брайт была в ужасе. Она опрометью бросилась назад к замку, но вместо него увидела лишь кучку сухих листьев. Она пыталась отыскать своих друзей, но сверху вдруг послышался голос:

— Ты убила своих друзей, гадкая глупая девчонка. Убирайся отсюда.

Брайт упала на землю и зарыдала. Она долго плакала, а затем пошла искать ночлег.

Пройдя несколько шагов, она сказала себе:

— Я не заслужила ночлега. Я буду ночевать здесь. Я гадкая-прегадкая дрянь.

Вдруг опять послышался все тот же голос.

— Если ты действительно раскаиваешься в своих грехах и искренне переживаешь, кое-что может измениться.

Брайт подняла голову и увидела ворону.

— Я действительно раскаиваюсь, — сказала она.

— Но это уже не поможет оленю и коту, — грустно ответила ворона. Будь храброй, — сказала она. — Сделай все, что от тебя зависит.

Брайт побрела по лесу. Она нашла несколько ягод и съела их.

— Будь храброй. Сделай все, что ты можешь, — сказало дерево, рядом с которым она присела.

Она сделала шалаш из веток дерева и стала жить там день за днем.

Пролетели недели. Брайт жила в лесу и питалась ягодами. Она очень раскаивалась из-за своей глупости, тосковала по коту, оленю и своему отцу.

Однажды к ней приползла в шалаш большая черепаха и сказала:

— Если ты сделаешь то, что я скажу тебе, я выведу тебя из леса.

— Я не хочу ничьей помощи, — ответила Брайт. — Моя жестокость убила моих друзей.

— А ты уверена, что они мертвы? — спросила черепаха.

— А могу ли я надеяться, что они живы? — воскликнула принцесса.

— Я не могу говорить об этом, — прошептала, оглядываясь по сторонам, черепаха. — Если ты будешь храброй и сядешь на меня верхом... Если ты будешь терпеливой в течение

шести месяцев... Если в течение этого времени ты не скажешь ни одного слова... ты найдешь их.

— Я сделаю все, только чтобы еще хоть разок услышать моих дорогих друзей, — заплакала Брайт.

— Ты уверена? Ты должна быть очень терпелива. Ты не должна произнести ни одного слова, — сказала черепаха.

— Пожалуйста, дорогая черепаха. Ну, давай же, начнем прямо сейчас. Я обещаю тебе, что сделаю все, что ты велела.

Сто восемьдесят дней пробыла Брайт на черепашьей спине. Она старалась быть терпеливой, пока старая черепаха пробиралась через заросли леса шаг за шагом. Она не задала ни одного вопроса и не произнесла ни одного слова.

Вдруг вдали она увидела замок, похожий на замок оленя. Ей хотелось подбежать к нему и посмотреть поближе, но она была терпелива и продолжала сидеть на месте.

Наконец черепаха остановилась у ворот замка и сказала:

— Теперь ты можешь слезть с меня. Зайди в замок и спроси фею Добра. Твое терпение будет вознаграждено.

На стук принцессы дверь отворил прелестный юноша.

— Скажите, пожалуйста, могу ли я увидеть фею Добра? — спросила Брайт.

— Следуйте за мной, — ответил юноша.

Они вошли в зал, где на золотом троне сидела прекрасная женщина. Она улыбнулась и спросила:

— Чего ты желаешь, дитя мое?

— Пожалуйста, расскажите мне о моих друзьях олене и коте, — попросила Брайт.

Женщина грустно покачала головой. Она достала ключ и сказала:

— Открой им кухонный шкаф у окна и посмотри сама.

Вся дрожа, Брайт распахнула дверцу шкафа. Там внутри на полке лежали окровавленные шкуры оленя и кота. Отшатнувшись, Брайт закричала и упала без чувств. Молодой юноша подбежал к волшебнице.

— Твое наказание слишком жестоко, мама, — прошептал он.

— Да, это так, но ничто не могло спасти ее от заклятия волшебника фиалкового леса.

Она дотронулась до принцессы волшебной палочкой, и та очнулась.

— О, я никогда больше не увижу своих любимых друзей! — заплакала она.

— Ты ошибаешься, дорогая, — возразила волшебница. — Ты видишь их сейчас перед собой. Я и есть тот самый олень, а это мой сын — принц Кот. Мы рады видеть тебя.

Брайт была вне себя от радости.

— А сейчас, — сказала фея Добра, — мы должны доставить тебя домой к отцу.

Втроем они сели в золотую, украшенную жемчугом карету и поехали во дворец к королю Кайнду. Он был очень счастлив увидеть свою любимую пропавшую дочь, и целую неделю все королевство праздновало возвращение принцессы. И тут королю в голову пришла блестящая идея — он сделал предложение фее Добра, и священник обвенчал в церкви две счастливые пары: фею и короля, принцессу Брайт и принца Кота. На церемонию бракосочетания приехала принцесса Дак, сестра Брайт, со своим мужем принцем Фиерсом. Вскоре у Брайт родилось много маленьких девочек, похожих на нее, и много маленьких мальчиков, похожих на ее мужа. Они долго и счастливо любили друг друга, и все любили их.

ЯСНАЯ ЗАРЯ С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ

Мадам д'Олнуа

Жил-был король, и была у него дочь с такими золотыми волосами, что на них невозможно было смотреть: так они переливались и блестели. За это ее называли Ясной Зарей.

Король из соседнего королевства, услышав о ее красоте, сразу же влюбился в нее. Он послал к ней посла с многочисленными дарами и письмом, в котором просил ее стать его женой. Он был уверен, что она согласится, поскольку он был молод и красив, а слава о его храбрости облетела все соседние королевства.

В этот день Ясная Заря была в плохом настроении. Она отослала с отказом все подарки короля, оставив себе на память лишь пакетик золотых английских булавок.

Король чуть не умер от горя, узнав про отказ Ясной Зари. Когда придворные обсуждали это событие, один из них, друг короля, которого звали Вэлком, сказал:

— Если бы я поехал к Ясной Заре послом, я бы вернулся сюда вместе с ней.

Старший лорд, который ненавидел Вэлкома, доложил об этом королю. Он сказал:

— Ваше Величество, Вэлком похвалялся, что ему ничего не стоит завоевать сердце принцессы. Он, видимо, считает себя храбрее и красивее Вашего Величества. Его необходимо проучить!

Король, огорченный отказом принцессы, сказал:

— Бросьте его в тюрьму. Может, там он избавится от самомнения. Если нет — то пусть умрет от голода.

Вэлкома бросили в тюрьму и перестали кормить. Каждый день он молил о еде. Однажды он, плача, кричал:

— О, как мой король жесток ко мне. А я ведь так его люблю. Я бы не пожалел даже своей жизни ради его благополучия и счастья.

Проходивший в это время мимо темницы король услышал это и велел привести к нему Вэлкома. Когда его ввели в тронный зал, он упал перед королем на колени и спросил:

— Ваше Величество, почему вы так жестоки со мной?

— Ты поставил себя выше меня, — ответил король.

— О, это неправда! — возразил Вэлком. — Я говорил только, что, если бы я был послом Вашего Величества, я бы, без сомнения, смог уговорить принцессу выйти за вас замуж.

Обрадованный проблеском надежды, король простил его и сказал:

— Мой дорогой друг, я больше жизни люблю Ясную Зарю. Поезжай к ней и уговори ее выйти за меня замуж.

— Я отправлюсь завтра же, — сказал Вэлком. — Приготовьте мне резвую лошадь и письмо от вас.

Рано утром Вэлком выехал в путь. Проезжая по берегу озера, он увидел на песке рыбу, которая почти уже задыхалась без воды. Рыба была крупная, и из нее получилась бы неплохая уха, но Вэлком пожалел ее и отпустил обратно в озеро. Вдруг рыба сказала человеческим голосом:

— Спасибо тебе, добрый юноша. Ты спас мне жизнь. Но я тоже помогу тебе и верну свой долг.

На следующий день, проезжая по лесу, Вэлком увидел воронье гнездо, которое разорял огромный орел. Юноша достал лук и стрелы и убил орла. Прилетевшая ворона-мать сказала ему:

— Спасибо тебе, ты спас моих детей. Если тебе потребуется моя помощь, рассчитывай на меня.

Вэлком поблагодарил ворону и поехал дальше.

Вдруг он увидел сову, попавшую в сети. Он освободил ее и отпустил. Сова сказала ему:

— Спасибо тебе за помощь. Ты спас мне жизнь. Я отплачу тебе тоже добром.

К вечеру Вэлком приехал во дворец Ясной Зари. Она вышла к нему навстречу. Сначала, пораженный ее красотой, юноша не мог вымолвить ни слова, но затем, придя в себя, он начал расхваливать ей достоинства своего господина. Ясная Заря ответила ему:

— Вэлком, вы говорили очень красноречиво и почти убедили меня. Но дело в том, что сейчас я не могу думать об этом, потому что сегодня я уронила в реку свое любимое кольцо. Пока я не достану его обратно, о предложении короля не может быть и речи, — и она скрылась в своей комнате.

Огорченный, Вэлком сидел на берегу озера. Маленький щенок, по имени Талспин, которого он взял с собой для компании, сказал ему:

— Не печалься, мы достанем кольцо.

Он три раза пролаял, и юноша услышал странный голос, который как будто звал его. Подойдя к воде, он увидел огромного карпа, который держал во рту кольцо принцессы.

— Я возвращаю свой долг, — сказал он и исчез в озере.

Обрадованный юноша побежал к принцессе.

— Ваше Высочество, вот ваше кольцо. Может быть, теперь вы согласитесь на предложение короля?

— Я бы согласилась, — сказала принцесса. — Но дело в том, что мой сосед, принц Гру, хочет тоже жениться на мне. Он уродливый великан и вдобавок людоед, который пожирает людей, как обезьяны бананы. Он убил уже много людей из-за того, что я не соглашаюсь на брак с ним. Победите его, отрубите ему голову и принесите ее мне. Тогда я серьезно подумаю о предложении вашего короля.

Опечаленный Вэлком побрел на берег озера, где его поджидал Талспин.

— Не беспокойтесь, хозяин, — сказал он. — Положитесь на судьбу.

Вэлком отправился во дворец людоеда. Вся дорога туда была усеяна человеческими костями, а на деревьях вместо плодов висели человеческие черепа. Вдруг он увидел людоеда. Тот шел по деревьям, как по траве, и распевал песни. Вэлком тоже тихонечко запел тонким голосом. Людоед подумал, что это поет какая-нибудь птица в небе, и, задрав голову, стал вглядываться вверх. Откуда ни возьмись появившаяся ворона вцепилась когтями ему в лицо и вырвала глаза. Он упал мертвый на землю.

— Я вернула тебе свой долг за спасенную жизнь моих детей, — сказала ворона и улетела.

Вэлком отрубил людоеду голову и принес ее принцессе.

Обрадованная принцесса сказала:

— Я уже, пожалуй, согласна. Но сначала принеси мне кувшин воды из Темной пещеры. Она находится недалеко отсюда. Огнедышащие драконы охраняют вход в нее, а внутри полно ядовитых змей и гадких сколопендр. В глубине пещеры находится фонтан с водой красоты и здоровья. Его вода делает уродов красивыми, калек здоровыми, а простую любовь

— бессмертной. Я хочу перед свадьбой испить этой воды.

— Ваше Высочество, вы и так прекрасны, без этой воды, — ответил Вэлком. — Но ваше желание — для меня закон. Я принесу вам этой воды, чего бы это ни стоило для меня.

Он взял на руки Талспина и отправился в путь. Каждый, кто видел его, жалел:

— Какой красивый юноша должен умереть так ужасно. И как это нашей принцессе в голову приходят такие жестокие прихоти?

Вэлком, придя к пещере, сказал щенку:

— Мой дорогой друг, мой конец уже близок. Когда драконы разорвут меня в клочья, наполни эту бутылку моей кровью и отнеси жестокой принцессе. А моему любимому королю расскажи, что я умер, сражаясь за его счастье.

Пока он говорил, сверху из листвы дерева послышался голос, звавший его.

— Это я, сова. Я хочу вернуть свой долг. Положи эту бутылку в корзину и привяжи ее мне на шею. Я принесу тебе волшебной воды.

— Но как же ты сможешь сделать это? — спросил изумленный юноша.

— Это моя забота, — сказала сова. — Жди меня здесь.

Через некоторое время сова вернулась с полной бутылкой воды. Вэлком поблагодарил ее и поспешил к принцессе. Она взяла волшебную воду и сказала:

— Ты был очень храбр и завоевал мое сердце. Если хочешь, я стану твоей женой.

Юноша в ответ лишь покачал головой.

— Ты прекрасней всех на свете, — ответил он. — Но я верен своему королю.

Вскоре Ясная Заря вышла замуж за короля. Она постоянно расхваливала достоинства Вэлкома, и это очень огорчало молодого мужа. Вдобавок Старший лорд и все придворные нашептывали ему:

— Как ты можешь это терпеть? Она любит его, а не тебя.

— Я брошу его в темницу, я уничтожу его! — закричал обезумевший от ревности король. Вэлкома схватили и бросили в тюрьму. Услышав об этом, Ясная Заря кинулась к королю и, упав перед ним на колени, слезно молила простить Вэлкома и вспомнить, что он сделал для него. Но чем больше она просила, тем непреклоннее становился король.

Так прошло некоторое время. Король, видя, что Ясная Заря продолжает тосковать по Вэлкому, решил стать еще красивее, выпив волшебной воды из кувшина. Но все дело было в том, что служанка, убираясь в комнате, случайно разбила кувшин и, испугавшись, выбросила осколки, а вместо него поставила точно такой же из комнаты короля. В этом кувшине король держал яд, которым умерщвлял неудобных слуг. Войдя в комнату, король отпил из кувшина и замертво упал.

Когда Талспин узнал об этом, он быстро побежал к Ясной Заре и сказал ей:

— Ваше Высочество, в своем горе не забудьте о верном Вэлкоме.

Принцесса тут же освободила юношу и обвенчалась с ним в церкви. Они счастливо и долго прожили жизнь.

ФИНИСТ — ЯСНЫЙ СОКОЛ

Русская сказка

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

— Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести. Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Все-то она умеет, все-то у нее ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растет. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сестры ее завидующие да жадные; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

— Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

— Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает ее отец:

— А что тебе, доченька, купить?

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а перышка не нашел.

Поехал отец в другой раз на базар.

— Ну, — говорит, — дочки, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочки:

— Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а перышка не нашел. Приехал без перышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочки говорят:

— Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:

— Батюшка, купи перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, а перышка не нашел. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

— Здорово, дедушка!

— Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

— К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить перышко Финиста — ясна сокола, а я не нашел.

— Есть у меня такое перышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка перышко и подает, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нем Марьюшка нашла хорошего!»

Привез старик подарки дочкам; старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

— Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи свое перышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать полегли, бросила Марьюшка перышко на пол и проговорила:

— Любезный Финист — ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днем он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвертый день сестры злые заметили — наговорили отцу на сестру.

— Милые дочки, — говорит отец, — смотрите лучше за собой.

«Ладно, — думают сестры, — посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

— Кому я нужен, тот меня найдет. Но это будет нелегко. Тогда меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слезками кровавый след и стала еще краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

— Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста — ясна сокола. Шла она чистым полем, шла темным лесом, высокими горами. Птички веселыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса темные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела пытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— О красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придешь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке,

боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

— Не бойся, Марьюшка, иди вперед. Будет еще страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потерся кот спиной и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал еще темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела пытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— А у моей сестры была?

— Была, бабушка.

— Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

— Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет еще страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал еще темнее. За ноги ее цепляет, за рукава хватает... Идет Марьюшка, идет и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа; каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама черная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела пытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретенце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

— Спасибо тебе, бабушка.

— Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретенце покупать — не продавай, а просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли — да все на Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

— Не горюй, — говорит он, — а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только ее и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

— Ну, — говорит волк, — слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

— Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

— Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прясть, ткать, вышивать.

— Все это я могу делать.

— Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмет Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

— Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист — ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

— Финист мой, Финист — ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица ее слова и говорит:

— Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

— Нет, — говорит Марьюшка, — они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста — ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

— Ладно, говорит, так и быть. Ночью как он уснет, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идет Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу. Видит она — спит ее сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой, — спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пяльцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста — ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

— Продай, Марьюшка, серебряные пяльцы, золотую иголочку.

— Я не продам, — говорит Марьюшка, — а так отдам, разреши только с Финистом — ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

— Ладно, говорит, так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист — ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берет в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидела:

— Продай да продай!

— Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом ясным соколом хоть часок побыть.

— Ладно, — говорит та.

А сама думает: «Все равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

— Любезный ты мой Финист — ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему ее прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста — ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист — ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял ее, поцеловал:

— Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста — ясна сокола наказать.

Тогда Финист — ясный сокол говорит:

— Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продает да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста — ясна сокола — Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в свое государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

ВОЛШЕБСТВО

Шарль Перро

Жила-была вдова, у которой были две дочери. Старшая была очень похожа на свою мать, которая была злобной и скупой. Младшая дочь, наоборот, была доброй и кроткой, как ее покойный отец. К тому же она была писаная красавица.

Всякому человеку нравится его подобие, поэтому мать безумно любила старшую дочь и настолько же сильно ненавидела младшую, заставляя ее работать по дому с утра до вечера.

Дважды в день бедная девушка ходила к роднику за водой. Каждый день она ходила этой дальней дорогой, неся в руках тяжелый, доверху наполненный водой кувшин.

Однажды у родника она повстречала бедную старую женщину, которая попросила дать ей напиток.

— С удовольствием, бабушка, — ответила бедняжка и мило улыбнулась старушке. Она наполнила кувшин чистой родниковой водой и подала нищенке. Женщина напилась и поблагодарила девушку. Она сказала:

— Поскольку ты такая добрая и услужливая, я награжу тебя. Всякий раз, как ты молвишь слово, с твоих губ слетит либо цветок, либо драгоценный камень.

И она исчезла. Это была волшебница, которая захотела испытать доброе сердце молодой девушки.

С полным кувшином воды девушка возвратилась домой. Мать тотчас же накинулась на нее, бранясь за то, что она так долго была у родника.

— Простите меня, матушка! — сказала младшая дочка, и тут же с ее губ слетели две розы, две жемчужины и два бриллианта.

— Что это? — удивленно воскликнула старуха мать. — Откуда это взялось?

Бедняжка правдиво все рассказала. Пока она говорила, вокруг нее образовалась куча цветов и драгоценных камней.

— Эта глупая волшебница допустила ошибку, — сказала ее мать. — Волшебные дары слишком хороши для такой дурищи, как ты. Они по праву должны принадлежать твоей умной старшей сестре. Следующий раз она пойдет к роднику.

На следующее утро мать решила послать за водой старшую дочь.

— Я никуда не собираюсь идти, — заявила ленивица.

— Ты сейчас же отправись туда! — закричала злобная старуха.

Наконец, наругавшись вдоволь, старшая дочь отправилась с кувшином за водой. У колодца она увидела богато одетую даму, которая попросила дать ей напиток.

— Я вам не служанка, — грубо ответила гордячка. — Это мой кувшин, а не ваш. Если желаете пить, принесите свой кувшин.

— Очень хорошо, — сказала дама, которая и была той самой волшебницей, только в новом обличье. — Я награжу тебя даром, который отвечает твоим манерам. Каждый раз, когда ты скажешь слово, у тебя изо рта тотчас же выпадет змея или выпрыгнет жаба.

С нетерпением ожидала мать возвращения старшей дочери. Едва завидев ее, она закричала:

— Ну что, доченька?

— Чего тебе? — в тон ей заорала грубая девушка, и тотчас же изо рта у нее выскочили

две жабы и змеи.

— О, Господи, что это? — запричитала старуха. Когда она узнала, что произошло, то впала в полное неистовство.

— Это твоя вина! — топая ногами от злости, орала она на младшую дочь. И, схватив метлу, она принялась избивать бедняжку. Младшая дочь насилу вырвалась и убежала в лес.

В это время с охоты возвращался молодой принц. Увидев красавицу, он спросил ее, почему она плачет здесь, одна, в диком лесу.

— Моя мать прогнала меня из дома, — ответила девушка, и тотчас же с ее губ слетело несколько жемчужин и алмазов. Когда она закончила свой рассказ, трава вокруг нее сияла и переливалась всеми цветами радуги. Принц тут же без памяти влюбился в нее, восторгаясь ее красотой и добрым сердцем.

Он взял ее с собою во дворец. Они поженились и зажили счастливо.

Что касается старшей сестры, то ее возненавидела даже собственная мать, поскольку ленивица наводнила весь дом ползучими гадами. Ее выгнали из дома, и она ушла, презираемая всеми.

СИНЯЯ СВЕЧКА

Братья Гримм

Жил-был солдат, и служил он верой и правдой королю многие годы, но кончилась война, и солдат, получив много ран, служить больше не мог. Вот и говорит ему король:

— Можешь ты домой отправляться, теперь ты мне не нужен, жалованья получать ты больше не будешь, — деньги плачу я только тому, кто мне службу несет. И не знал солдат, чем ему теперь и жить, и ушел он, озабоченный, и шел целый день, а вечером пришел в лес. Наступила уже темнота, и увидел он вдали огонек, пошел ему навстречу и пришел к дому, а жила в нем ведьма.

— Пусти меня переночевать и дай мне чего-нибудь поесть да попить, сказал он ей, — а то пропадать мне придется.

— Ого! — ответила она. — Да кто же даст что-нибудь беглому солдату? Но так уж и быть, сжалюсь я над тобой и пушу тебя, если сделаешь ты то, что я от тебя потребую.

— А что же ты потребуешь? — спросил солдат.

— Чтоб завтра вскопал ты мне огород.

Солдат согласился, и на другой день изо всех сил принялся он за работу, но до вечера все же не справился.

— Вижу я, — сказала ведьма, — что ты нынче больше не можешь. Ну, пробудь у меня еще одну ночь, а завтра нарубишь ты мне за то поленницу дров и щепок наколешь.

Весь день проработал солдат, а к вечеру ведьма предложила ему остаться у нее еще на одну ночь.

— Завтра работа тебе предстоит небольшая: есть у меня за домом старый пустой колодец, упала в него моя свечка, горит она синим пламенем и не гаснет, — вот ты и должен будешь мне ее оттуда достать.

На другой день повела его старуха к колодцу и спустила туда в корзине. Нашел он синюю свечку и подал ведьме знак, чтобы вытащила она его из колодца. Стала она его тащить вверх, но только стал он подыматься к краю колодца, а ведьма протянула руку вниз и хотела было отнять у него синюю свечку.

— Нет, — сказал солдат, заметив ее злой умысел, — свечку я отдам тебе только тогда, когда стану обеими ногами на землю.

Пришла ведьма в ярость, сбросила его снова в колодец, а сама ушла.

Упал бедный солдат на мягкое дно колодца, не причинив себе никакого вреда, а синяя свечка продолжала гореть, но что ему было в том толку? Видит, не уйти ему теперь от смерти. Сидит он в колодце грустный, и сунул он случайно руку в карман и нашел там свою трубку, а набита она была до половины табаком. «Это будет последней моей радостью», — подумал он, достал ее, зажег от синей свечки и начал курить. Разошелся дымок по дну колодца, и явился вдруг перед ним черный человечек и спрашивает:

— Что, хозяин, прикажешь?

— Что ж мне тебе приказать? — ответил ему солдат в изумлении.

— Я обязан выполнить все, — сказал человечек, — что потребуешь.

— Ладно, — сказал солдат, — помоги мне сначала выбраться из колодца.

Взял его черный человечек за руку и повел через подземный ход, но солдат синюю

свечку взять с собой не забыл. Показал он ему по пути богатства, собранные и запрятанные ведьмой, и набрал солдат золота, столько, сколько нести мог. Поднялся он наверх и говорит человечку:

— Ну, а теперь ступай да свяжи старую ведьму и отведи ее на суд.

Тут вскоре промчалась она, точно ветер, со страшным криком на диком коте, а черный человечек вернулся назад.

— Все исполнено, — сказал он, — ведьма уж висит на виселице. Что ж прикажешь теперь, хозяин, мне делать? — спросил человечек.

— Сейчас пока ничего, — ответил солдат, — можешь себе идти домой, но чуть что — тотчас явись, когда я тебя позову.

— Звать меня не надо, — сказал человечек, — только зажги свою трубку синей свечой, и я тотчас явлюсь перед тобою. — Затем он исчез на его глазах.

Воротился солдат в город, откуда он и пришел. Направился в самую лучшую гостиницу и велел сшить себе красивый кафтан, и приказал хозяину убрать свою комнату как можно красивей да богаче. Когда комната была готова, солдат поселился в ней, кликнул черного человечка и говорит:

— Служил я королю верой и правдой, а он меня прогнал да еще голодать заставил, хочу я ему теперь за то отомстить.

— Что же я должен сделать? — спросил человечек.

— Поздно вечером, когда королева будет в постели, принеси ее сюда спящей, пусть поработает она у меня служанкой.

— Для меня это дело легкое, но для тебя будет опасное, — если об этом доведутся, плохо тебе придется.

Пробило двенадцать, запахнулась дверь, и принес человечек ему королеву.

— Ага, вот ты и здесь, — крикнул солдат, — ну, живей принимайся за работу. Ступай, принеси метлу да подмети мне комнату.

Подмела она ему комнату, и зовет он ее к своему креслу, протягивает ей ноги и говорит:

— Снимай с меня сапоги!

Сняла она с него сапоги, и кинул он их ей в лицо, и должна она была их поднять, почистить и глянец на них навести. Все она исполняла, что он ей ни приказывал, беспрекословно, молча, с полузакрытыми глазами. Но с первым пеньем петуха отнес ее черный человечек назад в королевский замок и положил в постель.

Наутро встала королева с постели, пошла к своему отцу и рассказала, что видела удивительный сон: «Будто несло меня с быстротой молнии по улицам, и попала я в комнату к одному солдату, и должна была я прислуживать ему как служанка и исполнять всякую черную работу, подметать комнату и сапоги чистить. Это был сон, но, однако, я так устала, будто было это все на самом деле».

— Сон мог оказаться и явью, — сказал король, — я дам тебе совет: набей полный карман гороху и проделай дырку в кармане, и если тебя снова унесут, то горошины выпадут, и на улице будет виден след.

Когда король это говорил, то черный человечек стоял незримо рядом и все слышал. Ночью, когда он снова понес королеву — по улицам, выпало несколько горошин у нее из кармана, но след указать они не могли: хитрый человечек заранее разбросал горох по всем улицам. И королева должна была снова до первых петухов исполнять работу служанки.

На другое утро король выслал своих людей разыскать след, но все поиски были

напрасны — на всех улицах сидели бедные дети и подбирали горох, говоря: «А сегодня-то ночью шел гороховый дождь».

— Надо будет что-нибудь другое придумать, — сказал король, — ты сегодня, ложась в постель, башмаков не снимай, а когда будешь возвращаться оттуда, спрячь один из них там, а я уж его найду.

Черный человечек доведася и про этот замысел и когда вечером солдат стал требовать, чтобы тот принес ему снова королеву, стал ему отсоветывать и сказал, что против такой хитрости нету никакого средства, и если башмак у него найдут, то плохо ему придется.

— Делай, что я велю, — ответил солдат, и должна была и на третью ночь королева исполнять работу служанки, но спрятала она прежде, чем ее понесли назад домой, свой башмак у него под кроватью.

На другое утро король приказал искать по всему городу башмак своей дочери, и нашли его у солдата, но, по совету человечка, вышел солдат за городские ворота, ну, тут его и схватили и в тюрьму бросили. И забыл он во время бегства самое свое дорогое — синнюю свечку и золото, и остался у него в кармане один только дукат. Когда стоял он, закованный в цепи, у окошка тюрьмы, увидал он проходящего мимо тюрьмы одного из своих товарищей. Стал он стучать в окошко, и когда тот подошел, говорит он ему:

— Окажи ты мне услугу, принеси мне мой маленький узелок, что оставил я в гостинице, дам я тебе за это дукат.

Побежал его товарищ туда и принес его узелок. Только солдат снова остался один, набил он свою трубку и кликнул черного человечка. И сказал черный человечек своему хозяину: «Ты не бойся, ступай туда, куда тебя поведут, пусть будет, что будет, только не забудь захватить с собой синнюю свечку».

На другой день был суд над солдатом, и хотя он ничего дурного не сделал, но присудил его судья к смертной казни. Когда его вывели, стал он просить короля оказать ему последнюю милость.

— Какую? — спросил его король.

— Дозволь выкурить мне по дороге трубку.

— Выкури хотя б и целых три, — ответил король, — но не думай, однако, что я тебя помилую.

Достал солдат свою трубку, закурил ее от синей свечки, и только поднялось несколько колец дыма, как явился черный человечек и была у него в руке небольшая дубинка, испросил он у солдата:

— Что прикажешь, хозяин?

— Убей ты насмерть этих лживых судей и стражу, да и короля не пощади, он поступил со мной плохо.

Стал носиться тот черный человечек, точно молния, то туда, то сюда, и кого он только касался своей дубинкой — тот падал наземь, и ни встать, ни шелохнуться больше не мог. Стало королю страшно, и начал просить он пощады, чтобы оставил тот его в живых, и отдал он солдату королевство и дочь свою в жены.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

Русская сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц и гадов.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы все спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридцатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцом и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнался за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитай двенадцать коров.

Иван-царевич погнался стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, говорит, отгони мне трех коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич. — Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трех взял шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным

соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка, — спрашивает царь, — прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни одной!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй, — говорит Иван-царевич, — как ты сюда попала?

— Меня унес змей о двенадцати головах; живет он в батюшкином озере. В том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко.

Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

— Будь моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

МАЛЕНЬКИЙ ПЕТУШОК И ЗОЛОТАЯ МОНЕТКА

Персидская сказка

Жила-была бедная женщина. Ничего-то у нее не было, кроме маленького петушка, которого она очень любила. Как-то раз, гуляя по двору, петушок нашел золотую монетку. В это время мимо их домика ехал турецкий император. Увидел он монетку, остановился и говорит:

— Эй, маленький петушок, отдай мне золотую монетку.

— Нет, не отдам, — ответил петушок. — Моей хозяйке она очень нужна. Она купит мне на базаре вкусных зернышек.

Но император велел своим слугам отнять монетку и забрал ее домой. Там он положил ее в императорскую казну.

Маленький петушок очень рассердился. Взвился он и полетал над полями, над реками. Прилетел он ко двору императора, сел на высокой башенке и закричал:

— Ку-ка-ре-ку! Император, император, отдай мою золотую монетку!

Услышал это император, рассердился, приказывает слугам:

— Эй, слуги, возьмите петуха, бросьте его в колодец!

Поймали слуги петушка, бросили его в воду.

А петушок сидит в колодце, пьет воду да приговаривает:

— Клювик, клювик, пей воду? Клювик, клювик, пей воду! — и выпил всю воду.

Выпил всю воду, вылетел из колодца, прилетел ко двору императора и опять закричал:

— Ку-ка-ре-ку! Император, император, отдай мою золотую монетку! Император, император, отдай мою золотую монетку!

Еще больше рассердился император, велел слугам бросить петушка в огонь.

Поймали слуги петушка, бросили в костер.

А петушок сидит в огне да приговаривает:

— Клювик, клювик, лей воду! Клювик, клювик, лей воду! — и залил весь огонь в костре.

Взлетел и опять напрямиком к императорскому дворцу. Уселся на окошке и опять кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Император, император, отдай мою золотую монетку! Император, император, отдай мою золотую монетку!

Стал император своих слуг звать:

— Эй, слуги! Хватайте петуха! Бросьте его в улей. Пусть пчелы искусают его до смерти.

Слуги схватили петушка и бросили его в улей. А петушок сидит и приговаривает:

— Клювик, клювик, глотай пчелок! Клювик, клювик, глотай пчелок! — И он проглотил всех пчелок.

Взлетел петушок опять на башенку и закричал еще громче:

— Ку-ка-ре-ку! Император, император, отдай мою золотую монетку! Император, император, отдай мою золотую монетку!

Император и не знает, что делать дальше.

— Несите петуха ко мне, — говорит он слугам. Те схватили петушка и принесли его в покои императора. А петушок раскрыл свой клювик и закричал:

— Клювик, клювик, выпускай пчелок! Пусть они жалят императора.

И пчелы огромным роем кинулись на императора и давай его жалить.

— Ой, ой, помогите! — закричал император. — Я больше не буду жадным! Несите петушка в императорскую сокровищницу, и пусть он забирает свою монетку.

Слуги отнесли петушка в сокровищницу, петушок прыгнул на груды золотых монет и приказал:

— Клювик, клювик, глотай монетки! Клювик, клювик, глотай монетки. — И он проглотил всю императорскую казну.

Взлетел и полетел к своей хозяйке. Прилетел и кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Хозяюшка, хозяюшка, я принес тебе золотых монеток.

Обрадовалась бедная женщина. Взяла она деньги, купила петушку на базаре целый мешок сладких зернышек, и стали они жить богато и весело.

САНТУРАМ И АНТУРАМ

Индийская сказка

В маленькой деревушке на краю леса жили два друга — Сантурам и Антурам. Сантурам был добрый и трудолюбивый малый, а его друг Антурам, напротив, был ленив и жаден. Однажды Антурам попросил у своего друга в долг тысячу монет, обещая вскоре вернуть.

Прошло время, но долг он не возвращал. В конце концов расстроенный Сантурам был вынужден обратиться в суд. Когда судья спросил Антурама, было ли это действительно так, то тот под присягой ответил, что первый раз об этом слышит. Судья внимательно выслушал его и обратился к Сантураму:

— Кого бы ты мог привести в свидетели?

— Никого, — ответил тот. — Я давал ему деньги в долг под ветвистым дубом, когда мы находились одни в дремучем лесу.

Антурам опять под присягой подтвердил, что не знает ни о каких деньгах и никогда не видел ветвистого дуба в дремучем лесу. Судья вновь молча и внимательно выслушал показания лжеца и сказал, обращаясь к Сантураму:

— Сходи в лес, найди этот дуб и приведи его сюда. Это и будет твой свидетель.

— Ваша милость! Как же я могу привести сюда дерево, если оно не умеет ходить, и как же оно может быть свидетелем, если не умеет говорить?

Судья ответил:

— Я дам тебе повестку, отнеси ее дереву, и ты увидишь, что оно явится сюда в качестве свидетеля.

Судья выписал повестку, и Сантурам ушел с ней в лес. Антурам с любопытством ждал, что же будет дальше.

Через полчаса после ухода Сантурама судья выглянул в окошко и сказал:

— Что-то Сантурам долго не возвращается. Наверное, это дерево так далеко в лесу, что ждать нам придется до темноты.

Глупый Антурам ответил:

— Нет, ваша милость, оно стоит на опушке леса, я думаю, что Сантурам уже подошел к нему. Отсюда примерно час ходу до него.

И точно, через два часа Сантурам вернулся назад.

— Ваша милость! — сказал он. — Я сделал все, как вы велели, но дерево ничего не ответило и продолжало стоять как вкопанное.

— Ты ошибаешься, мой друг, — ответил судья. — Как только дерево получило мою повестку, оно сразу же поспешило сюда и объяснило мне все. Послушайте же мой приговор: Антурам должен вернуть тебе деньги, и я сажаю его на год в тюрьму за лжесвидетельство.

Антурам, не ожидая такого поворота дела, возмутился:

— Ваша милость! Я все это время находился здесь и не видел никакого дерева-свидетеля. Как же вы можете утверждать, что дерево пришло сюда и дало показания против меня?

Судья, усмехнувшись, ответил:

— Ты глупец. Твой собственный язык был свидетелем против тебя. Когда ты пришел сюда, то уверял, что не был ни в каком лесу и не знаешь никакого дерева. Если это правда, то

откуда ты мог знать, что дорога до него и обратно занимает два часа? Значит, его местонахождение тебе прекрасно известно.

Таким образом, честный Сантурам получил назад свои деньги, а лжец Антурам был жестоко наказан.

СЫН КОРОЛЯ ФРАНЦИИ И КРАСАВИЦА

ДЖОАНА

Французская сказка

Жили-были в одном королевстве добрый король и красивая королева. Был у них единственный сын, прекрасный, как ясный день.

Они любили его без памяти. Единственной страстью молодого принца была охота. Каждое утро с дюжиной верных слуг и двумя дюжинами борзых он отправлялся в дикие леса и каждый вечер под торжествующие звуки горна возвращался домой с добычей.

Но вот однажды лошадь принца вернулась домой одна. Молодой принц забрел глубоко в лес и потерял дорогу. Быстро стемнело, и из своих нор вышли на охоту голодные волки. Принц взобрался на высокий дуб и, устроившись среди его могучих ветвей, уснул. Когда он проснулся, солнце ярко светило и весело пели птички. Но как ни пытался принц найти дорогу в диком лесу, все его попытки были бесполезны. Присев отдохнуть, он утолил голод лесной земляникой и запил водой из прохладного родника. Целый день проискал он дорогу в лесу, а к вечеру, усталый, опять взобрался на старый дуб и проспал всю ночь. Так продолжалось три дня и три ночи. Днем принц упорно искал выход из дикого леса, а вечерами спал на ветвях старого дуба. Но вот на четвертую ночь, забравшись на дуб, он вдруг увидел вдали слабо мерцающий огонек. Он быстро слез с дерева и побежал в сторону мерцающего огонька. Целый час он пробирался сквозь густые заросли колючек, пока наконец не увидел стоящий в чаще леса освещенный замок. Он подошел к чугунным воротам и постучался. И вдруг — о чудо! — ворота открылись, и перед его взором предстала девушка, прекрасная, как день.

— Добрый вечер, красавица! — приветствовал ее принц. — Я сын короля Франции. Я потерялся на охоте и уже три дня и три ночи безуспешно пытаюсь найти дорогу домой. Я просто умираю от голода и жажды. Пожалуйста, не прогоняй меня и позволь мне остаться здесь на ночь.

— Входи, милый принц, — сказала, улыбаясь, девушка. — Меня зовут красавица Джоана. Я накормлю и напою тебя, но оставить на ночь не смогу, поскольку мои родители страшные людоеды и они скоро вернуться домой. Я очень не хочу, чтобы они нашли тебя здесь и съели.

— О, добрая девушка, — возразил ей принц. — Я очень устал и хочу спать. У меня нет сил возвращаться в лес.

— Ну, хорошо, — сказала девушка. — Входи, я накормлю, напою тебя и спрячу под бочкой.

И она сделала все, как обещала.

Ровно в полночь в замок вбежали запыхавшиеся людоед с людоедкой и сразу же заметили, что воздух что-то нечистый.

— Хм-хм! Человечинкой пахнет здесь. Тут что-то неладно, — сказал людоед страшным голосом.

— Это совершенно невозможно, — сказала Джоана. — Посмотрите сами.

Людоед с людоедкой стали искать повсюду, заглянули во все углы, все обшарили, но никого не нашли.

— Ладно, — сказали они. — Сейчас мы ляжем спать, а утром поищем получше. — Они повалились на кровать и захрапели.

Но красавица Джоана не торопилась засыпать. Она взяла пригоршню глины и слепила из нее колобок, на него она прицепила свой отрезанный локон. Затем она взяла у людоедов волшебную палочку, семимильные сапоги и разбудила принца.

— Вставай скорее! Мы должны бежать, иначе нас ждет несчастье.

И, надев сапоги-скороходы, они помчались быстрее ветра.

Услышав странный шум, людоеды почувствовали неладное и крикнули:

— Красавица Джоана, иди сюда, пора спать!

А волшебный колобок ответил голосом девушки:

— Сейчас, сейчас, только умою лицо.

Через минуту людоеды опять закричали:

— Красавица Джоана, иди сюда ложиться спать.

Волшебный колобок им в ответ:

— Сейчас, сейчас, только разденусь.

Прошло еще немного времени, и людоеды опять закричали:

— Красавица Джоана, где же ты? Пора спать.

— Сейчас, сейчас, только сниму башмаки, — опять ответил колобок.

И вот уже забрезжил рассвет, как людоеды опять спросили:

— Красавица Джоана, где же ты? Спать пора.

Но колобок ничего не ответил на этот раз, поскольку наступило утро и его волшебная сила закончилась. Не услышав ответа, людоеды кинулись в комнату Джоаны и все поняли.

— Ах, негодница! Она сбежала с человеком и унесла с собой нашу волшебную палочку и семимильные сапоги-скороходы. Скорее за ними, мы успеем поймать их и полакомиться человечинкой!

Людоед достал другую волшебную палочку и, надев десятимельные сапоги-скороходы, ринулся в путь со скоростью молнии.

Вскоре красавица Джоана и принц услышали за своей спиной свист и поняли, в чем дело. Взмахнула Джоана волшебной палочкой и превратила принца и себя в маленьких птичек. Уселись они на веточку дерева и начали распевать. Людоед подлетел к ним и спрашивает:

— Эй, птички-невелички, не видели ли вы красавицу с принцем?

Ничего не ответили птички, только продолжали распевать тоненькими голосочками.

Ни с чем вернулся домой людоед, а красавица Джоана с принцем опять обернулись людьми и полетели дальше.

— Ну что, нашел их? — спросила людоеда жена, когда он вернулся в замок.

— Куда там! Как сквозь землю провалились. Только и встретил, что двух пташек глухих, — ответил людоед.

— Ах ты, дурище! Ведь это они и были. А ну, отправляйся и поймай их скорее.

А Джоана с принцем уже далеко были. Понесся людоед еще быстрее... вот уже близко!

Красавица взмахнула волшебной палочкой и превратила принца в черную утку, а себя в глубокое озеро. Поравнялся людоед с ними и спрашивает:

— Эй, черная утка! Не пролетали ли тут красавица с принцем?

Но ничего не отвечала утка, только тихонечко побрякивала.

Опять людоед ни с чем вернулся домой, а красавица с принцем полетели дальше еще

быстрее.

— Ну, поймал их? — спросила людоеда жена, когда он вернулся в замок.

— Нет. Никого не видел, кроме черной уточки и глубокого-преглубокого озера.

— Дурище ты тупоголовое. Это ведь они и были. Лети скорее и хватай их.

Людоед помчался еще быстрее. Вот-вот нагонит! Обратилась тогда красавица овечкой, а принца бараном сделала.

Подлетает людоед и спрашивает:

— Эй, овцы шелудивые, не видали ли вы красавицы с принцем?

— Бе-бе, — только и отвечали овечки.

Вернулся людоед опять назад.

— Нигде не нашел я их. Только в пути и видел, что овец шелудивых пару.

— Так ведь это они и были, — опять рассердилась людоедка и сама кинулась в погоню.

Но принц с красавицей уже очень далеко были, и она не смогла догнать их.

Через семь дней и семь ночей долетели они до королевства французского, и не было предела радости родителей принца. В этот же день он женился на красавице Джоане и зажил с ней в мире и согласии.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

Русская сказка

Жил один кузнец.

— Что, — говорит, — я горя никакого не видал? Говорят, лихо на свете есть, пойду поищу себе лихо.

Взял, выпил хорошенько и пошел искать лихо. Навстречу ему портной.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Куда идешь?

— Что, брат, все говорят — лихо на свете есть, я никакого лиха не видал, иду искать.

— Пойдем вместе. И я хорошо живу и не видал лиха; пойдем поищем.

Вот они шли, шли, зашли в лес, в густой, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожке. Шли, шли по этой дорожке, видят: изба стоит большая. Ночь, некуда идти.

— Стой, — говорят, — зайдем в эту избу.

Вошли; никого там нету, пусто, нехорошо. Сели себе и сидят.

Вот и идет высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая.

— А! — говорит. — У меня гости. Здравствуйте.

— Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать к тебе.

— Ну, хорошо; будет что поужинать мне.

Они перепугались. Вот она пошла, беремья дров большое принесла; принесла беремья дров, поклала в печку, затопила. Подошла к ним, взяла одного, портного, и зарезала, посадила в печку и убрала.

Кузнец сидит и думает: что делать, как быть? Она взяла — поужинала. Кузнец смотрит в печку и говорит:

— Бабушка, я кузнец.

— Что умеешь делать-ковать?

— Да я все умею.

— Скуй мне глаз.

— Хорошо, — говорит, — да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз.

Она пошла, принесла две веревки, одну потоньше, а другую толще. Вот он связал ее одною, которая была потоньше.

— Ну-ка, бабушка, повернись!

Она повернулась и разорвала веревку.

— Ну, — говорит, — нет, бабушка! Эта не годится.

Взял он веревку да этою веревкою скрутил ее хорошенько.

— Повернись-ка, бабушка!

Вот она повернулась — не порвала. Вот он взял шило, разжег его, наставил на глаз-то ей на здоровый, взял топор да обухом как вдарит по шилу. Она как повернется — и разорвала веревку, да и села на пороге.

— А, злодей, теперича не уйдешь от меня!

Он видит, что опять лихо ему, сидит, думает: что делать?

Потом пришли с поля овцы, она загнала овец в свою избу ночевать. Вот кузнец ночевал ночь.

Поутру стала она овец выпускать. Он взял шубу, да вывернул шерстью вверх, да в рукава-то надел и подполз к ней, как овечка. Она все по одной выпускала; как хватит за спинку, так и выкинет ее. И он подполз; она и его схватила за спинку и выкинула.

Выкинула его, он встал и говорит:

— Прощай, лихо! Натерпелся я от тебя лиха; теперь ничего не сделаешь.

Она говорит:

— Постой, еще натерпишься, ты не ушел!

И пошел кузнец опять в лес по узенькой тропинке. Смотрит — в дереве топорик с золотой ручкой; захотел себе взять. Вот он взялся за этот топорик, рука и пристала к нему. Что делать? Никак не оторвешь. Оглянулся назад: идет к нему лихо и кричит:

— Вот ты, злодей, и не ушел!

Кузнец вынул ножичек, в кармане у него был, и давай эту руку пилить; отрезал ее и ушел.

Пришел в свою деревню и начал показывать руку, что теперь видел лихо.

— Вот, — говорит, — посмотрите, каково оно: я, — говорит, — без руки, а товарища моего совсем съела.

Тут и сказке конец.

ХРАБРЫЙ ЮНОША

Американская сказка

Было у отца двое сыновей. Старший был умен и толков, все у него ладилось, а младший был дурень: ничего как следует не понимал и к ученью был не способен; посмотрят на него люди и скажут:

— С этим придется отцу немало еще повозиться.

Если надо было что-нибудь сделать, то старший сын с делом всегда управится; но если отец велит ему что-нибудь принести, а время позднее или совсем к ночи, а дорога идет через кладбище или мимо какого-нибудь другого мрачного места, он всегда отвечает:

— Ох, батюшка, не пойду я туда, мне страшно! — потому что он был боязлив.

Или, бывало, начнут вечером рассказывать у камелька всякие такие небылицы, что у иного мороз по коже пробирает, и скажут подчас слушатели: «Ах, как страшно!», а младший сидит себе в углу, тоже слушает, и никак ему невдомек, что это значит — страшно.

— Вот все говорят: «Мне страшно! Страшно!», а мне вот ничуть не страшно. Это, пожалуй, дело такое, в котором я тоже ничего не смыслю.

Однажды и говорит ему отец:

— Эй, послушай, ты, там в углу! Ты вон гляди уже какой большой вырос и силы набрался, надо будет тебе тоже чему-нибудь научиться, чтобы хлеб себе зарабатывать. Видишь, как брат твой старается, а ты ни к чему не гож.

— Эх, батюшка, — ответил младший сын, — я бы охотно чему-нибудь научился; и раз уж на то пошло, то хотелось бы мне научиться, чтоб было мне страшно; в этом деле, видно, я еще ничего не смыслю.

Услыхав это, старший брат посмеялся и подумал: «Боже ты мой, какой, однако, у меня брат дурень, из него никогда ничего не получится; кто хочет чем-нибудь сделаться, должен быть изворотлив».

Вздыхнул отец и говорит младшему сыну:

— Уж чему-чему, а страху ты должен научиться; но на хлеб себе этим вряд ли ты заработаешь.

А тут вскоре зашел к ним в гости пономарь. Стал ему отец на свою беду жаловаться и рассказал, что младший сын у него несмышленный — ничего не знает, ничему не учится.

— Вы только подумайте, спрашиваю я у него, чем ты хлеб себе зарабатывать хочешь, а он говорит: хотел бы я страху научиться.

— Если уж на то пошло, — ответил пономарь, — этому он мог бы у меня научиться; вы его только ко мне пришлите, а я уж его пообтещу как следует.

Отец остался этим доволен и подумал: «Вот все ж таки как-нибудь да пристрою».

И вот взял его пономарь жить у себя в доме, и должен был парень звонить в колокол. Спустя несколько дней разбудил его раз пономарь в полночь, велел ему встать, взобраться на колокольню и звонить в колокол.

«Уж теперь-то ты страху научишься», — подумал пономарь, а сам тайком пробрался на колокольню; и только парень взобрался наверх и успел повернуться, чтоб взяться за веревку от колокола, видит — стоит на лестнице, как раз напротив окошка, какая-то фигура в белом.

— Кто это? — крикнул он; но фигура в белом ничего не ответила и не двинулась, не

шелохнулась.

— Отвечай, — закричал парень, — или убирайся прочь отсюда, здесь тебе по ночам делать нечего!

Но пономарь продолжал стоять и даже с места не сдвинулся, чтоб парень подумал, что это стоит привидение.

Крикнул парень второй раз:

— Чего тебе здесь надобно? Коли ты человек порядочный, то отвечай, а не то я сброшу вниз с лестницы.

Тут пономарь подумал: «До этого дело, пожалуй, не дойдет», — он не проронил ни звука и стоял точно вкопанный. Парень окликнул его в третий раз, но напрасно; тогда он подбежал и сбросил привидение с лестницы вниз, и покатилося оно с десяти ступенек, да так и осталось лежать в углу.

Отзвонил парень в колокол, вернулся домой и, ни слова не сказав, улегся в постель и продолжал себе спать дальше. Долго дожидалась своего мужа пономариха, а он все не возвращался. Наконец стало ей страшно, она разбудила парня и спрашивает:

— Не знаешь ли ты, куда это мой муж запропал? Ведь он на колокольню взобрался раньше тебя.

— Не знаю, — ответил парень, — но я видел, что кто-то стоял на лестнице напротив слухового окошка, ничего не отвечал, уходить не хотел, я и счел его за вора и сбросил вниз. Сходите туда да поглядите, не он ли это, а то мне, право, будет жаль.

Кинулась пономариха туда и нашла своего мужа; он лежал в углу и стонал — сломал себе ногу.

Она принесла его с колокольни и бросилась, громко причитая, к отцу парня.

— А парень-то ваш, — сказала она, — большой беды наделал, сбросил моего мужа вниз с лестницы, и тот сломал ногу. Забирайте-ка вы от нас вашего шалопаю.

Испугался отец, прибежал туда и начал бранить сына:

— Что это у тебя за проделки такие, уж не сам ли черт тебе их внушил?

— Батюшка, — ответил сын, — да выслушайте меня, я-то вовсе тут не виноват. Пономарь стоял на колокольне ночью, как человек, замысливший недоброе дело; я и не знал, кто это, и трижды просил его отозваться или уйти.

— Эх, — сказал отец, — будет мне с тобой одно только горе. Убирайся ты с моих глаз долой, я и знать тебя больше не хочу.

— Хорошо, батюшка, я охотно уйду, но вы уж погодите, пока наступит день; я тогда уйду от вас и пойду страху учиться, — вот и обучусь ремеслу, что меня прокормить сможет.

— Учись себе чему хочешь, — сказал отец, — мне все равно. На тебе пятьдесят талеров, ступай с ними куда хочешь, да только не смей говорить никому, откуда ты родом и кто твой отец, а то мне за тебя стыдно будет.

— Ладно, батюшка, как вам будет угодно; а если вы от меня большего не требуете, то я выполню все как следует.

Только стало светать, сунул юноша в карман свои пятьдесят талеров и вышел на большую дорогу; шел он и все твердил про себя одно и то же: «Вот если б стало мне страшно! Вот если б стало мне страшно!»

Услыхал эти слова какой-то прохожий и подошел к нему. Прошли они некоторое время вместе и увидели виселицу, и говорит ему тот прохожий:

— Видишь, вон стоит дерево, а на нем семеро с дочкой заплечных дел мастера свадьбу

справили и теперь летать обучаются. Садись-ка ты под этим деревом, и как дождешься ночи, то страху и научишься.

— Ежели это все, — ответил парень, — то дело это нетрудное; раз я так скоро научусь страху, то ты получишь от меня за это пятьдесят талеров; только приходи ко мне утром пораньше.

Подошел парень к виселице, уселся под нею и стал сумерек дожидаться. Стало ему холодно, и он развел костер; но к полуночи поднялся такой холодный ветер, что, несмотря на костер, он никак не мог согреться. И начал ветер раскачивать повешенных, и они толкали один другого то туда, то сюда, и он подумал: «Я вот зябну внизу у костра, а каково же им там наверху мерзнуть да друг об дружку стучаться». А так как был он жалостлив, то приставил лесенку, взобрался на виселицу, отвязал всех одного за другим и стащил всех семерых вниз. Потом он раздул огонь, разгорелось пламя сильнее, и он усадил всех вокруг костра греться. Сидели они не двигаясь, и вдруг загорелась на них одежда. Тогда он говорит:

— Вы будьте с огнем поосторожней, а не то я вас вздерну опять на виселицу.

Но мертвецы ничего не слышали, они молчали и не обратили внимания на то, что их лохмотья горят. Тут рассердился он и говорит:

— Ежели вы не будете осторожны, то я выручать вас не стану, а сгореть вместе с вами у меня нет никакой охоты, — и повесил их всех одного за другим опять. Потом он подсел к костру и уснул. Является на другое утро к нему тот прохожий получить с него пятьдесят талеров и говорит:

— Ну, теперь ты узнал, что такое страх?

— Нет, — ответил парень, — да откуда же мне было его узнать-то? Ведь те, что там, наверху, и рта не раскрыли, и такими дураками оказались, что сожгли все свои старые лохмотья.

Понял тогда прохожий, что пятьдесят талеров ему с него не получить, и сказал, уходя:

— Такого я еще ни разу на свете не видывал.

И отправился парень дальше своею дорогой и принялся снова про себя бормотать:

— Ах, если бы стало мне страшно! Ах, если бы стало мне страшно!

Услыхал это один извозчик, который шел сзади него, и спрашивает:

— Кто ты такой?

— Не знаю, — ответил парень.

Начал извозчик его спрашивать:

— А ты откуда?

— Не знаю.

— А кто твой отец?

— Этого мне говорить не ведено.

— А что ж ты это все про себя бормочешь?

— Э-э, — ответил парень, — да я хотел, чтоб мне стало страшно, да никто не может меня этому научить.

— Не болтай глупостей, — сказал извозчик, — только ступай со мной, и уж я тебе докажу, что я это сделаю.

Отправился парень вместе с извозчиком. Подошли они под вечер к харчевне и решили в ней заночевать. Входит парень в комнату и говорит опять:

— Вот если б стало мне страшно! Если б стало мне страшно!

Услыхал то хозяин харчевни, засмеялся и сказал:

— Если тебе этого так хочется, то случай для этого здесь, пожалуй, подвернется.

— Ах, помолчал бы ты лучше, — сказала хозяйка, — не один уже смельчак жизнью своей поплатился, и жаль мне красивых глаз, если они больше света не увидят.

Но парень ответил:

— Ежели это и вправду так трудно, то мне бы хотелось этому научиться, ведь ради этого я и отправился странствовать.

И он не давал хозяину покоя до тех пор, пока тот наконец не рассказал ему, что неподалеку находится заколдованный замок, где страху научиться уж наверняка можно, если парень только согласится провести там три ночи подряд.

И обещал король тому, кто на это дело отважится, отдать дочь свою в жены; а королева — самая красивая девушка, которая только есть на свете; и запрятаны в замке большие сокровища, которые стерегут злые духи; и если эти сокровища расколдовать, то сделают они бедняка богатым. И будто много людей побывало в этом замке, но никто из них до сих пор назад не вернулся.

Пришел парень на другое утро к королю и говорит:

— Если будет дозволено, то хотелось бы мне очень провести три ночи в заколдованном замке.

Посмотрел на него король, и так как парень ему понравился, то сказал он:

— Вдобавок ты можешь попросить у меня еще три вещи, но это должны быть предметы неодушевленные; ты их можешь взять с собой в замок.

Парень ответил:

— В таком случае я прошу дать мне огня, столярный станок и токарный вместе с резцом.

Король велел отнести все это днем для него в замок. С наступлением ночи поднялся парень туда, развел в комнате огонь, поставил рядом с собой столярный станок, а сам на токарный уселся.

— Ах, если б стало мне страшно! — сказал он. — Но, пожалуй, я и здесь страху не научусь.

Собрался он в полночь разворошить огонь, стал его раздувать, и вдруг в углу что-то закричало: «Мяу-мяу! Как нам холодно!»

— Эй, вы, дураки, — крикнул парень, — чего кричите? Ежели вам холодно, то ступайте сюда, подсаживайтесь к огню и грейтесь.

И только он это сказал, как прыгнули к нему две громадные черные кошки, уселись рядом с ним по бокам и дико на него поглядели своими огненными глазами. Только они согрелись — и говорят:

— Приятель, а давай-ка в карты сыграем.

— Отчего же не сыграть, — ответил парень, — но покажите-ка сперва мне ваши лапы.

И выпустили кошки свои когти.

— Э-э, — сказал он, — да какие у вас, однако, длинные когти! Пойдите-ка, их надо будет сначала маленько пообстричь.

И он схватил кошек за шиворот, поднял их на столярный станок и крепко прикрутил им лапы.

— Я узнал вас по когтям, — сказал он, — и в карты играть у меня охота пропала.

Он убил их и выбросил за окошко в воду. Только угомонил он этих двух и хотел было подсесть опять к своему камельку, как вдруг появились из всех углов и закоулков черные

кошки и черные псы на раскаленных цепях; их становилось все больше и больше, и ему некуда было от них податься; они страшно кричали, наступали на огонь, разбросали его и хотели было его потушить.

Некоторое время он смотрел на это спокойно, но наконец это его разозлило, он схватил свой резец и крикнул:

— Прочь отсюда, сволочь! — и кинулся на них. Часть из них успела отскочить в сторону, а других он убил и выбросил в пруд. Потом он вернулся назад, раздул опять из искры огонек, и глаза стали у него смежаться: захотелось ему поспать. Оглянулся он и видит в углу большую кровать.

— Это как раз мне кстати, — сказал он и улегся на нее. Но только хотел он закрыть глаза, как начала кровать сама двигаться и покатилась по всему замку.

— Оно, пожалуй, ничего, — сказал он, — но лучше бы она остановилась.

Но кровать продолжала катиться, будто в нее запрягли шестерых лошадей, — через пороги и лестницы, то вниз, то вверх; и вдруг — гуп-гуп! опрокинулась кровать вверх ножками, и словно какая гора на него навалилась. Но парень посбрасывал с себя одеяла и подушки, выбрался и сказал:

— Ну, пусть себе катается тот, у кого есть на это охота, — лег у своего очага и проспал до самого утра.

Наутро явился король и, увидев, что парень лежит на земле, подумал, что его погубили привидения и что он уже мертвый.

И сказал король:

— А жалко мне парня-красавца.

Услыхал это парень, поднялся и говорит:

— Нет, до этого еще далеко!

Удивился король, обрадовался и спросил, что здесь с ним было.

— Все было хорошо, — ответил юноша, — одна ночь прошла, пройдут и две остальные.

Пришел парень к хозяину харчевни, а тот так и вытаращил глаза от изумления.

— Не думал я никак, — сказал он, — увидеть тебя в живых. Ну что, научился страху?

— Нет, — ответил тот, — все было попусту. Ах, если бы кто рассказал мне, что это такое!

На вторую ночь отправился парень опять в старый замок, подсел к камельку и завел снова свою старую песенку: «Если б стало мне страшно!» Наступила полночь, послышались шумы и стуки, сперва тихие, потом посильнее, потом опять стало тихо; и показалась наконец из трубы с громким воплем половина человека и рухнула прямо перед ним.

— Гей, — крикнул парень, — а где же другая половина? Этого мало!

Снова поднялся шум, все загрохотало, загремело, завывло, и вот выпала из трубы и другая половина.

— Постой, — сказал парень, — я сперва раздую для тебя огонек.

Раздул, оглянулся, видит — сомкнулись обе половины, и страшный человек уселся на его место.

— Такого уговору у нас не было, — сказал парень, — скамейка моя.

Хотел было человек его столкнуть, но парень не поддался, толкнул его со всей силы и уселся опять на свое место.

И выпало затем из трубы один за другим много еще таких же людей. Они притащили кости мертвецов и два черепа, расставили их и начали играть в кегли.

Захотелось и парню сыграть тоже, вот он и спрашивает:

— Послушайте-ка, вы, нельзя ли и мне с вами сыграть?

— Пожалуй, если деньги у тебя водятся.

— Денег достаточно, — сказал парень, — да кегли-то у вас недостаточно круглые.

Взял он черепа, поставил их на токарный станок, пообточил, и стали они покруглей.

— Так-то будут они лучше кататься, — сказал он. — Эге, теперь дело пойдет веселей!

Сыграл он с ними и проиграл немного денег. Но вот пробило двенадцать часов, и вмиг все перед ним исчезло. Он улегся и спокойно уснул.

Приходит на другое утро король узнать, как там было дело.

— Ну, каково пришлось тебе на этот раз? — спросил он.

— Да в кегли играл, — ответил парень, — и несколько геллеров проиграл.

— А разве тебе не было страшно?

— Да что вы, — сказал парень, — весело было. Эх, узнать бы мне только, что такое страх!

На третью ночь уселся парень опять на станок и с такой досадой говорит:

— Эх-х, если бы стало мне страшно!

А время уже подошло к ночи, и вот явилось шестеро громадных людей, они принесли погребальные носилки.

А парень и говорит:

— Ага, это, должно быть, мой двоюродный братец, что несколько дней тому назад умер, — и он поманил его пальцем и кликнул:

— Ступай сюда, братец, ступай!

Они опустили гроб на землю, парень подошел к нему и снял крышку: и лежал в нем мертвец. Пощупал парень ему лицо, и было оно как лед холодное.

— погоди, — сказал он, — я тебя маленько обогрею, — подошел к очагу, согрел руку и положил ее мертвецу на лицо, но тот остался холодным. Тогда вытащил парень мертвеца из гроба, подсел к камельку, положил мертвеца к себе на колени и начал растирать ему руки, чтоб кровь разошлась по жилам. Но когда и это не помогло, то парню пришло в голову: «Если лечь с ним в постель вместе, то можно будет лучше его согреть», — и он перенес мертвеца на постель, укрыл его и улегся с ним рядом. Тут вскоре мертвец согрелся и задвигался. А парень и говорит:

— Вот видишь, братец, я тебя и отогрел!

Тут поднялся мертвец и крикнул:

— А теперь я тебя задушю!

— Что? — сказал парень. — Так-то ты меня хочешь отблагодарить? Раз так, то возвращайся опять к себе в гроб, — и он поднял мертвеца, бросил его в гроб и прикрыл крышкой; потом явились шестеро человек и его унесли.

— Все никак не становится мне страшно, — сказал парень, — этак, пожалуй, я за всю свою жизнь страху не научусь!

Тогда выступил вперед один из людей, он был ростом повыше остальных и на вид такой страшный; но был он стар, и была у него длинная седая борода. — Ах ты мальчишка! — крикнул он. — Ты скоро узнаешь, что такое страх, ты должен умереть.

— Не так-то уж скоро, — ответил парень, — ведь я-то должен сам при этом присутствовать.

— Нет, уж тебя я схвачу, — пригрозило страшилище.

— Потише, потише, нечего руки протягивать! Если ты силен, то и я не слабей тебя, а может, и посильней буду.

— Это мы посмотрим, — сказал старик, — если ты посильней меня, то я тебя отпущу; подходи, давай-ка померяемся!

И он повел его по темным переходам в кузнецу, взял топор и одним махом вогнал наковальню в землю.

— Я сумею еще почище, — сказал парень, и подошел к другой наковальне.

Старик, желая посмотреть, стал рядом, и белая его борода опустилась до самой земли. Тут схватил парень топор, расколол наковальню надвое и зажег заодно бороду старика.

— Вот ты и попался, — сказал парень, — теперь твой черед помирать. Он схватил железный лом и кинулся с ним на старика. Начал старик стонать и просить над ним сжалиться и пообещал парню большие богатства. Вытащил тогда парень топор и отпустил старика.

Повел его старик опять в замок и показал ему в подземелье три сундука, полных золота.

— Одна часть золота, — сказал он, — беднякам, другая — королю, а третья часть — тебе.

Между тем пробило двенадцать часов, и дух исчез, и парень остался один в потемках.

— Однако выбраться отсюда я, пожалуй, сумею, — сказал он и стал пробираться ощупью; нашел дорогу в комнату и уснул у своего очага.

Приходит утром король и спрашивает:

— Ну что, теперь-то ты страху научился?

— Нет, — ответил юноша, — да и что тут было? Побывал здесь мой покойный двоюродный братец, и приходил какой-то бородач, много денег мне указал в подземелье, но что такое страх, так мне до сих пор никто и не сказал.

И сказал король:

— Ты замок этот расколдовал и можешь теперь на моей дочери жениться.

— Это очень хорошо, — ответил парень, — но что такое страх, я так до сих пор и не знаю.

Вот принесли наверх из подземелья золото и отпраздновали свадьбу, но молодой король, как ни любил свою жену и как ни был ею доволен, все же всегда повторял:

— Если бы стало мне страшно, если бы стало мне страшно!

Наконец ей это надоело. И говорит раз служанка королеве:

— В этом деле я помогу, уж он страху научится.

Пошла она к ручью, что протекал в саду, и набрала полный ушат пескарей. Ночью, когда молодой король уснул, стащила жена с него одеяло и вылила на него полный ушат холодной воды с пескарями, и начали маленькие рыбки прыгать и барахтаться по телу молодого короля, тут он проснулся да как закричит:

— Ой, милая жена, как мне страшно, как страшно! Да, теперь я уж знаю, что такое страх!

ТЩЕСЛАВНАЯ МЫШЬ

Английская сказка

В маленьком домике на берегу реки жила маленькая мышка. Однажды, гуляя по лесу, она нашла монетку. «Что бы мне такое на нее купить?» — долго размышляла она и, наконец, решила купить ленточку.

Маленькая мышка отправилась в лавку к кролику и выбрала красивую розовую ленточку. Вечером, надев самое красивое платье и повязав ленточку, она пригласила на чай соседа-петуха. Когда он увидел, как хороша в новом наряде его маленькая соседка, петух решил на ней жениться. Но мышке не понравился его громкий пронзительный голос, и она отказала жениху.

Проводив петушка домой, она присела у окошка. В это время мимо ее домика проходили утенок и ослик. Увидев очаровательную хозяйку, они без памяти влюбились в нее и тут же оба предложили ей руку и сердце. «Сначала я хочу услышать ваши голоса», — сказала привередливая мышка. Утенок принялся крякать, а ослик резко прокричал: «Иа-Иа!». Мышка в ужасе заткнула уши. «Сейчас же убирайтесь прочь!» — прокричала она и захлопнула окошко перед незадачливыми женихами.

Мышка легла спать, но ей не спалось и было почему-то очень грустно. Расстроенная, она присела на крылечке и увидела проходящего мимо песика.

«До чего ж ты хороша, маленькая мышка. Выходи за меня замуж!»

«Но я хотела бы сначала услышать твой голос».

«О, это совсем несложно», — сказал песик и громко залаял.

«До чего же груб твой голос. Я никогда не соглашусь стать твоей женой», — промолвила мышка.

На следующий день она отправилась за покупками в город и по дороге встретила котика. «Ох, как я мечтаю о такой жене! Наконец-то я встретил тебя, маленькая прелестница. Согласна ли ты осчастливить меня?» Слушая его мягкий, вкрадчивый голос, мышка, немея от счастья, промолвила: «Да».

Это была чудесная свадьба, и на свете не было невесты счастливее! Но под вечер котик проголодался и кинулся на свою невесту, пытаясь проглотить ее.

К счастью, мышке удалось вырваться из цепких кошачьих когтей. В разорванном свадебном наряде, рыдая, она сидела на бревнышке, проклиная свою чрезмерную разборчивость. Только сейчас она поняла, как внешность и голос могут быть обманчивы.

ПРИНЦЕССА, КОТОРАЯ МЕЧТАЛА О КОРОНЕ ИЗ РОСЫ

Китайская сказка

Жил-был богатый император, у которого была единственная наследница дочь. И была она настолько красива, насколько надменна и строптива. Она носила самые красивые платья из тончайшего шелка, затканного диковинными узорами, ее голову украшали самые большие драгоценные камни из императорской казны, но она была всем недовольна. Ей хотелось иметь что-то такое, чего не имеет ни один человек на свете.

Однажды на рассвете, гуляя по саду, она посмотрела на розы и пришла в ярость. На нежных розовых лепестках, как маленькие короны, сверкали капли росы, похожие на бриллианты самой чистой воды, и рассвет своим золотым отсветом делал их еще прекраснее.

— Значит, какие-то ничтожные цветы красивее меня, самой прекрасной девушки на свете! — закричала в бешенстве принцесса и в слезах побежала во дворец.

— Сейчас же сделайте мне корону из капель росы, — заявила она отцу-императору, — иначе я сейчас же умру.

Старый мудрый император понимал, что это невозможно, но поскольку он любил свою дочь больше всего на свете, он обещал ей выполнить ее просьбу.

Он собрал самых опытных ювелиров и объявил им, чтобы они через три дня сделали для принцессы корону из капель росы.

— Иначе вас казнят, — повелел он. — А вместе с вами и всех ваших близких.

Печальные ювелиры разошлись по домам и велели близким готовиться к смерти. Они понимали, что ни один человек на свете не смог бы выполнить причуду принцессы. Накануне третьего дня на пороге дворца появился старый-престарый ювелир, который сообщил стражникам, что хочет выполнить приказ и смастерить для принцессы корону из капель росы. Его привели к императору и принцессе, и, склонив седую голову, старец подтвердил свои слова.

— Но у меня есть одна просьба, — объявил старец.

— Говори, я все исполню, — ответила принцесса.

— Я хочу, — продолжал старец, — чтобы вы, ваше высочество, самолично собрали бы в саду те капли из росы, которые вам больше всего нравятся. Когда они будут у меня, я незамедлительно приступлю к работе.

Недолго думая, принцесса кинулась в сад. Было раннее утро, и все листья и цветы вокруг были покрыты капельками росы. Но как только принцесса прикасалась к ним, они таяли.

Принцесса металась от листка к листку, от цветка к цветку, собирая капельки, пока не пробежала весь сад. В самом дальнем его конце она увидела старого ювелира. Протянув ему ладонь, она увидела на ней лишь маленькую лужицу воды. Седой старик, улыбаясь, смотрел на нее, и принцессе стало очень стыдно. Она отпустила ювелира домой, щедро наградив его, и с того дня никогда больше не упоминала больше о своем капризе.

ЛОД, СЫН ФЕРМЕРА

Шотландская сказка

Жил был когда-то фермер, и был у него сын Лод, парень сильный, ладный, да и с головой на плечах. Как-то раз отец велел ему отнести большую миску овсянки работникам, что копали торф. Но по пороге Лод нечаянно вывалил на землю овсянку, так что работники остались без ужина и, когда вечером вернулись домой, пожаловались фермеру. Тот выругал Лода на чем свет стоит и выгнал из дома, приговаривая:

— Броди вот теперь по дорогам, сам ищи свой путь, а я тебя больше кормить не стану.

— Ну что же, уйду немедля, — отозвался Лод. — Ничего я у тебя не прошу, только дай мне железную дубинку — было бы мне чем защищаться, пока буду бродяжить.

— Дубинку ты получишь, — сказал фермер.

Пошел в кузницу и сковал дубинку в полпуда без малого.

— Вот тебе добрая дубинка, — говорит.

Лод взял дубинку, погнул ее и сломал.

— Скуй мне другую дубинку, — говорит, — такую, чтоб мне по силе была.

Отец вернулся в кузницу и сковал другую железную дубинку — в пуд весом без малого.

— Ну, уж эта-то дубинка тебе по силе будет, — говорит.

Но Лод опять погнул дубинку раз, погнул два, да и разломил ее надвое.

— Нет, не по силе мне и эта дубинка, — говорит. — Скуй другую, покрепче, попрочней.

Тогда фермер сковал третью дубинку в полтора пуда с лишком.

— Крепче этой дубинки во всем свете не сыщешь, — говорит.

Лод три раза гнул новую дубинку и на третий раз согнул ее чуть не пополам.

— Ну что ж, придется мне ее взять, — сказал он отцу. Потом положил дубинку на колено и разогнул. — Хватит уж докучать тебе!

И вот он простился с отцом и ушел из родного дома.

Немного погодя подошел он к дворцу одного короля и попросился к нему на службу.

— Что ты умеешь делать? — спросил его король.

— Я хороший пастух, — ответил Лод. — Сызмальства привык скот пасти.

— Ну, значит, повезло мне нынче, — отозвался король. — Ведь у меня что ни день — скотина пропадает, и никак я не могу найти хорошего пастуха, такого, что сумел бы ее устеречь. Хочешь мне послужить?

— Что ж, послужу, если ты мне такое жалованье положишь, какое мне требуется. А требуется мне вот что: десять гиней в год, да полмеры овсяной крупы в неделю, да столько молока, сколько нужно, чтоб из этой крупы кашу варить. Ем я только два раза в день: утром завтракаю, вечером ужинаю. Еще отведи мне хижину, чтоб мне в ней одному жить, и выдай большой котел и постель.

— Трудновато мне будет платить тебе такое большое жалованье, — сказал король. — Но ведь нужен мне пастух не простой; так и быть, найму тебя на полгода, а там видно будет.

Лод нанялся в пастухи к королю и стал пасти его стадо.

На другой день встал он спозаранку, сунул под мышку свою крепкую железную дубинку и погнал стадо на пастбище. Прошло сколько-то времени, и вот подошел он со стадом к месту, где рос колючий кустарник, и принялся собирать сушняк для костра. А скот пасся

поблизости на холмистой пустоши. Но Лод еще не успел набрать сушняку, как вдруг ближний холм затрясся под чьей-то тяжелой поступью и появился громадный страшный великан.

— Ты что делаешь, коротышка? — заревел великан.

— Ох, добрый сэр, — взмолился Лод, — не пугайте меня! Ведь я всякого пустяка боюсь. Я тут просто сушняк для костра собираю. А еще стадо пасу. Может, вы за скотиной пришли? Так берите ее, только меня не трогайте.

Великан схватил самую тучную корову в стаде и связал ей все четыре ноги вересковыми жгутами.

— Эй, ты, поди сюда, помоги мне корову на спину взвалить, — крикнул он Лоду.

— Ох, боюсь! Страшно мне к вам подойти, — отозвался Лод.

— Иди! Я тебя не трону, — сказал великан.

Тогда Лод подошел к великану и посоветовал ему:

— Да вы просуньте свою голову ей между ног, а я зайду сзади и взвалю корову вам на плечи.

Великан послушался, просунул голову между коровьими ногами, а Лод зашел сзади да как хватит его дубинкой — убил наповал. Тут Лод первым делом развязал ноги корове, потом отрезал голову великану и повесил ее на дерево среди зеленой листвы. А тело забросал кусками дерна из старой дерновой ограды, чтоб не видать было.

День прошел спокойно, а вечером Лод вернулся домой и привел с собой все стадо в целости и сохранности. Король вышел ему навстречу и диву дался.

— Как? Да ты все стадо привел в целости! — говорит.

— Привел, — ответил Лод. — А как же иначе?

Он не стал рассказывать королю про то, что с ним приключилось в этот день; решил, что лучше помалкивать.

На другой день Лод опять встал спозаранку и повел стадо на пастбище. И опять, как только подошел он к кустарнику на холме, принялся собирать сушняк для костра. Недолго пришлось ему этим заниматься — на вершине холма появился великан, и был он еще больше, чем вчерашний.

— Что ты тут делаешь, коротышка? — заревел он.

— Собираю сушняк для костра, добрый сэр, — ответил Лод. — Только не пугайте меня — ведь я всякого пустяка боюсь.

— А ты случаем не видел тут вчера человека с меня ростом? — спросил великан, нахмутив брови. — У моей матери младшенький пропал.

— Не видал я никого, — ответил Лод. — Да вчера меня тут и не было... А вы, может, корову у меня взять желаете? Так берите самую большую и хорошую и ступайте своей дорогой.

Великан отбил от стада лучшую корову (ту самую, что накануне отбил его брат, — не повезло ей, бедняге!) и связал ей ноги вересковыми жгутами. Потом крикнул Лоду:

— Поди сюда, помоги мне эту скотину на спину взвалить!

— Ох, нет! — отозвался Лод. — Боюсь я вас!

— Не бойся! Я тебя не трону, — сказал великан.

Затем дело пошло по-вчерашнему: не успел великан послушаться Лода просунуть голову меж коровьих ног, — как Лод хватил его своей крепкой дубинкой, отрезал ему голову и повесил ее на дерево среди зеленой листвы. А тело забросал кусками дерновой ограды, так,

чтобы никто, проходя мимо, его не заметил.

В тот вечер король опять вышел навстречу Лоду и опять диву дался, когда увидел, что стадо его возвращается в целости и сохранности.

— Говори, как ты провел день на холме, — приказал он. — Уж, наверное, увидел что-нибудь новенькое — найдется о чем порассказать.

— Нечего мне рассказывать. Там только и есть, что вереск, да кусты, да торфяной мох, а про них тебе рассказывать незачем — это для тебя не новость, — ответил Лод. Он решил помалкивать про свои приключения.

— Ну, — сказал король, — ты, как видно, хороший пастух, да и везет тебе. В жизни у меня не было пастуха, что приводил бы домой все стадо в целости и сохранности. Одному тебе удается.

Третий день прошел так же, как первый и второй: не успел Лод забраться в чащу кустарника на склоне холма, как третий великан пришел воровать скот. Был он еще громадней, чем его братья, но Лод одолел и его, так что теперь уже целых три головы висели на дереве среди зеленой листвы и три мертвых тела лежали, прикрытые дерном.

— Не может быть, чтобы нечего тебе было порассказать мне нынче, сказал Лоду король, когда под вечер вышел ему навстречу.

— А почему не может? — спросил Лод. — Рассказал бы я тебе про ручей, что течет по торфу, про рябину и поросли дикой горчицы, да ведь это тебе не занимательно будет.

— Поистине, такого пастуха, как ты, во всей нашей стране не найдется, — молвил король, — и ты с лихвой стоишь своего жалованья.

На другой день Лод проснулся и подумал: «Ну, что меня ждет сегодня? Неужто опять явится великан? Да побольше тех троих? Нет, не может быть!»

И вот он снова повел свое стадо на пастбище, а сам забрался в чащу кустарника и принялся собирать сушняк для костра. Немного погодя над холмом подул ветер, да такой сильный, что сорвал всю листву с деревьев. Но то был не ветер — то отдувалась великанша, громадная старая ведьма. Огромными шагами она подошла к Лоду и показала на него пальцем, похожим на коготь.

— Так вот ты где, негодяй, подлец, коротышка несчастный! — заорала она. — Ты моих трех красавцев сынов убил! Ну, уж теперь ты за это заплатишься!

Тут она бросилась на Лода и обхватила его руками, а он обхватил ее тоже, и стали они бороться. По земле, по камням катались, кровью залитые, торфом измазанные, вцепившись друг в друга мертвой хваткой. Старая ведьма была до того сильная, до того крепкая, что Лод не раз уж и с жизнью прощался, не раз думал: «Эх, враг мой близко, а друзья далеко!» Но вот он поднатужился, приподнял великаншу и переломил ей ноги и руки. Потом прижал ее к земле.

— Ну, карлица, какой дашь выкуп, если я избавлю тебя от мучений? спросил он.

— Выкуп большой, не малый, — ответила она слабым голосом. — Вон там, у входа в ту пещеру, зарыт сундук с серебром и сундук с золотом.

— Моими будут, — сказал Лод. — А теперь я избавлю тебя от мучений.

Отрезал ей голову и повесил ее рядом с головами трех великанов, а тело бросил у дерновой ограды.

В тот вечер король остановил его на дороге и спросил:

— Неужто с тобой и нынче ничего не приключилось, пока ты скот пас?

— Холмы стоят, как стояли, зеленый пышный папоротник растет, как рос, кроншнепы

летают в небе, как летали всегда, — ответил Лод. — Не могу я рассказать тебе ничего занимательного.

— Ну, — молвил король, — ты просто чудо, а не человек! Эх, что бы тебе раньше наняться ко мне в пастухи! Я тогда бы и горя не знал.

Следующий день прошел спокойно, — в первый раз с тех пор, как Лод начал пасти королевский скот, ничто его не потревожило. Но когда вечером он возвращался домой, его немало удивило, что король не вышел ему навстречу спросить, как прошел день. Вот пришел Лод во дворец и услышал, что все там плачут и стонут: оказалось, что королевской дочери грозит страшная судьба.

Лоду рассказали, что в тот самый день громадный великан о трех головах (ведь в те времена там было полным-полно великанов) спустился с гор ко дворцу и пригрозил убить всех людей до одного, если ему не отдадут королевны. Потом он ушел, но поклялся вернуться и выполнить свою угрозу, если королевну не приведут к нему в пещеру в тот же вечер. С великой скорбью решил король отдать ему дочь, чтобы спасти свой народ. Королевну уже готовились увести, как вдруг в последний миг косоглазый рыжеволосый повар короля вызвался проводить ее до пещеры в надежде получить за это хорошую награду.

— Я убью великана, — сказал он королю. — Но в награду выдайте королевну за меня.

Не хотелось королю брать в зятья своего косоного рыжего повара, но делать нечего — согласился. И вот повар с королевной отправились вместе к пещере великана незадолго перед тем, как Лод вернулся с холма.

Надо сказать, что Лод полюбил королевну, как только увидел ее; а увидел он королевну в окне дворца в первый же день своей службы у короля. И теперь, едва он услышал, в какой она страшной опасности, тотчас сам отправился к пещере великана. Под мышкой он нес свою крепкую железную дубинку — последнюю из тех трех, что сковал для него отец.

И вот он подошел к пещере и увидел королевну. Она, вся дрожа, стояла у входа, а косоый рыжий повар спрятался за камнем — он был трус, каких мало.

— Ах! — вздохнула королевна, когда увидела Лода. — Зачем ты пришел сюда? Мало того, что великан заберет меня, ведь он тебя убьет!

— Ну, что до этого, — возразил Лод, — так ведь он через себя не перепрыгнет, а я уже бивал таких, как он.

Тут из пещеры донесся страшный шум, и появился сам великан — громадное чудовище в звериных шкурах с тремя безобразными головами на толстой шее. В пещере была непроглядная тьма, и когда великан вышел на свет божий, он невольно зажмурился. А Лод, не будь промах, в тот же миг бросился на него и снес ему все три головы. Тут великану конец пришел. Но Лод ударил его с такой силой, что сам не удержался на ногах и ободрал себе руку. Тогда королевна оторвала лоскут от своего платья и перевязала его рану. Она себя не помнила от радости, что спаслась, и сразу же полюбила своего спасителя. И вот она стала просить Лода:

— Вернись со мной во дворец и потребуй, чтобы меня отдали тебе в жены!

Но Лод устал до смерти: ведь он весь день пас скот, а потом ему пришлось отшагать всю длинную дорогу до пещеры великана. И он сказал королевне, что сначала немножко поспит, а потом уже пойдет с нею во дворец. Лег на траву и закрыл глаза.

Все это время косоый рыжий повар прятался за камнем, но как только увидел, что Лод заснул, вышел из засады, подобрал все три головы великана, а королевну схватил за руку и потащил за собой. Она изо всех сил старалась вырваться и звала на помощь Лода. Но он спал

беспробудным сном, и ей волей-неволей пришлось вернуться во дворец вместе с поваром. Там повар показал королю великановы головы и сказал:

— Ну, королевну я спас. Теперь выполняй свое обещание — выдай ее за меня!

Король поневоле согласился и назначил день свадьбы.

Пир задали на славу, и когда гости собрались, король оглянулся вокруг, чтобы узнать, все ли его домочадцы в сборе. И вдруг нахмурился.

— Одного человека не хватает, — сказал он. — Где мой пастух?

— Вот я! — раздался голос за дверью, и на пороге появился Лод.

Он гневно впился глазами в негодяя повара, сидевшего на жениховском месте, и тот побледнел от страха.

— Отец мой, от великана меня избавил этот человек, а вовсе не повар, — молвила королевна. — Я знала, что он придет спасти меня от такого жениха, как уже спас от великана.

— Чем ты докажешь, что это он тебя спас? — спросил король.

Тут королевна встала и подошла к Лоду. А у него рука все еще была перевязана лоскутком от ее платья.

— Смотри — он поранил себе руку, когда снес великану головы, — молвила она и показала отцу то место на своем платье, от которого оторвала лоскут.

Тогда король ей поверил. Он выгнал из своей страны косоногого рыжего повара, а Лода, фермерского сына, повенчали с королевной, к общей радости и ликованию. И если последний день свадебного пиршества был не самым лучшим днем, то уж, во всяком случае, и не самым худшим из всех этих праздничных дней.

Когда торжества окончились, Лод привел жену и тестя на то место, где он пас скот, и показал им головы трех великанов и великанши, что висели на дереве. Наконец-то король узнал о том, что приключилось с Лодом в первые дни его службы.

Потом они вырыли сундук с серебром и сундук с золотом, что были зарыты у входа в ближнюю пещеру, и до конца дней своих жили не тужили. И если они не умерли, то, значит, еще живы.

ЧУДЕСНЫЕ ЗЕРНА

Китайская сказка

Давным-давно было в Тибете обширное государство Було. Жители его не знали другой еды, кроме говядины и баранины, не пили других напитков, кроме ячьего и козьего молока.

О вкусной цзамбе, что из зерен ячменя делают, никто даже и не слышал.

Жил в Було один кузнец, мастер на все руки.

У того кузнеца был сын по имени Ачу, юноша умный, добрый и отважный. Однажды от чужеземных купцов, прибывших в Було с разными товарами, Ачу услышал, что есть такое растение — ячмень, а зерна у него золотистые. Эти чудесные зерна, сказали купцы, хранятся в пещере могучего горного духа Жуды, а живет Жуда за девяносто девятью высокими горами и девяносто девятью широкими реками.

И решил тогда Ачу отправиться к горному духу и попросить у него семян ячменя для своего народа.

Долго не соглашались родители отпустить своего единственного сына в такой трудный и опасный путь. Но юноша был настойчив, и родители скрепя сердце уступили.

Двадцать приятелей Ачу вызвались ехать вместе с ним к горному духу. Всем им кузнец выковал по доброму мечу, и ранним летним утром двинулись они в дальнюю дорогу.

Долго ехал Ачу со своими спутниками. Только перевалят через одну гору — перед ними сразу же другая вырастает. Только переправятся через одну реку — встречается на пути следующая.

То один, то другой гибли по дороге удальцы, сопровождавшие Ачу. Кто в глубокую пропасть свалился, кто в быстрой реке утонул, кого дикие звери разорвали или ядовитые змеи ужалили. Словом, когда девяносто восемь гор и девяносто восемь рек остались позади, в живых остался один Ачу.

Держа на поводу своего коня, шаг за шагом стал взбираться юноша на девяносто девятую гору. И на перевале, под высокой сосной, увидел старую женщину, которая пряла шерсть. Подошел к ней Ачу, почтительно поклонился и спросил, где находится обитель горного духа Жуды и как до нее добраться.

— Кто ты такой и зачем тебе нужен Жуда? — спросила его старуха.

Ачу рассказал ей, откуда он и что привело его сюда.

Понравился старухе — а была это богиня земли — вежливый и красивый юноша, и она сказала:

— Жуду найти очень легко. Спустишься с горы — увидишь реку. Переправься через нее и иди вверх по реке. У истока реки встретится тебе огромный водопад. Там три раза выкрикни имя горного духа, и он явится перед тобой.

Дошел Ачу до истока девяносто девятой реки и увидел водопад, с шумом несся он с высокой горы. Стал Ачу лицом к водопаду и громко произнес:

— Уважаемый горный дух Жуда! Явись мне, сделай милость, есть у меня к тебе дело!

Прокричал так три раза, и вдруг из струи водопада появился огромный старик. Голова его возвышалась над горой, а борода свисала до самой реки, сама на водопад походила.

— Кто меня звал? — громовым голосом спросил горный дух. — Уж не ты ли, юноша? Откуда ты пришел и зачем я тебе?

— Почтенный горный дух Жуда, — ответил ему Ачу, — я пришел сюда из государства Було. Говорят, что у тебя есть семена ячменя. Дай мне немного этих семян, и я отнесу их своему народу.

— Ты ошибся, юноша, — засмеялся горный дух, — у меня никаких семян нет. Ячмень выращивает царь змей Кабула, у него одного есть зерна ячменя.

Опечалился Ачу. Стал он горного духа расспрашивать, где обитает царь змей и как у него зерна ячменя раздобыть.

— Царь змей, — отвечает ему дух, — живет в большой горной пещере, отсюда в семи днях пути на быстром коне. Но он очень свиреп и скуп. Кабула ни за что не захочет поделиться с людьми своими зернами. К нему многие за ячменем приходили, да он всех их в собак превратил и съел. Пойдешь к нему — он и тебя в пса превратит, а потом съест.

— Я не боюсь, — сказал Ачу горному духу, — мне бы только семена ячменя добыть!

Понравился горному духу отважный юноша, и он рассказал, как добратся до царя змей Кабула.

— Чтобы добыть зерна ячменя, — сказал под конец Жуда, — есть только один способ: их надо выкрасть у Кабулэ. Осенью царь змей ссыпает зерна в мешки и складывает их за своим тронем. Трон этот охраняют сто стражников. Раз в десять дней царь змей отправляется в гости к повелителю драконов. Но не успеет сгореть благовонная свечка, как он уже возвращается обратно. Однако стражники всегда пользуются этим случаем, чтобы немножко вздремнуть. Вот за это время и надо успеть выкрасть из пещеры Кабулэ эти зерна. — Затем горный дух достал из-за пазухи шарик величиной с горошину и протянул его Ачу: — Я уже стар и не могу тебе помочь. Прими от меня в подарок эту Жемчужину ветров. Держи ее у себя, а надо будет, возьми в рот — сразу быстрее ветра помчишься. Запомни также: если даже царь змей и превратит тебя в собаку, не пугайся. Постарайся найти девушку, которая полюбила бы тебя и в обличье собаки. Воротишься с ней домой — снова обретешь человеческий облик. Ну, ступай! Желая тебе, юноша, удачи!

Сел Ачу на коня и отправился в путь. Добравшись до владений царя змей, он снял с седла мешок с едой, освободил коня от уздечки и отпустил его. Сам же закинул мешок за спину и полез на гору, где обитал царь змей Кабулэ. Напротив пещеры царя змей нашел Ачу маленькую пещерку, выложил ее сухой травой и ветками, улегся и стал наблюдать за входом в обиталище грозного Кабулэ.

Наступил день, когда Кабулэ отправлялся в гости к повелителю драконов. Задремал Ачу, как вдруг разбудил его мелодичный звон колокольчиков. Выглянул Ачу и видит: царь змей, в чешуйчатом халате, обшитом серебряными колокольчиками, выходит из своей пещеры.

Понял юноша, что Кабула отправляется в гости к повелителю драконов.

Быстро выбежал он из своего убежища, а когда добрался до пещеры царя змей, то увидел у входа спящих стражников. Только он хотел пробраться внутрь, как снова послышался звон серебряных колокольчиков. Это возвращался царь змей. Тут стражники зашевелились и стали подниматься, а Ачу бросился в траву, затаив дыхание, а потом тайком вернулся назад.

Долго думал юноша, как бы ему изловчиться и суметь до возвращения царя змей раздобыть семена ячменя. И наконец придумал.

Только царь змей покинул свою пещеру, как Ачу подбежал к высокому дереву, ловко забрался на него, привязал к толстой ветке веревку и, держась за ее свободный конец, отважно бросился через пропасть. Длинная веревка перенесла его прямо к входу в

обиталище Кабула.

Осторожно обойдя спящих стражников, Ачу вошел внутрь пещеры. Там было темным-темно, и ему пришлось пробираться вперед, держась одной рукой за стену. Наконец юноша достиг главного зала. В зале перед большим золотым тронем горел огонь, ярко озаряя все помещение. Около трона спали стражники, а за тронем стояли мешки с зерном.

Стал Ачу насыпать золотистые зерна в мешок на груди. Насыпал — и к выходу! Да забыл впопыхах об осторожности и нечаянно задел двух стражников. Стражники вскочили, преградили юноше путь, но Ачу не растерялся. Бросил он в глаза стражникам горсть зерна и схватился за меч. Пока стражники протирали глаза, юноша успел выскочить из пещеры. Но шум разбудил других стражников. Словно рой пчел, окружили они юношу. Рассыпая удары направо и налево, отважный юноша вырвался из их кольца и кинулся бежать.

Но, на свою беду, он побежал прямо навстречу возвращающемуся царю змей. Впереди — царь змей, позади — стражники. Тогда Ачу быстро сунул в рот Жемчужину ветров и бросился с отвесной скалы в горное ущелье. Сразу же загредел гром, засверкали молнии, и Ачу превратился в желтую собаку. Но, помня наказ горного духа, он бежал все дальше и дальше. Одним прыжком перелетал через ущелья, переносился через высокие горы. Сзади все гремели раскаты грома и сверкали молнии, но они уже не могли испугать Ачу.

Долго бежал Ачу, превращенный в желтую собаку, пока не добрался до пограничного с Було княжества Луджо. В Луджо также не сеяли злаков, лишь несколько фруктовых деревьев росло вблизи замка тусы — местного князя. А вокруг расстилалась дикая степь, там паслись стада яков и овец.

От жителей княжества Ачу услышал, что имя их тусы Кэньпан. У Кэньпана было три красавицы дочери: старшую звали Цзэтан, среднюю — Хамуцо, младшую — Эмань. Из всех троих Эмань была не только самой красивой, но и самой доброй девушкой. Она помогала всем бедным людям, никогда не обижала животных, и даже пугливые птички брали корм из ее рук.

«Только Эмань может спасти меня», — подумал Ачу, вспомнив о словах горного духа. Он решил отыскать ее, подарить доброй девушке семена ячменя и подружиться с ней.

Несколько дней бродил Ачу, превращенный в собаку, вокруг замка тусы Кэньпана. Наконец он увидел, как Эмань вышла из замка и начала собирать на лужайке цветы. Ачу подбежал к ней, стал радостно лаять, тихонько хватать зубами за подол и вилять хвостом. Девушке очень понравилась красивая желтая собака. Она наклонилась и погладила собаку по голове. Собака же поглядела на Эмань по-человечески умными глазами и показала лапой на мешок, висевший у нее на шее.

Эмань сняла мешок с шеи Ачу, осторожно развязала его и увидела там золотистые зерна. Но девушка не знала, что это за зерна и какая от них польза. Тогда собака опять дернула ее за подол, а затем вырыла в земле небольшую ямку и начала показывать носом то на семена, то на ямку. Наконец Эмань поняла желание собаки и стала бросать золотистые зерна в ямки, вырытые Ачу, и засыпать их землей. Долго работали они, пока не посеяли все семена. Затем Эмань вернулась в замок, но уже не одна, а с желтой собакой. Добрая девушка полюбила свою красивую и ласковую собаку, а собака ни на шаг не отходила от своей хозяйки. Умные глаза собаки с любовью и тоской смотрели на Эмань.

Но вот наступила осень. Созрели все плоды, толстый слой жира нагуляли яки и овцы. Для дочерей тусы Кэньпана пришло время выходить замуж.

В один прекрасный осенний вечер на лужайке перед замком тусы было устроено

веселое гулянье. Со всех окрестных мест собралось сюда знатные люди со своими женами, сыновьями и дочерьми. Много песен было пропето, много танцев перетанцовано, много чаю с молоком, солью и сливочным маслом выпито.

Но вот наконец наступило время последнего танца — танца выбора мужей дочерьми тусы Кэньпана. Этот танец, согласно древнему обычаю, девушки должны были танцевать с фруктами в руках и вручить эти фрукты своему избраннику.

Первый круг протанцевали дочери тусы, и старшая сестра, отдав свои фрукты сыну главного советника, вышла из танца. Второй круг танцуют оставшиеся две сестры, и средняя сестра, вручив фрукты сыну соседнего тусы, также закончила танец. А Эмань прошла в танце и третий круг, но так никого себе и не выбрала. Много красивых юношей было среди собравшихся, но девушке казалось, что каждому из них чего-то недостает, и она никому не могла отдать предпочтение.

А юноши уже начали шептаться между собой.

— Кого же в конце концов выберет Эмань себе в мужья? — говорили они. Всем хотелось назвать своей женой эту умную, красивую и добрую девушку.

Четвертый круг пошла танцевать Эмань и вдруг увидела свою любимую желтую собаку. С мокрыми от слез глазами сидел Ачу среди гостей, и, кружась в танце, она невольно приблизилась к желтой собаке. Девушка, конечно, и не думала выбирать себе в мужья собаку. Но, подойдя к ней, она случайно поскользнулась, фрукты выпали из ее рук и подкатились прямо к собаке.

— Эмань выбрала себе в мужья собаку! Эмань выбрала себе в мужья собаку! — злоратно закричали юноши, напрасно ожидавшие от нее фруктов.

Даже старшие сестры, и те не пожалели бедную девушку, а стали вместе со всеми насмехаться над ней.

Тусы Кэньпан был очень гордый и самолюбивый человек. Видя, как люди высмеивают его дочь, он страшно разгневался и, указывая на Эмань, закричал сердито:

— Раз ты полюбила пса и перед всем народом выбрала его себе в мужья, то уходи отсюда вместе с ним и никогда больше не возвращайся в мой замок!

Зарыдала Эмань и пошла прочь, а желтая собака не отставала от нее ни на шаг.

Пришла Эмань на поле, где сажала ячмень, и видит: стоят повсюду налитые зерном желтые колосья, склоняются перед ней, словно в приветствии. Пала Эмань на землю, обняла свою собаку и зарыдала горше прежнего.

— Не надо так плакать, умная, прекрасная Эмань, — вдруг сказала ей собака человеческим голосом.

От неожиданности девушка даже рыдать перестала, потихоньку всхлипывая, с удивлением и испугом посмотрела на свою собаку.

— Не удивляйся и не бойся, — продолжал Ачу, — я человек, а не собака.

— Ты человек?! Почему же ты принял облик собаки?! — воскликнула Эмань.

Вздохнул Ачу и произнес:

— Тебе, конечно, известно про страну Було. Так вот, я сын кузнеца из той страны. Наши жители, как и жители твоего княжества, никогда не сеяли ячмень и не ели пищи, приготовленной из его зерен. Поэтому я похитил семена ячменя у царя змей Кабулэ, а он в отместку за это превратил меня в пса. Но я могу вновь стать человеком.

Посмотрела Эмань на спелую ниву ячменя, на собаку, стоящую перед ней, и показалось ей, будто стоит около нее не желтый пес, а красивый и отважный юноша.

Нагнулась она к собаке, обняла ее и спросила дрожащим голосом:

— И когда же ты сможешь снова стать человеком?

— Когда меня полюбит чистой любовью какая-нибудь девушка, — отвечал ей Ачу.

— Я люблю тебя! — воскликнула Эмань. — Я по-настоящему люблю тебя! Почему же ты не превращаешься в человека? Чем я могу тебе помочь?

— Если ты действительно любишь меня, — сказал Ачу, — то сначала собери спелые колосья ячменя, сшей мешок и насыпь туда зерна. Мы пойдем в мою страну, станем по дороге сеять ячмень. Пусть он будет в радость людям! А придем ко мне на родину, и я опять стану человеком.

Эмань принялась быстро собирать урожай. Затем она сняла свой передник, сшила из него мешок и наполнила его зернами ячменя.

Долго шли Ачу и Эмань и повсюду сеяли золотистые зерна. Наконец впереди показался большой город:

— Здесь я тебя покину, — сказал Ачу, обращаясь к девушке. — Не хочу, чтобы мои земляки видели тебя рядом со мной, пока я нахожусь в обличье желтой собаки. Войдешь в город, спроси у прохожих, где кузнец живет, и иди прямо туда. — С этими словами Ачу быстро скрылся из глаз.

У городских ворот Эмань спросила прохожих, где находится дом кузнеца.

— Дойдешь до базара, — отвечали ей, — там тебе каждый покажет.

Только Эмань к базару подошла, как навстречу ей выскочила желтая собака. Немного не добежав до девушки, собака вдруг остановилась и исчезла в облаке белого дыма, внезапно окутавшем ее. Облако дыма быстро рассеялось, и на месте собаки Эмань увидела высокого красивого юношу. Это и был Ачу. Он взял Эмань за руку и повел к своим родителям.

Заплакали от радости отец и мать Ачу, увидев своего единственного сына живым и невредимым. Не знали они, как и благодарить красавицу Эмань, освободившую их сына от злых чар царя змей.

А вскоре в доме кузнеца состоялась веселая свадьба Эмань и Ачу. Много простого народа было на этой свадьбе. Во время свадебной церемонии одна за другой слагались песни в честь новобрачных. Одни из них славил отвагу Ачу, добывшего своему народу зерна ячменя. Другие воспевали доброту и верность красавицы Эмань.

С тех пор по всему Тибету выращивают ячмень, и люди научились делать из его золотистых зерен вкусную цзамбу, ставшую любимой пищей тибетцев.

КРАСАВИЦА НАСТО

Карельская сказка

Жил когда-то в одной деревне парень. Женился он на девушке, издалека привез ее к себе домой. Дружно стали жить, но молодая жена что-то грустная ходит. Муж и говорит ей:

— О чем ты все тоскуешь?

Она ему отвечает:

— Хорошо мне с тобой, да дом родной забыть не могу, оттого и тоскую.

Муж ей верит и не верит: в жизни не знал тоски. А жена нет-нет и вздохнет украдкой, глаза невеселые. Захотелось мужу испытать, что это такое — тоска по дому, говорит жене:

— Пойду-ка я в чужие края, наймусь в работники, поживу и посмотрю, есть ли на свете тоска или нет.

И ушел в далекие края, нанялся в работники к одному купцу. Дал ему купец новые сапоги и сказал:

— Я тебя возьму в работники с таким условием: будешь служить у меня до тех пор, пока эти сапоги не износишь.

Долго ли сапоги износить! Согласился молодой муж и стал на купца работать. Работает, работает, а сапоги все как новенькие. Много ли, мало ли времени прошло — стало ему тоскливо. То жену вспомнит, то дом родной. Смотрит на сапоги: не износились ли? Куда там! Все такие же, как в первый день.

Шел он как-то с поля, соху на плече нес. Идет навстречу человек. Смотрит — земляк! Обрадовался, про все расспрашивает: и про жену, и про дом, и про то, про се. Даже соху не догадался на землю опустить. Вот что значит земляка встретить!

Пришел в дом купца, задумался: «Вот и мне довелось узнать, что такое тоска по дому. Правду жена говорила». Прожил он у купца много лет. А сапогам износу нет.

Шел он однажды лесом, смотрит — избушка. Постучался, дверь открыл, видит — сидит в избе старушка. И спросил он у старушки:

— Не знаешь ли, бабушка, что это за сапоги на мне? Из какой кожи сшиты? Восемнадцать лет ношу их, а они все не изнаются!

Говорит ему старушка:

— Сапоги твои не простые, а заколдованные. Но я тебе дам совет. Как придешь домой, к хозяину своему, так сними сапоги и брось их незаметно в печку. А утром достань. Они сгореть не сгорят, да зато быстро изнаются. Тогда и службе твоей у купца конец.

Так и сделал муж. Сапоги в печку бросил, утром достал, обулся, они враз и развалились.

Пришел он к хозяину:

— Ну, хозяин, сапоги мои истрепались. Теперь срок мой кончился!

Делать нечего, дал ему купец расчет и домой отпустил. Идет он домой, ног под собой от радости не чувствует.

А день был жаркий, и начала его жажда мучить. Вдруг увидел он ручей. Нагнулся, чтобы попить, а водяной вцепился ему в бороду и не пускает.

Взмолился мужик:

— Батюшка водяной, отпусти ты меня! Я дома восемнадцать лет не был!

А водяной его за бороду держит и говорит:

— Не отпущу, покуда не пообещаешь отдать мне то, чего дома у себя не знаешь!

Обрадовался муж: эка задача, да он дома у себя, поди, все знает. И пообещал водяному то, чего дома не знает.

Водяной его отпустил, он и пошел домой.

Приходит домой, а жена его с дочкой встречает. Не знал, не ведал, что пока у купца служил, жена его дочку родила — красавицу Насто.

Пока он на чужбине был, Насто выросла и невестой стала. Да такой красивой, что ни в сказке сказать, ни пером описать: ни в верхнем, ни в нижнем мире, ни на земле, ни в подводном царстве такой не сыщешь:

По локоть руки в золоте,
По колено ноги в серебре,
На макушке ясно солнышко,
На височках ярки звездочки,
На каждом волоске по жемчужине!

Обрадовались жена и дочь, от счастья не знают, куда мужа, куда отца посадить, чем угостить!

А он сидит невесел: ведь дочь свою единственную водяному обещал!

Как остались муж с женой вдвоем, жена его и спрашивает:

— Что это ты, муженек, невесел? Тебе бы радоваться, что домой вернулся, а ты печален!

Он ей все и рассказал:

— Вот отчего я печален. Как нагнулся я в дороге дальней к ручью воды напиться, так водяной меня за бороду схватил. «Обещай, говорит, что отдашь мне из дому то, чего и сам не знаешь!» Откуда мне было знать, что ты дочку родила? Я и обещал.

Заплакала жена и сказала:

— Чему быть, того не миновать. Только своими глазами видеть, как водяной нашу дочь любимую со двора уведет, я не могу. Давай, уйдем пораньше из дому, а Насто оставим здесь. Без нас беде быть, все легче жить.

Ушли отец с матерью ночью из дому. А красавица Насто одна осталась.

Утром встала — дома нет никого. Вышла Насто во двор, а там одна коза старая бродит. Обняла девушка козу и заплакала.

Коза ей и говорит:

— Не плачь, не горюй. Лучше запряги меня, в санки соломы положи, а сама в ней заройся.

Запрягла Насто козу, сама в соломе зарылась. И пошла коза, санки повезла куда глаза глядят.

Едут они — вдруг навстречу толпа водяных идет. Спрашивают у козы:

— Красавица Насто ждет ли нас?

— Ждет, ждет! — отвечает коза. — Столы накрыты, самовары кипят, свечи горят.

Пошли водяные дальше своей дорогой, побежали к дому, где Насто жила, а коза с девушкой тем временем далеко ушла.

Приехали в одну деревню, вылезла Насто из соломы. Попросилась в дом переночевать. Люди глаз оторвать от Насто не могут: видеть не видели, слышать не слышали о такой

красоте. Ведь у нее:

По локоть руки в золоте,
По колено ноги в серебре,
На макушке ясно солнышко,
На височках ярки звездочки,
На каждом волоске по жемчужине!

Прослышал о ней царский сын, сам в ту деревню прискакал.
Понравилась ему девушка, полюбилась. И решил он на ней жениться.

А Насто сказала ему:

— Ты мне люб, царевич, и согласна я за тебя замуж пойти, но обещай только, что никогда ты меня с козой моей не разлучишь. Где я буду, там и она должна быть. Где я стану есть, пить, там и старая коза эта чтобы пила и ела.

Царевич сказал:

— Пусть по-твоему будет. Для тебя что хочешь сделать готов!

Увез царевич красавицу Насто во дворец и козу с ней вместе взял. Стали они жить-поживать.

Вот прошло времени столько, а может, еще больше, родила Насто сына красоты необыкновенной, под стать ей самой.

Прослышала о том колдунья Сюоятар, старухой обернулась, пришла во дворец в няньки наниматься.

А царевич-то не знал, кто она, взял ее в няньки.

Повела нянька красавицу Насто с ребенком в баню. А баня-то на берегу озера стояла. Подвела к воде и крикнула:

— Эй, водяные! Вот она, обещанная, возьмите ее!

Только вымолвить успела, поднялись из воды руки, схватили красавицу Насто и утянули под воду.

А вместо нее Сюоятар свою дочь во дворец привела. Увидел царевич Сюоятарову дочь безобразную, подумал:

«Была моя жена красавицей, а как сына родила, видно, некрасивой стала!»

А ребенок день и ночь без матери родной плачет. Да что ребенок — сады цвести перестали, цветы завяли, птицы умолкли.

Невлюбила дочь Сюоятар старую козу красавицы Насто. Говорит царевичу:

— Уберите ее прочь с глаз моих! А еще лучше — зарежьте!

Диву дается царевич: что с женой стало? То в козе своей души не чаяла, только что за стол не сажала, а тут зарезать просит.

Сказала коза слугам царским:

— Вы не режьте меня, слуги добрые! Сперва пустите в поле широкое, на зеленый лужок попастьись, а уж потом убивайте.

Пожалели слуги царские старую козу, отпустили в поле широкое, на зеленый лужок. А коза на берег озера пришла и крикнула:

— Водяной, водяной, отпусти красавицу Насто! Позволь мне на прощание ей хоть одно слово сказать!

Привязал водяной к ноге Насто золотую цепь, отпустил красавицу на берег. Обняла Насто свою старую верную козу, и заплакали они обе. А потом сказала коза:

— Пришла я с тобой, Насто, прощаться. Зарежут меня скоро!

Поплакали бы они еще, да в это время водяной потянул за цепь, и скрылась Насто под водой.

Пришла коза домой в слезах, в печали глубокой.

А Сюоятарова дочка опять говорит:

— И чего ее держат, козу шелудивую? Зарежьте ее!

Повели слуги козу резать, а она им и говорит:

— Слуги, слуги, погодите меня резать! Отпустите меня, старую, перед смертью в поле широкое, на зеленый лужок попастьись!

Пожалели ее слуги, отпустили в широкое поле, на зеленый лужок погулять, попастьись.

А царевич-то все удивляется, никак в толк не возьмет: вчера жена в козе души не чаяла, а сегодня резать просит. Почуял он что-то недоброе, тайком за слугами пошел, а как они козу отпустили, за ней прокрался, посмотреть хотел, куда коза ходит, для чего отпустить просится. Спрятался за камнями и стал ждать.

Подошла коза к воде и крикнула:

— Водяной, водяной! Отпусти красавицу Насто на бережок! Позволь мне ей три слова сказать!

Вышла красавица Насто на берег, золотой цепью звенит. Обняла старую козу, и обе — и Насто, и коза — заплакали. А потом коза сказала:

— Прощай, моя ненаглядная Насто! Зарежет меня сегодня Сюоятарова дочка!

Только сказала — потянул водяной золотую цепь и утащил красавицу Насто в озеро. А коза на берегу осталась плакать.

Подошел к ней царевич и сказал:

— Не плачь, коза верная! Иди спокойно домой, а я за тобой следом приду.

Идет царевич вслед за козой, думает, как ему жену спасти, а Сюоятар с дочкой вместе со света сжить.

Пошел в кузницу, отковал молот себе по руке — большой, тяжелый.

Наутро козе сказал:

— Иди, коза, в широкое поле, на зеленый лужок!

А сам следом пошел.

Пришла коза на берег, к воде подошла, крикнула:

— Водяной, водяной! Отпусти красавицу Насто в последний раз со мной повидаться, перед смертью моей попрощаться!

Вышла красавица Насто на берег, золотой цепью звенит. Выскочил тут из-за камня царевич, молотом так хватил, что разлетелась цепь золотая на мелкие куски.

Сказал он красавице Насто:

— Жена моя любимая! Я тут, твой муж!

А Насто к нему кинулась, заплакала:

— Не будет нам жизни, не видать нам счастья! Ты меня освободил, а злая Сюоятар все равно погубит!

А царевич сказал ей:

— Об этом не печалься — я знаю, что делать.

Пошли они вместе домой. Царевич жену и козу ее верную в амбаре спрятал. Сам пошел,

приказал слугам баню затопить, а под порогом ее котел с кипящей смолой в землю врыть да тропку от дома до самой бани красным сукном устлать.

Когда все готово было, зашел во дворец и сказал Сюоятар и ее дочери:

— Суббота сегодня, пора в баню идти. Все готово уже, баня истоплена. Пожалуйте обе по красному сукну к жаркому полку!

Пошли Сюоятар с дочкой в баню. Идут по красному сукну, вышагивают, головами во все стороны вертят, смеются:

— Хе-хе! Ха-ха! Только нам такая честь — по красному сукну да к банному полку!

Только порог бани перешагнули — провалились и упали обе в котел с кипящей смолой. Там и сварились.

А царевич с красавицей Насто зажили счастливо. Тут бы и сказке конец, да что-то загрустила Насто, затосковала. И повез ее царевич в далекие края, туда, где ее родители жили — отец с матерью. Только подъехали, а родители их у дороги встречают.

Насто и говорит:

— Или вы ждали меня, или не ждали?

А отец ей отвечает:

— Как не ждать, доченька, коли знал я, что нет силы сильнее, чем тоска по дому родному.

Обнялись они и на радостях заплакали.

Вот и сказка вся.

БЕЛЫЙ ГОЛУБОК

Шотландская сказка

Жил-был один батрак. Он работал на чужих полях, — тем и зарабатывал себе на жизнь. У него был сынок по прозвищу «Кудри Кольцами». А дочку его прозвали «Золотые Косички».

Но вот жена батрака умерла, и дети остались без присмотра — ведь отец их на целый день уходил в поле. Он боялся, как бы с ними не случилось чего, и в один недобрый день женился.

Вторая его жена была хитрая баба — до свадьбы притворялась, что любит детей, а на самом деле ненавидела их. И так она обижала обоих ребят, такая была сварливая, что старик, ее муж, то и дело вздыхал и горько каялся, что не остался вдовцом. Но слезами горю не поможешь, а злой жены не выгонишь.

Так прошло несколько лет. Дети подросли, стали выбегать из дома, играть во дворе без присмотра.

Как-то раз старик поймал зайца, принес домой и велел жене сварить его на обед. Стряпала она хорошо, и похлебка из зайца вышла у нее превкусная. Но мачеха была обжора, и пока похлебка варилась, она все пробовала и пробовала ее и до того допробовалась, что от зайца ни кусочка не осталось. Тут она всполошилась. Подумала: скоро муж с работы придет, а ей нечем его покормить.

И как вы думаете, что сделала злая мачеха? Вышла во двор, где ее маленький пасынок Кудри Кольцами играл на солнышке, и позвала его в дом: сказала, что хочет его умыть. И вот стала мачеха умывать ребенка и вдруг как стукнет его молотком по головке. Потом сунула в котел.

Немного погодя старик пришел с работы, и мачеха подала котел с похлебкой. За стол сели втроем: старик, его дочка Золотые Косички и ее мачеха.

— А что ж Кудри Кольцами не идет? — спросил старик. — Похлебка остынет. Куда он подевался?

— А я почему знаю? — огрызнулась мачеха. — Мало у меня хлопот, что ли? Не хватает только, чтобы я за этим постреленком гонялась!

Старик промолчал. Окунул ложку в похлебку и вытащил из котла крошечную ножку.

— Да ведь это ножка нашего мальчика! — крикнул он. — Неужто его погубили?

— Что ты за чушь городишь! — возразила мачеха и расхохоталась, словно что-то смешное услышала. — Да как же могла его ножка попасть в похлебку? Вглядишься получше — это же задняя заячья лапка. Лапки-то у зайцев точь-в-точь как детские ножки.

Старик опять промолчал. Но тут же выловил ложкой ручонку.

— Смотри — это ручка нашего мальчика! — закричал он. — Неужто не узнаешь? Я ее по мизинчику узнал.

— Да он с ума спятил! — воскликнула мачеха. — Не видит, что это передняя заячья лапка!

Бедный старик не проронил ни слова больше, но похлебки есть не стал и ушел на работу, очень беспокойный — все его какое-то сомнение брало.

А дочка его, Золотые Косички, обо всем догадалась. Собрала косточки в передник и

зарыла под плоским камнем близ куста белых роз за порогом домика.

И вдруг:

Обросли эти косточки телом
И стали голубем белым.
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Голубок этот полетал-полетал, потом сел в траву у ручья. Тут две женщины полоскали одежду. Посидел-посидел голубок, поворковал, потом тихонько запел:

Гуль-гуль-гули, гуль-гуль-гули, гуль-гуль-ла,
Меня мачеха со свету сжила
И отцу на обед подала,
А сестрица косточки сохранила,
Под белым камушком схоронила.
Обросли мои косточки телом,
И стал я голубем белым.
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Женщины перестали полоскать одежду и переглянулись, не помня себя от удивления. Ведь не каждый день услышишь, как птица поет человеческим голосом. И они догадались, что это не простая птица.

— Спой нам еще раз эту песенку, голубок, — сказала одна из них. Споешь — мы тебе отдадим всю эту одежду.

Голубок опять спел песню. Прачки отдали ему всю одежду, какую выполоскали, а голубок сунул ее под правое крыло и улетел.

Вскоре он подлетел к одному дому, в котором все окна были открыты. Голубок сел на подоконник и заглянул в комнату. В комнате за столом сидел человек, а на столе перед ним лежала груда серебряных монет. Человек пересчитывал деньги.

Тут голубок, сидя на подоконнике, запел:

Гуль-гуль-гули, гуль-гуль-гули, гуль-гуль-ла.
Меня мачеха со свету сжила,
И отцу на обед подала,
А сестрица косточки сохранила,
Под белым камушком схоронила.
Обросли мои косточки телом,
И стал я голубем белым.
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Человек перестал считать серебряные монеты и прислушался. Как и прачки, он догадался, что голубок этот не простая птица. И вот он сказал:

— Спой мне еще раз эту песню, голубок, и я высыплю все свое серебро в сумку и отдам тебе.

Голубок еще раз спел песню и получил полную сумку серебра. Он сунул ее себе под левое крыло и улетел.

Недалеко он отлетел, как вдруг увидел мельницу. В ней двое мельников мололи зерно. Голубок сел на мешок с мукой и опять запел свою песню:

Гуль-гуль-гули, гуль-гуль-гули, гуль-гуль-ла,
Меня мачеха со свету сжила
И отцу на обед подала,
А сестрица косточки сохранила,
Под белым камушком схоронила.
Обросли мои косточки телом,
И стал я голубем белым.
И взмахнул голубок крылами,
И быстро вдаль улетел он.

Мельники бросили работу, переглянулись и удивленно почесали в затылке.

— Спой нам еще раз эту песню, голубок! — вскричали они оба. — Споешь — мы тебе отдадим вот этот, жернов.

И голубок еще раз спел свою песню. Потом попросил мельников положить ему жернов на спину и улетел прочь. А мельники глядели ему вслед и дивились.

И вот белый голубок, хоть и тяжеленько ему было, долетел наконец до отчего дома и сел на соломенную кровлю.

Тут он свалил и жернов, и серебро, и узел с одеждой на солому, а сам полетел во двор и набрал в клюв камешков. Потом сел на дымовую трубу и принялся бросать в нее камешки.

Дело было под вечер. Старик отец, его дочка Золотые Косички и злая мачеха сидели за ужином. И они прямо обомлели, когда из дымохода в камин вдруг посыпались камешки и подняли такую тучу сажи, что задохнуться впору. Все трое выскочили из-за стола и выбежали из дому, узнать, что случилось.

Самая маленькая из них троих, девочка Золотые Косички, была и самая проворная. Она первой выбежала за дверь, и белый голубок бросил к ее ногам узел с одеждой.

Отец выскочил вслед за дочкой, и белый голубок бросил к его ногам сумку с серебром.

А злая мачеха была толстуха. Она замешкалась и вышла последней. И белый голубок бросил ей прямо на голову жернов. Тут ей и конец пришел.

Потом голубок взмахнул крыльями и улетел.

Он избавил отца и сестричку Золотые Косички от злой мачехи, подарил им столько добра, что им на весь век хватило, а сам улетел, да так далеко, что с тех пор никто его больше не видел.

РУСАЛОЧКА

Датская сказка

Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло, только очень глубока, так глубока, что никакого якорного каната не хватит. Много колоколен надо поставить одну на другую, тогда только верхняя выглянет на поверхность. Там на дне живет подводный народ.

Только не подумайте, что дно голое, один только белый песок. Нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, словно живые, от малейшего движения воды. А между ветвями снуют рыбы, большие и маленькие, совсем как птицы в воздухе у нас наверху. В самом глубоком месте стоит дворец морского царя — стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво: ведь в каждой лежат сияющие жемчужины и любая была бы великим украшением в короне самой королевы.

Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, только больно уж гордившаяся своей родовитостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. В остальном же она заслуживала всяческой похвалы, особенно потому, что души не чаяла в своих маленьких внучках — принцессах. Их было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая, с кожей чистой и нежной, как лепесток розы, с глазами синими и глубокими, как море. Только у нее, как, впрочем, и у остальных, ног не было, а вместо них был хвост, как у рыб.

День-деньской играли принцессы во дворце, в просторных палатах, где из стен росли живые цветы. Раскрывались большие янтарные окна, и внутрь врывались рыбы, совсем как у нас ласточки влетают в дом, когда окна открыты настежь, только рыбы подплывали прямо к маленьким принцессам, брали из их рук еду и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был большой сад, в нем росли огненно-красные и темно-синие деревья, плоды их сверкали золотом, цветы — горячим огнем, а стебли и листья непрестанно колыхались. Земля была сплошь мелкий песок, только голубоватый, как серное пламя. Все там внизу отдавало в какую-то особенную синеву, — впору было подумать, будто стоишь не на дне морском, а в воздушной вышине, и небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна видно было солнце, оно казалось пурпурным цветком, из чаши которого льется свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко, здесь они могли копать и сажать что угодно. Одна устроила себе цветочную грядку в виде кита, другой вздумалось, чтобы ее грядка гляделась русалкой, а самая младшая сделала себе грядку, круглую, как солнце, и цветы на ней сажала такие же алые, как оно само. Странное дитя была эта русалочка — тихое, задумчивое. Другие сестры украшали себя разными разностями, которые находили на потонувших кораблях, а она только и любила, что цветы ярко-красные, как солнце, там, наверху, да еще красивую мраморную статую. Это был прекрасный мальчик, высеченный из чистого белого камня и спустившийся на дно морское после кораблекрушения. Возле статуи русалочка посадила розовую плакучую иву, она пышно разрослась и свешивала свои ветви

над статуей к голубому песчаному дну, где получалась фиолетовая тень, зыблющаяся в лад колыханию ветвей, и от этого казалось, будто верхушка и корни ластятся друг к другу.

Больше всего русалочка любила слушать рассказы о мире людей. Старой бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно чудесным и удивительным казалось русалочке то, что цветы на земле пахнут, не то что здесь, на морском дне, — леса там зеленые, а рыбы среди ветвей поют так громко и красиво, что просто заслушаешься. Рыбами бабушка называла птиц, иначе внуки не поняли бы ее: они ведь сроду не видывали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам позволят всплывать на поверхность, сидеть в лунном свете на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, но сестры были погодки, и выходило так, что только через пять лет самая младшая сможет подняться со дна морского и увидеть, как живется нам здесь, наверху. Но каждая обещала рассказать остальным, что она увидела и что ей больше всего понравилось в первый день, — рассказов бабушки им было мало, хотелось знать побольше.

Ни одну из сестер не тянуло так на поверхность, как самую младшую тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Ночь за ночью проводила она у открытого окна и все смотрела наверх сквозь темно-синюю воду, в которой плескали хвостами и плавниками рыбы. Месяц и звезды виделись ей, и хоть светили они совсем бледно, зато казались сквозь воду много больше, чем нам. А если под ними скользило как бы темное облако, знала она, что это либо кит проплывает, либо корабль, а на нем много людей, и уж, конечно, им и в голову не приходило, что внизу под ними хорошенькая русалочка тянется к кораблю своими белыми руками.

И вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Ну, а лучше всего, рассказывала она, было лежать в лунном свете на отмели, когда море спокойно, и рассматривать большой город на берегу: точно сотни звезд, там мерцали огни, слышалась музыка, шум экипажей, говор людей, виднелись колокольни и шпили, звонили колокола. И как раз потому, что туда ей было нельзя, туда и тянуло ее больше всего.

Как жадно внимала ее рассказам самая младшая сестра! А потом, вечером, стояла у открытого окна и смотрела наверх сквозь темно-синюю воду и думала о большом городе, шумном и оживленном, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и второй сестре позволили подняться на поверхность и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и решила, что прекраснее зрелища нет на свете. Небо было сплошь золотое, сказала она, а облака — ах, у нее просто нет слов описать, как они красивы! Красные и фиолетовые, плыли они по небу, но еще быстрее неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая диких лебедей. Она тоже поплыла к солнцу, но оно погрузилось в воду, и розовый отсвет на море и облаках погас.

Еще через год поднялась на поверхность третья сестра. Эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Она увидела там зеленые холмы с виноградниками, а из чащи чудесного леса выглядывали дворцы и усадьбы. Она слышала, как поют птицы, а солнце пригревало так сильно, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы остудить свое пылающее лицо. В бухте ей попалась целая стая маленьких

человеческих детей, они бегали нагишом и плескались в воде. Ей захотелось поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них явился какой-то черный зверек — это была собака, только ведь ей еще ни разу не доводилось видеть собаку — и залаял на нее так страшно, что она перепугалась и уплыла назад в море. Но никогда не забыть ей чудесного леса, зеленых холмов и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть и нет у них рыбьего хвоста.

Четвертая сестра не была такой смелой, она держалась в открытом море и считала, что там-то и было лучше всего: море видно вокруг на много-много миль, небо над головой как огромный стеклянный купол. Видела она и корабли, только совсем издалека, и выглядели они совсем как чайки, а еще в море кувыркались резвые дельфины и киты пускали из ноздрей воду, так что казалось, будто вокруг били сотни фонтанов.

Дошла очередь и до пятой сестры. Ее день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не удалось увидеть другим. Море было совсем зеленое, рассказывала она, повсюду плавали огромные ледяные горы, каждая ни дать ни взять жемчужина, только куда выше любой колокольни, построенной людьми. Они были самого причудливого вида и сверкали, словно алмазы. Она уселась на самую большую из них, ветер развеивал ее длинные волосы, и моряки испуганно обходили это место подалее. К вечеру небо заволочилось тучами, засверкали молнии, загремел гром, почерневшее море вздымало ввысь огромные ледяные глыбы, озаряемые вспышками молний. На кораблях убрали паруса, вокруг был страх и ужас, а она как ни в чем не бывало плыла на своей ледяной горе и смотрела, как молнии синими зигзагами ударяют в море.

Так вот и шло: выплывает какая-нибудь из сестер первый раз на поверхность, восхищается всем новым и красивым, ну, а потом, когда взрослой девушкой может подниматься наверх в любую минуту, все становится ей неинтересно и она стремится домой и уже месяц спустя говорит, что у них внизу лучше всего, только здесь и чувствуешь себя дома.

Часто по вечерам, обнявшись, всплывали пять сестер на поверхность. У всех были дивные голоса, как ни у кого из людей, и когда собиралась буря, грозившая гибелью кораблям, они плыли перед кораблями и пели так сладко о том, как хорошо на морском дне, уговаривали моряков без боязни спуститься вниз. Только моряки не могли разобрать слов, им казалось, что это просто шумит буря, да и не довелось бы им увидеть на дне никаких чудес — когда корабль тонул, люди захлебывались и попадали во дворец морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, когда сестры ее всплывали вот так на поверхность, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, и ей впору было заплакать, да только русалкам не дано слез, и от этого ей было еще горше.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет! — говорила она. — Я знаю, что очень полюблю тот мир и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди-ка сюда, я украшу тебя, как остальных сестер.

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, только каждый лепесток был половинкой жемчужины, а потом нацепила ей на хвост восемь устриц в знак ее высокого сана.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Чтоб быть красивой, можно и потерпеть! — сказала бабушка.

Ах, как охотно скинула бы русалочка все это великолепие и тяжелый венок! Красные цветы с ее грядки пошли бы ей куда больше, но ничего не поделаешь.

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, словно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Когда она подняла голову над водой, солнце только что село, но облака еще отсвечивали розовым и золотом, а в бледно-красном небе уже зажглись ясные вечерние звезды; воздух был мягкий и свежий, море спокойно. Неподалеку стоял трехмачтовый корабль с одним поднятым парусом — не было ни малейшего ветерка. Повсюду на снастях и реях сидели матросы. С палубы раздавалась музыка и пение, а когда совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков и в воздухе словно бы замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла прямо к окну каюты, и всякий раз, как ее приподымало волной, она могла заглянуть внутрь сквозь прозрачные стекла. Там было множество нарядно одетых людей, но красивее всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет. Праздновался его день рождения, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, в небо взмыли сотни ракет, и стало светло как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но тут же опять высунула голову, и казалось, будто все звезды с неба падают к ней в море. Никогда еще не видала она такого фейерверка. Вертелись колесом огромные солнца, взлетали в синюю высь чудесные огненные рыбы, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждый канат, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал всем руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в чудной ночи.

Уже поздно было, а русалочка все не могла глаз оторвать от корабля и от прекрасного принца. Погасли разноцветные фонарики, не взлетали больше ракеты, не гремели пушки, зато загудело и заворчало в глуби морской. Русалочка качалась на волнах и все заглядывала в каюту, а корабль стал набирать ход, один за другим распускались паруса, все выше вздымались волны, собирались тучи, вдали засверкали молнии.

Надвигалась буря, и матросы принялись убирать паруса. Корабль, раскачиваясь, летел по разбушевавшемуся морю, волны вздымались огромными черными горами, норвя перекатиться через мачту, а корабль нырял, словно лебедь, между высоченными валами и вновь возносился на гребень громоздящейся волны. Русалочке все это казалось приятной прогулкой, но не матросам. Корабль стонал и трещал, вот подалась под ударами волн толстая обшивка бортов, волны захлестнули корабль, переломилась пополам, как тростинка, мачта, корабль лег на бок, и вода хлынула в трюм. Тут уж русалочка поняла, какая опасность угрожает людям, — ей и самой приходилось увертываться от бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту стало темно, хоть глаз выколи, но вот блеснула молния, и русалочка опять увидела людей на корабле. Каждый спасался как мог. Она искала глазами принца и увидела, как он упал в воду, когда корабль развалился на части. Сперва она очень обрадовалась — ведь он попадет теперь к ней на дно, но тут же вспомнила, что люди не могут жить в воде и он приплывет во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем не думая о том, что они могут ее раздавить. Она то ныряла глубоко, то взлетала на волну и наконец доплыла до юного принца. Он почти уже совсем выбился из сил и плыть по бурному морю не мог. Руки и ноги отказывались ему служить, прекрасные глаза закрылись, и он утонул бы, не явись ему на

помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно...

К утру буря стихла. От корабля не осталось и щепки. Опять засверкало над водой солнце и как будто вернуло краски щекам принца, но глаза его все еще были закрыты.

Русалочка откинула со лба принца волосы, поцеловала его в высокий красивый лоб, и ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, который стоит у нее в саду. Она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она увидела сушу, высокие синие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленели чудесные леса, а перед ними стояла не то церковь, не то монастырь — она не могла сказать точно, знала только, что это было здание. В саду росли апельсиновые и лимонные деревья, а у самых ворот высокие пальмы. Море вдавалось здесь в берег небольшим заливом, тихим, но очень глубоким, с утесом, у которого море намыло мелкий белый песок. Сюда-то и приплыла русалочка с принцем и положила его на песок так, чтобы голова его была повыше на солнце.

Тут в высоком белом здании зазвонили колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла свои волосы и грудь морской пеной, так что теперь никто не различил бы ее лица, и стала ждать, не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Вскоре к утесу подошла молодая девушка и поначалу очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала других людей, и русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь. Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

Теперь она стала еще тише, еще задумчивее, чем прежде. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто по утрам и вечерам приплывала она к тому месту, где оставила принца. Она видела, как созревали в саду плоды, как их потом собирали, видела, как стаял снег на высоких горах, но принца так больше и не видела и возвращалась домой каждый раз все печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвив руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за своими цветами она больше не ухаживала. Они одичали и разрослись по дорожкам, переплелись стеблями и листьями с ветвями деревьев, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из сестер. За ней узнали и остальные сестры, но больше никто, разве что еще две-три русалки да их самые близкие подруги. Одна из них тоже знала о принце, видела празднество на корабле и даже знала, откуда принц родом и где его королевство.

— Поплыли вместе, сестрица! — сказали русалочке сестры и, обнявшись, поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами, одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные позолоченные купола высились над крышей, а между колоннами, окружавшими здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои, всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшали большие картины. Загляденье, да и только. Посреди самой большой залы журчал фонтан, струи воды били высоко-высоко под стеклянный купол потолка, через который воду и

диковинные растения, росшие по краям бассейна, озаряло солнце.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, ну, а она заплывала даже в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на юного принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами. Русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иногда замечали, как полощется по ветру ее длинная серебристо-белая вуаль, им казалось, что это плещет крыльями лебедь.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам с факелом рыбу, они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумертвого, носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее тянуло ее к ним, их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы выше облаков, а их страны с лесами и полями раскинулись так широко, что и глазом не охватишь! Очень хотелось русалочке побольше узнать о людях, об их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет; только когда мы перестаем быть, нас не хоронят, у нас даже нет могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

— Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, проговорила русалочка.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле.

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу ни чудесных цветов, ни красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

— Можешь, — сказала бабушка, — пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами, сделает тебя своей женой и поклянется в вечной верности. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым — твой рыбий хвост, например, — люди находят безобразным. Они ничего не смыслят в красоте, по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки, или ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю, триста лет срок немалый... Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной

залы были из толстого, но прозрачного стекла, вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине, огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нем танцевали под свое чудное пение водяные и русалки. Таких прекрасных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде: ни в море, ни на земле — нет такого чудесного голоса, как у нее, но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Незаметно выскользнула она из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла только бы мне быть с ним. Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Еще ни разу не доводилось ей проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом был только голый серый песок, вода за ним бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в пучину все, что только встречала на своем пути. Как раз между такими бурлящими водоворотами и пришлось плыть русалочке, чтобы попасть в тот край, где владычила ведьма. Дальше путь лежал через горячий пузырящийся ил, это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилища, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем росли полипы — полуживотные-полурастения, похожие на стоглавых змей, выраставших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелиться от корня до самой верхушки и хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уж больше не выпускали. Русалочка в испуге остановилась, сердечко ее забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянулись к ней своими извивающимися руками. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — на твою же беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди. Хочешь, чтобы юный принц полюбил тебя.

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба, и ужи попадали с нее и шлепнулись на песок.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой, но помни: ты будешь ступать, как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом, подумав о принце.

— Помни, — сказала ведьма, — раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет ради тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не сделает тебя своей женой, ты погибнешь: с первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской...

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А еще ты должна заплатить мне за помощь, — сказала ведьма. — И я недешево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтерла котел связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подниматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и, когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой.

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток.

Потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить.

— Схватят тебя полипы, когда поплывешь назад, — напутствовала ведьма, — брызни на них каплю питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусочков.

Но русалочке не пришлось этого делать — полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом

навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом, она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце, во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял прекрасный принц и с удивлением рассматривал ее. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-синими глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Правду сказала ведьма: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем легко, точно по воздуху. Принц и его свита только дивились ее чудной, плавной походке.

Русалочку нарядили в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз к принцу и его царственным родителям позвали девушек-рабынь, разодетых в шелк и золото. Они стали петь, одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Грустно стало русалочке: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, только чтобы быть возле него!»

Потом девушки стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые прекрасные руки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц; он назвал русалочку своим маленьким найденышем, а русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птицы, а зеленые ветви касались ее плеч. Они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

А ночью во дворце у принца, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, ставила пылающие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много лет не подымалась из воды, и самого царя морского с короной на голове. Они простирали к ней руки, но не смели подплыть к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее

только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и принцессой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе, если бы он отдал свое сердце и руку другой, она стала бы пеной морской.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль затонул, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат богу молодые девушки, самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но только ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка, Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не полюблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж не придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и любви.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на корабле, который должен был отвезти их в страну соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в пучине, и о том, что видели там ныряльщики, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны, и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старая бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и протягивали к ней свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, а юнга подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань нарядной столицы соседнего королевства. В городе

зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов, на площадях стояли полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зардевшуюся невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня.

Русалочка поцеловала ему руку, а сердце ее, казалось, вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в пену морскую.

В тот же вечер принц с молодой женой должны были отплыть на родину принца, пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскрыт шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками, в шатре они должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно заскользил по волнам и понесся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись разноцветные фонарики, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще не танцевала она так чудесно! Ее нежные ножки резало как ножами, но этой боли она не чувствовала — сердцу ее было еще больнее. Она знала, что один лишь вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и терпела невыносимые мучения, о которых принц и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой на сердце; принц же целовал красавицу жену, а она играла его черными кудрями; наконец рука об руку они удалились в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, только рулевой остался у руля. Русалочка оперлась о поручни и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше на ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую пену морскую. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца. Убей принца и вернись к нам! Поспешите. Видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка молодой жены покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках у русалочки. Еще минута — и она бросила его в волны, и они покраснели, как будто в том месте, где он упал, из моря выступили капли крови.

В последний раз взглянула она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти, она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и розовые облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не расслышало бы ее, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздухе, и ее голос звучал такую же дивною музыкой.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — Мы летаем повсюду и всем стараемся приносить радость. В жарких странах, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, мы навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несем людям исцеление и отраду... Летим с нами в заоблачный мир! Там ты обретешь любовь и счастье, каких не нашла на земле.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с молодой женой ищут ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и вознеслась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

ЦАРИЦА ДУХОВ И ЗМЕЙ

Арабская сказка

Жил некогда в городе Бальсоре молодой человек по имени Азем, который занимался красивым мастерством. Он славился отличным вкусом в выборе своих красок, равно как и красотой своего лица, и веселым расположением духа. Но был он небогат и содержал еще доходами от трудов своих старуху мать, которая жила с ним вместе.

В один день, когда он был занят обыкновенно своей работой, увидел он вошедшего в его мастерскую богато одетого чужестранца, который, взглянув на него, вскричал:

— Как молодой человек с такой наружностью и с таким умом может заниматься подобным мастерством?

— Я не стыжусь, — сказал Азем, — честного моего ремесла и умею ограничивать мои желания.

— Но если бы представилось тебе, — продолжал незнакомец, — средство скоро составить свое счастье, неужели ты стал бы противиться и не хотел бы воспользоваться им?

— Нет, если бы оно не обременяло моей совести, то принесло бы мне большое удовольствие.

— Сын мой, — сказал чужестранец. — Я имею средство для этого; я знаю чудный секрет превращать простой металл в золото и могу составить твоё счастье. Будь завтра как можно раньше в своей лавке.

Азем после ухода старика много думал о его предложении и, посоветовавшись с матерью, стал с нетерпением ждать утра.

На рассвете дня он побежал в свою лавку, желая свидеться с новым своим приятелем, который не заставил себя долго ждать и вскоре явился с плавильным горшком в руках. После обычных приветствий незнакомец попросил молодого человека развести огонь. Он спросил, нет ли у него какого-нибудь низкого металла — железа, свинца или чего подобного. Азем нашел старый медный горшок и изломал его на куски. Затем незнакомец взял сосуд, потом, сняв чалму, всыпал в него желтого песка, проговорил несколько таинственных слов, снял сосуд с огня, и в нем вместо меди очутился блестящий слиток золота.

Восхищенный Азем стал просить незнакомца поделиться тайной.

— Хорошо, я приду к тебе вечером, и если мы будем наедине, то с удовольствием открою секрет, — сказал незнакомец.

Вечером Азем приготовил по средствам своим богатый ужин и вскоре увидал входящего старика.

За ужином Азем много выпил вина, к которому не был привычен, и скоро опьянел.

Когда старик увидел, что Азем слишком пьян, то незаметно всыпал ему усыпительного порошка и заставил выпить. Как только Азем выпил, то повалился на свою подушку, погруженный в глубокий сон.

Злой старик воспользовался этим и, положив Азема в сундук, крикнул носильщиков, заранее приготовленных, которые, взяв сундук, отнесли его на корабль, готовый к отплытию.

Мать Азема, возвратясь домой, очень удивилась, что сына ее нет; прождав еще день, наконец догадалась, что с ее сыном случилось несчастье. Отчаяние бедной матери было невыразимо.

Между тем коварный похититель плыл с попутным ветром. Он был злой чародей, ежегодно он ездил в Хорасан, область Персии, чтобы сманить какого-нибудь мусульманина и посредством его добыть нужные вещи для алхимии и потом умертвить, дабы тайна его не была открыта.

Через два дня после их отплытия Барам (так звали чародея) открыл сундук и попрыскал какую-то жидкостью в лицо Азема. Азем чихнул, протер глаза и с удивлением стал озираться вокруг себя. Очень скоро он понял, что попался в сети злодея.

Обратившись к старику, Азем сказал:

— Что ты делаешь со мною, отец мой? Ты обещал мне удовольствия и богатства, то ли это, в чем ты меня обнадежил?

— Неверная собака, собака мусульманская, — отвечал чародей, — ты бы должен умереть от руки моей, и наслаждение мое должно бы составлять продолжение твоих мучений; ты сороковая жертва моя. Есть еще для тебя спасение: отрекись от ислама и поклонись священному огню, который я чту.

— Да погубит небо тебя и твою веру! — отвечал Азем, вскочив, как исступленный. — Клянусь Магометом, что никогда не променяю веры в истинного Бога.

— Несчастный! — возразил тотчас чародей, который не мог более воздерживаться. — Я постараюсь поколебать твое упорство.

Говоря это, он кликнул невольников и приказал сечь Азема бичом, а после истязания велел бросить его в нижнюю часть корабля, давая ему немного хлеба и воды для поддержания жизни. Подобного рода страданиям Азем подвергался ежедневно.

В один день плавания поднялась жестокая буря; волны поднимали корабль до облаков и грозили разбить его вдребезги. Корабельщикам пришла счастливая мысль, что причина гнева Божьего — истязания, которым подвергался Азем, поэтому они приказали тотчас освободить его, а Барама заставили просить у него униженно прощения. Невольников же его, в предупреждение возмущения, бросили за борт.

Буря утихла. Барам, скрыв гнев свой, притворными ласками опять получил доверие неопытного Азема.

Наконец показалась земля. Чародей вышел на берег с Аземом и сказал ему, что они прибыли в ту страну, где можно добывать золото. Он приказал капитану корабля дожидаться их месяц у этого берега, а затем они пошли в глубь страны.

Когда чародей увидел себя наедине с Аземом, он вынул из-под одежды небольшой тимпан с двумя палочками и стал бить марш; тотчас поднялась буря, и из обломков пыли явились три верблюда, из которых один был навьючен разными припасами.

Сев на верблюдов, они понеслись с удивительной быстротой. В продолжение восьми дней ничего не встречалось им на пути; на девятый же день Азем увидел блестящий замок, к которому он хотел направить путь, но Барам повернул влево, и верблюд Азема, несмотря на его усилия, последовал за Барамом.

Прибыв в лесок, они сели отдохнуть, и Барам объяснил, что этот замок обитаем злыми духами, которые сделали ему много зла.

Отдохнув, они опять пустились в путь и вскоре заметили вдали цепь черных гор. Барам сказал Азему:

— Вершина этих гор есть цель нашего путешествия, и если ты будешь исполнять мои приказания, то мы возвратимся богаче самих царей.

Спустя четыре дня они прибыли к подножию черных гор. Но они не были еще у цели

своего путешествия: ужасная пропасть отделяла их от вершины горы.

Сойдя с верблюдов, они закусили, и Барам убил третьего верблюда, из которого вынули внутренности.

— Сын мой, — начал он, — теперь предстоит последнее усилие, для этого ты должен влезть в утробу верблюда; когда я зашью тебя, то большая птица рох, подумав, что это падаль, унесет тебя на вершину горы, и ты, почувствовав, что опустился, разрежь кинжалом кожу животного; выйдя, набирай скорей черной земли вот в этот мешок, который потом привяжи к веревке и спусти вниз; затем по этой же самой веревке спустишься сам вниз.

Азем принужден был повиноваться и лезть в утробу животного.

Спустя некоторое время появился громадный рох и, подняв убитого верблюда, понес его на вершину горы.

Азем сделал все, как приказывал Барам, и уже приближался к скале с мешком черной земли.

— Сын мой, — кричал ему снизу Барам, — скорей привяжи мешок и опускай сюда, потом привяжи веревку к ближайшему дереву и спускайся сам.

Азем, не подозревая ничего, опустил мешок. Но едва Барам схватил его, как стал сильно тянуть веревку, чтобы стащить и Азема, который, не находя возможности спасти жизнь, должен был выпустить веревку.

— Мусульманская собака, теперь ты дорого заплатишь за унижение, какому подвергал меня! — закричал чародей. — Иди, отыскивай своих, уничтоженных мною товарищей, которых там 39 человек.

Несмотря на отчаяние и просьбы Азема, он сел на верблюда и скрылся из виду. Азем долго плакал и убивался; наконец, успокоившись, уснул. Пробудясь, он увидел около себя громадную змею, готовую проглотить его. Азем мгновенно выхватил кинжал и ударил животное в голову. Величина змеи подала ему мысль снять с нее шкуру и сделать веревку, по которой он мог бы спуститься. Он тотчас принялся за работу и в скором времени завершил ее успешно.

После нескольких попыток он стал спускаться по сделанным им ремням и достиг наконец, не без труда, подошвы горы.

Поблагодарив Господа, он пошел по старой дороге, по которой приехал сюда.

Спустя некоторое время он увидел тот блестящий замок, в котором жили, по словам Барама, злые духи. Азем, несмотря на это, решился идти туда. Его поразило величие дворца и окружающего сада; после долгой нерешительности он вошел в дом и, пройдя первую комнату, нашел во второй зале двух девиц, играющих в шахматы.

Едва только они увидели его, как одна из них сказала:

— Ах, сестрица, это, вероятно, тот молодой человек, который несколько дней тому назад проехал здесь с чародеем Барамом.

— Я тот самый, — сказал Азем, бросившись к ее ногам и прося ее покровительства.

Сестры с удовольствием приняли его как брата, объяснив, что поставлены здесь родителем своим для наблюдения за замком.

Азем жил в полном согласии с сестрами, и дружба его с ними возрастала с каждым днем.

Случалось, однако, что в известное время его прятали в комнату, из которой он не мог ничего видеть, что происходило во дворце.

В один день пришло ему в голову не послушаться сестер и тихонько пробраться в лесок;

и как велико было его удивление, когда он увидел в купальнях множество молодых женщин, прекрасных, как гурии. Азем особенно заметил одну из них, которой был очарован.

Он довольно часто употреблял эту хитрость, чтобы насладиться прелестями незнакомки. Обе сестры, не зная ничего, с горестью заметили, что брат их Азем худеет с каждым днем. В ответ на их неотступные просьбы объяснить причину этого, Азем признался в любви к прелестной незнакомке, точившей его сердце. Сестры высказались о безрассудности этой страсти, так как безумно смертному влюбиться в одну из сестер царицы духов, которой принадлежит этот замок.

Наконец, видя, что Азем не перестает тосковать, они из братской любви к нему открыли секрет, как достать незнакомку, посоветовав во время купания унести ее легкую одежду.

При первом же случае, когда нимфы разделись, влюбленный Азем похитил одежду любимой. После купания нимфы оделись в воздухе. Одна из них, оставшаяся пленницей, стала горько плакать и просить похитителя возвратить ей одежду, но безуспешно.

Долго она потом отвергала любезности Азема и сестер его. Но наконец прекрасное лицо юноши, его страстная любовь заставили ее ответить на его чувство, и вскоре Азем сделался супругом царицы Летучих островов.

Прожив там некоторое время, Азем вздумал посетить мать свою и объявил об этом жене и сестрам.

Распростившись с сестрами, молодые отправились в путь.

Прибыв в Бальсору, Азем нашел там свою мать, радость которой невозможно выразить словами; она с восторгом обнимала свою невестку, красота которой казалась ей обворожительной; она простирала руки к небу и благодарила за благополучие, которое оно ниспослало ей на старости лет.

Осыпанный дарами счастья и любви, Азем был тогда одним из богатейших и счастливейших жителей Бальсоры. Два прелестных сына вполне довершали его блаженство.

Прожив несколько лет в Бальсоре, Азем вспомнил об обещании, данном сестрам: навестить их. Призвав мать, отдал ей воздушное платье своей жены с наказом ни под каким видом не отдавать его ей. Затем, простившись с женою, детьми и матерью, отправился в путь.

Путешествие его было благополучно, и, прибыв во дворец сестер, он был принят ими с неописанною радостью.

Несколько дней спустя после отъезда Азема супруга его попросила у свекрови позволения сходить в общественные бани. Старая женщина согласилась и проводила сама свою невестку до бани, которую посещали знаменитейшие городские госпожи, а также и придворные халифа Гарун-аль-Рашида, находившегося тогда в Бальсоре.

Придя туда, они нашли в бане многих женщин из свиты султанши Зубейды, которые, едва увидели Аземову супругу, были поражены сверхъестественной ее красотой. Некоторые даже, не насытившиеся ее лицезрением, провожали ее до самого дома и возвратились очень поздно во дворец.

Когда Зубейда увидела, что они пришли, то изъявила свое неудовольствие таким долговременным отсутствием их и хотела непременно узнать причину этому. Услышав удивительные отзывы о красоте Аземовой супруги, она возымела сильное желание сама увидеть ее и в следующий день велела просить к себе Аземову мать.

Как только последняя к ней вошла, Зубейда сказала:

— Ничего не бойся. Я слышала, как расхваливают твою невестку и превозносят ее, как

диво красоты; желая ее видеть, я повелеваю тебе привести ее ко мне.

Мать Азема не осмелилась противоречить повелению султанши, преклонила с почтительностью свою голову и, пообещав исполнить ее желание, поспешила домой.

— Султанша Зубейда хочет тебя видеть, — сказала она своей невестке, поспеши к ней отправиться.

Супруга Азема обрадовалась такому известию, тотчас нарядилась в самое богатое свое платье и в сопровождении детей своих и свекрови отправилась во дворец.

Когда они прибыли, взоры всех устремились на них. Султанша, ослепленная столькими прелестями, вскричала:

— В какой стране могла родиться такая небесная красота?

Она с приветливостью пригласила ее сесть подле себя и велела принести для нее что-нибудь прохладительное. Она превозносила ее похвалами и просила рассказать свою историю, которая еще больше увеличила ее удивление.

— Государыня, — сказала ей Аземова супруга, — если ты достаиваешь находить меня прекрасною в этом платье, что же бы ты сказала, если б увидела меня в моем собственном одеянии. Если тебе угодно удовлетворить свое любопытство, то прикажи моей свекрови отдать мне мое воздушное платье; она не посмеет тебе отказать в этом, и это предоставит тебе случай увидеть чудесное зрелище.

Зубейда, ничего не подозревавшая, приказала тотчас же Аземовой матери идти домой и принести одежду. При этих грозных словах старуха затрепетала, вспомнив обещание, которое она дала своему сыну, но не осмелилась сделать никакого возражения, пошла домой и принесла волшебное платье.

Зубейда долго и внимательно рассматривала его и удивлялась искусству, с каким эта легкая ткань выткана, потом передала ее Аземовой супруге, у которой блистали глаза от радости.

Коль скоро одежда находилась уже в ее власти, она поспешила надеть ее на себя, проворно сошла на дворцовый двор, взяла обоих детей в свои руки и прежде, нежели вздумали ее удержать, поднялась с ними в воздух пред удивленными взорами султанши и всей ее свиты.

— Прощай, любезная матушка, — закричала она, — поручаю тебе утешать супруга, скажи ему, что я никогда не перестану его любить, но непреодолимое желание видеть моих родных принуждает меня его оставить. Если же он так любит меня, что не может без меня жить, то должен отыскать меня на островах Ваак-аль-Ваак.

Сказав это, она поднялась выше и исчезла между облаками.

Когда Аземова мать потеряла ее из виду, отчаянию ее не было предела, она не в силах была скрыть горести и жаловалась на султаншу, как на виновницу ее злополучия.

Зубейда, сама проникнутая жалостью и скорбью, сожалела о своем любопытстве.

В то время, как все это происходило в Бальсоре, Азем посреди обильных и сердечных угощений думал о своей супруге и желал быть с нею. Он ускорил отъезд свой и, распрощавшись с сестрами, отправился в путь.

Когда он прибыл домой, он нашел мать свою одну, проливающую горькие слезы.

— Что приключилось? — вскричал он. — О матушка! Где моя жена, где мои дети?

При этом вопросе слезы старой женщины удвоились, и ничем невозможно выразить отчаяние Азема, когда он узнал о горестной потере.

Придя в себя, он стал спрашивать, что говорила в последний раз его жена. Узнав обо

всем, он принял твердое решение отправиться на острова Ваак-аль-Ваак. Несмотря на слова людей, что эти острова лежат от Бальсоры на пути в 155 лет и что невозможно достигнуть их, Азем не переменял своего намерения и вскоре отправился в путь.

Когда он прибыл для совета к сестрам, которые были весьма удивлены его возвращением и особенно его предприятием, они всячески отговаривали его, представляя невозможность исполнения этого намерения.

Но видя, что никакие убеждения не действуют, они, посоветовавшись между собой, дали ему рекомендательное письмо к двум своим дядям, из которых один звался Абд-аль-Куддус, а другой Абд-аль-Сюллиб, и оба жили в отдалении трех месяцев езды.

Распростившись с сестрами, Азем отправился с письмами. После нескольких месяцев путешествия он приехал в долину; природа была тут так богата и обильна, что он некоторое время думал, что попал в рай земной. В некотором отдалении он увидел прекрасное здание и отправился к нему. Один почтенный старик сидел под красной колоннадой. Взор его с любопытством остановился на незнакомце, который приближался к нему, и он ему приветливо поклонился. Привлеченный благородным видом Азема, он пригласил его сесть.

Этот старик был Абд-аль-Куддус, который, прочитав письмо своих царевен и узнав о предприятии Азема, начал уговаривать его не предпринимать этого путешествия, так как оно полно опасностей и трудностей.

— Дорога идет, — говорил он, — по бесплодным, дикими зверями наполненным пустыням, необработанная, иссохшая земля не дает никаких плодов, и напрасно бы ты хотел, умирая от жажды, найти что-нибудь, чтобы освежиться: ни один источник не представится твоему отчаянному взору. Оставь же это, сын мой, не подвергай себя гибели и возвратись домой.

Но тщетно старался Абд-аль-Куддус поколебать решимость Азема; он ничего не хотел знать и, отдохнув, хотел отправиться в дорогу.

Старик, удостоверившись, что никак не может отговорить Азема, решился облегчить ему путь. Проговорив несколько таинственных слов, он приказал явившемуся пред его глазами духу перенести Азема к брату его Абд-аль-Сюллибу.

Дух посадил Азема на плечо и с необыкновенной быстротой помчался по воздуху. К закату солнца он представил его во дворце Абд-аль-Сюллиба.

Абд-аль-Сюллиб, прочитав письмо от племянниц, весьма удивился смелости молодого человека и так же, как и брат его, уговаривал отложить это предприятие. Но слезы и просьбы Азема растрогали старика, и он решился помочь ему. Созвав совет из десяти духов, старик спросил их мнение. Духи тоже удивились отважности молодого человека, но решили помочь ему — перенести его до границы владений своих.

Азем поблагодарил Абд-аль-Сюллиба и, распростившись с ним, полетел вместе с десятью духами. В продолжение одного дня и одной ночи они достигли земли Кафоор, границы их владений. Распростившись с Аземом, духи полетели назад.

Азем, принеся усердную молитву Аллаху, продолжал свой путь; он странствовал десять дней, не встречая ни одной живой души. Наконец он увидел трех человек, которые, по видимому, пылали сильным гневом. Азем вознамерился приблизиться к ним, чтобы их разнять, как все трое ссорящихся, у видя его, тотчас воскликнули:

— Этот молодой человек должен быть посредником в нашем споре!

Когда он подошел к ним ближе, они спросили его, хочет ли он быть посредником. И когда Азем принял их предложение, они показали ему шапку, барабан и шар и сказали:

— Мы трое братьев, получившие это от родителей наших в наследство, но так как они перед смертью своей не объявили, кому какая вещь должна достаться, то между нами произошел жаркий спор, и потому будь нашим посредником и определи, что каждому из нас должно получить; мы клянемся, что определение твое нас успокоит.

Удивленный Азем спросил:

— Скажите же мне, какую цену может иметь каждая из этих трех вещей, потому что я за них ничего бы не дал.

— Молодой человек, — воскликнули они, — каждая из этих трех вещей имеет волшебную силу, которая, будучи взята отдельно, превосходит все сокровища земные. Соболаговоли только нас выслушать.

— Эта шапка, — сказал старший, — имеет силу делать невидимым. Поэтому тот, кто ею обладает, может достигнуть высочайшего счастья.

Азем со вниманием слушал рассказ о всех выгодах, какие можно извлечь из этой драгоценной шапки, и думал про себя, что никому бы она не была так полезна, как ему.

— Теперь, когда я удостоверен в достоинствах этой удивительной шапки, скажите мне также и о свойстве медного барабана.

— Обладающий такой драгоценностью, — сказал второй брат, — если попадет в самое опасное положение, мгновенно будет выведен из него, ударив по литерам, которые высечены на барабане.

«Этот барабан истинно для меня сделан, — сказал про себя Азем, — и он мне гораздо полезнее, нежели этим трем людям».

— И это очень хорошо, — сказал он второму брату, который так расхваливал ему барабан, — посмотрим теперь, какое достоинство заключается в этом деревянном шаре.

— Господин, — отвечал третий брат, — кто будет обладать этим шаром, тот найдет в нем чудесную силу. Он может кого бы то ни было в мгновение перенести из одного конца земли на другой; с помощью его можно в два дня совершить путь, на который потребно двести лет, надобно только ему назначить место, куда желаешь быть перенесен; он тотчас повернется и пролетит все пространство так скоро, как бурный вихрь, унося с собою желающего с ним путешествовать.

Когда третий брат окончил свою речь, Азем рассудил присвоить себе шар так же, как и другие две вещи.

— Но довольно того, — сказал он им, — что вы мне рассказали о силе этих трех вещей; я должен удостовериться также в истине ваших слов. Иначе я не могу быть вашим посредником.

— Ты справедливо рассуждаешь! — вскричали все три брата. — Испытай же их силу, как тебе угодно, и да поможет тебе Аллах в твоём предприятии.

Тогда Азем надел шапку на голову, прицепил барабан к своему поясу, бросил шар на землю и назвал место, куда хотел отправиться; послушный шар поднялся тотчас и пролетел с ним все пространство с быстротой ветра.

Когда братья увидали, что Азем так поспешно удаляется с их наследством, они бросились за ним, крича:

— Ты уже сделал желаемый опыт: разве еще не довольно? Будет, остановись же!

Но они тщетно кричали изо всех сил, Азем был уже на десять дней пути от них.

Его шар наконец остановился перед воротами обширнейшего здания. Азем вышел из своего кораблика и хотел узнать, ударив по барабану, какое это место, но его прервал голос.

— Ты победил, Азем, ты преодолел часть затруднений, которые тебе предстояли. Тщательно храни свой шар, потому что ты теперь находишься в области злых духов.

Азем последовал совету голоса, спрятал свой шар под одежду и, озираясь, спросил:

— Кто ты таков?

— Я, — отвечал голос, — один из духов, которые силою барабана тебе служат. Продолжай свой путь, потому что ты еще на три года пути от островов Ваак-аль-Ваак.

Азем продолжал путь и зашел в долину, покрытую гадами, змеями и хищными зверями. Он ударил по барабану и спросил:

— Какая это земля?

— Это земля драконов, — отвечал голос. — Будь осторожен, не мешкай здесь.

Азем во избежание несчастья надел шапку-невидимку и благополучно прошел страшную долину.

Наконец он достиг морского берега и увидел вдалеке острова Ваак-аль-Ваак, краснопылающие горы которых от лучей заходящего солнца казались позлащенными облаками. Первый взгляд на них наполнил его удивлением и страхом, однако он скоро ободрился и ударил несколько раз по барабану.

— Чего ты хочешь? — спросил его дух.

— Как мне достичь тех островов, минуя это обширное море? — спросил Азем.

— Ты этого не сможешь сделать, — сказал голос, — без помощи почтенного мудреца, который живет в пустыне у подножия горы.

Азем пустил шар и скоро прибыл к жилищу старца. Вошедши к нему, Азем был весьма дружелюбно принят им и стал просить его доставить ему средство переплыть море.

Старец, выслушав все приключения Азема, посмотрел в таинственную книгу и, прочитав несколько слов про себя, сказал ему:

— Завтра утром, сын мой, мы отправимся к этим горам, и ты переправишься через море, исполненное чудес.

С наступлением дня пустынный и Азем отправились в путь и, поднимаясь с трудом по чрезвычайной крутизне, достигли здания, которое имело вид укрепления. Они вошли во двор, посредине которого стояла исполинской величины статуя, из нее выходило множество труб, через которые лилась вода в мрачный обширный водоем. Это чудо было делом духов. Пустынный развел огонь, бросил в него душистый порошок и произнес многие неизвестные Азему слова. Только он окончил свое заклинание, как облака сгустились, поднялась сильная буря, молнии рассекали облака, и во всех горах раздавались удары грома.

Азем в великом страхе наблюдал, что вокруг него происходило. Наконец буря стихла, и старец обратился к Азему со словами:

— Теперь пойдешь и взгляни на море, которое переплыть тебе казалось невозможным.

Азем взошел опять на вершину горы и посмотрел с любопытством на море; как велико было его удивление, когда он не увидел ни малейшего следа его, тщательно искал он признаки этого моря, которое неизмеримостью своею так его устало.

— Возлагай, сын мой, — сказал ему мудрец, — упование свое на Аллаха и продолжай предпринятое тобою путешествие.

Произнеся эти слова, старик скрылся из глаз Азема.

Азем пустился в путь и наконец достиг островов Ваакаль-Ваак. Дивна и очаровательна показалась ему тут природа, особенно одно дерево наподобие ивы, на котором вместо плодов висели юные девы.

При виде этого чуда Азем совершенно смутился и воскликнул:

— О Аллах! Какое чудесное видение!

Пройдя далее по острову, он сел отдохнуть под дерево; в это время подошла к нему какая-то старая женщина и, изумленная, спросила его:

— Откуда ты взялся? Имей ко мне доверие, скажи.

Азем, ободренный словами ее, рассказал историю свою и спросил, не может ли она помочь ему.

Старуха обещала сделать все зависящее от нее и, пользуясь темнотою ночи, провела его в свой дом, строго приказав не показываться, дабы не привести в возмущение всю страну и женский народ в тревогу.

Азем, обрадованный, что наконец достигает цели многотрудного своего путешествия, обещал старухе все, что она хотела, и с сердцем, исполненным надежды, благодарил Аллаха и молил исполнить его желание: соединить с супругою и детьми.

Старуха приготовила Азему ужин, который он нашел вкусным, хотя кушанья этой страны были совсем непохожими на те, к каким он привык. После этого он лег и спал со спокойным сердцем.

Когда он открыл глаза, то увидел старуху, которая сидела в ногах его постели.

— Сын мой, — сказала она ему, — я должна тебе сказать, что супруга твоя после разлуки с тобою претерпела много горя. Никто лучше меня не может дать тебе о ней сведения, потому что я была кормилицей царицы и всех ее сестер. Я часто была свидетельницей ее горького раскаяния, которое она чувствует при одной мысли, что своевольно с тобою разлучилась, и я всячески старалась уменьшить ее горе.

Услышав эти слова, Азем начал горько плакать, старуха могла утешить его только обещанием вскоре представить его царевне.

После того, как она рассказала ему все бедствия его супруги со времени ее возвращения на остров, она отправилась во дворец, где застала царицу со своими сестрами. Они совещались по поводу судьбы Аземовой супруги, которой они никак не могли простить, что она вышла замуж за человеческое существо. Их совет решил замучить ее до смерти и кровью смыть позор, причиненный ею их высокому роду.

Как только старуха вошла, царица и сестры ее почтительно встали и просили ее сесть.

— Какое вы приняли решение насчет вашей злополучной сестры? — спросила она царицу.

— Так как она, — отвечала царица, — согласилась на неравный брак, отдав руку существу, которое не принадлежит к роду духов, и это бесчестье падает на нас, то мы решили предать ее смерти.

— Смерть ее падет на вашу голову, — вскричала кормилица, — потому что нам не позволено наказывать; впрочем, я прошу у вас одной милости — позволить мне еще раз ее увидеть.

Получив на это разрешение, она тотчас пошла в темницу к несчастной царевне, которую нашла бледною и утопающей в слезах; дети ее играли подле нее, стараясь невинными забавами своими и ласками рассеять печальные мысли своей матери. Кормилица утешила ее, обещая в скором времени прекращение ее мучений и свидание с Аземом.

Оставив обрадованную этими словами царевну, старуха отправилась к Азему.

Придя домой, она рассказала ему о совещании сестер царевны и советовала ему поспешить с похищением супруги.

Азем был вне себя, когда узнал о жестоком обращении с его женою.

Когда наступила ночь, кормилица привела его к подножию башни, в которой была заключена царевна.

Азем провел остаток ночи в молитве и, когда увидел утреннюю зарю, надел шапку на голову и сделался для всех невидимым. Царица явилась в сопровождении множества невольниц. Она отперла двери темницы, и Азем, смешавшись с ее свитой, вошел вместе с ними, не будучи никем виден.

С трудом он удерживал чувства горести и любви, которые его одолели при входе в это печальное жилище; он прижался в угол темницы и был свидетелем того, как царица обращалась со своею сестрою.

— Остановитесь, безжалостные, страшитесь мщениа небес! — вскричал Азем, который не мог долее удерживать своего гнева.

Царица, уstraшенная грозным голосом, который она слышала, со страхом озиралась вокруг себя и поспешно убежала со своими невольницами. Царевна же, узнав голос своего супруга, положила обе руки на грудь свою и подняла прекрасные глаза свои к небу, чтобы возблагодарить его за неожиданную помощь.

Оставшись наедине с царевной, Азем скинул шапку и бросился в объятия супруги. Долго проливали они слезы радости, наконец, успокоившись, стали придумывать средство к побегу.

В это время застучали ключи в двери, и вошла в темницу ключница, принеся пищу. Азем едва успел надеть шапку.

Пужинав с царевною, ключница легла спать тут же, в темнице.

Азем воспользовался этим случаем, подкрался потихоньку к ней и, отцепив связку ключей, которую она носила на своем поясе, отпер осторожно двери тюрьмы и вывел поспешно жену и детей своих из этого горестного жилища. Они шли очень скоро и, хотя были обременены двумя детьми своими, продолжали путь всю ночь, так что к солнечному восходу были уже далеко от города.

Когда царица узнала о побеге сестры, то пришла в неопиcуемый гнев; она призвала на помощь всех знакомых ей духов, которые наперебой старались исполнить ее приказания и тотчас с многочисленным войском пустились преследовать бежавшую с твердым намерением изрубить ее в куски.

Азем, увидев бесчисленное воинство царицы, схватил свой барабан и стал бить по нему. Легионы духов покрыли равнину, в минуту построились в боевой порядок и смело двинулись против войска царицы. Начался ужасный бой, какого никто до сего дня не видывал, потому что это были не люди, а духи со всей земли, воевавшие друг против друга. Духи Аземовы одержали наконец победу, и царица со всею свитою взята была в плен.

Когда Аземова супруга увидала старшую сестру в таком унижении, то бросилась к ногам супруга и стала умолять о пощаде. Азем уверил, что совсем не думает о мщениии, обошелся с царицей с почтительною вежливостью и обещал забыть все ее несправедливости, если она возвратит сестре своей любовь.

Царица Ваак-аль-Ваакская, побежденная великодушием своего неприятеля, просила искреннего прощения за все жестокости к сестре своей.

С той минуты был заключен мир. Веселые празднества сопровождали его. Наконец бывшие неприятели распростились, как истинные друзья. Азем отправился домой и при помощи шара через несколько дней был у Абд-аль-Сюлиба, у которого прожил некоторое

время, подарил ему в знак благодарности шапку-невидимку, весьма заинтересовавшую старика.

По пути супруги заехали к Абд-аль-Куддусу, который принял их тоже весьма ласково и получил от Азема в подарок барабан. Простившись с ним, путешественники отправились к двум сестрам, которые, заранее узнав о приближении их, вышли навстречу; веселые празднества продолжались целый месяц.

Надобно было и им наконец расстаться. Волшебный шар был подарен сестрам.

Азем с супругою прибыл в Бальсору. Невозможно выразить радость, какую испытала мать Азема, увидев опять сына, давно уже оплакиваемого ею.

КОРОЛЕВСКИЙ СОКОЛ

Итальянская сказка

Эту историю рассказал мне один крестьянин за стаканом доброго вина. Слышал он ее от своего деда, а дед слышал от своего деда. А уж от кого тот дед слышал, никто не знает. То ли это с ним самим случилось, то ли с его братом, то ли с соседом. Ну да все равно! А история презанятная. Если хотите, послушайте.

Жил когда-то король, и был у него любимый ловчий сокол. Любил его король за сильные крылья, зоркие глаза и крепкие когти. Три года служил сокол своему господину и ни разу не возвращался без добычи. И за это повесил ему король на шею маленький колокольчик наполовину из золота, наполовину из серебра. Как только птица поворачивала голову, колокольчик звенел то золотым, то серебряным звоном.

Однажды захотелось королю отдохнуть от своих королевских забот. Вот он и отправился на охоту. Сокол, как всегда, сидел у него на вытянутом пальце. Доехал король до ровного поля и выпустил сокола. Выпустил в первый раз — тот принес ему перепела. Во второй раз сокол принес куропатку. А в третий раз взлетел и больше не вернулся. Может, вспомнила птица вольную жизнь, может, погналась за быстрым голубем и улетела далеко прочь. Так или не так, а пришлось королю возвращаться в свой замок без любимого сокола.

На поиски птицы король послал семь оруженосцев. Искали они семь дней, а на восьмой вернулись с пустыми руками.

Тогда король повелел глашатаям объявить по всему королевству такой указ. Кто найдет сокола и принесет в королевский замок, тот получит награду — двести золотых флоринов, а кто найдет сокола и утаит, тоже получит награду — веревку на шею.

Пока король горевал о любимой птице, пока глашатаи скакали из конца в конец королевства, сокол долетел до дальних гор и опустился на дерево.

И надо же так случиться, чтобы как раз неподалеку от этого дерева пахал свое поле крестьянин. Он-то и был не то дедом деда того, кто рассказал мне эту историю, не то братом деда, не то соседом. Шагал он по борозде за ослом, запряженным в плуг, и рассуждал вслух.

У крестьянина была жена и двое дочерей. Если в доме три женщины, так мужчине лучше молчать. Из женщин слова сыплются, как из рваного мешка мякина. Их не перекричишь. А на беду, крестьянин и сам любил поговорить. Приходилось ему отводить душу в поле с самим собой или со своим осликом.

— Хорошо тебе, длинноухий, — рассуждал он, — никаких у тебя забот нет. А мне двух дочерей пристраивать надо. Девушки они тихие, скромные, не больше десяти раз на дню ссоры затевают. Да вот женихи нынче стали слишком разборчивы. Красоты нет, так приданое им подавай, а где я его возьму, это приданое?

Вдруг крестьянин услышал тихий звон. Обернулся и увидел на дереве птицу. Крестьянин поднял руку и в шутку поманил птицу пальцем. И как же он удивился, когда птица размахнула широкие крылья и слетела к нему на палец, зазвенев колокольчиком.

— Э, — сказал крестьянин, — да ты птица не простая. Небось, моему работяге ослу никто на шею золотых побрякушек вешать не станет.

Тут он присмотрелся повнимательнее и разглядел на колокольчике тонко вырезанную корону.

— О такой шапке мы слышали. Зимой она не греет, летом от солнца не укрывает. И поди ж ты, кто раз ее на голову напялил, ни за что снимать не хочет. Бывает, конечно, что теряют эту шапку, да только вместе с головой. Ну, об этом лучше помолчать. Словом, птица, я тебя признал. Ты тот самый сокол, о котором неделю тому назад объявлял на деревенской площади глашатай. А ведь это неплохо, что ты попался мне в руки!

С этими словами крестьянин отправился домой, неся сокола перед собой на пальце.

— Ну, дочки, — сказал он, — вот ваше приданое, — и показал им птицу.

— Ты, отец, видно, смеешься над нами! — разворчались дочери. — Сулишь в приданое какую-то птицу, которая и курицы хорошей не стоит.

— Много вы понимаете, — сказал крестьянин, повернулся и крикнул жене: — Эй, жена, собирай мужа в дорогу! Иду я в королевский дворец, а путь туда не близкий. Дай мне с собой три лепешки, три маслины да три луковки.

Пока жена укладывала три лепешки, три маслины да три луковки в мешок из-под овса, крестьянин снял недоуздок со своего ослика, один конец обмотал вокруг лапки сокола, другой вокруг руки. Потом вскинул мешок за спину и отправился.

День шел, два шел, на третий пришел к королевскому дворцу.

В крестьянской лачуге двери всегда настежь: только порог переступи и все. А в королевском дворце каменные стены, чугунные ворота всегда на запоре. Но крестьянина это не смутило. Он подошел поближе и принялся колотить по воротам ногой, потому что руки у него были заняты — одна придерживала мешок, на другой сидел сокол.

Ворота распахнулись, крестьянин уже хотел войти, но не тут-то было. Двое стражников преградили ему путь длинными копьями, а третий стражник забил в колокол, будто на пожар сзывал. Тут из дворца выбежал толстый начальник стражи и стал допрашивать крестьянина.

— Куда идешь, деревенщина?

— К королю иду, — отвечал крестьянин.

— А что у тебя на руке?

— Сокол.

Начальник стражи, конечно, сразу узнал птицу, но быстро успел смекнуть, что тут можно поживиться.

— Сокол-то сокол, а чей сокол? — спросил он.

— Королевский, — сказал крестьянин.

— Ах, негодяй! — закричал начальник стражи. — Да знаешь ли ты, что король от тоски по своему любимому соколу не ест, не спит. Наконец-то я изловил тебя, бесовестного вора. Эй, стража правой половины ворот, исполняй свое дело!

Стража потащила крестьянина направо, и он увидел прямо перед собой виселицу с болтавшейся наготове петлей.

«Чего доброго, и впрямь повесят!» — подумал бедняга и завопил:

— Да что вы, совсем с ума спятили? Где это видано, чтобы вор краденое добро назад хозяину приносил!

— Подождите вешать, — приказал начальник стражи. — Так ты что же этого сокола королю принес?

— Конечно, королю, — отвечал обрадованный крестьянин.

— Ну так давай его мне, — сказал толстый начальник стражи, — а я снесу королю.

— Э, нет! Сокол-то мой!

— Ах, твой! — опять закричал начальник стражи. — Значит, ты все-таки хочешь утаить королевскую птицу. Стража левой половины ворот, исполняй свое дело!

Крестьянина снова подхватили и поволокли налево. Налево тоже стояла виселица — видно, родная сестра правой. Крестьянину она понравилась не больше, чем первая. Поэтому он вырвался из рук стражников и подбежал к начальнику.

— Милостивый господин, — заговорил он, низко кланяясь. — Что-то не хочется мне болтаться между небом и землей. Не сговоримся ли мы как-нибудь иначе?

Начальнику только этого и надо было. Он подкрутил свои усы и важно сказал:

— Королевская служба не шутка. Что ни случись, за все начальник стражи в ответе. Мне свою голову даром терять тоже неохота.

— Зачем же даром, господин начальник, — сказал крестьянин.

— Вот это разговор другой. Так и быть, пойдем вместе к королю. Только смотри, уговор такой: сокола мы поймали вдвоем. А раз вдвоем, так и награда на двоих.

— Будь по-твоему, — сказал крестьянин. — Идем к королю.

Король даже вскочил с трона, увидев своего любимого сокола. Крестьянин разматал ослиный недоуздок, и сокол перелетел с его пальца на палец хозяина. Тогда король спросил:

— Кто поймал?

— Я... — начал крестьянин, — и... он тоже.

— Да, я тоже, — подхватил начальник стражи.

— А кто же увидел моего сокола первый?

— Ну, увидел-то я первый, — ответил крестьянин. — Но поскольку ловили мы вдвоем, то все, что ваше королевское величество пожалует, причитается нам поровну. Об одном только прошу у вашей королевской милости — не давайте нам награду золотыми монетами.

— А чем же? — спросил король.

— Я бы хотел получить плетями. И сдается мне, что по пятьдесят ударов каждому будет в самый раз.

Король очень удивился. Но королю не полагается выказывать удивление. Он позвал придворного палача и велел отпустить по пятьдесят ударов.

Крестьянин подставил свою спину сам, и вид у него был предовольный. Это начальника стражи тащили к палачу шестеро слуг, потому что от страха ноги его совсем подгибались.

А король тем временем просто умирал от любопытства, и так как король все-таки человек, то он не выдержал и велел привести к себе крестьянина.

— Теперь, когда вы оба получили то, чего просил ты один, — сказал ему король, — объясни мне, почему ты выбрал такую удивительную награду.

— Потому что оба мы ее заслужили, — принялся объяснять крестьянин. Я за то, что дал себя провести, а господин начальник вашей стражи за то, что провел меня.

— Как так?

Тут крестьянин рассказал все по чистой правде.

— Конечно, — добавил он, — я бы предпочел что-нибудь другое, тем более, что я бедный землепашец и у меня две дочки на выданье. А битая спина — незавидное приданое. Но я человек справедливый и рассудил так: кто что заработал, то и получай.

Король расхохотался. Потом сказал:

— Ну, и я человек справедливый. Поэтому рассужу иначе. Начальнику моей стражи я велю прибавить еще пятьдесят плетей. А ты возьми себе вот этот кошель. В нем ровно двести золотых. Неплохое будет приданое у твоих дочерей.

— Ну, если так, побегу их обрадую, — сказал крестьянин. Взял кошель, поклонился королю и пустился, весело распевая, в обратный путь.

ВЕДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА

Русская сказка

В некотором царстве, далеком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой, было ему лет двенадцать, и пошел он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему завсегда сказки, и теперь Иван-царевич пришел послушать от него сказочки, да не то услышал:

— Иван-царевич! — сказал конюх. — У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей, так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня — будто покататься, и поезжай отсюда куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться.

Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить.

Старухи сказали:

— Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьем сундук ниток — тотчас и смерть придет!

Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал, подъезжает к Вертодубу и просит:

— Прими меня к себе!

— Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с кореньями — тотчас и смерть моя!

Пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору, стал его просить, а он в ответ:

— Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними — тут и смерть моя!

Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше.

Долго-долго ехал, приезжает, наконец, к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нет-нет да и взгрустнется, захочется узнать, что в родном доме деется? Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены остались! Вздохнет и заплачет.

Раз этак посмотрел да поплакал, воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

— Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?

Он говорит:

— Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же, Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть.

И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный, да уж делать нечего — пришлось во всем признаваться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он ее упрашивает; наконец упросил-

таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два молодых яблочка: как бы ни был стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась, он взял свою щетку и бросил во чисто поле; откуда ни взялись — вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их — видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу.

Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось; он взял гребенку и кинул во чисто поле; вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошел столетние дубы выворачивать.

Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему косточку, как махнешь косточкой — станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила:

— Сядь, — говорит, — братец, поиграй на гусях, а я пойду обед приготовлю.

Царевич сел и бренчит на гусях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

— Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад, а мышонок по струнам бегаёт: гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушел. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь — нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

Иван-царевич услышал шум, оглянулся — вот-вот нагонит сестра; махнул косточкой — и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал.

Понеслась она еще быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу, целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла, грызла, насилу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала, гнала, еще немножко... и уйти нельзя! Вертогор увидел ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул ее как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погнала за братом... Завидела его и говорит:

— Теперь не уйдешь от меня!

Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал:

— Солнце, Солнце! Отвори оконце!

Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем.

Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма:

— Пусть Иван-царевич идет со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу — так я его съем, а если он перевесит — пусть меня убьет!

Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла; только ступила ногой, так Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема, а ведьма-змея осталась на земле.

ЧЕРНАЯ ЛОШАДКА

Итальянская сказка

Жил в деревне, недалеко от Сан-Марино, крестьянин Джузеппе Франчози, а попросту Пеппе. Были у него клочок земли и две работающие руки. Руки хорошие помощники в хозяйстве, но Пеппе всегда хотелось иметь еще и осла. Сольдо да сольдо — два сольди, два сольди да сольдо — три сольди. Так и копил Пеппе, пока не скопил столько, что можно было отправиться на базар за ослом.

В первое же воскресенье Пеппе, наряженный, как на праздник, с цветком за ухом, зашагал на базар. Идет он и распевает во все горло:

Я Пеппе, Джузеппе,
Шагаю я вперед,
И вместе со мною
Все кругом поет.
Тружусь я до пота,
Но жизнь мне мила.
Чтоб лучше работать,
Куплю себе осла.

Услыхал эту песенку священник и выскочил за ворота.

— Сын мой Джузеппе, если верить твоей песне, ты собираешься покупать осла.

— Вы угадали, прете.

— Ах, сын мой, ведь на базаре много обманщиков. Продадут какую-нибудь полудохлую скотину, что о каждый камень спотыкаться будет. Жаль мне тебя. Так и быть, уступлю я тебе лучшего друга, замечательного осла.

Пеппе обрадовался. Он ведь не знал, что такое осел прете.

Они быстро сторговались. Священник вывел осла за ворота, а потом поспешно вошел к себе в дом и заперся на засов.

Осел тут же показал, какого бесценного помощника приобрел Пеппе. Он приловчился и в одно мгновение лягнул нового хозяина по ноге и укусил за ухо. Потом он вдруг помчался вперед, словно добрый скакун.

— Стой, стой! — закричал Пеппе и побежал вдогонку.

Но только Пеппе поравнялся с ослом, тот встал как вкопанный. Пеппе его и уговаривал, и понукал, и принимался колотить. Осел ни с места. Потом ослу, видно, самому надоело стоять, и он опять поскакал вперед. Так они и добрались до дому. Двадцать шагов бегут, полчаса стоят.

Как же это Джузеппе Франчози дал себя обмануть? Да вот, говорит же пословица: чтобы раскусить мошенника, нужно полтора мошенника. А Пеппе мошенником никогда не был. Однако остаться в дураках ему тоже не хотелось.

В следующее воскресенье Пеппе снова отправился на базар. Только не покупать, а продавать. Он вел за собой на поводу маленькую лошадку. Она была черная-пречерная и блестела, как начищенный сапог.

Проходя мимо дома священника, Пеппе опять запел песню:

Серый ослик, черная лошадка.
Вот вам, прете, хитрая загадка.
Если угадаете — что ж, моя беда,
А не угадаете — посмеюсь тогда.

Священник выглянул из окошка и увидел прехорошенькую лошадку.

— Куда ты ведешь ее, сын мой?

— На базар, продавать.

— Пони вороной масти самые резвые, — заметил священник.

— Известно, — отозвался Пеппе, — скотину по шерсти узнают, а на этой не сыщешь ни одного светлого пятнышка.

— Я не прочь, пожалуй, купить твоего пони, — сказал священник.

— Как хотите, прете. Только смотрите, чтобы потом не обижаться. Тому, кто покупает, ста глаз мало, а тому, кто продает, и одного достаточно. Уж я-то хорошо знаю.

— Все, что нужно увидеть, я уже увидел, — ответил священник, — а теперь я хочу услышать, что ты просишь за лошадку.

Пеппе запросил цену, за которую можно было купить четырех ослов. Священник предложил цену, за которую можно было купить четверть осла. Принялись торговаться. Продавец уступал, покупатель набавлял. Не прошло и трех часов, как они сошлись. Священник заплатил за вороную лошадку вдвое больше, чем Пеппе за осла.

Довольный священник решил, что лошадка станет еще красивей, если ее выкупать.

Он велел слуге вести пони к речке, а сам пошел рядом, любуясь на свою покупку.

Вдруг пони брыкнул задними копытами и попробовал укусить священника.

— Э, — сказал слуга, — если бы этот пони не был таким черным, я бы подумал, что это наш серый осел.

— Что ты, что ты, — прикрикнул на слугу священник, — просто лошадке захотелось порезвиться!

Тут они подошли к реке. Пони вошел в воду по колена и остановился. Дальше он ни за что идти не хотел. Пока слуга тянул его за повод, а священник подталкивал сзади, вся вода вокруг стала черной, как чернила.

— Сдается мне, — сказал слуга, — что это все-таки наш осел. Посмотрите, прете, вода-то черная, а ноги у него серые.

— Как это может быть, — заспорил священник, — ведь я заплатил за него столько, сколько стоят два осла. Знаешь что, лучше не будем его купать.

Но стоило ему выговорить эти слова, как пони рванулся вперед, и все трое окунулись с головой в воду.

Потом они вынырнули — священник, его слуга и... серый осел.

— Вы только подумайте! — завопил прете. — Этот мошенник Пеппе продал мне моего собственного осла!

Но делать было нечего. Пришлось мокрому священнику тащить своего упрямого осла к себе домой.

С тех пор в Сан-Марино и сложили поговорку: обман возвращается в дом обманщика!

ЧЕРНЫЙ БЫК НОРРОУЭЙСКИЙ

Шотландская сказка

В старину, много веков назад, жила-была одна вдовствующая королева, и были у нее три дочери. Королева была такая бедная, что ей с дочерьми часто даже есть было нечего.

И вот старшая принцесса надумала идти по свету счастье свое искать, и мать согласилась ее отпустить.

— Лучше уж на чужой стороне работать, чем дома с голоду помирать, говорила она.

Неподалеку от их замка жила старуха птичница. Она слыла колдуньей, и говорили, будто она может предсказывать будущее. Вот королева и послала к ней старшую принцессу спросить, в какую из четырех стран света ей лучше пойти счастье свое искать.

Птичница жалела королеву и ее красавиц дочерей и была рада подать им добрый совет.

— Тебе незачем идти далеко, милочка, — сказала она старшей принцессе. — Дойди только до задней двери моего дома и выгляни из нее.

Принцесса побежала по сеням к задней двери старухино дома, и что же она увидела? Великолепная карета, запряженная шестеркой буланых лошадей, катила по дороге.

Девушка всполошилась и побежала назад в кухню рассказать птичнице про карету.

— Хорошо, отлично! — сказала ей старуха, очень довольная. — Вот ты и увидела свое счастье! Эта карета приехала за тобой.

И правда, карета остановилась у ворот замка, и средняя принцесса уже побежала к птичнице сказать сестре, чтобы та поскорее возвращалась домой, — ведь карета за ней приехала!

Не помня себя от радости, старшая принцесса поспешила домой и простилась с матерью и сестрами. Потом села в карету, и лошади помчали ее вдаль.

Говорят, будто эта карета направилась ко дворцу могущественного и богатого принца, и он женился на старшей принцессе.

Несколько недель спустя средняя принцесса решила по примеру сестры пойти к птичнице и спросить, в какую сторону ей пойти счастья своего поискать. И, конечно, она в глубине души надеялась, что с нею случится то же, что случилось со старшей ее сестрой.

Так оно и вышло. Старуха птичница велела ей выглянуть за дверь ее дома, что выходила на задний двор. Принцесса выглянула и увидела, что к их замку подъезжает карета, запряженная шестеркой. Она рассказала про это старухе, а та ласково улыбнулась и велела ей бежать домой, потому что она уже нашла свое счастье. Ну, принцесса побежала домой, села в карету и уехала.

Младшей принцессе тоже захотелось попытать счастья. Веселая, полная надежд, она в тот же вечер побежала к колдунье.

Старуха велела младшей принцессе подойти к задней двери, и та пошла. Она думала, что третья карета, запряженная шестеркой, вот-вот подкатит к воротам замка.

Но не тут-то было! Никакой кареты она не увидела. Никто не ехал по дороге. Младшая принцесса в досаде побежала к птичнице и сказала, что кареты нет.

— Ну, значит, счастье твое придет к тебе не сегодня, — молвила старуха. — Подожди до завтра.

Младшая принцесса вернулась домой и на другой день опять пошла к птичнице. Но и на

этот раз надежды ее не сбылись. Как она ни всматривалась в даль, никакой кареты не появлялось. А вот на третий день... Что же она увидела на третий день? По дороге, свирепс дергая головой, с ревом мчался громадный черный бык.

Принцесса очень испугалась, захлопнула дверь и побежала к птичнице сказать, что к дому бежит страшный, свирепый бык.

— Ох, милочка, — воскликнула старуха, всплеснув руками, — кто бы мог подумать, что счастьем твоим будет Черный Бык Норроуэйский!

Услышала это бедная принцесса и побледнела. Ведь она пошла искать свое счастье, но никак не ожидала, что оно окажется таким страшным.

— Да разве этот бык может быть моим счастьем! — вскричала она в ужасе. — Не могу же я уйти с быком!

— Придется, — спокойно молвила птичница. — Ты выглянула за дверь моего дома, чтобы найти свое счастье. Значит, раз уж счастье твое пришло, придется тебе его взять.

Принцесса в слезах побежала к матери. Она твердила, что не хочет никуда уходить из дому. Но королева-мать сказала ей то же, что говорила птичница. И вот, когда громадный черный бык подошел к воротам замка, пришлось принцессе сесть к нему на спину. Пока она садилась, он стоял смирно, а как только села, сразу пустился вскачь. Бедная принцесса крепко ухватилась за его рога, а сама плакала и дрожала от страха.

Бык все бежал и бежал, а несчастная девушка наконец совсем ослабела от страха и голода, так что едва держалась на его спине. Она боялась, что вот-вот выпустит из рук рога и свалится на землю. Но бык вдруг чуть-чуть повернул к ней свою огромную голову и проговорил удивительно ласковым и приветливым человеческим голосом:

— Скушай то, что у меня в правом ухе лежит, и выпей то, что у меня в левом ухе. Это тебя подкрепит.

Принцесса сунула дрожащую руку в правое ухо быка и вынула оттуда ломоть хлеба с мясом. Она съела хлеб с мясом, и ей полегчало. Потом сунула руку в левое ухо быка и вытащила маленькую склянку с вином. Выпила вино, и силы чудом вернулись к ней.

Долго бежал бык. Принцесса уже подумывала, что скоро будет Край Света. Но вот впереди показался великолепный замок.

— Тут мы переночуем, — сказал Черный Бык Норроуэйский. — Это дом одного из моих братьев.

Принцесса очень удивилась, но ничего не ответила — слишком уж она устала. А бык пробежал по двору замка и боднул рогами парадную дверь.

Дверь тотчас открыл слуга в роскошной ливрее. Он очень почтительно приветствовал быка и помог принцессе спешиться. Потом проводил ее в богато убранный зал, где ее встретили сам владелец замка с супругой и их гости. А Черный Бык Норроуэйский ушел ночевать на лужайку в парк, что раскинулся вокруг замка.

Владелец замка и его супруга приняли принцессу очень радушно. Накормили ее ужином и проводили в богато убранную спальню, где все стены были увешаны зеркалами в золотых рамах.

Наутро, когда Черный Бык Норроуэйский подбежал к парадной двери, владелец замка и его супруга подарили принцессе крупное красивое яблоко и сказали:

— Положи его в карман и бережно храни. Не трогай этого яблока, пока не попадешь в большую беду — такую, что хуже и быть не может. А тогда разломи яблоко, и оно вызволит тебя из беды.

Принцесса положила яблоко в карман, потом ее подсадили на спину к быку, и он снова тронулся в путь.

Весь день они провели в дороге, а вечером впереди показался другой замок, еще выше и богаче, чем первый.

— Тут мы переночуем, — сказал принцессе Черный Бык Норроуэйский. Здесь живет другой мой брат.

Эту ночь принцесса провела в роскошной спальне, где стены были сплошь увешаны шелковыми тканями. Владелец этого замка и его супруга тоже встретили принцессу приветливо и всячески старались ей угодить.

А наутро они на прощанье подарили ей огромную грушу, какой принцесса в жизни не видывала, и сказали, что разломить ее она должна лишь тогда, когда попадет в большую беду, такую, что хуже и быть не может. И как только она разломит грушу, та вызовет ее из беды.

Третий день прошел так же, как и второй. Много-много миль пробежал Черный Бык Норроуэйский с принцессой на спине, а когда зашло солнце, впереди показался замок, еще более роскошный, чем первые два.

Этим замком владел младший брат Черного Быка, и здесь принцесса переночевала. А бык опять ушел на всю ночь в парк. На этот раз принцесса получила перед отъездом чудесную большую сливу с наказом разломить ее, только если принцесса попадет в большую беду, такую, что хуже и быть не может. И тогда пусть разломит сливу, и та вызовет ее из беды.

Однако четвертый день выдался непохожим на первые три. Вечером принцесса не увидела никакого замка. К тому времени, когда тени на земле стали удлиняться, бык вошел в темное глубокое ущелье, такое мрачное, такое жуткое, что у бедной принцессы сердце захолонуло.

Перед тем как войти в ущелье. Черный Бык Норроуэйский остановился и сказал:

— Тут тебе придется спешиться, госпожа моя. В этом ущелье я буду сражаться не на жизнь, а на смерть. Биться я буду один, и никто не должен мне помогать. Темное мрачное ущелье, что лежит перед нами, — это логово Духа Тьмы. Он творит много зла в нашем мире. Я хочу с ним сразиться и победить его и надеюсь, что смогу. А ты сядь вот на этот камень и не шевели ни рукой, ни ногой, ни языком, пока я не вернусь. Если только чуть шевельнешься, попадешь под власть Злого Духа, что обитает в этом ущелье.

— Но как же я узнаю, что с тобой случилось, если мне нельзя ни говорить, ни шевелиться? — в тревоге спросила принцесса.

За эти четыре дня она уже успела привыкнуть к огромному Черному Быку.

— Ты узнаешь это, когда оглянешься кругом, — ответил Черный Бык. Если все вокруг тебя посинеет, знай, что я победил Злого Духа. Если же все покраснеет, знай, что Злой Дух одолел меня.

И тут Черный Бык Норроуэйский отошел от нее и вскоре скрылся в темной глубине ущелья. А принцесса села на камень и сидела неподвижно — старалась даже пальчиком не пошевелить — до того она боялась, как бы не настигло ее неведомое несчастье.

Так она просидела с добрый час. И вдруг все вокруг нее начало менять свой цвет — сначала стало серым, потом лазурным, словно само небо спустилось на землю.

«Черный Бык победил! Какой молодец!» — подумала принцесса и от радости пересела поудобнее и скрестила ноги. Но вот горе! Сразу же на нее пали злые чары, и она стала

невидимой для принца Норроуэйского.

Ведь Черный Бык на самом деле был человеком. Его звали Черный Рыцарь, принц Норроуэйский. Когда-то его заколдовали и обратили в черного быка. А теперь он победил Злого Духа, снова стал человеком и уже бежал по ущелью к принцессе, чтобы показаться ей в настоящем виде. Ведь он ее полюбил и хотел на ней жениться.

Но он не увидел принцессы. Долго-долго искал он ее, да так и не нашел. А она в это время с нетерпением ждала его на камне и дожидаться не могла. Она тоже его не видела, как он не видел ее.

И так она все сидела и сидела и наконец до того утомилась и до того ей стало страшно и одиноко, что она расплакалась и плакала, пока не уснула. А когда утром проснулась, поняла, что, сколько ни сиди на камне, толку не будет. И вот она встала и пошла куда глаза глядят.

И она все шла и шла, пока дорога не уперлась в огромную стеклянную гору. Принцесса много раз пыталась подняться на эту гору, но не могла. Гора была такая скользкая, что стоило путнице вскарабкаться на несколько футов, как она сейчас же опять соскальзывала вниз.

Тогда она решила обойти гору в надежде отыскать тропинку на вершину. Но гора была такая большая, а принцесса так устала, что потеряла всякую надежду и совсем приуныла. Она плелась, еле передвигая ноги и проливая слезы, и уже боялась, что скоро совсем выбьется из сил. И тогда останется ей только лечь и умереть.

Но вот около полудня она подошла к какому-то домику. Близ него была кузница, и старик кузнец работал у наковальни.

Принцесса вошла и спросила его, нет ли тут где-нибудь тропинки на вершину стеклянной горы. Кузнец отложил свой молот, посмотрел на нее и покачал головой.

— Нет, девушка, — сказал он, — через стеклянную гору дороги нет. Правда, ее можно обойти, но это нелегко — сотни миль отшагать придется. Да если кто и попытается обойти эту гору, все равно заблудится. Подняться на вершину горы можно, но только в железных башмаках.

— А где достать железные башмаки? — спросила принцесса. — Ты бы не мог мне сковать такие, добрый человек? Я охотно за них заплачу.

Но тут она вдруг вспомнила, что денег у нее нет.

— Эти башмаки не продаются за серебро, — ответил старик. — Их можно получить только в награду за свою работу. Я один умею ковать такие башмаки, да и кую для тех, кто согласен мне послужить.

— А как долго мне придется служить, чтобы ты сковал мне железные башмаки? — спросила принцесса.

— Семь лет, — ответил старик кузнец. — Ведь это башмаки не простые, а волшебные. И «семь» тоже волшебное число.

Делать нечего, пришлось принцессе наняться к старику кузнецу. Семь долгих лет она ему служила — стряпала, шила, штопала, стирала, убирала дом. Когда же срок ее службы кончился, старик кузнец сковал ей железные башмаки. Принцесса надела их и поднялась на стеклянную гору. И так легко ей было подниматься, словно гора поросла свежей травой.

Вот принцесса добралась до вершины горы, потом спустилась в долину и направилась к первому же дому. В нем жила старуха прачка со своей единственной дочерью. Принцесса подошла к ее двери, постучалась и попросилась переночевать.

Прачка, безобразная старуха с хитрым и злым лицом, сказала, что пустит ее

переночевать, но только если она сумеет выстирать белый плащ Черного Рыцаря Норроуэйского. В нем Черный Рыцарь сражался не на жизнь, а на смерть, и плащ весь покрыт пятнами крови.

— Вчера я целый день старалась отстирать этот плащ, — говорила старуха, — но все без толку. Вечером вынула его из корыта, а пятна как были, так и остались. Может, тебе, девушка, удастся его отмыть. Очень уж мне хочется угодить Черному Рыцарю Норроуэйскому, ведь он — богатый и могущественный властитель.

— А что. Черный Бык Норроуэйский это не его бык? — спросила принцесса.

Старуха подозрительно посмотрела на нее.

— Черный Бык это и есть сам Черный Рыцарь, — ответила она. — Когда-то Черного Рыцаря заколдовали — обратили в Черного Быка. И чтобы снова стать человеком, он должен был вызвать на бой и победить могучего Злого Духа, что жил в темном ущелье. Ну, он сразился со Злым Духом и победил его и опять стал человеком. Вот только ходит слух, будто на него иногда помрачение находит — все говорит про какую-то девушку. Будто он хотел взять ее в жены, да потерял. Но кто 1 она такая, никому не известно. Впрочем, тебе это ни к чему, ты ведь здесь чужая, — добавила прачка, словно пожалев, что сказала лишнее. — Некогда мне с тобой болтать! Хочешь попытаться отмыть плащ — оставайся ночевать, а нет — ступай своей дорогой.

Принцесса, конечно, сказала, что постарается выстирать плащ. И вот не успела она положить плащ в воду, как все пятна на нем исчезли, словно по волшебству, и он стал чистым и белым, как новый.

Старуха прачка обрадовалась, но тут же ее взяло сомнение. Ей показалось, что между Черным Рыцарем и этой девушкой есть какая-то таинственная связь. Ведь сама она, прачка, да и дочь ее, как только ни старались, как ни выбивались из сил, не сумели отмыть плащ. А эта девушка отстирала его сразу.

Черный Рыцарь должен был в тот же вечер прийти к прачке за своим плащом. И вот она надумала сказать ему, что плащ выстирала ее дочь. И старуха посоветовала принцессе поскорее лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть. Принцесса послушалась и уже крепко спала в чулане, когда Черный Рыцарь Норроуэйский пришел к прачке за своим белым плащом.

Надо сказать, что все последние семь лет, с тех самых пор, как он бился в ущелье с Духом Зла, он многих женщин просил выстирать ему плащ. Но ни одна не смогла его отмыть. Тем временем одна вещунья предсказала ему, что та, кто отмоет добела этот плащ, станет его женой, кто бы она ни была — красавица или уродина, старуха или молодая девушка. И жена эта будет ему любящей и верной помощницей.

И вот Черный Рыцарь пришел к прачке и получил обратно свой плащ, белый, как первый снег. Когда же ему сказали, что это дочь прачки отстирала плащ, он решил обвенчаться с ней на другой же день.

Наутро принцесса проснулась и узнала, что Черный Рыцарь приходил сюда, пока она спала, получил плащ и сегодня же обвенчается с дочерью прачки. Тут бедная принцесса чуть не помешалась от горя. Она подумала, что никогда уже ей не свидеться с Черным Рыцарем. Но вдруг вспомнила про яблоко, которое получила семь долгих лет назад и все это время носила с собой.

«Хуже той беды, в какую я попала теперь, быть не может», — подумала она. Взяла яблоко и разломил его. И что же в нем оказалось? Такие драгоценные самоцветы, каких она

в жизни не выдывала. Тут принцесса сразу придумала, что ей делать, — вынула из яблока драгоценные камни, высыпала их в свой платок и понесла к прачке.

— Смотри! — сказала она. — Я богаче, чем ты думала. Если хочешь, все эти камни будут твоими.

— А что для этого надо сделать? — спросила старуха.

Она никогда не видела таких драгоценных камней, и глаза у нее загорелись.

— Только отложи на один день свадьбу своей дочери, — ответила принцесса, — и позволь мне нынешней ночью посидеть в спальне Черного Рыцаря, пока он будет спать. Мне давно хочется на него поглядеть.

К ее удивлению, прачка согласилась — очень уж ей хотелось получить самоцветы и разбогатеть. А в просьбе принцессы она не видела ничего опасного для себя и своей дочери. Но она все-таки решила опоить Черного Рыцаря сонным зельем, так, чтобы он за ночь ни разу не проснулся и не увидел девушки.

И вот прачка взяла самоцветы и убрала их в свой сундук, а свадьбу дочери отложила на один день.

Вечером принцесса вошла в спальню Черного Рыцаря, когда он уже спал. Всю долгую ночь просидела она у его ложа и всю ночь пела песню в надежде, что он проснется и услышит ее. Она пела: Семь долгих лет я служила ради тебя, На стеклянную гору всходила ради тебя И белый твой плащ отмыла ради тебя, Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня?

Она снова и снова пела эту песню, и сердце у нее разрывалось, но он ничего не слышал и даже не шевелился, потому что выпил сонное зелье старой прачки.

На другой день принцесса разломила грушу в надежде, что она поможет ей лучше, чем помогло яблоко. Но в груше она опять нашла только самоцветы, правда, еще более крупные, чем те, что были в яблоке. Делать нечего. Пришлось ей отнести и эти самоцветы старой прачке.

— Отложи свадьбу еще на один день, — попросила принцесса старуху, — а мне позволь просидеть и эту ночь в спальне Черного Рыцаря.

Прачка согласилась. «Эдак я разбогатею быстро», — подумала она и заперла самоцветы в сундук.

Но все было напрасно! Принцесса всю ночь сидела у ложа Черного Рыцаря и, с нежностью глядя на него, пела:

Семь долгих лет я служила ради тебя,
На стеклянную гору всходила ради тебя
И белый твой плащ отмыла ради тебя,
Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня?

А он лежал неподвижный, как камень, и ничего не слышал.

Наутро принцесса уже почти потеряла надежду. «У меня осталась только слива, и уж если она не поможет, так ничто мне не поможет», — думала она. Дрожащими пальцами она разломила сливу и нашла в ней самоцветы, еще более редкие и драгоценные, чем те, что были в яблоке и груше. Принцесса побежала к прачке и высыпала ей самоцветы на колени.

— Бери! — сказала она. — Только отложи свадьбу еще на один день и позволь мне

посидеть в спальне принца еще одну ночь.

Прачка, хоть и очень удивленная, опять согласилась.

А Черному Рыцарю уже надоело ждать свадьбы, и в тот день он поехал на охоту вместе со своими слугами. По дороге слуги стали говорить между собой о том, что их так поразило в прошлые две ночи. Наконец один старик охотник подъехал к Черному Рыцарю и сказал:

— Господин мой, нам очень хотелось бы знать, кто это всю ночь так чудесно поет в твоей спальне?

— Кто поет? — повторил принц Норроуэйский. — Да никто не поет! В спальне моей тихо, как в могиле, а сам я, с тех пор как поселился в этом доме, сплю как убитый и даже во сне ничего не вижу.

Старый охотник покачал головой.

— Нынче вечером, господин мой, — сказал он, — не пей того напитка, что подает тебе прачка. Тогда и ты услышишь то, что слышали все прочие.

В другое время Черный Рыцарь лишь посмеялся бы над такими бреднями. Но в этот день слова старика запали ему в душу, и он послушался совета.

И вот настал вечер. Старуха прачка опять что-то подмешала в чашку эля и принесла сонное зелье Черному Рыцарю. Но он только чуть пригубил и сказал, что питье недостаточно сладко. Старуха пошла в кухню за медом, чтобы подсластить эль. А Черный Рыцарь в это время быстро встал с постели и вылил питье в окошко. Когда же старуха вернулась, он сказал, что уже выпил всю чашку.

И в ту ночь он не заснул. Он услышал, как принцесса вошла в спальню и как она запела свою жалобную песню: Семь долгих лет я служила ради тебя, На стеклянную гору всходила ради тебя И белый твой плащ отмыла ради тебя, Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня?

А когда услышал, вспомнил все. Он вскочил, обнял и поцеловал принцессу и попросил ее рассказать про все, что с нею приключилось с тех пор, как они расстались. Принцесса рассказала, и тогда принц так рассердился на старуху прачку и ее обманщицу-дочь, что выгнал их из своих владений. Потом он женился на принцессе, и они всю жизнь жили счастливо.

МАТТЕО И МАРИУЧЧА

Итальянская сказка

Жили в городке Виджанелло девушка Мариучча и юноша Маттео. Девушка была так красива, что ее никто не называл иначе, как «прекрасная Мариучча». А юноша был среди сверстников самым ловким, сильным и отважным. Мудрено ли, что, встретившись, молодые люди полюбили друг друга. Ну, а уж раз полюбили, так за свадьбой дело не стало.

В доме родителей Мариуччи уже все было готово для свадебного пира. Зарезали белого, как снег, ягненка, двух баранов, зажарили дюжину зайцев и больше сотни куропаток. По старому обычаю возле места, где должны были сидеть молодые, поставили две плетеные корзинки со сладями. После свадебного обеда жених и невеста станут осыпать друг друга конфетами, чтобы жизнь их была сладкой, как мед, из которого сварены лакомства.

Родственники и гости сходились к дому со всех сторон.

Вдруг по улице на взмыленном коне проскакал всадник. Он громко повторял только одно слово. Но слово это вселяло смятение в сердца горожан.

— Сарацины! Сарацины! — кричал всадник.

И сейчас же с вершины холма, вздымавшегося над Виджанелло, зазвучал голос Коломбо и Пеллико — двух огромных морских раковин. В дни мира они молчали. Но как только корсиканской земле грозила опасность, дозорные подносили их к устам. Тогда Коломбо и Пеллико тревожно пели над долинами, сзывая на битву сынов Корсики. Все мужчины — от безусых юношей до седобородых старцев, — слышав их призыв, спешили навстречу врагу. Ни один из них не уклонялся от священного воинского долга. А если бы и нашелся такой презренный, ему не удалось бы смыть позорное клеймо труса до конца своих дней.

Так и на этот раз. Не успели умолкнуть Коломбо и Пеллико, как мужчины, покинув плачущих жен и детей, звеня на бегу оружием, устремились к берегу моря, где высадились сарацины. А впереди всех на доброты скакуне мчался Маттео.

Бой был жестокий. Но мужество защитников не спасло города, потому что на каждого жителя Виджанелло приходилось десять сарацин. Вражеские полчища ворвались в город, все уничтожая на своем пути.

Бедная, бедная Корсика! Лежат в развалинах сожженные селения, опустошены плодородные долины, а твоих прекрасных дочерей уводят в рабство.

Не избежала печальной участи и Мариучча. Ее красота поразила самого предводителя сарацин. Он схватил девушку и перекинул ее через плечо, как волк полузадушенную овечку.

Скоро сарацины с нагребленным добром двинулись назад к берегу, где покачивались на волнах их корабли.

А в это время Маттео лежал под огромной смоковницей, что росла у самой дороги. Из ран его струилась кровь, в глазах меркнул свет.

И вот мимо него прошли сарацины с богатой добычей, с прекрасными пленницами. Среди пленниц Маттео с ужасом увидел свою невесту.

Юноша вскочил, выгасил до половины острый клинок из ножен, но силы покинули его, и он упал.

А сарацины прошли, даже не взглянув на несчастного.

Скоро сумерки спустились над опустевшим Виджанелло. Настала ночь. И на поле, где

днем звенели, скреживаясь и высекая искры, мечи, появился властитель Царства мертвых. Черные вороны с карканьем кружили над его головой. Властитель Царства мертвых медленно переходил от одного павшего воина к другому и легко касался их своим жезлом. И те, кого он коснулся, становились его подданными. Приблизился он и к Маттео, но, заглянув юноше в лицо, сказал:

— Этот пока не подвластен мне. Он скоро оправится от ран, ему суждено прожить долгие-долгие годы.

— На что мне жизнь, — простонал Маттео, — когда родной город разграблен, а та, что дороже жизни, уведена в позорный плен!

— Не хочешь ли ты сказать, смертный, что любовь тебе милее солнечного света и теплого хлеба?

— Без Мариуччи свет мне будет не мил и хлеб не нужен, — ответил Маттео. — И как я посмотрю в глаза сограждан? Ведь я не сумел за них отомстить.

— А если я помогу тебе, ты согласишься умереть раньше назначенного срока?

— О чем ты спрашиваешь! Конечно да.

— Так помни, ровно через год ты умрешь! — сказал властитель мертвых и провел рукой над распростертым телом Маттео.

Тотчас раны юноши закрылись, он вскочил на ноги и рванулся в ту сторону, куда сарацины увлекли Мариуччу.

Властитель мертвых остановил его.

— Куда ты стремишься, неразумный! Один ты не одолеешь сарацин.

Он ударил жезлом по корявому стволу смоковницы. Дерево затряслось от корней до вершины, и с ветвей посыпались плоды и листья. Плоды с глухим стуком ударялись о землю, и на том месте выростал воин, облаченный в доспехи. Листья становились чеканными щитами, черенки — острыми копьями. Перед Маттео выстроился отряд в тысячу воинов. А старая смоковница тяжело рухнула, подминая и ломая уже мертвые ветви.

Маттео махнул рукой, и войско двинулось следом за ним.

Сарацины, опьяненные победой, расположились лагерем на берегу в виду своих кораблей. В тот предрассветный час они крепко спали у походных костров, выставив лишь дозорных.

Завидев рать, шедшую на них, дозорные подняли тревогу. Бой разгорелся. Он был жарким, но недолгим. Лишь горстка врагов успела добраться до кораблей, остальные полегли тут же на берегу.

Маттео бросился к связанным пленницам. Острым ножом он перерезал опутывавшие их веревки. Вот и Мариучча! Юноша горячо обнял любимую и повернулся, чтобы поблагодарить своих соратников. Но воины исчезли, будто растаяли в воздухе...

Горе и радость смешались в городе Виджанелло. Радовались, потому что враг был разбит, потому что девушки вернулись в свои дома. Лили слезы, потому что во многих семьях за столом во время трапезы пустовало место мужа, или брата, или сына.

Но жизнь текла своим чередом. Забывалось горе, и печаль на лицах жителей Виджанелло все чаще сменялась улыбкой.

И вот снова готовится свадьба Мариуччи и Маттео. Храброго юношу прозвали сыном Виджанелло, потому что он спас город. А если у юноши такой отец, какого ни у кого не бывает, — целый город, то и свадьбу надо отпраздновать так, чтобы теперешние дети, став стариками, рассказывали о ней своим внукам.

День для свадьбы тоже выбирали всем городом и назначили в годовщину победы над сарацинами.

Маттео был так счастлив, что даже не вспоминал о слове, которое дал властителю мертвых. Все, что случилось в ту ночь, казалось ему далеким сном.

И вот настал назначенный день.

С самого утра улицы заполнились народом. Горожане разоделись в лучшие платья, лишь кое-где среди праздничного убранства темнели траурные одежды. Колокола возвестили, что свадебный обряд начался.

Маттео надел кольцо на палец невесте и сам протянул руку, чтобы она надела ему кольцо. Вдруг налетел страшный вихрь, черный смерч пронесся над Виджанелло, подхватил Маттео и унес с собою прочь.

Никто из стоявших вокруг не увидел того, что видела Мариучча: не смерч, а сам властитель Царства мертвых похитил Маттео.

— Ах, Маттео, как ты мог оставить меня ни женой, ни невестой! — воскликнула девушка. — Ведь обряд венчания не кончен. Но я не уступлю тебя никому. Даже в Царстве мертвых я найду тебя.

Девушки Корсики так же отважны и решительны, как и мужчины. Мариучча отправилась искать своего Маттео.

Вот кончились последние дома Виджанелло. Мариучча остановилась. Куда же идти? В какой стороне лежит Царство мертвых?

Тут к Мариучче — прыг-скок боком — подсакала ворона.

— Кр-ра-сивое колечко. Подари мне колечко, девушка.

— Не могу, — сказала Мариучча. — Это кольцо надел мне на палец мой жених, Маттео. Но ворона не отставала.

— Дай тогда другое колечко, ведь у тебя два.

— Ах, сестрица, второе кольцо я должна надеть на палец моему жениху Маттео в Царстве мертвых. Я лучше подарю тебе сережку.

Мариучча вынула из смуглого ушка сережку и протянула ее вороне.

Ворона схватила сережку когтистой лапой и улетела. На лету она обернулась и крикнула:

— Цар-рство мертвых в той стороне, где заходит солнце. Иди прямо на закат солнца, девушка. Никуда не сворачивай.

Мариучча повернулась спиной к востоку, лицом к западу и пошла.

Первые дни на ее пути попадались деревни. Потом начались дикие места. Мариучча шла по спаленной солнцем пустой равнине. Острые камни изрезали ей ноги, горячий песок жег их огнем.

День сменяется ночью, ночь — днем, день — снова ночью. А девушка все идет и идет.

Впереди видны горы. За них садится солнце, из-за них восходит луна.

Скоро или не скоро Мариучча подошла к первой горе, поросшей веселым лесом. От дерева к дереву — она и сама не заметила, как очутилась на вершине. Тут, в небольшой котловине, лежало озеро, круглое и блестящее, как зеркало.

Мариучча наклонилась над водой, чтобы умыться, и тотчас же отшатнулась. Из воды на нее смотрела морщинистая старуха с седыми волосами.

— Да ведь это мое отражение! — вскрикнула Мариучча. — Неужто минули не дни, а годы, как я покинула родной дом? А может, горе состарило меня раньше времени. Как я,

такая, покажусь Маттео?

Девушка опустила на прибрежный камень и заплакала.

Она не знала, да и откуда ей было знать, что это озеро волшебное. Оно все отражало наоборот. Посмотрится в него старуха — увидит себя молодой и прекрасной. Взглянет девушка — и испугается, как испугалась Мариучча. Будто ей и впрямь пора нянчить внуков, а не плясать на околице деревни с парнями.

Поплакала Мариучча, потом решила:

— Пусть разлюбит меня Маттео, но я все-таки разыщу его в Царстве мертвых.

Она утерла слезы и стала спускаться с горы.

В долинке у корней дерева пробивался родник. Мариучча не удержалась, посмотрелась в него и звонко засмеялась.

— Нет, Маттео не отвернется от меня. Я по-прежнему хороша и молода!

Радость придала Мариучче силы, и она снова пустилась вперед.

А сил надо было много, потому что перед ней выросла вторая гора, выше первой. Гора была каменистая и крутая, однако недаром Мариучча родилась на Корсике. Где пройдет горная коза, там пройдет и корсиканская девушка. Вот уже близка вершина, еще два-три уступа — и Мариучча одолеет гору. Вдруг послышался гром, и из-под земли поднялось стеной пламя. Тщетно Мариучча металась в поисках прохода. Она нигде его не находила.

Мариучча была храбрая девушка, но все-таки девушка. Поэтому она снова горько заплакала. Одна ее слезинка капнула в огонь. Огонь зашипел, прижался к земле и погас.

Мариучча достигла вершины и увидела, что за этой, второй, горой поднимается третья гора. Стоит она, как угрюмый великан, и голова ее спряталась в тучах. Нет, никому не пройти по такой крутизне. Перелететь бы, да крылья за плечами у Мариуччи не выросли.

Тут Мариучча услышала жалобный крик. Посмотрела — это белый голубь бьется в траве, запутался лапкой в длинной травинке, никак ему не распутаться. А над голубем кружит голубка, то припадет к земле, то опять взвоет и так жалобно кричит, будто плачет.

— Ах, бедняжка, — сказала Мариучча голубке, — у нас с тобой одно горе. Ты хочешь выволить своего голубя, а я своего Маттео. Я помогу тебе, а мне, видно, никто не поможет.

Девушка нагнулась и осторожно разорвала травинку. Голубь взлетел, сделал большой круг рядом с голубкой и вернулся к Мариучче.

— Чем помочь тебе, девушка? — спросил он.

— Вы не можете помочь мне, — печально ответила Мариучча. — Мне надо вон за ту высокую гору.

Голубь взвился вверх и пропал. Не прошло и минуты, как воздух затрепетал от взмахов быстрых крыльев. Прилетела тысяча голубей. Они ухватили красными лапками Мариуччу за пояс и перенесли ее через гору. Там они опустили девушку на землю у входа в ущелье.

— Счастливого пути! Счастливого пути! — закричали они, улетая.

Мариучча вступила в узкий проход между скалами.

Идет девушка тесниной. Встали по бокам каменные утесы, заслонили солнечный свет, сыро и темно в ущелье. Высоко над головой бежит дорожка неба, ведет Мариуччу дальше и дальше. Все уже ущелье, все глубже уходит вниз. Еле видна вверху дорожка неба.

Вдруг расступились скалы, и девушка вышла на берег реки. Река не струилась, не журчала, воды ее тяжело колыхались, будто черная ртуть.

Мариуччу мучила жажда. Она хотела напиться, но вдруг вспомнила, что рассказывали у

них в Виджанелло. Есть такая река, разделяющая Царство живых и Царство мертвых: выпьешь глоток воды и сразу забудешь все, что было. Может, это она, река забвения. И Мариучча не стала пить.

Тут к берегу причалила лодка. Вел ее старый-престарый старик — перевозчик.

— Здравствуй, дедушка, — сказала Мариучча, — перевези меня на ту сторону.

Старик ответил:

— Живым нечего делать в Царстве мертвых. Я не повезу тебя.

— Но ведь я ищу своего Маттео, — стала просить его девушка. — Посмотри сам, вот это кольцо он надел мне на палец, а вот это кольцо я должна надеть ему на палец. Как же ты говоришь, что мне нечего там делать!

— Ну что же, — сказал старик, — садись в лодку. Да запомни мой совет: когда найдешь своего жениха и поведешь назад, молчи и не оглядывайся.

Старик поднял тяжелое весло и, медленно загребая, повел лодку поперек реки. Весло поднималось и опускалось, но плеска воды не было слышно.

Когда Мариучча вышла из лодки на том берегу, она увидела ворота, а над воротами надпись: «Этот порог дважды не переступают!»

Но девушка не испугалась. Она перешагнула через порог и очутилась в Царстве мертвых. Тут ее обступили тени. Они были так похожи друг на друга, что Мариучча растерялась. «Пресвятая Мадонна, — подумала она, — как я найду моего Маттео, как я его узнаю?»

Долго скиталась Мариучча по сумрачному Царству мертвых. Там не было ни дня, ни ночи, ни пения птиц, ни душистого запаха трав. Вдруг сердце девушки дрогнуло. Перед нею остановилась тень, такая же серая, как все другие, но что-то знакомое проступало в неясных чертах.

Мариучча быстро надела кольцо на палец тени. И вот чудо — перед нею стоит не тень, а Маттео, ее Маттео! Девушка схватила его за руку и побежала к выходу из Царства мертвых.

Вот впереди завиднелся яркий свет дня, блеснули тяжелые воды реки. Ворота были открыты, но выход стерегло чудовище о семи головах. Каждая из голов изрыгала дым и пламя.

Мариучча прижалась к Маттео, и они проскользнули мимо. Еще три-четыре шага — и они вернутся в мир живых.

Вдруг девушка почувствовала за спиной палящее дыхание. Она оглянулась и увидела, что чудовище подняло среднюю, самую большую голову и тянется к Маттео, чтобы напасть сзади и проглотить его.

— Берегись, Маттео, любимый мой! — закричала в смертельном испуге Мариучча.

Ах, зачем она оглянулась, зачем крикнула! Тотчас чары, охранявшие их обоих, распались. Захлопнулись тяжелые ворота, Маттео и Мариучча стали тенями. Буря подхватила их и закружила, словно опавшие листья.

Так и носятся они, гонимые ветром, не думая о будущем, не вспоминая о прошлом. Но они все-таки вместе, они крепко держат друг друга за руки. На пальце Мариуччи сияет кольцо Маттео, а на пальце Маттео — кольцо Мариуччи.

МАША И МЕДВЕДЬ

Русская сказка

Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька.

Собрались раз подружки в лес по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку.

— Дедушка, бабушка, — говорит Машенька, — отпустите меня в лес с подружками!

Дедушка с бабушкой отвечают:

— Иди, только смотри от подружек не отставай, не то заблудишься.

Пришли девушки в лес, стали собирать грибы да ягоды. Вот Машенька деревце за деревце, кустик за кустик — и ушла далеко-далеко от подружек.

Стала она аукаться, стала их звать, а подружки не слышат, не отзываются.

Бродила, ходила Машенька по лесу — совсем заблудилась.

Пришла она в самую глушь, в самую чащу. Видит — стоит избушка. Постучала Машенька в дверь — не отвечают. Толкнула она дверь — дверь и открылась.

Вошла Машенька в избушку, села у окна на лавочку.

Села и думает:

«Кто же здесь живет? Почему никого не видно?..»

А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил.

Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался.

— Ага, — говорит, — теперь не отпущу тебя! Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить.

Потушила Маша, погоревала, да ничего не поделаешь. Стала она жить у медведя в избушке.

Медведь на целый день уйдет в лес, а Машеньке наказывает никуда без него из избушки не выходить.

— А если уйдешь, — говорит, — все равно поймаю и тогда уж съем!

Стала Машенька думать, как ей от медведя убежать. Кругом лес, в какую сторону идти — не знает, спросить не у кого...

Думала она, думала и придумала.

Приходит раз медведь из лесу, а Машенька и говорит ему:

— Медведь, медведь, отпусти меня на денек в деревню: я бабушке да дедушке гостинцев снесу.

— Нет, — говорит медведь, — ты в лесу заблудишься. Давай гостинцы, я их сам отнесу.

Машеньке того и надо!

Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю:

— Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влезу, за тобой следить буду!

— Ладно, — отвечает медведь, — давай короб!

Машенька говорит:

— Выйди на крылечко, посмотри, не идет ли дождик!

Только медведь вышел на крылечко, Машенька сейчас же залезла в короб, а на голову

себе блюдо с пирожками поставила.

Вернулся медведь, видит — короб готов. Взвалил его на спину и пошел в деревню.

Идет медведь между елками, бредет медведь между березками, в овражки спускается, на пригорки поднимается. Шел-шел, устал и говорит:

Сяду на пенек,
Съем пирожок!

А Машенька из короба:

Вижу, вижу!
Не садись на пенек,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

— Ишь, какая глазастая, — говорит медведь, — все видит!

Поднял он короб и пошел дальше. Шел-шел, шел-шел, остановился, сел и говорит:

Сяду на пенек.
Съем пирожок!

А Машенька из короба опять:

Вижу, вижу!
Не садись на пенек,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке,
Неси дедушке!

Удивился медведь:

— Вот какая хитрая! Высоко сидит, далеко глядит!

Встал и пошел скорее.

Пришел в деревню, нашел дом, где дедушка с бабушкой жили, и давай изо всех сил стучать в ворота:

— Тук-тук-тук! Отпирайте, открывайте! Я вам от Машеньки гостинцев принес.

А собаки почуяли медведя и бросились на него. Со всех дворов бегут, лают.

Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки.

Вышли тут дедушка да бабушка к воротам. Видят — короб стоит.

— Что это в коробе? — говорит бабушка.

А дедушка поднял крышку, смотрит — и глазам своим не верит: в коробе Машенька сидит, живехонька и здоровехонька.

Обрадовались дедушка да бабушка. Стали Машеньку обнимать, целовать, умницей называть.

РАПУНЦЕЛЬ

Немецкая сказка

Однажды жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребенка, но его все не было, и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый господь исполнит ее желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени.

Но сад был обнесен высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье, она обладала большим могуществом, и все на свете ее боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель; был он на вид такой свежий и такой зеленый, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у нее все с каждым днем возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной. Испугался муж и спрашивает:

— Чего тебе, моя женушка, недостает?

— Ах, — говорит она, — если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зеленого рапунцеля и его не отведать, то останется мне одно — помереть.

Муж очень ее любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать придется, то я достану для нее рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зеленого рапунцеля и принес его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у нее желанье втрое большее, чем прежде. И она не могла найти себе покоя, пока муж не согласился полезть в сад еще раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

— Как ты смеешь лазить в мой сад, — сказала она, гневно на него поглядев, — и красть у меня, как вор, мой зеленый рапунцель? Тебе плохо за это придется.

— Ах, — ответил он, — вы уж меня простите, ведь я решился на это по нужде: моя жена увидела из окошка ваш зеленый рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошел, и она сказала ему:

— Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, но при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребенка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нем заботиться, как мать родная.

И он со страху согласился на все. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла ее в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни

лестницы, только на самом ее верху было маленькое оконце. Когда колдунья хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распустит свои косы, подвяжет их вверх к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проезжать на коне через лес, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, коротая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой, но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытать счастья», подумал королевич и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал к башне и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

И упали тотчас волосы вниз, и королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошел человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронуто ее пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил ее непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж, а был он молодой и красивый, — она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Готель», — и дала свое согласие и протянула ему руку. Она сказала:

— Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шелка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезешь меня на своем коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днем приходила старуха. Колдунья ничего не замечала до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

— Скажи мне, фрау Готель, почему мне тебя тащить вверх тяжелей, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

— Ах ты, мерзкая девчонка! — крикнула колдунья. — Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня все-таки обманула! — И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и — чик-чик! — отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такую безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чашу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному Крючку и, когда явился королевич и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич вверх, но не нашел там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага! — крикнула она насмешливо. — Ты хочешь увезти свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поет. Ее унесла кошка, а тебе она выцарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видать ее тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаянье выпрыгнул из башни. Ему удалось сохранить жизнь, но колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и все время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал он несколько лет в горе и печали и зашел наконец в густую чашу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со своими детьми-близнецами, которых она родила, — с мальчиком и девочкою.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошел навстречу ему, и когда подошел он ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Но упали две слезинки к нему на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. И он привел ее в свое королевство, где встретили его с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

ТРИ ЦАРЕВИЧА

Индийская сказка

В давние времена жил царь. Было у него три сына, один другого лучше: и храбрые, и умные, и рассудительные. Когда царь состарился, решил он покинуть свое царство и остаток дней прожить отшельником в святой обители. Стал царь думать, кого же из сыновей посадить на престол. Думал, думал, да так и не смог выбрать: все трое одинаково хороши и достойны царского трона.

Тогда царь собрал советников и поделился с ними своей заботой.

— Вам хорошо известно, как счастливо живут подданные в моем царстве, — сказал он. — Я решил удалиться от государственных дел, но не могу решить, кого из трех сыновей посадить на царство, кто из них будет так же заботиться о народе, как я. Вот вам мой приказ: устройте царевичам испытание и после скажите мне, кого из них вы хотите видеть на моем месте.

Долго думали придворные советники и вельможи и наконец нашли способ испытать царевичей. Дали они царским сыновьям денег, каждому поровну, и велели отправиться на чужбину. Кто сумеет лучше всех распорядиться своими деньгами, тому и быть на отцовском престоле. Царь согласился с таким решением.

И вот через несколько дней царевичи пустились в дальний путь. Сели они на корабль и поплыли в море. Долго они плыли, а когда завидели землю, сошли на берег. Здесь царевичи разошлись в разные стороны и условились ровно через год встретиться на этом же месте.

Два старших брата вздумали заняться торговлей, чтобы добыть побольше богатства, и ушли каждый своим путем искать удачи. А меньшой царевич не знал, за что ему взяться, — вот он и пошел потихоньку вдоль берега. Шел он долго, по сторонам поглядывал, а потом стало ему грустно. Сел царевич на камень, вспомнил о родительском доме и пригорюнился. Вдруг перед ним предстал старец в одежде отшельника.

— Откуда ты пришел, юноша, и куда путь держишь? — спросил он.

Царевич поведал старцу, что привело его в эти края. Отшельник выслушал его и сказал:

— Знаю я, сынок, для тебя одно дело. Но не всякому оно придется по душе. Возьмется за него только тот, кто не жаден к деньгам. Если ты не погонишься за корыстью, то после получишь все, что захочешь.

— Я сделаю так, как ты скажешь, — ответил царевич.

— Хорошо. Тогда купи на все свои деньги зерна и вели ссыпать его в кучу на берегу. Потом каждый день утром и вечером бери по мешку зерна из этой кучи и высыпай в море. Если зерно у тебя кончится, все равно отсюда не уходи!

Сказал так старец и вмиг исчез. Послушался царевич его совета, купил на все деньги зерна, велел ссыпать его в кучу на берегу моря, а рядом разбил свой шатер. Каждый день он бросал в воду по два мешка зерна, да еще горсть зерна брал себе на еду — и куча становилась все меньше и меньше. И вот настал день, когда все зерно кончилось, а у царевича не осталось и медяка, чтобы купить горсть зерна и утолить голод.

Сел царевич на берегу и загоревал: «Увы мне, неразумному! Видно, в несчастливый час оставил я дом. Поверил я обманщику и напрасно потерял свои деньги. Не суждено мне быть царем, если я даже о своем собственном благе не могу позаботиться». И решил он, что

больше незачем оставаться ему на этом месте. Пошел царевич в свой шатер и лег спать, чтобы наутро отправиться в обратный путь.

В тот день морские рыбы напрасно ждали привычного корма. Ведь уже долгое время — с тех самых пор, когда царевич начал бросать зерно в воду, — стаи рыб со всего моря кормились у этого берега. Вслед за своими подданными приплыл в эти места и сам владыка рыб. Тогда рыбий царь стал спрашивать своих приближенных:

— Что случилось? Нас вкусно кормили целых полгода. Почему же сегодня все вдруг кончилось? Не повинны ли в этом мы сами? Скажите мне, вознагражден ли за свою щедрость тот, кто так долго кормил нас? Получил ли он от нас что-нибудь в дар?

— Нет, повелитель! — в один голос воскликнули приближенные. — Мы ничем не отдачили его!

— Теперь я понимаю, в чем дело, — сказал повелитель рыб. — Мы оказались неблагодарными и поплатились за это. Надо исправить нашу ошибку. Вот вам мой приказ: пусть все мои подданные разыщут на дне морском по драгоценной жемчужине и к утру принесут их нашему доброму покровителю.

Всю ночь по приказу своего владыки рыбы выносили из моря жемчужины и складывали их возле шатра царевича. Всю ночь волновалось море от несметного числа рыб, приплывающих с жемчужинами. Под утро проснулся царевич от плеска волн и увидел, что рядом с шатром выросла целая груда прекрасных жемчужин. Понял он, чем заслужил такое богатство, и подумал: «Напрасно я сетовал на свои несчастья. Останусь-ка я на этом месте и буду ждать, пока не придет срок встречи с братьями».

Часть жемчужин он продал и на вырученные деньги купил зерна. Теперь морские рыбы стали получать корма еще больше, чем прежде. Затем царевич накупил кизяков и в каждую кизячную лепешку спрятал по жемчужине.

Год прошел, и вернулись старшие братья. Один из них весь этот год торговал тканями и нажил много всякого добра. Другой держал бакалейную лавку и сколотил немалые деньги. Узнали они, что у младшего брата нет ничего, кроме большой кучи кизяков, и подняли его на смех.

— Ну и глупец же ты! — говорят. — И того не сберег, что тебе дали! Велико ли богатство эти твои кизяки?

Собрались царевичи в дорогу, погрузили на корабль каждый свое имущество и поплыли домой. Старшие братья не переставали смеяться над младшим, глядя, как он перетаскивал на корабль свои кизяки и берег их. В пути на корабле кончились дрова и не на чем стало готовить пищу. Тут братья с насмешкой попросили младшего поделиться с ними своими богатствами. Младший царевич ничего не сказал и дал кизячных лепешек для топлива, только сперва вынул потихоньку из них жемчужины.

Дома царевичей встретили с почетом. Привели их во дворец, и начали братья рассказывать, как жили на чужбине и как старались с пользой употребить свои деньги. Показали старшие братья накопленное добро, подсчитали сановники и вельможи привезенные ими богатства. Дошла очередь до младшего брата. Когда слуги внесли в зал огромную кучу кизячных лепешек, придворные стали исподтишка пересмеиваться.

— Легко хвалить то, что красиво с виду и слепит глаза блеском, — сказал тогда младший царевич. — Однако на свете есть много такого, что не привлекает взор, но таит в себе неисчислимые ценности.

С этими словами царевич стал разламывать кизяки и вынимать из них жемчужины. В

изумлении смотрели придворные, как растет перед царем гряда отборных жемчужин, и долго еще они не могли опомниться.

Рассказал царевич, как он сумел добыть такое сокровище, и всем стало ясно, что младший царевич не только умен, но и бескорыстен.

— Вах! Вах! — одобрительно зашумели вельможи. — Вот кому быть нашим новым царем!

Через несколько дней младшего царевича торжественно возвели на престол. На братьев он не был в обиде, назначил их на высокие должности, и с тех пор все в его государстве жили в мире, веселье и счастье.

ТАЙНА ФЛОРИО

Итальянская сказка

Случилась эта история в славном городе Флоренции. В каком же другом городе она могла случиться? Речь ведь пойдет о прекрасных статуях. А ведь как раз Флоренция и прославилась на весь мир великими ваятелями, художниками и зодчими.

Так вот, жил в славном городе Флоренции молодой скульптор Флорио. За статуи, высеченные его резцом из мрамора или отлитые из бронзы, платили огромные деньги. А между тем Флорио оставался жалким бедняком, чуть ли не нищим. Да и имени его почти никто не знал.

Зато не сходило с уст ценителей искусства имя его учителя, мастера Фабиано. Фабиано и впрямь был когда-то хорошим ваятелем и живописцем. Со всех концов Италии к нему приезжали молодые художники, чтобы учиться у него мастерству. Но слава вскружила голову Фабиано. Он слишком много думал о блеске своего имени и о богатстве. Дружбу он старался водить только со знатными синьорами и добился знаков внимания даже от самого герцога. Все реже он брался за резец или кисть. В эту пору и поступил к нему в ученики пятнадцатилетний юноша Флорио.

— Скажи, мастер, — спросил он в первый день, — как изваять статую, чтобы она была прекрасной?

— Очень просто! — засмеялся Фабиано. — И очень трудно. Я отвечу тебе словами величайшего из мастеров — словами самого Микеланджело. Возьми глыбу мрамора и отсеки от нее все ненужное.

Флорио много думал над этим советом, а еще больше трудился.

Прошел год, второй и третий. Как-то Фабиано, поздно вечером вернувшись с шумного карнавала, заглянул в свою мастерскую. В дальнем углу горела одинокая свеча. При ее свете работал Флорио, Фабиано неслышно подошел сзади и замер, восхищенный — так прекрасно было изваяние, вышедшее из-под резца юноши. Фабиано с горечью подумал, что ученик опередил его. Восхищение сменилось завистью, потом страхом. Он словно слышал, как повсюду говорят о Флорио, а о нем, Фабиано, молчат. Веселая карнавальная маска выпала у него из рук. Флорио вздрогнул и обернулся. Увидев Фабиано, он поклонился и сказал:

— Взгляните, мастер! Достиг ли я чего-нибудь?

— Что ж, работа неплоха, — ответил небрежно Фабиано. — Ты не напрасно трудился. Но доверься моей опытности. На творения безвестного художника, как бы хороши они ни были, никто и смотреть не захочет. Толпа поклоняется громким именам. Но я помогу тебе. Я согласен вырезать свое имя на пьедестале статуи. Я сделаю больше: я уплачу тебе за нее сто флоринов, хотя никакой прорицатель не скажет, выручу ли я даже десятую часть этого.

— Спасибо, учитель! — воскликнул простодушно Флорио. — Как вы добры ко мне! Лучшая для меня награда, что мою статую увидят люди и, может, она принесет кому-нибудь радость.

— Если ты будешь работать не хуже, я, пожалуй, соглашусь поставить свое имя и на других статуях. И за каждую из них я буду щедро платить тебе по сто флоринов. Но помни, никто не должен знать о нашем договоре.

— Клянусь своим резцом, — ответил юноша, — из моих уст никто об этом не услышит.

Вот почему Флорио оставался нищим и безвестным, а слава Фабиано засняла новым ярким светом.

У Флорио был друг — молодой поэт Симоне. Хотя один работал резцом, а второй сплетал слова в причудливые узоры стихов, мыслями они были близки, как кровные братья. Долгие часы они проводили вместе, гуляя в окрестностях Флоренции. Симоне часто читал свои стихи и стихи иных поэтов, Флорио же всегда говорил о творениях других мастеров и никогда о своих. И Симоне не раз спрашивал себя, почему Флорио, который, как чуткая струна, отзывается на прекрасное, прозябает в подмастерьях и сам, как видно, ничего не создает. Удивлялся он и другому.

— Во имя Вакха — бога веселья, объясни мне, как этот придворный блюдолиз Фабиано может извлекать из мрамора полные жизни и мысли статуи! Говорю тебе, Флорио, тут кроется какая-то тайна.

Флорио только грустно улыбался в ответ.

Но однажды случилось так. Флорио условился встретиться с Симоне, но тот не пришел в назначенный час. А Симоне как раз сочинил новый сонет и непременно хотел прочесть его другу. И вот, недолго думая, Симоне отправился в мастерскую Фабиано. Однако двери мастерской были закрыты. Тогда Симоне вспомнил о том, что как будто в доме есть еще и второй ход, для слуг. Он прошел во внутренний дворик с фонтаном, поднялся по узкой лестнице на галерею и через кухню вошел в дом. Навстречу ему не попалось ни одной живой души, да и в мастерской было пусто. И все же Симоне чувствовал, что в доме кто-то есть. Пройдя множество комнат и коридоров, он вошел в пристройку, находившуюся в самом отдаленном углу здания.

Наконец Симоне разгадал тайну Флорио и Фабиано.

Флорио стоял перед статуей. Она, казалось, была уже закончена. Но Флорио снова и снова касался резцом белого камня. И каждый раз Симоне поражался необходимости прочерченной линии. Статуя изображала девушку, почти девочку, смотрящуюся в зеркало. Ее лицо, руки, плечи — все говорило о том, что она предчувствует счастье, сама еще не зная, каким будет это счастье. Статуя не была похожа ни на одно творение, когда-либо виденное Симоне, и в то же время она была будто родной сестрой всех тех статуй, которые принесли настоящую славу Фабиано и на которых стояло его имя.

— Теперь я знаю правду! — воскликнул Симоне. — Какой же он негодяй!

Флорио оглянулся и побледнел.

— Молю тебя, молчи, если ты не хочешь сделать меня бесчестным человеком. Я поклялся ему свято соблюдать договор.

— Но ведь ты мне ничего не говорил. Я увидел сам, — возразил Симоне.

— Фабиано этому никогда не поверит, — покачал головой Флорио.

И он так просил своего друга хранить случайно раскрытую тайну, что Симоне согласился.

Спустя неделю Фабиано объявил флорентийцам, что он закончил новую статую и что каждый, кто хочет, может прийти на нее посмотреть. В среду, ровно в двенадцать часов, он снимет с нее покрывало.

В среду, ровно в двенадцать часов, в мастерской Фабиано собралось много народу. Тут были художники, музыканты, знатные горожане. Сам герцог с придворными пришел посмотреть новую работу ваятеля. Был здесь, конечно, и Симоне. А в стороне от всех стоял безвестный подмастерье Флорио. Многие из присутствующих даже не знали, как его зовут.

Вот Фабиано сдернул холст, закрывавший статую. Толпа, собравшаяся в мастерской, замерла в восхищении. Первым заговорил герцог, ведь он был самым знатным, и ему подобало сказать первое слово.

— Благодарю тебя, мой Фабиано, за доставленную нам радость. Лукавая прелесть этой девушки возвращает нас к далеким дням нашей юности, когда все еще было у нас впереди и все было неведомым и манящим. Твоя статуя полна жизни. Не хватает только, чтобы она заговорила.

— О, ваше величество, я счастлив вашей похвалой, — отвечал, низко кланяясь герцогу, Фабиано. — Лыщу себя надеждой, что это заслуженная похвала. Если бы статуя и в самом деле могла заговорить, она рассказала бы, скольких бессонных ночей и дней, полных труда, она стоила своему создателю.

Все разразились рукоплесканиями в ответ на эту короткую речь, полную скромного достоинства. Не рукоплескал один Симоне. Он смотрел на своего друга. Глаза Флорио были полны слез. Тогда Симоне шагнул вперед и обратился к статуе:

От нежного лица струится тихий свет...

Ты — юность, и мечта, и тайна,
Ты тщетно ищешь в зеркале ответ,
Разгадку красоты твоей неожиданной.
А мы стоим смущенною толпой,
На мраморное глядя изваянье.
Скажи нам, молчаливая, открой,
Чье ты созданье?

И вдруг статуя заговорила. Она не сделала ни одного движения. Только чуть приоткрыла изогнутые, словно лук стрелка, губы. Статуя сказала:

В тиши ночей медлительный резец
Меня из камня вывел к свету.
Не Фабиано, нет, мне Флорио отец,
Безвестный Флорио, хоть он молчит об этом.

Произнеся эти слова, статуя сомкнула губы. Но тут гневными голосами закричали другие статуи, ее сестры и братья: Сотрите с нас неслыханный позор! Нас создал Флорио! А Фабиано — вор!

И снова в мастерской наступила тишина. Все стояли, словно пораженные громом. Потом огляделись по сторонам, ища глазами Фабиано. Но его уже не было в комнате. Бежал ли он от упреков своей нечистой совести, испугался ли заслуженного гнева герцога и презрения сограждан — неизвестно. Только никто никогда его больше не видел.

— Флорио! Эввива Флорио! Да здравствует Флорио! — дружно закричали собравшиеся в мастерской.

А герцог сказал:

— Кто пасет своих овец на чужом пастбище, рано или поздно потеряет всю отару. Все

лисы когда-нибудь да встретятся в лавке меховщика. Если черт прикроет рога, его выдаст хвост; если он подберет хвост, его узнают по копытам. Пусть негодяй Фабиано теперь твердит про себя эти поговорки. Но объясни мне, Симоне, какой силой ты заставил заговорить мрамор? Я думал, что в наш просвещенный век чудес не бывает.

Симоне ответил.

— Но тут и не было чуда! Посмотрите на статуи, ваше величество. Они безмолвны, но и сейчас они кричат о том, кто их изваял. Всякое истинное произведение искусства, будь то картина, скульптура, музыка, говорит голосом своего творца. Я постарался лишь сделать этот язык более внятными.

НОЧНЫЕ ПОМОЩНИЦЫ ДОБРОЙ ХОЗЯЮШКИ

Шотландская сказка

В старину хорошие хозяйка, как только закончат, бывало, все дневные хлопоты по дому, принимаются за рукоделье — до глубокой ночи прядут шерсть или ткут сукно. Засиживалась допоздна и Айнери, жена одного зажиточного фермера. Дом их стоял на острове Тайри неподалеку от красивого зеленого холма. Холм этот назывался Берг-хилл, и в нем, по слухам, жили феи.

Как-то раз ночью, когда и сам фермер, и другие домочадцы уже спали, Айнери все еще сидела и пряла шерсть при свете свечи. И вот наконец она до того притомилась, что обхватила голову руками и воскликнула:

— Ох, явился бы хоть кто-нибудь, — все равно, с моря ли, с суши ли, издалека ли, из недалеко ли, — да помог мне сукно изготовить!

Не успела она вымолвить эти слова, как услышала стук в дверь, и чей-то тоненький певучий голосок окликнул ее:

— Айнери, добрая хозяйюшка, открой мне дверь — я пришла тебе помочь!

Айнери растерялась, но все-таки открыла дверь. На пороге стояла какая-то незнакомая крошечная женщина, с ног до головы одетая во все зеленое. Она вошла в комнату, направилась к прялке и сразу же начала прясть. Но едва Айнери закрыла за нею дверь, как раздался еще более громкий стук, и опять чей-то голосок пропел:

— Айнери, добрая хозяйюшка, открой мне дверь — я пришла тебе помочь!

Айнери опять отодвинула засов, и в комнату вошла другая диковинная маленькая женщина, тоже вся в зеленом. Она сразу же села на донце, в которое была воткнута пряслица с куделью.

Но это еще не все! Вслед за второй женщиной в зеленом явилась третья, потом четвертая, пятая, шестая, седьмая... Словом, столько их набралось, что бедная Айнери уж и счет им потеряла. Она стояла, не зная, что делать, и только дивилась, с каким невиданным усердием все ее гости принялись за работу. Одни трепали и чесали шерсть, другие быстро гоняли челнок в ткацком станке, третьи без передышки сновали основу, четвертые готовились валять сукно и для этого кипятили воду на очаге — в ней они собирались мочить сотканное сукно, чтобы оно отмылось и село. А один маленький гномик, пришедший вместе с феями, подхватил Айнери и повел танцевать.

«Не иначе как все феи Берг-хилла ко мне явились!» — думала Айнери. А смуглые крошечные женщины в зеленом все громче шумели и стучали, когда толкались и спорили из-за свободного места. Удивительно, что они не разбудили своим гомоном фермера — ведь он лежал в соседней комнате. Но, как ни странно, он спал до того крепко, что Айнери уже начала побаиваться а вдруг феи его заколдовали?

Мало того, помощницы ее то и дело кричали пронзительными голосками, что им хочется есть, а она старалась накормить их досыта. Надо сказать, что Айнери и так уже намаялась за день, а теперь, когда пришли ей помогать, еле на ногах держалась. Ночь проходила, а ненасытный голод крошечных женщин все рос с такой же сказочной быстротой, с какой они работали. Казалось, собери для них хлеб и мясо со всего света, им и этого не хватит.

К полуночи Айнери совсем из сил выбилась и только об одном и думала как ей избавиться от своих помощниц-фей. Не раз и не два она уходила в соседнюю комнату и старалась разбудить мужа. Но легче было бы поднять жернов! Фермер спал как убитый; жена громко кричала ему в ухо, а он и не шевелился.

Айнери ломала себе голову — что делать? И вот наконец задумала пойти посоветоваться с одним мудрым старцем, что жил поблизости. Она напекла булок и раздала их крошечным женщинам в зеленом, а одну маленькую булочку оставила допекаться. Потом втихомолку выскочила за дверь и побежала по тропинке к хижине старца. Там она рассказала ему про свою беду и попросила у него совета.

— Как мне избавиться от этих маленьких женщин? — спросила она старца. — И как мне разбудить мужа? Он спит, словно заколдованный.

Мудрый старец сперва пожурил Айнери за то, что она, не подумав хорошенько, попросила помощи «с моря ли, с суши ли, издалека ли, из недалеко ли», потом сказал:

— Никогда в жизни больше не желай, не проси, не вымаливай того, что может обернуться против тебя же. Ты угадала — мужа твоего заколдовали. Разбудишь ты его только тогда, когда выгонишь из дома своих помощниц-фей, а на него побрызгаешь водой, в какой феи готовятся сукно валять. От фей ты можешь отделаться так: вернись домой, открой дверь и во все горло крикни три раза: «Берг-хилл горит!» Тут твои зеленые гости побросают работу и побегут на пожар. Они выбегут вон, а ты запри дверь, потом разбросай, раскидай, расшвыряй как попало прялку, пряслицу с куделью, станок — словом, все то, к чему они прикасались. Все вещи вверх дном переверни. А потом все у тебя само собой наладится.

Айнери поблагодарила старца за добрый совет и поспешила домой. А как только подошла к незакрытой двери своего дома, крикнула во все горло:

— Берг-хилл горит! В Берг-хилле пожар! Берг-хилл весь в красном пламени!

Не успела она это крикнуть, как феи всем скопом выскочили из дома, толкаясь и топчая друг дружку. На бегу все они причитали — оплакивали то, что осталось в их холме, причем каждая называла то, что было ей всего дороже:

Ох, мой муж, и детки,
И мой сыр, и масло,
Сыновья, и дочки,
И лари мучные,
Гребень и чесалки,
Пряслицы и нитки,
Коровы и путы,
Кони и постромки,
Бороны, кладовки,
Молот, наковальня...
Ох, земля разверзлась,
И Берг-хилл пылает!
Если холм сгорит наш,
Конец и веселью,
И хлопотам милым!

Как только все феи убежали, Айнери быстро вошла в дом и заперла дверь. Потом принялась, по совету старца, перевертывать и раскидывать как попало все то, к чему прикасались феи: сорвала шнурок с колеса на прялке; пряслицу с куделью перекрутила в обратную сторону, опрокинула вверх дном ткацкий станок, сняла с огня воду для валянья сукна.

Не успела она с этим покончить, как феи вернулись. Они увидели, что холм их вовсе не горит, и догадались, что Айнери их обманула, чтобы выманить из своего дома. Они стучали в дверь кулачками, да так громко и быстро, что чудилось, будто это град сыплется.

— Айнери, добрая хозяйюшка,пусти нас! — кричали феи.

— Не впусти! — отвечала она.

Тогда они стали просить прялку:

— Добрая прялка, встань и открой нам дверь!

— Не могу, — отвечала прялка, — с моего колеса шнурок сняли.

Феи крикнули пряслице:

— Добрая пряслица, отвори нам дверь!

— Я бы не прочь отворить, — ответила пряслица, — да меня в другую сторону перекрутили.

Тут феи вспомнили про ткацкий станок и стали его просить:

— Добрый станок, отвори нам дверь!

— С радостью отворил бы, — ответил станок, — да меня вверх дном опрокинули.

Оставалась еще вода, в какой феи собирались валять сукно.

И феи стали ее просить:

— Добрая водица, может, хоть ты откроешь нам дверь?

— Не могу, — ответила вода, — ведь меня с огня сняли.

Феи не знали, что еще придумать. Наконец они вспомнили про маленькую булочку, что подрумянивалась в очаге.

— Булочка, булочка, пышная булочка, — закричали они, — открой нам дверь, да поскорее!

Булочка подпрыгнула и поскакала к двери. Но Айнери кинулась за ней вдогонку, ущипнула ее, и булочка шлепнулась на пол.

Ну, феи поняли, что не войти им в дом, и принялись визжать и кричать, да так пронзительно, что хоть уши затыкай. Тут Айнери наконец вспомнила про воду, в которой феи собирались валять сукно. Она зачерпнула ковшиком немного воды, побежала в спальню и побрызгала этой водой на мужа. Он сразу же проснулся, — да и давно пора было! — а как проснулся, услышал страшный шум за стеной. Фермер вскочил с кровати, распахнул входную дверь и стал на пороге, сердито нахмутив брови.

Шум сразу же утих, а феи, словно зеленые тени, стали таять и совсем пропали. И больше уже никогда не тревожили Айнери.

ЧЕРЕПАХА, ОБЕЗЬЯНА И БАНАНОВОЕ ДЕРЕВО

Филиппинская сказка

Однажды маленькая черепаха купалась в реке, Вдруг она увидела плывущее по течению банановое дерево. Черепаха подплыла к нему и, обхватив своими короткими лапками, стала подталкивать его к берегу. Но она была очень маленькая, а банановое дерево с огромными корнями и густой листвой такое огромное, что она совершенно выбилась из сил. Она вышла из воды и побежала за помощью. Первая, кого она встретила, была обезьяна.

— Послушай, обезьянка, — сказала черепаха. — Помоги мне донести вон то банановое дерево до моего сада. Я хочу его посадить.

— Хорошо, — ответила обезьяна. — Но когда ты посадишь его, мы поделим его пополам.

Черепаха охотно согласилась. Они вернулись на реку и, помогая друг другу, выволокли дерево на берег, а затем отнесли его в черепаший сад.

— А теперь, — сказала черепаха, — нужно вырыть большую яму и посадить в нее дерево.

Но обезьянка сделала вид, что не слышит ее слов. Черепаха сама вырыла огромную яму и посадила банановое дерево.

— Теперь, — сказала она, — мы будем ждать, когда на нем вырастут спелые, сладкие бананы, и тогда мы поделимся.

— Зачем ждать так долго? — закричала обезьяна. — Давай поделим дерево сейчас, ты возьмешь одну его часть, а я возьму другую.

Глупая черепаха согласилась.

— Пожалуй, я возьму верхушку, — сказала хитрая обезьяна, — я люблю прыгать по деревьям, а ты оставь себе нижнюю часть, — и она оторвала с пальмы зеленую крону и умчалась. Дома она воткнула ее в грядку и стала ждать урожая.

В это время трудолюбивая черепаха обильно полила дерево, взрыхлила почву вокруг него, и вдруг — о чудо! — на дереве появились сначала листочки, а затем выросли спелые бананы. Обезьянья же часть пальмы быстро засохла. Когда бананы совсем созрели, черепаха стала думать, как бы ей собрать урожай, ведь лазить по деревьям она не умела. Пришлось ей обращаться за помощью опять к обезьяне.

— Я дам тебе бананов, если ты мне поможешь, — пообещала она.

Обезьяна быстро вскарабкалась на дерево и, усевшись поудобнее, стала лакомиться спелыми плодами. Напрасно ждала бедняжка черепаха внизу и умоляла тоже дать ей хоть один банан.

— Нет, ты не получишь ничего, — отвечала обезьяна. — Ты обманула меня в прошлый раз и подсунула самую никудышную часть дерева, и я намерена сама съесть все твои бананы. А тебе будет достаточно и этого, — и она кинула черепахе шкурки.

Черепаха очень рассердилась, она сбегала к колючему кустарнику и набрала самых больших веток, с самыми большими колючками. Затем она разложила их под деревом и стала ждать. Съев последний банан, обезьяна спрыгнула вниз. Приземлившись на колючки, она так завизжала, что с пальмы попадали листья. Черепаха из укромного места наблюдала за этим и от души смеялась. Услышав ее заливистый смех, разъяренная обезьяна подскочила

к ней и, перевернув на спину, закричала:

— Ну уж теперь ты у меня поплатишься. Что же мне с тобой сделать? Избить тебя палкой, сбросить с высокой горы или швырнуть в костер?

— О, дорогая, — отвечала черепаха. — Делай со мной, что хочешь, только, умоляю, не бросай меня в воду.

Услышав это, глупая обезьяна закричала:

— Как бы не так! И не надейся на мою доброту. Я именно это с тобой и сделаю — брошу в воду.

Она схватила черепаху и, притащив ее к реке, бросила в самое глубокое место. Плюх! И, к великой радости обезьяны, черепаха пошла ко дну. Но вдруг на поверхности появились пузырьки, и черепаха вынырнула на поверхность. Помахав изумленной обезьяне лапкой, она сказала:

— Глупая ты, глупая. Ты думала, что накажешь меня. Ты не знала, что вода — мой второй дом, — и, весело смеясь, черепаха поплыла вниз по течению.

АССИПАТЛ И ВЛАДЫКА МОРСКОЙ ЗМЕЙ

Шотландская сказка

Давным-давно жил-был на севере Шотландии один зажиточный фермер. У него было семеро сыновей и одна дочь. И младшему сыну люди дали очень странное прозвище — его прозвали Ассипатл, что значит: «Тот, кто валяется в золе». Пожалуй, Ассипатл заслужил эту кличку.

Мальчишка он был ленивый — не хотел работать на ферме, как работали его братья. Целый день где-то носился, оборванный, нечесанный, и на уме у него были только тролли да великаны, эльфы да гномы.

В длинные летние дни, когда припекало солнце, когда пчелы жужжали, навевая дремоту, и даже крошечные насекомые двигались словно во сне, мальчик укладывался на кучу золы во дворе фермы. Там он лежал часами, пересыпал золу между пальцами, как песок на морском берегу, грелся на солнышке и сам себе рассказывал сказки.

А братья его тем временем усердно работали в поле. Они показывали пальцами на Ассипатла, смеялись над ним и говорили друг другу, что люди недаром прозвали его — «Тот, кто валяется в золе». Совсем никудышный малый!

Когда старшие братья возвращались домой с работы, они гоняли младшего по поручениям и дразнили его, а мать заставляла его подметать полы, носить торф из торфяной кучи и воду из колодца и вообще выполнять такую работу, за какую никто другой не хотел браться.

Тяжело жилось Ассипатлу. Частенько ему приходилось бы совсем туго, если бы не сестра. Она его очень любила и терпеливо слушала его рассказы. И она никогда не смеялась над ним, не говорила, как братья, что он «все врет».

Но вот пришла беда. По крайней мере — для несчастного Ассипатла.

У короля той страны, где жила семья фермера, была только одна дочь принцесса Джемделавли. Отец горячо любил ее и ни в чем ей не отказывал. Случилось так, что принцессе Джемделавли понадобилась прислужница. Однажды принцесса ехала верхом мимо фермы и увидела сестру Ассипатла, когда та стояла у калитки. Девушка понравилась принцессе, и она попросила отца взять ее в услужение.

Король согласился сразу — он выполнял все желания дочери. Вскоре на ферму примчался вестник и передал фермеру приказание короля отпустить дочь во дворец.

Фермер очень обрадовался, что дочери его выпало такое счастье. Обрадовались и мать ее, и шестеро братьев — словом, все домочадцы, кроме Ассипатла. А он с грустью смотрел вслед сестре, когда та уезжала верхом на коне, гордясь своим новым нарядом и башмачками. Эти башмачки отец сам ей сшил из коровьей кожи, чтобы она носила их, когда придет во дворец и начнет служить принцессе, — дома-то она всегда бегала босиком.

Шло время, и вот однажды королевский гонец проскакал по всей стране со страшной вестью. Накануне вечером какие-то рыбаки, что выехали на лодках в море, завидели издали Местера Стуруорма, а все знают, что это — самый большой, самый главный и самый прославленный из всех Морских Змеев. В Писании он назван «Левиафаном», и живи он в наши дни — хвост его протянулся бы до Исландии, в то время как морда касалась бы Нордкапа.

Рыбаки видели, как страшное чудовище повернуло морду к берегу и то и дело открывало пасть и зловеще зевало. Оно словно хотело показать, что проголодалось, и если его не накормят, оно погубит всех на земле — человека и зверя, птицу и ползучих тварей.

Все знали, что дыхание Змея отравлено ядом и как огнем опалает все, на что он дышит. Вздумай это страшное чудовище поднять голову и дохнуть губительным жаром на сушу — цветущая страна через несколько недель превратилась бы в пустыню.

Когда разнеслась эта весть, люди помертвели от ужаса — ведь они знали, какая великая беда им грозит. Король созвал всех своих советников и попросил их придумать, как помочь горю.

Целых три дня совещались эти важные бородатые мужи. Многое они предложили, много мудрых суждений высказали, но — увы! — так и не смогли придумать, как прогнать Морского Змея.

Наконец к вечеру третьего дня, когда все уже перестали надеяться на спасение, дверь в палату совещаний открылась, и вошла королева.

Надо сказать, что королева была вторая жена короля. В народе ее не любили, потому что она была женщина надменная и резкая. Падчерицу свою, принцессу Джемделавли, она ненавидела, а с мужем своим, королем, беседовала гораздо реже, чем с одним знаменитым волшебником, которого все боялись.

Степенные советники неодобрительно посмотрели на королеву, когда она смело вошла в палату совещаний, стала у трона и заговорила громким голосом:

— Вы думаете, старейшины, что вы храбры и сильны и способны защищать народ. Может, и так, когда вам приходится бороться со смертными. Но тот враг, что теперь угрожает нашей стране, вам не по плечу. Перед ним наше оружие все равно что солома. Не силою рук можно его победить, а колдовством. Итак, выслушайте мои слова, хоть я и женщина. Посоветуйтесь с великим волшебником. От него ничто не скрыто. Он знает все тайны земли, воздуха и моря.

Ни королю, ни его приближенным этот совет не понравился. Волшебника они ненавидели. И к тому же им было известно, что королева в его власти. Но ведь сами они ничего не могли придумать и не знали, где искать помощи. Вот и пришлось им волей-неволей послушаться королевы и послать за колдуном.

Когда же он явился на зов и сел среди них, им стало не по себе. Это был длинный, тощий, страшный человек; борода его свисала до колен, волосы окутывали его, словно плащом, а лицо у него было блее извести. Казалось, он боялся солнца и всю жизнь просидел в темноте.

Советники и король смотрели на него косо. Но ведь никто другой не мог им помочь. Поэтому они рассказали ему все и попросили у него совета и помощи. Колдун холодно ответил, что подумает, а завтра снова придет в палату совещаний и скажет, что надо делать.

На другой день он пришел и подал такой совет, что волосы у всех стали дыбом от ужаса.

— Только одним можно умиловать Великого Змея и спасти страну, сказал волшебник. — Надо каждую субботу бросать ему на съедение семерых молодых девушек, самых красивых. Попробуйте сделать это два-три раза, и если Морской Змей не смилуется и не уплывет прочь, тогда придется прибегнуть к другому, уже последнему средству. Но оно так ужасно, что пока не стоит о нем говорить, чтобы не пугать людей раньше времени.

Что было делать королю и советникам? Они и ненавидели волшебника, и боялись его. Но, как ни тяжело им было, пришлось его послушаться. И король поневоле издал жестокий

указ.

И вот каждую субботу королевские слуги хватали семерых прекрасных, ни в чем не повинных девушек, приносили их на берег, связанных по рукам и ногам, и оставляли одних на утесе, что вдавался в море. Чудовище протягивало свой длинный раздвоенный язык и слизывало девушек себе в пасть, а народ в ужасе смотрел на это с вершины высокого холма. Вернее — мужчины смотрели с каменными лицами, а женщины закрывались передниками и громко рыдали.

— Неужто нет никакого другого средства?! — кричали они. — Неужто нельзя спасти страну как-нибудь иначе?

Но мужчины только стонали и качали головой.

— Нет другого средства, — говорили они, — нет!

И вот как-то раз негодующий детский голос прозвучал в толпе:

— Разве нет среди вас взрослого мужчины, готового сразиться с чудовищем, убить его и спасти жизнь девушкам? Если нет, за это возьмусь я. Я не боюсь Местера Стурурорма.

Это крикнул мальчик Ассипатл, и все удивленно оглянулись на него. А он смотрел на громадного Морского Змея, гневно сжав кулаки, и его большие голубые глаза сверкали, полные жалости и возмущения.

— Бедный малый с ума сошел! Разум у него помутился от этого зрелища, — перешептывались люди.

Они окружили мальчика, чтобы приласкать его и успокоить, но тут подошел старший брат Ассипатла и отвесил ему оплеуху.

— Тебе сражаться с Морским Змеем? — презрительно крикнул он. — Как бы не так! Ступай домой, заройся в свою золу и перестань болтать чушь.

Он схватил Ассипатла и потащил к братьям, и потом все они пошли домой.

Но Ассипатл все время твердил, что убьет Морского Змея, а старшие братья до того рассердились на «хвастунишку», что принялись бросать в него камнями, и мальчику пришлось спасаться бегством.

В тот же вечер шестеро братьев молотили рожь в риге, Ассипатл, как всегда, лежал в золе и думая свою думу, пока не пришла его мать и не приказала ему сбегать к братьям позвать их ужинать.

Ассипатл встал — он ведь был довольно послушный сын. Но едва он вошел в ригу, братья бросились на него, в отместку за то, что он убежал от них днем, сшибли его с ног и так завалили соломой, что, не приди сам фермер узнать, почему они так замешкались, Ассипатл, пожалуй, задохнулся бы.

За ужином мать стала бранить старших сыновей. Она говорила, что только трусы набрасываются всем скопом на того, кто моложе и меньше их. Тут Ассипатл перестал есть овсянку, поднял глаза и сказал:

— Не огорчайся, мать! Я сам не хотел с ними драться. А захотел бы, так всех бы отколотил.

— Почему ж ты не попробовал? — закричали братья.

— Потому что не хочу попусту тратить силы. Они мне понадобятся, когда я пойду сражаться с громадиной Змеем, — спокойно ответил Ассипатл.

Тут уж все его родные захохотали пуще прежнего.

А время все шло. Каждую субботу семерых девушек бросали чудищу на съедение. И наконец в народе заговорили, что пора с этим покончить, а не то в стране не останется ни

одной девушки.

Король опять созвал своих старейшин. Они долго совещались и решили, что надо еще раз послать за волшебником и спросить у него, какое другое, последнее, средство он знает.

— Что бы это ни было, — говорили старейшины, — хуже, чем мы поступаем теперь, поступить нельзя.

Но они не знали, чем грозит новое средство.

Надо сказать, что жестокая королева ненавидела свою падчерицу, принцессу Джемделавли, и злему волшебнику это было известно. Знал он и то, что королева не прочь совсем избавиться от падчерицы; вот он и придумал, как ему угодить королеве. Он явился на совещание, притворясь очень огорченным, и сказал, что остается сделать только одно: отдать принцессу Джемделавли Морскому Змею. Тогда уж он наверно уплывет.

Как только он это сказал, зловещая тишина наступила в палате совещаний. Все закрыли себе лица руками, потому что никто не решался взглянуть на короля.

Король нежно любил свою дочь и берег ее как зеницу ока. Но он был справедлив и понимал, что нельзя щадить свое родное дитя, когда заставляешь других отцов жертвовать дочерьми ради спасения родины.

Он пошел к принцессе и поговорил с нею. Потом вернулся к старейшинам и дрожащим голосом объявил, что и он сам, и его дочь готовы на жертву.

— Она мое единственное дитя, — сказал король, — она последняя в нашем роду. Однако оба мы полагаем, что ей нужно отдать жизнь ради спасения родной страны.

Соленые слезы потекли по щекам суровых бородатых мужей, когда они выслушали короля. Ведь все они знали, как ему дорога принцесса Джемделавли. Однако они нашли, что слова короля — это мудрые слова и что решение он принял верное и справедливое. Конечно, лучше погибнуть одной девушке, хоть она и королевской крови, чем толпам других девушек погибать неделя за неделей и — без всякой пользы.

Тяжело вздыхали советники. И вот престарелый законник, глава Королевского совета, встал, чтобы произнести смертный приговор принцессе. Но он еще не успел вымолвить ни слова, как вдруг выступил вперед королевский оруженосец.

— Природа учит нас, что у каждого гада есть хвост, — сказал он. Сейчас ваш законник произнесет приговор, а приговор этот поистине ядовитый гад. Значит, у него должен быть хвост. И вот какой хвост: если Владыка Морской Змей поглотит принцессу, но не удалится немедленно, следует угостить его уже не девушкой, нежной и юной, а вот этим тощим, жутким, старым колдуном!

Не успел он это сказать, как раздались столь громкие возгласы одобрения, что злой волшебник весь съежился и его бледное лицо помертвело.

И вот приговор произнесли, но было решено, что его приведут в исполнение только через три недели, чтобы на это время король разослал своих послов во все соседние королевства. Послы должны были объявить, что любой храбрец, который сможет прогнать чудище и спасти принцессу, получит ее в жены. А в приданое за нею ему дадут все королевство и, кроме того, прославленный королевский меч, что в древности принадлежал скандинавскому богу Одину.

Этим мечом Один сражался и побеждал всех своих врагов. Меч назывался «Сиккерснеппер», что значит «Верноразящий», и ни один человек не мог устоять против него.

Слухи об этих решениях разнеслись по всей стране, и каждый человек в ней оплакивал

принцессу Джемделавли — ведь ей грозила такая страшная гибель! Оплакивали ее и фермер, отец Ассипатла, и его жена, и шестеро их сыновей — словом, все домочадцы, кроме самого Ассипатла. А он сидел на куче золы и молчал.

Когда же в соседних королевствах узнали про воззвание короля, все молодые храбрецы встрепенулись. Им казалось, что убить морское чудище не так уж трудно, а прекрасную жену, цветущее королевство и добрый меч найдешь не каждый день.

И вот тридцать шесть воинов прибыли в королевский дворец, и каждый твердо надеялся получить обещанную награду.

Но король послал их всех посмотреть на громадного Змея, что лежал в море, разевая необъятную пасть. И когда воины увидели его, двенадцать человек из них внезапно занемогли, а двенадцать так испугались, что пустились бежать без оглядки и ни разу не остановились, пока не добрались до своих родных мест. Итак, лишь двенадцать из тридцати шести храбрецов вернулись в королевский дворец, но и эти до того приуныли, когда поняли, какой подвиг взяли совершить, что храбрости их как не бывало. Ни один даже не попытался убить Морского Змея.

Три недели прошли медленно. И вот наступил вечер накануне того дня, когда должны были принести в жертву принцессу. В тот вечер король решил хоть немного развлечь своих гостей и устроил торжественный ужин.

Невеселый это был пир: все только и думали о том, какое страшное дело должно свершиться завтра, и никто не мог ни есть, ни пить.

А когда ужин кончился и все отошли ко сну, кроме короля и его старого оруженосца, король вернулся в главный зал и медленно взошел на свой трон, стоявший на высоком помосте. Этот трон был непохож на теперешние: это был просто огромный ларь, и в нем король хранил все самые дорогие свои сокровища.

Дрожащими руками отодвинул старый король железные засовы, поднял крышку ларя и вынул чудесный меч Верноразящий, тот, что некогда принадлежал богу Одину.

Преданный оруженосец когда-то бился плечом к плечу с королем в сотнях битв и теперь смотрел на него с великим состраданием.

— Зачем ты вынул свой меч? — тихо спросил он. — Ведь для тебя дни битв миновали. Ты доблестно сражался, господин мой, когда рука твоя была сильной и верной. Но когда воину восемь десятков лет, да еще шестнадцать, как исполнилось тебе, пора ему посылать в бой других людей, помоложе.

Старый король в гневе повернулся к нему, и глаза его загорелись, как в былые дни.

— Замолчи! — крикнул он. — Не то я подниму свой меч на тебя. Неужто ты думаешь, что я отдам на съедение чудищу свою единственную дочь, а сам пальцем не пошевелю, чтобы ее спасти, когда никто другой за это не берется? Говорю тебе, нет, — клянусь на этом мече, — и он скрестил большие пальцы обеих рук на Верноразящем, — что и меч и я, мы погибнем, прежде чем хоть волос упадет с головы моей дочери. Итак, ступай, мой старый товарищ, прикажи приготовить мою ладью, поставить на ней паруса и повернуть ее носом к морю. Я сам пойду сражаться с Морским Змеем. А если я не вернусь, поручаю тебе защищать мою возлюбленную дочь. Гибель моя, может статься, спасет жизнь ей.

В тот вечер на ферме родителей Ассипатла люди улеглись спать рано: наутро все домочадцы собирались подняться на вершину холма у моря, чтобы увидеть, как Морской Змей поглотит принцессу. Все, кроме Ассипатла, его решили оставить дома стеречь гусей.

Мальчик так огорчился, что не мог спать, — ведь он задумал большое дело! Он

ворочался с боку на бок в своем углу на куче золы и вдруг услышал, как его родители разговаривают, лежа на своей широкой кровати. Ассипатл прислушался и понял, что они ссорятся.

— До холма над морем очень уж далеко, — говорила мать Ассипатла. Боюсь, что пешком мне туда не добраться. Лучше останусь дома.

— Ну нет, — возразил отец. — С какой стати тебе сидеть дома, когда там вся округа соберется? Садись в седло ко мне за спину. Поедем вместе на моей доброй кобыле Быстроножке.

— Не хочется мне, чтобы ты беспокоился — брал меня с собой, — сказала его жена. — А потому не хочется, что, по-моему, ты меня уже не любишь так, как любил раньше.

— Да ты помешалась! — в досаде крикнул фермер. — Почему ты думаешь, что я тебя разлюбил?

— Потому что ты перестал рассказывать мне свои тайны, — ответила фермерша. — Да вот, недалеко ходить, возьмем хоть эту самую Быстроножку. Целых пять лет я умоляла тебя сказать мне, почему, когда ты сам едешь на ней верхом, она летит быстрее ветра, а если кто другой на нее сядет, она тащится, словно убогая старая кляча.

Фермер рассмеялся.

— Я не потому скрывал это от тебя, хозяйка, что мало тебя любил, сказал он, — а потому, что мало тебе доверял. Ведь бабий язык болтает без удержу, а я не хотел, чтобы другие люди узнали про мою тайну. Но уж если это тебя огорчает, я, так и быть, скажу тебе все... Слушай! Когда я хочу остановить Быстроножку, я один раз хлопаю ее по левому боку. Когда хочу, чтобы она бежала, как бегут другие лошади, я два раза хлопаю ее по правому боку. А уж когда мне нужно, чтоб она летела как ветер, я свищу в гусиное горлышко. Но ведь я не знаю, когда мне понадобится, чтобы она летела как ветер, и потому всегда ношу с собой гусиное горлышко в левом кармане куртки.

— Значит, вот как ты управляешься с этой лошастью, — сказала фермерша, очень довольная, — и вот куда у нас деваются гусиные горлышки! Ну и хитрец же ты, хозяин! А теперь, когда я про все узнала, можно мне и заснуть.

Ассипатл уже перестал ворочаться с боку на бок в золе. Он тихо сидел в своем уголке, и глаза его сверкали.

Мальчик понял, что наконец-то пришел его час.

Он терпеливо ждал, пока не догадался по дыханию родителей, что они заснули. Потом подкрался к отцовской одежде, вытащил гусиное горлышко из кармана куртки и бесшумно выскользнул из дому. А как только выбежал во двор, стрелой помчался на конюшню, оседлал и взнуздal Быстроножку, закинул поводья ей на шею и вывел ее за ворота.

Добрая кобылка не привыкла к Ассипатлу. Она становилась на дыбы, лягалась, рвалась вперед. Но мальчик вспомнил про слова отца и хлопнул ее по левому боку. Быстроножка тотчас стала как вкопанная. Ассипатл вскочил на нее, хлопнул ее два раза по правому боку, и добрая лошадь с громким ржанием побежала рысью.

Топот ее копыт в ночной тишине поднял на ноги весь дом. Фермер и шестеро его сыновей, спотыкаясь, помчались вниз по лестнице, в тревоге крича друг другу, что кто-то, должно быть, увел Быстроножку.

Фермер первый добрался до двери, и когда увидел при свете звезд, как убегает его любимая лошадь, заорал во весь голос:

— Вор! Вор! Держи вора! Тпру, Быстроножка, тпру!

Быстроножка услышала голос хозяина и сразу остановилась. «Ну, я пропал!» — подумал Ассипатл. Ведь он знал, что его отец и братья бегают быстро и вот-вот подбегут к нему. А Быстроножка — ни с места! Но, к счастью, он вспомнил про гусиное горлышко. Вынул его из кармана и свистнул. Резвая кобыла тотчас же рванулась вперед, помчалась быстро, как ветер, и одним скачком перемахнула через холм. Погоня и десятка шагов пробежать не успела, как осталась далеко позади.

Заря уже занималась, когда мальчик увидел море. Там, впереди, на волнах лежало громадное чудовище, и Ассипатл знал, что должен его убить, затем он и примчался сюда издалека. Всякий сказал бы, что глупо даже мечтать об этом. Ведь Ассипатл был щуплый, безоружный юнец, а Владыка Морской Змей был так велик, что, как говорили люди, длина его равнялась четверти земной окружности. Язык его был раздвоен на конце и походил на вилы. И этими вилами он мог ухватить все, что хотел, сунуть себе в пасть и сожрать.

Однако Ассипатл не испугался — под его лохмотьями билось сердце героя.

«Ну, брат, теперь берегись! — сказал он себе. — Не хватает силы — выручит хитрость».

Ассипатл соскочил с Быстроножки, привязал добрую лошадь к дереву, а сам пошел пешком, внимательно глядя по сторонам. И вот он заметил на опушке леса небольшой домик.

Дверь его была не заперта. Мальчик вошел и увидел, что старуха хозяйка крепко спит на кровати. Он не стал ее беспокоить, сам снял с полки чугунок и внимательно осмотрел его.

«Это мне пригодится, — подумал он, — а старушка, наверное, не рассердится, когда узнает, что я взял чугунок, чтобы спасти жизнь принцессе».

Потом он вытащил из очага кусок рдеющего торфа, сунул его в чугунок и пошел своей дорогой.

В море, у самого берега, он увидел королевскую ладью. Она была уже под парусами, и нос ее был повернут в сторону Владыки Морского Змея. Ладью сторожил лодочник.

— Какое холодное утро! — сказал ему Ассипатл. — Неужто ты тут не замерз? Хочешь, пойди на берег, пробегись и согрейся, а я сяду в ладью и буду ее сторожить, пока ты не вернешься.

— Как бы не так! — возразил лодочник. — А что скажет король, если он сейчас придет? Увидит, что я оставил его славную ладью под охраной такого сопляка, как ты, а сам греюсь на песочке, и что тогда будет? Пожалуй, голову снесут!

— Как хочешь, — небрежно бросил Ассипатл и принялся что-то искать на берегу среди камней. — А я пока поищу хороших ракушек и зажарю их себе на завтрак.

И вот мальчик набрал ракушек, а потом начал рыть ямку в песке, чтобы положить туда рдеющий торф. Лодочник с завистью смотрел на него: ему тоже захотелось есть.

Но вдруг Ассипатл закричал и запрыгал:

— Золото, золото! Клянусь богом Тором, кто бы подумал, что здесь найдется золото?!

Тут уж лодочник не выдержал — позабыл и про короля, и про свою голову. Выскочил из ладьи, отпихнул Ассипатла и стал торопливо рыться в песке.

Тогда Ассипатл схватил свой чугунок, вскочил в ладью, оттолкнул ее от берега и успел проплыть по морю полмили, прежде чем лодочник понял, как его одурачили. Ведь он, конечно, не нашел никакого золота.

Лодочник очень рассердился, а старый король рассердился еще больше, когда вместе с придворными спустился на берег. В руке у него был славный меч Верноразящий — ведь он все еще лелеял несбыточную надежду, что ему, слабому, дряхлому старику, удастся победить

чудище и спасти дочь.

Но теперь, когда ладья уплыла, даже эта надежда угасла. Королю оставалось только стоять на берегу среди все прибывающей толпы подданных и ждать, что будет.

И вот что было.

Ассипатл медленно плыл по морю, не отрывая глаз от Морского Змея. Вскоре он заметил, что страшное чудище время от времени зевает, словно ждет не дожидается кормежки. И всякий раз, как оно зевало, громадный поток воды устремлялся ему в глотку, затем снова выливался наружу через огромные жабры.

И вот храбрый мальчик спустил парус и направил нос ладьи прямо к пасти чудища. Как только оно зевнуло опять, ладью вместе с мальчиком втянуло в пасть, и они провалились через глотку Морского Змея в его темную утробу. Ладья плыла там все дальше и дальше, но вскоре вода стала убывать и выливаться из громадных жабр змея. Наконец ладья как бы стала на мель. Тут Ассипатл выскочил из нее с чугуном в руках и побежал на поиски.

Немного погодя он добрался до печени чудища. А он знал, что в рыбьей печени много жира. Мальчик прокопал в ней дырку и сунул туда рдеющий торф.

Какой тут вспыхнул пожар! Ассипатл едва успел вовремя вскочить в ладью — у Морского Змея начались такие судороги, что он отрыгнул ладью, и ее выбросило прямо на сушу целую и невредимую.

На море поднялось такое волнение, что и королю, и его дочери (она к тому времени уже сошла на берег, одетая, как невеста, в белое платье), и всем придворным, и всем деревенским жителям пришлось искать убежище на вершине холма. С этого безопасного места они теперь смотрели на море, ожидая, что будет дальше.

А Владыка Морской Змей заметался во все стороны, извиваясь и корчась. Он высунул из воды свою отвратительную голову, а язык его взметнулся и с такой силой ударил по земле, что прорыл в ней огромную трещину. В эту трещину хлынуло море, и оно образовало кривой пролив, который теперь отделяет Данию от Швеции и Норвегии.

Потом у чудища выпало несколько зубов. Они не потонули, но образовали острова, которые теперь называются Оркнейскими островами. Немного погодя у чудища выпало еще несколько зубов, и они тоже превратились в острова. Их мы теперь называем Шетландскими островами.

Затем Змей свернулся в комок и издох. Этот комок превратился в остров Исландию. В недрах его все еще горит огонь — тот самый огонь, который когда-то зажег Ассипатл куском рдеющего торфа. Вот почему в этой холодной стране иные горы извергают пламя.

Когда все наконец поняли, что Владыка Морской Змей действительно мертв, король, не помня себя от радости, обнял Ассипатла, поцеловал его и назвал своим сыном. Он снял с себя королевскую мантию, надел на мальчика и опоясал его своим добрым мечом Верноразящим.

Затем король подозвал дочь, принцессу Джемделавли, вложил ее руку в руку Ассипатла и объявил, что, когда придет время, она станет женой этого героя, и он будет правителем всего королевства.

Тут все сели на коней, причем Ассипатл ехал верхом на Быстроножке рядом с принцессой, и, счастливые, вернулись в королевский дворец.

Но как только они подъехали к воротам, навстречу им выбежала прислужница, сестра Ассипатла. Она попросила принцессу поклониться и прошептала ей что-то на ухо.

Лицо у принцессы потемнело; она повернула назад свою лошадь, поскакала к отцу — он

вместе с придворными ехал позади — и передала ему слова прислужницы. Лицо короля тоже потемнело, как грозовая туча.

Вот что оказалось: жестокая королева обрадовалась, что навсегда избавилась от падчерицы, и все утро миловалась со злым волшебником, благо старый король уехал.

— Его надо тотчас же казнить! — воскликнул король. — Нет ему прощения!

— Трудно будет найти его, ваше величество, — сказала прислужница. Вот уже час, как он бежал вместе с королевой на самых резвых коня, какие только нашлись в конюшне.

— А я догоню его! — крикнул Ассипатл и быстрее ветра помчался за беглецами на своей доброй кобыле Быстроножке.

Вскоре он их почти догнал, выхватил свой меч и громко приказал им остановиться.

Они услышали крик, обернулись и расхохотались, увидев, что это всего лишь тот мальчик, что всегда валяется в золе.

— Дерзкий мальчишка! Я его проучу! — крикнул волшебник и ринулся навстречу Ассипатлу.

Он никогда не был воином, но знал, что обычное оружие не может повредить его заколдованному телу, и ничего не боялся.

Но он не знал, что Ассипатл держит в руке тот самый меч, каким великий бог Один победил всех своих врагов. Мальчик одним ударом меча сразил волшебника, и тот мертвым свалился с коня.

Тут подъехали придворные. Они тоже пустились в погоню, но лошади у них были не такие резвые, как Быстроножка. Придворные схватили за повод коня королевы и отвели его вместе со всадницей ко дворцу.

Королеву привели в совет, судили и повелели заточить ее в высокой башне. Там она и протомилась до конца своих дней.

Когда Ассипатл стал взрослым, он женился на принцессе Джемделавли, и множество гостей пировало и веселилось на их свадьбе. Когда же старый король умер, молодые заступили его место и долгие годы правили королевством.

КОРОЛЬ-ВЕТЕР И ПРИНЦЕССА

Словацкая сказка

Жил-был в стародавние времена король, у которого были сын и дочь. Оба они были умны и прекрасны: сын как яркое солнце, а дочка как утренняя звезда. Однажды они втроем гуляли по королевскому лесу, как вдруг налетел страшный ветер и унес принцессу. Король с королевичем повсюду искали ее, но она исчезла бесследно.

Опечаленный отец издал указ: «Тот, кто найдет красавицу принцессу, получит в награду полкоролевства». День и ночь слуги искали принцессу, но не могли найти.

— Не печалься, отец, — сказал королю принц, — я сам отправлюсь на поиски сестры.

Много дней и ночей шел принц, искал он сестру во всех городах и королевствах, в лесах и полях, но нигде никто даже не слышал о ней.

И вот однажды принц присел отдохнуть у большого глубокого озера. По этому озеру плавала дикая утка. Принц поднял ружье и уже собирался подстрелить ее на ужин, как вдруг утка заговорила человеческим голосом:

— Не убивай меня, добрый человек. Я тебе еще пригожусь. Я знаю, что ты ищешь свою сестру — принцессу. Так знай, что ты на верном пути. Принцесса живет в замке короля-ветра.

Принц был очень удивлен тем, что он услышал. Он спрятал ружье, поблагодарил утку и отправился дальше. Через некоторое время путь ему преградил большой старый муравейник. Принц поднял было палку, чтобы расчистить себе дорогу, как вдруг из муравейника вылез муравей и сказал ему человеческим голосом:

— Не разрушай, пожалуйста, наш дом, добрый юноша. Мы тебе еще пригодимся.

Принц опять был очень удивлен, услышав эти слова. Он обошел муравейник стороной и пошел дальше. Шел он, шел и вдруг увидел: поперек дороги лежит огромное дерево с дуплом. Принц собрался уже перерубить дерево, как из дупла вылетела гигантская пчелиная матка и сказала человеческим голосом:

— Добрый юноша, не руби наше дерево. Оставь нас, мы тебе еще пригодимся.

Принц отложил топор, перешагнул через дерево и пошел своей дорогой.

Долго ли, коротко ли, пришел он к высокой-превысокой скале, на вершине которой стоял замок. Это и был замок короля-ветра. Принц попытался взобраться на скалу, но ветер дул так сильно, что он не мог проползти и нескольких метров. Долго он боролся и наконец взобрался на скалу. Подойдя к огромным чугунным воротам, принц постучался, но никто не ответил ему. Он открыл ворота и прошел внутрь. Каково же было его удивление, когда он увидел, что в замке никого нет! Принц прошел через один зал, другой, и наконец в третьем он увидел сидящего на троне из облаков короля-ветра.

— Здравствуй, дорогой шурин. Зачем ты пожаловал к нам? — спросил король.

— Я пришел за своей сестрой, которую ты украл, — ответил храбрый принц.

— Отлично, — сказал улыбаясь король. — Но сначала ты должен доказать, что заслужил ее.

Король-ветер подхватил принца и отнес его к морю. Там он снял с пальца золотое кольцо, бросил в море и сказал:

— К утру ты должен вернуть мне мое кольцо, и тогда мы продолжим разговор о твоей

сестре. Если ты не сможешь это сделать, то отправляйся туда, откуда пришел.

И король-ветер улетел в свой замок.

Принц очень опечалился, поскольку он не представлял себе, что же ему теперь делать. Вдруг вода в море забурлила, и на волнах появилась дикая утка.

— Не печалься, юноша! Я обещала помочь тебе и теперь исполню это. Иди спи, не беспокойся ни о чем, к утру я принесу тебе кольцо.

Облегченно вздохнув, принц отправился спать. Наутро, проснувшись, он обнаружил кольцо короля-ветра на своем пальце. Тут же появился и он сам. Принц отдал ему кольцо, и ветер сказал:

— Ну хорошо, на этот раз ты удачно выкрутился. Теперь я дам тебе задачу посложнее. Если ты выполнишь ее, то сможешь забрать свою сестру, если же ты не справишься с этой задачей, то отправишься туда, откуда пришел.

Король-ветер подхватил принца и отнес его на самую высокую башню замка. Там он достал мешочек с маковыми зернышками и высыпал их вниз. Поднявшийся ветер подхватил их и разнес по всему королевству.

— Чтобы к утру все маковые зернышки были собраны назад в мешочек, сказал король-ветер.

И он улетел прочь, оставив принца горевать.

Вдруг откуда ни возьмись появился маленький муравей и сказал юноше:

— Не волнуйся понапрасну. Я обещал тебе помочь. Ложись спокойно спать, к утру я принесу тебе мешочек с маковыми зернышками.

Обрадованный принц отправился спать. Проснувшись рано утром, он обнаружил в изголовье мешочек, полный маковых семян. И как раз в этот момент появился король-ветер. Увидев мешочек с зернышками, он пришел в ярость.

— Ну, хорошо. Ты заслужил свою сестру. Можешь забирать ее.

Он отвел принца в большой зал, где сидели двенадцать одинаковых принцесс. Все они, увидев принца, улыбнулись и сказали:

— Здравствуй, дорогой братец!

— Выбирай! — приказал король-ветер. Принц очень расстроился. Все девушки были на одно лицо. Вдруг над ухом он услышал тоненький голосок. Это была пчелиная матка.

— Не волнуйся, юноша. Я помогу тебе. Смотри внимательно, на чье плечо я сяду, это и есть твоя сестра. Подойди к ней, поцелуй и скажи: «Вот это моя сестра».

Принц все исполнил, как велела пчелиная матка. Пришлось королю-ветру смириться и отпустить их домой.

Как же все придворные и король были рады опять увидеть своего принца, похожего на ясное солнышко, и свою принцессу, красивую, как утренняя звезда. Три дня и три ночи продолжался пир, на который были приглашены короли и королевы всех соседних государств.

ВОЛШЕБНАЯ ЯБЛОНЯ

Польская сказка

Однажды, в давние времена, жила-была бедная женщина, у которой был единственный сын, по имени Владислав. Однажды женщина отправилась в лес набрать к обеду малины. По дороге домой она встретила бедную старушку, которая сказала ей:

— Милая женщина, пожалуйста, дай мне ягод, и я сделаю твоего сына счастливым.

Женщина отдала ей корзину с ягодами, и старушка съела всю малину. Затем она сказала:

— Запомни одно: когда твой сын найдет себе ремесло по душе, он принесет радость тебе, пользу людям и будет счастлив сам.

И она исчезла, как сквозь землю провалилась. А женщина побрела домой, ломая голову над словами старушки и перебирая в уме все существующие на свете ремесла. По пути она встретила портного и спросила:

— Скажи мне, какое, по-твоему, ремесло самое полезное на свете?

— Конечно же шитье, — ответил портной. И мать послала Владислава к портному в ученики. Проработав у портного месяц, Владислав вернулся домой.

— Матушка, — сказал он, — в шитье нет ничего приятного. Портной шьет дорогую одежду богатым людям, а бедные в это время ходят в лохмотьях.

— Хорошо, — сказала мать, — оставайся дома.

Через некоторое время она встретила сапожника и спросила его:

— Скажи мне, какое ремесло лучше всего на свете?

— Конечно шитье обуви.

И обрадованная мать послала Владислава в ученики к сапожнику.

Владислав проработал у сапожника месяц и вернулся домой.

— Матушка, — сказал он, — в шитье обуви нет ничего приятного и полезного. Сапожник шьет обувь богатым, а бедные ходят босиком.

— Хорошо, — сказала мать, — оставайся дома, коли так.

Спустя немного времени она встретила оружейника и спросила у него, какое самое полезное ремесло на свете.

— Конечно же военное, — уверенно ответил оружейник.

В этот же день мать отправила Владислава к нему.

Пробыв там месяц, Владислав вернулся домой.

— Матушка, — сказал он. — Мне не по душе это ремесло. Оружейник изготавливает оружие и для друзей, и для врагов. Ему все равно.

Но тут его мать рассердилась и закричала:

— Если ни одно ремесло тебе не по душе, убирайся и паси коров.

Владислав пошел в пастухи. Он следил за коровами, играл на дудочке и чувствовал себя прескверно. Сидя однажды на поляне, он увидел дым, идущий из чащи леса. Прибежав туда, он увидел огромный белый камень, объятый пламенем, а на камне огромную ящерицу, мечущуюся вниз и вверх. Владислав взял палку и помог ящерице выбраться из огня. Как только он это сделал, ящерица вмиг превратилась в маленькую старушку.

— Здравствуй, добрый юноша! — сказала она. — Ты спас меня, и я обещаю твоей

матери сделать тебя счастливым. Пойдем со мной. О коровах не беспокойся, мои слуги-щерки присмотрят за ними.

Старушка привела юношу в глубокую пещеру. В ней росла красивая золотая яблоня с золотыми яблоками. По обе стороны от нее были груды рубинов и сапфиров. Старушка повернулась к Владиславу и сказала:

— Выбирай, что тебе по душе. Если ты возьмешь рубины, то будешь самым красивым юношей на свете, если тебе хочется сапфиров — то ты будешь самым богатым, а если тебе по душе золотое яблоко, то ты останешься беден, но принесешь радость матери и пользу людям.

Не колеблясь ни минуты, Владислав выбрал яблоко.

— Ты правильно сделал, сынок, — сказала старушка. — Это не простая яблоня. Каждое утро она стряхивает свои листья, и каждый вечер на нем появляются золотые яблоки. Они могут излечивать любую болезнь. Но ты никогда не должен лечить людей за деньги, только ради милосердия.

Владислав посадил яблоню у себя в саду, и в тот же вечер все больные в поселке выздоровели. Вскоре о его чудесах узнали больные из соседних поселков и потянулись к нему рекой. Король также узнал о нем. А в это время он как раз простудился и лежал больной в постели. Доктор-немец старался, но не смог вылечить его, французский доктор тоже не смог облегчить его мучения, а турецкий доктор своим лечением испортил все, что сделали хорошего первые двое. Поэтому король велел разыскать Владислава и сказать ему, чтобы он выкопал свою яблоню и доставил ее во дворец, к королю. Слуги исполнили приказ.

Что оставалось Владиславу делать? Он отправился в лес найти пещеру и попросить у старушки совета. Она уже поджидала его, зная, что случилось.

Старушка сказала:

— У меня нет другого яблоневого дерева, но я дам тебе вот эти бобы, и они помогут тебе вернуть дерево. Но запомни: голубые бобы заставляют носы расти, а желтые делают их прежними, с помощью зеленых вырастают рога, а красные помогают им бесследно исчезнуть.

Владислав поблагодарил ее и отправился во дворец. Он разложил перед дворцовыми воротами голубые и зеленые бобы, и королевский повар купил их и сварил на ужин. О Боже, что тут началось во дворце! Носы у всех придворных вытянулись на такую длину, что они постоянно задевали ими друг за друга. А король с королевой просто не могли выйти из своей спальни, поскольку им мешали гигантские выросшие рога. Срочно был вызван повар, который рассказал, что купил разноцветные бобы у Владислава. Позвали Владислава, и он обещал, что избавит всех от этой напасти, если ему вернут его яблоню.

Король был в ярости. Но что оставалось делать? Не ходить же всю оставшуюся жизнь с рогами на голове? К тому же яблоня не прижилась в королевском саду и не давала ни одного яблочка.

Владислав выкопал яблоню, избавил при помощи красных и желтых бобов королевских подданных от рогов и длинных носов и отправился домой. Едва он высадил ее в своем саду, как она зацвела и к вечеру вся покрылась золотыми яблоками. Так до конца жизни Владислав лечил людей, но будучи по-прежнему бедным, он был счастлив, люди любили его, и слава о нем разлетелась по всему миру.

ТРИ КОЗЛА ГРАФ И ЗЛОБНЫЙ ТРОЛЛЬ

Американская сказка

Однажды далеко-далеко, в сказочной стране с высокими горами, с зелеными лугами, прозрачными ручьями жили-были три брата козлика. Фамилия у них у всех была Граф. самого старшего брата звали Огромный Козел Граф, среднего — Средний Козел Граф, а младшего — Маленький Козел Граф. Жили они на маленькой полянке посреди дремучего леса. Лето выдалось в тот год засушливым, и братья быстро выщипали всю траву на своей поляне. Что было им делать дальше? И они решили отправиться искать себе пропитание. Брели они, брели и пришли к широкой и глубокой реке. На другой стороне реки братья-козлики увидели сочный, зеленый луг.

— Как хорошо! — воскликнул Маленький Козел Граф. — Когда мы съедем эту траву, мы станем толстые-претолстые.

— Да, ты прав, — ответил Средний Козел Граф.

— Пойдемте туда поскорее, — предложил Огромный Козел Граф.

Но все дело в том, что под мостом, который протянулся через реку, жил тролль. Но это был не такой тролль, какого вы себе представляете в виде маленького добродушного человечка, а наоборот, этот тролль был с огромной уродливой головой, с длинными запутанными волосами, с ужасными, горящими злобой глазами, красным носом, большими клыками и острыми когтями. Это был очень злобный и страшный тролль. Он сидел под мостом и охранял его.

Три брата с грустью посмотрели в сторону моста.

— Как же быть с троллем? — зашептал Маленький Козлик Граф.

— Да, как нам быть? — спросил Средний Козел Граф.

— У меня есть план, — ответил Огромный Козел Граф.

Братья чуть-чуть посоветовались, и Маленький Козлик Граф отправился к мосту. Не успел он вступить на первое бревнышко, как злобный тролль выскочил из-под моста и кинулся на него.

— Кто ты такой? — заревел он жутким голосом. — И почему ты ходишь по моему мосту?

— Я Маленький Козел Граф. Я хочу перейти по твоему мосту речку, чтобы добраться до зеленого сочного луга на том берегу.

— Ах так! — захохотал тролль. — За это я тебя сейчас съем.

— Ой, пожалуйста, не надо, не торопись! — взмолился Маленький Козел Граф. — Почему бы тебе не подождать другого козла, он гораздо толще и вкуснее меня.

— Пожалуй, ты прав, — сказал тролль, — проходи на другой берег и не мешайся здесь.

Едва Маленький Козлик перебежал мост. Средний Козел Граф отправился навстречу троллю.

Не успел он пройти и трети пути, как увидел тролля.

— Кто ты такой? И что ты делаешь на моем мосту? — закричал он.

— Я Средний Козел Граф, и я прохожу по этому мосту на другой берег этой реки.

— О! Я тебя сейчас за это съем, — зарычал тролль.

— Не делай этого. Подожди немного. Сейчас по этому мосту пойдет другой козел. Он

гораздо больше и вкуснее меня, — сказал средний брат.

— Ну, ладно, проходи скорее, — ответил тролль.

Настала очередь идти по мосту Огромному Козлу Граф. Не успел он дойти до середины моста, как навстречу выскочил тролль.

— Кто ты такой? И почему ты стоишь на моем мосту?

— Я — Огромный Козел Граф и хочу пройти на другой берег реки.

— Ах так! Тебя-то я и поджидаю, чтобы съесть, — захохотал тролль.

— А я пришел сюда, чтобы тебя проучить, — ответил старший брат и боднул злобного тролля рогами так, что тот свалился с моста в воду и утонул.

А Огромный Козел Граф спокойно перешел на другой берег, где на зеленом сочном лугу его ждали братья.

Вскоре, когда люди узнали, что тролля больше нет, они стали селиться рядом с мостом, ничего не боясь, а три козла Граф ели сочную траву и становились все жирнее и жирнее.

ХРУСТАЛЬНЫЙ МОСТ

Французская сказка

Жили-были однажды муж с женой. Как-то раз, убираясь в конюшне, они нашли серебряную монетку.

— Что мы будем с ней делать? — спросил муж.

— Поедем завтра на ярмарку и купим курочку, — ответила жена.

Наутро они отправились на ярмарку и купили курицу. Курица снесла им много яиц, они удачно продали их на базаре и безбедно зажили на вырученные деньги.

Через некоторое время, убираясь в конюшне, они опять нашли монетку.

— Что мы будем с ней делать теперь? — спросил муж.

— Поедем на ярмарку и купам петушка, — ответила жена.

Они отправились в город и купили петушка. Курочка с петушком вывели цыплят, и, продав их, муж с женой зажили еще лучше прежнего.

Прошло немного времени, и опять в конюшне была найдена монетка, на которую они купили козу. Она дала им много вкусного молока, и, продав его, они зажили богаче прежнего. Спустя несколько дней они нашли золотую монетку и купили на нее козла. Когда у козы с козлом появились козлята, муж с женой выгодно продали их и еще больше пополнили свою копилку. Спустя некоторое время в конюшне опять обнаружилась монетка, и у мужа с женой появилась корова. Она дала им много молока, и, сбив из него душистое сливочное масло, жена продала его на рынке. На следующую найденную монетку они купили быка, и у них появились телятки.

Однажды, убираясь в конюшне, жена опять нашла монетку и купила большого пушистого кота. Кот сразу же переловил в доме всех мышей, которые портили хозяйское добро, и муж с женой не могли на него нарадоваться.

В очередной раз найдя монетку, они стали думать, что бы такое еще купить.

— Теперь мы достаточно богаты, — сказала жена. — Давай построим хрустальный мост.

Они построили мост, но прежде чем на него ступить, решили проверить его на прочность. Сначала они послали на мост курочку. Она прошла по мосту туда-сюда — мост не треснул.

Муж с женой послали на мост петушка. Петушок пробежался по мосту тот остался цел.

Затем по мосту прошли коза, козел, корова и бык. Мост стоял прочно. Пришла очередь прогуляться по мосту коту. Не успел кот дойти до середины, как мост затрещал и рухнул.

Так кто же был всех сильнее? Кот! А почему? Потому что он пил много молока!

ГОРДАЯ ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

Американская сказка

Однажды холодной осенью по лесу летала летучая мышь и горько плакала.

Ее плач услышал король птиц — орел.

— Почему ты плачешь, маленькая летучая мышь? — спросил он.

— Я плачу, потому что мне очень холодно.

— Но ведь другим птицам тоже несладко, но они не жалуются?

— Им не так плохо, как мне, потому что у них есть перышки, а у меня их нет.

Орел с минуту подумал, а потом велел своим слугам — сорокам собрать со всех птиц по одному перышку для летучей мыши. Когда она надела на себя все принесенные перышки, то превратилась в прекрасное существо. Ее крылья, головка и брюшко переливались всеми цветами радуги. Летучая мышь очень возгордилась. Она перестала разговаривать со всеми и целыми днями, сидя на ветке, любовалась на свое отражение в лужице подмерзающей воды.

Обидевшись, птицы обратились с жалобой к орлу.

— Летучая мышь, — сказали они, — теперь считает себя первой лесной красавицей. Она перестала со всеми разговаривать и даже павлинов обзывает дурнушками.

Орел вызвал к себе летучую мышь и спросил ее, правда ли то, что ему сообщили лесные птицы.

— Конечно, — ответила летучая мышь. — Они мне теперь не компания, я гораздо красивее их. Убедись сам.

Она расправила свои крылья, и орел увидел, что они действительно хороши.

— Отлично, — сказал орел. — Если ты считаешь, что так пригожа, то каждая птица заберет обратно свое перышко. Посмотрим, какая ты будешь без них.

Все птицы накинулись на летучую мышь и расхватили свои перышки. Увидев свое отражение, летучая мышь пришла в ужас: из лужицы на нее смотрело голое, сморщенное, уродливое существо. Ей стало таю стыдно, что отныне она появлялась только ночью, когда никто не мог ее видеть.

ТОМ С НОГОТОК И БОЛЬШАЯ ПРИНЦЕССА

Английская сказка

Жила-была женщина, и был у нее единственный сынок, которого звали Том. Ростом он был не больше мизинца, и поэтому прозвали его Том с ноготок. Рос он добрым и послушным на радость матери. Вот достиг он совершеннолетия, и мать сообщила ему, что пора выбирать себе невесту. Том влез в материн карман, они оседлали лошадей и, сев в повозку, поехали к королевскому дворцу. А у этого короля была красавица дочь. Но, к великому огорчению отца, была она гигантского роста. И вдобавок дурочка. Поэтому ни один жених не хотел взять ее в жены.

Уже подъезжая ко дворцу, мать Тома вдруг обнаружила, что ее сын исчез. Она принялась искать его повсюду и вдруг услышала тоненький голосок, который звал: «Ку-ку, ку-ку! Я здесь!» Она повернулась на голос и увидела, что ее сынок спрятался в конской гриве. Она вытащила его и, отшлепав хорошенько, велела больше так не делать. Но вы же знаете, как не прочны детские обещания! И вот, не успели они тронуться дальше, как Том с ноготок исчез опять. Бедная мать обыскала все вокруг и вдруг услышала тоненький голосок: «Ку-ку, куку! Я здесь!» И что бы вы думали, где на этот раз спрятался проказник? В конском ухе. Мать вытащила его оттуда, отшлепала, и он опять пообещал, что больше так делать не будет. Но через некоторое время это повторилось опять. Том с ноготок спрятался у лошади в ноздре и чудом не погиб. Лошадь чихнула, и Том свалился рядом с ее копытом; хорошо, что мать успела его подхватить, а то не миновать бы ему быть раздавленным под конским копытом.

Ну вот, наконец, они подъехали ко дворцу, и их проводили к принцессе. Увидев его, та сразу же влюбилась без памяти, и их обвенчали в дворцовой церкви. Затем в честь молодых был дан пышный пир. Том с ноготок сидел рядом со своей великаншей женой. Бедный жених так проголодался за долгую дорогу, что чуть не умирал с голоду: он съел все кушанья со своей тарелки. Но вот дело дошло до сладкого бананового пудинга. Тут Том решил начать его есть с середины, где находились вкусные ежевичные цукаты. Взобравшись на тарелку, он смело ступил на середину кушанья и вдруг почувствовал, что тонет, как в болоте. Сколько он ни кричал, никто не мог услышать его тоненького голосочка. И бедняжка утонул.

Он плавать не умел,
И это был финал.
Принцесса овдовела,
А может, я все наврал?

НОВЫЙ КОСТЮМ

Американская сказка

Жил-был на свете маленький гном по имени Тимм Пикси. Однажды, сматывая в клубочек тонкую нить паутинки в колючих кустах ежевики, он порвал свой красивый костюм. Придя домой, Тимми попытался зашить дырку, но ничего не получалось, заплатка была на самом видном месте — на спине, и это было ужасно некрасиво.

— Сам я, конечно, не буду видеть эту дырку, — утешал себя Тимм, — но что подумают люди? Я думаю, что мне необходимо сшить новый костюм.

И бедняжка гном поспешил к портному.

— Доброе утро, Тимм! — сказал портной. — Чем я могу тебе помочь?

— Я хочу, чтобы Вы сшили мне новый костюм, такой же красивый, как этот, — ответил Тимм. — Мой старый костюм был очень удобный и теплый, у него были большие карманы, в которых можно было носить все, что захочется. Я хочу, чтобы вы сшили мне такой же.

— Хорошо, — согласился портной. Он снял с Тимма мерки и все записал в свою портновскую книжечку.

— Только я бы хотел, — сказал на прощание Тимм, — чтобы Вы сделали его из зеленого сукна.

— Хорошо, к завтрашнему дню костюм будет готов.

Портной отрезал кусок изумрудного полотна и уже собирался начать шить, как Тимм крикнул со двора:

— Я думаю, что голубой цвет пойдет мне больше.

— Но ведь я уже отрезал зеленый материал, — удивился портной.

— Ничего, — ответил Тимм, — ведь костюм буду носить я, и поэтому я заказываю материал, а я хочу, чтобы он был голубого цвета.

Пожав плечами, портной уже собирался отрезать голубой ткани, как Тимм закричал:

— Пожалуй, сделайте его красным!

— Ты уверен в этом? — с сомнением спросил терпеливый портной.

— Да, конечно же, — ответил Тимм, но уже через несколько минут сказал, что костюм будет лучше сделать желтого цвета. Через десять минут Тимм решил, что костюм нужно сшить из синей ткани, затем из фиолетовой.

— Но так какого же цвета ты хочешь костюм? — потерял терпение портной.

Он выложил перед Тиммом ткани всех цветов и предложил:

— Выбирай!

— Но что же мне делать? Мне нравятся все цвета, и так трудно выбрать один, — ответил Тимми.

— Тогда отправляйся домой, я сам выберу хороший цвет.

По дороге домой и всю ночь Тимми, не сомкнув глаз, думал, какой же цвет выберет ему портной. Едва рассвело, он стоял уже под дверью мастера. Ему пришлось ждать несколько часов. Портной знал, что Тимми ждет его за дверью, но не торопился его впускать. Сначала он позавтракал, потом помыл пол и навел везде порядок.

Ровно в девять часов он впустил Тимми в дом.

— Ну как, готово? Какого он цвета? О, я надеюсь, вы выбрали самый лучший цвет, —

подпрыгивая от нетерпения то и дело, спрашивал Тимми.

Портной провел его в комнату и показал костюм. Тимм схватил его и принялся рассматривать. Он был в восхищении от нового костюма.

— Ну как, я выбрал нужный цвет? — засмеялся портной.

— Да, да! — радовался Тимм. — Вы самый умный портной на свете.

— Попробуй, примерь, — посоветовал польщенный портной.

Тимм примерил новый костюм, и тот пришелся ему в самый раз. Какого же цвета был новый костюм Тимма?

Умный портной взял по кусочку каждой ткани и сшил Тимму костюм из всех цветов радуги.

ТРИ ПОРОСЕНКА

Английская сказка

Жила-была на свете старая мама-свинья. И было у нее три маленьких поросенка. Жили они очень бедно, и не на что им было купить даже хлеба на пропитание. И вот решили братья пойти по белу свету добыть себе еду и теплое жилище. Дошли они до развилки большой дороги и расстались. Каждый пошел своим путем. Самый маленький поросенок шел-шел и повстречал крестьянина с охапкой соломы. Он поздоровался с ним и вежливо попросил:

— Не могли бы вы дать мне немного вашей прекрасной соломы, чтобы я мог построить себе домик?

Крестьянин дал поросенку соломы, и уже к вечеру соломенная хижина была готова. Вскоре пришел к его дому волк. Он постучал в дверь и зарычал:

— Маленький поросенок! Сейчас же отопри дверь!

— Нет, — прохрюкал поросенок, — ни за что не отопру.

— Ну, тогда держись! — разозлился волк и начал что есть мочи дуть: Ф-ф-фу-у, ф-ф-фу-у!

Солома разлетелась во все стороны, свирепый волк кинулся на поросенка и проглотил его.

А средний брат шел своей дорогой и встретил крестьянина с вязанкой хвороста. Он попросил у крестьянина хворосту, и тот дал ему. Поросенок вбил в землю маленькие колышки, переплел их прутьями — и вскоре дом был готов. Не успел поросенок закрыть за собой дверь, как появился страшный волк и стал стучаться.

— Кто там? — спросил поросенок.

— Открывай сейчас же, — зарычал волк.

— Нет-нет, я не впущу тебя, — ответил дрожащий от страха поросенок.

— Тогда я сейчас доберусь до тебя, — и волк начал дуть изо всех сил.

Стены дома дрожали, прутья трещали, а страшный волк все дул и дул. И вот дом зашатался и развалился. Волк кинулся к поросенку и съел его.

Расставшись с братьями, старший поросенок встретил на дороге крестьянина, который вез тележку с кирпичами.

— Не могли бы вы одолжить мне несколько кирпичей? — вежливо попросил поросенок. — Я хотел бы построить себе маленький домик.

Крестьянин дал ему кирпичи, и поросенок построил добротный домик, которому был не страшен ни дождь, ни снег. Как только он расположился в домике и затопил камин, в дверь постучали.

— Кто там? — спросил поросенок.

— Открывай скорее, — закричал стоящий за дверью злой волк. — А не то я разнесу твой дом на куски.

— И не подумаю! — ответил бесстрашный поросенок.

Волк принялся дуть что было мочи. Но дом даже не шелохнулся, он стоял как крепость. Раздосадованный волк решил пойти на хитрость. Ласковым голосом он спросил:

— Маленький поросеночек! Хочешь, я покажу тебе местечко, где растет сладкая, сочная

репка?

— Где это? — заинтересовался поросенок.

— Это за холмом, у кузницы, — ответил волк. — Если хочешь, завтра утром я могу отвести тебя туда полакомиться репкой.

— Я согласен. В каком часу ждать тебя?

— В шесть часов утра, — ответил обрадованный, что его замысел удался, волк.

Но он очень ошибался. Умный поросенок не стал ждать его прихода. Он встал пораньше и до прихода волка сбегал за кузницу и нарвал сладкой, сочной репки.

В шесть часов появился волк и, постучавшись в дверь, спросил:

— Маленький поросенок, ты уже встал? Пошли за репкой!

— Зачем? — ответил поросенок. — Я уже был там и набрал себе репки на завтрак.

Волк пришел в ярость. Но он постарался не показать виду и опять ласково спросил:

— Поросенок, хочешь я покажу тебе место, где растут большие красные яблоки.

— Да, я слышал об этом. Давай пойдем туда вместе. Когда ты зайдешь за мной?

— В пять часов утра, и мы пойдем за яблоками.

На том и порешили.

Но умный поросенок не стал ждать хитрого волка. Он поднялся утром пораньше и отправился за яблоками. Но на этот раз он просчитался. Не успел он набрать яблок и как раз собирался слезть с дерева, как появился разъяренный волк и закричал:

— Так-то ты держишь свое слово? Я тебя жду уже битый час, а ты лакомишься здесь яблоками?

— Не сердись, — ответил поросенок как можно вежливее, — я сейчас дам тебе тоже попробовать яблочка.

И он бросил волку самое красивое красное яблоко, но так далеко закинул его, что оно покатилося за холм. Волк побежал подбирать яблоко, а поросенок слез с дерева и убежал домой.

На следующий день волк как ни в чем не бывало опять пришел к поросенку.

— Маленький вкусенький поросеночек, — сказал он, — знаешь ли ты, что завтра в городе будет большая ярмарка?

— Да, я очень хотел бы попасть туда, — ответил поросенок. — Не составишь ли ты мне компанию?

— С удовольствием!

— Когда тебя ждать?

— В три часа утра, — ответил обрадованный волк.

Но поросенок опять вышел из дома пораньше. Он прибежал на ярмарку и купил там маслобойку. Поросенок уже подходил было к дому, как увидел внизу, у подножия холма, идущего ему навстречу волка. Поросенок с перепугу быстро залез в маслобойку и, оттолкнувшись, покатилося с холма вниз, прямо на волка. Увидев несущийся на него с огромной скоростью странный предмет, волк в ужасе кинулся бежать, а поросенок благополучно добрался до дома.

На следующий день волк пришел к поросенку и стал ему жаловаться, что вчера его напугало какое-то страшилище, которое несло вниз по холму. Поросенок весело рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Так это же был я, глупый ты зверь. Я был на ярмарке и купил там маслобойку. Возвращаясь домой, я увидел тебя и, испугавшись, спрятался в ней. А затем

скатился вниз, прямо к своему домику.

Тут уж волк просто расвирепел. Он решил проучить смышленного поросенка. Когда стемнело, он забрался на крышу дома, а с крыши в трубу и полез по трубе вниз прямо в камин. Но умный поросенок был начеку и, услышав шорох, быстро развел огонь и поставил на него большой котел с водой. Ему не пришлось долго ждать. Послышался треск, волчьи лапы показались в трубе, поросенок снял с котла крышку — и волк бултыхнулся прямо в кипящую воду. Изо всех сил он пытался выпрыгнуть из котла. Наконец это у него получилось. Но от натуги у него лопнул живот, и оттуда выскочили живые и здоровые два братца поросенка.

Поросята очень обрадовались, увидев снова друг друга, и стали счастливо жить-поживать в своем теплом уютном домике.

МОЛОДЕЦ СО ЗВЕЗДОЙ ВО ЛБУ И ЕГО РОГАТЫЙ КОНЬ

Болгарская сказка

Жил когда-то на свете добрый и работающий человек. Была у него жена, красивая, как майский цвет, а вот детей не было, и он сильно горевал об этом.

Всякий день под его гостеприимную кровлю заходили путники из дальних краев.

Хозяин радушно принимал гостей и оставлял ночевать, а хозяйка хлопотала у печи, чтобы угостить их на славу.

Но однажды вечером в гостеприимном жилище не оказалось ни одного гостя. Хозяину стало не по себе. Вышел он из дому и принялся смотреть, не покажется ли какой-нибудь запоздалый путник, но потемневшая дорога оставалась безлюдной. Долго стоял он и ждал. Вдруг из мрака вышел старик с бородой до пояса, приблизился к нему и говорит:

— Добрый вечер, сынок!

— Добро пожаловать, дедушка! — ответил хозяин. — Если ты не торопишься, заходи к нам переночевать, а завтра утром продолжишь свой путь.

— Вот спасибо! — обрадовался старик и вошел вслед за добрым человеком в его дом. Хозяйка от души поприветствовала гостя, потом засучила рукава и приготовила вкусный ужин. После ужина старик спросил хозяев, хорошо ли они живут, все ли у них есть и не нужно ли им чего.

— Живем мы в достатке, в доме у нас всего вдоволь. Одного нам не хватает — птенчика, который бы ворковал в люльке.

— Не горюйте об этом, — сказал старик, — и птенчик у вас будет. А сейчас давайте-ка ложиться спать, время позднее.

Утром седобородый старик поднялся рано и тронулся в путь. Хозяин пошел провожать его до околицы. Когда стали прощаться, старик вынул из своей котомки румяное яблоко и стальную саблю, протянул их гостеприимному человеку и сказал:

— Когда придешь домой, раздели это яблоко пополам. Одну половинку съешьте вы с женой, а другую разрежь еще на две части и дай съесть двум своим яловым кобылам. Через девять месяцев у вас родится чудесный мальчик со звездой во лбу, который станет самым могучим богатырем на всей земле. Кобылы же родят по жеребенку; одна — обыкновенного, а другая — рогатого. Ходи за этим коньком и береги его пуще глаза своего, потому что на нем будет ездить твой сын. Возьми и эту саблю. Храни ее, а когда сын вырастет, отдай ему, но скажи, что только он сам может вынимать ее из ножен. Если же эту саблю обнажит чужая рука, то твой сын в тот же миг умрет. Ну, а теперь прощай!

Вернулся гостеприимный человек домой и сделал все так, как наказывал ему старик. Пришло время — и на белый свет появились мальчик со звездой во лбу и рогатый конек.

Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, он начал ходить на охоту в горы и леса и всякий раз возвращался с богатой добычей — с живыми сернами и оленями, а один раз приволок домой даже медведя. К тому времени по селу разнесся слух, что в городе появился человек невиданной силы: он мог разломить сразу две лошадиные подковы. Юноше захотелось поехать в город и увидеть этого силача.

— Что ж, поезжай, сынок, — сказал отец, — но сначала выбери одного из двух молодых

жеребчиков, которые стоят в конюшне.

Юноша вошел в конюшню, остановился перед тем конем, у которого не было рожка, схватил его за хвост, повертел над головой и выбросил вон из стойла. Потом подошел к рогатому коню, схватил его за хвост и попытался поднять, но конь не шелохнулся, словно прикованный к месту.

— Вот этот конь по мне! — сказал юноша, вскочил на него и поехал прощаться с родителями...

Когда отец увидел, что сын выбрал рогатого коня, он очень обрадовался и вспомнил про саблю. Вынес ее из дома, подал сыну и передал наказ седобородого старца.

Юноша поцеловал руки отцу и матери и тронулся в путь. Ехал, ехал и наконец доехал до города, где жил прославленный силач. Застал он его в кузнице.

— Хочешь, померимся силами? — предложил молодец со звездой во лбу.

— Что ж, давай, — согласился силач. Схватил две новые подковы, стиснул их двумя руками и разломал, словно сдобные баранки.

Тогда молодец, не сходя с коня, протянул руку и взял три подковы. Сложил их вместе и разломил без всякой натуги.

Поклонился ему до земли прославленный силач и сказал:

— Признаю, что ты сильнее меня.

А молодец ударил коня и поехал прочь — искать других богатырей, чтобы помериться с ними силами. Долго разъезжал он, спрашивал и расспрашивал всех встречных, не слыхивали ли они о каких-нибудь могучих богатырях. Наконец сказали ему, что далеко в горах живет черный человек, которого никто не может победить, и молодец со звездой во лбу отправился к нему.

Как только рогатый конь перескочил через ограду дома, где жил черный человек, тот выбежал во двор, вскочил на вороного жеребца и закружился, как вихрь.

— Чего тебе нужно здесь? — взревел он.

Но молодец выхватил саблю, взмахнул ею, и она засвистела. Шарахнулся назад черный всадник, впился глазами в саблю и рогатого коня, а потом соскочил на землю и преклонил колени перед молодцом:

— Признаю тебя богатырем над богатырями, — сказал он ему, — и готов все для тебя сделать, лишь пощади мою жизнь.

Поднялся с колен черный человек и тут же превратился в пригожего белолицего юношу.

Молодец вложил саблю обратно в ножны, слез с коня и вошел вместе с хозяином в белый дом, где слуги приготовили им богатый пир. Ели, пили, веселились богатыри и наконец побратались. Черный человек, который теперь белым стал, начал похваляться, какие диковинные вещи он может делать.

— Я на три аршина сквозь землю вижу, — сказал он, — и как только увидел тебя, сразу разгадал, что ты самый сильный человек на свете. А кроме того, могу превращаться в медведя, козу либо осла, могу ходить на руках и ногами срывать с деревьев яблоки да груши.

— Это все пустяки. А еще что ты умеешь делать?

— Когда приложу ухо к земле, могу подслушивать все разговоры на свете!

— Вот это здорово! — сказал молодец. — А теперь, побратим, пришло нам время проститься. Счастливо оставаться!

— Будь здоров, побратим, в добрый час! Когда же мы снова свидимся и как мне узнать, что ты жив-здоров и ничего худого с тобой не приключилось?

— А вот как, — ответил молодец. — Видишь этот цветок? Моя мать посадила его в тот день, когда я родился. Стебелек вырос, и на нем распустились два цветика. Они увянут только тогда, когда я умру. Ты возьми себе один цветок, а у меня останется другой. Каждый день поглядывай на него. Когда увидишь, что цветок завял, знай, что меня нет в живых.

Проговорив эти слова, молодец вскочил на коня и улетел, как сокол. Долго носился он по лесам, горам и зеленым долам и везде спрашивал, не встречали ли люди богатыря над богатырями, с которым он мог бы помериться силами, но никто не мог указать ему такого.

Подъехал он как-то раз к глубокому озеру. И только хотел было напоить в нем своего коня, как вдруг из домика, что на другом берегу стоял, выскочил человек с огромным брюхом и давай кричать:

— Эй, ты! Убери коня, чтобы не смел он мою воду лакать, а то я поел соленой рыбки и теперь мне страсть как пить хочется! Целую неделю ждал, пока реки наполнят озеро, чтобы напиться вдосталь, а ты лошадь сюда на водопой привел!

С этими словами пузатый наклонился и одним духом выпил все озеро.

Увидев это, молодец очень удивился, сошел с коня и завел беседу с пузатым человеком. Скоро они разговорились, подружились и наконец побратались. При расставанье молодец дал своему названому брату второй цветок, рассказал о его чудесном свойстве, попрощался и уехал.

Ездил он, ездил по свету, и наконец рогатый конь привез его в одно глубокое ущелье. Посреди ущелья стояла высокая башня, крытая золотой черепицей.

«Здесь, наверное, живет какой-нибудь знатный человек», — подумал юноша и постучался в запертые ворота.

Постучал один раз, второй, третий, потом заглянул через ограду и увидел, что по мраморной лестнице спускается вниз писаная красавица, одетая в шелк и парчу, а на пальцах у нее сверкают перстни с драгоценными камнями. Подбежала она к воротам и открыла их. А когда подняла глаза и увидела молодца, слезы так и покатались по ее щекам.

— Почему ты плачешь, красавица! — спросил гость.

— Как же мне не плакать, добрый молодец, ведь меня держит в плену злой разбойник. Я царская дочь. У меня был жених такой же молодой и пригожий, как и ты, но в день свадьбы разбойник ворвался во дворец, убил жениха моего, а меня привез сюда. С тех пор не знаю я радости. Сейчас льются мои слезы и о себе, и о тебе, потому что погибнешь ты на заре своей жизни. Разбойнику ничего не стоит одолеть тысячу таких юношей.

— Не горюй, красавица, — сказал молодец, — увидишь, как я расправлюсь с ним.

А разбойник в это время возвращался с охоты и еще издали заметил, что какой-то всадник разговаривает с его пленницей. От гнева искры посыпались у него из глаз, и он начал погонять своего коня. Но как только они съехались с молодцем, тот замахнулся своей саблей и рассек под ним коня на две половины. Свалился разбойник на землю. Замахнулся молодец во второй раз и поразил злодея на месте. А красавица в это время стояла с ножом в руке. Решила она заколоть себя, коли разбойник одолеет молодца. Увидав, что мучитель ее бездыханный лежит, бросилась царская дочь навстречу победителю и со слезами на глазах обняла его. Отвел молодец коня в конюшню и остался жить в башне с красавицей-царевною.

Мало ли, много ли времени прошло, только проведал царь-отец, что разбойника уже нет в живых, и решил выдать свою дочь замуж за князя. Отправил он за ней своих людей, но она не захотела вернуться к отцу и так ответила его посланным:

— Скажите моему батюшке, что я уже замужем и слышать не хочу ни о каком князе.

Разозлился царь и стал думать, как бы ему погубить молодца со звездой во лбу, но никто из его приближенных не осмеливался вызвать на бой такого богатыря. Наконец во дворец пришла колдунья — хитрая, как лисица.

— Я берусь погубить этого молодца и вернуть тебе дочь, — сказала она царю. — Только скажи, чем ты меня наградишь за это?

— Я дам тебе целый мешок золота! — пообещал царь.

Переоделась колдунья нищенкой и отправилась к башне, где жил молодец. Как раз в это время он был на охоте. Постучала колдунья в ворота. На стук вышла красавица-царевна.

— Пожалей меня, доченька! — взмолилась хитрая колдунья. — Нет у меня в доме ни кусочка хлеба. Дай мне чего-нибудь поесть.

У царевны было жалостливое сердце. Вынесла она целую корзину с хлебом, плодами и печеным мясом, протянула ее нищенке и наказала:

— Когда тебе опять нечего будет есть, бабушка, приходи сюда. Я все больше одна дома. И покормлю тебя, и поболтаем мы с тобой.

На другой день колдунья выждала, когда молодец уйдет на охоту, и опять заявила к царевне. Так и стала к ней каждый день навещаться. Подружились они с царской дочерью. Начала колдунья ее расспрашивать, хорошо ли она живет с мужем.

— Очень хорошо, — отвечала царевна. — У муженька моего нет никаких тайн от меня.

— Ну, ты особенно мужикам не доверяйся, — прошамкала ведьма. — Наверное, и твой муж утаил от тебя что-нибудь. Спроси-ка его, в чем скрыта тайна его жизни, — посмотрим, скажет ли он тебе.

— Конечно, скажет! — воскликнула царская дочь.

— Спроси и увидишь, что он тебе этого не откроет.

Вечером царевна собрала мужу поужинать, а сама в уголке села и губы надула.

— Отчего ты такая скучная? — спрашивает ее молодец.

А жена ему в ответ:

— Признайся, нет ли у тебя каких тайн от меня?

— Ты сама знаешь, что нет.

— А почему же ты не сказал мне до сих пор, где скрыта тайна твоей жизни?

— Потому что со мной тогда может случиться беда.

— Прошу тебя, скажи мне! — расплакалась царевна.

Молодец встревожился, обнял жену и говорит:

— Ну, не плачь. Так и быть, открою тебе тайну моей жизни. Она скрыта в сабле, которая висит у меня на поясе. Пока я сам вынимаю саблю из ножен, буду жив и невредим, но если кто-нибудь другой ее вынет, в тот же миг умру. Вот это-то и есть тайна моей жизни, только ты никому не говори о ней, потому что тогда меня легко могут погубить.

Но царская дочь не умела хранить тайны, и на другой же день колдунья узнала обо всем. Вечером она попрощалась с царевной, а выйдя за ворота, мякнула три раза, превратилась в кошку и юркнула через подворотню обратно. Потом прокралась в башню и спряталась там под кроватью. Ночью молодец снял саблю, повесил ее на стену и лег спать, а колдунья вылезла из-под кровати, снова обернулась женщиной, схватила саблю, вытащила ее из ножен и выбросила через окно в озеро.

В тот же миг молодец перестал дышать. Заплакала, заголосила царевна, как увидела наутро, что муж бездыханный лежит. А колдунья тем временем отправилась во дворец известить царя о смерти молодца. Как только проведал об этом злой царь, вооружил он полк

солдат и отправился за дочерью. Подъехали они к башне. Вдруг навстречу им выбежал рогатый конь, поднялся на дыбы и давай лупить передними ногами царских солдат по головам. Бьется против целого полка и никого не пускает в башню.

Как раз в это время названные братья молодца заметили, что цветики, которые он им подарил, увяли.

«Нашего побратима уже нет в живых!» — подумал каждый из них и стал готовиться в путь. Собрались они вместе и решили узнать, что случилось.

Тот, который мог слышать все, что на свете говорится, приложил ухо к земле и услышал, как колдунья рассказывает царю:

— Только вытатила я саблю из ножен, он сразу и перестал дышать.

— А куда же ты девала саблю?

— Забросила ее в глубокое озеро за башней.

— Вот в чем дело, — сказал первый побратим. — Старая ведьма погубила богатыря из богатырей. Поспешим же ему на выручку.

Уселись побратимы на двух больших горных орлов и понеслись к башне. Орлы перелетели через горы и опустились на берегу озера. Пузатый побратим наклонился и одним духом выпил всю воду из него. Когда воды на стало, на дне озера блеснула обнаженная сабля. Первый побратим взял ее и побежал по мраморной лестнице в опочивальню, где лежал молодец. Отыскал там ножны и как только вложил в них саблю, молодец зашевелился, протер глаза, тут же вскочил на ноги, схватил саблю и побежал на помощь коню.

А в это время рогатый конь продолжал храбро биться с царским войском. Как только засвистела сабля богатырская над головами солдат, так они и рассыпались во все стороны, словно испуганные цыплята. Но молодец не стал их преследовать, а взял в плен только царя и колдунью и наказал их по заслугам.

ВЕЛИКАН ТОМ

Американская сказка

Однажды в горах жил великан по имени Том. Его дом был выше самых высоких деревьев, чашка, из которой он пил, была больше бочки, а его башмаки были как лодки.

Том был очень добрый великан, но люди, жившие неподалеку в городе, боялись его, потому что он был очень большой. Однажды Том отправился в город купить теплой шерсти для шапки. Как только стражники увидели Тома, они захлопнули городские ворота, а все жители в ужасе попрятались в дома. Но Том не отчаивался. Он перешагнул через стену и вошел в город. Когда он шел по улицам, люди высовывались из окон и кричали ему:

— Уходи, ты слишком большой, чтобы бродить по нашему городу, ты раздавишь наши дома.

Бедный Том! Он был вынужден уйти из города без шерсти. Придя домой, он очень расстроился. Сняв башмаки, он разделся и лег спать, даже забыв покормить своего огромного кота Тобби. Голодный кот ходил вокруг спящего хозяина и мурлыкал. Поскольку он был огромным, ростом с коня, то его мурлыканье было похоже на раскаты грома.

Ночью в городе случился страшный ураган. Дождь лил как из ведра, а ветер свистел так оглушительно, что с неба начали сыпаться звезды. Они были похожи на снежинки и толстым слоем усыпали луга и леса, деревья и дома. Вскоре ураган утих, и вышедшие из домов люди увидели, что кругом кромешная тьма, поскольку все звезды осыпались и на небе не осталось ни одной из них.

— Как ужасно! — сокрушались они. — Что же нам теперь делать? Кто же прицепит звезды обратно к небу?

На следующий день глашатай провозгласил указ короля. Вот что в нем говорилось: «Кто сумеет прицепить звезды к небу, получит сто золотых».

Все от мала до велика в королевстве только и думали, как бы это сделать. Но никто ничего не мог придумать.

Вдруг самый маленький мальчик в городе вспомнил про великана Тома, и король тотчас же послал за ним гонцов.

Вскоре он явился. «Помоги нам», — попросил его король. Добрый Том обещал все сделать. Он достал огромный мешок и велел жителям собрать в него все рассыпавшиеся звезды. Когда они были собраны, Том взял мешок и, приставив к самой высокой башне в королевстве огромную лестницу, взобрался по ней вверх, выше облаков.

Там, доставая по штучке звезды из мешка, он прицепил их на небо. Когда наступила ночь, то все королевство осветилось сияющими звездами.

Радостный король торжественно вручил спасителю сто золотых.

— Зачем мне деньги, — сказал Том. — Мне они ни к чему. Дайте мне, Ваше Величество, лучше теплой шерсти на шапку.

Со всего королевства срочно были собраны все овцы до одной. Три дня королевские пастухи стригли их, и три ночи королевские пряжи пряли из шерсти толстые нитки. Затем еще три дня лучшие мастерицы королевства вязали Тому теплую шапку, и, наконец, сто силачей преподнесли ее великану.

— Спасибо вам, — поблагодарил людей Том и, надев теплую шапку, гордо пошел к себе

домой. С тех пор жители города не боялись больше Тома, и он частенько навещался к ним в гости.

ЗМЕИНОЕ ДЕРЕВЦЕ

Греческая сказка

Жил да был однажды бедный человек, и звали его Костакис. Все дни он работал с восхода до заката, а по воскресеньям выходил в свой садик, садился под яблоней, съедал хороший обед, а потом до вечера играл на свирели и таким образом проводил свой день в удовольствии. И было у Костакиса доброе сердце: ни на кого он ни разу не рассердился, ни с кем никогда не поссорился.

Раз в воскресный денек, когда он играл на своей свирели и мурлыкал песенку, выползла из укромного уголка змея и, качаясь-кланяясь, принялась танцевать перед ним в такт музыке. Поначалу испугался Костакис, а потом успокоился. Так вот оно и было — он играл, а змея танцевала. Наконец змея поклонилась в последний раз и исчезла, а там, где она танцевала, увидел бедняк мешочек золотых монет. Бедняга от радости чуть в пляс не пустился, а потом и говорит жене:

— В другое воскресенье я опять заиграю на свирели, тогда увидим, приползет ли она снова. Смотри только, никому ни слова! Ведь это не простая змея — это добрый дух нашего дома!

— О чем ты говоришь! Разве я рассудок потеряла, чтобы болтать о таком? Конечно же, это добрый дух нашего дома, в преданиях о нем не зря говорится. Слыхала я, что змеи любят музыку, может, ей нравится, как ты играешь?

— А ты, глупая, надо мной насмеялась и убежала каждое воскресенье к соседкам, чтобы не слышать моей игры! Теперь видишь, что получилось!

Так в разговорах прошла неделя, а в воскресный день они вновь увидели змею. Целый год так продолжалось, и каждый раз змея оставляла Костакису мешочек золота. Дивился народ, что бедняки начали жить в достатке. Пошли сплетни да пересуды, то да се. Только и разговору — как бы вызнать тайну Костакиса! И вдруг змея пропала!

Ждал бедняк, ждал, играл на свирели, играл — все впустую: не выползает змея!

Тогда решил Костакис отыскать змеиную нору. А когда отыскал, увидел змейку, свернувшуюся клубком, мертвую. Опечалился бедный человек, заплакал горько и зарыл ее в саду, возле ограды.

А через несколько дней выросло на том самом месте деревце диковинное, ни на какое другое в мире не похожее. Подрыл Костакис немного корень и увидел, что деревце выросло на змеиных костях. Тогда прикрыл он корни землей, а деревце про себя назвал змеиным. Все дивились тому деревцу, а тайное его имя, змеиное, никто знать не знал. Даже жена Костакиса не знала: не открыл он ей, что выросло деревце на костях змеи.

И вот по воскресеньям начали собираться люди и ставить заклады. Но всегда проигрывали: ведь они не знали тайное имя деревца. Приходил один, ставил заклад и спрашивал:

— Это яблоня? Это груша? Это мирабель?

Подходил другой и начинал:

— Это гранат? Это персик? Это смородина?

Подходил третий:

— Это абрикос? Это инжир? Это померанец?

Никто не мог угадать, и бедняк выигрывал множество споров.

А жил в той деревне один хитрый и жадный торговец, и решил он выведать секрет у жены бедняка. Он набрал ей вышивок, безделушек, украшений из поддельного золота, принес и продал ей по дешевке. Стали они друзьями. Раз торговец и говорит:

— Неужели и ты, любушка, не знаешь, что это за дерево растет в вашем саду у ограды?

— Не знаю я тайны, милый дружок. Таится муж и от меня!

— А ты упроси, уговори его. Подарю тебе тогда тапки, золотом расшитые, с шелковыми кисточками. Да смотри скажи вроде не мне, а назови деревце громко два раза в своей спальне. Я спрячусь под окошком и услышу. Вот и не будешь ты горевать, что выдала тайну.

Так он ее уговаривал, и на другой день спрятался хитрец под окошком в переулочке и весь обратился в слух. А женщина принялась пытаться мужа:

— Скажи, муженек, как зовется наше деревце, что у ограды?

— Зачем это тебе знать? Плохо разве выигрывать нам в спорах?

— О чем волнуешься, Костакис мой, я ли разболтаю! Ты что, меня не знаешь? Или ты меня совсем не любишь?!

Подумал немного бедняк и открыл секрет.

— Давно бы так! Значит, это змеиное дерево! И выросло оно на костях нашей змейки! Ах, дорогая наша змейка, ты и мертвая нам помогаешь! — И, чтобы услышал ее торговец под окошком, крикнула изо всех сил: — Змеиное дерево! Змеиное дерево!

В воскресенье вновь собрался народ спорить. Пришел и торговец в цветастом жилете. Вот проиграли двое, проиграли трое, тогда вперед вышел торговец и говорит:

— Ставлю на спор все свое имущество! Ставь и ты все, что имеешь, Костакис!

Растерялся бедняк, не ожидал он такого большого залога, но, уверенный, что никто не знает тайны, согласился:

— По рукам! Ставлю все, что нажил!

— Договорились! Это тополь?

— Нет! Проиграл первый раз!

— Это липа?

— Нет! Проиграл и второй раз!

— Это... это... — Притворился торговец, что размышляет, крепко обхватив руками голову, вот-вот отгадает название. — А может быть, это змеиное дерево?!

Застыл Костакис с открытым ртом, как громом пораженный. В глазах у него все потемнело: только что был он в достатке, а теперь всего лишился и стал беднее прежнего!

Пришлось ему убираться из собственного дома: жена, как узнала о том, что произошло, вконец рассорилась с ним.

Вот бредет бедняга по дороге и убивается:

— Так мне, дурню, и надо, коли поверил злой женщине!

Встретилась ему старушка.

— Здравствуй, сыночек!

— Здравствуй, бабушка!

— Что ищешь ты здесь, где и птицы не пролетают?

— Хожу ищу свою судьбу!

— Судьба твоя живет в доме Солнца.

— Как же туда, бабуся, добраться?

— Это, сынок, далеко отсюда. Сначала пройдешь ты скалу, что висит в воздухе и

качается, а на землю не падает, а потом речку, в которой воды чуть-чуть, а там уже и до Солнца рукой подать!

Проговорила это старушка и исчезла. А Костакис побрел дальше. Шел он, шел, долгие шел.

И вот, наконец, дом показался, красный-красный, так и горит! А у двери женщина сидит, ни молодая, ни старая. Понял Костакис — это же его судьба!

— Зачем пожаловал сюда, Костакис?

— Пришел я помощи твоей просить, — отвечает. — Не могу больше такую жизнь терпеть! Отдаюсь на твою волю — что хочешь, то со мной и делай!

— Хорошо, — говорит судьба, — попытаюсь я тебе помочь. Давай дождемся Солнца и спросим у него совета.

Вот сели они ждать. Как стемнело, закатилось Солнце спать-отдыхать, чтобы рано поутру вновь в небо отправиться. Дала ему женщина обед, показала Костакиса и попросила:

— Помоги, Солнышко, этому бедному человеку! Ведь это он играл на свирели моему дитятку — змейке!

Молвило тогда Солнце:

— Возвращайся в свою деревню и поспорь с торговцем. Пусть он теперь ставит в заклад все свое имущество. А спор будет вот о чем: спроси ты его, откуда Солнце встает. Он ответит, недолго думая: с востока, а ты говори — с севера, и ничего не бойся!

— Как же мне спорить, у меня и для заклада ничего-то нет!

— А ты поищи у корней змеиного деревца — авось найдешь чего-нибудь!

Наконец добрался бедняк до своей деревни. Дождался он ночи, подошел к своему дому, перелез через ограду в сад, копнул землю под змеиным деревцем и достал мешочек с золотыми монетами. Схватил он мешочек, перепрыгнул через изгородь и спрятался за деревней в ожидании воскресного дня.

В воскресенье чуть свет явился он к торговцу.

— Эй, ты зачем здесь? — удивился торговец.

— Хочу побиться с тобой об заклад!

— А что поставишь в залог? Ты же нищий! Без залога нет и спора!

— Не совсем уж я и нищий. Вот мой залог! Или он тебе не по душе?

С этими словами Костакис потряс мешочком с золотыми. Он-то знал, что ради золота торговец согласится на любой спор.

Так и случилось. Увидел торговец деньги, помутилось у него от жадности в голове, и, забыв всякую осторожность, он крикнул:

— Так о чем будет спор?

— Давай поспорим, откуда Солнце встает!

— Ха!.. Ха! Откуда же еще — с востока, конечно!

— Спорим, что с севера?!

Подумал торговец, что у Костакиса с горя с головой не в порядке, и воскликнул:

— Да я готов спорить об этом хоть тысячу раз, на любой залог!

— Если ты так уверен, — отвечает бедняк, — поставь все свое имущество! А я — этот мешочек, больше у меня ничего нет!

Засмеялся алчный торговец: скоро это золото в его карман пересыплется!

Вот на следующий день, еще не рассвело, взобрались они оба и все соседи на крышу дома и начали ждать восхода Солнца. У бедняги сердце колотилось от страха, не обманула

ли его судьба, а у торговца сердце колотилось от радости, что скоро золото его будет. Так смотрели одни на восток, а другие — на север. Вдруг озарилось небо, и красные солнечные лучи показались на севере! Ахнул народ от удивления, а торговец упал без чувств. Пришлось ему, хочешь не хочешь, отдавать все свое имущество бедняку. И зажил Костакис хорошо, а мы с вами еще лучше!

ЗОЛОТАЯ ДЕВОЧКА

Болгарская сказка

Овдовел один человек и женился во второй раз. От первой жены у него осталась дочка, которую мачеха очень невзлюбила. Однажды она сказала мужу:

— Не хочу, чтобы эта девчонка жила у меня в доме.

— Куда же я ее дену? Разве не видишь, что она еще совсем несмышлениш? — говорит отец.

А мачеха в ответ:

— Веди ее куда хочешь — хоть на край света, лишь бы с глаз долой.

Сегодня раздоры, завтра раздоры — наконец отец согласился увести девочку из дома.

— Только испеки ей на дорогу лепешку, — сказал он жене.

Мачеха испекла круглую просяную лепешку. Отец засунул ее в котомку, взял девочку за руку и повел в дремучий лес. Когда поднялись они на один пригорок, отец вынул из котомки лепешку, спустил ее вниз по склону и крикнул:

— Беги, дочка, лови лепешку!

Девочка побежала с пригорка за лепешкой и схватила ее уже внизу среди кустарника. А отец тем временем юркнул за деревья и скрылся в чаще.

— Тятя, я поймала лепешку! — обернулась девочка. — Тятя, где ты?

Снова поднялась бедняжка на пригорок, посмотрела в одну сторону, в другую — вокруг ни единой живой души. Прослезилась она и пошла искать тропинку, но ничего не нашла. Целый день проплутала. А когда солнце потонуло за лесом и начало темнеть, девочка испугалась и заплакала во весь голос.

В самой чаще леса в деревянном домишке жила одна бабушка-знахарка. Услышав человеческий голос, она вышла из домика и крикнула в темноту:

— Кто там плачет? Мальчик или девочка? Если ты девочка — иди ко мне, а если ты мальчик — уходи отсюда!

— Я девочка, бабушка, — ответила сиротка.

— Ну так иди сюда скорее!

Девочка подошла и спросила:

— А почему, бабушка, ты не хочешь взять к себе мальчика?

— Потому что мне нужна работница в доме, а мальчишки не умеют хозяйничать.

Девочка вошла в домик. Бабушка накормила ее и положила спать. Утром девочка встала рано и, пока бабушка спала, прибрала все в домике, вымела пол, наносила воды. Бабушка проснулась, увидела, что сделала гостя, улыбнулась, но ничего не сказала. Оделась и собралась идти по грибы. Перед уходом она наказала проворной девочке:

— В погребе у меня живут змеи и ящерицы. Завари отруби и покорми их. Не бойся к ним подходить — они у меня не кусаются.

Девочка заварила отруби, остудила их, накормила старушкиных питомцев и, так как работы у нее больше не было, стала нанизывать на ниточку бусинки, смастерила ожерелья и надела их на всех змеек и ящериц. К полудню бабушка возвратилась домой, а змеи и ящерицы выползли ее встречать и давай хвалиться:

— Вон как нас девочка нарядила! А как сладко нас девочка накормила!

— И бабушка нарядит девочку за это! — сказала знахарка и снова улыбнулась.

Около бабушкиного домика текла волшебная речка. Через каждый час она изменяла свой цвет. После обеда бабушка привела девочку на берег реки, присела на траву и сказала:

— Я подремлю, а ты спой мне, чтобы я поскорее заснула.

Девочка присела в изголовье у бабушки и запела. Песенка ее была тихой, как жужжание пчелки. Перед тем как заснуть, бабушка проговорила сонным голосом:

— Гляди на реку. Сначала потечет в ней синяя вода, потом красная, потом черная. А после черной потечет желтая вода. Вот тогда тебе надо меня разбудить. — И она задремала.

Девочка стала смотреть на реку. Река через каждый час меняла свой цвет: сначала текла синяя вода, потом красная, потом черная. Наконец потекла желтая вода, и девочка разбудила бабушку. Бабушка вскочила, схватила девочку за волосы, окунула ее в реку и крикнула:

— Хватай то, что попадетя в руки!

Девочка схватила что-то под водой, а когда старушка вытащила ее, то увидела, что она держит в руках какой-то ларчик.

— Что в нем лежит? — спросила девочка.

— Когда придешь домой, отопрешь его вот этим ключиком и увидишь, ответила бабушка и протянула девочке ключик. Потом вывела ее из леса, показала дорогу домой и попрощалась с ней.

Когда девочка вошла в дом, все вокруг засияло, потому что желтая вода была золотой и девочка стала золотой после того, как выкупалась в ней. Увидела ее мачеха и губы закусила от зависти.

— Что это у тебя за ларчик? — спросил отец.

Девочка отперла ларец и подняла крышку. Все так и ахнули: он был доверху наполнен червонцами.

— Рассказывай скорей, где ты была! — не стерпела мачеха.

Золотая девочка рассказала обо всем, что с ней случилось.

— Веди-ка и мою дочь в тот же самый лес! — крикнула мачеха мужу — у нее и своя дочка была.

— Сначала испеки лепешку, — ответил муж.

Мачеха испекла большую пшеничную лепешку. Отец повел падчерицу в лес, взобрался с ней на пригорок и пустил с него лепешку вниз, а когда девочка побежала следом за ней, повернул домой.

Целый день проплутала девочка по лесу, а когда стемнело, громко заплакала.

— Кто там плачет? — спросила из темноты та же самая бабушка. — Если ты мальчик — уходи отсюда, а если ты девочка — иди ко мне!

— Я девочка! — ответила мачехина дочь и вошла в домик.

Бабушка накормила ее и уложила спать. Утром, когда пригрело солнце, бабушка поднялась и видит, что гостя все еще спит. Нахмурилась она, но ничего не сказала. Разбудила девочку и поручила ей:

— Я пойду по грибы, ты же приберись в доме, а потом завари отруби, снеси их в погреб и накорми ими моих змеек и ящериц. Не бойся, они не кусаются.

Девочка встала, взяла в руки метлу и начала мести, а на пол водой не побрызгала. Пыль поднялась по всему дому. Потом она заварила отруби, не остудив их, отнесла змеям и ящерицам, и они обожгли себе язычки. Когда в полдень бабушка вернулась из леса, они начали ей жаловаться:

— Девочка обожгла нас горячими отрубями! Нам больно, бабушка!

— И бабушка тем же оплатит девочке! — проговорила знахарка и вошла в домик.

После обеда она привела девочку к волшебной реке и сказала:

— Я подремлю, а ты смотри на реку: коли потечет синяя вода — нечего меня тревожить, потечет красная — и тут не буди, пойдет желтая — и тогда не зови, а разбудишь меня, когда потечет черная вода! Ну, а теперь спой-ка мне песенку, чтобы я скорее заснула!

Но девочка запела так плохо и так громко, что бабушка сказала ей:

— Перестань! Ты мешаешь мне уснуть своим пением.

Девочка замолчала. Бабушка задремала, а река зашумела и начала менять свой цвет. Когда потекла черная вода, девочка разбудила бабушку. Старушка вскочила, схватила мачехину дочь за волосы, окунула ее в воду и крикнула:

— Хватай то, что попадется в руки!

Девочка нащупала под водой ларчик и крепко прижала его к себе. Бабушка вытащила девочку на берег и дала ей ключик, чтобы та отперла ларец, когда вернется домой. Потом старушка вывела мачехину дочь из леса и показала ей дорогу домой. Дело было к вечеру, и мать поджидала ее на краю села. Увидав, что дочка стала черной и безобразной, мачеха позеленела от злости, но сказала себе:

— Может быть, хоть принесла ларец, наполненный золотом!

Пришли они домой, отперли ларчик и что же увидели: в нем были лишь змеи, ящерицы да раки. Все завизжали и кинулись в разные стороны, а золотая девочка выскочила на улицу.

— Беги скорей, сними с нее золотое платье, нарядим в него мою дочь! крикнула мачеха мужу.

Бросился отец следом за дочерью. Побежала она от него, а он за ней, она от него, а он за ней. Как увидела золотая девочка, что отец ее догоняет, раскинула руки и вспорхнула, словно птичка. Полетела над домами, над садами, над горными вершинами и поднялась высоко в небо. Обернулась золотым месяцем и осветила землю.

Отец так и остался на месте с разинутым ртом. Такого чуда он еще не видывал.

С тех пор золотая девочка появляется по ночам на небе, освещает всю землю и ищет глазами свой родной край.

ВЕЛИКАН ОХ И ТРИ ДЕВУШКИ

Венгерская сказка

В бедной лачуге на опушке леса жили муж с женой. Были у них три дочери, похожие одна на Другую как две капли воды. Муж ходил в лес по грибы, за дикими яблоками или грушами и приносил все это домой. А жена работала на чужих людей — пряла им шерсть. Так они и жили, с трудом добывая себе на хлеб. Но мать, видно, надорвалась от непосильного труда, разболелась и умерла. Девочки осиротели. Пришлось им выполнять всю работу, которую делала мать, а отец по-прежнему ходил в лес за грибами и дикими плодами.

Однажды, возвращаясь домой с полной котомкой за спиной, он присел отдохнуть у пересохшего лесного колодца и вздохнул:

— Ох!

Вдруг из колодца высунулась чья-то огромная голова с лохматыми бровями, огромными усищами, широкой пастью и зубами, как тесла.

— Что тебе нужно от меня, человеке? Зачем ты меня зовешь? — спросил высунувшийся из колодца великан.

— Я тебя не звал, просто устал от ходьбы, присел немножко отдохнуть и сказал «ох», — ответил бедняк.

— А меня как раз зовут Ох. Услыхал я свое имя и вылез поглядеть, кто меня зовет. Ты зачем это бродить по лесу?

— Жена у меня умерла и оставила на моих руках трех дочерей. Вот я и хожу по лесу, ищу, чем бы накормить их.

— Хм, — молвил подземный человек, — почему бы тебе не привести ко мне одну из своих дочерей? Я разодену ее в золото с головы до ног и найду ей богатого жениха.

— Хорошо, я приведу ее к тебе, но как тебя вызвать?

— Приходи завтра вечером с дочерью и садись на то же самое место, где сидишь теперь. Скажи только «ох», и я тут же выйду.

Бедняк вернулся домой и рассказал дочерям о великане Ох. Потом он взглянул на старшую дочь и спросил ее:

— Не хочешь ли ты, дочка, попытать своего счастья у великана?

— Хочу, батюшка, — ответила девушка.

На другой день к вечеру отец с дочерью отправились к колодцу. Лишь только отец сказал «ох», из колодца показался великан.

— Я привел к тебе старшую дочь, — сказал бедняк великану. — Вот она!

— Красивая девушка! — оскалился Ох, протянул свои огромные лапищи, схватил старшую сестру за пояс и втащил в темный колодец.

Подземное жилище великана было убрано как дворец, но девушка не увидела в нем ни одной живой души. Ох ввел ее в обширный покой, посреди которого стоял большущий котел.

— Я целый день готовил, чтобы было чем тебя угостить, да мясо попало очень старое, насили уварилось. Сядем-ка за стол, а то я голоден, как зверь, — сказал Ох. Потом положил себе в миску огромный кусок мяса, а девушке дал тарелочку с кусочком поменьше, и зачавкал. Глаза у него загорелись от жадности, а рот стал будто еще больше. Он так занялся едой, что не обращал никакого внимания на девушку. А та сидела ни жива ни мертва от

страха: бедняжка поняла, что мясо, которое положил ей кровожадный великан, было человеческим. Она вытащила его из тарелки и бросила под стол.

Наевшись, великан развалился на лавке и сказал старшей сестре:

— Там на стене висит домра. Дай мне ее, я хочу немного поиграть.

Девушка вскочила и подала ему домру. Ох начал перебирать струны и запел сиплым голосом:

Скажи-ка, домра, мне,
Где мясо, укажи!
А домра говорит:
«Под столиком лежит!»

Великан бросил на девушку свирепый взгляд и прорычал:

— А-а-а! Значит, ты не хочешь есть человеческого мяса? Тогда я съем тебя, как уже съел тысячи людей. Но прежде надо тебя откормить.

И, схватив девушку, великан отнес ее в подземелье, которое находилось под дворцом, втолкнул в темницу с железной дверью, запер ее на замок и положил ключ в карман.

Прошло два-три месяца. Младшие сестры соскучились по старшей и начали посылать отца к великану узнать, как она живет. Пришел отец к высохшему колодцу и стал звать великана. Ох высунул голову наружу и спросил, зачем он ему понадобился. Отец рассказал великану, что младшие сестры загрустили о старшей и хотят узнать, как она живет.

— Очень хорошо живет, — ответил Ох. — Я выдал ее замуж за богатого человека. Можешь привести ко мне и вторую свою дочь, я и ее пристрою.

— Ладно, приведу, — согласился отец и на другой день пришел со средней дочерью.

Что случилось со старшей сестрой, то произошло и со средней: и ее Ох запер в подземную темницу.

Прошло еще два-три месяца. Младшая дочь извелась от тоски по сестрам. Все плакала о них. Что было делать отцу? Снова пошел он к колодцу, вызвал великана и стал его просить:

— Хоть на один день отпусти моих дочерей повидаться с младшей сестричкой, а то она совсем извелась от горя.

— Никак не могу их пустить, потому что им скоро рожать. Лучше приведи ко мне и младшую дочь, а я отведу ее к сестрам.

Отец вернулся домой и на другой день пришел с младшей дочерью. Около колодца они увидели слепого котенка, который метался из стороны в сторону и жалобно мяукал. У девушки было жалостливое сердце. Она наклонилась, подобрала котеночка и спрятала его к себе за пазуху.

Когда великан спустился с ней в колодец и ввел ее во дворец, девушка боязливо осмотрелась и спросила:

— А где же мои сестры?

— Скоро увидишь их, но прежде давай поедим, потому что я умираю от голода. Сегодня у меня на обед чудесное мясо, приправленное перцем.

Сели они за стол, и великан положил гостю на тарелку человеческое ухо с золотой серьгой. Увидев его, девушка вздрогнула и закусил губы. Великан же набросился на еду, как зверь. В это время котенок, сидевший у девушки за пазухой, тихонько запищал.

— Ешь! — прорычал великан.

Девушка взяла ухо с тарелки и опустила его за пазуху.

Наевшись досыта, Ох растянулся на лавке и сказал девушке:

— Поддай мне домру, что висит на стене.

Девушка принесла домру, и великан стал наигрывать:

У домры я спрошу:

«Скажи, где мясо с перцем?»

А домра мне в ответ:

«У девушки под сердцем».

«Вот эта девушка по мне! — сказал себе Ох, подумав, что гостя съела человеческое мясо. — Пускай стряпает для меня, пока я буду охотиться за людьми».

— Послушай, девушка, ты умеешь петь? — обратился он к ней.

— Умею, — тихо отозвалась она.

— Пой мне какую-нибудь песенку, пока я не засну. А завтра, когда рассветет, разбуди меня, потому что мне нужно идти на охоту.

Девушка запела дрожащим голосом, и великан Ох скоро захрапел. Тогда она склонилась над ним и начала разглядывать его косматые брови и острые зубы.

«От каких дверей этот ржавый ключ, что висит у него на шее! Может быть, он запер им моих сестер?» — подумала девушка и тихонько развязала веревку, на которой висел ключ.

Но прежде чем отправиться разыскивать сестер, девушка вынула котеночка из-за пазухи, посадила его у изголовья великана и наказала ему:

— Сиди тут и мурлыкай. Великан услышит тебя сквозь сон и подумает, что это я ему напеваю.

Котенок послушно замурлыкал возле великана, а девушка спустилась по каменной лестнице в подземелье. Там было много дверей. Сначала она подошла к первой двери, сунула в скважину ключ и повернула его. Дверь со скрипом отворилась. Девушка увидела кладовую, доверху наполненную оружием: ножами, секирами, мечами, луками. Открыла вторую дверь — там была уйма золотых и серебряных монет, за третьей дверью оказались драгоценные камни, а в четвертой кладовой лежала груда человеческих костей. Потрясенная девушка отперла пятую дверь — и ее глазам представились два ряда мастерских, в которых работали тысячи портных, сапожников, столяров, кузнецов и ювелиров.

— Кто вы такие? — крикнула им девушка.

— Мы — рабы великана Ох, — отвечали работники, подняв головы и поглядев на вошедшую. — Все, что мы производим в этих мастерских, Ох берет себе и продает на базаре. У него дом ломится от всякого добра, а мы тут мучаемся, словно грешники в аду. А ты-то что здесь делаешь?

— Я пришла в гости к великану Ох. Хочу повидаться со своими сестрами. Не знаете ли вы, где они?

— Они сидят вон за той железной дверью, — сказал ей один седой кузнец и показал рукой на дверь.

— Можно открыть их темницу этим ключом? — спросила девушка.

— Нет, нельзя, — ответил кузнец. — Она отпирается другим ключом. Я сам его делал.

Но дай нам твой ключ, мы запрем дверь, через которую ты вошла к нам, чтобы сюда уже никогда не мог пробраться страшный великан.

— Подождите немножко, — сказала девушка и побежала обратно. Она поднялась по лестнице, подошла к заснувшему великану и пошарила у него в кармане. Там лежал еще один ключ. Девушка вынула его и спустилась в подземелье.

— Не этим ли ключом отпирается железная дверь? — спросила она кузнеца.

Кузнец рассмотрел ключ и сказал:

— Нет, не этим. Это ключ от той двери, которая ведет на белый свет. Дай его нам, сестричка?

В это время послышался громовой голос проснувшегося великана:

— Эй, девушка, где ты?

Кузнец бросился к двери, которая вела во дворец, захлопнул ее и запер на ключ. Потом он отпер дверь, которая вела на белый свет, и в мрачные мастерские ворвался вольный воздух. Освобожденные работники заликовали.

— Ты — наша спасительница! — сказали они девушке и стали наделять ее богатыми подарками. Один одел ей на шею прекрасное ожерелье, второй обул ее ножки в золотые туфельки, третий преподнес кованый серебряный браслет, четвертый — белое как снег шелковое платье. А пятый подарил ей большой фонарь чудесной работы.

— Ты — маленькая, — сказал он. — Когда захочешь, можешь влезать в фонарь и жить в нем. Никому и в голову не придет, что ты сидишь там. Скажу тебе и еще кое-что: это не обыкновенный фонарь. Кто его купит, за того ты и выйдешь замуж. Сиди в нем и дожидайся своего счастья.

Девушка влезла в фонарь, положила голову у светильника и заснула. На другое утро ее разбудил цокот лошадиных копыт. Сонная девушка приоткрыла стеклянную дверцу фонаря, выглянула наружу и увидела красивого молодца с длинным мечом у пояса, сидящего верхом на белом коне. Молодец вынул кошелек с деньгами, протянул его мастеру, сделавшему фонарь, и сказал:

— Отнеси этот фонарь во дворец!

Мастер понес фонарь к белым каменным палатам, окруженным большим садом, в котором росли раскидистые деревья, благоухали цветы и весело распевали птицы.

— Чьи это палаты? — спросила девушка мастера, приоткрыв стеклянную дверцу.

— Тут живет тот самый молодец, который купил фонарь. Во всем нашем государстве не найдется юноши красивее и отважнее. Меч его рассекает дерево, камень и железо. Царская дочь полюбила этого молодца и хочет выйти за него замуж, но ты не тревожься. Сиди себе в фонаре и жди своего часа.

— Какой большой фонарь! — всплеснула руками главная повариха из белокаменных палат. — Если бы дали его нам на кухню, у нас днем и ночью было бы светло.

— Возьмите его! — крикнул молодец, который как раз в это время въезжал во двор на своем белом коне.

Фонарь повесили на балке под потолком в кухне, и девушка стала думать, как бы переместиться отсюда в покои красивого молодца. Наконец она надумала кое-что. Ночью, когда поварихи поставили на плиту кастрюли с кушаньями на завтрашний день, а сами пошли спать, она вылезла из фонаря, взяла солонку, насыпала по две пригоршни соли в каждую кастрюлю и, пересолив все кушанья, возвратилась на место. На другой день молодец пригласил свою невесту на обед. Царская дочь была очень голодна, но, попробовав

угощение, бросила ложку, оттолкнула тарелку, стала кричать, что не желает есть пересоленных кушаний и ушла домой рассерженная.

На другой день кушанья опять оказались пересоленными. На третий день повторилось то же самое.

Поварихи голову себе ломали: кто же это подсыпает соль в кастрюли? Гадали они, гадали, и наконец младшая повариха всплеснула руками:

— Да знаете ли вы, что эти чудеса начались с того дня, как мы принесли в кухню фонарь. Давайте уберем его!

— Отнесите его в мою спальню! — сказал молодец, который опять выезжал со двора на своем белом коне.

Вернулся он только поздно вечером. А девушка уже поджидала его. Она хорошенько протерла стекла фонаря, и в комнате стало светло, как днем. Поварихи принесли ужин. Молодец попробовал и сказал:

— Вот теперь кушанье не пересолено.

Он ел с таким аппетитом, что девушка не могла удержаться, отворила дверцу фонаря и сказала:

— Я тоже голодна.

Молодец с удивлением уставился на нее.

— Кто ты такая и что делаешь в фонаре? — спросил он.

Девушка поведала ему свою историю: рассказала о мрачном дворце людоеда Ох, о котеночке и о своих сестрах, томящихся в подземелье великана.

— Спускайся сюда! — пригласил молодец девушку и усадил ее за стол. Пока они ужинали, молодец не сводил с нее глаз. После ужина девушка опять влезла в фонарь, а молодец кой красавицы.

Теперь он уже больше не засиживался в царском дворце у невесты, а с заходом солнца спешил домой, чтобы поужинать вместе с девушкой. Однажды молодец вернулся домой задумчивый и сказал:

— Завтра я отправляюсь на войну. Царь приказал мне повести наше войско против войска соседнего царя. Жаль мне с тобой разлучаться, да делать нечего. Ты сиди тут и дожидайся меня. А когда вернусь, мы с тобой обвенчаемся. Я ведь взял обратно свой перстень у царской дочери. Вот он, возьми его себе.

Всю ночь они не спали, а сидели друг подле друга и разговаривали. На другое утро, перед тем как отправиться на войну, молодец зашел на кухню и наказал поварихам:

— Пока меня не будет, вы каждый день приносите еду в мою спальню и не спрашивайте, для кого она.

Поварих стало разбирать любопытство. В тот же вечер они заглянули в замочную скважину и увидели девушку, которая вылезла из фонаря. Тогда поварихи рассказали обо всем царской дочери. Та позеленела от злости, топнула ногой и крикнула:

— Так вот почему мой жених вернул мне перстень! Сейчас же привести палача, чтобы он расправился с этой девчонкой!

Пришел палач — страшный и грозный, как Ох. Он поклонился царской дочери и спросил:

— Что прикажет моя госпожа: отрезать голову девушке из фонаря или выколоть ей глаза?

— Выколоть глаза! — приказала царская дочь.

Палач ослепил бедняжку и прогнал ее из города. Слепенькая побрела по дороге, добрела до леса и скрылась среди деревьев. Там увидела ее бабушка-знахарка, которая пришла в лес собирать травы. Она пожалела слепую, взяла ее за руку и привела к себе домой. Потом сварила какие-то травы, три раза промыла девушке глаза, и та прозрела. И зажила девушка у старушки-знахарки, как у родной матери.

Прошло два-три месяца. Прогнал добрый молодец из пределов родной страны всех вражеских солдат, а их царь с перепугу убежал и спрятался в том самом лесу, где находился сухой колодец.

Воины молодца, преследовавшие вражеского царя, сказали своему предводителю:

— Надо поджечь лес, тогда сгорит там и наш враг!

— Нельзя этого делать, — ответил молодец. — В лесу живут разные звери, растут целебные травы и чудесные деревья, на которых вьют свои гнезда птицы. Нельзя, чтобы из-за одного злодея погибли ни в чем не повинные существа.

И он повернул коня назад.

Возвратился домой молодец и видит, что фонарь угас и опустел — нет в нем больше красавицы. Затосковал он, разболелся и слег в постель. Лежит, стонет, ни есть, ни пить не хочет. Думал, думал его отец, как бы накормить сына, и велел приносить ему еду из всех домов подряд — может, что-нибудь и придется ему по вкусу. Но больной отталкивал тарелки и даже попробовать ничего не хотел. Уж почти все дома обошли отцовские посланные и пришли наконец к старой знахарке. Старушка сварила молодцу сладкий компот, а девушка сняла свой перстень и опустила его в миску.

Когда компот принесли молодцу, он заглянул в миску, чтобы посмотреть, какое кушанье ему сготовили на этот раз, и сразу увидел перстень. Достал его ложкой, улыбнулся, съел весь компот и еще попросил. На другой день ему снова принесли компот в той же миске. Через несколько дней молодец поднялся на ноги, сел на своего белого коня, поехал к домику знахарки и увидел там девушку, которая за это время стала еще красивее.

— Я приехал за тобой, — сказал он. — Завтра мы сыграем свадьбу.

— Не могу я выйти замуж и быть счастливой, пока сестры мои томятся в подземелье великана Ох, — ответила девушка.

Молодец стукнул себя по лбу.

— Верно, ведь я совсем забыл об этом! Подожди немного, я быстро расправлюсь с людоедом. Меч мой одолел столько царей и воевод, так неужто я не справлюсь с этим зубастым великаном? Жди меня до завтра.

Вскочил на коня молодец и поскакал к лесу, где находился сухой колодец. Доехал до него, вытащил меч, ударил им по каменному ободу колодца и разрубил его на две половины.

— Эй ты, Ох! — крикнул он. — Выходи сюда, разбойник!

Великан высунулся из колодца, страшный, обросший щетиной, с налитыми кровью глазами.

— Чего тебе нужно от меня? — оскалился он.

— Мне нужно, чтобы ты отпер темницу и освободил заключенных там девушек.

— А ну-ка убирайся отсюда подобру-поздорову, пока я и тебя не упрятал в колодец.

— Так вот ты какой! — воскликнул молодец и замахнулся своим мечом, который рассекал дерево, камень и железо. — Тогда попрощайся со своей людоедской головой, пока я не снял ее с плеч.

— Попробуй сними! — отвечал великан и вытянул свою мощную шею.

Молодец замахнулся, но когда ударил своим острым мечом по шее великана, меч переломился надвое. Всадник побледнел, а великан зловеще захохотал.

— А теперь слезай с коня и спускайся за мной в колодец! — взревел Ох.

— Кто же мне поможет в этот час? — крикнул юноша и огляделся кругом.

— Мы поможем тебе! — ответили тысячи деревьев и сошли со своих мест. — Ты пощадил нас во время войны, а теперь пришел наш черед спасти тебя от смерти.

Вырвавшись из земли, деревья обступили великана. Они стали бить его по голове и колоть ему глаза. Наконец повалили на землю и раздавили. После этого снова разбежались — каждое на свое место.

— Благодарю вас, деревья! — крикнул молодец и, сойдя с коня, низко поклонился лесу.

Потом он пошарил в карманах великана, нашел ключ и спустился в сухой колодец. В темном подземелье он разыскал железную дверь, отпер ее и вывел заключенных там девушек на белый свет.

Пышную свадьбу устроил молодец, женившись на младшей дочери бедняка из хижины, что стоит на опушке леса. В свадебную ночь зажгли фонарь, в котором девушка провела много дней и ночей. Свет его был так силен, что озарил всю землю.

ГОРБАТАЯ ПРИНЦЕССА

Испанская сказка

Не думайте, что принцесса так и родилась горбатой, ничего подобного: она была стройна и красива. К тому же была единственной наследницей короля, и ее будущий муж должен был получить королевство.

Король был уже стар и с нетерпением ждал, когда же наконец гордая принцесса выберет себе мужа, чтобы передать ему свой трон. Но принцесса вовсе не хотела выходить замуж. Не нравились ей ни принцы, ни графы, ни маркизы. Даже самых благородных кабальеро не удостаивала она взглядом.

И вот однажды, прогуливаясь перед дворцом, она встретила старого нищего. Лицо его было безобразно, одежда в лохмотьях, а спину украшал огромный горб.

— Подайте на бедность! — протянув руку, заголосил нищий.

Но девушка так испугалась его уродства, что тотчас же поспешила уйти.

— Никогда не показывайся мне на глаза! — крикнула она старику.

Нищий рассердился. Он догнал принцессу и бросил в нее черного паука. Паук уцепился за шлейф принцессы, и как ни старалась девушка, не могла стряхнуть с платья гадкое насекомое. Так и пришла во дворец вместе с пауком.

Стал паук жить во дворце.

Он не давал принцессе ни минуты покоя. Он кусал ее и днем и ночью и вырос такой большой и толстый, что даже придворные стали его бояться. Тогда принцесса позвала солдат и приказала им застрелить паука, а из его кожи сделать бубен.

Прошло время. Король сказал своей дочери:

— Ты видишь, я стар. Мне нужен наследник, чтобы передать ему королевство. Когда ты выберешь себе мужа?

— Хоть завтра, — рассмеялась в ответ принцесса. — Но выберу я только того, кто без ошибки ответит, из чего сделан мой бубен.

— Хорошо! — согласился король. — Но помни, кто бы ни отгадал, мы сейчас же отпразднуем свадьбу. Даю в том мое королевское слово!

И король объявил по всей стране, что принцесса выйдет замуж за того, кто отгадает, из чего сделан ее бубен.

Со всех концов прискакали на конях принцы и графы. В роскошных колясках приехали маркизы и герцоги. Со шпагами на боку прибыли во дворец благородные кабальеро. Но никто из них не сумел отгадать, из чего сделан бубен принцессы. Красавица только посмеивалась над женихами, пока из самого дальнего королевства не прискакал верхом на белом коне стройный принц в золотом плаще и с пером в шляпе.

Увидев юношу из окошка, принцесса тотчас же полюбила его. Она решила помочь незнакомому принцу и, распахнув окно, громко крикнула:

— Он из кожи паука!

Но принц, утомленный долгой скачкой, не расслышал слов принцессы, а если бы и расслышал, ни за что бы ей не поверил: он подумал бы, что принцесса смеется над ним. Разве делают бубны из паучьей кожи?!

Зато крик принцессы услышал горбатый нищий. Как раз в это время он проходил под

окошками, выпрашивая подаяние. И когда принц так и не смог ответить, из чего сделан бубен, горбатый нищий пришел к королю и сказал:

— Я отвечу. Отдайте мне красавицу в жены.

— Из чего же? — спросил смущенный король.

— Он из кожи паука! — со смехом ответил нищий, и королю пришлось отдать принцессу горбтому старику. Что делать! Она сама назначила такое условие, а король подтвердил его своим королевским словом.

О, как сердился король! Он позвал свою дочь и сказал:

— Вот до чего довели тебя твои капризы. Уходи сейчас же из дворца со своим стариком, забудь навсегда, что я твой отец, и никогда не возвращайся обратно!

Принцесса горько заплакала. Горбатый нищий взял ее за руку, и они тотчас же ушли из дворца, а принцы и графы, маркизы и благородные кабальеры разъехались по своим королевствам, оплакивая печальную участь своенравной принцессы. Уехал и принц в золотом плаще и шляпе с пером. Печальный уехал он в свое самое далекое королевство, потому что успел уже полюбить молодую принцессу.

Долго шли по дорогам принцесса и старый нищий и пришли наконец к реке.

— Ты моя жена и должна исполнять все мои желания, — сказал горбун. Возьми меня на спину и перенеси через реку.

Посадила принцесса старика себе на спину и понесла. Дошла до середины реки и подумала: «Если я сейчас не избавлюсь от нелюбимого мужа, всю жизнь придется мне таскать его за собою. Лучше я стряхну его в воду». Она стала скакать и прыгать, чтобы сбросить старика со своей спины. Прыгала, прыгала и наконец стряхнула его: старик был уже дряхлым и не мог удержаться на спине у принцессы. Но горб — огромный уродливый горб принцесса никак не могла сбросить. Он крепко прирос к ее спине, и принцесса стала горбатой.

Ах, этот горб! Принцесса так его ненавидела! Мало того, что сидел он на ней верхом, как всадник. К досаде девушки, коварный горбик оказался до крайности разговорчивым. Правда, если принцесса молчала, он тоже помалкивал. Но стоило девушке обронить хоть слово, горбик тотчас же повторял его, будто передразнивая принцессу, — ну точь-в-точь как эхо в горах.

— Дайте мне напиться воды, — просила девушка, постучавшись в дверь какой-нибудь хижины, и горб тотчас же повторял: «Дайте мне напиться воды!» — и притом таким тоненьким голоском, что все начинали смеяться над девушкой. Другие же обижались, полагая, что она смеется над ними, и прогоняли несчастную.

Сколько ни уговаривала его принцесса помолчать хоть немного, упрямый горбик пищал и пищал по-прежнему. Тогда девушка притворилась немой. С непривычки это было нелегко, но зато горб оставил ее в покое: пришлось и ему замолчать.

Наконец дошла принцесса до самого дальнего королевства, где жил стройный принц в золотом плаще и шляпе с пером. Почему попала она именно в это королевство, принцесса сама не знала, но, наверное, сердце подсказало ей дорогу. Она пришла во дворец и нанялась в услужение. Она прислуживала за королевским столом, но принц даже не взглянул на нее ни разу. Разве станет красавец, наследник трона смотреть на служанку, притом еще горбатую и немую! Юному принцу было вовсе не до того: по приказу родителей он должен был жениться на знатной маркизе. Конечно, эта маркиза была совсем не так красива, как принцесса с бубном, но горба у нее не было, и никто не осмелился бы сказать, что она

немая: маркиза была пряма, как палка, и целыми днями трещала, как попугай. Вот какую невесту подыскали для принца в золотом плаще и в шляпе с пером!

Итак, маркиза-невеста прикатила в золоченой карете в самое далекое королевство, где жил принц в золотом плаще, и по этому случаю во дворце готовили большой ужин, а принцессе-служанке поручили жарить пирожки с яблоками для королевского стола.

Она зажарила первый пирожок и сказала горбу:

— Горбик, горбик, не хочешь ли пирожка?

— Хочу, хочу! — пропищал горбик.

Как видите, если дело касалось чего-нибудь вкусненького, он забывал передразнивать принцессу, а сразу ответил, что хочет!

Принцесса угостила его пирожком, положила на сковородку второй и опять спросила:

— Горбик, горбик, не хочешь ли еще пирожка?

— Ой, хочу! — пропищал горбик.

Он был большим сладкоежкой. И принцесса снова угостила его пирожком.

— А еще? — спросила она, обжаривая третий, самый большой пирожок. Не хочешь ли ты его отведать?

— Очень, очень хочу! — пропищал в нетерпении горбик.

— Так прыгай ко мне в передник! — приказала принцесса горбу.

Глупый горбик так любил сладкие пирожки, что не заставил просить себя еще раз и прыгнул в передник девушки. Принцесса схватила его щипцами и бросила в печку.

— Горю, горю! — пропищал горбик в последний раз и замолчал навсегда.

Так избавилась принцесса от ненавистного горба и стала стройной, как прежде. К тому же теперь ей уже не нужно было притворяться немой. Она побежала в свою комнатку, нарядилась в атласное платье с кружевами и явилась в парадный зал, где собирались к ужину знатные гости и принц с маркизой встречали каждого глубоким поклоном.

Когда принцесса, нарядная и величественная, появилась в дверях, принц воскликнул:

— Смотрите, это наша немая служанка! Как она стройна и красива!

А маркиза-невеста вскочила с места и, покраснев от досады, затрещала, как сорока:

Ишь, нарядная какая!

Прочь ступай!

Прочь ступай!

Повариху я узнаю,

Как ее ни наряжай!

Она трещала бы еще очень долго, но принцесса не дала ей договорить и с достоинством ответила:

— Ваша правда, сеньора маркиза, я была поварихой и прислуживала сеньору принцу, но я родилась не служанкой, а принцессой, дочерью короля. И если вы не знаете этого, то могли бы и помолчать, хотя, говорят, это искусство совершенно вам незнакомо.

Услышав такой смелый ответ, трещотка прикусила язык и убежала из зала. Она прыгнула в свою золоченую карету и навсегда ускакала из самого далекого королевства.

А принц? Он тотчас же узнал свою возлюбленную принцессу, о которой так долго тосковал. Принц очень обрадовался, что она уже не немая, и при всех гостях предложил ей

стать своей женой.

Они жили долго и счастливо. Принц вскоре же стал королем, а принцесса королевой. Она была доброй королевой, всегда помогала больным и бедным и никогда не отворачивалась от чужого горя. Уж она-то отлично знала, как тяжело скитаться без гроша по дорогам и просить у чужих дверей глоток воды и кусочек хлеба, чтобы утолить голод и жажду. И за это молодой король любил ее еще больше.

ДЕВУШКА, СДЕЛАННАЯ ИЗ ИЗВЕСТИ

Болгарская сказка

Жили на свете старик со старухой. Детей у них не было, и они очень горевали об этом.

Вот однажды старуха и говорит старику:

— Не могу я больше жить без детей. Как наступит зима, давай вылепим себе девочку из снега.

— Вылепить-то нетрудно, — отозвался старик. — Только вот беда, ведь она растает, как весна придет.

— Тогда возьми тесло и сделай девочку из дерева.

— Сделать-то можно, — отвечает старик, — но знай: коли посадим мы ее у огня да упадет на нее искра, она сразу сгорит.

Услышав это, старуха затосковала и заплакала.

— Не плачь, — стал утешать ее старик. — Я ведь известник. Вот завтра утром буду известь гасить и сделаю тебе дочку из извести.

Старуха очень обрадовалась, услышав эти слова, и легла спать довольная. Спит она, а во сне будто голос слышит:

«Дочка ваша будет бела и пригожа, но если вы хотите, чтобы она жива осталась, то, как только она заговорит, выведите ее за ворота и отдайте тому, кто первым пройдет мимо вас. Когда же найдет она себе жениха, то пусть не говорит ему ни слова до тех пор, пока он не узнает, из чего она сделана, а если заговорит с ним, тотчас же рассыплется известковой пылью».

На другой день старик взялся за дело. Насыпал в яму негашеной извести, залил ее водой, замесил тесто и вылепил девочку, которая была белее снега. Как только старик провел палочкой у нее под носом и сделал рот, она проговорила:

— Доброе утро, батюшка. Как поживаешь, матушка?

Жалко было старикам расставаться со своей белолицей дочкой, да делать нечего — приходилось выполнять наказ того, кого старуха во сне слышала. Вышли они на дорогу и стали смотреть, кто пройдет первый, чтобы отдать ему белую девушку. Вдруг видят — бредет по дороге старый конь. Подивились они, но все же отворили ворота, ввели коня к себе во двор, расчесали ему гриву, взнуздали его, пристегнули мягкое седло и посадили на него белую девушку. Перед тем как проститься с дочкой, старики наказали ей, чтобы она не отвечала ни слова своему суженому до тех пор, пока он не скажет ей: «Ты из извести сделана».

Надо сказать, что этот старый конь был из конюшен тамошнего воеводы. Пока он был молод и горяч, его кормили рисом и расчесывали ему гриву золотым гребнем, а когда он состарился и ноги у него начали заплетаться, слуги воеводы завели беднягу в лес и оставили там диким зверям на растерзание. Но конь, привыкший жить среди людей, выбрался из леса и побрел обратно в город, а дорога туда проходила как раз мимо домика стариков. Почувствовав на себе седока, конь встрепенулся и побежал рысцей прямо к дому воеводы. Сын воеводы в это время в окно глядел и очень обрадовался, увидев белую девушку на спине их старого коня.

— Кто ты такая и откуда едешь? — крикнул он ей.

Девушка молчала.

— Почему ты не отвечаешь мне? Или, может быть, ты немая?

Девушка и на этот раз ничего не ответила.

Воеводич помог ей сойти с лошади, взял ее за руку и повел в дом к отцу с матерью.

— Посмотрите, какую пригожую девушку привез мне наш старый конь.

Воевода с женой посмотрели на девушку, подивились ее красоте и начали ее расспрашивать, отчего она такая белая. Но девушка так и не раскрыла рта.

На другой день сын воеводы отправился на охоту, однако вернулся домой с пустыми руками, потому что перед глазами его неотступно стояла белая девушка.

Пошел он к своей матери и говорит ей:

— Матушка, я решил вернуть перстень царской дочери.

— Как же так, ведь она твоя невеста?

— Хочу жениться не на ней, а на той девушке, которую привез старый конь.

— Ты говоришь невесть что! — воскликнула мать. — Разве ты не видишь, что эта девушка немая?

— Ну и что ж такого? Хочу жениться на ней, и все тут.

— Делай как знаешь, — сказала мать.

Сын воеводы вернул перстень царской дочери и обручился с белой девушкой. Но ему и в голову не приходило сказать ей, что она сделана из извести, и девушка молчала. Целых три месяца обхаживал воеводич свою невесту, одевал ее в золото и парчу, катал в позолоченной карете и все молил, чтобы она сказала ему хоть словечко, но девушка не размыкала губ.

— Да ведь она в самом деле немая, как я с такой женой буду жить? сказал себе воеводич и решил ее оставить.

Запер он ее в маленькой каморке на чердаке и послал за царской дочерью.

Как только приехала царская дочь в дом воеводы, так сразу спросила, где теперь белая девушка. Служанки сказали ей, что девушка заперта в каморке на чердаке.

— Пойдите посмотрите через замочную скважину, что она делает, — приказала царская дочь.

Подкрались служанки тихонечко к двери, заглянули в замочную скважину и увидели, что белая девушка сидит на стульчике у окна, а на коленях у нее желтая шелковая рубашка лежит.

— Эту рубашку мой жених, воеводский сын, будет носить, — говорит девушка. — А ну-ка, вденься, ниточка, в иголочку.

Вдруг игла, которая была вколота в игольную подушечку, прыгнула на стол, подскочила к золотой нитке, протянула ей ушко, и нитка вделась. Девушка взяла иглу, начала пришивать пуговички к рукавам, но вдруг нечаянно уколола себе большой палец, бросила иглу на пол и сердито крикнула:

— Ох, зачем ты меня уколола, дурная игла?

Когда пальчик перестал болеть, белая девушка начала подлаживаться к иголке:

— Прости меня, иголочка. Давай опять вместе работать.

Но игла очень обиделась и не хотела возвращаться к девушке. Тогда девушка разгневалась, схватила ножницы, отрезала себе нос и приказала ему:

— Пойди принеси мне эту непослушную иглу!

Отрезанный нос спрыгнул на стол, со стола соскочил на пол, схватил иглу и отдал ее белой девушке. Девушка взяла иголку левой рукой, а правой схватила отрезанный нос и

прилепила его на прежнее место.

Служанки царской дочери так припустились вниз по лестнице, что чуть ноги себе не переломали. Прибежали к своей госпоже и стали наперебой ей рассказывать о том, что видели и слышали.

— Я тоже так могу, — сказала царская дочь, — невелика трудность. Принесите мне полотна на рубашку, иглу, золотые нитки и ножницы.

Когда все это принесли, она обратилась к игле и сказала:

— Приказываю тебе, иголка, протянуть ушко нитке, чтобы она вделась в тебя. Давай, поторапливайся.

Но игла не шевелилась.

Царская дочь топнула ногой.

— Да знаешь ли ты, кто я такая? Если ты сейчас же не выполнишь моего приказания, я позову кузнеца и заставлю его раздавить тебя молотом на наковальне.

Но игла по-прежнему не трогалась с места.

Тогда царская дочь схватила ее, бросила на пол и крикнула:

— Ты — гадкая ржавая игла! Сейчас же убирайся отсюда!

Но игла не послушалась ее и на этот раз.

Разозлилась царская дочь, схватила ножницы, отрезала себе нос и заорала благим матом:

— Ой-ой-ой, как больно! Эй ты, нос, скорее принеси мне иглу, а то я умираю от боли!

А нос как упал на пол, так и остался там лежать. Тогда царская дочь сама подняла его, приставила на место и сильно прижала, но лишь только она отняла руку, отрезанный нос снова упал на пол.

— Матушки, что же мне теперь делать? — простонала царская дочь и забралась в постель под одеяло.

Вернулся домой воеводич, увидел, что у его невесты нет носа, и покачал головой:

— Не могу я жить с безносой женой! Приведите мне вторую дочь царя. У нее по крайней мере есть длинный нос.

Привели ему длинноносую царевну. Сыграли свадьбу, и зажил воеводич со своей новой женой. Длинноносая царевна на другой же день после свадьбы послала служанок посмотреть, что делает запертая на чердаке девушка. Служанки поглядели через замочную скважину и увидели, что белая девушка около печи стоит.

— Зажгись, печь! — приказала она.

И в печи в тот же миг запылал огонь.

Потом девушка повернулась к квашне, в которой была белая мука:

— Просейся, мука!

Мука сама насыпалась в сито, а сито стало ее просеивать.

— Замесись, тесто! — крикнула девушка.

Тесто замесилось и стало быстро подниматься. После этого девушка расплела свои длинные косы и замела ими горящие угли в печи. Сырые хлебы сами прыгнули в печь, испеклись, вылезли из печи и улеглись на полке. Потом девушка велела сковороде стать на железном треножнике над углями. Сковорода тотчас же послушалась и прыгнула на треножник.

— Налейся, масло! — обернулась девушка к бутылке с маслом. Бутылка соскочила с полки, и масло полилось на сковороду. Как только масло зашипело, белая девушка опустила

в него руки, а когда вынула их, то на сковороде очутились две большие рыбины.

Служанки побежали вниз к длинноносой царевне и рассказали ей все, что видели.

— Что же тут особенного! — скривилась царская дочь. — Я тоже так могу.

Заставила она служанок хорошенько растопить печь и сунула туда голову, чтобы косами замести жар. Волосы у нее вспыхнули да все и сгорели. И стала длинноносая царевна походить на опаленного поросенка.

— Налейте масло на сковороду! — крикнула она.

Когда масло закипело, царевна опустила в него руки и запищала от боли:

— Ой, матушки, я обожгла себе руки!

Но никаких рыб на сковороде не появилось.

В это время вошел воеводич и спросил:

— Что это тут у вас творится?

Увидел жену, покачал головой и сказал:

— Не могу я жить с обгорелой женой. Пусть возвращается во дворец к отцу.

Много ли, мало ли времени утекло, подошла пора воеводичу на войну идти. Все его воины шли веселые. Знали они, что скоро победят врагов и вернутся домой к своим женам и детушкам. Копья их на солнце поблескивали, сабли позвякивали, кони ржали весело. Один только воеводич задумчив был и нерадостен. Когда начало смеркаться, войско расположилось на ночлег в чистом поле. Воины раскинули шатры, разожгли костры, наелись и принялись хороводы водить. А воеводич остался за столом сидеть, подпер голову рукой и задумался. В это время две баклаги стукнулись друг о дружку и тихонько заговорили между собой:

— Кто наполнил тебя сегодня утром?

— Девушка, которая сделана из извести. А тебя?

— И меня она же наполнила. Если воеводич глотнет из меня вина, на сердце у него тотчас повеселеет.

— А если он попробует вина из меня, у него будет львиное сердце, добавила вторая баклага.

Воеводич сразу же позвал своего слугу и спросил, какая же это девушка сделана из извести.

— Разве ты не знаешь ее? Та самая, которая заперта в каморке на чердаке.

— Так вот оно что! — сказал воеводич и взял в руки первую баклагу. Как только он глотнул из нее, на сердце у него повеселело. Отпил из второй — и сердце его стало львиным. А вы сами знаете, что никто не может победить человека, у которого в груди бьется львиное сердце. Одолел воеводич врагов в первом же бою и повернул свое войско обратно. Вернувшись домой, он взбежал по лестнице на чердак, отпер двери каморки, в которой сидела девушка, и крикнул:

— Спасибо тебе, невеста моя, за то, что дала мне львиное сердце. Одного не пойму: как ты совершаешь такие чудеса, раз сделана из извести?

Услышав эти слова, девушка подняла на него глаза и проговорила:

— Ах, как я счастлива! Теперь я могу говорить с тобой.

Воеводич даже рот разинул от удивления.

— Так, значит, ты не немая? — закричал он.

Девушка рассказала ему, откуда она пришла и почему до сих пор должна была молчать.

Выслушал ее воеводич и очень обрадовался. Схватил девушку за руку, свел ее вниз к

своим родителям, и сыграли они веселую свадьбу. Три дня и три ночи пировали в доме воеводы. Позвали на свадьбу и старика со старухой. А после свадьбы молодые их у себя жить оставили. Но, наверное, вы захотите узнать, что случилось со старым конем? Конь до конца своей жизни получал по полной мерке риса в день, а гриву его расчесывали золотым гребнем.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Датская сказка

Жил-был один принц, и захотелось ему жениться на принцессе. Но только на самой настоящей принцессе. Он объездил весь свет, но так и не нашел себе невесты.

Принцесс было сколько угодно, но он никак не мог узнать, настоящие они или нет. Всем им чего-нибудь не хватало. Принц был страшно огорчен очень уж ему хотелось найти настоящую принцессу...

Однажды вечером разыгралась непогода. Гремел гром, сверкала молния, дождь лил как из ведра. Вдруг кто-то постучал в городские ворота, и старый король пошел отпирать. За воротами стояла принцесса. Но, Боже, в каком она была виде? Потoki дождевой воды стекали по ее волосам и платью, а под туфельками была целая лужа. И она еще уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, это уж мы проверим», — подумала старая королева. Но ничего не сказала и пошла в спальню. Там она сбросила с кровати одеяло и простыни и на голые доски положила горошинку. Потом прикрыла эту горошинку двенадцатью тюфьями. А поверх тюфяков набросала еще двенадцать перинок гагачьего пуха. На эту кровать уложили принцессу. Почти всю ночь она не могла сомкнуть глаз. Ей казалось, что в постель попало что-то твердое. И так она провела всю ночь... Утром ее спросили, как она почивала.

— Ах, очень плохо! — ответила принцесса. — Один Бог знает, что такое попало мне в постель, и теперь у меня все тело в синяках. Это просто ужасно!

Тут все поняли, что это настоящая принцесса! Ведь она лежала на двенадцати тюфьях и двенадцати перинках, а все-таки чувствовала горошинку! Столь чувствительной могла быть только настоящая принцесса.

Тогда принц женился на ней. Наконец-то он был уверен, что нашел настоящую принцессу. А горошина попала в кунсткамеру, где и лежит до сих пор, если только ее не украли.

ПРИНЦЕССА И ЛЯГУШОНОК

Немецкая сказка

В стародавние времена жил-был на свете король. Все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много выдавшее на своем веку, и то удивлялось, сияя на ее лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старую липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королева выходила в лес, садилась на край студеного колодца, и когда становилось ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх и ловила, — это было ее самой любимой игрой.

Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал наземь и покатился прямо в колодец. Королева глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, такой глубокий, что и дна было не видать. Заплакала тогда королева, и стала плакать все сильнее и сильнее, и никак не могла утешиться.

Вот горюет она о своем мяче и вдруг слышит — кто-то ей говорит:

— Что с тобой, королева? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь.

Она оглянулась, чтоб узнать, откуда этот голос, вдруг видит — лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову.

— А-а, это ты, квакун, — сказала она, — я плачу о своем золотом мяче, что упал в колодец.

— Успокойся, чего плакать, — говорит лягушонок, — я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду твою игрушку?

— Все, что захочешь, милый лягушонок, — ответила королева. — Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и в придачу золотую корону, которую я ношу.

Говорит ей лягушонок:

— Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если б ты меня полюбила да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобой за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка и спал с тобой вместе в постельке, — если ты мне пообещаешь все это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой золотой мяч.

— Да, да, обещаю тебе все что хочешь, только достань мне мой мяч! — А сама про себя подумала: «Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает, — где уж ему быть человеку товарищем!»

Получив с нее обещание, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидев опять свою красивую игрушку, королева очень обрадовалась, подняла ее с земли и убежала.

— Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!

Но что с того, что он громко кричал ей вслед свое «кваква»? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец.

На другой день она села с королем и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг — топ-шлеп-топ-шлеп — взбирается кто-то по мраморной

лестнице и, взобравшись наверх, стучится в дверь и говорит:

— Молодая королева, отвори мне дверь!

Она подбежала поглядеть, кто бы это мог к ней постучаться. Открывает дверь, видит — сидит перед ней лягушонок. Мигом захлопнула она дверь и уселась опять за стол, но сделалось ей так страшно-страшно. Наметил король, как сильно бьется у нее сердечко, и говорит:

— Дитя мое, чего ты так испугалась? Уж не великан ли какой спрятался за дверью и хочет тебя похитить?

— Ах, нет, — сказала королева, — это вовсе не великан, а мерзкий лягушонок.

— А что ему от тебя надо?

— Ах, милый батюшка, да вот сидела я вчера в лесу у колодца и играла, и упал в воду мод золотой мяч. Я горько заплакала, а лягушонок достал мне его и стал требовать, чтоб я взяла его в товарищи, а я и пообещала ему, — но никогда я не думала, чтобы он мог выбраться из воды. А вот теперь он явился и хочет сюда войти.

Тогда король сказал:

— Ты свое обещание должна выполнить. Ступай и открой ему дверь.

Она пошла, открыла дверь, и вот лягушонок прыгнул в комнату, поскакал вслед за ней, доскакал до ее стула, сел и говорит:

— Возьми и посади меня рядом с собой.

Она не решалась, но король велел ей исполнить его желание. Она усадила лягушонка на стул, а он на стол стал проситься; посадила она его на стол, а он говорит:

— А теперь придвинь мне поближе свою золотую тарелочку, будем есть с тобой вместе.

Хотя она и исполнила это, но было видно, что очень неохотно.

Принялся лягушонок за еду, а королевне и кусок в горло не лезет. Наконец он говорит:

— Я наелся досыта и устал, — теперь отнеси меня в свою спальню, постели мне свою шелковую постельку, и ляжем с тобой вместе спать.

Как заплакала тут королева, — страшно ей стало холодного лягушонка, боится до него и дотронуться, а он еще в прекрасной, чистой постельке спать с ней собирается. Разгневался король и говорит:

— Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится.

Взяла она тогда лягушонка, понесла его к себе в спальню, посадила в постельку.

Но только он лег, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме нее одной. И стал с той поры ее милым другом и мужем.

ДЕТИ ВОЕВОДЫ

Болгарская сказка

У одного мельника были три дочери. Две старшие сестры были хороши собой, а младшая — лучше их обеих. Пришло время, и заневестились все три девушки. Сидели они как-то вечером возле мельницы и пряли при свете месяца. Вот старшая и говорит:

— Если бы посватался ко мне сын воеводы, я наткала бы ему столько полотна, что хватило бы на все его войско.

— А если бы сын воеводы взял меня в жены, — сказала средняя сестра, я испекла бы ему такой большой белый каравай, что он накормил бы им все свое войско.

Младшая же промолвила:

— Если бы сын воеводы женился на мне, я родила бы ему двух мальчиков с золотыми волосиками и серебряными зубками.

А сын воеводы каждый вечер спускался к реке поить своего белого коня, и путь его лежал возле мельницы. Случилось, что как раз в это время он проходил мимо трех прях и слышал их разговор. Напоил воеводич своего коня, а когда повел его обратно, то завернул на мельницу и сказал старому мельнику:

— Слушай, дедушка, отдай мне в жены одну из твоих дочерей.

— Какая же из них тебе по сердцу? — обрадовался мельник.

— Младшая.

— Бери ее, сынок, только наперед скажи, есть ли у тебя какое-нибудь ремесло.

— Я сын воеводы. Мой отец уже стар. Когда я женюсь, он поставит меня во главе всего войска. Я стану воеводой.

— Ну хорошо, коли так, — говорит мельник.

На другой же день сыграли свадьбу. Воеводич посадил свою молодую жену в золоченую карету, отвез ее в отцовский дворец, и зажили они счастливо. Много ли, мало ли времени прошло, одряхлел старый воевода и уступил свое место сыну. Стал тот воеводой. Однажды во дворец к младшей сестре пришли две другие и взмолились:

— Прими нас к себе жить, сестрица! Надоело нам сидеть на отцовской мельнице, не хотим больше ходить мукой обсыпанными.

— Милости прошу! — отвечала младшая и оставила их жить во дворце.

А старшая сестра была зла и завистлива. День и ночь она придумывала, как бы извести сестру и самой выйти замуж за молодого воеводу. Подошло время, и младшая сестра родила двух мальчиков с золотыми волосиками и серебряными зубками. Не наглядится мать на новорожденных. А ее молодой муж в то время на охоте был, и ждали его только к вечеру. Сестра же завистница стояла у постели роженицы и вся тряслась от злости. Задумала она недоброе дело и говорит жене воеводы:

— Тебе бы, сестрица, вздремнуть маленько!

— А как же младенчики? — спрашивает мать.

— Я положу их в колыбельку и буду качать, пока не заснут.

Утомленная роженица закрыла глаза и уснула. А завистница только того и ждала. Схватила новорожденных, выбежала с ними в сад, убила их и зарыла в землю. Потом взяла двух щенят и положила их в колыбельку вместо двух младенцев.

Роженица еще спала, когда воевода вернулся с охоты.

— Поздравляю с новорожденными! — встретила его свояченица.

— Где они? — воскликнул молодой отец и бросился к колыбельке, но увидел там двух щенят и пожелтел от гнева:

— Выбросьте эту пакость, — крикнул он, — а их мать прогоните вон! Пусть поселится в шалаше у реки и пасет там моих уток!

— Как же ты будешь жить без жены? — спросила завистница.

— За этим дело не станет. Тебя вот возьму вместо нее! — ответил разгневанный воевода.

В ту же ночь его приказание было выполнено.

На другой день воевода вышел прогуляться по саду и что же видит: на том месте, где завистница зарыла младенцев, выросли два чудных деревца с серебряными листьями и золотыми цветами. Удивился воевода и позвал свою новую жену:

— Посмотри-ка, что тут за чудо!

Прошел воевода под деревьями — они склонились над ним и начали гладить его волосы своими листьями. А как пошла вслед за ним воеводиша начали деревья бить ее ветками по лицу.

Тогда воевода позвал мастеров и сказал:

— Укрепите между ветвями каждого из этих деревьев по кровати. Мы будем ночевать здесь с женой.

Мастера сделали все, как им велели. Пришли вечером воевода с женой и легли спать. А над головами их зашумели серебряные листья.

Воевода заснул скоро: ветви баюкали его, цветы ласково гладили по лицу. А воеводиша лежала как на иголках, боялась шелохнуться, потому что ветви стегали ее. В полночь деревья заговорили человеческими голосами:

— Братец, — спрашивает одно дерево, — тяжело ли тебе держать воеводу?

— Да ведь он же наш отец, а разве своя ноша тянет? Легко мне держать его на своих ветвях. А тебе; братец, небось трудно держать воеводишу?

— Да, братец, она грузна, как буйволица. Ветви мои трещат от ее тяжесть.

Жена воеводы услышала это, слезла с дерева и всю ночь пролежала на мокрой траве.

На другой день, когда воевода опять ушел на охоту, она взяла топор и срубила деревца и сожгла их. Осталась от них кучка золы. А мать погубленных младенцев, которая стала теперь утятницей, собрала эту золу и рассыпала ее в огороде. К вечеру на грядках выросли два василька с золотыми тычинками и серебряными лепестками. Завистница догадалась, что эти цветочки выросли из золы, оставшейся от деревьев, пустила в огород овцу, и та сжевала васильки. В ту же ночь овца дала приплод: двух ягнят с серебряной шерстью и золотыми рожками. Увидела это завистница, скорее сунула ягнят в корзинку, обмазала ее смолой и бросила в реку. Понесла река ягнят вниз по течению. Как раз перед шалашом утятницы корзинка зацепилась за ивовый куст, и ягнята жалобно заблеяли, потому что они были голодны. Утятница услышала блеяние, встала, зажгла свечу и подошла к кустам ивняка. Смотрит — прибило к берегу просмоленную корзинку. Раскрыла она корзинку и увидела в ней двух ягнят с серебряной шерстью и золотыми рожками. Мать сразу узнала своих деток. Принесла их в шалаш и дала им грудь. Глотнул первый ягненок материнского молока — и тут же превратился в ребеночка. Обрадовалась мать, дала сосать второму — и второй стал мальчиком.

Стали расти двое мальчиков с золотыми волосиками и серебряными зубками в шалаше утятницы и скоро начали ходить и разговаривать. Часто играли они на берегу реки, и каждый, кто проходил мимо, останавливался, чтобы полюбоваться на них. Однажды прошла мимо воеводиха. Дети увидели ее и начали бросать камни ей вслед. А когда проехал воевода, они выскочили из шалаша и давай разметать метлами дорогу перед его конем.

Увидел их воевода и очень удивился: что это за мальчики с серебряными зубками и золотыми волосиками? Ведь таких сыновей обещала ему родить первая жена. Растревожился он и отправился искать утятницу. А она тем временем пасла уток у реки.

— Откуда у тебя эти ребята? — спросил воевода.

— Река принесла мне их в просмоленной корзинке, — ответила утятница и скрылась в шалаше.

Воевода возвратился во дворец. А воеводиха в это время гонялась за кошкой, вылакавшей молоко.

— Не бей меня, а то я расскажу воеводе, как ты погубила его сыновей, а вместо них подложила щенят! — замыкала кошка.

Воевода услышал это, выхватил из рук жены палку, выбросил ее за окно, а потом наклонился, взял кошку на руки и стал ее расспрашивать. А кошка ведь ночью не спит, потому-то она обо всем и знала. Повела она воеводе от начала до конца, что сделала завистница с детьми, деревьями, васильками и ягнятами.

— А как же ягнята превратились в детей? — спросил воевода.

— И это мне известно, — сказала кошка. — Я как раз охотилась за мышцами у шалаша утятницы, когда она нашла корзинку с ягнятками. Как только дала она им материнского молока, так они и превратились в детей.

Узнав обо всем, воевода привел во дворец свою первую жену и детей, а завистницу приказал посадить в бочку и бросить в море.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Английская сказка

Когда-то давно, и даже давным-давно, жил в дремучем лесу бедный дровосек. Каждый божий день он ходил в лес валить деревья. Вот как-то раз собрался он в лес, и жена набила ему котомку едой, чтобы он перекусил и выпил в лесу.

В этот день дровосек собрался валить могучий старый дуб.

«Немало крепких досок получится», — подумал он, подошел он к старому дубу, вытащил топор да так замахнулся, словно хотел повалить дерево одним ударом. Но ударить он не успел: вдруг послышался жалобный голосок, и появилась фея. Она стала просить и умолять дровосека не рубить старый дуб. Подивился дровосек, даже рта не смог открыть, чтобы хоть словечко вымолвить. Наконец очнулся и говорит:

— Что ж, не буду рубить, коли просишь.

— Так-то оно и для тебя будет лучше, — сказала фея. — А я тебя за это отблагодарю: три любых твои желания исполню.

Тут фея исчезла, а дровосек отправился домой с котомкой и с бутылью на боку.

До дому было далеко, и бедняга всю дорогу вспоминал о том, что с ним приключилось, — все дивился, никак опомниться не мог. Когда же он наконец пришел домой, на уме у него было только одно: посидеть да отдохнуть. Кто его знает — может, это опять фея голову ему заморочила. Так ли, эдак ли, уселся он у огня и только уселся, как стал его голод терзать; а до ужина было еще далеко.

— Ну как, ужинать скоро будем, старуха? — спросил он жену.

— Часа через два, — ответила она.

— Эх! — вздохнул дровосек. — Вот бы мне сейчас кольцо кровяной колбасы, да потолще!

И не успел он это вымолвить, как вдруг — хлоп! — в камин упало целое кольцо кровяной колбасы, да такой, что пальчики оближешь.

Подивился дровосек, а жена его втрое больше удивилась.

— Это что такое? — говорит.

Тут дровосек вспомнил все, что с ним приключилось утром, и рассказал об этом жене, с начала и до конца. Но пока он рассказывал, жена все хмурилась да супилась, а как дошел он до конца, так и взорвалась:

— Ах ты, дурак этакий! Дурак набитый! Чтоб твоя кровяная колбаса к носу твоему приросла!

И не успели они глазом моргнуть, как кровяная колбаса выскочила из камина и приросла к носу дровосека.

Дровосек дернул за колбасу — не отрывается; жена дернула — не отрывается: дергали-дергали оба, чуть бедняге нос не выдернули, а колбаса все не отрывается — приросла крепко-накрепко.

— Что же теперь делать? — спрашивает дровосек.

— Да ничего! — отвечает жена, глядя на него со злобой. — Не так уж безобразно!

И тут дровосек смекнул, что у него ведь осталось всего одно желание третье и последнее. И он тут же пожелал, чтобы кровяная колбаса отскочила от его носа.

Хлоп! И колбаса плюхнулась на блюдо, что стояло на столе. И если дровосеку с женой так и не довелось кататься в золотой карете да одеваться в шелк и бархат, что ж, зато им досталась такая вкусная кровяная колбаса, что пальчики оближешь.

ДЖЕК И БОБОВЫЙ СТЕБЕЛЬ

Английская сказка

Жила когда-то на свете бедная вдова, и был у нее один-единственный сын Джек да корова Белянка. Корова каждое утро давала молоко, и мать с сыном продавали его на базаре, — этим и жили. Но вот как-то раз Белянка не дала молока, и они просто не знали, что делать.

— Как же нам быть? Как быть? — твердила мать, ломая руки.

— Не унывай, мама! — сказал Джек. — Я наймусь к кому-нибудь на работу.

— Да ведь ты уже пробовал наниматься, только никто тебя не берет, — отвечала мать. — Нет, видно, придется нам продать нашу Белянку и на вырученные деньги открыть лавку или каким-нибудь другим делом заняться.

— Что ж, хорошо, мама, — согласился Джек. — Сегодня как раз базарный день, и я живо продам Белянку. А там и решим, что делать.

И вот взял Джек в руки повод и повел корову на базар. Но не успел далеко отойти, как повстречался с каким-то чудным старичком.

— Доброе утро, Джек! — сказал старичок.

— И тебе доброго утра! — ответил Джек, а сам удивляется: откуда старичок знает, как его зовут?

— Ну, Джек, куда путь держишь? — спросил старичок.

— На базар, корову продавать.

— Так, так! Кому и торговать коровами, как не тебе! — посмеялся старичок. — А скажи-ка, сколько нужно бобов, чтобы получилось пять?

— Ровно по два в каждой руке да один у тебя во рту! — ответил Джек: он бы малый не промах.

— Верно! — сказал старичок. — Смотри-ка, вот они, эти самые бобы! — и старичок вытащил из кармана горстку каких-то диковинных бобов. — И раз уж ты такой смысленный, — продолжал старичок, — я не прочь с тобой поменяться — тебе бобы, мне корова!

— Иди-ка ты своей дорогой! — рассердился Джек. — Так-то лучше будет!

— Э-э, да ты не знаешь, что это за бобы, — сказал старичок. — Посади их вечером, и к утру они вырастут до самого неба.

— Да ну? Правда? — удивился Джек.

— Истинная правда! А если нет — заберешь свою корову обратно.

— Ладно! — согласился Джек: отдал старичку Белянку, а бобы положил в карман.

Повернул Джек назад и пришел домой рано — еще не стемнело.

— Как! Ты уже вернулся, Джек? — удивилась мать. — Я вижу. Белянки с тобой нет, значит, ты ее продал? Сколько же тебе за нее дали?

— Ни за что не угадаешь, мама! — ответил Джек.

— Да ну? Ах ты мой хороший! Фунтов пять? Десять? Пятнадцать? Ну уж двадцать-то не дали бы!

— Я говорил — не угадаешь! А что ты скажешь вот про эти бобы? Они волшебные. Посади их вечером и...

— Что?! — вскричала мать Джека. — Да неужто ты такой дурак, такой болван, такой осел, что отдал мою Белянку, самую молочную корову во всей округе, да к тому же гладкую, откормленную, за горсточку каких-то скверных бобов? Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! А твои драгоценные бобы — вон их, за окно!.. Ну, теперь живо спать! И есть не проси — все равно не получишь ни глотка, ни кусочка!

И вот поднялся Джек к себе на чердак, в свою комнатку, грустный-прегрустный: и матери жалко было, и сам без ужина остался.

Наконец он все-таки заснул.

А когда проснулся, едва узнал свою комнату. Солнце освещало только один угол, а вокруг было темным-темно. Джек вскочил с постели, оделся и подошел к окну. И что же он увидел? Да что-то вроде большого дерева. А это его бобы проросли. Мать Джека вечером выбросила их из окна в сад, они проросли, и огромный стебель все тянулся и тянулся вверх и вверх, пока не дорос до самого неба. Выходит, старичок-то правду говорил!

Бобовый стебель вырос возле самого Джекова окна. Вот Джек распахнул окно, прыгнул на стебель и полез вверх, словно по лестнице. И все лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока наконец не добрался до самого неба. Там он увидел длинную и широкую дорогу, прямую как стрела. Пошел по этой дороге и все шел, и шел, и шел, пока не пришел к огромному-преогромному высоченному дому. А у порога этого дома стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня! — сказал Джек очень вежливо. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь позавтракать!

Ведь Джек лег спать без ужина и был теперь голоден как волк.

— Позавтракать захотел? — сказала огромная-преогромная высоченная женщина. — Да ты сам попадешь другим на завтрак, если не уберешься отсюда! Мой муж людоед, и самое его любимое кушанье — это мальчики, изжаренные в сухарях. Уходи-ка лучше, пока цел, а то он скоро вернется.

— Ох, сударыня, очень вас прошу, дайте мне чего-нибудь поесть! — не унимался Джек. — У меня со вчерашнего утра ни крошки во рту не было. Истинную правду говорю. И не все ли равно: поджарят меня или я с голоду умру?

Надо сказать, что людоедша была неплохая женщина. Она отвела Джека на кухню и дала ему кусок хлеба с сыром да кувшин молока. Но не успел Джек съесть и половины завтрака, как вдруг — топ! топ! топ! — весь дом затрясся от чьих-то шагов.

— О Господи! Да это мой старик! — ахнула людоедша. — Что делать? Скорей прыгай сюда!

И только она успела втолкнуть Джека в печь, как вошел сам великан-людоед.

Ну и велик же он был — гора горой! На поясе у него болтались три телят, привязанных за ноги. Людоед отвязал их, бросил на стол и сказал:

— А ну-ка, жена, поджарь мне парочку на завтрак! Ого! Чем это здесь пахнет?

Фи-фай-фо-фам,
Дух британца чую там.
Мертвый он или живой
Попадет на завтрак мой.

— Да что ты, муженек? — сказала ему жена. — Тебе померещилось. А может, это еще пахнет тем маленьким мальчиком, что был у нас вчера на обед, — помнишь, он тебе по вкусу пришелся? Поди-ка лучше умойся да переоденься, а я тем временем приготовлю завтрак.

Людоед вышел, а Джек уже хотел было вылезти из печи и убежать, но людоедша непустила его.

— Подожди, пока он не заснет, — сказала она. — После завтрака он всегда ложится подремать.

И вот людоед позавтракал, потом подошел к огромному сундуку, достал из него два мешка с золотом и уселся считать монеты. Считал-считал, наконец стал клевать носом и захрапел, да так, что опять весь дом затрясся.

Тут Джек потихоньку вылез из печи, прокрался на цыпочках мимо людоеда, схватил один мешок с золотом и — дай Бог ноги! — кинулся к бобовому стеблю. Сбросил мешок вниз, прямо в сад, а сам начал спускаться по стеблю все ниже и ниже, пока наконец не очутился у своего дома.

Рассказал Джек матери обо всем, что с ним приключилось, протянул ей мешок с золотом и говорит:

— Ну что, мама, правду я сказал насчет своих бобов? Видишь, они и в самом деле волшебные!

И вот Джек с матерью стали жить на деньги, что были в мешке. Но в конце концов мешок опустел, и Джек решил еще разок попытать счастья на верхушке бобового стебля. В одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель, и все лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока наконец не очутился на знакомой дороге и не добрался по ней до огромного-преогромного высоченного дома. Как и в прошлый раз, у порога стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня, — сказал ей Джек как ни в чем не бывало. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть!

— Уходи скорей отсюда, мальчуган! — ответила великанша. — Не то мой муж съест тебя за завтраком. Э, нет, постой-ка, — уж не тот ли ты мальчишка, что приходил сюда недавно? А знаешь, в тот самый день у мужа моего пропал мешок золота.

— Вот чудеса, сударыня! — говорит Джек. — Я, правда, мог бы кое-что рассказать насчет этого, но мне до того есть хочется, что, пока я не съем хоть кусочка, ни слова не смогу вымолвить.

Тут великаншу разобрало такое любопытство, что она впустила Джека и дала ему поесть. А Джек нарочно стал жевать как можно медленней. Но вдруг — топ! топ! топ! — послышались шаги великана, и великанша опять упрятала Джека в печь.

Потом все было как в прошлый раз: людоед вошел, сказал «Фи-фай-фо-фам...» и прочее, позавтракал тремя жареными быками, а затем приказал жене:

— Жена, принеси-ка мне курицу — ту, что несет золотые яйца!

Великанша принесла, а людоед сказал курице: «Несись!» — и та снесла золотое яйцо. Потом людоед начал клевать носом и захрапел так, что весь дом затрясся.

Тогда Джек потихоньку вылез из печи, схватил золотую курицу и вмиг улепетнул. Но тут курица закудаhtала и разбудила людоеда. И как раз, когда Джек выбежал из дома, послышался голос великана:

— Жена, эй, жена, не трогай моей золотой курочки!

А жена ему в ответ:

— Что это тебе почудилось, муженек?

Только это Джек и успел расслышать. Он со всех ног бросился к бобовому стеблю и прямо-таки слетел по нему вниз.

Вернулся Джек домой, показал матери чудо-курицу и крикнул:

— Несись!

И курица снесла золотое яичко. С тех пор всякий раз, как Джек говорил ей: «Несись!» — курица несла по золотому яичку.

Так-то вот. Но Джеку этого показалось мало, и вскоре он опять решил попытать счастья на верхушке бобового стебля. В одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель и все лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока не добрался до самой верхушки. Правда, на этот раз он поостерегся сразу войти в людоедов дом, а подкрался к нему потихоньку и спрятался в кустах. Подождал, пока великанша пошла с ведром по воду, и — шмыг в дом! Залез в медный котел и ждет. Недолго он ждал; вдруг слышит знакомое «Топ! топ! топ!» И вот входят в комнату людоед с женой.

— Фи-фай-фу-фам, дух британца чую там! — закричал людоед. — Чую, чую, жена!

— Да неужто чуешь, муженек? — говорит великанша. — Ну, если это тот сорванец, что украл твое золото и курицу с золотыми яйцами, он уж, конечно, в печке сидит!

И оба бросились к печи. Хорошо, что Джек не в ней спрятался!

— Вечно ты со своим «фи-фай-фу-фам!» — сказала людоедша. — Да это тем мальчишкой пахнет, какого ты вчера поймал. Я только что зажарила его тебе на завтрак. Ну и память у меня! Да и ты тоже хорош — за столько лет не научился отличать живой дух от мертвого!

Наконец людоед уселся за стол завтракать. Но он то и дело бормотал:

— Да-а, а все-таки могу поклясться, что... — и, поднявшись из-за стола, обшаривал и кладовую, и сундуки, и поставцы... Все узлы и закоулки обыскал, только в медный котел заглянуть не догадался.

Но вот позавтракал людоед и крикнул:

— Жена, жена, принеси-ка мне золотую арфу!

Жена принесла арфу и поставила ее перед ним на стол.

— Пой! — приказал великан арфе.

И золотая арфа запела, да так хорошо, что заслушаешься! И все пела и пела, пока людоед не заснул и не захрапел; а храпел он так громко, что чудилось, будто гром гремит.

Тут Джек и приподнял легонько крышку котла. Вылез из него тихо-тихо, как мышка, и дополз на четвереньках до самого стола. Вскрабкался на стол, схватил золотую арфу и бросился к двери.

Но арфа громко-прегромко позвала:

— Хозяин! Хозяин!

Людоед проснулся и увидел, как Джек убегает с его арфой.

Джек бежал сломя голову, а людоед за ним и, конечно, поймал бы его, да Джек первым кинулся к двери; к тому же ведь он хорошо знал дорогу. Вот прыгнул он на бобовый стебель, а людоед нагоняет. Но вдруг Джек куда-то пропал. Добежал людоед до конца дороги, видит — Джек уже внизу, из последних силенок спешит. Побоялся великан ступить на шаткий стебель, остановился, стоит, а Джек еще пониже спустился. Но тут арфа опять позвала:

— Хозяин! Хозяин!

Великан ступил на бобовый стебель, и стебель затрясся под его тяжестью.

Вот Джек спускается все ниже и ниже, а людоед за ним. А как добрался Джек до крыши своего дома, закричал:

— Мама! Мама! Неси топор, неси топор!

Мать выбежала с топором в руках, бросилась к бобовому стеблю, да так и застыла от ужаса: ведь наверху великан уже продырявил облака своими ножищами.

Наконец Джек спрыгнул на землю, схватил топор и так рубанул по бобовому стеблю, что чуть пополам его не перерубил.

Людоед почувствовал, что стебель сильно качается, и остановился. «Что случилось?» — думает. Тут Джек как ударит топором еще раз — совсем перерубил бобовый стебель. Стебель закачался и рухнул, а людоед грохнулся на землю и свернул себе шею.

Джек показал матери золотую арфу, а потом они стали ее за деньги показывать, а еще золотые яйца продавать. А когда разбогатели, Джек женился на принцессе и зажил припеваючи.

СОРОК БРАТЬЕВ И ИХ СЕСТРИЧКА

Болгарская сказка

У одного отца было сорок сыновей и одна дочь — слепая девочка. В доме у них стояли в ряд сорок две кровати. Каждое утро слепая девочка опраивляла постели и ставила на огонь большой котел, в котором варилась похлебка на всю семью, а к обеду расставляла на столе сорок две миски.

Чтобы прокормить своих детей, отец от зари до зари трудился на своей обширной ниве и выращивал на ней пшеницу, зерна которой были величиной с ягоду кизила. Посреди нивы росла молодая яблонька, а под яблонькой бил родник холодной, прозрачной воды.

Подошла осень. Листья на яблоньке пожелтели, а плоды налились соком. Старик запряг лошадей, обмолотил снопы и свез зерно в амбар. А сыновья вывели на поле волов и начали перепахивать землю; над бороздами поднялся белый пар. Отец стал переходить с межи на межу и разбрасывать семена, которые падали в черную землю, словно золотые градинки. Через три дня вся нива почернела. Но старик надорвался на тяжелой работе, заболел и слег. Напрасно дочка поила его целебными кореньями — ничто уже не могло вернуть ему здоровья. Почувствовал отец, что приближается его последний час, позвал сыновей и сказал им:

— Дорогие мои дети, я отправляюсь туда, откуда никто не возвращается. Подходите ко мне по очереди, я хочу проститься с вами.

Когда все сыновья простились с отцом, он приподнялся и сказал:

— Помните, что самый сладкий хлеб родится на нашей ниве. Дружно возделывайте ее и живите как полагается братьям. Не ссорьтесь между собой. А теперь пусть кто-нибудь из вас принесет мне воды из родника, что течет посреди нивы. В свой последний час я хочу омочить губы в той воде, которую пили мои деды.

Сорок братьев схватили глиняные кувшины и помчались на ниву. Но, прибежав туда, они вместо того, чтобы наполнить их водой, оставили кувшины под яблоней, срезали себе по палке и начали вымеривать ниву.

— Братцы, для чего вы вымериваете ниву? — спросил самый младший брат.

— Будем ее делить! — ответили хором тридцать девять голосов.

Начали братья делить ниву и перессорились. Стали кричать друг на друга, замахиваться палками, а потом и в драку полезли. Так все кувшины и поразбивали.

— Что там делают мои сыновья? — слабым голосом спросил старик, услышав шум.

— Дерутся из-за нивы, — ответила слепая девочка.

— А водицы мне принесли?

— Нет, батюшка.

Тяжело вздохнул старик, а потом приподнялся и проклял сыновей:

— Да будет на вас мое проклятие! Коли вы так жадны на землю, то превратитесь в кротов и всю жизнь ройтесь в ней!

Проклял отец сыновей в свой смертный час, и они сразу же превратились в кротов. Разбежались по ниве в разные стороны, вырыли сорок нор и исчезли в земле. Провалились в подземное царство.

А слепая девочка схоронила отца и пошла на ниву разыскивать братьев. Звала она, звала

братьев, все сорок имен перебрала, но никто не откликнулся. Бедная сиротка села под яблоньку и заплакала. Увидела ее маленькая ящерица, которая копошилась на дне источника. Жаль ей стало девочку. Выползла она из воды и говорит:

— Не плачь, девочка! Твои братья живы.

— А почему они не отвечают на мой зов, коли живы? Где они?

— В подземном царстве.

— Кто тебе сказал, что они там?

— Вода. Она вытекает из самых недр земли.

— Как же мне добраться до них?

— Я скажу тебе как. Возле вашей нивы есть пересохший колодец. Сядь в бадью и спустишь в него. Не бойся, там нет воды. На дне колодца лежит плита. Приподними ее — и увидишь перед собой каменную лестницу, которая уходит глубоко вниз. Сойди по этой лестнице и окажешься в подземном царстве.

Слепая девочка сходила домой за корзиной, а потом вернулась на ниву и стала трясти яблоньку — стряхивать плоды. Все яблоки упали на землю. Девочка подобрала их и пересчитала: оказалось как раз сорок яблок — каждому брату по яблоку. Наполнила она ими корзинку и пошла к высохшему колодцу. Села в бадью и спустились на дно. Нашла там плиту, приподняла ее и пошла вниз по лестнице. Двадцать недель спускалась она в подземное царство. Изнемогала от усталости и голода, но не притронулась к яблокам: ей хотелось, чтобы всем братьям досталось по яблоку с отцовского дерева.

В понедельник на двадцать первой неделе девочка вступила наконец в подземное царство и остановилась.

— Ты кого здесь ищешь? — услышала она старушечий голос.

— Моих братьев. Не знаешь ли ты, где они?

— Они тут. Я держу их запертыми в клетке и по три раза в день кормлю соленой землей. Когда они начинают скулить от жажды, наливаю всем им по чашке воды. Они хватают чашки передними лапками, но, как только подносят их ко рту, донца чашек отваливаются и вода вытекает. Так и не могут они утолить свою жажду. Должно быть, тяжелый грех им приходится искупать.

— Отведи меня к ним, бабушка! — взмолилась слепая девочка.

Когда они подошли к клетке, кроты жалобно заскулили.

— Позволь мне дать им по яблоку! — попросила маленькая гостья старушку.

— Что ж, дай! — согласилась та.

Девочка с корзинкой к рукам обошла всех кротов и каждому дала по румяному яблочку. Кроты с жадностью набросились на сочные яблоки и, как только проглотили по первому кусочку, снова превратились в людей. Слепая девочка не могла увидеть братьев, но услышала их голоса и заплакала от радости. А самый младший брат съел только одну половину яблока, другую же дал слепой сестричке. Девочка надкусила ее — и прозрела.

Радости братьев не было конца, когда они увидели, что снова превратились в людей, а сестричка глядела на них и не могла наглядеться.

Стали они подниматься по лестнице на белый свет. Впереди шла сестричка и показывала им дорогу. Шли они двадцать недель и в понедельник на двадцать первой неделе вылезли наконец из сухого колодца. Оглянулись по сторонам и что же видят: отцовская нива пожелтела, налилась крупным зерном. Взяли братья сорок серпов и дружно принялись за работу. Прибрали они жито в амбар, а девочка замесила из новой муки тесто, напекла целую

печь хлебов и раздала их бедным людям, чтобы те помянули добрым словом ее покойного отца. А вторую печь хлебов она испекла для братьев, которые стали жить в мире и согласии, как и полагается настоящим братьям.

БЕЛОСНЕЖКА И АЛОЦВЕТИК

Немецкая сказка

Жила бедная вдова одна в своей избушке, а перед избушкой был у нее сад; росло в том саду два розовых деревца, и цвели на одном белые розы, а на другом алые, и было у нее двое детей, похожих на эти розовые деревца, звали одну — Белоснежка, а другую — Алоцветик. Были они такие скромные и добрые, такие работящие и послушные, что таких еще и не было на свете, только Белоснежка была еще тише и нежней, чем Алоцветик. Алоцветик все больше прыгала и бегала по лугам и полям, собирала цветы и ловила бабочек; а Белоснежка — та больше сидела дома возле матери, помогала ей по хозяйству, а когда не было работы, читала ей что-нибудь вслух. Обе сестры так любили друг друга, что если куда-нибудь шли, то держались всегда за руки, и если Белоснежка, бывало, скажет: «Мы всегда будем вместе», — то Алоцветик ей ответит: «Да, пока мы живы, мы никогда не расстанемся», — а мать добавляла: «Что будет у одной из вас, пусть поделится тем и с другой».

Часто девочки бегали в лесу одни, собирали спелые ягоды, но ни один: зверь их не трогал, и все доверчиво подходило к ним. Зайчик ел у них с руки капустный лист, дикая коза паслась рядом с ними, весело прыгал около них олень, и птицы оставались сидеть на ветках и распевали разные песни, какие только знали. И ни разу никакой беды с сестрами не случалось. Если они, бывало, в лесу задержатся и наступит уже ночь, они лягут рядом на мягком мху и спят так до утра, мать знала об этом и никогда о них не беспокоилась. Однажды заночевали они в лесу, проснулись на рассвете, видят — сидит рядом с ними чудесное дитя в белом сверкающем платье. Оно встало и ласково на них поглядело, но ничего им не сказало и ушло в глубину леса. Оглянулись они и увидели, что спали они как раз на самом краю пропасти и, должно быть, упали бы в нее, если бы в темноте сделали хоть один шаг. И вот мать им объяснила, что то, должно быть, был ангел, охраняющий добрых детей.

Белоснежка и Алоцветик держали избушку в такой чистоте, что в нее приятно было заглянуть. Летом за домом присматривала Алоцветик. Каждое утро, пока мать еще спала, ставила она у ее постели цветы — с каждого деревца по розе. Зимой Белоснежка затапливала печь, подвешивала к очагу котел на крюке, и медный котел блестел, точно золото, — так хорошо он был вычищен. Вечером, когда падал белыми хлопьями снег, мать говорила:

— Ступай, Белоснежка, и запри дверь на задвижку.

Они садились потом у очага, и мать надевала очки и читала им вслух из большой книги. А девочки сидели, пряли и слушали. Рядом с ними лежал на полу ягненок, а сзади сидел на насесте белый голубок, спрятав голову под крыло.

Раз вечером сидели они мирно все вместе, вдруг кто-то постучался в дверь и попросил, чтоб его впустили. Мать говорит:

— Алоцветик, открой поскорей дверь, это, пожалуй, какой-нибудь странник просится на ночлег.

Алоцветик пошла и отодвинула задвижку, думая, что это какой-нибудь бедный человек; но то был медведь, который просунул в дверь свою большую черную голову. Алоцветик громко вскрикнула и отскочила назад, ягненок в то время заблеял, голубок вспорхнул, а

Белоснежка забралась к матери на постель. Но медведь вдруг заговорил и сказал:

— Не бойтесь, я вас не трону, я очень озяб и хочу у вас немного отогреться.

— Ох ты, бедный медведь, — сказала мать, — ну, ложись тогда поближе к огню; только смотри, не спали своей шубы.

Затем она кликнула:

— Белоснежка, Алоцветик, идите сюда, медведь нас не тронет, он добрый.

Девочки подошли поближе, и ягненок с голубком тоже перестали бояться медведя.

Тогда медведь и говорит:

— Дети, стряхните снежок с моей шубы.

Девочки принесли метелку и как следует почистили медведю шубу, он растянулся у очага и начал весело урчать от удовольствия. Вскоре они и совсем к медведю привыкли и стали подшучивать над своим неуклюжим гостем. Они теребили его за шерсть, становились ему на спину, таскали его по комнате или брали прут и били его, а когда он ворчал, они весело смеялись. И медведю это нравилось, но когда уж слишком сильно они ему докучали, он кричал:

— Ах, дети, оставьте меня в живых: Вы меня уж пожалейте, Женишка-то не убейте.

Когда пришло время ложиться спать и все уже были в постели, мать сказала медведю:

— А ты уж, бог с тобой, оставайся лежать себе у печки, уж тут ты укроешься от холода и непогоды.

Когда начало светать, дети выпустили медведя, и он затопал по сугробам в лес. С той поры стал медведь приходить к ним каждый вечер в свой обычный час. Он ложился у очага и всегда позволял детям с ним играть и коротать свой досуг; и все так к нему привыкли, что даже дверей не запирали, пока не явится их черный приятель.

Но вот наступила весна, все кругом зазеленело, и сказал тогда медведь Белоснежке:

— Ну, теперь мне пора убираться, — целое лето я к вам не приду.

— Куда же ты пойдешь, милый медведь? — спросила его Белоснежка.

— Мне надо идти в лес, свои сокровища от злых карликов сторожить. Зимой, когда земля замерзает, их никто там не откопает; но теперь, когда земля на солнце оттаяла и согрелась, карлики, чего доброго, еще заберутся, начнут искать сокровища, докопаются и их утащат, а что попадет к ним в руки, то спрячут они в свои пещеры, и не так-то легко их будет разыскать.

Белоснежка сильно грустила, что приходится им расставаться. Когда она открыла дверь, то медведь, пробираясь, зацепился за дверной крюк, дернулся и вырвал кусок шкуры, — и показалось Белоснежке, будто золото блеснуло; но она не была в этом уверена. Медведь быстро убежал и вскоре исчез за деревьями.

Спустя некоторое время мать послала детей в лес собирать же, видят стоит перед ними карлик, лицо у него старое, морщинистое, и длинная-предлинная седая борода. Кончик бороды попал в трещину дерева, и человек прыгал, как собачонка на привязи, и не знал, как ему свою бороду вытащить. Он вытаращил на девушек красные горящие глаза и крикнул:

— Ну, чего стоите, разве нельзя подойти и помочь мне?

— Да как это с тобой, человек, случилось? — спросила его Алоцветик.

— Глупая гусыня, да к тому ж и любопытная, — ответил карлик, — хотел я было дерево расколоть, чтоб дров себе для печки нарубить, если класть толстые поленья, то наше кушанье быстро подгорает, мы ведь не так прожорливы, как вы, грубый да жадный народ. Клин вогнал я удачно, и все шло как следует, но проклятое дерево было слишком гладкое,

вот клин случайно и выскочил, дерево так быстро сошлось, что я не успел вытащить своей красивой белой бороды. Вот она и защемила, и мне нельзя теперь выбраться отсюда. Чего смеетесь, глупые, толстые рожи? Тьфу, до чего же вы скверные!

Дети стали изо всех сил бороду тащить, но вытащить ее никак не могли: уж очень крепко она застряла.

— Я сбегая людей позову, — сказала Алоцветик.

— Эх, головы вы бараньи! — прокричал карлик. — Зачем людей-то звать вас тут и двоих будет достаточно. Лучше ничего надумать не можете?

— Ты уж потерпи маленько, — сказала Белоснежка, — я что-нибудь да придумаю, — и она достала из кармана маленькие ножницы и отрезала кончик бороды. Как только карлик освободился, он тотчас схватил мешок, полный золота, спрятанный под корнями, вытащил его оттуда и проворчал про себя: «Вот неотесанный народ, отрезали кусок такой чудесной бороды, черт вас возьми!» Схватил мешок свой на плечи и ушел, на детей даже не глянул.

Захотелось вскоре после того Белоснежке и Алоцветику наловить рыбы к обеду. Подошли они к ручью, видят — скачет над водой большой кузнечик, точно в воду прыгнуть собирается. Подбежали они и узнали карлика.

— Ты куда это собрался? — спросила его Алоцветик. — Уж не в воду ли прыгнуть хочешь?

— Я не такой уж дурак, — крикнул ей карлик, — разве не видите, что проклятая рыба меня за собой тянет?

Человечек сидел и удил рыбу, а ветер, к несчастью, запутал его бороду в леске, и когда клюнула большая рыба, у карлика не хватило сил ее вытянуть; рыба была сильнее его и тянула карлика за собой. Как ни хватался он за траву и за камыш, ничего поделаться не мог, и пришлось бы ему нырять вслед за рыбой, вот-вот утащила бы она его в воду. Девочки подросли как раз вовремя, подхватили карлика и стали бороду из лески выпутывать; но ничего у них не выходило, борода и леска крепко перепутались. Оставалось только одно — достать небольшие ножницы и отрезать бороду, — вот и пропал еще кусок бороды. Увидел это карлик, начал на них кричать:

— Разве это дело, жабы вы этакие, уродовать человеку лицо? Мало вам того, что вы мне уж раз бороду обкорнали, а теперь собираетесь отрезать еще кусок, да притом самый красивый? Мне теперь к своим и на глаза показываться нельзя будет чтобы вам пусто было! — Тут достал он мешок с жемчугами, запрятанный в камышах, и, не сказав больше ни слова, потащил его куда-то и исчез за прибрежным камнем.

Случилось, что вскоре после того послала мать обеих девочек в город купить ниток, иголок, шнурков и лент. А дорога шла через долину, где повсюду лежали в беспорядке огромные обломки скал. И вдруг увидели они на небе большую птицу; она медленно кружила над ними, спускаясь все ниже, и села, наконец, поблизости на скалу. Затем они услышали резкий, жалобный крик. Они подбежали и с ужасом увидели, что орел схватил их старого знакомого карлика, собираясь его унести. Добрые дети тотчас уцепились за человечка и стали его у орла отнимать; и выпустил, наконец, орел свою добычу. Не успел карлик прийти в себя от испуга, как начал кричать своим визгливым голосом:

— Разве нельзя было обращаться со мной повежливее? Вот ухватились за мой тоненький сюртучок и весь его разорвали, весь он теперь в дырках, ах вы такие-сякие, неуклюжие да неповоротливые!

Взял затем карлик свой мешок с драгоценными камнями и шмыгнул снова в свою

пещеру под скалами. Но девушки уже привыкли к его неблагодарности, они продолжали свой путь, пришли в город и сделали свои покупки.

На обратном пути через долину они увидели карлика: выбрав ровное местечко, карлик высыпал из мешка драгоценные камни, не подозревая, что кто-нибудь будет так поздно проходить мимо. Вечернее солнце падало на блестящие камни, и они так красиво сияли и светились разными цветами, что дети остановились и засмотрелись на них.

— Чего вы стоите, мерзкие ротозеи? — закричал карлик, и его пепельно-серое лицо стало от гнева красным, как киноварь.

Он бы продолжал еще браниться, но вдруг послышался громкий рев, и черный медведь затопал из лесной чащи. Вскочил испуганный карлик, но добраться до своей лазейки не успел — медведь был уже совсем близко. И крикнул карлик в большом страхе:

— Дорогой мой сударь медведь, пощади ты меня, я отдам тебе за это все свои сокровища! Погляди на эти прекрасные драгоценные камни, что лежат перед тобой. Не убивай меня! Что пользы тебе от такого маленького, щуплого человечка? Да ты меня на зубах и не почувствуешь; съешь лучше вот этих двух злых девочек, они будут для тебя лакомым куском, они жирны, как молодые перепелки, съешь их во славу господню!

Но медведь не обратил внимания на его слова и ударил злобного человечка лапой так, что тот больше уже и не поднялся.

Девочки бросились бежать, но медведь крикнул им вслед:

— Белоснежка, Алоцветик, не бойтесь, подождите, я вас провожу.

Они узнали его по голосу, остановились. Подошел к ним медведь, и вдруг свалилась с него медвежья шкура, и стоял перед ними красивый юноша, одетый весь в золото.

— Я сын короля, — сказал он, — я был околдован этим злым карликом. Он украл у меня мои сокровища, обратил меня в дикого медведя и заставил жить в лесу до той поры, пока его смерть не расколдует меня снова. А теперь он получил должное возмездие.

И вышла Белоснежка за королевича замуж, а Алоцветик — за его брата; а большие сокровища они поделили между собой поровну. Мать-старуха жила еще долгие годы счастливо и спокойно вместе со своими детьми. Два розовых деревца она взяла вместе с собой, и они росли перед ее окном, и каждый год зацветали на них прекрасные розы — белые и алые.

КОРОЛЕВНА И ДОЧЬ СОЛНЦА

Литовская сказка

Жил когда-то король, и было у него двое детей: сын и красавица дочь. Жена у короля померла, а вскоре захворал и помер он сам. Теперь остались только сын да дочь.

Стал королевич править королевством, и вот задумал он жениться. Разослал гонцов во все концы света и велел сыскать ему невесту, такую же красавицу, как его сестрица, а то и получше.

Через некоторое время вернулись гонцы и объявили королевичу, что они исходили вдоль и поперек всю землю, повидали много пригожих девиц, но такой красавицы, как его сестра, сыскать не могли.

И вздумал тогда королевич обвенчаться с родною сестрою и объявил он ей свою волю. Сколько ни плакала королевна, ничего не помогло. Королевич строго приказал ей готовиться к венчанию.

Загоревала королевна: ну как за родного брата идти? Три дня, три ночи напролет плакала, а на четвертый день принялась готовиться к свадьбе.

В назначенный день королевич оделся и стал ждать невесту. Ждет, а ее все нет. Вот он и спрашивает:

— Готова ли ты, сестрица?

— Обуваюсь я, — ответила сестра, и ноги ее по колени в землю ушли.

Королевич подождал еще, а не дождавшись, опять спрашивает:

— Готова ли ты, сестрица?

— Платье надеваю, — ответила сестра и ушла в землю по самую шею.

Еще подождал королевич, а не дождавшись, опять спрашивает:

— Готова ли ты, сестрица?

— Венок надеваю, — ответила королевна, и земля над ее головой сомкнулась.

Подождал немного королевич и опять окликнул сестру, да на этот раз никто не откликнулся. Вошел он в опочивальню, а там ни души. Всюду искал он, всюду глядел, но сестры не нашел.

Так и расстроилась королевская свадьба.

А королевна, очутившись под землею, открыла глаза и увидала, что лежит на зеленом лугу. Кругом цветы, наверху солнышко светит. Пошла гулять она по лугу, собирает землянику и ест.

Вечером напал на королевну страх. Гуляет она одна-одинешенька, кругом ни живой души. Огляделась королевна и пошла напрямик через лес. Смеркаться уж стало. Идет королевна, боязливо оглядывается. Вдруг видит она — сквозь деревья огонек светится. Пошла королевна на огонек, увидала избушку и вошла в нее, а там за столом сидит красавица-девица и шьет-вышивает. Поздоровались они и разговорились.

— Не осталось у меня ни отца, ни матери, — сказала королевна, только брат один. После кончины отца стал он править королевством и задумал жениться. Только не нашел подходящей невесты и приказал мне за него идти. Когда убиралась я к венцу, вдруг расступилась подо мною земля, и очутилась я на лужайке, а потом пришла сюда.

— А я зовусь дочерью Солнца, — сказала красавица. — На свою беду забрела ты сюда.

Живет в этой избе злая ведьма, она и меня взаперти держит, и тебя заколдует, когда вернется.

— А ты убеги от нее, — говорит королева.

— Убежала бы, да не знаю куда. Ведьма украла меня у матери, когда я была еще маленькой, и никто не знает, где я. Истосковалась я здесь, а как быть, не знаю.

Покуда они беседовали, подул холодный ветер, затрещали деревья, задрожала земля. Дочь Солнца сразу почувяла, что это ведьма домой летит. Велела она королеве стать у стены, а в стену воткнула иголку с ниткой. А та игла была волшебная: королева стала невидимкой.

Только вошла ведьма в избу, как принялась орать:

— Отчего здесь человечинной пахнет?

— И вовсе не пахнет, — ответила дочь Солнца. — Верно, сама ты человечины отведала. Огляделась ведьма, ничего не увидела, запыхалась и на лавку села. Отдохнула немного и опять улетела.

Тут дочь Солнца вынула из стены иглу.

— Как это ведьма меня не заметила? — дивится королева.

А дочь Солнца отвечает:

— Да ведь игла эта волшебная. Принес мне ее и еще пряжи клубок, щетку и полотенце какой-то старичок. Сказал он тогда, вишь, что скоро пригодятся мне эти подарки. Иголка сейчас и помогла спасти тебя.

Поблагодарила королева дочь Солнца и стала уговаривать ее бежать.

— С этими волшебными подарками, — сказала она, — ты легко убежишь от ведьмы, да и мне поможешь. А в своей стране я дороги знаю. Бежим!

Послушалась королевы дочь Солнца, взяла волшебные подарки, и они убежали.

Прилетела ведьма домой, не нашла дочери Солнца, разъярилась она и давай повсюду шнырять да разнюхивать, покуда не напала на след, не догадалась, что убежала дочь Солнца, да не одна. Схватила ведьма ступу, оседлала ее и пустилась вдогонку.

Слышит дочь Солнца — земля дрожит, поняла, что это ведьма догоняет. Испугались девицы, кинули наземь клубок, и из него выросли горы — высокие, крутые, цепью растянулись.

Подбежала к ним ведьма, хотела перелезть — не перелезла, хотела перелететь — да больно высоко, думала кругом обежать — уж очень далеко. Делать нечего, полетела она домой, захватила лопату, вернулась и давай копать. Сровняла горы с землею. Опять пустилась вдогонку, так что вихрь поднялся, деревья склонились.

А беглянки уж далеко были. Но вот почувяли они — земля дрожит, стало быть, и ведьма близко. Тогда кинула дочь Солнца щетку, и сразу поднялся такой густой и высокий лес, что ведьме ни пробраться сквозь него, ни кругом обежать, ни перелететь. Вернулась ведьма домой, захватила топор, прорубила в лесу тропинку и опять по следу гонится.

Слышат беглянки — земля дрожит, — опять нагоняет их ведьма. Тотчас бросила дочь Солнца полотенце, и раскинулось на том месте озеро, да такое широкое и глубокое, что ведьме ни переплыть его, ни перелететь. Легла ведьма на землю и принялась лакать воду. Лакает и приговаривает:

— И я лакаю, и ты, ступа, лакай! И я лакаю, и ты, ступа, лакай! — А зачем ступе лакать? И в помине такого нет! Лакает-лакает ведьма, сама спешит-торопится, уж и раздулась она, как гора, уж и воды в озере лишь чуть-чуть осталось. Хотела ведьма допить ее, да лопнула.

А дочь Солнца с королевной видят, что ведьма за ними уж не гонится, и без страха продолжают путь. Вскоре подошли они к пышным палатам, и королевна узнала братнин дворец.

Королевич несказанно обрадовался им, да и запечалился оттого, что не мог угадать, которая же его сестра: красавицы были на одно лицо. И так поглядит он на них, и этак — не узнает сестры, да и только. Тогда пустился королевич на хитрость: задал он пир, сам приказал поварам зарезать теленка, наполнить кровью пузырь и незаметно подать ему. Повара так и сделали, а королевич спрятал пузырь под рубашку на груди.

Гости пировали, веселились, а королевич веселился пуще всех. Он все беседовал с красавицами, так и не зная, которая же его сестра. А те нарочно сговорились не открывать правды. Как ни допытывался королевич, как ни упрашивал, — не говорят, и все тут. Тогда он вынул меч из ножен, ударил себе в ГРУДЬ и залился кровью.

Испугались гости, кинулись спасать королевича. А одна из красавиц горестно вскрикнула и со слезами на глазах принялась перевязывать ему рану. Королевич притворился мертвым, лежит — не пошевелится. Красавица все сильнее горюет, гладит его по голове и плачет-причитает:

— Ой, братец мой, братец, что же я наделала! Что я, несчастная, наделала!

И другая красавица жалела королевича, да все не так.

Как дознался королевич, кто его сестра, тут же вскочил как ни в чем не бывало, смеется, целует сестрицу. Королевна тотчас подвела его к дочери Солнца. И он посватался к ней. Дочь Солнца согласилась выйти за него, только хотела сперва свидеться со своим братом. Королевич согласился отыскать его. И вдруг все увидали, что ко дворцу скачет на коне красавец-юноша в королевских одеждах. Дочь Солнца сразу узнала своего брата. То-то была радость! Оба королевича тут же порешили обвенчаться с красавицами, породниться друг с другом. И такую свадьбу сыграли, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Датская сказка

Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков. Были они красавцы писанные; мундир синий с красным, ружье на плече, взгляд устремлен вперед!

«Оловянные солдатiki!» — вот первое, что услышали они, когда открылась коробка, в которой они лежали. Это крикнул маленький мальчик и захлопал в ладоши. Солдатиков ему подарили на день рождения, и он тотчас же стал расставлять их на столе. Оловянные солдатiki походили друг на друга как две капли воды, и лишь один отличался от своих братьев: у него была только одна нога. Его отливали последним, и олова на него не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твердо, как другие на двух.

Мальчик расставил своих солдатиков на столе. Там было много игрушек, но красивее всех был чудесный замок из картона, сквозь его маленькие окна можно было заглянуть внутрь и увидеть комнаты. Перед замком лежало зеркальце, оно было совсем как настоящее озеро, а вокруг стояли маленькие деревья. По озеру плавали восковые лебеди и любовались своим отражением. Все это радовало глаз, но очаровательней всего была девушка, стоявшая на пороге широко раскрытых дверей замка. Она тоже была вырезана из картона. Юбочка ее была из тончайшей кисеи, узкая голубая ленточка спускалась с плеча к поясу. Ленточка была прикреплена сверкающей блеской, очень большой, — она могла бы закрыть все личико девушки. Красавица эта была танцовщица. Она стояла на одной ножке, протянув руки вперед, а другую ногу подняла так высоко, что оловянный солдатик не сразу ее разглядел и сначала подумал, что красотка одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену, — подумал оловянный солдатик. — Только она, наверное, знатного рода, — она живет в замке, а я в коробке; к тому же нас там целых двадцать пять штук. Нет, в коробке ей не место, но познакомиться с ней все же не мешает!» — и, растянувшись во всю длину, он спрятался за табакеркой, тоже стоявшей на столе. Отсюда он мог не отрываясь смотреть на хорошенькую танцовщицу, которая все стояла на одной ножке, никогда не теряя равновесия.

Утром дети проснулись и переставили оловянного солдатика на окно. И тут окно распахнулось — и наш солдатик полетел кувырком с третьего этажа. Вот страшно-то было! Он упал на голову, а его каска и штык застряли между булыжниками, — и он так и остался стоять на голове, задрав ногу кверху.

Служанка и младший из мальчиков сейчас же выбежали на улицу искать солдатика. Искали, искали, чуть было не раздавили его и все-таки не нашли. Крикну солдатик: «Я тут!» — они, конечно, увидели бы его, однако он считал неприличным громко кричать на улице, будучи в мундире.

Но вот пошел дождь, и он шел все сильней и сильней и, наконец, хлынул как из ведра, а когда перестал, на улицу выбежали уличные мальчишки. Их было двое, и один из них сказал: — Смотри, вон оловянный солдатик. Давай-ка отправим его в плавание!

Они сделали из газеты лодочку, поставили в нее оловянного солдатика и пустили ее по водосточной канаве. Лодочка плыла, а мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Боже ты мой! Как бились волны о стенки канавки, какое сильное в ней было течение! Да и немудрено: ведь ливень был славный! Лодочка то ныряла, то взлетала на гребень волны, то

вертелась, и оловянный солдатик вздрагивал; но он был стойкий и все так же невозмутимо смотрел вперед, держа ружье на плече.

Вот лодочка подплыла под мостик, и стало так темно, что солдатику показалось, будто он снова попал в свою коробку.

«Куда ж это меня несет? — думал он. — Все это проделки тролля! Вот если бы в лодочке со мной сидела маленькая танцовщица, тогда пускай бы хоть и вдвое темнее было».

В эту минуту из-под мостика выскочила большая водяная крыса, — она здесь жила.

— А паспорт у тебя есть? — крикнула крыса. — Предъяви паспорт.

Но оловянный солдатик молчал и еще крепче прижимал к себе ружье. Лодочка плыла все дальше, а крыса плыла за ней. Ох, как она скрежетала зубами, крича встречным щепкам и соломинкам:

— Держите его! Держите! Он не уплатил дорожной пошрины, не предъявил паспорта!

Лодочку понесло еще быстрее, скоро она должна была выплыть из-под мостика — оловянный солдатик уже видел свет впереди, — но тут раздался грохот до того страшный, что, услышав его, любой храбрец задрожал бы от страха. Подумать только: канавка кончалась, и вода падала с высоты в большой канал! Оловянному солдатику грозила такая же опасность, какой подверглись бы мы, если бы течение несло нас к большому водопаду.

Но вот лодка выплыла из-под мостика, и ничто уже не могло ее остановить. Бедный солдатик держался все так же стойко, даже глазом не моргнул. И вдруг лодка завертелась, потом накренилась, сразу наполнилась водой и стала тонуть. Оловянный солдатик уже стоял по шею в воде, а лодка все больше размокала и погружалась все глубже; теперь вода покрыла солдата с головой. Но он думал о прелестной маленькой танцовщице, которую ему не суждено больше увидеть!

Бумага совсем размокла, прорвалась, и солдатик уже стал тонуть, но в этот миг его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было у нее в животе! Еще темней, чем под мостиком, и в довершение всего так тесно! Но оловянный солдатик и тут держался стойко — он лежал вытянувшись во всю длину, с ружьем на плече.

А рыба, проглотив его, стала неистово метаться, бросаясь из стороны в сторону, но вскоре затихла. Прошло некоторое время, и вдруг во тьме, окружавшей солдата, молнией блеснуло что-то блестящее, потом стало совсем светло и кто-то громко воскликнул: «Оловянный солдатик!»

Вот что произошло: рыбу поймали и снесли на рынок, а там кто-то купил ее и принес на кухню, где кухарка разрезала рыбу острым ножом и, увидев солдата, взяла его двумя пальцами за талию и отнесла в комнату. Вся семья собралась поглядеть на удивительного человечка, который совершил путешествие в рыбьем брюхе, но оловянный солдатик не возгордился.

Его поставили на стол, и вот — чего только не бывает на свете! — солдатик снова очутился в той же самой комнате, где жил раньше, и увидел тех же знакомых ему детей.

Дети были счастливы, хлопали в ладоши и прыгали от радости. Вечером они решили торжественно отпраздновать возвращение своего храбреца. Но больше всего возвращению солдата радовалась игрушечная балерина. Она станцевала для него самый прелестный на свете танец.

ПРИНЦ С ОСЛИНЫМИ УШАМИ

Португальская сказка

В одном королевстве жил добрый и умный король. Одно лишь омрачало его — у него не было детей. Гуляя однажды по лесу, он встретил трех фей, которым и рассказал о своем несчастье.

Сжалившиеся над ним волшебницы обещали ему помочь и сказали, что ровно через год и один день у него родится долгожданный ребенок. И точно: ровно в назначенный срок королева родила прелестного маленького мальчика.

Ночью около колыбели новорожденного появились три добрые феи, чтобы по старинному обычаю наградить малютку своими дарами.

Первая фея, самая молодая из них, сказала:

— Ты будешь самым красивым юношей на свете.

— Ты будешь храбр и благороден, как лев, — пообещала другая.

Когда третья фея, старшая из них, услышала, какими прекрасными качествами наделили ребенка ее подруги, она с минуту подумала, а затем, совсем близко подойдя к колыбели, прошептала:

— А чтобы ты никогда не зазнавался, я награжу тебя ослиными ушами.

После этого феи исчезли.

То, что они пожелали, сразу же начало исполняться. Маленький принц рос не по дням, а по часам. И чем прекраснее он становился, тем храбрее и честнее делалось его сердце. Но, о горе, при этом вырастали все длиннее и длиннее его серые ослиные уши. Король с королевой были в ужасе. Какое ужасное будущее ждало их единственного наследника! Ведь не мог же управлять страной принц с ослиными ушами! Они всячески старались скрыть это. Никто и никогда не видел малютку без шапочки или берета. И никто не догадывался о его ужасном несчастье. Все придворные с гордостью любовались своим будущим повелителем, предвкушая день, когда во главе их государства станет такой красивый и благородный король.

Малютка все рос и рос, пока не превратился наконец в прекраснейшего из смертных. Пока он был маленький, родители разрешали ему ходить с локонами, как девочке, радуясь, что они надежно скрывали его уродство. Но вот теперь, к великому ужасу короля с королевой, их сыну стал необходим парикмахер и брадобрей. День и ночь они не смыкали глаз, думая, как бы скрыть ужасную тайну их сына, и, наконец, придумали. Они вызвали к себе самого опытного из парикмахеров и сказали ему:

— Мы тебе оказываем великую честь — ежедневно брить и стричь нашего сына и наследника. Чтобы ты ни увидел, когда будешь выполнять свою работу, должно остаться тайной. Ты должен быть нем как рыба. Если ты исполнишь это, то станешь очень богатым, если нет — тебя ждет смерть.

Парикмахер, не предчувствуя ничего плохого, с радостью согласился, поскольку всегда жил очень бедно.

В тот же день он поселился в замке. Он ел теперь за королевским столом, охотился вместе с принцем, спал в его спальне и был счастливейшим из смертных.

Так прошло немало времени, и вдруг парикмахер занемог. Болезнь его была самая

обычная: ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим секретом, а поскольку он смертельно боялся это сделать, то сделался очень нервным и все буквально валялось у него из рук. Ему становилось все хуже и хуже.

И вот однажды, не в силах больше терпеть эти муки, он отправился в лес к старому отшельнику попросить у него совета. «Если ты не в силах больше переносить это, — сказал ему старец, — то уйди подальше в поле, найди там глубокий ров, зайди в него, наклонись к земле и все ей расскажи. Там никто не услышит тебя. Земля похоронит в себе твою тайну».

Поблагодарив отшельника за совет, радостный парикмахер побежал в поле, нашел глубокий-преглубокий ров и сделал все так, как ему было велено. Ему сразу же стало легко, болезнь прошла, и, весело напевая, он отправился во дворец.

Прошло немного времени, парикмахер уже обо всем забыл, а на том месте, где он побывал, вырос высокий-высокий тростник. Однажды мимо проходили пастухи. Увидев тростник, они обрадовались, срубили его и наделали множество прелестных дудочек. Но вот странно, какую бы мелодию ни пытались они сыграть, дудочки играли и пели лишь одно:

У нашего принца ослиные уши,
У нашего принца ослиные уши.

Вскоре история о диковинных дудочках распространилась по всему королевству и дошла до короля. Предчувствуя неладное, он велел позвать пастухов и сыграть ему на волшебных дудочках. Как бедные юноши ни старались, дудочки играли лишь одно:

У нашего принца ослиные уши,
У нашего принца ослиные уши.

Король пришел в бешенство. Кто же мог предать его сына? Подумав, он велел привести парикмахера. Испуганный парикмахер все рассказал ему, и разгневанный король приказал убить его. В то время, когда глашатай зачитывал приказ короля о смертной казни, а палач вынимал из ножен свой меч, в зал вбежал молодой принц и, сорвав с головы берет, воскликнул:

— Прошу Вас, отец, не делайте этого. Чем виноват этот бедный парикмахер, если он всего лишь сказал правду? Так пусть же все узнают об этом. А я обещаю быть хорошим королем, несмотря на то, что у меня ослиные уши.

Парикмахер был спасен, но тут же, к великому изумлению короля с королевой и всех придворных, уши принца начали на глазах уменьшаться, пока не превратились в обычные, человеческие. Фея, наложившая на него заклятье, увидела, что сердце его не возгордилось, и сняла с него заклятье. Все были рады, смеялись и плакали от счастья. Рад был король, рада была королева, рады были министры и придворные и, конечно же, больше всех был рад парикмахер. А принц, женившись на красивейшей из принцесс, стал счастливо и справедливо править страной.

ПРИНЦЕССА-ДРАКОН

Китайская сказка

Однажды бедный деревенский юноша собирал в лесу хворост. Забредя в чащу, он увидел необыкновенной красоты озеро. Вода в нем была голубой, как бирюза, и оно было глубоким, как ад. Юноша решил отдохнуть на берегу этого чудесного озера и присел под грушевым деревом. Вдруг вода в озере забурлила, и на поверхность всплыла огромная черепаха. Она огляделась вокруг и вновь исчезла под водой.

Через минуту вода в озере забурлила еще сильнее, отхлынула к берегам, и огромный зеленый дракон появился на поверхности. Он так же, как черепаха, внимательно огляделся вокруг и тоже исчез в глубине.

И в третий раз воды озера забурлили и расступились, обнажив дно и прекрасный дворец. У дворцового окна сидела необыкновенной красоты принцесса и расчесывала свои золотые волосы.

Увидев ее, юноша от внезапно вспыхнувшей любви потерял дар речи. Так он и сидел, пока воды опять не сомкнулись и не стало ни чудесного дворца, ни прекрасной принцессы. Юноша кинулся к озеру и, забыв обо всем на свете, нырнул в его глубокие воды. Он плыл и плыл, пока не достиг дна озера. К его изумлению, здесь не было воды, а было сухо, светло и тепло, как жарким днем на земле. Впереди виднелась светящаяся тропинка. Юноша пошел по ней и вдруг увидел тот самый чудесный дворец.

Войдя в красивый, выложенный диковинными ракушками зал, он увидел прекрасную незнакомку и признался ей в любви. Принцесса очень удивилась: ведь когда-то давно ее старая тетка-дракониха поведала ей, что, когда племяннице исполнится шестнадцать лет, она превратится в прекрасную девушку и встретится с молодым юношей, полюбит его и выйдет замуж. Принцесса тогда смеялась, ведь на дне живут одни рыбы, и вот сегодня ее шестнадцатый день рождения, и перед ней стоит прекраснейший из всех юношей на свете. Они сыграли свадьбу и зажили счастливо.

Так прошло много месяцев, и однажды юноша вдруг вспомнил про свою старенькую мать, оставшуюся в убогой хижине. Он попросил у принцессы разрешения повидать ее. Она согласилась и дала ему старинный сосуд, сказав:

— Если тебе чего-нибудь захочется, попроси у сосуда, и он тотчас же выполнит твое желание.

Мать юноши, у видя его целым и невредимым, чуть не лишилась чувств. Ведь она считала, что ее мальчик заблудился в горах и его растерзали дикие звери.

Юноша взял сосуд в руки и приказал ему:

— Принеси мне много-много вина и разных кушаний.

Вдруг откуда ни возьмись появилось множество разных угощений. Юноша созвал всех соседей и весело отпраздновал свое возвращение. Затем он взял мать за руку и отвел к чудесному озеру. Они опустились на дно, где их ждала красавица-принцесса, и зажили счастливо все вместе.

СИГНИ И ПРИНЦ ЛИНИ

Исландская сказка

Жил-был король с королевой. Короля звали Ринг, а у королевы было такое диковинное имя, что трудно было даже выговорить. У них был сын прекрасный и отважный принц Лини. В этом же самом королевстве на берегу глубокого озера стояла ветхая лачуга, в которой жил бедный охотник со своей больной женой и красавицей дочерью Сигни.

Однажды принц поехал со своими друзьями поохотиться в лес. Разгорячившись, он так углубился в чащу, что не заметил, как потерял товарищей. А когда опомнился, уже стемнело, и не было видно ни зги.

В это время его расстроенные товарищи вернулись домой и сообщили королю, что принц исчез. Опечаленные родители сейчас же объявили повсюду, что тот, кто найдет принца Лини и вернет его во дворец, получит полкоролевства. Три дня сотни лучших охотников с борзыми собаками обыскивали каждый уголок заповедного леса, но все было напрасно — принц бесследно исчез.

Вскоре весть об исчезнувшем молодом наследнике достигла и хижины бедного охотника. Сигни завернула в узелок кусочек хлеба, надела на ноги ботинки на толстой подошве и отправилась на поиски. Долго ли, коротко ли шла она и пришла наконец к густому лесу. У края леса была глубокая-преглубокая пещера. Сигни, недолго думая, смело шагнула вглубь. И что же она там увидела?

Внутри стояли две громадные кровати. Покрывало на одной из них было из чистого серебра, а на другой переливалось золотом. Подушки были из небесно-голубого шелка, а по нему были вытканы тонкой пуховой нитью белоснежные лебеди. Вокруг них были написаны диковинные слова. Очарованная такой красотой, Сигни стояла не двигаясь, и вдруг, присмотревшись, она увидела на одной из кроватей спящего принца. Это был Лини! Она кинулась к нему и изо всех сил принялась тормошить, но Лини спал беспробудным сном. Вдруг снаружи послышался шум, и Сигни едва успела спрятаться за дверь, как в пещеру ворвались две страшные ведьмы. Одна из них, потянув носом, закричала жутким голосом:

— Фу-фу, пахнет человеческим духом!

Молодая ведьма возразила ей:

— Что ты, это наш маленький принц.

Затем они подошли к кровати, на которой безмятежно спал Лини, и прокричали:

Просыпайся, просыпайся,
Ты и так уж долго спал,
А ведь новый день настал.

Вытканые на подушках лебеди вдруг ожили и запели, и принц Лини открыл глаза. Тогда молодая ведьма подбежала к нему и спросила:

— Принц, ты хочешь есть?

— Нет, колдунья, не хочу, — ответил принц.

— Принц, — опять спросила ведьма, — ты женишься на мне?

— Нет, колдунья, не женюсь.

Ведьма прямо-таки позеленела от злости и закричала: Засыпай, засыпай И меня не раздражай.

Лебеди вновь запели, и Лини опять уснул. Ведьмы плотно поужинали и, удобно устроившись на серебряной кровати, тоже уснули.

Утром, едва проснувшись, молодая ведьма вновь подбежала к принцу и закричала:

Просыпайся, просыпайся,
Ты и так уж долго спал,
А ведь новый день настал.

Лебеди запели, и принц проснулся.

— Хочешь ли ты есть? — спросила его ведьма.

Принц отказался.

— Женишься ли ты на мне? — снова спросила она.

И принц отказался вновь. Разъяренная ведьма приказала лебедям спеть сонную песню и усыпить принца, а сама вместе со старухой матерью улетела по делам.

Едва лишь они скрылись, бедная, дрожащая от страха крошка Сигни выбежала из своего укрытия и, подойдя к принцу, зашептала волшебные слова:

Просыпайся, просыпайся,
Ты и так уж долго спал,
А ведь новый день настал.

Белоснежные лебеди запели, и принц проснулся. Он был страшно удивлен: вместо безобразной, грязной ведьмы-уродины он увидел перед собой удивительную красавицу. Сигни поведала ему, кто она, а он рассказал ей о своих злоключениях: о том, как его поймали и околдовали две ведьмы, притащили к себе в пещеру и пытались насильно заставить его жениться на одной из них.

— Вот что мы сделаем, — сказала принцу Сигни. — Когда ведьмы прилетят сюда и будут спрашивать тебя, хочешь ли ты есть и женишься ли на одной из них, ты на все соглашайся, но потребуй сначала, чтобы они рассказали тебе, что написано на этих шелковых подушках и чем они занимаются целый день в лесу.

Лини пообещал выполнить все в точности, как велела Сигни. Они весело провели время, играя в шахматы, а когда наступил вечер, Сигни усыпила принца и, спрятавшись за дверь, стала ждать. Вскоре вернулись ведьмы. Они развели огонь, приготовили еду и, разбудив принца, стали опять спрашивать его про еду и женитьбу. К их величайшему удивлению, принц на все кротко отвечал: «Да». Но в конце добавил, что хотел бы непременно узнать, что написано у него на шелковой подушке.

— Это заклинание, — ответила ведьма. — Если ты дважды произнесешь:

Эй, постель, улетай,
И меня забирай,

то постель станет как волшебный ковер-самолет и доставит тебя, куда ты пожелаешь.

Принц поблагодарил ее и спросил:

— А что ты делаешь целый день в лесу?

И ведьма ответила:

— Мы охотимся, а затем отдыхаем под старым дубом и стережем наше яйцо жизни.

— А что это такое? — поинтересовался Лини.

— В этом яйце заключены наши жизни, и если оно разобьется, мы умрем.

Принц притворился страшно уставшим и лег спать. Ведьмы усыпили его, а сами, плотно поужинав, тоже легли. Утром они проснулись и сразу же отправились в лес.

Крошка Сигни выбежала из своего укрытия, разбудила принца и сказала:

— Возьми свой лук и стрелы, бежим скорее в лес. Ты должен уничтожить это яйцо, иначе ведьмы убьют нас.

Принц взял свой лук, усадил Сигни на кровать и сказал:

Эй, постель, улетай,

И меня забирай.

Не успел он договорить, как кровать вместе с покрывалом и шелковыми подушками оказалась в воздухе, и не прошло минуты, как она очутилась на верхушке старого дуба. Сигни с принцем быстро спрыгнули и притаились в ветвях. Сверху им были хорошо видны ведьмы, которые сторожили свое яйцо. Принц прицелился и, туго натянув тетиву, выстрелил в яйцо, которое тут же разлетелось на тысячи мелких кусочков. Бездыханные ведьмы упали к подножию дуба. Принц подхватил Сигни, усадил ее на волшебную кровать, и они полетели во дворец.

Вне себя от радости, король с королевой тут же обвенчали их в дворцовой церкви. Матушку Сигни вылечили, а отца поселили в замке и сделали королевским егерем.

ПРИНЦ-КРОЛИК

Португальская сказка

Однажды по улицам города гулял продавец цветов и выкрикивал:

— Кому нужна печаль и разлука? Кто хочет купить задешево печаль и разлуку?

Но люди только смеялись над ним, думая, что это шутка. Бродя так по улицам, он подошел к королевскому дворцу. Привлеченная его зазывными криками, в окно выглянула принцесса и пожелала купить прекрасные цветы у него на лотке.

Она посадила их у себя в саду и каждый день утром приходила полюбоваться ими.

Однажды, придя в сад, принцесса обнаружила на клумбе среди цветов крохотного белого кролика. Она от радости запрыгала и велела служанке поймать его. Та поймала кролика и повязала ему на шею ленточку из волос принцессы, чтобы он не убежал. Но кролик вырвался у нее из рук и убежал. Принцесса очень горевала, но на следующий день опять отправилась в сад и снова увидела пушистого белого кролика. Снова они со служанкой поймали его и привязали ему на шею поясок принцессы, но маленький негодник опять удрал от них. Принцесса не спала всю ночь, и чуть забрезжил рассвет, кинулась в сад. Кролик был уже там. Он спокойно дался ей в руки и разрешил завязать у себя на шее ее шелковый носовой платочек, но через минуту выскользнул из рук и убежал.

Принцесса вернулась во дворец и слегла. Несколько дней она не вставала с постели, не ела, не пила и не произносила ни звука. Обеспокоенные родители вызвали самых лучших докторов королевства, и те, после продолжительного консилиума, пришли к выводу, что принцесса серьезно больна, и болезнь ее от неразделенной любви. Король с королевой всячески пытались развеселить дочь: они устраивали балы и карнавалы, но все было напрасно. Принцесса сидела, печально опустив голову, и только горькие слезы печально текли из ее глаз.

В этом же самом королевстве жили две маленькие старушки. Они были очень добрые и помогали всем вокруг. Услышав о болезни своей принцессы, они решили ей чем-нибудь помочь. И вот одна из них собралась в дорогу. Она взяла с собой корочку хлеба и бутылочку воды и отправилась в путь, но поскольку была очень старенькой, а дорога до дворца была очень длинной, то она часто присаживалась отдохнуть. И вот, сидя под большим дубом, старушка вдруг почувствовала, как земля задрожала и расступилась, и из глубины ее вылезла маленькая обезьянка с двумя золотыми корзинками. Пройдя мимо старушки, она удалилась в лес. В изумлении старушка осталась сидеть на месте, гадая, что же будет дальше. Через некоторое время обезьянка вернулась, неся полные корзинки грибов и ягод. Подойдя к трещине, она прыгнула вниз.

Недолго думая, старушка прыгнула за ней и едва сделала это, как земля сомкнулась над ней. Придя в себя, она увидела красивый дворец и, войдя в него, обнаружила большие длинные столы, накрытые белой скатертью и уставленные различными заморскими блюдами и винами. Она присела за один из них — и вдруг невидимые руки положили ей полную тарелку еды и доверху наполнили бокал вином. Изумленная, она сытно поела, и те же невидимые руки убрали все со стола. Старушка пошла в другую комнату и обнаружила там мягкую кровать под розовым шелковым балдахинном. Она легла и спокойно проспала до утра.

Проснувшись утром и выглянув в окно, старушка увидела выбегающего из сада маленького кролика, который пролез в золотую трубу, лежащую у дворцовых дверей, и превратился в прекрасного юношу. Он вошел во дворец и, присев перед зеркалом, начал расчесывать свои прекрасные золотистые волосы, напевая:

Маленькое зеркальце,
Помоги мне увидеть
Мою любимую.

Расчесав волосы, он встал и вышел. Подойдя к трубе, он опять пролез в нее, снова стал кроликом и убежал в сад.

Старушка позавтракала и, выйдя в сад, увидела, что обезьянка с золотыми корзинками вновь собирается наверх. Она побежала вслед за ней и успела пролезть в дыру. Снова попав в лес на то же место, она отправилась дальше в путь и вскоре пришла во дворец принцессы. Ее пропустили к бедняжке, которая целыми днями лежала молча, повернувшись к стене и горько плача.

Старушка начала свой рассказ, и по мере того, как она говорила, принцесса повернулась, приподняла голову, улыбнулась и встала. И прежде чем старушка успела закончить свою историю, принцесса уже мчалась со всех ног к заветному лесу в надежде увидеть желанного принца своими глазами. Маленькая старушка едва поспевала за ней.

Придя на нужное место, они стали терпеливо ждать обезьянку. Вскоре она появилась, и они прыгнули внутрь. Подойдя к дворцу, они увидели множество рук, которые сервировали столы, стирали пыль, стригли газоны. Но людей нигде не было видно. Пройдя по всем комнатам, принцесса открыла самую последнюю дверь и вдруг увидела своего возлюбленного принца. Он лежал бездыханный на полу. Она кинулась к нему и стала осыпать поцелуями его шею, глаза и руки. И вдруг случилось чудо: принц открыл глаза и улыбнулся. Вместе с ним ожил и весь замок. Кругом появились фрейлины и горничные, придворные и слуги. Каждый спешил по своим делам. Принц-кролик поблагодарил принцессу за то, что она сняла с него и его королевства заклятье, и попросил ее стать его женой.

Свадебный пир продолжался много дней и ночей, и не было на свете счастливее пары, чем принц-кролик и его возлюбленная невеста. А маленькая старушка осталась жить во дворце вместе с ними и нянчить их маленьких деток.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНОКОЖИЙ ЗАМБО

Американская сказка

Жил-был маленький чернокожий мальчик, которого звали Маленький Замбо. Мама с папой обожали его, потому что он был послушен и вежлив.

Однажды на день рождения мама сшила ему чудесную красную кофточку и атласные голубые штанишки.

А папа купил на базаре зеленый шелковый зонтик с желтой ручкой и очаровательные маленькие башмачки из мягкой красной кожи с острыми, загнутыми вверх носочками.

На свете не было малыша счастливее Маленького Замбо. Он выглядел в своем наряде таким щеголем! Ну как было ему не пойти погулять по джунглям? И вот, гуляя среди банановых деревьев и кокосовых пальм, он встретил страшного людоеда тигра.

— Я съем тебя, толстенький, вкусенький Замбо, — сказал тигр.

— О, глубокоуважаемый мистер тигр! — взмолился Замбо. — Отпустите меня, пожалуйста, а я отдам вам за это мою красивую красную кофточку.

— Хорошо, — милостиво согласился тигр.

Он надел красивую красную кофточку Замбо и пошел дальше напевая:

— Я самый красиво одетый тигр во всех джунглях.

А Маленький Замбо побрел дальше и вскоре встретил другого кровожадного тигра.

— Я сейчас разорву тебя на кусочки и съем! — сказал тигр.

— Не делайте, пожалуйста, этого, — слезно попросил Замбо. — Я дам вам свои атласные голубые штанишки.

— Ладно, — согласился тигр, — давай.

Он натянул атласные голубые штанишки и, очень довольный собой, запел:

— Я самый красиво одетый тигр во всех джунглях.

Маленький Замбо побежал дальше и снова встретил страшного тигра, который захотел его съесть.

— Отпустите меня, пожалуйста, — сказал ему Замбо, — и я подарю вам кожаные туфельки с острыми загнутыми носами.

— Какой мне прок от твоих туфелек, если у меня четыре лапы, а их всего две? — сказал тигр.

— Но вы можете носить их на ушах, — подсказал ему Маленький Замбо. Тогда ни пыль, ни холод вам не страшны.

— Да, ты прав, — обрадовался тигр. — Это великолепная идея! Давай их скорее сюда, и я отпущу тебя.

Тигр схватил мягкие кожаные туфельки с острыми, загнутыми кверху носами и одел их на уши. Он был страшно доволен.

— Теперь я самый красиво одетый тигр во всех джунглях, — радовался он.

А бедный Маленький Замбо пошел дальше и опять, несчастный, столкнулся с тигром. В обмен на жизнь Замбо пообещал тигру свой зеленый шелковый зонтик с длинной желтой ручкой.

— Мне он ни к чему, — возразил тигр. — У меня нет лишних лап, чтобы носить его.

— Но вы можете держать его кончиком хвоста, — предложил Замбо.

— Это я действительно могу. Давай сюда зонтик и отправляйся восвояси, — сказал тигр и, уверенный в том, что он самый шикарный тигр во всех джунглях, с достоинством удалился, держа зонт кончиком хвоста.

А бедный Маленький Замбо голый сидел на песочке и горько плакал, потому что гадкие кровожадные тигры отняли у него все его подарки.

Вдруг он услышал жуткий рев, который все усиливался.

— О, господи! Какой кошмар! Это, наверное, возвращаются тигры, чтобы съесть меня — бедненького и несчастненького крошку. Что же мне делать?

С быстротой молнии и ловкостью обезьяны Маленький Замбо влез на пальмовое дерево и посмотрел вниз.

Он увидел дерущихся под деревом, на котором он сидел, тигров, каждый из которых доказывал, что он самый красиво одетый тигр во всех джунглях. Они стащили друг с друга всю красивую одежду Маленького Замбо и принялись кусаться своими страшными белыми клыками, бороться своими когтистыми лапами и бить друг друга своими длинными хвостами.

Маленький Замбо в ужасе спрыгнул вниз и спрятался под своим шелковым зеленым зонтиком с длинной желтой ручкой, который лежал поодаль. А тигры гонялись друг за другом под деревом. Они схватили один другого за хвосты и пытались со злостью оторвать их.

Маленький Замбо выглянул из-под зонта и закричал:

— Глубокоуважаемые тигры, зачем вы побросали здесь эту красивую одежду? Она вам разве больше не нужна?

Тигры лишь заворчали в ответ. Они не могли ничего ответить, потому что каждый из них боялся выпустить из зубов хвост соседа, чтобы он не убежал.

Маленький Замбо закричал смелее:

— Если она вам не нужна, скажите мне, и я возьму ее себе.

Но тигры опять лишь только зарычали, не открывая ртов.

Тогда Замбо одел свою одежду: красную кофточку, атласные голубые штанишки, мягкие кожаные туфельки с острыми, загнутыми кверху носами, и, взяв в руки зеленый шелковый зонтик с длинной желтой ручкой, побежал домой.

А тигры все злились и злились, но не могли выпустить из зубов хвосты друг друга. Желая съесть друг друга, они бежали вокруг дерева все быстрее и быстрее, так что не стало видно даже их ног, и в конце концов от них осталось только дорожка растопленного животного масла, на котором в Индии жарят вкусные румяные лепешки.

Мимо проходил папа Замбо и, увидев масляную дорожку, очень обрадовался. Он сбегал домой и принес оттуда большой горшок. Туда он сложил аппетитное желтое масло и понес домой.

Когда мама Замбо увидела большой горшок с маслом, она радостно захлопала в ладоши.

— Сегодня на ужин у нас будут аппетитные горячие лепешки, — радостно сообщила она Замбо.

Она достала муку, яйца, молоко и сахар и напекла много вкусных лепешек.

Они сидели за столом и ели горячие желтые лепешки с коричневыми зажаристыми полосками, похожими на маленьких тигрят.

Маленький Замбо съел двадцать семь лепешек, мама съела пятьдесят пять лепешек, а папа целых сто шестьдесят девять, потому что он был очень и очень голоден.

КУКОЛКА В ТРАВЕ

Норвежская сказка

В стародавние времена у одного короля было двенадцать сыновей. Когда они выросли, король собрал их и сказал:

— Сыновья мои дорогие, я стал стар и хочу внуков, поэтому собираюсь вас женить. Возьмите по хорошему коню, богатые доспехи и езжайте по белу свету искать себе невест. Каждый из вас должен найти такую девушку, которая могла бы соткать и сшить за один день рубашку.

Выехав за ворота замка, старшие одиннадцать братьев сказали младшему, которого звали Симон:

— Ты глуп и будешь только мешать нам, иди своей дорогой.

И, прищпорив коней, они умчались вдаль.

Расстроенный Симон слез с коня, упал в траву и горько заплакал. Вдруг откуда ни возьмись послышался тоненький голосок:

— Не плачь, Симон. Посмотри лучше на нашу маленькую куколку.

Юноша поднял глаза и увидел под листиком цветка крошечную девочку, одетую в воздушное белое платье. Она была очень маленькая, не больше мизинчика. Как взрослая, она восседала на крошечном золотом кресле, а в волосах у нее поблескивала бриллиантовая корона. Девочка была она необыкновенно красива и стройна.

— Расскажи мне, — сказала она, — какое несчастье приключилось с тобой.

Она говорила таким ласковым голосом, что юноша рассказал ей обо всем: как король-отец велел всем братьям найти себе невест, как раздал им доспехи и коней, как они выехали из дворца и братья бросили его одного посреди дороги.

— Где же я могу найти невесту, умеющую ткать и шить рубашки за один день? — горестно повторял бедный юноша.

— Я с удовольствием помогу тебе. Хочешь, я буду твоей невестой? спросила куколка. — Посмотри, что я умею делать.

Она достала пряжу, соткала материю, выкроила и сшила рубашку — и все это на глазах у изумленного юноши. Правда, рубашка получилась крошечная, как для куколки.

Симон взял рубашку и отправился к отцу. Отец-король с удовольствием рассмотрел ее и сказал смущенному Симону:

— Неважно, что она такая маленькая, зато она сшита очень аккуратно.

И он благословил сына на брак с куколкой. Радостный Симон вернулся за своей невестой. Он хотел было посадить ее к себе в карман, но куколка сказала, что у нее есть своя карета и лошади. Она села в серебряную чайную ложечку и запрягла в нее двух маленьких зелененьких кузнечиков. И они поехали рядом: Симон на коне, а его невеста в забавном экипаже — серебряной чайной ложечке, запряженной двумя кузнечиками.

Юноша ехал очень осторожно, стараясь не наступить на свою невесту. Но вот вдали показались уже дворцовые ворота, и, почуяв дом, конь Симона взмахнул копытом, и серебряная ложечка вместе с куколкой упала в озеро, мимо которого они проезжали. Бедный юноша! Он кричал и звал на помощь. Вдруг вода в озере забурлила и вынесла на берег прелестную девушку, с стройной фигурой, тонкой талией и пышными волосами. Счастливый

Симон усадил свою возлюбленную на коня и помчался во дворец.

В это время туда уже приехали братья со своими невестами. Какими же уродливыми замарашками были молодые девушки! От быстрой езды их шляпки съехали набок, а лица покрывала дорожная пыль, к платьям прицепились репейники, и от этого девушки выглядели еще ужасней. Увидев младшего брата со своей красавицей-невестой, они начали было кричать на него от злости, но отец-король велел им замолчать и убираться из замка со своими уродинами. А для Симона и его невесты-куколки закатил такой пир, которого не видели и не увидят ни в одном королевстве мира.

КУРОЧКА И КОРОЛЬ

Испанская сказка

Давным-давно жила маленькая белоснежная курочка. Она отличалась от своих подружек тем, что имела гребешок не простой, а золотой, который сиял подобно солнышку. Разумеется, она осознавала свою красоту и верила, что достойным мужем ей может быть только король.

В один чудесный день она вышла поклевать зерно и вдруг нашла бриллиант. Это был огромный драгоценный камень, казалось, он блестел во сто крат сильнее солнца. «Вот так удача, — подумала наша красавица. — Я отнесу бриллиант в королевский дворец. Наконец-то нашелся повод для встречи с королем. Я подарю ему эту драгоценность, и, разумеется, увидев меня, король тут же предложит мне руку и сердце».

Курочка очень красиво оделась. Вместо медальона на шею она подвесила маленькую корзиночку, в которой спрятала найденный бриллиант, после чего и отправилась во дворец. От счастья гребешок на ее головке стал сиять еще сильнее. Подруги доносили ее вопросами:

— Куда это ты так спешишь, наша красавица?

— Я иду во дворец выходить замуж за короля. Надо подарить ему бриллиант для обручального кольца.

Все, кто услышал это, тут же почтительно поклонились курочке. Каждый действительно желал ей стать королевой, и только злой волк принял это за обычную куриную болтовню. Он забрался в темную-темную чащу как раз в том месте, где проходила тропинка во дворец, дождался курочку и грубо прорычал:

— Куда это ты торопишься, облезлая ворона?

На что курочка вежливо ответила:

— Я хочу сделать свадебный подарок своему будущему мужу — королю.

— Интересно, — прохрипел волчище, — выйдет ли это у тебя после того, как я тебя съем?

Бедная испуганная курочка тут же достала из корзинки свое сокровище и показала волку. И вот что произошло дальше: как только волк увидел бриллиант, он стал уменьшаться, причем так быстро, что через мгновение стал не больше блохи. Курочка поймала волка-карлика клювом и бросила в корзинку рядом с бриллиантом, после чего продолжила свой путь.

Вскоре она увидела, что тропинка упирается в ствол огромного дерева. Это был настоящий король дубов. Он доставал верхушкой до неба и был таким необъятным, что его не обхватила бы и сотня мужчин. Столетний дуб грубо пробасил:

— Куда ты спешишь, общипанная ворона?

— Иду сделать свадебный подарок своему мужу — королю, — любезно ответила маленькая курочка.

— Тебе не к чему так спешить, я сам подарю королю бриллиант. Да и разве сможет король на тебе жениться после того, как я тебя раздавлю? пригрозил дуб.

Маленькая курочка вновь достала драгоценный камень, и его сверкающие лучи попали на дуб. Гигант стал быстро уменьшаться и превратился в обычную былинку, которую курочка положила в свою корзинку.

Вскоре на ее пути возникла широкая река. Курочка долго искала мост, но так и не смогла найти.

— Речка-реченька, — попросила курочка с золотым гребешком, — пожалуйста, не спеши, помоги мне переплыть тебя.

— Вот еще, буду я останавливаться ради какой-то мокрой курицы. Я теку в моря и океаны, так что пошла вон, куда цела, — проворчала река.

Курочке ничего не оставалось делать, как достать свой волшебный бриллиант. Река становилась все уже и уже до тех пор, пока не стала капелькой росы.

Курочка прихватила с собой эту росинку и вновь пошла навстречу своей мечте. Она шла семь долгих дней и ночей и, наконец, появилась перед королевскими воротами. Стража, разумеется, ее остановила. Курочка объяснила им, что идет с подарком к королю. Стражники немедленно проводили ее во дворец и представили главному советнику короля, который, к сожалению, не смог разглядеть ни красивые перышки, ни белоснежную грудку, ни гребешок, отливающий золотом, а просто подумал, что королевская курица сбежала из курятника. Он хотел было приказать страже вернуть беглянку на место, но курочка поведала о бриллианте для обручального кольца короля.

Главный советник взял бриллиант и принес его королю.

— Кто же послал мне это сокровище? — удивился король.

— Смешная маленькая курица.

— Вот так раз, — рассмеялся король. — Поблаговари ее и верни в курятник.

Слуги немедленно выполнили приказ, схватили курочку и бросили в курятник, где ее чуть-было не заклевали гордые раскормленные королевские куры. К счастью, она вовремя вспомнила про волка:

— Спаси меня, маленький волк, и я сниму с тебя заклятье.

В ту же секунду волк выпрыгнул из корзины и стал расти. Вскоре он разнес вдребезги весь курятник и разогнал обидчиков.

Курочка как ни в чем не бывало вновь отправилась во дворец. Король разгневался и приказал бросить курочку в каменную тюрьму. Через мгновение курочка оказалась за решеткой. Тюрьма была такой тесной, что курочка с трудом могла двигаться, и такой темной, что с ней не могла бы сравниться даже самая черная ночь. Курочка загрустила, но вспомнила про уменьшенный дуб:

— Расти-расти быстрее, освободи меня, и я сниму с тебя заклятье.

Жалкая былинка сразу же превратилась в деревце, которое уперлось в потолок темницы и легко проломило крышу. Гигантский дуб превратил тюрьму в развалины.

После этого король велел поймать курочку и сварить из нее суп. Королевский повар развел огонь и бросил несчастную в кастрюлю. Вот тут-то курочке и пригодилась волшебная росинка:

— Речка-реченька, спаси меня, и я сниму с тебя заклятье.

Росинка превратилась в речку, залила огонь и хлынула по ступеням королевского дворца. По дворцу уже плавала королевская мебель, а вода все прибывала и прибывала. Король забрался на самую высокую башню и со страхом ожидал своей участи. Маленькая курочка оказалась на той же башне, и король наконец-то рассмотрел ее красоту: и золотой гребешок, и белоснежные перышки. Как жаль, что он не сумел познакомиться с ней раньше! Он сразу же влюбился в курочку.

Они сыграли пышную свадьбу и жили долго-долго в роскошном замке. У них было

много детей, потому что курочка несла каждый день по золотому яичку, из которых появлялись на свет хорошенькие принцы и принцессы.

ЮНОША И ИГОЛКА

Суданская сказка

Жил-был юноша, который был весел и беспечен, как и все мы были когда-то в его возрасте. Он каждое утро ходил на работу через дремучий лес.

— Как же ты ходишь безоружный через такую чащу? — не раз говаривал ему отец. — А если кто-нибудь нападет на тебя? Ведь у тебя нет даже иголки.

Но сын только посмеивался в ответ.

Однажды, возвращаясь с работы, он был окружен разбойниками и взят в плен. Тут-то он и вспомнил отцовские слова и воскликнул:

— О, если бы у меня была хоть иголка, вы бы со мной не справились!

Разбойники, услышав это, от души повеселились над его причитаниями, и их атаман, протянув юноше иголку, сказал:

— Ну вот, возьми свое оружие.

Юноша взял иголку и, делая вид, что рассматривает ее, закричал:

— Но она же сломана — у нее нет ушка!

— Не может быть, — возразил атаман и подошел поближе, чтобы посмотреть. А юноша, не растерявшись, с размаху воткнул ему в нос иголку. Разбойник не своим голосом заорал от боли. Он выпустил из рук оружие и схватился за нос, пытаясь вытащить иголку. Юноша, не теряя времени, подхватил ружье и перестрелял растерявшихся разбойников.

Вернувшись домой, он сказал отцу:

— Ты был прав. Сегодня целая шайка разбойников окружила меня, и маленькая иголка спасла мне жизнь.

Так даже самая обычная вещь становится страшным оружием в руках храбреца.

ВЕДЬМА ИЗ ФАЙФА

Шотландская сказка

Давным-давно жили-были в королевстве Файф старик и старуха. Старик был человек смиренный, кроткий, а старуха — ветреная, пустая бабенка. Так что иные их соседи даже косились на нее и говорили, будто она ведьма. Да и сам ее муж этого побаивался, потому что она, как ни странно, повадилась убегать из дому. Как только, бывало, на дворе станет темнеть, старуха словно сгинет, да так за всю ночь и не вернется домой. А утром придет бледная, усталая, будто ходила куда-то далеко или на тяжелой работе надрывалась.

Муж попытался было проследить, куда она ходит и что делает, да не смог. Она всякий раз ухитрялась выскочить за дверь, когда он в другую сторону смотрел. А как выскочит, так ее и след простыл. Никак не мог старик за ней уследить.

Наконец стало ему невтерпеж, и однажды он спросил ее напрямик: «Скажи, ведьма ты или нет?» А как услышал ответ, так у него вся кровь застыла. Ведь жена-то его, недолго думая, ответила, что да, она и вправду ведьма, и если он обещает никому про это не говорить, она расскажет ему, где пропадала. Ну, старик обещал, что никому ничего не разболтает. Очень уж ему хотелось узнать, где шляется его старуха.

Ждать ему пришлось недолго. Через неделю родился молодой месяц, а всем известно, что в новолуние-то ведьмы как раз и любят блуждать невесть где. И вот в первую же ночь новолуния старуха пропала. Вернулась она на рассвете.

Старик спросил у нее, где она была. А старуха залилась смехом и тут же рассказала ему про все, что с ней приключилось.

Оказывается, она встретила со своими четырьмя подругами у старой церкви, что на пустоши стоит. Там они сели верхом кто на лавровые ветки, кто на пучки болиголова, и те тотчас превратились в коней. Ведьмы помчались по горам и долам быстрее ветра и стали там гоняться за лисицами, ласками и совами. Потом переплыли реку Форт и поднялись на гору Бен-Ломонд. Там они спешили и принялись пить пиво, что варилось не в человеческой пивоварне. Пили они это пиво из роговых чаш, тоже не людьми сделанных.

А потом из-под громадного обомшелого камня выскочил малюсенький человечек с крошечной волынкой под мышкой и принялся играть, да так весело, что даже форели и те выплеснулись из озера под горой, а горностаи выбежали из своих норок. Откуда-то слетелись вороны и цапли, расселись в темноте на деревьях и тоже стали слушать. А ведьмы — те в пляс пустились и до того доплясались, что от усталости едва могли усидеть на своих конях, когда пришла им пора возвращаться. Уехать пришлось рановато, чтобы попасть домой до первых петухов.

Старик слушал старуху молча, только головой покачивал. А когда она кончила рассказывать, промолвил:

— На что тебе нужны все эти танцы-плясы? Сидела бы лучше дома! Дома-тс поспокойней будет.

Но вот снова настало новолуние, и старуха опять пропала на всю ночь. А когда наутро вернулась, рассказала мужу, что на сей раз ее подруги, и она с ними, — уселись в раковины и поплыли в них, как в лодках, по бурному морю. Плыли они, пока не пристали к берегам Норвегии. Там они сели верхом на невидимых коней, детищ ветра, помчались на них по

горам, и ущельям, и ледникам и наконец прибыли в Лапландию. Она была вся покрыта снегом.

Там эльфы, и феи, и морские девы Севера пировали с колдунами, домовыми, духами, и на пир этот явились даже сами охотники-призраки, а их ни один смертный не видел.

Ведьмы из Файфа тоже пировали со всеми прочими. Они ели, пили, плясали, пели и — самое главное — узнали от тамошней нечистой силы некие волшебные слова, или, по-другому сказать, наговор. Стоит только прошептать эти слова, как сразу взвѣшься в воздух, а потом перед тобой отомкнутся все замки и запоры, так что куда хочешь, туда и входи. Затем ведьмы из Файфа вернулись домой очень довольные.

Старик на это только проворчал:

— На что тебе нужно шляться в такие места? Лежала бы лучше дома, в своей постели, теплей было бы.

Но после того как старуха в третий раз пропала на всю ночь, ее рассказы задели старика за живое.

На этот раз она встретила с подругами в доме одной ведьмы, что жила по соседству. Они прослышали, что у карлайльского епископа есть винный погреб, а в том погребе хранится отменное вино. Ну, ведьмам и захотелось отведать этого вина, и вот как они до него добрались: ступит ведьма на крюк в камине — тот крюк, на какой котел вешают, когда похлебку варят, прошепчет наговор, какому научилась от эльфов в Лапландии, и... вот чудеса! Вылетит в трубу, точь-в-точь как дым вылетает. Ну, потом они все полетели по воздуху, словно клочья облаков, и вмиг домчались до дворца епископа в Карлайле.

Там все замки и запоры отомкнулись перед ними сами собой. Ведьмы проникли в винный погреб, отведали епископского винца и до первых петухов вернулись в Файф — совсем трезвые, степенные старушки — хмеля ни в одном глазу.

Как услышал про это старик, даже со стула вскочил, — ведь он больше всего на свете любил хорошее вино, а такое ему не часто доводилось пить.

— Ну, такой женой, как ты, гордиться можно, право слово! — вскричал старик. — Скажи-ка мне этот наговор, старуха, и я тоже туда слетаю — хочется мне попробовать епископского винца.

Но старуха только головой покачала.

— Нет, нет! Не могу, — говорит. — Тебе скажи, ты другим перескажешь, а тогда весь свет вверх тормашками полетит. Все свою работу побросают и полетят по миру шляться, в чужие дела нос совать да к чужим лакомствам подбираться. Так что ты уж лучше сиди смиренно, старик. Хватит с тебя того, что ты уже знаешь.

Как ни уламывал старик жену, как ни улещал, не захотела она открыть ему свою тайну.

Но он был старик хитрый, а вино епископа не давало ему покою. И вот он ночь за ночью стал прятаться в доме той старухи, где его жена с подругами своими встречалась. Долго ему пришлось их караулить, но наконец он дождался-таки своего часа.

Как-то раз вечером все пять подруг собрались в этом доме. Старухи тихонько болтали, хихикали, вспоминали про все, что с ними приключилось в Лапландии. Немного погодя они подбежали к камину. И вот — станет ведьма на стул, потом ступит на крюк, черный от сажи, пробормочет волшебные слова и... ну и чудеса! Старик еще дух перевести не успеет, а ведьмы уж и след простыл! Выпорхнула в трубу. И так все ведьмы улетели одна за другой.

«Ну, это и я могу!» — подумал старик. Ступил на крюк, прошептал наговор, вылетел в трубу и понесся по воздуху вслед за пятерыми ведьмами ни дать ни взять заправский колдун.

Ведьмы, когда летят, не оглядываются, потому они и не заметили, что старик следом за ними несется.

Но вот вся орава подлетела к дворцу епископа в Карлайле и спустилась в погреб. И тут только ведьмы увидели, что старик тоже прилетел сюда вслед за ними. Это им не очень-то понравилось. Но делать нечего! Пришлось им угощаться вместе.

И вот все они стали пробовать вино то из одной бочки, то из другой. Но ведьмы отпивали из каждой только по глоточку, лишнего не пили. Уж такие они были старухи, что никогда разума не теряли — помнили, что раз они должны вернуться домой до первых петухов, значит, надо, чтобы в голове не мутилось, и нельзя напиваться до бесчувствия.

Но старик был не такой разумный, как они. Он все пил да пил епископское вино, и, наконец, его одолела дремота. Он лег на пол и крепко заснул.

Увидела это его старуха и надумала его проучить, — в другой раз, мол, не будет соваться, куда не следует. И когда ведьмам настала пора убираться восвояси, старуха не стала будить мужа и улетела с подругами.

А старик спокойно проспал в погребе до утра. Но вот двое епископских слуг спустились в погреб, чтобы нацедить вина для своего хозяина, и в темноте чуть не упали, наткнувшись на спящего старика. Они очень удивились, да и не мудрено — ведь дверь в погреб была заперта на замок, и они ее сами отперли.

Тут слуги выволокли старика на свет божий и принялись его трясти и колотить, а когда наконец разбудили, стали спрашивать, как он сюда попал.

Бедняга до того напугался, а голова у него так закружилась, что он только и смог, что пробормотать:

— Я из Файфа... на полночном ветре прилетел...

Как услышали слуги эти слова, закричали: «Колдун! Колдун!» — и потащили старика к епископу. И надо сказать, что в те времена епископы до смерти боялись колдунов и ведьм. Ну, карлайльский епископ и приказал сжечь старика живым.

Бедный старик как услышал свой приговор, так от души пожалел, что не остался дома, в своей постели, а погнался за епископским вином. Но жалея не жалея — толку мало!

И вот слуги вытащили старика во двор, обмотали его цепью и привязали эту цепь к толстому железному столбу. А вокруг столба сложили большой костер и подожгли дрова.

Вскоре первый язычок пламени пробился между поленьями, и старик подумал: «Ну, теперь мне конец!» Ведь он начисто позабыл, что жена у него ведьма.

Но когда пламя уже принялось лизать стариковы штаны, в воздухе что-то затрепыхалось, зашелестело, и вдруг большая серая птица с распростертыми крыльями появилась в небе, камнем упала во двор и села на плечо к старику. В клюве серая птица держала красный ночной колпачок. И вот надела она колпачок старику на голову, что-то свирепо каркнула и улетела. А старику ее карканье показалось краше самой прекрасной песни. Ведь это не простая птица каркнула, это его жена наговор ему шепнула.

Как услышал он ее шепот, подпрыгнул от радости и громко выкрикнул волшебные слова. Тут цепи с него свалились, и он взвился в воздух.

Люди, что собрались на площади, прямо онемели от удивления. А старик и не подумал проститься с жителями Карлайла — он летел все выше и выше, прямехонько в королевство Файф, и вскоре прилетел домой целый и невредимый.

И он уже больше никогда не старался выпытывать женины тайны. Оставил ее в покое, — пусть, мол, делает, что хочет.

ДЕВУШКА-БЕЗРУЧКА

Немецкая сказка

Начал один мельник все беднеть и беднеть, и осталась у него одна только мельница да позади нее большая яблоня. Вот отправился он раз в лес дрова рубить, и подошел к нему старик, которого он еще ни разу не видывал, и говорит:

— Полно тебе с топором возиться, я сделаю тебя богачом, если пообещаешь мне отдать то, что позади твоей мельницы.

«Пожалуй, это он о яблоне говорит», — подумал мельник, согласился и отписал ее незнакомцу. А тот злобно захохотал и сказал:

— Смотри ж, спустя три года я явлюсь к тебе и возьму то, что мне принадлежит. — С этим он и ушел.

Воротился мельник домой, встречает его жена и говорит:

— Скажи, муженек, откуда это вдруг явилось у нас в доме такое богатство? Все сундуки и закрома полным-полны, а никто ничего не приносил, и я не знаю, как это получилось.

Говорит мельник:

— Да это все от одного незнакомца, которого я повстречал в лесу; он пообещал мне большие богатства, а я ему отписал то, что находится за мельницей, — большую яблоню можем мы, пожалуй, и отдать.

— Ах, муженек, — с ужасом воскликнула мельничиха, — да ведь это же был сам черт! Он не о яблоне говорил, а о нашей дочери, ведь это она стояла за мельницей и подметала двор.

Дочь мельника была красавица и к тому же скромница. Три года она жила в страхе Божием и не знала греха. Срок между тем прошел, и настал день, когда черт пришел за ней. Она чисто умылась и очертила вокруг себя мелом круг. Явился он спозаранку, но не мог никак к ней приблизиться. И, разгневавшись, он сказал мельнику:

— Чтоб она больше не умывалась, не давай ей воды, а то не будет у меня над ней никакой силы.

Испугался мельник и исполнил приказание. На другое утро снова явился нечистый, но девушка омыла руки слезами, и они были совершенно чистые. И опять не мог он к ней приблизиться и говорит, разгневавшись, мельнику:

— Отруби ей руки, а то мне никак с нею не совладать.

Ужаснулся мельник и говорит:

— Да как же мне отрубить руки своему родному детищу?

Но черт ему пригрозил:

— Если ты этого не сделаешь, я тебя самого утащу.

Испугался отец и пообещал его послушаться.

Пришел к девушке и говорит:

— Доченька, если я не отрублю тебе обе руки, то уведет меня черт с собой. Я со страху обещал ему это сделать. Помоги мне в моей беде и прости меня за все зло, что я тебе причиню.

— Милый батюшка, — ответила она, — делай со мной, что хочешь, я твоя дочь. — И она протянула ему свои руки и дала их отрубить. В третий раз явился черт, но она так долго

и сильно плакала, что слезы омыли ее обрубленные руки, и они были совсем чистые. Пришлось черту отступить, и он потерял над ней всякую власть.

Вот мельник и говорит ей:

— Это благодаря тебе я получил такое большое богатство, и я обещаю всю жизнь тебя лелеять и за тобой ухаживать.

Но она ему ответила:

— Нет, я здесь не останусь, я хочу уйти; добрые люди мне помогут в чем надо. — Потом попросила она привязать ей к спине отрубленные руки и, только стало всходить солнце, двинулась в путь-дорогу.

Шла она целый день до самой ночи. И подошла наконец к королевскому саду и увидела при лунном сиянии, что все деревья усыпаны прекрасными плодами, но попасть в этот сад она не могла: он был весь окружен рвами с водой. А шла она целый день, и с утра не было во рту у нее ни крошки, и мучил ее голод; и она подумала: «Ах, если бы мне попасть в этот сад и поесть немного плодов, а то пропадать придется». Вдруг явилась дева в белой одежде, заперла плотиной воду и провела ее по сухому рву. Пришла она в сад, и шла следом за ней дочь мельника. Увидела она дерево с плодами: были то прекрасные груши, но все они были на счету. Подошла она и откусила с дерева грушу, чтоб утолить свой голод, не больше.

Увидел садовник девушку, но так как с нею была дева, то он испугался, что это привидение, и не сказал ей ни слова, не крикнул и не заговорил с ней. Она съела грушу, насытилась, ушла и спряталась за кустом.

На другое утро пришел король, которому принадлежал этот сад, и стал считать плоды, видит — одной груши недостает, и он спросил у садовника, куда она делась.

Ответил ему садовник:

— Прошлую ночь явилось сюда привидение, было оно безрукое и откусило грушу прямо с дерева.

Король спросил:

— А как же оно пробралось через воду? И куда ушло, съев грушу?

Садовник ответил:

— Кто-то явился в белоснежном одеянии и запер плотиной воду, чтоб могло привидение перейти через ров. Я подумал, уж не ангел ли это, и побоялся его окликнуть и спросить. Съев грушу, привидение куда-то исчезло.

Король сказал:

— Если это так, как ты говоришь, я останусь эту ночь сторожить вместе с тобой.

Когда стемнело, король явился в сад и привел с собою священника, чтобы тот поговорил с привидением. Сели все трое под деревом и стали сторожить. В полночь девушка вышла из-за куста, подошла к дереву и снова съела с него грушу. Вышел тогда священник и спросил:

— Ты послан Богом или ты простой человек? Ты дух или кто?

Она отвечала:

— Я вовсе не дух, а всеми покинутая девушка.

— Если ты всеми покинута, — сказал король, — то я тебя не оставляю. И он взял ее с собой в королевский замок. А так как была она красивой и скромной, он полюбил ее и велел сделать ей серебряные руки и женился на ней.

Прошел год, и вот пришлось королю идти на войну, и он оставил молодую королеву на попечение своей матери и сказал:

— Если ей придется рожать, ухаживайте за ней как следует да напишите мне тотчас об

ЭТОМ ПИСЬМО.

И вот она родила прекрасного сына. Написала мать королю грамотку и послала гонца с радостной вестью. Но посланец лег по пути у ручья отдохнуть и, устав с долгой дороги, уснул. А тут явился черт, который всегда замыслил зло против доброй королевы, и подменил письмо другим; было написано в нем, что родила, мол, королева на свет оборотня.

Прочитал король письмо, ужаснулся, сильно запечалился, но все же в ответ написал, чтоб ухаживали за королевой как следует и берегли ее до его возвращения. Посланец отправился с этим письмом назад, но в пути прилег отдохнуть на том самом месте и уснул.

И явился опять черт и подсунул ему в карман другое письмо, а написано в нем было, чтоб королеву вместе с ее ребенком убили. Получила это письмо старая мать-королева, ужаснулась и, не поверив письму, написала еще раз королю, но ответа не получила, оттого что черт всякий раз подсовывал посланцу ложные письма, а в последнем письме было сказано, чтобы в знак исполнения приказа сберегли язык и глаза королевы.

Заплакала старая мать-королева, что должна пролиться ни в чем не повинная кровь, и велела привести ночью самку оленя, вырезала ей язык и глаза и спрятала их. А молодой королеве сказала:

— Я не могу приказать, чтоб тебя убили, как это велел король, но дольше здесь тебе оставаться нельзя. Ступай со своим ребенком куда хочешь и назад не возвращайся.

Привязала она ей ребенка на спину, и бедная женщина ушла с заплаканными глазами из замка. Пришла она в темный, дремучий лес, стала на колени и начала Богу молиться.

Вдруг явился к ней ангел и привел ее к какой-то избушке, и была прибита на ней небольшая табличка: «Здесь всякий живет свободно». И вышла из этой избушки белоснежная дева и сказала:

— Добро пожаловать, госпожа королева! — И ввела ее в дом. Потом она отвязала со спины ее маленького сына, приложила его к груди, чтобы та его покормила, и положила его спать в красивую постельку.

И спросила бедная женщина:

— Откуда ты знаешь, что я была королевой?

Ответила белая дева:

— Я послана хранить тебя и дитя.

Прожила она в избушке семь лет, и заботились там о ней хорошо, в благодарность за ее кротость и доброту у нее снова отросли руки.

Наконец король вернулся домой из похода, и первое, что ему захотелось, — это увидеть жену и ребенка. Заплакала старая мать короля и сказала:

— Ты, злой человек, зачем написал мне, чтоб я загубила две ни в чем не повинные души? — И она показала ему оба письма, подделанные чертом, и добавила: — Я поступила так, как ты велел, — и показала ему в доказательство язык и глаза самки оленя.

Горькими слезами стал оплакивать король свою жену и сыночка, и сжалилась тогда над ним старая мать и сказала:

— Успокойся, она жива. Я велела тайком убить самку оленя и сохранила в доказательство ее глаза и язык, а твоей жене я привязала на спину ребенка и велела ей идти куда глаза глядят по белу свету и взяла с нее обещание никогда не возвращаться сюда, так как ты был на нее так гневен!

И сказал король:

— Я пойду повсюду, где есть только синее небо, и не буду ни есть, ни пить, пока не

разыщу своей любимой жены и ребенка, если они еще не погибли или не умерли с голоду.

Отправился король в дорогу и скитался почти целых семь лет, ища их повсюду — среди ущелий и в горных пещерах, но, не найдя их, решил, что они погибли. Он не ел и не пил за все это время ни разу, но надежды поддерживали его силы.

Наконец он попал в дремучий лес и набрел на маленькую избушку, и была на ней прибита табличка: «Здесь всякий живет свободно». Вышла оттуда белая дева, взяла его за руку, ввела в избушку и сказала:

— Добро пожаловать, мой король. Откуда пришел ты?

Он ответил:

— Вот скоро уже семь лет, как я скитаюсь по свету, ищу жену и ребенка, но найти их нигде не могу.

Дева предложила ему поесть и напиться, но он отказался и пожелал только немного отдохнуть. Он лег спать и накрыл лицо платком.

И явилась дева в комнату, где сидела королева со своим сыном, которого она называла всегда Горемыкой, и сказала ей:

— Выйди с ребенком, явился твой муж.

Она вышла в комнату, где он лежал, и упал платок с его лица. И она сказала:

— Горемыка, подними платок своего отца и прикрой ему снова лицо.

Ребенок поднял платок и прикрыл им лицо своему отцу. Услыхал это король сквозь сон и сбросил платок. И сказал мальчик:

— Милая матушка, как я могу прикрыть лицо своему отцу, если нет его у меня на свете? Ведь ты же мне говорила, что отец мой на небе. А такого странного человека я совсем не знаю. Он вовсе не мой отец.

Услыхал его король, поднялся и спросил, кто она такая.

И она ответила:

— Я твоя жена, а это твой сын — Горемыка.

А он увидел ее живые руки и сказал:

— У моей жены руки были серебряные.

Но она ответила:

— Руки у меня по воле Господней отросли снова.

И вошла в комнату дева, принесла серебряные руки и показала их ему. И только тогда он убедился, что это его возлюбленная жена и любимый ребенок, он поцеловал их, обрадовался и сказал:

— Точно тяжелый камень свалился с моего сердца.

Накормила их добрая дева еще раз всех вместе, и они отправились домой к своей старой матери. И была повсюду великая радость, а король и королева устроили еще раз свадебный пир и прожили счастливо и радостно до самой смерти.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

Русская сказка

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою, за его честное поведение приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею.

Простился солдат со своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить и себя, и лошадь, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. «Ну-ка, — думает, не заехать ли туда, авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь, да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе и вина и яства, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь, думает, — и соснуть можно!»

Вдруг входит медведица:

— Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не дикая медведица, а красная девица — заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился, медведица ушла, и остался он один. Вмиг напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше — тем сильнее; если б не вино, кажись бы, одной ночи не выдержал!

На третьей сутки до того дошло, что решил солдат бросить все и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался — не нашел выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться.

Переночевал и третью ночь, поутру является к нему королевна красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени задумался солдат о своей родной стороне, захотел там побывать, королевна стала его отговаривать:

— Оставайся, друг, не ездь, чего тебе здесь не хватает?

Нет, не смогла отговорить. Прощается она с мужем, дает ему мешочек сполна семечком насыпан, и говорит:

— По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья вырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать.

Сел добрый молодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу, где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса поднимаются; так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котел висит, хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит.

«Экое диво! — подумал солдат. — Огня не видать, а варево в котле так и бьет ключом,

дай поближе взгляну». Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам:

— Здравствуйте, господа честные!

А того и невдомек, что это не купцы, а все нечистые.

— Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть.

Вынул из мешка одно зернышко и бросил наземь — в ту же минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки сказывают. По той похвальбе узнали его нечистые.

— Ах, — говорят меж собой, — да ведь это тот самый, что королеву избавил, давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит.

Принялись его угощать и опоили волшебным зельем, солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном; а купцы, караван и котел вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королева в сад погулять; смотрит — на всех деревьях стали верхушки сохнуть. «Не к добру! — думает. — Видно, с мужем что худое приключилось! Три месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нет!»

Собралась королева и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают.

Доезжает до того места, где деревьев не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь — стоит в сторонке такое же чудное дерево и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить — нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавами колола, колола — он и боли не чувствует, точно мертвый лежит — не ворохнет. Рассердилась королева и в сердцах проклятье промолвила:

— Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило в неизвестные страны занесло!

Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем унесло из глаз королевы.

Поздно одумалась королева, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинешенька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство, и бросило на косе промеж двух морей, упал он на самый узенький клинышек — направо ли сонный оборотится, налево ли повернется — тотчас в море свалится, и поминай как звали!

Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул, а как проснулся — сразу вскочил прямо на ноги, смотрит — с обеих сторон волны поднимаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?»

Пошел по косе и вышел на остров; на том острове — гора высокая да крутая, верхушкой до облаков хватает, а на горе лежит большой камень.

Подходит к этой горе и видит — три черта дерутся, кровь с них так и льется, клочья так и летят!

— Стойте, окаянные! За что вы деретесь?

— Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чудные вещи: ковер-самолет, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем.

— Эх вы, проклятые! Из таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю, все будете довольны, никого не обижу.

— А ну, земляк, раздели, пожалуйста!

— Ладно! Бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сто пудов и несите сюда.

Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату.

— Теперь притащите из пекла самый большой котел.

Черти приволокли большущий котел — бочек сорок войдет! — и поклади в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котел на гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили.

— Ну-ка, — говорит солдат, — пихните теперь вон этот камень, пусть он с горы катится, а вы трое за ним вдогонку приударьте: кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех диковинок, кто второй догонит, тот из двух остальных бери, какая покажется, а затем последняя диковинка пусть достанется третьему.

Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко, бросились все трое вдогонку, вот один черт нагнал, ухватился за камень — камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко к смоле!

Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке, входит, а в избушке сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королевну?

— Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя средняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет.

Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет, чего только душа пожелает, на ковер — и летит дальше.

Прилетает к другой избушке, входит — там сидит баба яга костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королевну?

— Нет, голубчик, не знаю; поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя старшая сестра, может, она ведает.

— Эх ты, старая хрычовка! Сколько лет на свете живешь, все зубы повываливались, а доброго ничего не знаешь.

Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец, прилетел на край света, стоит избушка, а дальше никакого ходу нет — одна тьма кромешная, ничего не видать! «Ну, — думает, — коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!»

Входит в избушку — там сидит баба-яга костяная нога, седая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королевну?

— Подожди немножко, вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом, вдруг со всех сторон поднялись-повеяли ветры буйные, только изба трясется!

— Тише, тише! — кричит баба-яга.

И как только собрались ветры, начала их спрашивать:

— Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королевну?

— Нет, нигде не видали! — отвечают ветры в один голос.

— Да все ли вы налицо?

— Все, только южного ветра нет.

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха:

— Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!

— Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королевна; муж у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царевичи, короли и королевичи.

— А сколь далеко до нового царства?

— Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я повею — в три часа доставлю.

Солдат начал со слезами молить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство.

— Пожалуй, — говорит южный ветер, — я тебя донесу, коли дашь мне вволю погулять в твоём царстве три дня и три ночи.

— Гуляй хоть три недели!

— Ну, хорошо, вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь.

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату:

— Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся, да смотри — не бойся: цел будешь!

Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королевна.

Говорит ему южный ветер:

— Прощай, добрый молодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоём царстве.

— Что так?

— Потому — если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется; все вверх дном поставлю!

— Ну, прощай! Спасибо тебе! — сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками; а как он явился, тотчас ожили и начали цвести.

Входит он в большую комнату, там и сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королевну свататься, сидят да сладкими винами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет — солдат тотчас хватъ кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королевна в ту ж минуту догадалась. «Верно, — думает, — мой друг воротился!»

Посмотрела в окно — в садах на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать:

— Была у меня шкатулочка самодельная с золотым ключом; я тот ключ потеряла и найти не чаяла, а теперь тот ключ сам нашелся. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду.

Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые

головы, а разгадать никак не могли. Говорит королева:

— Покажись, мой милый друг!

Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные.

— Вот вам и разгадка! — сказала прекрасная королева. — Самодельная шкатулочка — это я, а золотой ключик — это мой верный муж.

Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королева стала со своим мужем жить-поживать да добра наживать.

ПЕТУХ И КУРОЧКА

Греческая сказка

Отправились однажды петух и курочка в лес за вкусными лесными орешками. По пути петух сказал:

— Если мы найдем орех, то разделим его пополам.

— Ну конечно же, — согласилась курочка.

Вскоре она нашла орешек и разделила его на две половинки. Одну отдала петуху, другую оставила себе. Петух был ужасно жадный. Он побыстрее съел свою долю и, пока курочка отвернулась, схватил и ее половинку. Но кусочек орешка застрял у него в горлышке. Крикнул петушок курочке:

— Быстрее принеси мне воды, иначе я умру! — Курочка бросилась к колодцу за водой.

— Пожалуйста, колодец, дай мне воды для петушка, иначе он умрет, потому что кусочек орешка застрял у него в горлышке.

Но колодец ответил:

— Я дам тебе воды, если ты принесешь мне платок от швеи.

Курочка побежала к швее.

— Швея, дай мне, пожалуйста, платочек для колодца, а он даст мне воды для петушка, иначе он умрет, потому что подавился орешком.

Швея ответила:

— Я дам тебе платочек, если ты принесешь мне башмачки от сапожника.

Курочка побежала к сапожнику.

— Сапожник, сапожник! Дай мне, пожалуйста, башмачки для швеи. Она даст мне платочек для колодца, а он даст мне воды для петушка, иначе он умрет, потому что подавился орешком.

Сапожник ответил:

— Принеси мне щетины от свиньи, и я дам тебе башмачки для швеи.

Курочка побежала к свинье.

— Свинья, свинья! Дай мне, пожалуйста, щетины для сапожника. Он даст мне башмачки для швеи, она даст мне платочек. Я отнесу платочек колодцу, а он взамен даст мне воды для петушка, потому что он подавился орешком и может умереть.

— Я дам тебе щетины, если ты принесешь мне помоев от повара.

Курочка побежала к повару.

— Повар, повар! Дай мне, пожалуйста, помоев для свиньи. Она даст мне щетины для сапожника. Сапожник даст башмачки для швеи, швея подарит платочек для колодца, а он даст мне воды для петушка, иначе он умрет, потому что подавился орешком.

— Я дам тебе помоев, если ты принесешь мне молока от коровы.

Курочка побежала к корове:

— Коровушка, коровушка! Дай мне, пожалуйста, молочка. Я отнесу его повару, он нальет мне помоев для свиньи. Она даст мне щетины для сапожника, а он подарит мне башмачки для швеи, которая отдаст мне платочек, который я должна буду отнести колодцу, чтобы он дал мне воды для петушка, который может умереть, поскольку подавился орешком.

— Я дам тебе молочка, если ты принесешь мне травы с полянки.

Курочка побежала на поляну.

— Поляна, поляна! Дай мне, пожалуйста, травки для коровы. Она даст мне молочка, я отнесу его повару. Он нальет мне помоев для свиньи. Свинья даст мне щетины для сапожника, он подарит мне башмачки для швеи, она отдаст мне платочек для колодца. А колодец даст воды напиться петушку, потому что у него в горлышке застрял орешек.

— Я дам тебе травки, если ты принесешь мне росы с неба.

Курочка подняла вверх головку и закричала:

— Небо, небо! Дай мне, пожалуйста, росы для поляны. Она даст мне травы для коровы, которая даст мне молока для повара, он нальет мне помоев для свиньи. Свинья даст мне для сапожника щетины, а он подарит мне башмачки. Я отнесу башмачки швее, и она отдаст мне платочек для колодца. А он разрешит мне набрать водицы для бедного петушка, который может умереть, потому что в его горлышке застрял орешек.

Небу стало жалко петушка, и оно дало росу поляне. Поляна разрешила курочке нарвать травы, и она побежала к корове. Корова съела душистую траву и дала курочке молочка. За молоко повар налил для свиньи помой. Свинья дала щетину, сапожник за щетину подарил курочке башмачки для швеи. Довольная обновкой, швея отдала курочке платочек. За платочек колодец дал курочке воды, и она принесла ее петушку. Петушок выпил воду, орешек проскочил, и радостный петушок закричал:

— Кукареку, кукареку! Я могу опять петь свои песни.

С этого дня петух перестал быть жадным и всем делился с курочкой.

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА АЛАМАРАЙ

Персидская сказка

В стране Йемен жил падишах, прекрасный и справедливый, исполненный совершенства. Страна его процветала, подданные благоденствовали и были покорны ему, а звали его Фарманрава. У него была дочь, прославившаяся своей красотой и совершенством, умом и знаниями. Красота ее затмевала даже солнце. Она была остроумна, познала тайны всех наук, была мудра, как Эфлатун. Звали ее Аламарай. Отец очень любил ее и ни в чем ей не отказывал. Все в гареме от мала до велика подчинялись ей, и никто не смел прекословить ее воле.

У царевны была прекрасная кобыла, при виде которой живописцы всего света кусали пальцы от удивления и воздавали хвалу Творцу, создавшему такое великолепное животное. Отец доверял дочери, посему подарил ей эту кобылу, и она сама объезжала ее.

Однажды падишах поехал с большой свитой на охоту, а все дела вместе с ключами от казны поручил Аламарай. Но, как известно, где зависть, там и коварство. В груди завистниц запылало пламя, зависть в них заговорила, и все обитательницы гарема собрались в одном месте и загалдели:

— Наши отцы тоже были шахами и украшали своей справедливостью мир. В своих странах мы не знали недостатка ни в чем, а теперь должны подчиняться этой девчонке. Пока она жива, не знать нам покоя!

И порешили они тогда написать письмо падишаху, а написав, отправили. «О падишах, — говорилось в письме, — с тех пор, как ты направил повод своего коня на охоту и оставил взрослых и детей в гареме на попечение своей дочери, все мы молимся о твоём благополучном возвращении, кроме твоей дочери Аламарай, которая проводит дни и ночи в пирах и веселье и не печется ни о тебе, ни о нас. Того и гляди, она опозорит тебя на весь мир».

Прочитав письмо, падишах пришел в ярость и отправил в столицу послов с приказом казнить свою дочь. Придворные, получив такой приказ, вошли к Аламарай, завернули ее в циновку, потом разожгли огонь и уже собирались было бросить ее туда. Но ее кобыла, услышав шум во дворце, сорвалась с привязи, выскочила из конюшни и увидела, что царевну собираются бросить в огонь. Она громко заржала и понеслась прямо на придворных, так что те бросили царевну и разбежались. Когда никого не осталось, кобыла сказала Аламарай:

— О царевна, надень на себя мужские одежды, оседлай меня и беги из этого города, ибо недобро тебе здесь. Ты достойна иной жизни, а эти завистницы погубят твою красоту. Так не медли же, а не то лишишься жизни.

Царевна послушалась ее, облачилась в мужские одежды, повесила на пояс меч, взобралась на кобылу и выехала из города.

Несколько дней она ехала по пустыне. Потом доехала до холма, поднялась на него, и ее взору открылся большой город. Она решила побывать в этом городе. Как раз в это время сын шаха той страны (а звали его Санджар) выехал на охоту, заметил издали незнакомца и подскакал поближе. Подъехав, он увидел стройного юношу необыкновенной красоты. Незнакомец понравился сыну шаха, и он стал расспрашивать его.

— Мой отец, — отвечала Аламарай, — был купцом, но разбойники разграбили его

караван, а его самого убили. Я же спасся на этом коне. Вот уже несколько дней, как я скачу, не зная сам куда, и судьба забросила меня в эти края.

Санджар пригласил незнакомца к себе во дворец и сказал:

— Будь моим другом, и у тебя будет все, что захочешь. Отец очень любит меня и дал мне полную свободу. Ты станешь моим другом на всю жизнь, я ничего не пожалею ради тебя.

Царевна в знак согласия кивнула головой, они вдвоем въехали в столицу и вошли во дворец сына шаха. Тот приказал приготовить для нового друга лучшую комнату. И они стали дружить и большую часть времени проводить вместе.

Так прошло некоторое время. Временами Санджара смущали взгляды и улыбки нового друга, и ему казалось, что это не юноша, а девушка. Его стали одолевать муки сомнения, и он лишился покоя.

Тогда Санджар пошел к своей матери и поделился с ней своими мыслями.

— О мать, — стал жаловаться он, — в моем новом друге я вижу все больше женских черт. Если бы я знал точно, что это девушка, то не пожалел бы жизни ради нее. Но я скрываю свои сомнения, а он также ничего не говорит мне. Так придумай ты, как бы мне точно узнать это.

— О сын мой, — ответила ему мать, — иди вместе с ним на базар и пройдишь по рядам, если он будет обращать внимание ни товары, необходимые женщине, то он девушка, а если же будет смотреть на товары для мужчин, то он мужчина.

Царевичу понравился совет матери. Он пришел к Аламарай и сказал:

— Пойдем на базар, купим себе что-нибудь.

Они вдвоем пошли на базар и вошли в лавку, где продавались гребни. Аламарай и виду не подавала, что они ей понравились, и сказала:

— О сын шаха, уйдем отсюда, не мужское дело разглядывать женские безделушки.

Оттуда они пошли в лавку, где продавались луки со стрелами. Аламарай выбрала себе царский лук и стрелы. Санджар глубоко вздохнул и пришел к заключению, что его новый друг действительно мужчина.

Когда они вернулись во дворец, Санджар пошел к своей матери и рассказал ей, как они ходили на базар.

— О сын мой, — ответила ему мать, — выкинь из головы все сомнения и откажись от своей пустой мечты.

Поневоле он смирился. Но прошло еще несколько дней, и ему снова показались подозрительными некоторые слова и поступки Аламарай. Он пошел к матери и сказал:

— О моя возлюбленная мать, эта кокетка похитила своими уловками мое сердце, она не обращает на меня никакого внимания и скрывает от меня свою тайну. Я решился спросить у нее напрямик, кто она...

— О сын мой, — посоветовала ему мать, — скажи, что у тебя есть возлюбленная и ты идешь на свидание. Пригласи своего нового друга с собой. Если он отправится с тобой на свидание, то он, несомненно, мужчина. Если же будет отговаривать тебя, то знай: это девушка, и тогда можешь признаться ей в любви.

Царевич немедленно отправился к Аламарай и сделал, как советовала ему мать.

— Я буду твоим другом во всех твоих делах, — ответила она.

Когда настала ночь, они вместе вышли из дома и пришли на базар. Сын шаха убедился, что его новый друг спокойно следует за ним. И он решил, что его новый друг мужчина.

Прошло еще несколько дней, и муки сомнения вновь стали терзать царевича. В его груди полыхало пламя любви, он ничего не мог с собой поделать и снова пошел к матери и стал жаловаться.

— О сын мой, — посоветовала та ему на этот раз, — устрой сегодня ночью пир и напой своего нового друга до беспамятства. Когда же он будет спать, действуй посмелей.

Царевич пришел к Аламарай и предложил:

— Давай сегодня устроим пир и будем пить вино.

Аламарай согласилась, а когда настал вечер и начался пир, она пошла к своей кобыле и стала советоваться.

— О подруга, — говорила она, — сын шаха этой ночью устраивает пир. Я боюсь опьянеть, ведь я могу забыться, и тогда он узнает, кто я.

— О дочь моя, — ответила кобыла, — возьми один мой волосок, спрячь под языком и не беспокойся ни о чем. Если ты выпьешь даже тысячу чар вина, то и тогда ничего не почувствуешь.

Аламарай вырвала волосок у кобылы, положила его под язык и вернулась на свое место. Чашу с вином пустили по кругу. А царевна сколько ни пила, ни капельки не пьянела. Санджар смотрел на нее, и сердце его обливалось кровью. И тогда он вознес к Аллаху пылкую молитву, и молитва была услышана. Царевна чихнула, конский волосок выпал у нее изо рта, и она сразу опьянела и впадала в беспамятство. Тогда Санджар поблагодарил Аллаха, снял с ее головы шапку и увидел, что ее волосы ниспадают до самого пояса. Вне себя от радости, он побежал к матери и рассказал ей обо всем.

Аламарай же привели в чувство, и она, видя себя в таком состоянии, устыдилась и опустила голову, а сын шаха стал упрекать ее:

— О жестокая, почему ты скрывалась от меня? Клянусь Аллахом, я не встречал еще такой немилосердной, как ты.

Аламарай смирилась перед судьбой и согласилась стать его женой. Город оделся в праздничный наряд. Их сочетали браком, и царевич достиг того, чего желал. Шах, узнав, что новый друг сына оказался девушкой и что сын женился на ней, отказался от престола и уступил царство своему сыну, а сам посвятил остаток жизни Аллаху. А молодой шах правил, советуясь во всем со своей женой, которой не было равных на свете по мудрости. Страна стала процветать, народ благоденствовать.

Прошел год. Они проводили свою жизнь весело, в приятных беседах и развлечениях. Санджар перестал интересоваться другими женщинами и не обращал внимания ни на одну красавицу. Его прежние наложницы и возлюбленные, вкусившие его ласки, загорелись пламенем ревности. Кровь в их жилах закипела. Все они собрались и стали говорить:

— Мы служили ему, как рабыни, целую жизнь и в конце концов заслужили черную неблагодарность, он бросил нас.

— Что же это такое! — воскликнула одна. — Пока эта пришелица будет жива, он не захочет знать никого из нас. Давайте напишем Санджару: «Хотя ты и опутан ее локонами, она думает не о тебе. Она предпочитает другого». А вы все подтвердите, что видели это своими глазами, и тогда он убьет ее.

Все согласились с ней и разошлись по своим комнатам. Когда шах вернулся с охоты, они собрались, написали письмо и подкинули его Санджару. Едва тот прочитал письмо, свет померк в его глазах. Кого он ни спросит, от всех слышит то же самое. Тогда он приказал разжечь костер и бросить в него Аламарай. Невольницы прибежали к Аламарай, схватили

ее, потащили и уже собирались бросить в костер, как к ним подскакала кобыла и разогнала всех. Царевна вскочила на кобылу и ускакала в пустыню.

— О дочь моя, — сказала кобыла, — я отвезу тебя в такое место, куда еще не ступала нога человека.

Они ехали целый месяц и прибыли наконец к реке. Кобыла вошла в воду и сказала:

— Держись.

Вскоре показалась еще одна река, но кобыла перепрыгнула через нее. Так они перешли шесть больших рек. И тогда кобыла сказала:

— О царица, теперь перед нами самая широкая река, но мы и ее перескочим. После этого ты распори мне живот, вытащи мои кишки и повесь их на колючки. Ночью поспи там, а утром жди, что решит Бог. К тебе явится старец, расспроси его обо всем.

И вот они перешли седьмую реку, и кобыла упала на самом берегу. Царевна отошла в сторону и ждала, пока та не скончалась. Тогда она со слезами на глазах и болью в сердце подошла к кобыле, распорола ей живот, вынула кишки, развесила на кустах, легла в сторонке и провела ту ночь в большом горе. Утром, открыв глаза, она увидела дворец и огромный город. Жители этого города весело и беспечно занимались своими делами, и шум их голосов поднимался до самого неба. Они все подошли к ней, из их числа вышел вперед старец, поклонился ей до земли, вознес молитву и наконец сказал:

— О царица, о ты, которой нет равных во всем мире по красоте, вставай и иди к трону, который мы поставили ради тебя. Садись и царствуй по справедливости. Этот народ пришел приветствовать тебя и выразить тебе свою покорность. Управляй этим царством и не думай о недостойных людях. Я буду выполнять твои приказы.

Аламарай вместе со старцем пошла к трону и села, а люди приходили толпами и падали ниц перед ней и возносили за нее молитвы.

Когда настала ночь, она вошла в гарем и увидела невольниц, которые проводили время в пирах и веселье. А старец сказал ей:

— Сюда никто не смеет войти без твоего разрешения.

Вокруг нее выстроились слуги в роскошных нарядах, усыпанных драгоценными камнями. Когда слуги ушли, Аламарай попросила старца:

— О отец, расскажи мне, что это значит? Моему удивлению нет предела.

— О дочь моя, — ответил ей старец, — да будет тебе известно, что кобыла, которая служила тебе всю жизнь, была пери, и ей были подвластны все страны. Однажды во время прогулки она увидела тебя, полюбила и отказалась от всего. Сколько ни отговаривали ее родные, все было бесполезно, и наконец на нее махнули рукой и оставили в покое. Она превратилась в кобылу и стала служить тебе, предостерегать тебя от всяких опасностей. Привезя тебя в эти края, она послала гонца к своим родственникам, которые все время не теряли ее из виду. Она попросила их воздвигнуть на этом месте город, созвав мастеров со всех стран мира. Она велела избрать тебя царицей этой страны. Когда ты развесила ее кишки по кустам и заснула, то за одну ночь возник этот самый город, и власть в нем передана тебе. Все ее родичи ушли, а я теперь поручаю тебя Аллаху.

С этими словами старец скрылся.

Прошла ночь, настало утро, Аламарай пошла по дворцу и увидела, как много в нем золота, драгоценных камней и иных сокровищ. Потом она воссела на трон, а на прием к ней явились толпы людей и пали перед ней ниц. Она стала управлять страной и начала жить так, как жила во дворце отца. А надо сказать, что она была беременна от царевича Санджара

и родила в положенный срок мальчика, прекрасного, как полный месяц, какого никогда еще мать-судьба не выращивала в цветнике вселенной. Аламарай была несказанно рада такому красивому мальчику и посвящала ему все свое время.

Между тем после того, как царица ускакала на кобыле, жены шаха успокоились и собрались около Санджара. Они болтали о том о сем, но убедились, что Санджар тоскует, и вынуждены были оставить его. А тоска Санджара росла с каждым днем, он уже раскаялся в содеянном, но теперь ему оставались только сожаления.

Однажды ночью Санджар, мучимый беспокойством и бессонницей, поднялся на крышу дворца, потом спустился во двор и услышал невзначай, как одна невольница говорила другой:

— Как жаль! Жены погубили своим коварством Аламарай, но так ничего и не добились, Санджар знать никого не хочет!

Услышав их разговор, Санджар потребовал от невольниц раскрыть ему всю правду. Тем ничего не оставалось, как признаться во всем, и они со всеми подробностями поведали ему, как жены оклеветали царицу, потому что не могли ничего больше придумать, чтобы вернуть его расположение.

— А царица была ни в чем не виновата, — заключили они.

Тогда Санджар отправился в свои покои и велел созвать всех жен и наложниц.

— Скажите правду, — обратился он к ним, — в чем была вина Аламарай?

Догадавшись, что все раскрылось, жены вынуждены были признаться.

— Мы не видели с твоей стороны никакого внимания к себе, сказали они, и убедились, что, пока жива Аламарай, до нас не дойдет очередь. И решили погубить ее, хоть она была невиновной. Теперь мы раскаиваемся в своем преступлении, но проку от этого никакого нет.

Выслушав это признание, Санджар хотел было изрубить мечем всех жен, но потом пришел к заключению, что это бесполезно. Он тяжело вздохнул, снял с головы царский венец, бросил оземь, снял с себя царский пояс и велел принести одежды странника. Пока он надевал рубище, к нему сбегались все его приближенные, и стар, и млад, и стали отговаривать его, но увидели, что он решил отказаться от этого мира и предпочитает мечту о возлюбленной всему на свете.

Одним словом, Санджар стал странником, простился со слезами на глазах со своими приближенными, вышел из города и пустился в путь через пустыню.

Семь долгих лет странствовал он по белому свету. Ни одного часа не знал покоя и все тосковал об Аламарай. Он обошел всю обитаемую часть мира. Поскольку он был искренним в своем стремлении, судьба принесла его к берегу той реки, и он по воле Творца перешел все семь рек. На берегу седьмой реки он увидел какой-то город с цветниками, подобными райским садам. Цветы готовы были распуститься, словно сердце влюбленного при свидании с возлюбленной. А жители были прекрасны, как райские гурии, и проводили свою жизнь беззаботно и беспечно.

Санджар вошел в город. Каждый, кто попадался ему навстречу, начинал расспрашивать его, и он отвечал:

— Я странник, мое занятие — бродить по свету, мои помыслы ничтожны, у меня нет надежды на свидание с возлюбленной, а она не знает обо мне ничего. Я ищу ее по всему свету, претерпел много бед и не знаю, чем все это кончится. Мое сердце в скорби и принадлежит только ей, и весь я целиком во власти ее единого взора.

— Если ты мусульманин, — ответили ему, — ступай в шахский дворец, так как наш

падишах угощает едой и вином странников и путешественников.

Он отправился во дворец и увидел там мальчика, похожего на свежий, только что распустившийся бутон, в который влюбился скорбный соловей. Санджар подошел ближе, а мальчик увидел его и спросил:

— О странник, что тебе надобно?

— О мальчик, — ответил он, — меня терзают неисполнимые желания. Вот уже целая вечность, как небо разлучило меня с любимой. Нет мне нигде покоя, и вот судьба привела меня сюда.

Мальчик пошел к матери и сообщил:

— Там стоит какой-то скиталец.

— Ступай, сынок, позови его в гости, — сказала ему мать. — Принеси ему еды, сам прислуживай. Это только увеличит твои достоинства — ведь тот, кто оказывает покровительство странникам, прославится во всем мире.

Мальчик ввел странника во дворец, расстелил перед ним скатерть и стал прислуживать ему. Пришелец же не мог удержаться от слез и промолвил:

— Ведь я тоже когда-то был царевичем, но променял царство на долю нищего. Не осталось у меня ни друга, ни товарища, который утешил бы меня...

Мальчику стало жаль его, он пошел к матери и сказал:

— Когда я принес этому человеку еды, он стал проливать горючие слезы, тяжело вздыхать. Я не знаю, какое несчастье случилось с ним. Может быть, он прибыл в нашу страну в надежде на милосердие или бежал от насильников? Я пытался расспросить его, но он не дал мне вразумительного ответа. Тяжело смотреть на его страдания.

— Сын мой, — ответила мать, — может быть, он просто лишен своей доли в этом мире и потому жалуется, дай ему кошелек с золотом.

Мальчик принес скитальцу кошелек с золотом, положил перед ним и сказал:

— Бери это золото, делай с ним что хочешь.

— О сын мой, — ответил пришелец, — не думай, что я жажду мирских богатств. Я отказался от целой страны ради своей возлюбленной. Судьба бросила меня в долину скорби и печали. Но когда я увидел тебя, в душу ко мне закралась любовь.

Мальчик снова пошел к матери и передал ей слова странника. Она почувствовала в его словах любовь и решила посмотреть на нищего. Едва она взглянула в потайное окошечко, как узнала Санджара, закричала громко и упала без памяти. Придя в себя, она вбежала в комнату. Тут Санджар и узнал в царице свою жену и также лишился чувств. Когда он открыл глаза, Аламарай сказала ему:

— Посмотри, это твой сын! Все эти годы он был мне усладой сердца и покоем души моей, я не могла нарадоваться на его красоту. Если бы не он, то мне пришлось бы тяжело.

И Санджар, и Аламарай были счастливы. Царица созвала всех своих подданных, устроила пир и рассказала всю свою историю, и они были несказанно рады, что все так хорошо кончилось. Санджара усадили на трон, а Аламарай пошла в гарем, и они провели остаток своей жизни в веселье.

Однажды вечером три сестры купались в озере. Вот они наплавались, наплескались и вышли на берег. Две старшие оделись, а младшая — ее Егле звали — только руку протянула к рубашке, вдруг кто-то как зашипит на нее! Посмотрела Егле — это уж забрался в рукав.

— Уходи прочь! — закричала девушка.

— Пообещай, что пойдешь за меня замуж, — уйду, — сказал уж человеческим голосом.

Егле рассердилась, а сестры смеются.

— Чем не жених тебе, — говорят, — соглашайся, сестрица.

И побежали домой.

Осталась Егле одна на берегу. Солнце зашло, совсем стемнело. Страшно Егле, да как без рубашки домой пойдешь?

— Милый уж, отдай рубашку! — просит она.

Уж все свое твердит:

— Назовись моей невестой.

— Ну, ладно, — крикнула Егле, — будь по-твоему!

Уж выполз из рукава. А Егле схватила рубашку — и скорей за сестрами.

На другое утро села Егле у окошка пряжу прясть. Сидит — прядет, песни поет. Про ужа и думать забыла. Вдруг слышит — во дворе зашуршало, зашипело. Глянула девушка в оконце да так и обмерла со страху.

Полон двор ужей! Шипят ужи, извиваются. А три самых больших, самых толстых вползли на порог, сквозь щелку под дверь в дом проскользнули.

Егле — скорей из комнаты да в клеть! Забилась в уголок, дрожит от страха.

А ужи говорят отцу с матерью:

— Пришли мы сватами от самого царя озерных вод. Снаряжайте вашу младшую дочь. Она за нашего господина обещала замуж пойти.

Что тут делать? Пусть хоть царь, а все равно гад ползучий, уж холодный, — как за такого любимую дочь отдать! Да и отказать нельзя — сама девушка слово дала.

Как раз в ту пору у них старуха-соседка гостила. Та старуха и говорит потихоньку отцу с матерью:

— Отдайте вместо дочери гусыню. Где ужам разобрать!

Отец с матерью так и сделали. Вынесли белую гусыню и говорят сватам:

— Вот наша младшая дочь. Везите невесту к жениху.

Ужи посадили белую гусыню в корыто и повезли ее со двора. Только подъехали к воротам, слышат — кукушка на заборе кукует:

Ку-ку, ку-ку!

Девушку припрятали,

Гусыню сосватали.

Ку-ку!

Воротились ужи в дом, зашипели, засвистели — подавай им настоящую невесту.

Опять старуха-соседка шепчет отцу с матерью:

— Выведите им белую овечку.

Мать с отцом привели белую овечку.

— Не хотелось с дочкой расставаться, — говорят ужам, — да что поделаешь! Берите ее, ведите к жениху.

Ужи повели белую овечку. Полдеревни провели, да с дерева на базарной площади опять закуковала кукушка:

Ку-ку, ку-ку!

Девушку припрятали,

Овечку сосватали.

Ку-ку!

Приползли сваты назад.

— Нет, — говорят, — не та невеста.

А старуха-соседка все учит:

— Отдайте ужам белую корову.

Привели белую корову, алой лентой ей шею обвили, отдали сватам.

Ужи погнали по деревне белую корову, до самой околицы довели. А за околицей на кусту кукушка сидит, по-кукушечьи говорит:

Ку-ку, ку-ку!

Девушку припрятали,

Корову сосватали,

Ку-ку!

Воротились сваты, говорят:

— Мы к вам с честью, а вы вот как? Три раза нас обманули! Смотрите: в четвертый обманете — не миновать вам беды. Зубами изгрызем мы ваши деревья в садах, хвостами побьем посевы на полях.

Егле услышала из клетки эти слова и вышла к сватам.

— Я, — говорит, — слово дала, я и отвечаю. Ведите меня к жениху.

Сваты по деревне ползут, за сватами Егле идет, за Егле ужи в пыли выются — невесту к жениху провожают. А кукушка за ними летит, по-кукушечьи говорит:

Вот это невеста!

Умна и прелестна,

Стройна, точно елка,

Кудри, как из шелка!

Подожли к озеру. Вода в озере запенилась, забурлила и отхлынула от берега. А на прибрежном песке юноша появился — статный, красивый, в богатой одежде.

— Я жених твой, — сказал Егле юноша. — Зовут меня Жолтис. Для других людей я уж,

что по земле извивается, а для тебя, девушка, сбросил я змеиную кожу, тебе одной открыл свое имя. Полюбишь меня, красавица?

— Полюблю, — сказала Егле, — буду тебе верной женой. — И пошла за женихом в подводное царство.

С тех пор девять лет минуло. Егле родила своему мужу двух сыновей и дочку. Хорошо жилось Егле. И дети удались — ласковые, послушные, и муж ее любил и берег. Только вот затосковала Егле по родному дому. Стало ей подводное царство немило, захотелось на отца с матерью поглядеть, ласковым словом с братьями перекинуться, с сестрами за прялкой песни спеть.

Просит она мужа:

— Отпусти меня, Жолтис, домой погостить, отцу с матерью показать наших деток.

А Жолтис не отпускает.

— Разве плохо тебе в подводном царстве? — спрашивает ее.

— Нет, хорошо, — отвечает Егле. — Да плоха та дочь, что отца и мать своих забудет навеки.

— Ну, будь по-твоему, — говорит Жолтис. — Отпущу тебя, только прежде спряди ты мне эту золотую кудель.

Егле села за пряжу. День прядет, другой прядет, а кудель все не убывает. Будто даже больше становится.

А старая нянюшка, что младшую дочку нянчила, поглядела, как Егле пряжу прядет, покачала головой и говорит:

— Хоть до моих лет доживешь, и то тебе не спрясть всей кудели.

— А что же, нянюшка, делать? — спрашивает Егле.

— А ты накали спицу в огне, да и проткни ею кудель.

Взяла Егле спицу, накалила добела и только воткнула в кудель — вдруг выскочила из клубка большая жаба. Эта жаба в кудели сидела и выпускала изо рта золотые нити. Егле с одного конца пряжу прядла, а с другого конца кудель еще длиннее становилась. Ну, а теперь Егле всю кудель в одну ночь спряла.

Наутро приносит она мужу пряжу и говорит:

— Что ты велел, то я исполнила: исполни и ты, что обещал.

— Хорошо, — отвечает Жолтис. — Я от своих слов не отказываюсь. Отпущу тебя к матери и отцу, когда ты эти башмаки сносишь.

Жолтис достал из-под лавки железные курпы и подал их жене.

Обула Егле железные курпы. С утра до вечера ходит по острым камням, на скалы взбирается, а на железной подошве — хоть бы одна царапина.

Нянюшка смотрит на нее и головой качает:

— Зря себя, доченька, мучаешь, сто лет проживешь — сто лет курпы целы будут.

— Научи, нянюшка, что делать, — просит Егле.

— Снеси кузнецу и вели их в горн бросить.

Так Егле и сделала. Кузнец перекалил железо в горне, — стало оно ломкое да хрупкое, что стекло. В один час износила Егле курпы.

Приходит она к мужу и говорит:

— Теперь отпустишь?

— Отпущу, — говорит Жолтис. — Только как же ты без заячьего пирога в родном доме покажешься? Смотри, осудят тебя люди, — загордилась, скажут.

Тут Егле и вспомнила. Еще когда она маленькой была и случалось отцу с матерью куда-нибудь из дому уезжать, — никогда они с пустыми руками не возвращались. Привезут пирог, всех детей куском оделят и притом такие слова скажут: «По дороге шли, в заячий домик зашли, заяц нам пирог испек, вот и вам кусок». Так и по всей Литве исстари велось. Стыдно стало Егле, что она дедовский обычай забыла, и побежала она печь пирог.

А муж потихоньку все ведра и горшки припрятал, одно решето оставил. Как в решете воду носить, как тесто месить? Вода прольется в дырочки, мука просыплется.

Но и тут старая нянюшка помогла. Она взяла ржаного мягкого хлеба и залепила дырки. Егле замесила в решете тесто, ни капельки воды не пролила, ни горсточки муки не просыпала.

Испекла Егле пирог и стала с мужем прощаться.

Муж ей говорит:

— Больше девяти дней не гости, и смотри, как назад пойдешь, чтобы никто тебя не провожал. Стань на берегу и позови меня так:

Если жив мой друг бесценный,
Забурли, вода проточная.
Из пучины брызни, пена,
Пена белая, молочная!
Если ж милый мой убит
И в пучине темной плавает,
Над волною закипит
Пена красная, кровавая!

— И вы, мои сыновья, и ты, дочь, слово дайте — о чем знаете, людям не рассказывать. Дали дети слово.

Тут Жолтис обернулся ужом и вынес жену с детьми на берег озера.

Вот радости-то было, когда Егле со своими детьми в родной дом постучалась!

Отец и мать дочерью да внуками не налюбуются, братья, сестры с Егле не наговорятся.

Только соседи их дом стороной обходят. Меж собой говорят:

— Вернулась ужиха с уженятами. Хорошо еще — мужа своего дома оставила. Не было бы от них беды!

Братьям обидно. Стали они сестру уговаривать:

— Откажись от мужа, оставайся с нами навеки. А придет муж за тобой, мы тебя не выдадим.

Егле отвечает:

— Не дело вы, братья, говорите. Как жене от живого мужа отказываться, как детей родного отца лишить! И если не придет муж за мной, я сама, как время поспеет, из вод озерных его вызову.

— А как ты его вызывать станешь?

— Эх, братья! — отвечает Егле. — Не вам его звать, не вам про то и знать. А меня лучше не спрашивайте, все равно не скажу.

А старуха-соседка учит братьев:

— Не с той стороны, — говорит, — подступаете. Что мать не скажет малые дети

выболтают.

Вот собрались братья ночью в лес коней пасти и старшего сына Егле с собой взяли. В лесу коней на зеленую траву пустили, разложили костер и стали у мальчика выпрашивать, как отца по имени зовут и на какой он зов отзывается.

Ничего им старший сын не сказал. Лаской выпрашивают — отмалчивается, побоями выпытывают — только плачет.

— Ну, — говорят братья, — этот в мать пошел, может, с младшим лучше стоворимся.

Утром вернулись они домой. Егле спрашивает у сына:

— Отчего у тебя, сыночек, глаза красные?

— В лесу костер дымно горел, — отвечает ей сын, — вот глаза и покраснели.

На следующую ночь опять пошли братья в лес коней пасти и зазвали с собой младшего сына Егле.

Да и от него ничего не добились.

Вернулись наутро домой. Егле глянула на сына и спрашивает:

— Что это, сыночек, и у тебя глаза красные? Не обидели ли тебя дядюшки?

— Нет, не обидели, — отвечает ей сын. — Я всю ночь не спал, коней стерег, вот и покраснели глаза.

И на третью ночь собрались братья в лес. Приласкали они маленькую племянницу и с собой заманили.

Была она у матери с нянюшкой любимым дитятей. Никто ее никогда и пальцем не тронул, злого слова не сказал. Вот стали ее дяди выпрашивать да выпытывать. Она в землю глазками уперлась, молчит, только головой качает: «Не знаю я ничего». А как пригрозили ей дяди гибким прутом, — она задрожала вся, побелела, что платок, да все и рассказала. И как отцово имя — сказала, и на какой он зов отзывается — открыла.

Ну, дядьям только того и надо. Еще пригрозили ей, чтобы она перед матерью и словом не обмолвилась, и отвели ее домой.

А сами захватили косы, пошли к озеру. Сделали они злое дело, косы о траву вытерли и воротились назад. Только стали косы в сенях вешать, услышала Егле железный звон, и сжалось у нее сердце.

— Что, братья, — спрашивает, — так рано на работу выходили?

Братья отвечают:

— Густая трава по утренней росе ровнее ложится.

А Егле все душой беспокойна. В тот же день собралась она назад к мужу. У порога с матерью и отцом попрощалась, у ворот сестер, братьев обняла, — никому провожать себя не позволила.

Подошла она с детьми к озеру, стала на бережку и сказала, как муж ее научил:

Если жив мой друг бесценный,
Забурли, вода проточная,
Из пучины брызги, пена,
Пена белая, молочная!
Если ж милый мой убит
И в пучине темной плавает,
Над волною закипит
Пена красная, кровавая!

Тут всколыхнулись озерные воды, пеной вспенились. Да не белая пена на волнах качается, не белая, как молоко, а красная, как кровь. И со дна голос послышался:

В час туманный,
В час рассветный
Я людьми загублен злыми
Дочка милая,
Зачем ты
Назвала отцово имя?

Заплакала, зарыдала Егле. Потом обернулась к детям и сказала:

— Нет у вас ласкового отца, нет у меня любимого мужа. Никто нас в подводном царстве не приветит, а под одним кровом с злыми убийцами нам не жить. Пусть же будет так, как я скажу:

Верным сынам моим, юным героям,
Слово сдержавшим отважно и твердо,
Дубом и ясенем стать над горою,
Буре не кланяясь, выситься гордо.
Дочке же — девочке, сердцем не сильной,
Сердцем не сильной, не крепкой душою,
Трепетным деревом, робкой осиною
Вечно дрожать на болоте листвою.
Мне же подняться в зеленом уборе,
Елью угрюмою, елью ветвистою,
Вечно ронять мне в сумрачном горе
Слезы прозрачные, слезы смолистые...

И как сказала, так и сделалось. Старший сын превратился в дуб высокий, младший — в ясень, а дочь — в трепетную осину. Сама же Егле стала над озером темною елью.

С тех пор и повелись на земле ель, дуб, ясень и осина. Печальной вдовой клонит ель свои ветви долу. Чуть дохнет ветер — дрожат, точно от страха, у осины мелкие листочки. А у дуба и у ясеня стволы крепки и тверды, как сердце верного человека. А почему это так, только тот и знает, кто слышал от дедов про бедную Егле и про ее детей.

МУХА, КОТОРАЯ УЧИЛАСЬ В ШКОЛЕ

Кипрская сказка

Жила-была муха, которая мечтала учиться в школе. Однажды она села на школьном окошке и стала слушать, что учитель рассказывает детям. А ученики как раз разучивали смешную маленькую песенку:

Били-вили-луп,
Ослик очень глуп.

Муха тоже выучила эту смешную песенку и сказала себе:

— Ну вот, теперь я уже достаточно умна. Пойду-ка я, пожалуй, учить других насекомых и зверей.

Она полетела на луг и увидела маленького ослика, жевавшего траву. Муха покружилась и, сев на травинку, запела:

Били-вили-луп,
Ослик очень глуп.

— О чем это ты там поешь? — спросил ослик.

Муха пропела еще раз.

— Что за чудесная маленькая песенка! — сказал ослик. — Только я что-то плоховато стал слышать. Сядь, пожалуйста, ко мне на кончик хвоста и пропой еще разок.

Довольная муха села ослику на хвост, а он, только этого и дожидаясь, так сильно стукнул хвостом по земле, что чуть не отбил бедняжке все крылышки.

— Какой неблагодарный и бестолковый ученик! — воскликнула муха и полетела подальше от ослика.

Она прилетела к пруду, где плавал огромный ленивый карп. Муха присела на бережок и сладким голосом запела:

Били-вили-луп,
Карп очень глуп.

Услышав это, карп с такой силой ударил хвостом по воде, что брызги фонтаном обрушились на муху, и она еле-еле смогла взлететь, так как мокрые крылышки плохо слушались.

— Какой необразованный дурень! — возмущалась муха, просушивая на солнце крылышки.

Погревшись, она полетела на ферму, где по двору важно расхаживал толстый гусак. Муха присела гусаку на клюв и громко запела:

Били-вили-луп,
Гусак очень глуп.

Гусак раскрыл свой клюв и проглотил ученую муху.

ГАРПАЛИОНУ — ВЛАДЫКА ЛЬВОВ

Итальянская сказка

Жил на свете осленок. Его никак не звали, потому что от роду ему было всего три дня и хозяин еще не успел придумать ему имя. Осленок был очень веселый, очень любопытный и постоянно совал свой нос куда надо и куда не надо.

На четвертый день своей жизни он гулял по двору и увидел маленькую ямку в песке. Это показалось ослику очень странным. Он расставил пошире копытца, наклонился и понюхал, чем тут пахнет. Вдруг из песка выскочило страшное чудовище — брюхо круглое, лап много-много и все так к осленку и тянутся! Это был жучок-паучок, муравьиный лев, что сидит в песчаной ямке, муравьев поджидает. Осленок, конечно, не муравей, но все равно он перепугался и закричал во всю глотку.

На крик прибежал его хозяин. Увидел, в чем дело, и принялся хохотать.

— Вот так храбрец, букашки, муравьиного льва, испугался! Ну, теперь я знаю, как тебя назвать. Будешь зваться Гарпалиону — владыка львов.

Так осленок получил имя.

Время шло, осленок рос, рос и вырос, наконец, в большого осла. Однажды стоял он в стойле и жевал сено. А пока жевал, в его ослиной голове бродили разные мысли.

«Наверно, я все-таки необыкновенный осел. Вот, к примеру, одного моего знакомого зовут Длинноухий, другого — Серый. Но нет на всей земле такого осла, которого бы звали Гарпалиону. Ослу с таким именем не пристало таскать кладь на спине да слушать понукания».

И наш осел решил пойти по свету поискать лучшей доли.

Он дернул головой — оборвал недоуздок, лягнул копытами — разбил дверь и выбежал на волю.

Бежит осел по полям и равнинам. Трава кругом высокая, чертополоху хоть отбавляй! Остановился он, замахал хвостом и заревел от радости так, что далеко кругом эхо раскатилось.

Проходил мимо лев, услышал ослиный рев и захотел узнать, у кого это такой прекрасный голос. Выскочил из кустарника, увидел осла и удивился. Никогда он такого зверя не встречал. Голос почти что львиный, хвост с кисточкой совсем как у льва, а все-таки не лев!

— Ты кто такой? Как тебя зовут? — спросил он у осла.

— Гарпалиону, — ответил осел.

— Гарпалиону? — оторопел лев.

— Да, — с достоинством подтвердил осел. — Я ведь сильнее всех на свете и умнее всех на свете.

— Очень рад с тобой познакомиться, если так. Давай будем товарищами, — предложил лев.

— Это мне подходит, — ответил осел.

И они пошли дальше вдвоем.

Скоро путь им преградила река.

— Сейчас начнется самое неприятное, — сказал лев, поеживаясь. — Придется замочить

шкуру!

— Пустяки! — фыркнул осел. — Только блохи боятся воды.

Лев рыкнул от обиды и бросился в реку. Осел не торопясь тоже вошел в воду. Ему частенько приходилось перетаскивать кладь вброд через мелкие речушки. И на этот раз все было хорошо, пока он чувствовал под собой твердое дно. Но вот холодная вода защекотала ему брюхо, потом пришлось задрать морду, а дальше уже совсем худо — дно ушло из-под ног. Осел сразу погрузился с головой и чуть не захлебнулся. Забил копытами, вынырнул, опять окунулся, опять вынырнул.

А лев тем временем давно уже выскочил из воды, отряхнулся и с недоумением смотрел на своего нового товарища, который все еще барахтался на середине реки.

Наконец и осел выбрался на берег. Он сипел, хрипел, фыркал, кашлял и чихал.

— Что с тобой? — спросил лев. — Ты же говорил, что плавать — сущие пустяки!

— Так и есть, — сказал Гарпалиону. — Но видишь ли, я заметил в воде рыбу и подцепил ее хвостом, чтобы угостить тебя обедом. Глупая рыба не могла понять, какую ей оказывают честь, и упиралась изо всех сил. Вот и пришлось с ней повозиться.

— Где же рыба? — спросил лев.

— Да у самого берега я разглядел, что это всего-навсего костлявая щука, и бросил ее.

Друзья немножко обсохли и отправились дальше. Шли, шли и подошли к высокой стене. Лев, недолго думая, перемахнул ее одним прыжком. А бедняга осел сначала поднял передние ноги, забросил их на верх стены, оттолкнулся задними и повис на брюхе — передние копыта по одну сторону, задние — по другую.

Лев очень удивился.

— Что ты там делаешь? — закричал он.

— Разве ты не видишь, что я взвешиваюсь? — еле выговорил осел.

Тут он отчаянно брыкнул задними ногами и свалился на землю.

— Удивительное дело, — сказал он своему спутнику, — сколько раз ни взвешиваюсь, всегда одно и то же — перетягивает голова, да и только. Впрочем, это и понятно, у кого так много ума...

— Умень-то ты умень, — согласился лев, — а вот... Ты не обижайся, но силой ты, кажется, похвастал понапрасну.

— Ну знаешь, — возмутился осел, — силы во мне не меньше, чем ума. Да зачем далеко ходить, давай померяемся силой на месте. Попробуй-ка разрушить эту стену.

Лев кивнул косматой головой, поднял лапу, размахнулся и ударил по каменной стене. Стена как стояла, так и осталась стоять, а лев пребольно расшиб себе лапу.

За дело принялся осел. Сначала он внимательно осмотрел кладку и заметил камень внизу стены, державшийся не очень прочно. Потом повернулся задом, примерился и лягнул стену раз, другой. Камень вылетел, и большой кусок стены рухнул, зашибив льву вторую лапу.

— Да, — сказал с уважением лев. — До сих пор я думал, что сильнее льва зверя нет. Оказывается, я ошибался. А что ты умеешь еще делать? спросил он почтительно.

— А еще я умею есть колючки, — сказал осел, который к этому времени сильно проголодался.

— Ну, уж этому невозможно поверить! — воскликнул лев.

Гарпалиону огляделся кругом, выбрал самый пышный куст чертополоха и с удовольствием принялся жевать колючие листья и колючие цветы.

— Теперь я вижу, ты действительно необыкновенный зверь и имя свое носишь не даром, — сказал лев. — Ты рожден, чтобы царствовать над всеми зверями. Идем скорее, я познакомлю тебя с моими сородичами. Уверен, что они будут счастливы назвать тебя своим владыкой.

— Это мне подходит, — согласился осел.

Лев пустился огромными прыжками вперед. Осел еле поспевал за ним.

Скоро они достигли пустынной местности, где среди желтых песков вздымались скалистые утесы. Лев взбежал на самый высокий и оглушительно зарычал. В ответ послышалось такое же грозное рычание, и со всех сторон стали собираться косматые сородичи.

Наш осел, признаться, оробел при виде львиного племени. Но потом вспомнил, что его зовут Гарпалиону, и приосанился — захлопал ушами и отставил хвост в сторону.

Лев сказал:

— Собратья, я привел к вам удивительного зверя. Думаю, что лучше его владыки нам нигде не найти.

— А зачем нам владыка? — спросили львы.

— Но вы не знаете, что он умеет делать. Он ловит рыбу хвостом, он так умен, что голова его всегда перевешивает зад, и так силен, что от удара его могучих ног рушатся каменные стены. Но самое главное — это то, что он может есть колючки. К тому же его зовут Гарпалиону.

— Ну, если так, — сказали львы, — пусть будет нашим королем.

И осел Гарпалиону стал владыкой львов.

КОШАЧИЙ КОРОЛЬ

Английская сказка

Давным-давно жили в глуши Шотландии двое братьев. Жили они в очень уединенном месте, за много миль от ближайшей деревни, и прислуживала им старуха кухарка. Кроме них троих, в доме не было ни души, если не считать старухинога кота да охотничьих собак.

Как-то раз осенью старший брат, Элсхендер, решил остаться дома, и младший, Фергас, пошел на охоту один. Он отправился далеко в горы, туда, где охотился с братом накануне, и обещал вернуться домой до захода солнца.

Но день кончился, давно пора было сесть за ужин, а Фергас все не возвращался. Элсхендер забеспокоился — никогда еще не приходилось ему ждать брата так долго.

Наконец Фергас вернулся, задумчивый, промокший, усталый, и не захотел рассказывать, почему он так запоздал. Но вот после ужина, когда братья сидели с трубками у камина, в котором, весело потрескивая, горел торф, и собаки лежали у их ног, а черный кот старой стряпухи, полузакрыв глаза, расположился на коврик между ними, Фергас словно очнулся и рассказал брату о том, что с ним приключилось.

— Ты, наверное, удивляешься, почему я так поздно вернулся? — сказал он. — Ну, слушай! Я сегодня видел такие чудеса, что даже не знаю, как тебе и рассказать про них. Я шел, как и собирался, по нашей вчерашней дороге. Но когда настала пора возвращаться домой, горы заволокло таким густым туманом, что я сбился с пути. Долго я блуждал, сам не знаю где, как вдруг увидел огонек. Я скорее пошел на него. Но только я приблизился к нему, как перестал его видеть и оказался возле какого-то толстого старого дуба. Я влез на дерево, чтоб легче было отыскать этот огонек, и вдруг вижу подо мной в стволе дупло, а в дупле что-то вроде церкви, и там кого-то хоронят. Я слышал пение, видел гроб и факелы. И знаешь, кто нес факелы? Но нет, ты мне все равно не поверишь!..

Элсхендер принялся уговаривать брата продолжать. Он даже подбросил торфа в камин, чтоб огонь запылал ярче, и младший брат повеселел. Собаки мирно дремали, а черный кот поднял голову и, казалось, слушал так же внимательно, как сам Элсхендер. Братья даже невольно взглянули на него.

— Поверь же, — продолжал Фергас, — все, что я скажу, истинная правда. Гроб и факелы несли коты, а на крышке гроба были нарисованы корона и скипетр!

Больше он ничего не успел добавить, ибо черный кот вскочил и крикнул:

— О небо! Значит, старый Питер преставился, и теперь я — кошачий король!

Тут кот прыгнул в камин и пропал навсегда...

ФЕИ МЕРЛИНОВОЙ СКАЛЫ

Шотландская сказка

Лет двести назад жил-был некий бедный человек. Он работал батраком на одной ферме в Ланеркшире, был там, как говорится, на побегушках — выполнял разные поручения и делал все, что прикажут.

Как-то раз хозяин послал его копать торф на торфянике. А надо вам сказать, что в конце этого торфяника высилась скала, очень странная на вид. Ее прозвали «Мерлинова скала». Так ее называли потому, что в ней, по преданию, когда-то давным-давно жил знаменитый волшебник Мерлин.

Вот батрак пришел на торфяник и с великим усердием принялся за работу. Он долго копал торф на участке по соседству с Мерлиновой скалой и уже накопил целую кучу, как вдруг вздрогнул от неожиданности — перед ним стояла такая крошечная женщина, какой он в жизни не видывал, — фута в два ростом, не больше. Она была в зеленом платье и красных чулках, а ее длинные желтые волосы не были перевязаны ни лентой, ни тесемкой и рассыпались по плечам.

Женщина была такая маленькая да такая ладненькая, что батрак, не помня себя от удивления, перестал работать и, воткнув заступ в торф, смотрел на нее во все глаза. Но он удивился еще больше, когда женщина подняла крошечный пальчик и проговорила:

— Что бы ты сказал, если бы я послала своего мужа снять кровлю с твоего дома, а? Вы, люди, воображаете, что вам все дозволено! — Она топнула крошечной ножкой и строгим голосом приказала батраку: — Сейчас же положи торф на место, а не то после будешь каяться!

Бедняк не раз слышал много всяких рассказов про фей и про то, как они мстят своим обидчикам. Он задрожал от страха и принялся перекладывать торф обратно. Каждый кусок он клал на то самое место, откуда взял его, так что все его труды пропали даром.

Но вот он с этим покончил и огляделся в поисках своей диковинной собеседницы. А ее и след простыл. Как и куда она скрылась, он не заметил. Батрак вскинул заступ на плечо, вернулся на ферму и доложил хозяину обо всем, что с ним приключилось. А потом сказал, что лучше, мол, копать торф на другом конце торфяника.

Но хозяин только расхохотался. Сам он не верил ни в духов, ни в фей, ни в эльфов — словом, ни во что волшебное, и ему пришлось не по нраву, что его батрак верит во всякую чепуху. И вот он решил образумить его. Приказал батраку тотчас же запрячь лошадь в повозку, поехать на торфяник и забрать оттуда весь выкопанный торф, а как вернется на ферму, разложить торф во дворе для просушки.

Не хотелось батраку выполнять приказ хозяина, а делать нечего — пришлось. Но неделя проходила за неделей, а ничего плохого с ним не случилось, и он наконец успокоился. Он даже начал думать, что маленькая женщина ему просто привиделась и, значит, хозяин его оказался прав.

Прошла зима, прошла весна, прошло лето, и вот снова наступила осень, и ровно год прошел с того дня, когда батрак копал торф у Мерлиновой скалы.

В тот день батрак ушел с фермы после захода солнца и направился к себе домой. В награду за усердную работу хозяин дал ему небольшой кувшин молока, и батрак нес его

своей жене.

На душе у него было весело, и он бодро шагал, напевая песню. Но как только он подошел к Мерлиновой скале, его сморила неодолимая усталость. Глаза у него слипались, как перед сном, а ноги стали тяжелыми, как свинец.

«Дай-ка я тут посижу, отдохну немного, — подумал он. — Нынче дорога домой кажется мне что-то уж очень длинной». И вот он сел в траву под скалой и вскоре заснул глубоким тяжелым сном.

Проснулся он уже около полуночи. Над Мерлиновой скалой взошел месяц. Батрак протер глаза и увидел, что вокруг него вихрем вьется огромный хоровод фей. Они пели, плясали, смеялись, показывали на батрака крошечными пальчиками, грозили ему маленькими кулачками и все кружили и кружили вокруг него при свете месяца.

Не помня себя от удивления, батрак поднялся на ноги и попытался было уйти прочь — подальше от фей. Не тут-то было! В какую бы сторону он ни ступал, феи мчались за ним и не выпускали его из своего заколдованного круга. Так что батрак никак не мог вырваться на свободу.

Но вот они перестали плясать, подвели к нему самую хорошенькую и нарядную фею и закричали с пронзительным смехом:

— Попляши, человек, попляши с нами! Попляши, и тебе никогда уже не захочется покинуть нас! А это твоя пара!

Бедный батрак не умел плясать. Он смущенно упирался и отмахивался от нарядной феи. Но она ухватила его за руки и повлекла за собой. И вот будто колдовское зелье проникло в его жилы. Еще миг, и он уже скакал, кружился, скользил по воздуху и кланялся, словно всю жизнь только и делал, что плясал. Но что всего страннее — он начисто позабыл про свой дом и семью. Ему было так хорошо, что у него пропало всякое желание убежать от фей.

Всю ночь кружился веселый хоровод. Маленькие феи плясали, как безумные, и батрак плясал в их заколдованном кругу. Но вдруг над торфяником прозвучало громкое «ку-ка-реку». Это петух на ферме во все горло пропел свое приветствие заре.

Веселье прекратилось мгновенно. Хоровод распался. Феи с тревожными криками сгрудились в кучку и устремились к Мерлиновой скале, увлекая за собой батрака, и как только они долетели до скалы, в ней сама собой открылась дверь, которой батрак никогда раньше не замечал. И не успели феи проникнуть в скалу, как дверь с шумом захлопнулась.

Она вела в огромный зал. Он был тускло освещен тоненькими свечками и заставлен крошечными ложами. Феи так устали от плясок, что сразу же улеглись спать на свои ложа, а батрак сел на обломок камня в углу и подумал: «А что же дальше будет?»

Но, должно быть, его околдовали. Когда феи проснулись и принялись хлопотать по хозяйству, батрак с любопытством приглядывался к ним. А о том, чтобы с ними расстаться, он и не помышлял. Феи занимались не только хозяйством, а и другими, довольно-таки странными делами, — батрак такого в жизни не видывал, — но как вы позже узнаете, про это ему запретили рассказывать.

И вот уже под вечер кто-то дотронулся до его локтя. Батрак вздрогнул и, обернувшись, увидел ту самую крошечную женщину в зеленом платье и красных чулках, что год назад бранила его, когда он копал торф.

— В прошлом году ты снял торф с крыши моего дома, — сказала она, — но на ней опять вырос торфяной настил и покрылся травой. Поэтому можешь вернуться домой. За то, что ты натворил, тебя покарали. Но теперь срок твоего наказания кончился, а он ведь

немалый был. Только сперва поклянись, что не будешь рассказывать людям про то, что видел.

Батрак с радостью согласился и торжественно поклялся молчать. Тогда дверь открыли, и батрак вышел из скалы на вольный воздух.

Его кувшин с молоком стоял в траве, там, куда он его поставил перед тем, как заснуть. Казалось, будто фермер дал ему этот кувшин только вчера вечером.

Но когда батрак вернулся домой, он узнал, что это не так. Жена в испуге смотрела на него, как на привидение, а дети выросли и, видимо, даже не узнавали отца — уставились на него, словно на чужого человека. Да и не мудрено — ведь он расстался с ними, когда они были совсем маленькими.

— Где же ты пропадал все эти долгие, долгие годы? — вскричала жена батрака, когда опомнилась и наконец поверила, что он и вправду ее муж, а не призрак. — Как у тебя хватило духу покинуть меня и детей?

И тут батрак все понял: те сутки, что он провел в Мерлиновой скале, равнялись семи годам жизни среди людей.

Вот как жестоко покарал его «маленький народец» — феи!

ИВАН-БОГАТЫРЬ

Русская сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик да старуха. Детей у них не было. Сколько старик со старухой ни тужили, ни горевали, сколько разных знахарей ни звали — детей все нет и нет.

И вот приснился старухе сон: будто есть в глухом лесу тихое озеро, и водится в том озере рыба-золотое перо. Коли золотую рыбку съест — сын народится.

Старуха пробудилась и посылает старика, торопит:

— Поди вот в такое-то место. Есть там озеро. Излови золотоперую рыбку. Страсть как охота свежей ухи похлебать.

Старик снарядился, взял сети и отправился в путь-дорогу. Ходил, ходил по дремучим лесам, разыскал озеро.

Первый раз сеть закинул, пришла сеть пустая. Другой раз закинул, и опять ничего. На третий раз вытащил сеть, а в ней бьется рыба-золотое перо.

Старик сети собрал, прихватил добычу и воротился домой.

— На, старуха, вари!

Сварили. Едят да похваливают:

— Ох, и до чего уха хороша! Отродясь такой сладкой ухи не хлебали.

Уху выхлебали, рыбу съели, и в тот же день старуха понесла.

Родился у них сын, по имени Иван.

Старик с утра до вечера в поле работает, а старуха по хозяйству управляется да сына качает.

И растет парень не по дням, а по часам: будто тесто на опаре подымается.

По третьему году стал на улицу выбегать, стал в ребячьи игры поигрывать. И тут соседи с жалобой пришли:

— Уймите сына. Шутит он с нашими ребятами шутки нехорошие: кого за руку схватит — у того рука прочь, кого за ногу схватит — нога прочь. Побьет, покалечит всех детей.

Пригорюнились старик со старухой, призадумались: «Что с парнем делать?»

И говорит старик:

— Стану его с собой в поле водить, пусть там играет.

На том и согласились.

На другой день поехал старик на пашню и сына с собой повез. Только старик за соху взялся, просит парень:

— Дай, я пахать стану!

— Ну, где тебе, сынок, ты еще мал. Вырастешь — тогда напашешься, а сейчас побегай, поиграй, только далеко не отходи.

А сын неотступно просит:

— Нет, хочу пахать!

— Ну, ладно, попробуй, — говорит отец.

Парень так глубоко соху в землю вогнал, что конь стал: тянуть не может.

— Ты, сынок, глубоко берешь! Конь не тянет, и соху поломаешь.

Тут Иван соху приподнял, стал коню пособлять, и споро дело пошло. Столько до обеда

напахал — старику в день не управиться.

— Стой, сынок, надо коня покормить! Видишь, весь в пене, словно в мыле стал.

Коня отпрягли, пустили на луг, а сами сели обедать.

Попили, поели, посылает отец:

— Сходи, сынок, за конем, пора за дело приниматься.

Пошел парень на луг — нету коня. Оглянулся и видит: сидит за кустом волк — медный лоб, облизывается, а от коня только кожа да кости остались. Увидал волк Ивана, кинулся на него:

— Коня съел и тебя съем!

— Погоди хвалиться раньше времени!

Схватил волка за ноги, размахнулся и так сильно бросил оземь, что только мокрое место осталось. Земля задрожала, и гул пошел, будто гром грянул.

Воротился к отцу и говорит:

— Волк — медный лоб нашего коня съел.

— Экое горе! Хорошо, что хоть ты ему, сынок, на глаза не попал. Пойдем скорее домой, а то как бы и нас с тобой не съел.

Прошло с того много ли, мало ли времени, вырос Иван до полного возраста и стал таким молодцом пригожим: ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору потерялись у царя три дочери: похитил их Сам с ноготок, борода с локоток, Кошечев племянник. Сколько ни искали, никак найти не могли. Ездили и князья и бояре, да никто назад не воротился. Кликнул царь клич по всем волостям, по всем деревням.

— Коль найдется удалец и дочерей сыщет, тому при жизни полцарства отпишу, на любой из трех царевен женю!

Стал Иван проситься у отца с матерью:

— Благословите меня идти царских дочерей искать.

Родители отговаривают:

— Что тебе, сынок, за нужда неведомо куда идти да, может, там и свою буйную голову сложить? Лучше бы невесту приглядел да женился, чем шататься по чужой стороне.

А сын на своем стоит:

— Пришла пора мне на белый свет поглядеть. Чужая дальняя сторона не убавит ума.

И стал в путь-дорогу собираться. Перво-наперво пошел в кузницу и говорит кузнецам:

— Скуйте мне палицу в триста пудов, да такую, чтобы не ломалась, не гнулась, не плющилась.

— Сковать-то мы не прочь, — отвечают кузнецы, — сковать можно, да только нам не совладать с таким поковом.

— Берите железо да сваривайте, а я пособлю!

Принялись за работу. День куют и другой куют, Иван железо поворачивает да в горно носит. На третий день палицу изготовили.

— Испытай, годится ли тебе?

Взял Иван палицу за концы да попробовал через колено — в дугу согнул.

— Нет, это не палица. Куйте другую!

Через три дня сковали другую палицу, крепко закалили. Попробовал гнуть — не гнется, бросил о камень — сломалась.

— И эта не годится!

Сковали и третью палицу. Попробовал согнуть — не гнется, бросил о камень — не

плющится. Кинул палицу кверху, скрылась она из глаз, а через три часа с шумом, с гулом обратно летит. Упала на камень, и камень на сажень в землю ушел, а палица не погнулась, не треснула.

— Ну, спасибо, теперь по мне палицу сковали.

На другое утро встал добрый молодец раненько, умылся беленько, льняным полотенцем утерся и стал с родителями прощаться:

— Не горюйте, не печалуйтесь, царевен найду — тогда свидимся.

Сунул за пазуху три пирожка, взял в руки палицу. Отец с матерью вышли провожать сына за околицу. Тут и распрощались. Дошел Иван до поворота и там последний раз шапочку снял, родителям поклонился. Они ему белым платком помахали и воротились домой.

А Иван шел день до вечера, красного солнышка до заката, никто ему не повстречался: ни зверь не прорыснул, ни птица не пролетела.

На другой день увидел Иван человека. В каждой руке у этого молодца по здоровому дубу. Стоит да дуб о дуб поколачивает.

— Здравствуй, богатырь Дубыня!

— Ну, какой я богатырь? Вот есть на свете богатырь Иван. Когда ему было три года, он волка — медного лба убил. Вся земля задрожала. Вот тот богатырь! Да уж не ты ли и есть Иван-богатырь?

— Зовут меня Иваном. Волка — медного лба я убил, а силой еще по-настоящему ни с кем не мерялся.

Стал Дубыня проситься:

— Возьми меня с собой!

— Пойдем.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли шли Иван-богатырь с Дубыней, пришли к двум большим горам.

Стоит между теми горами человек и гору о гору поколачивает, только гул идет.

— Здравствуй, богатырь Горыня!

— Разве я богатырь? Вот, слышно, есть на Руси богатырь Иван. Он в ребячьи годы волка — медного лба голыми руками убил — вся земля дрожала и гор много осыпалось. Вот тот богатырь!

Дубыня на Ивана показывает и говорит:

— Вот кто волка — медного лба убил!

Тут Горыня поклонился и просится:

— Возьми, Иван-богатырь, меня с собой!

— Пойдем.

Стало их трое. Шли с утра день до вечера, красного солнышка до заката, никто им навстречу не попал: ни зверь, ни птица.

На другой день подошли к широкой реке. Лежит на берегу человек, на усах через реку людей переправляет.

— Здравствуй, богатырь Усыня!

— Здравствуйте, молодцы удалые. Вот назвали вы меня богатырем, а того не знаете, что есть на Руси Иван-богатырь. Он ребячьим делом волка медного лба убил. Вся земля тогда дрожала, река из берегов выходила, сколько места затопила. Вот тот богатырь!

Дубыня с Горыней на Ивана показывают:

— Вот он и есть Иван-богатырь.

Тут им Усыня поклонился и просится:

— Возьмите, братцы, меня с собой!

— Пойдем.

И стали четверо путь-дорогу продолжать.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а добрые молодцы вперед подвигаются.

Шли, шли и увидели избу. Во дворе большое стадо быков, а в избе никого нет. Иван-богатырь говорит:

— Ну, коли хозяина нет, поживем в этой избе, покуда все кругом не обьщем. Сперва обойдем восточную сторону, потом летнюю да западную, а под конец и в северную сторону отправимся. Где-нибудь нападём на след похитника царских дочерей.

На том и согласились.

— Ты, Дубыня, останься, обед вари, а мы восточную сторону обойдем, говорит Иван-богатырь.

Остался Дубыня, зарезал пять быков, сварил. Сидит, в окно поглядывает:

— Что это как долго названных братьев нет: обед простынет.

И вдруг, откуда ни возьмись, бежит Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена тянет. Сено притащил, воды из колодца достал. Накормил быков, напоил, стал считать. Считал, считал — пяти голов не хватает.

— Кто тут не кормит, не поит быков, а добром пользуется?

Оглянулся, увидал Дубыню. Схватил его и давай бить.

Бил, бил, приподнял избу с одного угла и сунул туда Дубыню.

— Пусть этот угол не гниет!

И убежал.

Вертелся, вертелся Дубыня и кое-как выбрался. Пришел в избу, влез на печь и лежит.

Названные братья воротились:

— Обед готов?

— Готов.

— А ты чего там лежишь? Вставай обедать!

— Не хочу: я сильно угорел, братцы.

Пообедали. Маловато показалось.

На другой день оставили Горыню обед варить.

И ушли.

Зарезал Горыня семь быков, сварил и стал названных братьев дожидаться. Сидит, в окно поглядывает:

— Чего долго нейдут?

Вдруг бежит Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена тянет. Прибежал, быков накормил, напоил, стал считать. Считал, считал — семи голов не хватает.

— Какой тут вор поселился? Не поит, не кормит, а добром пользуется!

Увидал Горыню, схватил и давай бить. Бил, бил, мям, мям, избу с одного угла приподнял и сунул туда Горыню.

— Лежи там!

И убежал.

Горыня вертелся, вертелся, кое-как выбрался из-под избы.

Дубыня, Усыня да Иван-богатырь пришли, а Горыня все на печи лежит, стонет.

— Чего, Горыня, лежишь? Вставай обедать!

— Обедайте, а я не хочу: голова болит, угорел!

— Что тут за угар такой? — говорит Иван-богатырь.

Горыня молчит, и Дубыня молчит.

На третий день оставили Усыню обед варить. Остался Усыня один, зарезал девять быков. Обед сварил, попробовал: щи жирные и мясо уварилось. Сел под окошко, на улицу поглядывает.

Откуда ни возьмись, прибежал Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена приволок, Быков накормил, напоил, стал считать. Считал, считал, заругался:

— Да что тут творится? Сегодня девяти голов не хватает!

Схватил Усыню за усы, выволок из избы и давай бить. Бил, бил, таскал, таскал, приподнял избу с одного угла и сунул Усыню под угол.

— Будешь меня помнить!

И сам убежал.

Выбрался кое-как Усыня из-под избы, забрался на печь и лежит, поойкивает.

Воротилась дружина.

— Обед готов?

— Готов давно.

— Слезай обедать. Чего там лежишь?

— Нет, братцы, не могу: голова болит, угорел.

Наутро Иван-богатырь говорит:

— Обойдите сегодня северную сторону, коли там на след не попадем, пойдем прочь, не стоит больше в этом месте царевен искать. А обед сегодня я сварю. Мой черед угореть.

Названные братья ушли, а Иван-богатырь зарезал двенадцать быков, сварил. Сидит на лавке, в окошко поглядывает да песни поет.

Вдруг прибежал Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена приволок. Быков накормил, напоил, стал считать. Не хватает двенадцати голов. Услышал песню, оглянулся и кинулся на Ивана-богатыря.

— Вот тебя-то мне и надо, сейчас с тобой рассчитаюсь!

Бились они, бились, Иван-богатырь его смял, сломал и всю бороду оборвал да под лавку и кинул старика.

— Лежи там!

В эту пору названные братья пришли.

— Жаждался вас с обедом! Нашли ли чего, след какой?

— Нет, не попали и сегодня на след.

Сидят все четверо, обедают. Взглянул Дубыня под лавку и говорит:

— Глядите-ко, угар-то наш под лавкой лежит.

— Какой такой угар под лавкой? — спрашивает Иван-богатырь.

— Да вот Сам с ноготок, борода с локоток. То и есть наш угар.

Иван-богатырь усмехнулся:

— Чего вы мне раньше не сказали?

— Хотелось узнать, кто из нас всех сильнее. И вот теперь видим: ты, Иван-богатырь, самый сильный из нас.

А Сам с ноготок, борода с локоток в ту пору поотлежался, вскочил, встряхнулся и

убежал.

Все четверо добрых молодцов кинулись вслед за ним. Сам с ноготок, борода с локоток добежал до глубокой пропасти и скрылся под землей.

Иван-богатырь говорит:

— Ходили мы, ходили, сколько кругом места обошли, а этой пропасти не видали. Надо туда спуститься, узнать: не у этого ли колдуна царевны томятся?

Взяли воловьи кожи, нарезали из них ремней. Ремни связали.

— Ну, кто пойдет?

Все молчат. Иван-богатырь говорит:

— Спускайте меня и ждите тут безотлучно. Как дерну за ремень, так и тяните.

Взял Иван-богатырь палицу и стал спускаться. Спустился, ремень отвязал и пошел по дорожке. Шел, шел, и вдруг стал свет брезжить. Скоро вышел на свет и увидал Медное царство. Большой медный дворец стоит, а у ворот змеи прикованы на медных цепях. Змеи шипят, вход во дворец стерегут. Подле дворца колодец, а у колодца медный ковшик на медной цепочке висит. Иван-богатырь воды из колодца почерпнул, сам напился и змеев напоил. Присмирели змеи, притихли. Зашел в медный дворец, а там на медной лавке девушка-красавица сидит, шьет. Как стежок стегнет, так солдат выскочит, как другой стежок стегнет — другой солдат выскочит.

— Здравствуй, девица-красавица! Что ты шьешь-пошиваешь, на кого рать-силу сгоняешь?

— Здравствуй, добрый молодец. Я силу сгоняю на Ивана-богатыря.

— Кто эту силу поведет?

— Поведеет рать-силу Сам с ноготок, борода с локоток.

— А кем тебе он, красавица, приходится?

— Мы три сестры: я, Анна-царевна, средняя сестра — Марфа-царевна, а меньшая — Татьяна-царевна — все мы дочери царя из такого-то царства. Похитил нас Сам с ноготок, борода с локоток и держит в неволе три года. А сам он родной племянник Кощея Бессмертного.

Тут Иван-богатырь говорит:

— Вас-то, трех царевен, трех сестер я и ищу. Брось-ка ты, красавица, шить-пошивать, рать-силу сгонять. Как я обратно пойду, тебя с собой возьму да на белый свет подыму, к отцу с матерью увезу.

Обрадовалась царевна, кинула шитье в печку. А тут и все солдаты исчезли, словно их и не было.

Царевна Ивана-богатыря накормила, напоила. Поотдохнул он в Медном царстве и пошел дальше.

Шел, близко ли, далеко ли, увидал Серебряное царство. Стоит дворец весь серебряный, и все кругом из чистого серебра. У ворот большие змеи-сторожа на серебряных цепях прикованы, шипят, пасти разевают... Подле дворца колодец. У колодца серебряный ковшик на серебряной цепочке висит.

Иван-богатырь воды из колодца почерпнул, сам напился и змеев напоил. Улеглись змеи, присмирели.

Зашел в серебряный дворец, а там на серебряной лавке сидит девушка краше первой. Сидит средняя сестра Марфа-царевна, шьет: как стежок стегнет, так два солдата и выскочат.

— Что, красная девица, шьешь-пошиваешь? На кого рать-силу сгоняешь?

— Белено мне силу-рать сгонять на Ивана-богатыря.

— Кто поведет ту силу?

— Поведеет силу Сам с ноготок, борода с локоток.

— А где он сейчас находится?

— Сам он в третьем царстве.

— Брось, прекрасная царевна, шить-пошивать, рать-силу сгонять на меня. Я обратно пойду, тебя с собой возьму, на белый свет подыму и к отцу с матерью увезу.

Царевна рада-радехонька. Кинула шитье в печку, и солдаты исчезли все вдруг.

Отдохнул в Серебряном царстве Иван-богатырь, попил, поел и отправился в путь-дорогу.

Идет, идет, а свет все ярче и ярче становится. И потом все кругом так засияло — глазам больно. Скоро раскинулось перед ним Золотое царство. Дворец стоит из чистого золота, как жар горит. Окна в том дворце хрустальные, наличники алмазами изукрашены. У крыльца змеи с золотой чешуей, на золотых цепях прикованы, шипят, пасти разевают, дворец стерегут. На дворе колодец, у колодца золотой ковшик на золотой цепочке висит.

Иван-богатырь почерпнул воды из золотого колодца, сам попил и змеев напоил. Притихли змеи, спать улеглись.

Добрый молодец на золотое крылечко ступил, золотую дверь отворил. Во дворце на золотой лавке сидит третья сестра — Татьяна-царевна, столь прекрасная, что ни в сказке рассказать, ни пером описать. Сидит, шьет: как стежок стегнет, так три солдата выскочат, как другой стежок стегнет, так опять три солдата выскочат.

— Здравствуй, Татьяна-царевна, — поздоровался Иван-богатырь, — что ты шьешь-пошиваешь, на кого рать-силу сгоняешь?

— Здравствуй, добрый молодец! Белено сгонять рать-силу на Ивана-богатыря. Шить — силу сгонять охоты нет и не шить нельзя: убьет Кощеев племянник, Сам с ноготок, борода с локоток.

— Послушайся меня, прекрасная царевна, брось шитье в печку, я тебя на белый свет подыму да к отцу с матерью увезу.

— Ох ты, молодец удалый, много сюда охотников хаживало от нашего батюшки, да никто назад не воротился: всех погубил Сам с ноготок, борода с локоток. Он-то силен, да есть еще у него помощник — трехглавый змей. Никто с ним справиться не может. Вот, слышно, родился на Руси Иван-богатырь. Сам с ноготок, борода с локоток да трехглавый змей одного только этого богатыря и побаиваются. Велели нам сгонять силу несметную. Собираются на Ивана-богатыря войной идти.

— Опоздали они на меня войной идти. Сам я сюда пришел с Кощеевым племянником силами померяться да вас, трех сестер, из неволи выручить.

Обрадовалась Татьяна-царевна.

— Вот ты какой есть, Иван-богатырь!

Кинула шитье в печку, и солдат как не бывало. Царевна принялась хлопотать. Скатертью стол накрыла, разных кушаньев да вин нанесла, стала гостя потчевать:

— Кушай, добрый молодец!

Напоила, накормила Ивана-богатыря и говорит:

— Трудно тебе с Кощеевым племянником да со змеем управиться. Ведь у них в саду под золотой яблоней два кувшина стоят: направо кувшин с живой водой, налево с мертвой. Перед боем пьют они живую воду и после того никакая сила их не берет, никакой меч не сечет.

— Спасибо, прекрасная царевна, за ласку да за угощенье. Скажи, где мне найти Кощеева племянника, Самого с ноготок, борода с локоток.

— Лежит он в бане, весь избитый, израненный, парится да поправляется, ждет, покуда войско мы сгоним.

Крепко полюбила Ивану-богатырю Татьяна-царевна. Она и ростом вышла, и дородством взяла. Золотая коса ниже пояса, брови черного соболя, глаза с поволокой, а идет, будто лебедь белая плывет.

И царевна взглянула на Ивана-богатыря, зарумянилась-зарделась, будто маковый цвет.

— Пойдешь ты биться, — говорит царевна, — береги себя. Не бей Кощеева племянника другожды, а то он опять оживет.

От этих речей вострепелось сердце у доброго молодца, и стало ему легко, хорошо.

Поднялся с места, взял в руки палицу и простился с красной девицей.

Вышел на крыльцо, спустился в заповедный сад. Отыскал золотую яблоню и переставил кувшины с живой и мертвой водой. Направо, где стояла живая вода, поставил кувшин с мертвой водой, а налево перенес живую воду. Потом пошел в баню. Размахнул двери, а там на полке лежит Сам с ноготок, борода с локоток, парится, кричит:

— Дай жару! Дай жару!

Только Иван-богатырь через порог ступил, как он веник кинул и закричал:

— Что это русским духом пахнет?

Оглянулся и увидел Ивана-богатыря:

— А, Иван-богатырь сюда пришел смерти искать. От меня живым не уйдешь!

И в ту же минуту так свистнул, что семь потолочин вылетело, а прислужники повалились замертво. Соскочил с полка, выбежал на улицу. В ту пору все кругом зашумело, свет померк: прилетел трехглавый змей, в лапах кувшин держит.

— Где он, Иван русский богатырь?

Взглянул и засмеялся:

— Ой, да какой же он маленький! Я его на лапу положу, а другой прихлопну, и останется грязь да вода.

— Не хвались раньше времени, поганое чудовище, — отвечал Иван-богатырь. — Не по тебе ли станут панихиду петь?

А Сам с ноготок, борода с локоток торопит змея:

— Пей из кувшина да бей Ивана-богатыря, нечего тут разговоры разговаривать!

Выпил змей из кувшина воды глоток и сразу ослабел, худо на ногах держится.

Размахнулся Иван-богатырь вползамаха и убил змея.

Сам с ноготок, борода с локоток ногой топнул:

— Ох, вместо живой воды выпил змей мертвую воду!

И свистнул другой раз так сильно, что листья с деревьев осыпались, трава к земле приклонилась. Помешкал и закричал:

— Ах, девки-подлянки, обманули: нету войска! Ну, ладно, и один с тобой справлюсь.

Кинулся на Ивана-богатыря и так крепко его ударил, что по колена в землю вогнал. А Иван-богатырь так ударил Самого с ноготок, борода с локоток, что тот повалился, будто овсяный сноп.

Прислужники Кощеева племянника закричали:

— Бей его еще раз!

Ивану-богатырю ведомо: коли другой раз ударить — оживет Сам с ноготок, борода с

локоток. Отвечает он:

— Много чести вашему хозяину, чтобы русский богатырь его дважды бил. Довольно и одного раза.

Тут прислужники сами кинулись на доброго молодца. Иван-богатырь раскидал, разбросал их в разные стороны. Те, кто успел убежать, попрятались, а остальных всех порешил. И пошел в золотой дворец.

Татьяна-царевна в окошечко глядела. Увидала добра молодца издали. На крылечко выбежала, встретила Ивана-богатыря радостная.

— Храброму да удалому слава!

Сняла с пальца именной перстень, надела Ивану-богатырю, поклонилась.

— Как воротимся домой да буде любя тебе, добрый молодец, сватайся у батюшки, а мне ты сразу по сердцу пришел. Буду тебе верной женой.

Иван-богатырь радехонек. Татьяну-царевну за белые руки брал, своей невестой называл.

Стали они в обратный путь собираться. Вышли из золотого дворца. Подала ему царевна золотое яичко:

— Перебрось с руки на руку, увидишь, что будет.

Добрый молодец перекинул золотое яичко с руки на руку, не стало золотого дворца.

— Когда тебе понадобится, — говорит Татьяна-царевна, — где захочешь, там и поставишь золотой дворец, только перебрось яичко с руки на руку. А теперь пойдём к средней сестре.

Пришли в серебряный дворец.

— Собирайся, Марфа-царевна!

Средняя сестра обрадовалась, накормила, напоила меньшую сестру да Ивана-богатыря.

И только спустились с крыльца, перекинула серебряное яичко с руки на руку — не стало серебряного дворца. Подала яичко Ивану-богатырю.

— Где хочешь, там и ставь серебряный дворец.

И пошли к старшей сестре. Анна-царевна тоже перекинула с руки на руку медное яичко — и не стало медного дворца. Подала яичко Ивану-богатырю.

Повел царевен Иван-богатырь туда, где ремень висел.

Привязал к ремню дощечку:

— Садись, Анна-царевна.

Дернул за ремень, тащите, мол.

Вытащили названные братья царевну и не налюбуются:

— Ах, и до чего хороша девица!

Другой раз ремень опустили, вытащили среднюю сестру, краше первой. Опустили ремень в третий раз.

— Садись, Татьяна-царевна, — говорит Иван-богатырь.

— Нет, лучше ты садись. Пусть сперва тебя подымут, а то как бы там чего худого не замыслили против тебя.

Иван-богатырь не послушался.

— Не оставлю тебя здесь одну, а худого про мою дружину ты не думай. Вслед за тобой и меня подымут.

Подергал за ремень.

Дубыня, Горыня и Усыня вытащили Татьяну-царевну да так и обмерли:

— Этаким красоты век не видано!

Сразу все позабыли. Усыня кричит:

— Третью девицу я за себя возьму!

Горыня Марфу-царевну за руки ухватил:

— Эта девица моей женой будет!

— А я, братцы, на первой сестре женюсь! — Дубыня кричит.

— Погодите, добрые молодцы, — говорит Татьяна-царевна. — Забыли вы про Ивана-богатыря. Он трехглавого змея да Самого с ноготок, борода с локоток убил. Он нас из неволи выручил. Надо его сперва достать, а потом и поговорим.

Горыня с Усыней приумолкли. Опустили ремень в пропасть. А Дубыня закричал:

— Не слушайте! Бабьего ли ума это дело? Вытянем Ивана-богатыря кто-нибудь из нас невесты лишится.

Подскочил и перерезал ремень.

— Эх, — говорит Иван-богатырь, — не послушался я Татьяны-царевны: правду она говорила. Ну, да того не воротишь. Надо думать-гадать, как на белый свет попадать.

Пришел он в заповедный сад Самого с ноготок, борода с локоток, перекинул с руки на руку золотое яичко, и стал золотой дворец, как прежде стоял. Добрый молодец напился, наелся и лег спать:

— Утро вечера мудренее. Завтра делами займусь.

На другой день вышел в сад к золотой яблоне, взял кувшин с живой водой.

— Это мне пригодится.

А в ту пору зашумело все кругом, загремело. И как черная туча накатилась, прилетела на ковре-самолете Кощеева сестра, мать Самого с ноготок, борода с локоток, страшная: зубы железные, глаза оловянные, нос крючком, рот до ушей растянут, волосы распущены.

Пала она наземь, катается, плачет:

— Ох, да закатился млад-ясен месяц, не стало моего чадушки, сынка любимого.

Плакала, плакала, из сил выбилась и уснула.

Иван-богатырь перекинул с руки на руки золотое яичко, свернулся золотой дворец.

— Как обратно полетит Кощеева сестра, заставлю поднять меня на белый свет.

Ухватил Иван-богатырь Кощееву сестру за косы и втащил на ковер-самолет, а сам рядом сел.

— Поднимай на белый свет, а то смерти предам!

Кощеева сестра пробудилась, зубами закричала, по-змеиному зашипела и взвилась вверх. Носилась, носилась по подземному царству, не могла сбросить с ковра-самолета доброго молодца. Вылетела из подземелья на белый свет и поднялась выше облаков.

— Сейчас в море упаду и тебя утоплю!

Иван-богатырь косы на руку намотал, а в другой руке палицу держит:

— Меня утопишь и сама утонешь: не выпущу тебя.

Билась, билась Кощеева сестра, никак не может спихнуть Ивана-богатыря с ковра-самолета. Поднялась еще выше: земля под ними с копейку. Камнем вниз полетела.

— Падем в лесную чащу, только ты и жив был!

— Я разобьюсь — и тебе смерти не миновать, — отвечал Иван-богатырь.

На аршин до лесных верхушек не долетели, взмыл ковер-самолет кверху.

Накинулась Кощеева сестра на Ивана-богатыря.

Когтями рвет и зубами рвет, изо всех сил старается скинуть прочь с ковра-самолета. Бились, бились, не поддался добрый молодец. Сама выбилась из сил, спустилась на зеленый

лужок. Только Иван-богатырь на траву вскочил, как обернулась она малой букашкой, и не стало ни Кашеевой сестры, ни ковра-самолета, будто сквозь землю провалились.

— Ну, ладно, выбрался теперь на белый свет.

Помазал царапины да ссадины живой водой, и сразу полегчало.

Поотдохнул, собрался с силами Иван-богатырь и стал из лесу выбираться.

Шел лесами дремучими, полями широкими, через реки, озера переправлялся и пришел в свое царство. Смотрит, что такое? Все царство окаменело. И пахари на полях с конями, и косцы на лугах с косами, и пастухи со стадами, и лесорубы с топорами, и рыбаки на реках с неводами — все, кто как был, так в камень и обратились.

Добрался до стольного города. Зашел во дворец, и там никого живого не нашел. И царь на троне, и царица в тереме, и сенные девушки, и стража все недвижимы, все каменные. По дворцу походил, ни царевен, ни Дубыни с Горыней да с Усыней не нашел и нигде ни одной живой души не встретил.

Вышел из дворца и отправился добрый молодец куда глаза глядят. Шел, шел, смотрит: лежит побитое войско. Крикнул он:

— Есть ли кто живой? Отзовись!

Никто не откликается. Пошел кругом побоища, увидел Дубыню-богатыря, пополам перерубленного.

— Вот где Дубыня смерть нашел!

И вскоре встретилось другое побоище, больше первого. Иван-богатырь вскричал громким голосом:

— Откликнись хоть одна живая душа!

Постоял, постоял — никто ответа не подает. Оглянулся кругом и увидал: лежит под ракитовым кустом убитый Горыня-богатырь.

С версту прошел, увидал третью рать-силу, побитую больше первых двух. Остановился и крикнул:

— Коли есть кто жив человек, отзовись, сказки, кто побил ваше войско?

Тут приподнялся один воин и вымолвил:

— Один только я остался в живых.

И опять повалился на траву, закрыл глаза.

Иван-богатырь помазал ему раны живой водой, встал дружинник на ноги.

— Ах, как мне полегчало. Спасибо, добрый молодец!

Просит Иван-богатырь:

— Расскажи, отчего наше царство окаменело? Кто побил все три войска, и где Татьяна-царевна, Анна-царевна да Марфа-царевна? Я все царские покои обошел, не нашел царевен.

— Три года уже тому миновало, — говорит дружинник, — как похитили у нашего царя трех дочерей. Сколько по всему свету ни искали, найти не могли. А не так давно приехали три чужеземных богатыря: Дубыня, Горыня да Усыня, привезли царевен домой. Отбили богатыри царевен у подземного царя, родного племянника Кощея Бессмертного. Царь с царицей на радостях столы поставили, и пошло во дворце веселье, пиры да угощенье. Слышно было, хотел царь за тех богатырей отдать дочерей в замужество, а царевны супротивились, плакали, не хотели замуж идти. В ту пору и напал на наше царство Кощей Бессмертный с несметными полчищами. Послал царь ему навстречу наши три рати, а воеводами поставил трех богатырей: Дубыню, Горыню да Усыню. Все три наших войска Кощей повоевал: погубил да огнем спалил. Царство и весь народ в камень обратил, а царевен

в полон взял и увез в свое Кощеево царство. И вот ты, добрый человек, меня вылечил, а идти мне некуда.

Иван-богатырь говорит:

— Пойдем с Кошеем Бессмертным воевать.

— Покуда Кошеевой смерти не сыщем, нам с Кошеем не справиться.

— Да хоть весь белый свет обойдем, а Кошееву смерть найдем, — отвечал Иван-богатырь.

На том они с дружинником согласились и отправились в путь-дорогу.

Много земель прошли, во многих царствах побывали, везде про Кошееву смерть выспрашивали, а никто сказать не может, где она есть.

Пристигла в пути добрых молодцев темная ночь. Попросились они у бабушки-задворенки переночевать. Она их пустила. Напоила, накормила, стала спрашивать:

— Чьи молодцы, из какой земли? Своей ли волей идете, или неволя-нужда гонит?

Отвечает Иван-богатырь:

— Мы вот из такой-то земли. Идем по своей воле Кошееву смерть добывать. Напал Кощей Бессмертный на наше царство с несметной силой. Войско наше порубил, пожег, а народ и все царство в камень обратил. Надо нам Кощея Бессмертного победить, царство свое от злых чар освободить да трех царских дочерей из неволи выручить.

— Ох, вы, детушки, знаю я, где Кошеева смерть, да достать ее трудно.

— Мы трудов не боимся и жизни своей не пожалеем, а свое царство оживим, — отвечают добрые молодцы. — Скажи только, где искать Кошееву смерть?

— Есть за тридевять земель, в тридесятом царстве каменная гора выше облаков. В середине горы железный ларец замурован, а в том ларце яйцо, в яйце Кошеева смерть. Сколь путь ни тяжелый, при нужде пройти молено, а вот каменную гору раздробить, своротить никому не удавалось.

На другой день Иван-богатырь с дружинником встали со светом вдруг. С бабушкой-задворенкой распростились и отправились в дальнюю дорогу.

Шли, шли, смотрят: сидит на придорожном камне человек, спрашивает Ивана-богатыря да дружинника:

— Куда, молодцы, путь держите?

— Идем Кошееву смерть добывать.

— А где она?

— В тридесятом царстве, за тридевять земель, в каменной горе замурована.

— Возьмите меня с собой, я вам помогу ту гору раздробить: ведь с малых лет по горному делу работаю.

— Пойдем.

Долго ли, коротко ли шли, пришли в тридесятое царство. Увидали высокую каменную гору. Вершина той горы выше туч подымается. Принялись гору дробить. Горный мастер камень бурит да рвет, Иван-богатырь палицей бьет да крупные глыбы отваливает, дружинник мелкие камни отгребает.

Много времени камень дробили, ломали, на аршин в неделю подавались. И до того изнурились, еле на ногах держатся.

Говорит дружинник:

— И в год нам до железного ларца не добратся, пойдем прочь.

— Хоть век будем гору дробить, а не отступимся. Покуда Кощея Бессмертного не

победим, назад не воротимся, — отвечает Иван-богатырь.

А горный мастер поддакивает:

— Большая работа лишь по началу страшит, а уменье да труд дело вершит.

И вот на седьмой месяц проломали гору до середины и увидали железный ларец, золотом окованный. Горный мастер говорит:

— Почуял теперь Кощей Бессмертный, что гибель близко. Скоро он сюда налетит. Надо торопиться смерть из ларца доставать, а то будет беда!

Стал Иван-богатырь палицей по железному ларцу бить. Бил, бил, расплющил ларец, а разбить не может.

Вдруг все кругом загремело, загрохотало, буря поднялась.

— Поспешай, Иван-богатырь, — торопит горный мастер, — не разобьешь ларца — все наши труды даром пропадут. Отберет Кощей ларец, век его не сыскать тогда, и людям не будет облегчения, покуда он жив.

А Кощей уже огнем палит.

В ту пору изловчился Иван-богатырь, ударил изо всех сил и вдребезги разбил ларец. Выкатилось яйцо из ларца. Ударил еще раз по яйцу, и такой пошел гром, что вся гора в прах рассыпалась. Упал Кощей Бессмертный на землю бездыханный. Сожгли его, и пепел по ветру развеяли, а сами пошли в Кощеево царство.

Увидали царевны Ивана-богатыря. Кинулась к нему меньшая сестра, заплакала:

— Ты ли это, голубь сизокрылый, Иванушка?

И все три царевны в один голос заговорили:

— Зачем, добрые молодцы, сюда пришли? Скоро Кощей прилетит и погубит нас всех.

— Не печалуйтесь, красные девицы, не станет больше Кощей людей обижать: нету его в живых.

Обрадовались сестры:

— Коли нет Кощея в живых, то и наше царство ожило. Теперь все Кощевы чары рушились.

И стали домой собираться. Три мешка насыпали каменьев самоцветных да золота. Нашли в кладовой ковер-самолет и скоро попали в свое царство. Прилетели в стольный город, опустились на главной площади возле царского дворца. Царевны побежали к отцу с матерью. А Иван-богатырь перекинул с руки на руку золотое яичко, — стал золотой дворец, потом перекинул серебряное яичко, — поставил серебряный дворец, а под конец перекинул с руки на руку медное яичко, — стал медный дворец.

Царь с царицей дочерей увидали — плачут и смеются от радости, на три дворца не налюбуются.

Ивана-богатыря, горного мастера да дружинника хвалят, угощают, и весь народ их славит. Иван-богатырь поехал к отцу с матерью, привез их в стольный город.

И в скором времени начали во дворце свадьбы играть. Ивана-богатыря повенчали с Татьяной-царевной, за горного мастера отдали среднюю сестру Марфу-царевну, а дружинник женился на старшей сестре Анне-царевне.

Три недели тянулись веселые пиры, столованье, а потом Иван-богатырь с молодой женой да со своими родителями поселился в золотом дворце.

Горный мастер с Марфой-царевной — в серебряном дворце, а дружинник да Анна-царевна — в медном дворце.

И стали все жить-поживать да добра наживать. А как умер старый царь, стал тем

царством править Иван-богатырь, крестьянский сын.

ЖОЗЕ И ПРИНЦЕССА

Мексиканская сказка

Жил-был добрый малый по имени Жозе. Он был очень любознательный и мечтал объездить все страны. Вот однажды, сев на своего верного коня, он поехал искать по белу свету счастья и новых приключений.

Ехал он, ехал, и вдруг повстречал группу солдат, которые тотчас окружили его и собрались арестовать.

— Но я же ничего плохого не сделал, — возразил Жозе.

— Ты похож на шпиона, а кроме того, нам нужны люди на строительство дорог.

— Но я не хочу строить дороги бесплатно!

— Заключение не получают денег, — с достоинством изрекли солдаты.

И когда Жозе попытался вновь возразить, они схватили его и посадили в темницу. А поскольку он продолжал возмущаться, они лишили его еды и питья.

А у короля той страны, куда попал бедный Жозе, была дочь. И была она неотразимо красива и необычайно добра. Узнав про бедного чужестранца, заточенного в темницу, она взяла корзиночку, полную вкусных вещей, и поспешила к нему на помощь. А темница в том государстве была полна заключенных, которых каждый день казнили. Король той страны был очень ленив. Целыми днями он играл в мяч и разгадывал кроссворды. Вскоре в королевстве не осталось ни одного нерешенного ребуса, и король очень скучал от безделья. Чтобы улучшить себе настроение, он развлекался тем, что расстреливал часть заключенных и приказывал солдатам набирать новых.

Принцесса каждый день приносила Жозе вкусную еду, и они полюбили друг друга. Солдаты уже привыкли к этому и беспрепятственно впускали ее в темницу.

Однажды один из солдат заметил:

— Сдается мне, что наша принцесса влюбилась в Жозе.

— Да, — ответил второй, — это была бы неплохая парочка, если бы завтра не наступал его черед быть расстрелянным.

Принцесса услышала это и сказала своему возлюбленному:

— Не волнуйся, я что-нибудь придумаю.

На следующий день король встал особенно не в настроении и решил повеселить себя расстрелом Жозе.

Принцесса побежала к возлюбленному и что-то прошептала ему на ухо. Солдаты взяли юношу и привели его к королю.

— Подожди, папа, — вмешалась принцесса, — если он загадает тебе загадку, которую ты не сможешь разгадать, ты сохранишь ему жизнь?

— Конечно, — согласился король, — почему бы и нет? — И он приготовился слушать.

— Что, Ваше Величество, — спросил Жозе, — сначала ходит на четырех ногах, потом на двух и, наконец, на трех ногах?

Король задумался, но сколько он ни старался, не мог придумать ответ.

— Ну хорошо! — сдался он. — Я сохраню тебе жизнь, но ответ мне поскорее, что же это такое?

— Это очень просто: это вы. Ваше Величество. Когда вы были малюткой, вы ползали на

руках и ногах, когда вы выросли, то стали ходить на двух ногах. А когда вы станете старым, то возьмете в руки трость, и это будет ваша третья нога. Ну, прав я? Сначала на четырех, затем на двух, а в конце на трех ногах.

Король был поражен простотой ответа.

— Ты, должно быть, очень умен, — сказал он юноше, — раз сумел меня обхитрить. Бери в жены мою дочь и живи с ней счастливо.

В честь молодых был устроен пышный пир, и на радостях выпустили из темницы всех заключенных.

Прошло несколько месяцев, и Жозе вновь захотелось повидать мир. Он оделся в свою старую одежду, вывел из конюшни своего пегого коня и поехал домой. Приехав в родное селение, он очень обрадовался, увидев отца и мать. За разговорами прошел день и ночь, а наутро Жозе вместе с братьями отправился косить в поле. К полудню они устали и сели в теничке пообедать. Вдруг они услышали звук горнов и увидели золотую карету, мчавшуюся прямо по направлению к ним. За каретой шло целое войско солдат в парадных мундирах, с барабанами и горнами в руках. Родственники Жозе очень испугались, а он только улыбнулся и сказал:

— Не волнуйтесь, это моя жена привезла мне завтрак!

РЫЦАРЬ-ЭЛЬФ

Шотландская сказка

Есть в одном глухом углу Шотландии безлюдная пустошь — поросший вереском торфяник. Говорят, будто в стародавние времена там блуждал некий рыцарь из мира эльфов и духов. Люди видели его редко, примерно раз в семь лет, но во всей округе его боялись. Ведь бывали случаи, что отважится человек пойти по этой пустоши и пропадет без вести. Сколько бы его ни искали, как бы внимательно ни осматривали чуть не каждый дюйм земли, ни следа его не находили. И вот люди, дрожа от ужаса, возвращались домой после бесплодных поисков, покачивали головами и говорили, что пропавший, должно быть, в плену у страшного рыцаря-эльфа.

Пустошь всегда была безлюдна, потому что никто не смел на нее ступить, а тем более поселиться там. И вот на пустоши стали водиться дикие звери. Они спокойно делали себе норы и логовища, зная, что смертные охотники их не потревожат.

Неподалеку от этой пустоши жили два молодых человека — граф Сент-Клер и граф Грегори. Они очень дружили — вместе катались верхом, вместе охотились, а порой и сражались рядом.

Оба они очень любили охоту. И вот граф Грегори как-то раз предложил другу поохотиться на пустоши, несмотря на то, что там, по слухам, бродил рыцарь-эльф.

— Я в него почти не верю, — воскликнул он со смехом. — По-моему, все рассказы про него — просто бабьи сказки, какими малых ребят пугают, чтобы они не бегали по вересковым зарослям. Ведь ребенку там и заблудиться недолго. Жаль, что такие богатые охотничьи угодья пропадают зря, и нечего нам, бородатым мужчинам, прислушиваться ко всяким небылицам.

Но граф Сент-Клер даже не улыбнулся на эти слова.

— С нечистой силой шуточки плохи, — возразил он. — И это вовсе не сказки, что иные путники шли по пустоши, а потом пропадали без вести. Но ты правду сказал — жаль, что такие охотничьи угодья пропадают зря из-за какого-то рыцаря-эльфа.

Подумать только — ведь он считает эту землю своей и берет с нас, смертных, пошину, если мы посмеем ступить на нее. Впрочем, я слышал, что от рыцаря можно уберечься, стоит только надеть на себя знак святой троицы — трилистник. Поэтому давай привяжем себе к руке по трилистнику. Тогда бояться нам будет нечего.

Сэр Грегори громко расхохотался.

— Ты что, за младенца меня считаешь? — сказал он. — За ребенка, что сначала пугается каких-то дурацких басен, а потом верит, что листок клевера может его защитить? Нет, нет, сам носи этот знак, если хочешь, а я полагаюсь только на свой добрый лук и стрелы.

Но граф Сент-Клер поступил по-своему. Он не забыл, что говорила ему мать, когда он малым ребенком сидел у нее на коленях. А говорила она, что тому, кто носит на себе трилистник, нечего бояться злых чар, все равно чьих — колдуна или ведьмы, эльфа или демона.

И вот он пошел на луг, сорвал листок клевера и привязал его шелковым шарфом к руке. Потом сел на коня и вместе с графом Грегори поехал на безлюдную глухую пустошь.

Прошло несколько часов. Все у друзей шло хорошо, и в пылу охоты они даже позабыли о своих опасениях. И вдруг оба натянули поводья, придержали коней и стали тревожно всматриваться в даль.

Какой-то незнакомый всадник пересек им дорогу, и друзьям захотелось узнать, кто он такой и откуда взялся.

— Кто бы он ни был, но, клянусь, едет он быстро, — сказал граф Грегори. — Я-то думал, что ни один конь на свете не обскочит моего скакуна. Но теперь вижу, что конь этого всадника раз в семь резвее моего. Давай поедем за ним и узнаем, откуда он явился.

— Сохрани тебя бог гнаться за ним! — воскликнул граф Сент-Клер. Ведь это сам рыцарь-эльф! Разве не видишь ты, что он не по земле едет, а по воздуху летит? Хоть сначала и кажется, будто скачет он на простом коне, но на самом деле его несут чьи-то могучие крылья. И крылья эти хлопают по воздуху, словно птичьи. Да как же можно за ним угнаться? Черный день настанет для тебя, если ты попытаешься его нагнать.

Но граф Сент-Клер забыл, что сам-то он носит на себе талисман, который позволяет ему видеть вещи такими, какие они на самом деле. А у графа Грегори такого талисмана нет, и потому глаза его не различают того, что заметил его друг. Поэтому он и удивился и встревожился, когда граф Грегори резко проговорил:

— Ты прямо помешался на рыцаре-эльфе! А мне так кажется, что этот всадник просто какой-то благородный рыцарь: одет он в зеленую одежду, едет на крупном вороном коне. Я люблю смелых наездников, и потому мне хочется узнать его имя и звание. Так что я буду гнаться за ним хотя бы до края света.

И, не добавив ни слова, граф Грегори пришпорил коня и поскакал в ту сторону, куда мчался таинственный всадник. А граф Сент-Клер остался один на пустоши. Пальцы его невольно потянулись к трилистнику, и с дрожащих уст слетели слова молитвы.

Он понял, что друг его уже заколдован. И граф Сент-Клер решил следовать за ним, если нужно, хоть на край света, и постараться расколдовать его.

Между тем граф Грегори все скакал и скакал вперед, следуя за рыцарем в зеленой одежде. Скакал он и по торфяникам, поросшим вереском, и через ручьи, и по мхам и наконец заехал в такую глушь, куда никогда в жизни не заглядывал. Здесь дул холодный ветер, словно прилетевший с ледников, а на увядшей траве лежал толстым слоем иней. И здесь его ждало такое зрелище, от какого любой смертный отшатнулся бы в ужасе.

Он увидел начертанный на земле огромный круг. Трава внутри этого круга была ничуть не похожа на увядшую, мерзлую траву на пустоши. Она была зеленая, пышная, сочная, и на ней плясали сотни легких, как тени, эльфов и фей в широких, прозрачных, тускло-голубых одеждах, что развевались по ветру, словно змеистые клочья тумана.

Духи то кричали и пели, то махали руками над головой, то, как безумные, метались из стороны в сторону. Когда же они увидели графа Грегори а он остановил коня у черты круга, — они принялись манить его к себе костлявыми пальцами.

— Иди сюда, иди сюда! — кричали они. — Иди, попляши с нами, а потом мы выпьем за твое здоровье из круговой чаши нашего повелителя.

Как ни странно, но чары, сковавшие молодого графа, были до того сильны, что он, хоть и страшно ему было, не мог не пойти на зов эльфов. Он бросил поводья на шею коня и уже хотел было шагнуть внутрь круга. Но тут один старый седой эльф отделился от своих собратьев и подошел к нему. Должно быть, он не посмел выйти из заколдованного круга — остановился у самого его края. Потом наклонился и, делая вид, что хочет что-то поднять с

земли, проговорил хриплым шепотом:

— Я не знаю, кто ты и откуда ты приехал, сэр рыцарь. Но если жизнь тебе дорога, берегись входить в круг и веселиться с нами. А не то погибнешь.

Но граф Грегори только рассмеялся.

— Я дал себе слово догнать рыцаря в зеленом, — сказал он, — и я сдержу это слово, даже если суждено мне провалиться в преисподнюю.

И он переступил через черту круга и очутился в самой гуще пляшущих духов.

Тут все они закричали еще пронзительней, запели еще громче, закружились еще быстрее, чем раньше. А потом вдруг умолкли все сразу, и толпа разделилась, освободив проход в середине. И вот духи знаками приказали графу идти по этому проходу.

Он тотчас же пошел и вскоре приблизился к самой середине заколдованного круга. Там за столом из красного мрамора сидел тот самый рыцарь в одежде, зеленой, как трава, за которым граф Грегори гнался так долго. Перед рыцарем на столе стояла дивная чаша из цельного изумруда, украшенная кроваво-красными рубинами.

Чаша эта была наполнена вересковой брагой, и брага пенилась, чуть не переливаясь через край. Рыцарь-эльф взял в руки чашу и с величавым поклоном подал ее брату Грегори. А тот вдруг почувствовал сильную жажду. Поднес чашу к губам и стал пить.

Он пил, а брага не убывала. Чаша по-прежнему была полна до краев. И тут впервые сердце у графа Грегори дрогнуло, и он пожалел, что пустился в столь опасный путь.

Но жалеть было уже поздно. Он почувствовал, что все тело его цепенеет, а по лицу расползается мертвенная бледность. Не успев даже крикнуть о помощи, он выронил чашу из ослабевших рук и как подкошенный рухнул на землю, к ногам повелителя эльфов.

Тут толпа духов испустила громкий крик торжества. Ведь нет для них большей радости, чем заманить неосторожного смертного в свой круг и так его заколдовать, чтобы он на долгие годы остался с ними.

Но вскоре их ликующие крики поутихли. Духи стали что-то бормотать и шептать друг другу с испуганными лицами — их острый слух уловил шум, вселивший страх в их сердца. То был шум человеческих шагов, таких решительных и уверенных, что духи сразу догадались: пришелец, кто бы он ни был, свободен от злых чар. А если так, значит, он может им повредить и отнять у них пленника.

Опасения их оправдались. Это храбрый граф Сент-Клер приближался к ним без страха и колебаний, ибо он нес на себе священный знак.

Едва он увидел заколдованный круг, как решил сразу же переступить магическую черту. Но тут старенький седой эльф, что незадолго перед тем говорил с графом Грегори, остановил его.

— Ох, горе, горе! — шептал он, и скорбью веяло от его сморщенного личика. — Неужто ты, как и спутник твой, приехал уплатить дань повелителю эльфов годами своей жизни? Слушай, если есть у тебя жена и дитя, заклинаю тебя всем, что для тебя священо, уезжай отсюда, пока не поздно.

— А кто ты такой и откуда взялся? — спросил граф, ласково глядя на эльфа.

— Я оттуда, откуда ты сам явился, — печально ответил эльф. — Я, как и ты, когда-то был смертным человеком. Но я пошел на эту колдовскую пустошь, а повелитель эльфов явился мне в обличий прекрасного рыцаря. Он показался мне таким храбрым, благородным и великодушным, что я последовал за ним и выпил его вересковой браги. И вот теперь я обречен прозябать здесь семь долгих лет. А твой друг, сэр граф, тоже отведал этого

проклятого напитка и теперь замертво лежит у ног нашего повелителя. Правда, он проснется, но проснется таким, каким стал я, и так же, как я, станет рабом эльфов.

— Неужели я не смогу помочь ему раньше, чем он превратится в эльфа? горячо воскликнул граф Сент-Клер. — Я не боюсь чар жестокого рыцаря, что взял его в плен, ибо я ношу знак того, кто сильнее его. Скорей говори, человечек, что я должен делать — время не ждет!

— Ты можешь кое-что сделать, сэр граф, — молвил эльф, — но это очень опасно. А если потерпишь неудачу, тебя не спасет даже сила священного знака.

— Что же я должен сделать? — повторил граф.

— Ты должен недвижно стоять и ждать на морозе и холодном ветру, пока не займется заря и в святой церкви не зазвонят к заутрене, — ответил старенький эльф. — А тогда медленно обойди весь заколдованный круг девять раз. Потом смело перешагни через черту и подойди к столу из красного мрамора, за которым сидит повелитель эльфов. На этом столе ты увидишь изумрудную чашу. Она украшена рубинами и наполнена вересковой брагой. Возьми эту чашу и унеси. Но все это время не говори ни слова. Ведь та заколдованная земля, на которой мы пляшем, только смертным кажется твердой. На самом деле тут зыбкое болото, трясина, а под нею огромное подземное озеро. В том озере живет страшное чудовище. Если ты на этом болоте вымолвишь хоть слово, ты провалишься и погибнешь в подземных водах.

Тут седой эльф сделал шаг назад и вернулся в толпу других эльфов. А граф Сент-Клер остался один за чертой заколдованного круга. И там он, дрожа от холода, недвижно простоял всю долгую ночь.

Но вот серая полоска рассвета забрезжила над вершинами гор, и ему показалось, будто эльфы начинают съезживаться и таять. Когда же над пустошью разнесся тихий колокольный звон, граф Сент-Клер начал обходить заколдованный круг. Раз за разом он обходил круг, несмотря на то, что в толпе эльфов поднялся громкий гневный говор, похожий на отдаленные раскаты грома. Сама земля под его ногами как будто тряслась и вздымалась, словно пытаясь стряхнуть с себя незваного гостя.

Но сила священного знака помогла ему уцелеть.

И вот он девять раз обошел круг, потом смело переступил через черту и устремился к середине круга. И каково же было его удивление, когда он увидел, что все эльфы, которые здесь плясали, теперь замерзли и лежат на земле, словно маленькие сосульки! Они так густо усеяли землю, что ему едва удавалось не наступить на них.

Когда же он подошел к мраморному столу, волосы его стали дыбом. За столом сидел повелитель эльфов. Он тоже оцепенел и замерз, как и его подданные, а у его ног лежал окоченелый граф Грегори.

Да и все здесь было недвижно, кроме двух черных, как уголь, воронов. Они сидели на концах стола, словно сторожа изумрудную чашу, били крыльями и хрипло каркали.

Граф Сент-Клер взял в руки драгоценную чашу, и тут вороны поднялись в воздух и стали кружить над его головой. Они яростно каркали, угрожая выбить у него из рук чашу своими когтистыми лапами. Тогда замерзшие эльфы и сам их могущественный повелитель зашевелились во сне и приподнялись, словно решив схватить дерзкого пришельца. Но сила трилистника помешала им. Если бы не этот священный знак, не спаслись бы графу Сент-Клеру.

Но вот он пошел обратно с чашей в руке, и его оглушил зловеющий шум. Вороны каркали,

полузамерзшие эльфы визжали, а из-под земли доносились шумные вздохи страшного чудовища. Оно затаилось в своем подземном озере и жаждало добычи.

Однако храбрый граф Сент-Клер ни на что не обращал внимания. Он решительно шел вперед, веря в силу священного трилистника, и сила та оградила его от всех опасностей.

Как только умолк колокольный звон, граф Сент-Клер снова ступил на твердую землю, за черту заколдованного круга и далеко отшвырнул от себя колдовскую чашу эльфов.

И вдруг все замерзшие эльфы пропали вместе со своим повелителем и его мраморным столом, и никого не осталось на пышной траве, кроме графа Грегори. А он медленно пробудился от своего колдовского сна, потянулся и поднялся на ноги, дрожа всем телом. Он растерянно оглядывался кругом и, должно быть, не помнил, как сюда попал.

Тут подбежал граф Сент-Клер. Он обнял друга и не выпускал из своих объятий, пока тот не пришел в себя и горячая кровь не потекла по его жилам.

Потом друзья подошли к тому месту, куда граф Сент-Клер швырнул волшебную чашу. Но там они вместо нее нашли только маленький обломок базальта. На нем была ямка, а в ней капелька росы.

НЕВЕСТА-МЫШЬ

Карельская сказка

Было у крестьянина три сына. Старшего и среднего отец любил, ни в чем им не отказывал, а младшего считал дурачком и во всем его обижал.

Жили-пожили, сыновья стали взрослыми, пришло время их женить. Говорит отец:

— Вот, сыновья, вы уже взрослые, жениться вам пора. Поезжайте, кто куда пожелает, а завтра утром вернетесь и скажете мне, каких невест себе сосватали.

Принарядились старшие сыновья, дал им отец по коню, а младшему ничего не дал. В чем был, в том и отправился он за невестой. Старшие братья поехали прямо в богатые дома, быстро себе невест сосватали, дочерей богатых крестьян, пригожих да с большим приданым. А младший брат пошел куда глаза глядят, думает: «Кто за меня, горемычного, пойдет, да и одет-то я не как жених!» А идти надо. Шел, шел по тропке, зашел в лес, да потерял тропку. Много ли, мало ли верст прошел, кругом лес глухой, деревья стоят высокие, кусты непроходимые. Видит — стоит избушка. Маленькая такая, низенькая — надо зайти, отдохнуть, спешить-то некуда! Зашел в избушку, а там никого. Посреди избушки стол стоит, на столе мышка сидит, на гостя глазенки таращит. Сел парень на лавку, думает: «Подожду хозяев, должен же кто-то прийти!» Тут мышь заговорила, ласковым голосом спросила:

— Куда, добрый человек, путь держишь?

Удивился крестьянский сын, отвечает:

— А ведь ты мне ни помочь, ни помешать не можешь, так зачем тебе знать, куда я иду?

— А ты скажи, не скрывай, — молвит мышь, — кто знает, может, я и смогу тебе помочь!

Понравилось парню, что мышь так приветливо с ним говорит, решил сказать ей правду:

— Жениться мне надо, невесту ищу, — и рассказал, как отец наказал всем братьям найти невест и как отправил их в путь.

Мышь ему говорит:

— А ты женись на мне!

Это показалось парню до того забавным, что он рассмеялся, но как вспомнил свой дом, отца, задумался: «Раз все надо мной смеются, называют дурачком, я и невесту приведу по себе!» Согласился он жениться на мышке, обручился с ней и вернулся домой.

Собрались все братья, отец спрашивает у них, кто какую невесту сосватал. Старший и средний сыны похваляются невестами, а младшему хвалиться нечем. Отец говорит:

— Ну, а ты, дурачок, кого сосватал?

— А я в лесу невесту нашел.

— Кого это ты там сосватал?

— А что в лесу есть, то и нашел, — ответил сын.

Не стал он больше ничего объяснять, забрался на печку и лег спать.

На следующий день отец опять позвал сыновей и говорит:

— К завтрашнему утру принесите мне хлеб, испеченный вашими невестами. Я посмотрю, кто лучше печь умеет.

Отправились братья к своим невестам. Старший и средний едут, весело напевая. Младший тоже пошел, хоть и не надеялся ничего получить. «Какой от мышки хлеб! —

думает. — Разве что сухую корочку найдет да принесет». Добрался он до избышки, а мышь, его невеста, на столе сидит, словно ждет. Спрашивает она у жениха:

— Зачем пожаловал, мой суженый, не за мной ли приехал?

— Пришел за хлебом. Отец всех нас отправил к невестам, чтобы испекли для него хлеб.

Хочет посмотреть, кто лучше печь умеет, — сказал он.

— Не тужи, ложись спать.

Только жених уснул, мышка вышла на крыльцо, позвонила в колокольчик:

— Родичи мои славные, слуги мои верные, собирайтесь все ко мне!

Сбежалось тут мышей видимо-невидимо! Говорит им мышь-невеста:

— Принесите мне каждая свое лучшее пшеничное зернышко!

Мигом разбежались все по норкам, принесли по зернышку, смололи, замесили тесто и хлеб испекли. Утром подает невеста парню хлеб. Обрадовался он, но ничего не сказал, только поблагодарил и пошел домой. Явились сыновья к отцу в назначенное время, каждый подает ему свой хлеб. У старшего сына хлеб из ржаной муки, у среднего — из ячменной, обыкновенный крестьянский хлеб. Раскрывает отец хлеб младшего сына — он такой ароматный, румяный, мягкий — из чистой пшеницы, хоть на царский стол подавай! Удивился отец, откуда у дурачка такой хлеб, но промолчал, не хотел обидеть старших, любимых сыновей. Дает он другое задание:

— Теперь пусть ваши невесты соткут по куску полотна! Я хочу посмотреть, кто лучше ткет.

Опять идут братья к невестам. Младший глядит уже повеселее, надеется, авось и его мышка что-нибудь придумает. Пришел в избышку, мышка тут как тут. Сказал он ей, зачем на этот раз пришел. Она уложила жениха спать, взяла колокольчик, вышла на крыльцо.

— Родичи мои славные, слуги мои верные, соберитесь все ко мне!

Тут сбежалось много мышей, ждут, что она скажет. Мышка-невеста говорит:

— Принесите мне каждая свое лучшее льняное волоконец!

Мыши юркнули в норки, выбрали волокно, что получше, мигом вернулись к хозяйке. И закипела у них работа: быстро спряли нитки, стали основу сновать, ткать — к утру полотно было готово, да такое белое и тонкое, как паутина. Невеста свернула полотно, вложила в ореховую скорлупку, сколько вошло, и подала жениху. Парень поблагодарил мышку и отправился домой. Другие братья уже там с полотном — с большими кусками. Стыдно стало младшему, что у него так мало, да думает: «Пусть смеются, не впервой мне терпеть насмешки!» Показали старшие — обыкновенное грубое льняное полотно. Младший мешкает. Отец и говорит ему:

— Что же ты, дурак, не показываешь мастерство своей невесты? Видать, и невеста в тебя!

Подает он отцу орех, а братья хохочут. Взял отец орех, раскрыл его, вытащил полотно, расстелил — оказалось пятьдесят локтей такого тонкого и белого полотна, какое только у царей, наверно, и бывает! Отец больше прежнего удивился, но не говорит сыну доброго слова:

— Ладно, хорошо, что и ты принес, иди на печку, спи!

Проходит сколько-то дней, опять говорит отец сыновьям:

— Настало время, сыновья, и невест показать. Поезжайте за ними, а завтра утром все будьте здесь!

Старшие, как всегда, на конях, а младший пешком. Идет и думает: «Вот будет потеха»

братьям и отцу, как приведу я свою мышку. Теперь-то уж выгонят из дому!.. Ах, лучше по свету скитаться или в той лесной избушке жить, чем терпеть обиды в отцовском доме!» С этими думами входит в избушку и говорит невесте:

— Отец хочет тебя видеть.

— Что ж, поедем, — отвечает мышка.

Запрягла она трех черных мышей в карету из ореховых скорлупок, одну мышь посадила за кучера, сама села в карету:

— Ну вот, я готова, едем!

Поехали. Мышь едет, а парень рядом шагает. Хоть и страшно ему, и стыдно, а чему быть, того не миновать! Надо им через речку ехать, по мосту. Въехала мышь в своей карете на мост, а тут прохожий навстречу идет, дивуется:

— Что за путники такие, сроду не видал, чтобы мышь в карете ехала! Вот так барыня! — взял и пнул. И невеста с каретой, и упряжка — все полетело с моста в реку и скрылось под водой.

Парень остановился в смущении, не знает, как и быть, что же он теперь отцу скажет? Сосватал себе мышь, и та утонула, но не успел он еще с места тронуться, как вдруг вода в реке забурлила и на берег выскочила тройка вороных коней, запряженных в золоченую карету! Выбрались кони на дорогу, кучер осадил их, тройка остановилась. А из кареты выходит девушка невиданной красоты, и во сне ему такая никогда не снилась! Стоит он, будто к месту прирос. А девушка смотрит на него, улыбается и говорит:

— Что же ты стоишь? Садись в карету и вези меня к своему отцу! Это я, твоя невеста!

Ничего не понимает парень, но все-таки сел в карету. Подумал, что это сон. Тут девушка стала ему рассказывать о себе:

— Я дочь короля. Злая Суюятар превратила меня и все наше царство в мышей за то, что я не согласилась выйти замуж за ее сына. И до тех пор я должна была быть мышью, пока не найдется человек, который согласится жениться на мне и пока меня не сбросят в воду. К счастью, прохожий сбросил меня в реку, и я смогу показаться твоему отцу девушкой.

Счастливый жених подъехал с красавицей-невестой, с дочерью короля, к отцовскому дому. Там ждали его, остальные братья с невестами уже были на месте. При виде такой богатой упряжи все опешили. Но когда младший сын подвел свою невесту к отцу — никто глазам своим не поверил, а отец и рта раскрыть не смог. Вот так дурачок, всех одурачил! Тут отцу стыдно стало, что он обижал его, называл дураком. Уж по-другому стал смотреть он на младшего сына. На свадьбе отец спрашивает у него, где он нашел такую невесту. А сын опять и отвечает:

— В лесу нашел.

Хотел отец обозвать сына по привычке дураком, да вовремя спохватился. Девушка услышала это и рассказала отцу все без утайки.

После свадьбы младший сын уехал в королевство своей жены, где все уже стало по-прежнему. Там они и сейчас живут в счастье да богатстве, если еще живы.

ЙОРИНДА И ЙОРИНГЕЛЬ

Немецкая сказка

Стоял когда-то в большом и густом лесу старый замок, и жила в том замке только одна старуха, и была она самая большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову, а вечером принимала опять свой прежний вид. Она умела приманивать всяких зверей и птиц, убаюкивала их, варила и жарила себе на еду. Если кто подходил на сто шагов к этому замку, тот останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятия; а если заходила в тот заколдованный круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу, запирали в клетку и уносила в одну из комнат замка. Гак собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными птицами.

А жила-была в ту пору девушка, звали ее Йориндой, и была она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватался за нее такой же прекрасный юноша, звали его Дорингель, и это были предбрачные дни, — и весело, радостно было им вместе.

И вот, чтобы поговорить наедине, пошли они раз в лес.

— Только смотри, — говорит ей Йорингель, — к замку близко не подходи.

А вечер был хороший, ярко светило солнце сквозь деревья в темную лесную зелень, и жалобно пела горлинка над старыми буками.

Йоринда несколько раз принималась плакать, потом села она на солнышке и пригорюнилась. Йорингелю тоже стало грустно. И были они так печальны, будто предстояла им близкая смерть. Они оглянулись — видят, что заблудились, не знают, как найти им теперь дорогу домой. А солнце еще не зашло за горы, но скрылось уже наполовину за вершинами.

Глянул Йорингель сквозь заросли лесные, видит — стоят перед ним уже близко-близко старые стены замка. Испугался он, и стало ему до смерти страшно. А Йоринда запела:

Как птичка красногрудая все жалобно поет,
Про гибель неминуемую все голубку поет,
Так жалобно, все жалобно,
Тю-вить, тю-вить, тех-тех!

Посмотрел Йорингель на Йоринду и видит — обернулась она соловьем, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья и трижды ухнула: «угу-угу-угу». И не мог Йорингель сдвинуться с места, стоял точно вкопанный — ни плакать, ни слова молвить, ни рукою пошевелинуть, ни ногой двинуть. Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чащу, и вышла тотчас оттуда горбатая старуха, желтая да худая, большие красные глазищи, нос крючком до самого подбородка. Проворчала она что-то себе под нос, поймала соловья и унесла с собой на руке. И слова вымолвить не мог Йорингель, и с места не сойти ему было: пропал соловей. Вернулась, наконец, старуха и говорит глухим голосом:

— Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку, ты развяжись — и прощай.

Освободился от чар Йорингель. Упал он перед старухой на колени, взмолился, чтобы

вернула она ему назад Йоринду.

Но старуха ответила:

— Никогда тебе больше не видать Йоринды, — и ушла.

Он кричал, горько плакал и горевал, но все было понапрасну. «Ах, что же мне делать теперь?» И ушел Йорингель оттуда и попал, наконец, в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. Он часто бродил вокруг замка, но близко к нему никогда не подходил. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в середине его большую, прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему он ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Йоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и стал искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. И лежала внутри цветка большая росинка — такая большая, словно жемчужина. Пошел он с этим цветком, и он шел целый день и целую ночь в сторону замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и вот подошел он к самым воротам. Сильно обрадовался Йорингель, прикоснулся цветком к воротам — и распахнулись они перед ним. Вошел он, идет через двор, прислушивается, не слышать ли где птичьего пенья; и услышал он вдруг птичьи голоса. Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в своих семи тысячах клеток. Как увидела она Йорингеля, рассердилась, сильно разгневалась, стала браниться, плевать на него ядом и желчью, ну, а подступить к нему и на два шага не в силах. Он на нее и не смотрит, идет себе по залу, осматривает клетки с птицами, и видит он много сотен соловьев в клетках, но как найти ему свою Йоринду?

Присматривается он и замечает, что старуха тайком достает одну клеточку с птицей и несет ее к двери. Мигом прыгнул он за нею, дотронулся цветком до клеточки и до старухи-колдуньи, — тут потеряла она свою колдовскую силу, и вот явилась перед ним Йоринда; она бросилась к нему на шею, и была она такая же красивая, как и прежде. И он обратил тогда и всех остальных птиц в девушек и воротился домой со своей Йориндой, и жили они счастливо долгие-долгие годы.

ДОЧЬ ГРАФА МАРА

Английская сказка

В один прекрасный летний день дочь графа Мара выбежала, приплясывая, из замка в сад. Там она бегала, резвилась, а порой останавливалась послушать пение птиц. Но вот она присела в тени зеленого дуба, подняла глаза и увидела высоко на ветке веселого голубка.

— Гуленька-голубок, — позвала она, — спустись ко мне, милый! Я унесу тебя домой, посажу в золотую клетку и буду любить больше всех на свете!

Не успела она это сказать, как голубь слетел с ветки, сел ей на плечо и прильнул к ее щеке. Она пригладила ему перышки и унесла его домой в свою комнату.

День угас, и настала ночь. Дочь графа Мара уже собиралась лечь спать, как вдруг обернулась и увидела перед собой прекрасного юношу. Она очень удивилась — ведь дверь свою она уже давно заперла. Но она была смелая девушка и спросила:

— Что тебе здесь надо, юноша? Зачем ты пришел и напугал меня? Вот уже несколько часов, как дверь моя на засове; так как же ты сюда проник?

— Тише, тише! — зашептал юноша. — Я тот самый гуленька-голубок, которого ты сманила с дерева.

— Так кто же ты тогда? — спросила она совсем тихо. — И как случилось, что ты превратился в милую, маленькую птичку?

— Меня зовут Флорентин, — ответил юноша. — Мать у меня королева, и даже поважней, чем королева, — она умеет колдовать. Я не хотел ей подчиняться, вот она и превратила меня в голубя. Однако ночью чары ее рассеиваются, и тогда я опять обращаюсь в человека. Сегодня я перелетел через море, впервые увидел тебя и обрадовался, что я — птица, а потому могу к тебе приблизиться. Но если ты меня не полюбишь, я никогда больше не узнаю счастья!

— А если я полюблю тебя, ты не улетишь, не оставишь меня? — спросила она.

— Никогда, никогда! — ответил принц. — Выходи за меня замуж, и я буду твоим навеки. Днем птицей, а ночью человеком — я всегда буду с тобой.

И вот они тайно обвенчались и счастливо зажили в замке. И никто не ведал, что гуля-голубок ночью превращается в принца Флорентина. Каждый год у них рождалось по сыну, да такому красивому, что и описать невозможно. Но как только мальчик появлялся на свет, принц Флорентин уносил его на спине за море — туда, где жила его мать, королева, — и оставлял сына у нее.

Так пролетело семь лет, и вдруг пришла к ним великая беда. Граф Мар решил выдать дочь замуж за знатного человека, который к ней посватался. Отец принуждал ее согласиться, но она сказала ему:

— Милый отец, я не хочу выходить замуж. Мне так хорошо здесь с моим гуленькой-голубком.

Тогда граф разгневался и в сердцах поклялся:

— Клянусь жизнью, я завтра же сверну шею твоей птице!

Топнул ногой и вышел из комнаты.

— О Боже, придется мне улететь! — сказал голубь.

И вот он вспорхнул на подоконник и улетел. И все летел и летел — перелетел через

глубокое-преглубокое море, полетел дальше и летел, пока не показался замок его матери. А в это самое время королева-мать вышла в сад и увидела голубя — он пролетел над ее головой и опустился на крепостную стену замка.

— Скорей сюда, плясуны! — позвала королева. — Пляшите джигу! А вы, волынщики, веселей играйте на волынках. Мой милый Флорентин вернулся! Вернулся ко мне навсегда, — ведь на сей раз он не принес с собой хорошенького мальчика.

— Ах, нет, матушка, — сказал Флорентин, — не надо мне плясунов, не надо волынщиков! Милую мою жену, мать моих семерых сыновей завтра выдадут замуж, и день этот будет для меня днем скорби.

— Чем я могу помочь тебе, сын мой? — спросила королева. — Скажи, и я все сделаю, что в моих волшебных силах.

— Так вот, дорогая матушка: тебе служат двадцать четыре плясуна и волынщика — обрати всех их в серых цапель. Семеро сыновей моих пусть станут семьей белыми лебедями, а сам я превращусь в ястреба и буду их вожак.

— Увы, увy, сын мой! Это невозможно! — возразила королева. — Не под силу это моим чарам. Но, быть может, моя наставница, волшебница Остри, скажет, что надо делать.

И королева-мать поспешила к пещере Остри. Вскоре она вышла оттуда, бледная как смерть, с пучком пылающих трав в руках. Она прошептала над травами какие-то заклинания, и вдруг голубь обратился в ястреба, его окружили двадцать четыре серых цапли, а над ними взвились семь молодых лебедей.

И все они немедленно полетели через глубокое синее море. Море так и металось, так и стонало под ними. Но они все летели и летели и наконец подлетели к замку графа Мара, как раз когда свадебный поезд двинулся в церковь. Впереди ехали вооруженные всадники, за ними друзья жениха и вассалы графа Мара, потом жених, а позади всех бледная и прекрасная дочь графа Мара.

Медленно-медленно под звуки торжественной музыки двигались они, пока не приблизились к деревьям, на которых сидели птицы. И тут Флорентин-ястреб издал крик, и все птицы поднялись в воздух — цапли летели низко, молодые лебеди над ними, а ястреб кружил выше всех. Свадебные гости дивились на птиц, как вдруг — хлоп! — цапли ринулись вниз и рассеяли всадников. Молодые лебеди окружили невесту, а ястреб кинулся на жениха и привязал его к дереву. Тогда цапли опять слетелись в тесную стаю, и лебеди уложили им на спину свою мать, как на пуховую перину. Потом птицы взвились в небо и понесли невесту к замку принца Флорентина.

Вот как птицы расстроили свадьбу! Такого чуда еще никто не видывал. А свадебные гости? Им только и оставалось, что глядеть, как прекрасную невесту уносят все дальше и дальше, пока, наконец, и цапли, и лебеди, и ястреб не скрылись из виду.

Принц Флорентин в тот же самый день доставил дочь графа Мара в замок своей матери, королевы, а та сняла с сына заклятие, и все они зажили счастливо.

ХРАБРЫЙ МАЗИНО И ВЕДЬМА

Итальянская сказка

Случилось все это в Покапалье — маленьком горном селении. Его домишки толпятся на самой макушке высокого холма. Склоны холма до того круты, что, когда курам приходит время нести яйца, жители Покапальи каждой несущке подвязывают полотняный мешочек. А не подвяжи — яйца так и покатаются вниз по склону, прямо к подножию холма, поросшему густым лесом. По одному этому видно, что жители Покапальи вовсе не такие лежебоки, какими они славут.

О бедняхгах вообще много чего рассказывают. Сложили даже поговорку: «В Покапалье все наоборот — осел погоняет, хозяин ревет». Но поговорку эту придумали крестьяне из долины. Ведь жители долин только и ждут случая посмеяться над жителями гор. А над покапальцами смеялись особенно охотно. «За что же?» — спросите вы. Да только за то, что те были людьми покладистыми и никому ни в чем не перечили.

— Э-э, — отвечали они насмешникам, — дайте срок, вернется наш Мазино, посмотрим тогда, кто заревет громче — мы или вы!

Но покапальцы знают, кто такой Мазино, а вы не знаете? Ну так вот. Мазино — это любимец всего селения. Не подумайте, что он какой-нибудь богатырь. Вовсе нет.

Мазино родился сущим заморышем, маленьким и хилым. Мать испугалась, что он совсем раздумает жить на свете, и решила выкупать его в теплом вине. Отец Мазино докрасна раскалил на огне подкову и сунул ее в лохань с вином, чтобы оно нагрелось. После такого купанья Мазино и стал хитрым, как вино, и крепким, как железо. А в люльку маленького Мазино положили скорлупки незрелого каштана. Ведь всякому известно, что горькие зеленые каштаны делают человека умным. И верно, Мазино ума занимать не надо было — своего хватало.

Вот каков Мазино! Откуда же он должен был приехать? Из Африки. Он там служил в солдатах.

А между тем в Покапалье начало твориться что-то непонятное. Каждый вечер ведьма Мичиллина похищала из стада покапальцев то корову, то быка.

Страшная ведьма Мичиллина жила в лесу у самого подножия холма. Стоило ей только дунуть — и коровы как не бывало. Крестьяне, слыша, как с наступлением темноты ведьма шуршит и возится в лесу, стучали от страха зубами и падали на колени, призывая всех святых. Они даже стихи сложили:

Осел погоняет,
Хозяин ревет,
Внизу под горой
Мичиллина живет.
Мы ночью боимся
Ступить на порог:
Чихни Мичиллина
Мы валимся с ног.
Глухими ночами

Все снова и снова
У нас исчезают
Быки и коровы.
Ужасная ведьма
Всех бедствий причина!
Дрожите, бегите,
Идет Мичиллина!

Раньше в Покапалье коровы паслись, сколько хотели и когда хотели, а ночевали где придется. Теперь их на ночь сгоняли на полянку, выставляли дозорных и разводили огромные костры. Но и это не помогало. Потому что стоило проклятой ведьме Мичиллине зашевелиться в кустарнике, как дозорные жалась к костру, затыкали себе уши пальцами и зажмуривали глаза. А чуть рассветет, глядь — опять в стаде не хватает одной, а то и двух коров. Тут дозорные принимались вопить и плакать, трясли кулаками и посылали ведьме проклятья.

Не подумайте, что коров не искали. Крестьяне Покапальи устраивали даже облавы, только, разумеется, днем. Но ни коров, ни самой Мичиллины они так ни разу и не видели. С наступлением дня Мичиллина исчезала, оставляя только следы огромных сапог на сырой земле да пряди длинных черных волос на колючих ветках кустарника.

Пришлось бедным покапальцам запереть своих коров в хлевах и ни на шаг не выпускать оттуда.

Шли недели и месяцы. Коровы взаперти совсем захирели. Они так отощали, что вместо скребницы их можно было чистить граблями — зубья грабель как по мерке приходились между торчавшими ребрами.

Никто не отваживался водить скотину на пастбище, никто не ходил в лес, и грибы, которых никто не собирал, выросли величиной с зонтик.

Жители Покапальи каждый вечер сходились на деревенской площади, чтобы решить, что же им делать. Вечера в горах холодные, и покапальцы разводили костер. Сидя у огня, они чесали затылки и на все лады кляли свою несчастную судьбу, а заодно и ведьму Мичиллину.

Чесали они затылки семь дней, чесали дважды семь дней, чесали трижды семь дней и, наконец, надумали просить защиты у самого графа.

Граф жил в круглом замке на вершине соседнего холма. Замок был обнесен высокой каменной стеной, густо утыканной поверху гвоздями и битым стеклом.

Вот в одно прекрасное утро покапальцы подошли к воротам замка. Они сняли свои круглые рваные шляпы и только потом осмелились постучать в ворота. Им открыли, и покапальцы очутились во дворе замка. Они увидели множество графских наемных солдат. Солдаты сидели на земле и мазали свои пышные рыжие усы оливковым маслом. А посреди двора в бархатном кресле восседал сам граф. Четыре солдата, могучие, как молодые дубы, старательно расчесывали графу его длинную-предлинную черную бороду четырьмя гребешками. Чесали они ее с самого верху до самого низу, а потом опять с самого верху до самого низу.

Старший из покапальцев долго переминался с ноги на ногу, наконец набрался храбрости и заговорил:

— Мы пришли, чтобы просить у вашей светлости помощи.

Граф не промолвил ни слова.

— Проклятая ведьма Мичиллина, — продолжал старик, — совсем нас замучила.

Граф не промолвил ни слова.

— Мы хотим, — добавил старик, — просить вашу светлость о великой милости.

Прикажите своим солдатам изловить ведьму Мичиллину, чтобы мы спокойно могли пасти наших коров.

Тут граф открыл рот.

— Если я пошлю в лес солдат, мне придется послать и капитана... Крестьяне радостно заулыбались. — Но если я пошлю капитана, — сказал граф, — с кем же я буду играть по вечерам в лото?

Крестьяне упали на колени.

— Смилюйтесь, синьор граф, помогите нам!

А солдаты вокруг зевали во всю глотку и мазали рыжие усы оливковым маслом.

Граф сказал:

— Я граф и стою троих. Поэтому скажу вам — нет, нет и нет. Да и вообще, раз я не видел вашу ведьму Мичиллину, — значит, никакой ведьмы нету.

Тут солдаты зевнули в последний раз, взяли ружья наперевес и стали медленно наступать на покапальцев. Те пятились, пятились и сами не заметили, как очутились за воротами.

Ничего другого не оставалось покапальцам, как снова собраться вечером на площади, развести костер и чесать затылки. Через час кто-то из крестьян сказал:

— А не написать ли нам Мазино?

Все обрадовались. Написали письмо и отправили.

И вот как-то вечером Мазино явился на побывку.

Сколько тут было шуму и радости! Мазино обступили со всех сторон. Его спрашивали наперебой и рассказывали наперебой. Через каждые два слова поминали ведьму Мичиллину.

Мазино всех выслушал, а потом заговорил сам:

— В Африке я видел людоедов, которым приходилось питаться саранчой, потому что люди не соглашались, чтобы их ели. В море видел я рыбу, обутую в туфлю и башмак; она хотела стать царицей рыб только потому, что у ее подруг не было ни туфли, ни башмака. Видел я в Сицилии женщину, у которой было семьдесят сыновей и всего один котелок для супа. Видел, как в Неаполе люди мчатся по улице, не двигая ногами, потому что если двое неаполитанцев останутся посудачить на углу, от их крика поднимается такой ветер, что на всех четырех улицах невозможно устоять на месте. Видел людей черных и белых, желтых и красных, видел худых, как буйвол, и толстых, как щепка, видел немало храбрецов, а еще больше трусов. Но таких трусов, как в моей родной Покапалье, я еще не встречал.

Односельчане слушали речи Мазино, развесив уши и разинув рты. Однако когда он дошел до конца, рты их захлопнулись, и они в первый раз призадумались, не следует ли им обидеться.

Но Мазино не дал им времени подумать об этом как следует. Он заговорил снова:

— Сейчас я задам вам три вопроса, а когда пробьет полночь, я отправлюсь ловить вашу ведьму Мичиллину.

Где уж тут было обижаться!

— Спрашивай! Спрашивай! — хором закричали покапальцы.

— Пусть первым отвечает цирюльник. Много ли бород пришлось ему брить и стричь за последние полгода? И цирюльник ответил:

Бороды мягкие, бороды жесткие,
Бороды длинные, бороды плоские,
Холеные бороды, бороды грязные,
Курчавые бороды, бороды разные
Стригу я и брею без счета,
Такая уж наша работа!

— Так я и думал, — сказал Мазино. — Теперь пусть скажет сапожник. Много ли сапог заказывали тебе за последние полгода?

— Айме! — вздохнул сапожник.

Я звонкие цокколи
Делал, бывало,
И туфли
С резным каблуком...
Видать, Покапалья
Совсем обнищала:
Сижу я без дела,
Хожу — босиком!

— И это похоже на правду! — сказал Мазино. — На третий мой вопрос пусть ответит веревочник. Много ли веревок продал ты за последние полгода?

И веревочник ответил:

Веревки прочные, плетеные,
Веревки крепкие, крученые,
Бечевки, дратву и канат,
Тесемки, нитки и шпагат
За прошедшие недели
У меня скупить успели...

— Теперь, пожалуй, все, — сказал Мазино. — Очень уж я устал с дороги. Вздремну часок-другой. Разбудите меня ровно в полночь, и я схожу за ведьмой.

Мазино улегся у костра, надвинул на глаза свою солдатскую каску и захрапел. До самой полночи покапальцы сидели не шевелясь, даже вздохнуть боялись, чтобы не разбудить солдата.

Ровно в полночь Мазино вскочил на ноги, выпил котелок теплого вина, трижды сплюнул в костер и, не взглянув ни на кого, зашагал по дороге к лесу.

Односельчане принялись ждать. Понемножку все поленья в костре превратились в

уголь. Потом все угли превратились в пепел. Потом пепел стал чернеть, чернеть...

К этому времени и вернулся Мазино. Он тащил... Кого бы вы думали? Самого графа! Мазино тащил его за длинную черную бороду, а граф просил, вопил, упирался и лягался.

— Вот вам ваша ведьма! — сказал Мазино и, оглядевшись кругом, озабоченно спросил: — А куда же вы поставили горячее вино?

Хотя от костра еще шло тепло, граф весь сжался в комочек, словно муха в осеннюю стужу.

А покапальцы смотрели то на графа, то на Мазино и слова не могли выговорить от удивления.

— Ну, чему тут удивляться!? — прикрикнул на односельчан Мазино. — Все очень просто. У ведьмы Мичиллины была длинная борода. А цирюльник сказал, что все вы исправно бреетесь. Значит, ни один из жителей Покапальи не мог быть ведьмой Мичиллиной и оставлять на кустах клочья бороды. Ведьма Мичиллина обувалась в добрые сапоги. А сапожник говорил, что покапальцы забыли, как башмаки надевают на ноги. Значит, опять-таки никто из вас не был ведьмой Мичиллиной и не оставлял на земле следов огромных сапог, подбигых гвоздями. А если бы ведьма Мичиллина была и вправду ведьмой, зачем бы ей, скажите на милость, покупать столько веревок? Ведь нечистой силе не надо привязывать краденую жотину... Да куда же запропастилось горячее вино?!

Тем временем граф пытался спрятаться в свою собственную бороду, потому что прятаться больше было некуда.

Мазино спросил:

— Что же с ним сделать?

Покапальцы, которые до сих пор молчали, теперь принялись кричать все разом:

— Удавить его собственной бородой!

— Поставить в огород вместо пугала!

— Посадить в мешок с шестью собаками и шестью кошками.

— Э, — сказал Мазино, — от всего этого мало толку. Прежде всего пусть вернет всех украденных быков и коров. Пусть вычистит хлева, в которых из-за него заперт скот покапальцев. Ну, а потом пусть пасет стадо до тех пор, пока ребра коров не покроются мясом и жиром.

Так и сделали.

А Мазино, устроив дела односельчан, снова отправился служить в солдатах.

ВОЛШЕБНАЯ ТЫКВА

Вьетнамская сказка

Жила в одном селении сиротка по имени Нью Тхи Май. У нее были черные пушистые волосы, черные блестящие глаза, красные от бетеля губы и очень ловкие пальчики. Богач, которому принадлежала вся земля в этом селении, взял Май к себе. Сиротка работала с утра до поздней ночи — нарезала траву для буйволов, кормила кур, выкапывала маниоку, убирала двор, стирала в горном потоке белье и искусно плела циновки. Она умело подбирала окрашенные волокна трав, и под ее пальцами на циновках возникали силуэты птиц и буйволов.

Но богач всегда был недоволен маленькой работницей. Он называл ее лентяйкой, дармоедкой, требовал все новых услуг, подгонял Май криком, а то и толкал в спину.

Не лучше богача относились к девочке жена хозяина и ее дочь. Когда Нью Тхи Май жаловалась на свою судьбу и горько плакала, жена богача говорила ей:

— Ты должна радоваться, что мы распоряжаемся тобою. Ведь ты живешь не для себя. Ты не имеешь своей воли и почти не существуешь. Только тогда, когда мы пользуемся твоими услугами, ты становишься собой. Мне даже приходится иной раз побить тебя, чтобы ты знала, что имеешь тело. Сама ты просто не можешь это проверить. Голод и жажда говорят тебе, что желудок просит еды, а язык — влаги. Не будь этого, ты бы думала, что ты просто собака, как, впрочем, мы и зовем тебя. Да, такую, как ты, никто не может любить.

Но это не было правдой. По соседству с богачом жила старая женщина, которая часто ласково улыбалась измученной девушке, но ни разу не отважилась защитить ее, боясь вызвать гнев богача. Май сразу заметила доброту соседки, и сердце ее раскрылось, как пурпурный цветок гибискуса.

Девушке очень хотелось сделать старушке что-нибудь приятное: сплести красивую циновку, вскопать грядки, помочь принести бамбук для топлива, но у нее не было ни одной свободной минутки. Сдерживая слезы, Нью Тхи Май только низко кланялась доброй женщине, как можно кланяться самому почтенному, седовласому человеку.

Но вот однажды, когда Май ехала на буйволе, ее заметил молодой тигролов. Девушка очень понравилась ему. Она пела грустную песенку и ласково подгоняла стадо буйволов, не переставая плести из травы легкую накидку, которая должна была защитить ее от дождя. Спрятавшись за ствол пальмы, тигролов проследил, куда повернули буйволы, потом пошел к богачу и, поклонившись ему, стал просить отдать ему Нью Тхи Май в жены.

— Хорошо, — сказал богач, — но ты должен даром отработать у меня три года. Май — моя любимица, она съела очень много риса, и я подарил ей два платья моей жены. Ты должен оплатить все эти расходы.

Юноша оставил дома ружье, взял мотыгу, нож и пошел на поле богача. Работал он не жалея сил, но богач давал ему работу вдалеке от Май и не позволял им разговаривать. И все же любовь соединила их. Май сплела юноше широкополую шляпу и не раз дарила ему орехи, завернутые в листья так искусно, что стебельки их сплетались в первые буквы его имени.

Юноша не оставался в долгу: он поймал скворца и научил его произносить одно лишь слово: «Люблю». Он выпускал своего питомца, и птица летела на пастбище, садилась на спину одному из буйволов, которых пасла Май и, поглядывая на девушку быстрыми черными

глазками, повторяла признание.

Тем временем богач внимательно присматривался к юноше. Ему понравилось, как тот работает, но злоба не позволяла похвалить работника.

Дни летели быстро. Прошел год, другой... Тигролов был старательным, ловким и умным. И дочь богача полюбила его.

Узнал об этом хозяин и задумался: «Скоро придет назначенный срок, и я сразу потеряю двух работников. Если мне удастся переманить тигролова на свою сторону и соблазнить тем, что он может получить руку моей дочери, у меня на долгие годы останется даровой работник. Но соблазнит ли его мое богатство?»

Богач стал намекать тигролову: можно породниться. Но юноша любил только Май. Каждую отработанную неделю отмечал он зарубкой на столбе у ворот. До условленного дня оставалось не так уж много времени.

Тогда богач решил посоветоваться с женой.

— Если Нью Тхи Май исчезнет с его глаз, тигролов забудет ее, и тогда наша дочь полюбится ему, — сказал богач.

— Что же ты хочешь сделать? — спросила жена.

— Я думаю, что лучше всего бросить девчонку в реку. — Так они и решили. Когда девушка пошла стирать хозяйское белье, жена богача, крадучись, подошла к ней и столкнула в глубокий водоворот.

Вода заклокотала вокруг девушки. Зеленый дракон — властитель потока схватил Май. Девушка поняла, что сейчас погибнет. Сердце ее забило. Сквозь глубину воды она в последний раз увидела склонившееся над рекой дерево, на котором висела, обвинившись молодыми побегами вокруг ствола, тыква.

— О, как я завидую тебе! — в последний раз вздохнула Нью Тхи Май.

— Кому ты завидуешь? — изумился дракон. — Ты, человек, мечтаешь жить так, как тыква?

Девушка кивнула головой.

— Да! Ведь у меня не было своей жизни, я никогда не могла делать то, что мне хотелось, — сказала она. — Насколько же эта тыква счастливее меня: она греется под солнцем, листья ласкают ее, ветерок обвеивает... А если ей придет охота упасть на землю, то она сделает это сама, и люди превратят ее в сосуд. А сколько милых улыбок появляется на лицах людей, когда им подают миску из тыквы, наполненную вкусным рисом!

— Хорошо, — проворчал дракон, — я превращу тебя в тыкву!

Он вынырнул из реки, подбросил Нью Тхи Май вверх, и она, превратившись в тыкву, повисла на прибрежном дереве.

Теперь девушка в первый раз свободно могла подумать о своей прошлой жизни. Она была бы совсем счастлива, если бы не тоска о любимом.

Тем временем богач позвал тигролова и сказал, что Нью Тхи Май убежала со странствующим фокусником. Но тигролов был хорошим следопытом, а след Май привел его к реке и там пропал. Длинным бамбуком тигролов стал шарить по дну. Потрясенный зеленый дракон вырвал шест и гневно фыркнул на юношу.

Нью Тхи Май все это видела и радовалась. Она так плясала в сердцевине тыквы, что скворец тигролова подозрительно посмотрел на неожиданно закачавшуюся тыкву.

Но юноша отошел, ничего не заметив.

По-прежнему несла река свои голубые воды, плескался в глубине зеленый дракон, а

иногда по глади вод скользила рыбацья лодка, преодолевая сильное течение Красной реки. Тишина и покой царили вокруг.

Однажды на берег пришла соседка-старушка, полюбившая Нью Тхи Май. Возле дерева, где висела тыква, она остановилась и, приложив руку к глазам, посмотрела вверх.

— О, какая хорошая тыква! Жаль только, что я мала ростом и не дотянусь до нее, — вздохнула старушка. — Сделала бы я из нее красивую мисочку и черпачок...

Тогда Нью Тхи Май тихонько попросила дрозда, и тот клювом столкнул тыкву. Она покатилась по веткам и скользнула в руки изумленной старушки.

— Какая красивая! — пробормотала старушка. — Какая гладкая! Ну, сейчас я тебя разрежу.

И тут старушке показалось, что тыква качнулась, словно говоря: «Не надо!»

— А, пожалуй, верно: оставлю тебя такой, какая есть, — решила старушка. — Уж больно ты хороша, просто жаль резать.

И тыква снова качнулась, как бы подтверждая: «Да».

Старушка пришла домой и положила тыкву на полку возле очага.

С того дня начались для старушки счастливые дни. Вечером она приносила в хижину охапку разных трав, а утром находила в углу готовые красивые циновки. Если кто-нибудь дарил старушке рыбу, то к утру рыба была приготовлена и сдобрена кореньями, а на столе лежало несколько пучков бетеля. Красиво завернутые в листочки, они быстро находили себе покупателей на базаре. Старушка не знала, кто помогает ей, и хотя не раз клялась, что будет ночью бодрствовать и выследит неведомого покровителя, каждый раз засыпала, едва опустив голову на мягкую циновку.

Однажды, когда старушка снова пришла на базар, ее товары заметил тигролов. Он сразу же узнал искусно сделанные пучки бетеля с буквами своего имени, и сердце его бешено забилось от радости.

— Откуда у тебя это? Кто это сделал? — нетерпеливо спросил он старушку. — Я знал одну девушку, которая умела делать такой бетель, но она исчезла. Умоляю тебя, скажи мне всю правду!

Старушка честно призналась, что циновки и бетель она каждое утро находит в своей хижине, но сама не знает, кто их приносит. Тогда тигролов попросил ее показать свой дом.

Вечером он притаился возле плетеной стены хижины и стал следить. Старушка выпила кружку чая и вскоре уснула. Огонь в очаге постепенно угасал, только полная луна, словно повисшая на вершине пальмы, заливала землю голубовато-зеленым светом.

Внезапно лежавшая на полке тыква слегка качнулась, затем с сухим треском распалась надвое, и из сердцевины выскочила маленькая-маленькая девушка. Она прикоснулась к полу руками и стала расти на глазах, пока не превратилась в Нью Тхи Май. Тихонько напевая песенку, Май неслышно ступала по хижине и готовила пучки бетеля. Потом заботливо укрыла спавшую старушку.

Приближался рассвет, пала роса, начали пробуждаться птицы. «Что мне делать? — в отчаянии думал тигролов. — Как освободить Май от волшебных чар?»

Тут он вспомнил о скворце. Тигролов свистнул, и птица подлетела к нему. Долго шептал ей тигролов о чем-то, пока птица не поняла, чего он хочет. Слегка ударив крылом, скворец впорхнул в хижину и, прежде чем девушка заметила его, схватил сухую тыкву и попытался улететь с нею. Но сил у птицы было мало, тыква выпала из клюва и... свалилась прямо в огонь очага. Взвилось пламя. Волшебное убежище Нью Тхи Май свернулось,

обуглилось и превратилось в пепел.

Чары дракона были разрушены, и девушке незачем уже было скрываться, а сильные руки юного тигролова стали ее надежной защитой.

С тех пор тигролов и Нью Тхи Май не расставались, жили долго и были счастливы.

БЕЛОСНЕЖКА И СЕМЬ ГНОМОВ

Немецкая сказка

Это было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна — рама его была из черного дерева, — и шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот если б родился у меня ребенок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как черное дерево, и прозвали ее потому Белоснежкой. А когда ребенок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Эта была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил ее красотой. Было у нее волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и глядела в него, то спрашивала: Зеркальце, зеркальце на стене, Кто всех красивей в нашей стране? И зеркало отвечало: Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Белоснежка за это время подросла и становилась все краше, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца: Зеркальце, зеркальце на стене, Кто всех красивей в нашей стране? Зеркальце ответило так: Вы, госпожа королева, красивы собой, Но Белоснежка в тысячу раз богаче красотой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Белоснежку — и сердце у нее разрывается: так невзлюбила она девочку. И зависть и высокомерие разрастались, как сорные травы, в ее сердце все выше и выше, и не было ей отныне покоя ни днем, ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть ее не могу. Ты должен ее убить и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень.

Егерь послушался и завел девочку в лес, но когда он вытащил свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чем не повинное сердце Белоснежки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Все равно там тебя скоро съедят дикие звери», и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Белоснежку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его заколол, вырезал у него легкие и печень и принес их королеве в знак доказательства, что ее приказанье исполнено. Повару было велено сварить их в соленой воде, и злая женщина их съела, думая, что это легкие и печень Белоснежки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинешенька, и в страхе она оглядела

все листики на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около нее дикие звери, но ее не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало, наконец, смеркаться. Вдруг она увидела маленькую избушку и зашла в нее отдохнуть. И было в той избушке все таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нем семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а еще — семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и были они покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Белоснежке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина: ей не хотелось пить все из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для нее не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась, наконец, ей как раз впору; она в нее улеглась и, отдавшись на милость господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро гномов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не все оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый гном:

— Кто это на моем стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлебца?

Четвертый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый и заметил на своей постельке маленькую складочку, и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой гном на свою постель, видит — лежит в ней Белоснежка и спит. Кликнул он тогда остальных, подбежали они, стали от удивления кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Белоснежку.

— Ах, боже мой! Ах, боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребенок!

Они так обрадовались, что не стали ее будить и оставили ее спать в постельке. А седьмой гном проспал у каждого из своих товарищей по часу, так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Белоснежка, увидела семь гномов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили ее:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Белоснежкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать гномы.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела ее убить, но егерь сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока, наконец, не нашла их избушку.

Гномы спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, все содержать в чистоте и порядке, — если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Белоснежка, — с большой охотой, — и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром гномы уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу готовить им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые гномы ее предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев легкие и печень Белоснежки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежна там, за горами,
У гномов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь ее обманул и Белоснежка еще жива. И она стала снова думать и гадать, как бы ее извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала. Она накрасила себе лицо, переделалась старой торговкой, и теперь ее никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи гномам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю румяные яблочки! Продаю!

Глянула Белоснежка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаешь?

— Хорошие яблоки, прекрасные яблоки, — ответила та, и достала ей одно из них показать.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Белоснежка. Она отодвинула дверной засов и купила себе красивое яблоко.

Как только она откусила кусочек от него, так и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала: Зеркальце, зеркальце на стене, Кто всех красивей в нашей стране? И ответило зеркало наконец: Вы, королева, красивой во всей

стране.

Успокоилось тогда ее завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Гномы, возвратясь вечером домой, нашли Белоснежку лежащей на земле, бездыханной и мертвой.

Положили они ее в гроб, уселись все семеро вокруг нее, стали ее оплакивать и проплакали так целых три дня. Потом они решили ее похоронить, но она выглядела как живая — щеки у нее были по-прежнему красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно ее такую в землю закапывать?

И они велели сделать для нее стеклянный гроб, чтоб можно было ее видеть со всех сторон, и положили ее в тот гроб, написали на нем золотыми буквами ее имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Белоснежку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своем гробу Белоснежка, и казалось, что она спит, — была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как черное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом гномов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а и нем прекрасную Белоснежку, и прочел, что было написано на нем золотыми буквами. И сказал он тогда гномам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это все, что вы пожелаете.

Но гномы ответили:

— Мы не отдадим его даже за все золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его, — я не могу жить, не видя Белоснежки, я буду ее глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые гномы сжалились над ним и отдали ему гроб, и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Белоснежки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах, господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей все, что произошло, и молвил:

— Ты мне милее всего на свете; пойдем вместе со мной в замок моего отца, и ты будешь моею женой.

Белоснежка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Белоснежки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала: Зеркальце, зеркальце на стене, Кто всех красивей в нашей стране? И ответило зеркало: Вы, госпожа королева, красивы собой, Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина свое проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Белоснежку, и от страха и ужаса как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала, мертвая, наземь.

ГОРОД НАВОБОД

Таджикская сказка

Жил один добрый и справедливый человек. Он был искусным садоводом и за свою жизнь возделал большой и прекрасный сад. Когда человек этот состарился и не мог уже сам работать в саду, он поручил его своему сыну Хамдаму, который унаследовал от отца его доброту и справедливость так же, как любовь к цветам и деревьям.

Хамдам был женат, и у него уже было двое красивых сыновей.

Почувствовав приближение смерти, отец Хамдама однажды позвал сына и в присутствии друзей и соседей дал ему такое наставление:

— Дорогой сын Хамдам! Я скоро умру, но ты не бросай начатого мной дела, не туши зажженного светильника... Честно трудись, будь добрым и справедливым. Никогда не присваивай то, что принадлежит другому. Вот тебе мой завет. Насколько я помню, я ни у кого ничего не брал и никому ничего не должен. Но память может изменить человеку: может быть, я и взял что-нибудь у кого-то, да позабыл... Если кто-нибудь попросит тебя уплатить мой долг, не отказывайся, не позорь меня, не тревожь мой прах в могиле.

Сказав это, больной замолк и забылся. Посетители тихо покинули его.

— Эй, Хамдам, запомни, что сказал отец! Особенно его последние слова! — сказал Хамдаму один торговец, останавливаясь в воротах.

Этой же ночью старик умер. Хамдам похоронил отца с большим почетом и долго оплакивал его.

Он старался быть таким, каким завещал ему отец. С утра до ночи он усердно трудился в саду, был гостеприимным и принимал всех, кто нуждался в приюте и помощи.

Однажды вечером в сад к Хамдаму зашел тот торговец, который присутствовал при отцовском завещании:

— Здравствуй, Хамдам! Я пришел к тебе по делу. Покойный отец твой занял у меня деньги. Обещал скоро вернуть, но, видимо, забыл. Много времени прошло уже с тех пор. Я не напоминал тебе об этом, ожидая, что ты сам вернешь мне отцовский долг. Разве твой отец не сказал тебе о своем долге?

— Нет... отец мне ничего не говорил, — сказал удивленный Хамдам. — А сколько он взял у вас денег?

— Пятьсот таньга.

— Подождите здесь немного, — сказал Хамдам торговцу.

Вошел в дом, быстро вернулся с деньгами и отдал их.

— Вот спасибо! Теперь твой отец будет лежать в могиле спокойно — сын не осквернил его память!

Через несколько дней к Хамдаму пришел бай. Он долго мялся, как бы не осмеливаясь начать разговор, наконец начал многозначительно:

— Хамдам, не говорил ли тебе отец перед смертью о своих долгах?

— Нет... А что? — спросил боязливо Хамдам.

— Он одолжил у меня зерно... Сначала он взял на твою свадьбу десять манн пшеницы... Я не напоминал ему о долге, а он так и не отдал его... Потом на праздник по случаю рождения твоих сыновей он одолжил у меня еще двенадцать манн пшеницы и пять

манн риса.

— Странно, что отец не сказал мне о таком большом долге, — недоумевал Хамдам.

— Он мог забыть. Память иногда изменяет человеку, — сказал бай.

Хамдаму нечего было возразить. Он помнил предсмертные наставления отца и вынужден был признать долг.

Но чтобы уплатить отцовский «долг», ему пришлось продать часть сада.

После уплаты этих «долгов» к Хамдаму приходили еще другие люди и требовали возвратить отцовские долги. Хамдам уже не работал в саду, а только распродал имущество, оставшееся от отца, и наконец остался со своей семьей даже без крова. Теперь друзья и приятели отца оставили его.

— Стыдно нам быть нищими в родном городе, — сказала Хамдаму жена. Все друзья отвернулись от тебя и не хотят помочь тебе. Давай возьмем детей и уйдем на чужбину — там нас никто не знает и не осудит, если мы будем жить в бедности.

Совет жены понравился Хамдаму. Через несколько дней он с женой и сыновьями покинул свой город.

Долго шли они по степям и пустыням. Наконец достигли берега моря. На пристани Хамдам упросил хозяина корабля отвезти их бесплатно куда-нибудь подальше.

Ночью разыгралась на море сильная буря. Корабль бросало из стороны в сторону. Во мраке он налетел на другой корабль, шедший навстречу. Оба корабля разбились, от них остались только щепки. Много людей утонуло, а немногие уцелевшие носились по волнам, вцепившись в обломки кораблей.

Так несколько дней и ночей волны носили по морю Хамдама. От голода и жажды он почти терял сознание, но не выпускал из рук доску, за которую держался.

Буря утихла. Распластавшись на доске, истомленный Хамдам задремал. Его прибило к берегу, и когда доска стукнулась о землю, он очнулся и увидел необъятную голую пустыню. Казалось, ни человек, ни зверь здесь не проходил, ни птица не пролетала.

На берегу он заметил деревце, с трудом добрался до него, но, к его огорчению, на нем не было ни плодов, ни листьев. Дерево засохло. Обессиленный, Хамдам лег под деревом и крепко заснул.

Во сне он увидел свою жену и обоих сыновей. Они плакали и звали его, но страшные морские чудовища напали на него и не пускали его к ним. Вдруг все исчезло, и старик, весь седой, с чалмой на голове, в желтом халате, приблизился к нему и сказал:

— Здравствуй, пришелец! Несчастье тебя забросило в эту пустыню, но ты не горюй, не сиди без дела. Здесь твоя судьба. Эта земля принадлежит тебе. Трудись и сделай эту пустыню цветущей! Иди к морю, опусти руки в воду и достань, что захватишь. Это поможет тебе достигнуть цели.

Старик удалился, а Хамдам проснулся и увидел около себя следы льва. Хамдам пошел к морю, опустил в воду руки, захватил, что попало ему, и вытащил морскую траву и разноцветные камни. Он стал бросать их на берег, пока не устал. Тогда он пошел отдохнуть под дерево и увидел на нем зеленую ветвь с плодом. Он сорвал плод, утолил голод и уснул.

За несколько дней Хамдам натаскал из моря большую кучу чудесных, сверкающих камней. Ночью эти камни горели так ярко, что в пустыне становилось совсем светло.

Далеко от берега моря по этой пустыне пролегла караванная дорога. Караванщики дивились, видя свет в пустыне, и несколько человек отважились посмотреть: откуда это сияние.

Приблизившись к морскому берегу, они увидели человека, сидящего под деревом, а недалеко — кучу блестящих, красивых камней.

— Кто ты — человек или див? — спросили они Хам дама. — Откуда у тебя эти чудесные камни?

— Я человек. Несчастье забросило меня, одинокого, сюда, на берег пустыни. А эти драгоценные камни добыты моими руками.

— Не продашь ли их нам?

— Продам, но не за деньги. Привезите мне семена хлебов и плодовых деревьев и все, что нужно человеку для жизни.

Караванщики согласились. В обмен на семена и разные товары Хамдам дал им драгоценных камней — по хурджину на каждого верблюда. Караванщики, довольные, продолжали свой путь и всем рассказывали об удачном обмене.

Скоро все караваны стали заезжать к Хамдаму. И все они отдавали ему свои товары за драгоценные камни.

Караваны привозили ему также строительные материалы и искусных мастеров.

Скоро на голой равнине зацвели сады, появились красивые дома, вырос целый город. Посередине города был построен роскошный дворец. Стены его были украшены чудесными драгоценными камнями, которые Хамдам добыл со дна моря. Дворец блистал, как солнце, и был виден далеко в море. Хамдам говорил всем, кто приезжал в город:

— Все вдовы, бедняки, бездомные могут прийти в город Навобод и работать вместе со мной. Здесь они получают все, что им нужно для жизни.

И много народу приходило в Навобод, и каждый получал здесь все — жилище и пропитание, и все работали день и ночь, пока голая, пустынная равнина не превратилась в цветущий рай.

По желанию горожан Хамдам был избран главой города Навобода. А то дерево, под которым впервые отдохнул Хамдам, когда море выбросило его на пустынный берег, стояло теперь посреди большого сада и уже все покрылось листьями и плодами. И часто, глядя на него, Хамдам вспоминал свой прежний сад, и дом, и семью, которую считал погибшей.

Слава о чудесном городе Навободе росла, и посмотреть его приезжали люди из разных стран.

Как-то на корабле приплыл посмотреть этот город один купец со своей нареченной сестрой. Вечером купец пошел в гости к Хамдаму, а у дверей комнаты своей сестры попросил поставить караульных.

Два молодца сидели у дверей комнаты друг против друга. Они не были знакомы и сначала не говорили друг с другом.

— Надоест сидеть всю ночь молча, — сказал один. — Давай что-нибудь рассказывать!

— Кажется, ты износил на одну рубашку больше меня. Ты должен знать больше моего, и ты расскажи что-нибудь.

— Ладно, я расскажу о себе самом. У меня был младший брат. Родители наши обеднели и решили всей семьей покинуть свой город. Помню, мы все сели на корабль и куда-то поплыли. Ночью разыгралась буря. В непроглядной тьме столкнулись два корабля и разлетелись вдребезги. Большинство людей утонуло. Та же участь постигла, видно, и моих родителей и моего брата. А я был выброшен на берег. Меня подобрал один добрый человек, я у него работал несколько лет. А как услышал о чудесном городе Навободе, так и поспешил сюда попытать свое счастье. Правитель города здесь хороший, заботливый, как отец. Да и

зовут его Хамдамом, как моего отца.

— А как зовут тебя? — спросил изумленный собеседник.

— Меня зовут Рафи.

— А как звали твоего брата?

— Хафиз.

— Брат Рафи! Я Хафиз, твой младший брат! Твоя судьба — моя судьба.

Так братья узнали друг друга. Они обнялись и стали целоваться.

Разговор двух братьев за дверью слушала нареченная сестра купца и плакала горькими слезами. Но караульщики не слышали ее плача.

Было уже утро, и купец пришел за нареченной сестрой, чтобы повести ее осматривать город. Караульные ушли домой.

— Что с тобой случилось? — спросил купец. — Ты вся в слезах.

— В этом вина моих караульщиков, — отвечала она.

Рассерженный купец пожаловался Хамдаму.

— Клянемся, мы ни словом не обидели эту женщину! Мы говорили только о себе, — сказали караульные.

— Позовите женщину и в ее присутствии повторите все, что вы говорили ночью, — сказал Хамдам караульным.

И Рафи повторил все, что рассказывал ночью.

— Дорогие мои сыновья! Я ваш отец! — воскликнул Хамдам и заключил сыновей в объятия.

Тогда женщина откинула паранджу и открыла свое лицо.

— Дети мои! Муж мой! — воскликнула она.

Хамдам узнал свою жену. Радости всех четырех не было конца.

Так вернулось к Хамдаму счастье в счастливом городе Навободе.

В давние времена жил царь с царицей. Был у них один-единственный сын Бачаган. Отец с матерью души в нем не чаяли и ни днем, ни ночью не спускали с него глаз. Слуги толпами ходили за Бачаганом, предупреждая все его желания.

В двадцать лет царевич был чахлый и хрупкий, как цветок, выросший без солнца.

Однажды старый врач Лохман, слава об искусстве которого разнеслась по всему свету, пришел к царю и говорит:

— Царь! Если ты хочешь, чтобы твой сын Бачаган не сошел раньше времени в могилу, — не держи его в четырех стенах. Широки зеленые степи, высоки авганские горы. Много в них диких зверей и птиц. Пусть царевич Бачаган займется охотой. Только не окружайте его пышной свитой. Дайте ему доброго коня и одного верного слугу.

Царь послушал мудрого Лохмана, и царевич, одетый в простое платье, с утра уезжал в горы вместе со своим верным слугой Вагинаком. Царевич так увлекся охотой, что часто ночь заставляла его врасплох, и он вынужден был пользоваться гостеприимством радушных крестьян, зачастую деливших с усталыми путниками кусок хлеба и кувшин молока.

Бачаган чутко прислушивался к людским нуждам, и не раз продажный судья попадал в тюрьму. Вдовы и сироты, не поведав царю своих бед, получали деньги из царской казны, и бедные общины неведомо откуда получали помощь.

Однажды разгоряченный охотой Бачаган в сопровождении слуги прискакал в деревню Ацик и остановился у родника.

У родника гурьбою толпились девушки, пришедшие с кувшинами за водой.

— Напоите меня, девушки! — попросил Бачаган.

Одна девушка наполнила кувшин и передала его другой. Та, вместо того чтобы передать кувшин Бачагану, вылила его на землю. Тогда первая девушка снова наполнила кувшин и передала его подруге. Девушка вылила и этот кувшин на землю.

— У меня горло пересохло от жажды, дай же мне воды! — воскликнул Бачаган.

Девушка рассмеялась и снова вылила воду на землю.

Бачаган разгневался, но девушка не обращала на это внимания. Она словно забавлялась — то подставит кувшин под струю, то снова выльет воду. И только на шестой раз она подала кувшин Бачагану.

Утолив жажду, Бачаган спросил у девушки:

— Почему ты не дала мне сразу напиться? Шутила ли ты или хотела меня рассердить?

— У нас нет обычая шутить с незнакомцами, — строго ответила девушка. — Я видела, что вы разгорячены охотой, а вода в роднике холодна, как лед. Даже разгоряченного коня хороший хозяин не поит холодной водой.

Такой ответ поразил Бачагана, но еще больше поразила его красота девушки.

— Как тебя зовут, красавица?

— Анаит.

— Кто твой отец?

— Мой отец — пастух Аран. Но зачем тебе знать наши имена?

— А разве это грех?

— Если это не грех, то назови себя и скажи, откуда ты родом?

— Солгать тебе или сказать правду?

— Делай, как найдешь для себя достойным.

— Достойным для себя я нахожу правду. Но своего имени я не могу тебе открыть.

Анаит взяла свой кувшин и ушла.

С тех пор Бачаган потерял покой. Образ Анаит не покидал его ни днем, ни ночью.

Все чаще и чаще ездил он в деревню Ацик, чтобы хоть мельком увидеть красавицу.

Верный слуга Вагинак доложил об этом царю с царицей.

Царь позвал сына и сказал:

— Сын мой Бачаган! Тебе минуло двадцать лет. Ты — моя единственная надежда, ты — опора моей старости. Настало время тебе жениться.

— Я уже выбрал себе невесту, отец.

— Кто же она? Дочь какого царя? — обрадовался отец.

— Она дочь пастуха из деревни Ацик. Имя ее — Анаит.

— Это невозможно, — замахал руками царь. — Забудь о ней скорее. Помни, что царский сын должен выбирать себе в невесты либо царевну, либо княжну. У грузинского царя три дочери — выбирай любую. У князя гунарского — красавица дочь, единственная наследница всех его несметных богатств. Слышал я, что прекрасна дочь князя сюникского, женись на ней.

— Нет, — отвечал Бачаган.

— Ну, тогда женись на дочери военачальника Варсеник. Она выросла на наших глазах, красавица, и будет тебе верной женой и нам покорной дочерью.

— Нет, отец! Если ты хочешь, чтобы я женился — знай: нет для меня другой невесты, как Анаит, дочь пастуха.

Долго уговаривал царь сына, но тот твердо стоял на своем.

Тогда царь выбрал богатые подарки, позвал верного Вагинака, и тот в сопровождении двух вельмож поехал в деревню Ацик сватать Анаит, дочь пастуха.

Старый Аран приветливо принял гостей и разостлал для них ковер.

— Какой чудесный ковер! — удивлялись гости. — Это работа твоей хозяйки?

— Нет, я вдовец! — ответил Аран. — Моя жена умерла десять лет тому назад. Эта работа моей дочери Анаит.

— Такого ковра нет даже в нашем дворце. Твоя дочь искусная мастерица. Слава о ее красоте дошла до дворца. Царь послал нас для переговоров. Он хочет взять твою дочь Анаит в жены своему сыну.

Вельможа ждал, что Аран не поверит своим ушам или запляшет от радости. Но пастух продолжал молча сидеть на ковре и ничем не проявил своей радости.

— Что с тобою, Аран? Ты не рад такой высокой чести?

— Дорогие гости, — усмехнулся старый пастух. — Я благодарен царю за великую честь взять из дома жалкого пастуха украшение для царских палат. Я могу подарить царю этот прекрасный ковер, но дочь моя сама распоряжается своей судьбой.

Вельможи переглянулись между собою.

В комнату вошла Анаит, поклонилась приезжим и села за пяльцы.

Ее тонкие пальцы мелькали, как белые бабочки.

— Посмотри, Анаит, какие богатые дары прислал тебе наш царь, — сказал Вагинак, вынимая шелковые платья и драгоценные украшения.

Анаит мельком взглянула на все и спросила:

— За что же мне такая милость?

— Царь хочет тебя в жены своему сыну Бачагану. Ты напоила его водой из родника. И вместе с кувшином он отдал тебе свое сердце.

— Значит, тот прекрасный юноша — сын царя? — удивилась Анаит. — Но знает ли он какое-нибудь ремесло?

— Зачем царскому сыну ремесло? — рассмеялся Вагинак. — Все подданные — его слуги.

— Сегодняшний господин — завтра может стать слугой. Ремеслом должен владеть каждый, будь он царь или слуга.

Вельможи переглянулись между собой.

— Значит, ты отказываешь царевичу только потому, что он не знает ремесла? — переспросили вельможи.

— Скажите царевичу, что он мне мил, но я поклялась выйти замуж только за человека, знающего ремесло, и не могу нарушить клятву.

Послы вернулись во дворец и рассказали обо всем.

Царь с царицей обрадовались, думая, что уж теперь Бачаган откажется от своего намерения.

Но Бачаган сказал:

— Анаит права. И царь — человек. А каждый человек должен быть мастером какого-нибудь дела.

И решил Бачаган научиться ткать парчу.

Из Персии привезли мастера, и за один год Бачаган превзошел своего учителя.

Своими руками он соткал из тончайших золотых ниток подвенечное платье и послал его Анаит. Девушка долго любовалась чудесным узором и дала свое согласие выйти замуж за Бачагана.

Семь дней и семь ночей шел свадебный пир. Царю так понравилась Анаит, что он с радости на три года освободил всех крестьян от налогов, и в стране сложили такую песню: Встало солнце золотое в день свадьбы Анаит, Дождь из золота полился в день венчанья Анаит, Все поля озолотились, все налоги позабылись, Все пополнились амбары благодатными хлебами. Честь и слава нашей мудрой, златокудрой Анаит!

Вскоре после свадьбы царь послал по делам верного слугу Вагинака в дальний край своего царства, и тот бесследно исчез.

Годы шли, царь с царицей умерли, и на трон взошел Бачаган.

Однажды Анаит сказала мужу:

— Бачаган! Я замечаю, что ты не знаешь, что делается в твоём царстве. Люди, которых ты созываешь на совет, не говорят тебе всей правды. Чтобы успокоить тебя, они говорят, что все хорошо. А так ли это на самом деле? Сбрось на время царские одежды и под видом нищего обойди всю страну. Раздели с рабочим его труд, поживи среди крестьян, побудь среди торговцев, и ты будешь знать все — и хорошее и плохое.

— Ты права, Анаит. Но кто же без меня будет управлять государством?

— Я! И сделаю это так, что никто не будет знать о твоём отсутствии.

— Хорошо, Анаит. Завтра я покину дворец, и если через двадцать дней я не вернусь, значит, со мною случилась беда.

В простой крестьянской одежде Бачаган отправился в дальний путь.

Много он видел, много слышал, но самое необычайное случилось с ним на обратном пути в городе Переже.

Однажды он сидел на городской площади и увидел толпу народа, следующую за седовласым старцем. Старец медленно ступал, перед ним очищали дорогу и подставляли под ноги по кирпичу.

— Кто этот старец? — спросил Бачаган.

— Это великий жрец, он до того свят, что не ступает ногою на землю из боязни раздавить какое-нибудь насекомое.

В конце площади старец опустился на разостланный ковер и начал проповедь.

Бачаган протиснулся вперед, чтобы разглядеть и послушать старца.

Старец заметил Бачагана и подозвал его к себе.

— Кто ты и откуда?

— Я из далекой, чужой земли. Пришел искать в ваш город работы.

— Пойдем со мной. Я дам тебе работу и щедро заплачу за нее.

Бачаган последовал за старцем. На краю города старец отпустил провожавшую его толпу. Остались лишь жрецы и носильщики, нагруженные тяжелою кладью. Все они были чужестранцы. Вскоре показался какой-то храм, окруженный со всех сторон высокой стеною.

Великий жрец остановился около железных ворот, отпер их огромным ключом и, впусив всех, снова запер замок.

Бачаган увидел перед собой храм, увенчанный голубым куполом, окруженный маленькими кельями. У этих келий носильщики сложили свою кладь, и великий жрец повел их в храм. В глубине храма, близ алтаря, великий жрец нажал незаметную пружину, и стена раздвинулась надвое. За ней виднелась новая железная дверь. Великий жрец открыл эту дверь и сказал:

— Войдите, люди. Здесь вас накормят и дадут работу.

Никто не успел сказать и полслова, как железная дверь захлопнулась, и все погрузились во тьму. Ошеломленный Бачаган бросился к дверям и изо всех сил застучал:

— Откройте! Откройте!

Но ему отвечало только собственное эхо.

Ошеломленный Бачаган молча поплелся вперед, туда, где виднелась слабая полоска света. Остальные последовали за ним.

Падая и спотыкаясь, они добрались до скудно освещенной пещеры, откуда неслись жалобные крики.

Навстречу им метнулась какая-то тень.

Бачаган выпрямился во весь рост и громко крикнул:

— Кто ты, человек или дьявол? Подойди и скажи, где мы?

Тень приблизилась и, дрожа, как лист в бурную ночь, остановилась перед ним. Это был человек с лицом мертвеца. Его глубоко впавшие глаза сверкали голодным блеском, щеки ввалились, синие губы обнажали беззубый рот. Это был живой скелет, обтянутый кожей.

Заикаясь и плача, этот живой труп сказал:

— Следуйте за мной, и все поймете.

Они пошли по узкому коридору и вышли в другую пещеру, где такие же голые, еле копошащиеся скелеты лежали на холодной земле, прижимаясь друг к другу, и тщетно пытались согреться.

Проводник повел Бачагана дальше, через такую же пещеру, где в чинном порядке стояли

огромные котлы и такие же люди-тени копошились вокруг них, мешая длинными палками какое-то варево.

Бачаган заглянул в котел и в страхе отпрянул назад.

В котле варилось человеческое мясо. Бачаган ничего не сказал своим товарищам по несчастью и последовал за проводником.

Тот привел их в огромную, тускло освещенную пещеру, где сотни мертвенно-бледных, измученных людей вышивали, вязали, шили. Тем же путем проводник привел их в первую пещеру и устало опустил на камень.

— Тот же старец так же заманил в эти пещеры и нас. Я потерял счет времени, ибо тут нет ни дня, ни ночи и только бесконечной чередой тянутся кошмарные сумерки. Знаю только, что все, кто попал вместе со мной, погибли. Если человек, попавший сюда, знает ремесло, его заставляют работать, если нет — уводят на бойню, и оттуда он попадает в те ужасные котлы, которые вы только что видели. Старый дьявол не один, все жрецы его помощники.

Бачаган, не отрывая глаз, смотрел на говорящего и... узнал в нем своего исчезнувшего слугу Вагинака.

Вагинак не узнал своего господина, и Бачаган, боясь, чтобы радость встречи не порвала, как меч, тонкую нить жизни Вагинака, не назвал себя.

— Силы совсем оставляют меня, и тогда меня отправят на бойню, грустно сказал Вагинак. — И всех вас ждет та же судьба.

— Нет! — гневно воскликнул Бачаган. — Оставайся с нами, я верю, что мы выберемся живыми из этого ада!

Бачаган расспросил своих спутников об их ремесле. Один оказался портным, другой — ткачом, третий — вышивальщиком, остальные не знали никакого ремесла.

— Будете моими помощниками, — заявил им Бачаган.

Вскоре с шумом распахнулись железные двери, и в пещеру вошел жрец, окруженный со всех сторон стражей.

— Это новоприбывшие? — спросил он.

— Да, мы слуги твоей милости.

— Кто из вас знает какое-нибудь ремесло?

— Мы — искусные мастера. Мы умеем ткать ценную парчу. Она стоит в сто раз больше, чем чистое золото.

— Неужели на свете есть ткань, которая стоит в сто раз больше, чем золото? — удивился жрец.

— Я не лгу, — гордо ответил Бачаган.

— Хорошо, — поверил жрец. — Скажи, какие вам нужны инструменты, какой материал, и идите в общую мастерскую работать.

— Нет, о господин! Чужие глаза не должны видеть нашу работу. Позволь нам остаться здесь и прикажи посылать нам в пищу хлеб и плоды. Мы не едим мясную пищу и, вкусив, сразу умрем, и вы лишитесь огромной выгоды.

— Хорошо, но горе, если вы обманете меня. Я пошлю вас на бойню и прежде чем убить, предам всех страшным пыткам.

В тот же день жрец прислал необходимые инструменты и материал. Бачаган принялся за работу, обучая ей своих товарищей по несчастью.

Каждый день слуги жреца приносили пленникам хлеб и плоды. Каждый старался хоть

немного уделить несчастным, томившимся в соседней пещере.

Вагинак постепенно стал приобретать человеческий вид.

Когда основа парчи была готова, Бачаган сказал жрецу:

— Мы не можем дальше работать в полутьме. Прикажи принести нам огня.

Жрец исполнил просьбу Бачагана и принес смоляной факел и несколько светильников.

Увидев Бачагана, освещенного с ног до головы, Вагинак дико вскрикнул и без сознания рухнул на землю.

— Что с ним? — удивился жрец.

— Блеск факела ослепил его, господин. Он придет в себя и спокойно будет работать, — с поклоном сказал Бачаган, и жрец ушел.

Вскоре парча была готова. Она сверкала и переливалась всеми цветами радуги. По краям тонкого узора Бачаган выткал крохотными буквами историю своей неволи.

Увидев чудесную парчу, жрец пришел в восторг.

— Ты действительно мастер, — милостиво бросил он Бачагану.

— Я тебе говорил, что эта парча будет стоить в сто раз дороже золота. Знай же, что она стоит еще дороже! На ней вытканы волшебные талисманы. Жаль, что они не доступны каждому. Прочесть и открыть их тайну может только мудрая царица Анаит.

Жадный жрец не отводил глаз от чудесной парчи. Он решил не показывать ее главному жрецу, с тем, чтобы самому воспользоваться щедрой прибылью.

Тем временем Анаит так мудро правила страной, что народ не знал об отсутствии Бачагана. Прошло условленных двадцать дней — Бачаган не вернулся. Царица встревожилась не на шутку. По ночам она видела страшные сны, Зангин день и ночь выла, кидалась под ноги и, визжа, тащила куда-то Анаит за платье. Конь Бачагана не ел корма и ржал, как жеребенок, потерявший мать. Куры кукарекали, как петухи, а петухи, вместо зари, пели под вечер фазаньими голосами. Храбрая Анаит впала в отчаяние. Она разослала гонцов во все концы своего царства, но Бачаган исчез, как иголка в стоге сена.

Однажды утром ей доложили о приезде иноземного купца с товарами.

— Позовите его, — приказала царица. — Может быть, он встретил на своем пути моего дорогого мужа.

Слуги ввели жреца. Он отвесил царице низкий поклон и на серебряном подносе преподнес золотую парчу.

Анаит мельком взглянула на парчу и спросила:

— Не встретил ли ты на своем пути царя Бачагана?

— Нет, — ответил жрец.

— Сколько стоит твоя парча?

— Она стоит в триста раз больше, чем вес золота. Это цена работы мастеров и материала. А мое усердие оцени сама, о госпожа!

— Это неслыханная цена за парчу.

— Это не простая парча, царица, на ней вытканы волшебные талисманы, исцеляющие грусть и горе. Занги — собака.

— Вот как? — удивилась Анаит и снова развернула парчу.

«Любимая Анаит, я попал в страшный ад. В нем я встретил Вагинака. Доставивший парчу — один из демонов этого ада. Ищи нас к востоку от Перожа под обнесенным стеной храмом. Налево от алтаря стена раздвигается надвое. Торопись, нам грозит смерть. Бачаган».

Сердце Анаит затрепетало, как пойманная птица. Снова и снова она пробегала

страшные слова. Собрав все свои силы, Анаит с улыбкой сказала:

— Да, ты прав! Узоры этой парчи обладают чудесным свойством. Еще вчера я не находила себе места от тоски и горя. А сейчас ты видишь — я улыбаюсь. Этой парче нет цены. Но мертвое творение не может быть выше своего творца, — не так ли?

— Ты говоришь мудро, царица.

— Приведи ко мне мастера, соткавшего эту парчу, — я хочу посмотреть на него.

— Мудрая царица! Я не видал этого мастера. Я купец и приобрел эту парчу в Индии у одного еврея. А тот купил парчу у араба. А у кого купил араб — я не знаю.

— Но ты говорил, что работа и материал стоят в триста раз дороже веса золота. Значит, ты сам отдал ее ткать.

— Мудрая царица, так сказал мне купец, у которого...

— Ты лжешь! — гневно вскричала царица. — Талисманы открыли мне твою мерзкую тайну. В темницу его!

Слуги схватили жреца и увели.

Анаит приказала трубить тревогу. Тревожно перешептывающийся народ запрудил дворцовую площадь, спрашивая друг у друга, что случилось.

На балкон вышла вооруженная с ног до головы Анаит.

— Граждане! — сказала она. — Жизнь нашего царя Бачагана в опасности. Кто любит царя, кому дорога его жизнь — за мной. К полудню мы должны быть в Пероже.

Не прошло и часа, как все, кто мог носить оружие, были) на конях.

Анаит оседлала огненного коня, обскакала свое войско, скомандовала «вперед» и помчалась в Пероже, вздымая за собой облако пыли.

Войско Анаит осталось далеко позади, когда она остановила огненного коня посреди площади Перожа.

Жители, приняв Анаит за божество, преклонили перед нею колени.

— Где ваш начальник? — гордо спросила Анаит.

— Я твой слуга, — поднявшись с колен, сказал седобородый старик.

— Что творится в твоём храме?

— Там живет святой человек, которого чтит весь наш народ.

— Святой человек?! Веди меня к нему.

Начальник повел Анаит к храму, а за ним последовала толпа.

Увидав их приближение и приняв их за богомольцев, жрецы открыли первую железную дверь.

Навстречу толпе, с пением молитвы, с высоко поднятыми для благословения руками, вышел главный жрец.

Анаит на коне въехала в храм. Она подскакала к алтарю, нащупала в стене тайную пружину, стена разошлась надвое, и перед изумленной толпой предстали тяжелые железные двери.

— Открой эту дверь, — приказала главному жрецу Анаит.

Вместо ответа главный жрец с вооруженными слугами бросился на Анаит.

— Она осквернила храм! Смерть ей! — бесновался главный жрец, призывая горожан к мести.

Умный конь Анаит затоптал его могучими ногами, а тем временем на подмогу отважной женщине, сражавшейся с окружавшими ее жрецами, подоспело войско и истребило всех врагов до единого.

Народ со страхом и недоумением следил за происходящим.

— Подойдите поближе и посмотрите, что скрыто в подземелье вашего храма! — сказала

Анаит.

Когда двери пещеры сорвали с петель, страшное зрелище предстало народу.

Из адского подземелья выползли люди — не люди, а тени. Многие из них были при смерти и не могли стоять на ногах. Другие, ослепнув в от света, шатались и ползли, как муравьи. Последними вышли Бачаган и Вагинак с полузакрытыми глазами, чтобы дневной свет не ослепил их.

Воины ворвались в подземелье и вынесли оттуда тела умерших людей, орудия пыток, ремесленные инструменты и котлы с человеческим мясом.

Пристыженные горожане помогли им разбить и очистить храм.

Только покончив с этим, Анаит вошла в наскоро сооруженную палатку, где ждали ее Бачаган и Вагинак. Царь с царицей уселись рядом и не могли наглядеться друг на друга. Вагинак, плача, приник к руке Анаит.

— Мудрая царица! Это ты спасла нас сегодня!

— Нет, Вагинак! Не сегодня спасла вас мудрая Анаит, а тогда, когда спросила: «А знает ли сын вашего царя какое-нибудь ремесло?» Помнишь, как тот смеялся тогда?

Пристыженный Вагинак молча опустил глаза.

С тех пор прошло много лет, но слава о мудрой Анаит жива до сих пор.

ДЕТИ КОРОЛЯ ЭЙЛПА

Английская сказка

Давным-давно у подножия обледенелых холмов в густой тени деревьев произошло сражение между королем Эйлпа и друидами. И когда битва кончилась, король Эйлпа вместе со своими воинами лежал мертвый на земле, а друиды расхаживали по его дворцу и распевали свои дикие победные песни. И вдруг они заметили обоих детей короля Эйлпа: мальчик и девочка сидели, скорчившись, у огромной двери. Их подняли и с торжествующими криками потащили к предводителям.

— Девочку мы возьмем себе, — решили друиды. — И пусть все знают, что отныне она принадлежит нам.

Тогда одна из их женщин прикоснулась к пленнице. И вот белая кожа девочки стала зеленой, как трава.

Но друиды еще не решили, что им делать с сыном короля Эйлпа. И он вдруг вырвался из их рук и побежал с быстротой оленя, которого травят. Мальчик бежал, пока не поднялся на вершину горы Бек-Глойн, что значит «Стеклянная гора». На ее ледяной вершине он и заснул в ту ночь. Но пока он спал, один друид нашел его и заколдовал — обратил в борзого пса, а потом увел обратно во дворец. Однако он не лишил королевича дара речи.

Друиды, собираясь покинуть дворец короля Эйлпа, оставили в нем королевну, чтобы она смотрела за своим братом. К тому же она отказывалась повиноваться их женщинам, и те были рады отделаться от нее.

— Зеленая девочка и борзой пес будут жить вместе в доме отца своего, — изрек предводитель друидов. — Мы их заколдовали, и наши могучие чары не рассеются, пока не произойдут два события. Если какая-нибудь женщина по доброй воле согласится остаться здесь на всю жизнь и не покидать борзого пса, королевич снова примет свой прежний вид. А если королевну поцелует принц, кожа ее снова станет такой же белой, какой была раньше.

Королевна стояла у входа во дворец, обвив зеленой рукой шею борзого пса, а предводитель друидов широким жестом показал на двор, устланный костями павших в великой битве. И перед тем, как навсегда уйти отсюда, он произнес еще одно пророчество:

— Кости отца вашего и воинов его останутся здесь, и высушит их солнце, и дожди отмойт их добела, и будут они лежать, непогребенные, пока дети детей ваших не предадут их земле.

Много лет брат и сестра жили одни в отчем доме. И пока вокруг него за воротами все пышней и пышней разрастался папоротник, отроческие годы королевских детей миновали. Зеленокожая королевна, высокая и стройная, бродила по опустевшим покоям, и зеленые волосы рассыпались у нее по плечам. За ней по пятам ходил поджарый борзой пес с человеческими глазами. Он обладал даром речи, и в душе у него жили мечты, свойственные юным людям.

И вот когда брат и сестра стали уже взрослыми, сосед их покойного отца, король Эрби, выступил в дальний поход с тремя сотнями воинов. Но не успели они углубиться в горы, как с неба спустился густой белый туман, и король сбился с тропы. Он в замешательстве пробирался вперед ощупью, тщетно стараясь отыскать тропу и не потерять из виду своих спутников.

— Держитесь ближе ко мне! — крикнул он.

Из непроглядной тьмы ему откликнулось только сто человек.

Король все брел и брел вперед и вот различил справа от себя слабое поблескивание тихого горного озера и крикнул снова:

— Держитесь ближе ко мне!

На этот раз отозвались только двадцать воинов.

Он выхватил из ножен палаш, словно желая рассечь им туман, и опять пошел вперед. А когда различил слева от себя чуть видимые очертания могучей ели, крикнул в третий раз:

— Держитесь ближе ко мне!

Но теперь откликнулось лишь трое воинов.

Наконец он забрел по колена в густую чащу папоротника и в последний раз позвал своих воинов. Но теперь уже никто не откликнулся на его зов, и он понял, что остался один.

С палашом в руке он стоял, не двигаясь с места, пока туман не поднялся над горами и рваными клочьями не поплыл по синему небу. И тут путник увидел перед собой дворец короля Эйлпа. Буйный папоротник рос в щелях его ветхих стен, довершая их разрушение.

Король Эрби опасно приблизился к воротам, которых никто не охранял, и вошел в безлюдный двор. Он по-прежнему был устлан костями тех, что пали в бою много лет назад. Кости эти уже высохли на солнце, и дожди отмыли их добела. «Страшная, должно быть, битва разыгралась здесь когда-то!» — подумал король Эрби и направился ко входу во дворец, но по дороге нечаянно задел ногой череп. Это был череп самого короля Эйлпа, и он покатился по двору и пересек его из конца в конец.

И тут из огромной двери вдруг выскочил свирепый борзой пес. Он в бешенстве бросился на короля Эрби и сшиб его на землю — вот-вот в горло вцепится. Нежданное нападение ужаснуло короля, но он был поражен еще больше, когда из собачьей пасти с острыми клыками послышался человеческий голос.

— Ты осквернил кости моего отца! — зарычал пес. — Ты топтал ногами тех, что обречены лежать непогребенными, пока их не предадут земле дети наших детей!

— Пощади меня! — взмолился король Эрби в ужасе. — Кто бы ты ни был, о пес с человеческим голосом, пощади меня!

И тут из дворца донесся звонкий девичий голосок:

— Пощади этого незнакомца, брат! Кто знает, а может, он нас расколдует?

Борзой пес отскочил в сторону, и король, пошатываясь, поднялся на ноги. И тут он увидел, что по двору к нему идет стройная девушка с ярко-зелеными волосами и кожей.

— Где я? — спросил король в страхе. — И кто вы такие, странные вы создания?

— Это дворец короля Эйлпа. Он был убит в сражении с нашими врагами друидами, — ответила королева. — А мы — несчастные дети короля Эйлпа.

Тогда заговорил борзой пес.

— Как тебя зовут, незнакомец? — спросил он.

— Я король Эрби, — ответил тот. — У меня тоже есть сын и дочь, и они будут оплакивать меня всю жизнь, если я не вернусь к ним.

Тут хитроумный замысел пришел в голову королевичу. Он отозвал сестру в сторону и сказал ей:

— Мы должны заманить сюда дочь этого короля. Я постараюсь уговорить ее остаться со мной на всю жизнь, и тогда снова стану человеком. И кто знает — а вдруг ее брат расколдует тебя? Ведь он — принц, и его поцелуй может рассеять чары друидов.

— Хорошо придумал! — сказала сестра. — Но как это сделать? Ведь женщина должна остаться с тобой, не зная, что ты — королевич. А принц должен поцеловать меня, не ведая, что меня заколдовали друиды. И мы не должны поверять своей тайны королю Эрби.

— Верно, сестра, — молвил королевич. — Так давай скажем королю, что убьем его только через год. Пусть он пока уйдет в свое королевство и за это время подготовит сына себе в преемники. Ты пойдешь с королем и приведешь к нам его дочь. Она послужит залогом того, что отец ее вернется к нам через год. Так мы заманим принцессу к себе, а прочее уж зависит от нас самих. Если постигнет нас неудача, придется нам до конца своих дней жить в скорбном одиночестве.

И вот они сказали королю Эрби, что отпускают его на год, но с тем условием, чтобы дочь его прожила этот год у них. Королю волей-неволей пришлось согласиться. Потом он вместе с дочерью короля Эйлла пустился в путь по бездорожным порослям папоротника, и путники не отдохали ни днем, ни ночью, пока не дошли до королевского дворца.

Вскоре пес, поджидавший сестру у ворот, увидел, как она спускается с холма, а с нею идет молодая принцесса — идет, робея, но из гордости не выдавая своего страха. Это была Ойгриг, дочь короля Эрби. А сын короля Эйлла, как только взглянул на нее, подумал, что краше ее нет девушки на свете.

Брат и сестра приняли Ойгриг как почетную гостью, и вскоре ее ненависть и недоверие к странным хозяевам сменились удивлением. Она не понимала, как могут этот борзой пес с кроткими глазами и эта зеленая девушка, что так ласкова с нею, грозить смертью ее отцу. Она умоляла их пощадить короля Эрби, но они не внимали ее мольбам.

— Вы скрываете от меня какую-то тайну, — сказала наконец Ойгриг. — Я знаю, что вы не жестокие.

И вот настала весна, и зацвели колокольчики; настало лето, и чибисы стали бороздить небо; настала осень, и гроздя красных ягод запылали на ветвях рябины. Королю Эрби близилась пора вернуться к детям короля Эйлла.

— Как хорошо тут, в горах! — воскликнула как-то раз осенью Ойгриг.

Сердце у королевича забилося от радости. Но девушка не произнесла тех слов, которые он жаждал услышать. Когда же выпал первый снег, королевич сказал ей:

— Ты скоро покинешь нас, Ойгриг! Завтра твой отец придет сюда, а ты вернешься к своим.

— Вернусь, но — одна! — горестно воскликнула Ойгриг. — О, не отпускай меня одну! Умоляю тебя, пощади моего отца! — Она помолчала, потом тихо добавила: — А уж если не хочешь отпустить нас обоих, отпусти только отца, а меня оставь здесь навсегда или убей меня вместо него.

И радостно и недоверчиво смотрели на нее дети короля Эйлла.

— Ты и вправду согласна остаться здесь на всю жизнь? — спрашивали они.

— Да, — ответила Ойгриг. — Чтобы спасти жизнь отцу.

И как только она проговорила эти слова, чары друидов рассеялись. Сын короля Эйлла сбросил с себя обличье пса и принял свой прежний вид. Перед Ойгриг стоял юный королевич.

— Не бойся за отца, — сказал он с улыбкой. — У меня и в мыслях не было убить его.

Затем он рассказал принцессе о том, как его заколдовали, а его сестра обняла их обоих своими зелеными руками и расплакалась от радости.

Тут во двор вошел король Эрби и, увидев их, изумился. Ему открыли тайну, и он снова

отправился на родину, чтобы привести своего сына на свадебный пир, — Ойгриг и сын короля Эйлла уже собирались обвенчаться.

В полдень следующего дня король Эрби и его сын верхом на резвых лошадях показались на горном склоне. Их встретили с радостью. Печалилась только дочь короля Эйлла. Ведь она с первого же взгляда всем сердцем полюбила юного принца. А он от нее отшатнулся — не понравились ему ее длинные зеленые волосы и зеленая кожа.

— Нет, не дожидаться мне от него поцелуя — так и останусь заколдованной, — сказала она брату, и слезы потекли по ее зеленым щекам.

— Не отчаивайся! — молвил он. — Принеси кубок желтой браги, что сварена из меда диких пчел. В старину говорили, что это волшебная брага. Кто знает, а вдруг она склонит сердце принца к тебе.

Сестра послушалась его совета и поднесла сыну короля Эрби кубок солнечной медовой браги.

— Попробуй! Она пахнет вереском, — сказала девушка. — Она напомнит тебе о благословенном летнем тепле.

Принц взял кубок из ее рук и поднес к губам. И вот едва он пригубил медовый напиток, как глаза его, словно по волшебству, увидели королевну в ее прежнем прекрасном облике, и показалось ему, что не сравнится с нею никакая другая девушка. Он поставил на стол кубок, обнял королевну и поцеловал ее. И в тот же миг злые чары друидов рассеялись, и дочь короля Эйлла снова стала красавицей.

В тот день задали два свадебных пира вместо одного. Ойгриг и сын короля Эйлла остались во дворце и были счастливы там весь свой век. А дочь короля Эйлла отбыла вместе с королем Эрби и его сыном в их королевство. И они тоже обрели счастье на всю жизнь.

А со временем исполнилось и третье предсказание друидов: дети детей короля Эйлла собрали со двора кости воинов, давным-давно павших в бою, и наконец предали их земле.

ПРЕКРАСНАЯ РОЗАЛИНДА

Итальянская сказка

В испанской королевне, дочери испанского короля, исполнилось шестнадцать лет. Пора было выдавать ее замуж. Прослышали об этом женихи, и съехалось их с разных концов земли великое множество.

Был тут и индийский раджа, и наследник французского престола, и португальский принц, и персидский шах, а князей да герцогов не перечесть. Последним приехал турецкий султан, старый и кривоногий.

Королевна в щелочку смотрела на женихов, которых отец принимал в парадном зале, и хохотала до упаду. Только дважды она не смеялась. Первый раз, когда увидела португальского принца, потому что он был статен, красив и очень понравился королевне. Второй раз она не засмеялась, когда увидела турецкого султана — очень уж он был страшен.

Отец королевны растерялся: все женихи знатны и богаты — как тут выбрать достойного! Ведь он любил королевну так сильно, как всякий отец любит свою единственную дочь, есть у него корона или нет. Думал он три дня и, наконец, придумал. Пусть королевна бросит наугад золотой мячик. В кого он попадет, тот и станет ее мужем.

Вот в назначенный день женихи собрались перед дворцом. Королевна вышла на балкон, и все женихи разом зажмурились, ослепленные ее красотой. Тут королевна и бросила свой золотой мячик. Метила она, конечно, в португальского принца. Да на беду рядом стоял турецкий султан. Увидев, куда летит мяч, он тесно прижался к португальскому принцу. Мячик коснулся плеча принца, но — увы! — он коснулся и плеча хитрого турка.

И вот оба предстали перед королем и его дочерью.

Король был в смущении. Ведь всю эту затею с мячом он придумал, чтобы не надо было выбирать. Да к тому же его любимая дочка, глядя на двух своих женихов, то плакала, то смеялась, и король никак не мог понять, за кого же ей хочется замуж.

— Ваше королевское величество, — сказал португальский принц, — я люблю вашу дочь и прошу ее руки.

— Мне королевна нравится не меньше, — возразил турецкий султан. — Незачем такой прекрасной девице выходить замуж за желторотого юнца, который даже ни разу еще не был женат. Иное дело я — у меня сто жен, и я хорошо знаю, как с ними обращаться. Так что не сомневайтесь, ваше королевское величество, отдавайте свою дочку за меня.

Но тут королевна твердо сказала:

— Моим мужем может стать только тот, у кого я буду одна, как сердце в груди.

И она посмотрела на португальского принца.

Король наконец понял, чего хочет его дочь и ответил:

— Ничего не поделаешь, ваше турецкое султанство, поищите себе сто первую жену в других краях, потому что свою дочь я вам не отдам.

Турецкий султан страшно разгневался. Он в ярости топтал свою чалму и приговаривал, что лучшего обращения она и не заслуживает, если ее хозяина могут так унижить. Под конец он сказал королю:

— Коль твоя дочь не досталась мне, так пусть не достается никому.

С этими словами он подобрал свою чалму и ушел.

А на следующий день испанская королева тяжело заболела. Она худела и бледнела с каждым часом, глаза ее глубоко ввалились. Болезнь сводила ей тело, и королева то и дело сгибалась, словно вязальщица снопов. Врачи не знали, как назвать болезнь и как ее излечить.

Тогда король в смятении ударил в колокол Совета.

— Синьоры Совета! — сказал он. — Моя дочь чахнет день ото дня. Скажите, что мне делать.

И мудрые синьоры Совета ответили:

— Мы слышали, что в Италии при дворе одного из королев живет девушка по имени Розалинда. Она столь же прекрасна, сколь и мудра. Она разыскала пропавшую дочь этого короля и спасла ее. Пошлите за ней, может быть, она спасет и вашу дочь.

— Прекрасно! — воскликнул король. — Ваш совет, синьоры Совета, пришелся мне по душе.

Король хлопнул в ладоши и приказал тотчас снаряжать корабли. Послом к итальянскому королю он назначил старейшего синьора Совета.

Корабли уже поднимали якоря, когда король запыхавшись прибежал на берег.

— Ах, старейший синьор Совета, ведь я чуть не позабыл вручить вам железную перчатку. Если тот король не согласится отпустить Розалинду, бросьте к его ногам перчатку в знак объявления войны.

Посол поклонился королю, взял перчатку, и корабли отплыли.

Перчатка и в самом деле чуть не пригодилась. Потому что король, названный отец Розалинды, наотрез отказался отпустить свою приемную дочь в Испанию. И быть бы войне, если бы сама Розалинда не вбежала в зал. Услышав, зачем приехал посол, она сказала:

— Не огорчайтесь, дорогой король, я съезжу в Испанию ненадолго. Может, я и помогу испанской королеве.

И она так уговаривала короля, что он согласился.

Вот приплыли корабли назад в Испанию. Сам испанский король и опечаленный португальский принц вышли встречать Розалинду.

Только Розалинда ступила на берег, она сказала:

— Ведите меня скорее к вашей дочери.

И было самое время, потому что королева совсем истаяла.

«Это не простая болезнь, — сказала себе Розалинда, — тут что-то есть!»

Она заперлась с королевой в ее покоях и велела, чтобы никто к ним не входил три дня и три ночи. Испанский король своими королевскими руками наложил на двери, ведущие в покои дочери, семь больших восковых печатей.

И вот настал вечер. Розалинда хотела зажечь свечу, но у нее не оказалось ни кремня, ни огнива, ни трута. Она взглянула в окно и заметила далеко-далеко на холме тусклый огонек. Розалинда, недолго думая, взяла свечу, выпрыгнула в окошко и побежала в ту сторону. Чем дальше она шла, тем ярче становился огонь. А когда Розалинда подошла совсем близко, она увидела большой костер. На костре стоял огромный котел, в котором что-то кипело. Старый кривоногий турок в чалме помешивал варево и приговаривал что-то не по-итальянски, не по-испански, а по-своему, по-турецки.

«Э, — подумала Розалинда, — не в этом ли котле тает жизнь испанской королевы?»

И она сказала турку:

— Ах, бедняжка, отдохни немножко, ты очень устал.

— Я не могу отдохнуть, — ответил турок. — Я мешаю уже три месяца днем и ночью, ночью и днем. Осталось уже недолго. Скоро я уеду в свою Турцию, а то как бы мои сто жен не перессорились между собой.

— Ну так давай я за тебя помешаю, — сказала Розалинда.

— Мешай, мешай, но клянусь бородой Магомета, если ты будешь плохо мешать, я и тебя сварю в этом котле.

Турок сел на землю, скрестив ноги, а Розалинда принялась усердно мешать сушеной свиной лапой вонючее варево.

— Хорошо я мешаю? — спросила она турка?

— Мешай, мешай, — проворчал турок.

— А ты поспи, — сказала Розалинда.

Турок заснул.

Тогда Розалинда взяла да и опрокинула котел с волшебным зельем прямо на турка.

Ох, что тут было! Турок сразу стал худым, как щепка, весь ссохся и, наконец, превратился в кучу трухи.

А Розалинда зажгла свечу от тлеющих угольков и бросилась бежать ко дворцу.

Когда она вернулась, испанская королева впервые за много дней спала спокойно, как дитя. На ее бледных щеках проступил румянец.

В назначенный Розалиндой день испанский король сорвал семь печатей и открыл двери. На шею ему бросилась веселая и здоровая дочь.

Король наградил Розалинду богатыми подарками и с почестями отправил в Италию. Испанская королева крепко обняла ее, расцеловала и просила не забывать, что в Испании у Розалинды есть названная сестра. А португальский принц, ее жених, добавил: и названный брат.

МОРЕГ И ВОДЯНОЙ КОНЬ

Шотландская сказка

Когда наступают теплые дни и папоротник темнеет под летним солнцем, горцы-фермеры, по древнему обычаю, ведут стада в горы, на летние пастбища. Там они отпирают двери своих летних хижин и живут в них, пока не придет пора возвращаться домой.

Много лет назад жил-был один фермер по имени Доналд Мак-Грегор. Его летник стоял в глухом месте, на склоне горы, у подножия которой лежало большое озеро. Хижина у Доналда Мак-Грегора была маленькая, белая, и вокруг нее простирались поросли вереска, а внизу, под горой, росла пышная трава. Там было богатое пастбище для его скота. Однако люди не завидовали Мак-Грегору. Больше того, они с осуждением покачивали головами и говорили ему, что напрасно он построил себе хижину в таком месте. А по вечерам, когда уже темнело, ни один человек не отваживался даже ступить на тропку, что к ней вела. Ведь все знали, что в глубинах большого озера обитает страшное чудище — Водяной Конь — и оно рыщет по окрестным горам.

Никто не знал, какое оно, это чудище. Те, кому случалось увидеть, как страшилище поднимается из темных вод озера, умерли от страха и ничего не смогли рассказать про него. Когда же чудище рыскало по горам, оно принимало разные обличья и являлось то в виде старухи, то в виде черного ворона, то в виде лисицы с хитрыми глазами. А в своем настоящем виде оно появлялось, только когда подкрадывалось к добыче, чтобы схватить ее и безжалостно растерзать.

Ходили слухи, что Водяной Конь громаден и черен, что на чудовищной его голове торчат два острых сатанинских рога, а когда он мчится по вереску, его не догонит и ветер.

Много ходило рассказов про это страшилище, и каждый год оно губило новые жертвы. Но, наперекор всему, Доналд Мак-Грегор не слушал соседей, когда они говорили, что опасно-де жить так близко от озера. Ему советовали перенести его летник на другой берег того ручья, что протекал неподалеку. Ведь известно было, что Водяной Конь не может перешагнуть через текучую воду, а значит, ему недоступна вся местность за ручьем. Но на все уговоры Доналд Мак-Грегор отвечал, что хочет пасти свой скот на самом лучшем пастбище, а самое лучшее пастбище как раз на берегу озера.

— Что до Водяного Коня, — говорил он, — то я поверю в него не раньше, чем встречу с ним.

Когда же ему напоминали о злополучных жертвах чудища, он возражал:

— Если эти люди пропали без вести, значит, они слишком загостились у соседей. Возвращались домой под хмельком, споткнулись где-нибудь в темноте, ну и свалились в пропасть.

Но в конце концов пришлось ему признать, что он был неправ, и вот как это случилось.

У Доналда Мак-Грегора была дочь Морег, и отец нежно любил ее. Каждый год она уходила вместе с ним на летние пастбища и все длинные светлые дни просиживала у порога хижины за прялкой. Когда же наступали сумерки и лиловые тени на вереске сгущались, девушка спускалась на берег озера и сзывала свое стадо. Она босиком бежала с горы, уговаривая себя, что бояться нечего, — ведь отец не раз говорил ей, что ничего страшного тут нет. Но все-таки дрожь пробегала у нее по телу, когда она смотрела на темные воды

озера, лизавшие травянистые берега, и опасливо вглядывалась в тени прибрежных рябин. Но домой она всегда возвращалась благополучно. А днем все ее страхи пропадали. Она даже пела песни, когда сидела на солнышке за прялкой.

Как-то раз ясным утром, когда Морег беззаботно вертела колесо своей прялки, перед нею вдруг возникло что-то темное и заслонило от нее солнце. Девушка оборвала песню и вскрикнула.

— Я не хотел тебя пугать! — послышался ласковый голос.

Морег подняла глаза и увидела, что перед ней стоит молодой человек, высокий, красивый, широкоплечий и, должно быть, очень сильный. Но он казался каким-то странным. Волосы и одежда у него были темные и такие мокрые, что с них вода капала.

— Как это ты ухитрился так вымокнуть? — спросила его Морег. — Ведь на небе — ни облачка!

— Да вот шел я по берегу одного озера, высоко в горах, — недолго думая, отвечал молодой человек, — поскользнулся и упал в воду. Ничего, на солнышке я скоро обсохну.

Он сел на землю у ног Морег и принялся болтать с нею, да так весело, что она даже перестала прясть. Однако, несмотря на его любезное обхождение, и ласковые речи, и нежные взгляды, было в нем что-то странное, и Морег это чувствовала, но старалась об этом не думать.

Но вот солнце озарило голову молодого человека, и он запустил руки в свои мокрые кудри.

— Положи голову ко мне на колени, — сказала Морег, — я приглажу тебе волосы.

Молодой человек положил голову на колени Морег, и она принялась осторожно расчесывать гребенкой его темные кудри. Но вдруг замерла в ужасе.

Она увидела, что между зубьев гребенки застряли тонкие зеленые водоросли и тина. Они были ей хорошо знакомы — точно такие же водоросли и тина запутывались в сетях ее отца, когда он ловил рыбу в большом озере под горой. И вот теперь они оказались в волосах незнакомца.

«Полно, да разве он человек? — подумала Морег. — Нет, это страшный Водяной Конь. Вышел из подводного логова и прикинулся молодым красавцем, чтобы зачаровать и погубить меня».

Тут Водяной Конь заметил ужас в глазах девушки. А Морег со страшным криком столкнула с колен темнокудрую голову, вскочила, опрокинув прялку, и бросилась бежать. Не помня себя, она бежала вниз по крутому склону, а за нею, страшная при свете солнца, гналась огромная тень. И тень эта была темнее самых глубоких вод большого озера.

Но Морег оказалась счастливее других жертв Водяного Коня. Ему не удалось догнать девушку — она успела добежать до ручейка, что журчал близ озера. И как только перепрыгнула через текучую воду, опасность миновала.

С тех пор ни один человек не переступал порога белой хижины, что стояла на горном склоне, над колдовским озером. Не заходил в нее и сам хозяин — Доналд Мак-Грегор. Он так напугался, когда дочь его чуть не погибла, что с того дня уже не высмеивал рассказы про Водяного Коня.

А развалины белой хижины до сих пор стоят в чаще кудрявого папоротника.

ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

Русская сказка

В некотором государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок, по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу не пошастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идет он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, — думает, — стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил ее, — свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри — как найдет на меня дремота, в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит, дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, — ударил ее правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой — потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

— Бедно живешь ты, Андрей.

— Да как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом мире не видывали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай!

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилиу протолкался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы заморские! О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер.

Царь взглянул — на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам.

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и ест — не наестся и пьет — не напьется: все ему представляется стрелковая жена.

Заметил это царь и стал выспрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней думаю! И не запить это, ни заесть, никаким зельем не заморозить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего, — думает, — хожу холост, не женат. Вот бы жениться на этой красавице. Не стрельчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами, и деревнями, и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень в рваном кафтанишке:

— О чем, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты не гони меня, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднес ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело нехитрое: сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень и бегом к царю:

— Так и так, можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и за чем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч...

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Что не весел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу. Марья-царевна говорит:

— Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

— Поди к царю и спроси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится. Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, пришли они в густой дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо них на старом-престаром царе два черта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри, никак это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

— А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками; тот гнется, а везет.

Андрей стал спрашивать старого царя про житье-бытье.

— Ах, Андрей-стрелок, — отвечает царь, — плохое мое житье на том свете. Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко ему заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец. Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик вина и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — ее не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота-баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота-баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч!

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чем кручиниться! — говорит Марья-царевна. — Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое

царство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя сильный сон — кот-баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснешь, кот-баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Пришел Андрей-стрелок в тридешатое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит — идет, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот-баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову — один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутом, изломал железный, принялся угощать медным, и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломается, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот-баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невозмогу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Пожалей меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю!

— А пойдешь со мной?

— Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собою повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота-баюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот-баюн, покажи большую страсть!

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота-баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет-поживает, тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч!

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

— Ступай, — говорит, — к царю и скажи: пусть пошлет Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а нет твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, не весел? Или еще невзгода какая?

— Эх, — говорит, — через твою красу все напасти несусь. Велел мне царь идти туда — не

знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба! Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее!

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала; читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные, вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете — не слышали ли, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на океан-море и стали на середине, на самой пучине, — сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком, и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете: не слышали ли, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку.

— Брось клубок перед собой, куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился — катится да катится. Андрей и идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется: стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге... Дошел Андрей до леса, видит — стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась. Андрей вошел и видит — на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

— Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел. Вот изжарю тебя в печи да съем к на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга, станешь есть дорожного человека? Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаний, вин и медов. Андрей не чванится — сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом он ест, она выпрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо. Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну, ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика, полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Вынь ко мне из болота!

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Скажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда — не знаю куда, взять то — не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея.

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке — лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, я тебя задавлю!

— Не бойся, не задавишь! Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась — сделалась еще больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше темного леса, да как скакнет и перепрыгнула через огненную реку; перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем — не терем, избу — не избу,

сарай — не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погодя застучало, загремело по лесу; и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул — откуда ни возьмись появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не было, — ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал — откуда ни возьмись появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, вина и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек. Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, вина и меды сами в рюмку наливаются — рюмка скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне.

— Нет, меня никто не может видеть, я то-не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай все да пойдем со мной.

Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка.

— Добрый молодец, нашел то — не знаю что?

— Нашел, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на нее, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-квакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет — обернется.

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шел, шел Андрей, дорога далека — прибились его резвые ноги, опустились его белые

руки.

— Эх, — говорит, — до чего же я уморился!

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы.

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки. Не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем.

Три корабля бросили якорь, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут, дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.

Андрей повел гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нем — вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай, — говорят, — добрый человек, меняться; уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего же не поменяться. А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи диковинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку», — дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху топор начал сам таять; тая да ляп — вышел корабль; тая-ляп — еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбрые моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел — войско появилось: и конница и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — и нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и ДУДУ и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой. Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай прикрикивают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился.

«Эх, — думает, — где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишка, смотрит — вместо домишка обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг откуда ни возьмись прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться — и дворец поспел, да такой славный, лучше царского; кругом — зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любят. Живут — горя не знают — и день, и другой, и третий.

А царь в это время поехал на охоту, на синее море, и видит — на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен

Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Еще пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принес ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда — не знаю куда и добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тят да ляп — стоит на море корабль, опять тят да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тятнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит — войско его бежит, кинулся сам к войску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтоб взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил этим царством до глубокой старости.

ПАЖ И СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОК

Английская сказка

Жил-был когда-то один мальчик. Он служил пажом в богатом замке. Мальчик он был послушный, и все в замке его любили — и знатный граф, его господин, которому он прислуживал, став на одно колено, и тучный старик дворецкий, у которого был на побегушках.

Замок стоял на краю утеса, над морем. Стены у него были толстые, и на той его стороне, что выходила на море, в стене была небольшая дверца. Она вела на узкую лестницу, а лестница спускалась по обрыву к воде. По ее ступенькам можно было сойти на берег и солнечным летним утром искупаться в искрящемся море.

Вокруг замка раскинулись цветники, сады, лужайки, а за ними обширная, поросшая вереском пустошь простиралась до отдаленной горной цепи.

Маленький паж любил гулять по этой пустоши в свободное время. Там он бегал, сколько хотел, гонялся за шмелями, ловил бабочек, разыскивал птичьи гнезда. Старик дворецкий охотно отпускал пажа гулять — он знал, что здоровому мальчику полезно порезвиться на свежем воздухе. Но перед тем, как отпустить пажа, старик всегда предостерегал его:

— Только смотри, малыш, не забудь моего наказа: гулять гуляй, но держись подальше от Бугра Фей. Ведь с «маленьким народцем» надо держать ухо востро!

Бугром Фей он называл небольшой зеленый холмик, что возвышался ярдах в двадцати от садовой калитки. Люди говорили, что в этом холмике обитают феи и они наказывают каждого, кто дерзнет приблизиться к их жилищу. Поэтому деревенские жители за полмили обходили холмик даже днем — так они боялись подойти к нему слишком близко и прогневать «маленький народец». А ночью люди и вовсе не ходили по пустоши. Ведь всем известно, что по ночам феи вылетают из своей обители, а дверь в нее остается открытой настежь. Вот и может случиться, что какой-нибудь незадачливый смертный оплошает и попадет через эту дверь к феям.

Но мальчик-паж был смельчак. Он не только не боялся фей, но прямо-таки жаждал увидеть их обитель. Ему не терпелось узнать, какие они, эти феи!

И вот как-то раз ночью, когда все спали, мальчик тихонько выбрался из замка. Открыл дверцу в стене, сбежал с каменной лестницы к морю, потом поднялся на вересковую пустошь и устремился прямо к Бугру Фей.

К великому его удовольствию, оказалось, что люди правду говорили: верхушка Бугра Фей была как ножом срезана, а изнутри лился свет.

Сердце у мальчика забилося — так ему было любопытно узнать, что там внутри! Он собрался с духом, взбежал на холмик и прыгнул в отверстие.

И вот он очутился в огромном зале, освещенном бесчисленными крошечными свечками. Тут за блестящим, словно лаком покрытым, столом сидело множество фей, эльфов, гномов. Одеты они были кто в зеленые, кто в желтые, кто в розовые платья. У других одежды были голубые, лиловые, ярко-алые, словом, всех цветов радуги.

Мальчик-паж, стоя в темном углу, дивился на фей и думал: «Сколько их тут, этих маюток! Как странно, что живут они по соседству с людьми, а люди ничего про них не

знают!» И вдруг кто-то — мальчик не заметил, кто именно, — провозгласил:

— Несите кубок!

Тотчас два маленьких эльфа-пажа в ярко-алых ливреях кинулись от стола к крошечному стенному шкафу в скале. Потом вернулись, сгибаясь под тяжестью великолепного серебряного кубка, богато разукрашенного снаружи и позолоченного внутри.

Они поставили кубок на середину стола, а все феи захлопали в ладошки и закричали от радости. Потом они по очереди стали пить из кубка. Но сколько бы они ни пили, вино в кубке не убывало. Он все время оставался полным до краев, хотя никто его не доливал. А вино в кубке все время менялось, как по волшебству. Каждый, кто сидел за столом, по очереди брал в руки кубок и говорил, какого вина ему хочется отведать. И кубок мгновенно наполнялся этим самым вином.

«Хорошо бы унести этот кубок домой! — подумал мальчик-паж. — А то никто ведь не поверит, что я здесь побывал. Надо мне что-нибудь взять отсюда, — доказать, что я тут был». И он стал ждать удачного случая.

Вскоре феи его заметили. Но они ничуть на него не разгневались за то, что он прокрался в их жилище. Они даже как будто обрадовались ему и пригласили его сесть за стол.

Однако мало-помалу они принялись грубить и дерзить своему незваному гостю. Они насмеялись над мальчиком за то, что он служит у простых смертных. Говорили, что им известно все, что делается в замке, и вышучивали старого дворецкого. А ведь мальчик его горячо любил. Высмеивали они и пищу, которую мальчик ел в замке, говорили, что она годится только для животных. А когда эльфы-пажи в ярко-алых ливреях ставили на стол какое-нибудь новое кушанье, феи подвигали блюдо к мальчику и потчевали его:

— Попробуй! В замке тебе такого не придется отведать.

Наконец мальчик не выдержал их насмешек. К тому же ведь он решил унести кубок, и пора было это сделать. Он вскочил и поднял кубок, крепко сжав его ножку обеими руками.

— За ваше здоровье выпью воды! — крикнул он.

И рубиново-красное вино в кубке мгновенно превратилось в чистую холодную воду.

Мальчик поднес кубок к губам, но пить не стал, а одним рывком выплеснул всю воду на свечки. Зал сразу погрузился в непроглядную тьму, а мальчик, крепко держа в руках драгоценный кубок, бросился к верхнему отверстию и выскочил из Бугра Фей на свет звезд. Выскочил он как раз вовремя, едва успел, ибо в тот же миг бугор с грохотом развалился у него за спиной.

И вот мальчик-паж бросился бежать со всех ног по росистой пустоши, а вся толпа фей пустилась за ним в погоню.

Феи точно взбесились от ярости. Мальчик слышал их пронзительные, гневные крики и хорошо понимал, что, если его догонят, пощады не жди. Сердце у него упало. Как ни быстро он бегал, но где же ему было тягаться с феями! А они уже нагоняли его. Казалось, еще немного, и он погибнет.

Но вдруг во мраке зазвучал чей-то таинственный голос:

Коль хочешь к замку путь найти,
На берегу ищи пути.

То был голос одного несчастного смертного. Он когда-то попал в плен к феям и не хотел, чтобы смелого мальчика постигла та же участь. Но в тот час мальчик-паж этого еще не знал.

Однако он помнил, что феи не смогут тронуть человека, если он ступит на прибрежный мокрый песок.

И вот паж свернул в сторону и побежал к берегу. Ноги его увязали в сухом песке, он тяжело дышал и уже думал, что вот-вот упадет без сил. Но все-таки бежал.

А феи нагоняли его, и те, что мчались впереди, уже готовы были его схватить. Но тут мальчик-паж ступил на мокрый твердый песок, с которого только что схлынули морские волны, и понял, что спасся.

Ведь феи не могли здесь и шагу ступить. Они стояли на сухом песке и громко кричали в досаде и ярости, а мальчик-паж, с драгоценным кубком в руках, мчался по кромке берега. Он быстро взбежал по ступеням каменной лестницы и скрылся за дверцей в толстой стене.

Прошло много лет. Мальчик-паж сам стал почтенным дворецким и учил маленьких пажей прислуживать. А драгоценный кубок, свидетель его приключения, хранился в замке.

АЛАДДИН И ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА

Арабская сказка

В одном персидском городе жил когда-то бедный портной.

У него были жена и сын, которого звали Аладдин. Когда Аладдину исполнилось десять лет, отец захотел обучить его ремеслу. Но денег, чтобы платить за ученье, у него не было, и он стал сам учить Аладдина шить платья.

Этот Аладдин был большой бездельник. Он не хотел ничему учиться, и, как только его отец уходил к заказчику, Аладдин убегал на улицу играть с мальчишками, такими же шалунами, как он сам. С утра до вечера они бегали по городу и стреляли воробьев из самострелов или забирались в чужие сады и виноградники и набивали себе животы виноградом и персиками.

Но больше всего они любили дразнить какого-нибудь дурачка или калеку — прыгали вокруг него и кричали: «Бесноватый, бесноватый!» И кидали в него камнями и гнилыми яблоками.

Отец Аладдина так огорчился шалостями сына, что с горя заболел и умер. Тогда его жена продала все, что после него осталось, и начала прясть хлопок и продавать пряжу, чтобы прокормить себя и своего бездельника сына.

А он и не думал о том, чтобы как-нибудь помочь матери, и приходил домой только есть и спать.

Так прошло много времени. Аладдину исполнилось пятнадцать лет. И вот однажды, когда он, по обыкновению, играл с мальчишками, к ним подошел дервиш — странствующий монах. Он посмотрел на Аладдина и сказал про себя:

— Вот тот, кого я ищу. Много испытал я несчастий, прежде чем нашел его.

А этот дервиш был магрибинец, житель Магриба. Он знаком подозвал одного из мальчиков и узнал у него, кто такой Аладдин и кто его отец, а потом подошел к Аладдину и спросил его:

— Не ты ли сын Хасана, портного?

— Я, — ответил Аладдин, — но мой отец давно умер.

Услышав это, магрибинец обнял Аладдина и стал громко плакать и бить себя в грудь, крича:

— Знай, о дитя мое, что твой отец — мой брат. Я пришел в этот город после долгой отлучки и радовался, что увижу моего брата Хасана, и вот он умер. Я сразу узнал тебя, потому что ты очень похож на своего отца.

Потом магрибинец дал Аладдину два динара и сказал:

— О дитя мое, кроме тебя, не осталось мне ни в ком утешения. Отдай эти деньги твоей матери и скажи ей, что твой дядя вернулся и завтра придет к вам ужинать. Пусть она приготовит хороший ужин.

Аладдин побежал к матери и сказал ей все, что велел магрибинец, но мать рассердилась:

— Ты только и умеешь, что смеяться надо мной. У твоего отца не было брата, откуда же у тебя вдруг взялся дядя?

— Как это ты говоришь, что у меня нет дяди! — закричал Аладдин. Этот человек — мой

дядя. Он обнял меня и заплакал и дал мне эти динары. Он завтра придет к нам ужинать.

На другой день мать Аладдина заняла у соседей посуду и, купив на рынке мяса, зелени и плодов, приготовила хороший ужин.

Аладдин на этот раз весь день просидел дома, ожидая дядю.

Вечером в ворота постучали. Аладдин бросился открывать. Это был магрибинец и с ним слуга, который нес диковинные магрибинские плоды и сласти. Слуга поставил свою ношу на землю и ушел, а магрибинец вошел в дом, поздоровался с матерью Аладдина и сказал:

— Прошу вас, покажите мне место, где сидел за ужином мой брат.

Ему показали, и магрибинец принялся так громко стонать и плакать, что мать Аладдина поверила, что этот человек действительно брат ее мужа. Она стала утешать магрибинца, и тот скоро успокоился и сказал:

— О жена моего брата, не удивляйся, что ты меня никогда не видела. Я покинул этот город сорок лет назад, Я был в Индии, в арабских землях, в землях Дальнего Запада и в Египте и провел в путешествиях тридцать лет. Когда же я захотел вернуться на родину, я сказал самому себе: «О человек, у тебя есть брат, и он, может быть, нуждается, а ты до сих пор ничем не помог ему. Разыщи же своего брата и посмотри, как он живет». Я отправился в путь и ехал много дней и ночей, и наконец я нашел вас. И вот я вижу, что брат мой умер, но после него остался сын, который будет работать вместо него и прокормит себя и свою мать.

— Как бы не так! — воскликнула мать Аладдина. — Я никогда не видала такого бездельника, как этот скверный мальчишка. Целый день он бегает по городу, стреляет ворон да таскает у соседей виноград и яблоки. Хоть бы ты его заставил помогать матери.

— Не горюй, о жена моего брата, — ответил магрибинец. — Завтра мы с Аладдином пойдем на рынок, и я куплю ему красивую одежду. Пусть он посмотрит, как люди продают и покупают, — может быть, ему самому захочется торговать, и тогда я отдам его в ученье к купцу. А когда он научится, я открою для него лавку, и он сам станет купцом и разбогатеет. Хорошо, Аладдин?

Аладдин сидел весь красный от радости и не мог выговорить ни единого слова, только кивал головой: «Да, да!» Когда же магрибинец ушел, Аладдин сразу лег спать, чтобы скорее пришло утро, но не мог заснуть и всю ночь ворочался с боку на бок. Едва рассвело, он вскочил с постели и выбежал за ворота — встречать дядю. Тот не заставил себя долго ждать.

Прежде всего они с Аладдином отправились в баню. Там Аладдина вымыли и размяли ему суставы так, что каждый сустав громко щелкнул, потом ему обрили голову, надушили его и напоили розовой водой с сахаром. После этого магрибинец повел Аладдина в лавку, и Аладдин выбрал себе все самое дорогое и красивое — желтый шелковый халат с зелеными полосами, красную шапочку, шитую золотом, и высокие сафьяновые сапоги, подбитые серебряными подковами. Правда, ногам было в них тесно — Аладдин первый раз в жизни надел сапоги, но он ни за что не согласился бы разуться.

Голова его под шапкой была вся мокрая, и пот катился по лицу Аладдина, но зато все видели, каким красивым шелковым платком Аладдин вытирает себе лоб.

Они с магрибинцем обошли весь рынок и направились в большую рощу, начинавшуюся сейчас же за городом. Солнце стояло уже высоко, а Аладдин с утра ничего не ел. Он сильно проголодался и порядком устал, потому что долго шел в узких сапогах, но ему было стыдно признаться в этом, и он ждал, когда его дядя сам захочет есть и пить. А магрибинец все шел и шел. Они уже давно вышли из города, и Аладдина томила жажда.

Наконец он не выдержал и спросил:

— Дядя, а когда мы будем обедать? Здесь нет ни одной лавки или харчевни, а ты ничего не взял с собой из города. У тебя в руках только пустой мешок.

— Видишь вон там, впереди, высокую гору? — сказал магрибинец. — Мы идем к этой горе, и я хотел отдохнуть и закусить у ее подножия. Но если ты очень голоден, можно пообедать и здесь.

— Откуда же ты возьмешь обед? — удивился Аладдин.

— Увидишь, — сказал магрибинец.

Они уселись под высоким кипарисом, и магрибинец спросил Аладдина:

— Чего бы тебе хотелось сейчас поесть?

Мать Аладдина каждый день готовила к обеду одно и то же блюдо — вареные бобы с конопляным маслом. Аладдину так хотелось есть, что он, не задумываясь, ответил:

— Дай мне хоть вареных бобов с маслом.

— А не хочешь ли ты жареных цыплят? — спросил магрибинец.

— Хочу, — нетерпеливо сказал Аладдин.

— Не хочется ли тебе рису с медом? — продолжал магрибинец.

— Хочется, — закричал Аладдин, — всего хочется! Но откуда ты возьмешь все это, дядя?

— Из мешка, — сказал магрибинец и развязал мешок.

Аладдин с любопытством заглянул в мешок, но там ничего не было.

— Где же цыплята? — спросил Аладдин.

— Вот, — сказал магрибинец и, засунув руку в мешок, вынул оттуда блюдо с жареными цыплятами. — А вот и рис с медом, и вареные бобы, а вот и виноград, и гранаты, и яблоки.

Говоря это, магрибинец вынимал из мешка одно кушанье за другим, а Аладдин, широко раскрыв глаза, смотрел на волшебный мешок.

— Ешь, — сказал магрибинец Аладдину. — В этом мешке есть все кушанья, какие только можно пожелать. Стоит опустить в него руку и сказать: «Я хочу баранины, или халвы, или фиников» — и все это окажется в мешке.

— Вот чудо, — сказал Аладдин, запихивая в рот огромный кусок хлеба. Хорошо бы моей матери иметь такой мешок.

— Если будешь меня слушаться, — сказал магрибинец, — я подарю тебе много хороших вещей. А теперь выпьем гранатового соку с сахаром и пойдем дальше.

— Куда? — спросил Аладдин. — Я устал, и уже поздно. Пойдем домой.

— Нет, племянник, — сказал магрибинец, — нам непременно нужно дойти сегодня до той горы. Слушайся меня — ведь я твой дядя, брат твоего отца. А когда мы вернемся домой, я подарю тебе этот волшебный мешок.

Аладдину очень не хотелось идти — он плотно пообедал, и глаза у него слипались. Но, услышав про мешок, он раздвинул себе веки пальцами, тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо, идем.

Магрибинец взял Аладдина за руку и повел к горе, которая еле виднелась вдали, так как солнце уже закатилось и было почти темно. Они шли очень долго и наконец пришли к подножию горы, в густой лес. Аладдин еле держался на ногах от усталости. Ему было страшно в этом глухом, незнакомом месте и хотелось домой. Он чуть не плакал.

— О Аладдин, — сказал магрибинец, — набери на дороге тонких и сухих сучьев — мне надо развести костер. Когда огонь разгорится, я покажу тебе что-то такое, чего никто никогда не видел.

Аладдину так захотелось увидеть то, чего никто не видел, что он забыл про усталость и пошел собирать хворост. Он принес охапку сухих ветвей, и магрибинец развел большой костер. Когда огонь разгорелся, магрибинец вынул из-за пазухи деревянную коробочку и две дощечки, исписанные буквами, мелкими, как следы муравьев.

— О Аладдин, — сказал он, — я хочу сделать из тебя мужчину и помочь тебе и твоей матери. Не прекословь же мне и исполняй все, что я тебе скажу. А теперь — смотри.

Он раскрыл коробочку и высыпал из нее в костер желтоватый порошок. И сейчас же из костра поднялись к небу огромные столбы пламени — желтые, красные и зеленые.

— Слушай, Аладдин, слушай внимательно, — сказал магрибинец. — Сейчас я начну читать над огнем заклинания, а когда я кончу — земля перед тобой расступится, и ты увидишь большой камень с медным кольцом. Возьмись за кольцо и отвали камень. Ты увидишь лестницу, которая ведет вниз, под землю. Спустись по ней, и ты увидишь дверь. Открой ее и иди вперед. И что бы тебе ни угрожало — не бойся. Тебе будут грозить разные звери и чудовища, но ты смело иди прямо на них. Как только они коснутся тебя, они упадут мертвые. Так ты пройдешь три комнаты. А в четвертой ты увидишь старую женщину, она ласково заговорит с тобой и захочет тебя обнять. Не позволяй ей дотронуться до тебя — иначе ты превратишься в черный камень. За четвертой комнатой ты увидишь большой сад. Пройди его и открой дверь на другом конце сада. За этой дверью будет большая комната, полная золота, драгоценных камней, оружия и одежды. Возьми для себя, что хочешь, а мне принеси только старую медную лампу, которая висит на стене, в правом углу. Ты узнаешь путь в эту сокровищницу и станешь богаче всех в мире. А когда ты принесешь мне лампу, я подарю тебе волшебный мешок. На обратном пути тебя будет охранять от всех бед вот это кольцо.

И он надел на палец Аладдину маленькое блестящее колечко.

Аладдин помертвел от ужаса, услышав о страшных зверях и чудовищах.

— Дядя, — спросил он магрибинца, — почему ты сам не хочешь спуститься туда? Иди сам за своей лампой, а меня отведи домой.

— Нет, Аладдин, — сказал магрибинец. — Никто, кроме тебя, не может пройти в сокровищницу. Этот клад лежит под землей уже много сотен лет, и достанется он только мальчику по имени Аладдин, сыну портного Хасана. Долго ждал я сегодняшнего дня, долго искал тебя по всей земле, и теперь, когда я тебя нашел, ты не уйдешь от меня. Не прекословь же мне, или тебе будет плохо.

«Что мне делать? — подумал Аладдин. — Если я не пойду, этот страшный колдун, пожалуй, убьет меня. Лучше уж я спущусь в сокровищницу и принесу ему его лампу. Может быть, он тогда и вправду подарит мне мешок. Вот мать обрадуется!»

— Колдуй дальше! — сказал он магрибинцу. — Я принесу тебе лампу, но только смотри подари мне мешок.

— Подарю, подарю! — воскликнул магрибинец. Он подбросил в огонь еще порошок и начал читать заклинания на непонятном языке. Он читал все громче и громче, и, когда он во весь голос выкрикнул последнее слово, раздался оглушительный грохот, и земля расступилась перед ними.

— Поднимай камень! — закричал магрибинец страшным голосом.

Аладдин увидел у своих ног большой камень с медным кольцом, сверкавшим при свете костра. Он обеими руками ухватился за кольцо и потянул к себе камень. Камень оказался очень легким, и Аладдин без труда поднял его. Под камнем была большая круглая яма, а в

глубине ее вислась узкая лестница, уходившая далеко под землю. Аладдин сел на край ямы и спрыгнул на первую ступеньку лестницы.

— Ну, иди и возвращайся скорее! — крикнул магрибинец. Аладдин пошел вниз по лестнице. Чем дальше он спускался, тем темнее становилось вокруг. Аладдин, не останавливаясь, шел вперед и, когда ему было страшно, думал о мешке с едой.

Дойдя до последней ступеньки лестницы, он увидел широкую железную дверь и толкнул ее. Дверь медленно открылась, и Аладдин вошел в большую комнату, в которую проникал откуда-то издали слабый свет. Посреди комнаты стоял страшный негр в тигровой шкуре. Увидев Аладдина, негр молча бросился на него с поднятым мечом. Но Аладдин хорошо запомнил, что сказал ему магрибинец, — он протянул руку, и, как только меч коснулся Аладдина, негр упал на землю бездыханный. Аладдин пошел дальше, хотя у него подгибались ноги. Он толкнул вторую дверь и замер на месте. Прямо перед ним стоял, оскалив страшную пасть, свирепый лев. Лев припал всем телом к земле и прыгнул прямо на Аладдина, но едва его передняя лапа задела голову мальчика, как лев упал на землю мертвый. Аладдин от испуга весь вспотел, но все-таки пошел дальше. Он открыл третью дверь и услышал страшное шипение: посреди комнаты, свернувшись клубком, лежали две огромные змеи. Они подняли головы и, высунув длинные раздвоенные жала, медленно поползли к Аладдину, шипя и извиваясь. Аладдин еле удержался, чтобы не убежать, но вовремя вспомнил слова магрибинца и смело пошел прямо на змей. И как только змеи коснулись руки Аладдина своими жалами, их сверкающие глаза потухли и змеи растянулись на земле мертвые.

А Аладдин пошел дальше и, дойдя до четвертой двери, осторожно приоткрыл ее. Он просунул в дверь голову и с облегчением перевел дух — в комнате никого не было, кроме маленькой старушки, с головы до ног закутанной в покрывало. Увидев Аладдина, она бросилась к нему и закричала:

— Наконец-то ты пришел, Аладдин, мой мальчик! Как долго я ждала тебя в этом темном подземелье!

Аладдин протянул к ней руки — ему показалось, что перед ним его мать, — и хотел уже обнять ее, как вдруг в комнате стало светлее и во всех углах появились какие-то страшные существа — львы, змеи и чудовища, которым нет имени, они как будто ждали, чтобы Аладдин ошибся и позволил старушке дотронуться до себя, — тогда он превратится в черный камень и клад останется в сокровищнице на вечные времена. Ведь никто, кроме Аладдина, не может его взять.

Аладдин в ужасе отскочил назад и захлопнул за собой дверь. Придя в себя, он снова приоткрыл ее и увидел, что в комнате никого нет.

Аладдин прошел через комнату и открыл пятую дверь.

Перед ним был прекрасный, ярко освещенный сад, где росли густые деревья, благоухали цветы и фонтаны высоко били над бассейнами.

На деревьях громко щебетали маленькие пестрые птички. Они не могли далеко улететь, потому что им мешала тонкая золотая сетка, протянутая над садом. Все дорожки были усыпаны круглыми разноцветными камешками, они ослепительно сверкали при свете ярких светильников и фонарей, развешанных на ветвях деревьев.

Аладдин бросился собирать камешки. Он запрятал их всюду, куда только мог, — за пояс, за пазуху, в шапку. Он очень любил играть в камешки с мальчишками и радостно думал о том, как приятно будет похвастаться такой прекрасной находкой.

Камни так понравились Аладдину, что он чуть не забыл про лампу. Но когда камни некуда было больше класть, он вспомнил о лампе и пошел в сокровищницу. Это была последняя комната в подземелье — самая большая. Там лежали груды золота, кипы дорогих материй, драгоценные мечи и кубки, но Аладдин даже не посмотрел на них — он не знал цены золоту и дорогим вещам, потому что никогда их не видел. Да и карманы у него были доверху набиты камнями, а он не отдал бы и одного камешка за тысячу золотых динаров. Он взял только лампу, про которую говорил ему магрибинец, — старую, позеленевшую медную лампу, — и хотел положить ее в самый глубокий карман, но там не было места: карман был наполнен камешками. Тогда Аладдин высыпал камешки, засунул лампу в карман, а сверху опять наложил камешков, сколько влезло. Остальные он кое-как распихал по карманам.

Затем он вернулся обратно и с трудом взобрался по лестнице. Дойдя до последней ступеньки, он увидел, что до верху еще далеко.

— Дядя, — крикнул он, — протяни мне руку и возьми шапку, которая у меня в руках! А потом вытащи меня наверх. Мне самому не выбраться, я тяжело нагружен. А каких камней я набрал в саду!

— Дай мне скорее лампу! — сказал магрибинец.

— Я не могу ее достать, она под камнями, — ответил Аладдин. — Помоги мне выйти, и я дам тебе ее!

Но магрибинец и не думал вытаскивать Аладдина. Он хотел получить лампу, а Аладдина оставить в подземелье, чтобы никто не узнал хода в сокровищницу и не выдал его тайны. Он начал упрашивать Аладдина, чтобы тот дал ему лампу, но Аладдин ни за что не соглашался — он боялся растерять камешки в темноте и хотел скорее выбраться на землю. Когда магрибинец убедился, что Аладдин не отдаст ему лампу, он страшно разгневался.

— Ах так, ты не отдашь мне лампу? — закричал он. — Оставайся же в подземелье и умри с голоду, и пусть даже родная мать не узнает о твоей смерти!

Он бросил в огонь остаток порошка из коробочки и произнес какие-то непонятные слова — и вдруг камень сам закрыл отверстие, и земля сомкнулась над Аладдином.

Этот магрибинец был вовсе не дядя Аладдина — он был злой волшебник и хитрый колдун. Он жил в городе Ифрикии, на западе Африки, и ему стало известно, что где-то в Персии лежит под землей клад, охраняемый именем Аладдина, сына портного Хасана. А самое ценное в этом кладе — волшебная лампа. Она дает тому, кто ею владеет, такое могущество и богатство, какого нет ни у одного царя. Никто, кроме Аладдина, не может достать эту лампу. Всякий другой человек, который захочет взять ее, будет убит сторожами клада или превратится в черный камень.

Долго гадал магрибинец на песке, пока не узнал, где живет Аладдин. Много перенес он бедствий и мучений, прежде чем добрался из своей Ифрикии до Персии, и вот теперь, когда лампа так близко, этот скверный мальчишка не хочет отдать ее! А ведь если он выйдет на землю, он, может быть, приведет сюда других людей! Не для того магрибинец ждал так долго возможности завладеть кладом, чтобы делиться им с другими. Пусть же клад не достанется никому! Пусть погибнет Аладдин в подземелье! Он ведь не знает, что эта лампа волшебная...

И магрибинец ушел обратно в Ифрикию, полный гнева и досады. И вот пока все, что с ним было.

А Аладдин, когда земля сомкнулась над ним, громко заплакал и закричал:

— Дядя, помоги мне! Дядя, выведи меня отсюда! Я здесь умру!

Но никто его не услышал и не ответил ему. Тут Аладдин понял, что этот человек, который называл себя его дядей, — обманщик и лгун. Аладдин заплакал так сильно, что промочил слезами всю свою одежду. Он бросился по лестнице вниз, чтобы посмотреть, нет ли другого выхода из подземелья, но все двери сразу исчезли и выход в сад тоже был закрыт.

Аладдину не оставалось никакой надежды на спасение, и он приготовился умереть.

Он сел на ступеньку лестницы, опустил голову на колени и в горе стал ломать руки. Случайно он потерял кольцо, которое магрибинец надел ему на палец, когда спускал его в подземелье.

Вдруг земля задрожала, и перед Аладдином вырос страшный джинн огромного роста. Голова его была как купол, руки — как вилы, ноги — как придорожные столбы, рот — как пещера, а глаза его метали искры.

— Чего ты хочешь? — спросил джинн голосом, подобным грому. — Требуй получишь.

— Кто ты? Кто ты? — закричал Аладдин, закрывая себе лицо руками, чтобы не видеть страшного джинна. — Пощади меня, не убивай меня!

— Я — Дахнаш, сын Кашкаша, глава всех джиннов, — ответил джинн. — Я раб кольца и раб того, кто владеет кольцом. Я исполню все, что прикажет мой господин.

Аладдин вспомнил о кольце и о том, что сказал магрибинец, давая ему кольцо. Он собрался с духом и произнес:

— Я хочу, чтобы ты поднял меня на поверхность земли!

И не успел он вымолвить этих слов, как очутился на земле у потухшего костра, где они с магрибинцем были ночью. Уже настал день, и солнце ярко светило. Аладдину показалось, что все, что с ним случилось, было только сном. Со всех ног побежал он домой и, запыхавшись, вошел к своей матери. Мать Аладдина сидела посреди комнаты, распустив волосы, и горько плакала. Она думала, что ее сына уже нет в живых. Аладдин, едва хлопнув за собой дверь, упал без чувств от голода и усталости. Мать побрызгала ему на лицо водой и, когда он пришел в себя, спросила:

— О Аладдин, где ты пропадал и что с тобой случилось? Где твой дядя и почему ты вернулся без него?

— Это вовсе не мой дядя. Это злой колдун, — сказал Аладдин слабым голосом. — Я все расскажу тебе, матушка, но только сперва дай мне поесть.

Мать накормила Аладдина вареными бобами — даже хлеба у нее не было и потом сказала:

— А теперь расскажи мне, что с тобой случилось и где ты провел ночь?

— Я был в подземелье и нашел там чудесные камни.

И Аладдин рассказал матери все, что с ним было. Окончив рассказ, он заглянул в миску, где были бобы, и спросил:

— Нет ли у тебя еще чего-нибудь поесть, матушка? Я голоден.

— Нет у меня ничего, дитя мое. Ты съел все, что я приготовила и на сегодня, и на завтра, — грустно сказала мать Аладдина. — Я так горевала о тебе, что не работала, и у меня нет пряжи, чтобы продать на рынке.

— Не горюй, матушка, — сказал Аладдин. — У меня есть лампа, которую я взял в подземелье. Правда, она старая, но ее все-таки можно продать.

Он вынул лампу и подал ее матери. Мать взяла лампу, осмотрела ее и сказала:

— Пойду почищу ее и снесу на рынок: может быть, за нее дадут столько, что нам хватит на ужин.

Она взяла тряпку и кусок мела и вышла во двор. Но как только она начала тереть лампу тряпкой, земля задрожала и перед ней появился огромного роста джинн. Мать Аладдина закричала и упала без чувств. Аладдин услышал крик и заметил, что в комнате потемнело. Он выбежал во двор и увидел, что его мать лежит на земле, лампа валяется рядом, а посреди двора стоит джинн, такой огромный, что головы его не видно. Он заслонил собою солнце, и стало темно, как в сумерки.

Аладдин поднял лампу, и вдруг раздался громовой голос:

— О владыка лампы, я к твоим услугам.

Аладдин уже начал привыкать к джиннам и поэтому не слишком испугался. Он поднял голову и крикнул как можно громче, чтобы джинн его услышал:

— Кто ты, о джинн, и что ты можешь делать?

— Я Маймун, сын Шамхураша, — ответил джинн. — Я раб лампы и раб того, кто ее владеет. Требуй от меня, чего хочешь. Если тебе угодно, чтобы я разрушил город или построил дворец, — приказывай!

Пока он говорил, мать Аладдина пришла в себя и, у видя возле своего лица огромную ступню джинна, похожую на большую лодку, закричала от ужаса. А Аладдин приставил руки ко рту и крикнул во весь голос:

— Принеси нам две жареные курицы и еще что-нибудь хорошее, а потом убирайся. А то моя мать тебя боится. Она еще не привыкла разговаривать с джиннами.

Джинн исчез и через мгновение принес стол, покрытый прекрасной кожаной скатертью. На нем стояло двенадцать золотых блюд со всевозможными вкусными кушаньями и два кувшина с розовой водой, подслащенной сахаром и охлажденной снегом. Раб лампы поставил стол перед Аладдином и исчез, а Аладдин с матерью начали есть и ели, пока не насытились. Мать Аладдина убрала остатки еды со стола, и они стали разговаривать, грызя фисташки и сухой миндаль.

— О матушка, — сказал Аладдин, — эту лампу надо беречь и никому не показывать. Теперь я понимаю, почему этот проклятый магрибинец хотел получить только ее одну и отказывался от всего остального. Эта лампа и еще кольцо, которое у меня осталось, принесут нам счастье и богатство.

— Делай, как тебе вздумается, дитя мое, — сказала мать, — но только я не хочу больше видеть этого джинна: уж очень он страшный и отвратительный.

Через несколько дней пища, которую принес джинн, кончилась, и Аладдину с матерью опять стало нечего есть. Тогда Аладдин взял одно из золотых блюд и пошел на рынок его продавать. Это блюдо сейчас же купил торговец драгоценностями и дал за него сто динаров.

Аладдин весело побежал домой. С этих пор, как только у них кончались деньги, Аладдин шел на рынок и продавал блюдо, и они с матерью жили, ни в чем не нуждаясь. Аладдин часто сидел на рынке в лавках купцов и учился продавать и покупать. Он узнал цену всех вещей и понял, что ему досталось огромное богатство и что каждый камешек, который он подобрал в подземном саду, стоит дороже, чем любой драгоценный камень, какой можно найти на земле.

Однажды утром, когда Аладдин был на рынке, вышел на площадь глашатай и закричал:

— О люди, закройте свои лавки и войдите в дома, и пусть никто не смотрит из окон! Сейчас царевна Будур, дочь султана, пойдет в баню, и никто не должен видеть ее!

Купцы бросились запирать лавки, а народ, толкаясь, побежал с площади. Аладдину вдруг очень захотелось поглядеть на царевну Будур — все в городе говорили, что прекраснее

ее нет девушки на свете. Аладдин быстро прошел к бане и спрятался за дверью, так, чтобы его никто не мог увидеть.

Вся площадь вдруг опустела. И вот на дальнем конце площади показалась толпа девушек, ехавших на серых мулах, оседланных золотыми седлами. У каждой был в руках острый меч. А среди них медленно ехала девушка, одетая пышнее и наряднее всех других. Это и была царевна Будур.

Она откинула с лица покрывало, и Аладдину показалось, что перед ним сияющее солнце. Он невольно закрыл глаза.

Царевна сошла с мула и, пройдя в двух шагах от Аладдина, вошла в баню. А Аладдин побрел домой, тяжело вздыхая. Он не мог забыть о красоте царевны Будур.

«Правду говорят, что она прекраснее всех на свете, — думал он. — Клянусь своей головой — пусть я умру самой страшной смертью, если не женюсь на ней!»

Он вошел к себе в дом, бросился на постель и пролежал до вечера. Когда его мать спрашивала, что с ним, он только махал на нее рукой. Наконец она так пристала к нему с расспросами, что он не выдержал и сказал:

— О матушка, я хочу жениться на царевне Будур, а иначе я погибну. Если ты не хочешь, чтобы я умер, походи к султану и попроси его выдать Будур за меня замуж.

— Что ты такое говоришь, дитя мое! — воскликнула старуха, — Тебе, наверное, напекло солнцем голову! Разве слыхано, чтобы сыновья портных женились на дочерях султанов! На вот, поешь лучше молодого барашка и усни. Завтра ты и думать не станешь о таких вещах!

— Не надо мне барашка! Я хочу жениться на царевне Будур? — закричал Аладдин. — Ради моей жизни, о матушка, походи к султану и посватайся за меня к царевне Будур.

— О сынок, — сказала мать Аладдина, — я не лишилась ума, чтобы идти к султану с такой просьбой. Я еще не забыла, кто я такая и кто ты такой.

Но Аладдин до тех пор упрашивал мать, пока она не устала говорить «нет».

— Ну, хорошо, сынок, я пойду, — сказала она. — Но ты ведь знаешь, что к султану не приходят с пустыми руками. А что я могу принести подходящего для его султанского величества?

Аладдин вскочил с постели и весело крикнул:

— Не беспокойся об этом, матушка! Возьми одно из золотых блюд и наполни его драгоценными камнями, которые я принес из сада. Это будет подарок, достойный султана. У него, конечно, нет таких камней, как мои!

Аладдин схватил самое большое блюдо и доверху наполнил его драгоценными камнями. Его мать взглянула на них и закрыла глаза рукой — так ярко сверкали камни, переливаясь всеми цветами.

— С таким подарком, пожалуй, не стыдно идти к султану, — сказала она. — Не знаю только, повернется ли у меня язык сказать то, о чем ты просишь. Но я наберусь смелости и попробую.

— Попробуй, матушка, только скорее. Иди и не мешкай.

Мать Аладдина покрыла блюдо тонким шелковым платком и пошла ко дворцу султана.

«Ох, выгонят меня из дворца и побьют, а камни отнимут, — думала она. — А может быть, и в тюрьму посадят».

Наконец она пришла в диван и встала в самом дальнем углу. Было еще рано, и в диване никого не было. Но постепенно он наполнился эмирами, визирями, вельможами и знатными

людьми царства в пестрых халатах всех цветов и стал похож на цветущий сад.

Султан пришел позже всех, окруженный неграми с мечами в руках. Он сел на престол и начал разбирать дела и принимать жалобы, а самый высокий негр стоял с ним рядом и отгонял от него мух большим павлиньим пером.

Когда все дела были окончены, султан махнул платком — это означало конец — и ушел, опираясь на плечи негров.

А мать Аладдина вернулась домой и сказала сыну:

— Ну, сынок, у меня хватило смелости. Я вошла в диван и пробыла там, пока он не кончился. Завтра я поговорю с султаном, будь спокоен, а сегодня у меня не было времени.

На другой день она опять пошла в диван и снова ушла, когда он кончился, не сказав ни слова султану. Она пошла и на следующий день и скоро привыкла ходить в диван ежедневно. Целые дни стояла она в углу, но так и не могла сказать султану, в чем ее просьба.

А султан наконец заметил, что какая-то старуха с большим блюдом в руках каждый день приходит в диван. И однажды он сказал своему визирю:

— О визирь, я хочу знать, кто эта старая женщина и зачем она приходит сюда. Спроси, в чем ее дело, и, если у нее есть какая-нибудь просьба, я ее исполню.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал визирь. Он подошел к матери Аладдина и крикнул:

— Эй, старуха, поговори с султаном! Если у тебя есть какая-нибудь просьба, султан ее исполнит.

Когда мать Аладдина услышала эти слова, у нее затряслись поджилки, и она чуть не выронила из рук блюдо. Визирь подвел ее к султану, и она поцеловала перед ним землю, а султан спросил ее:

— О старуха, почему ты каждый день приходишь в диван и ничего не говоришь? Скажи, что тебе нужно?

— Выслушай меня, о султан, и не дивись моим словам, — сказала старуха. — Прежде чем я ее тебе скажу, обещаю тебе пощаду.

— Пощада будет тебе, — сказал султан, — говори.

Мать Аладдина еще раз поцеловала землю перед султаном и сказала:

— О владыка султан! Мой сын Аладдин шлет тебе в подарок вот эти камни и просит тебя отдать ему в жены твою дочь, царевну Будур.

Она сдернула с блюда платок, и весь диван осветился — так засверкали камни. А визирь и султан оторопели при виде таких драгоценностей.

— О визирь, — сказал султан, — видел ли ты когда-нибудь такие камни?

— Нет, о владыка султан, не видел, — ответил визирь, а султан сказал:

— Я думаю, что человек, у которого есть такие камни, достоин быть мужем моей дочери. Каково твое мнение, о визирь?

Когда визирь услышал эти слова, его лицо пожелтело от зависти. У него был сын, которого он хотел женить на царевне Будур, и султан уже обещал выдать Будур замуж за его сына. Но султан очень любил драгоценности, а в его казне не было ни одного такого камня, как те, что лежали перед ним на блюде.

— О владыка султан, — сказал визирь, — не подобает твоему величеству отдавать царевну замуж за человека, которого ты даже не знаешь. Может быть, у него ничего нет, кроме этих камней, и ты выдашь дочь за нищего. По моему мнению, самое лучшее — это потребовать от него, чтобы он подарил тебе сорок таких же блюд, наполненных драгоценными камнями, и сорок невольниц, чтобы несли эти блюда, и сорок рабов, чтобы их

охранять. Тогда мы узнаем, богат он или нет.

А про себя визирь думал: «Невозможно, чтобы кто-нибудь мог все это достать. Он будет бессилён это сделать, и я избавлюсь от него».

— Ты хорошо придумал, о визирь! — закричал султан и сказал матери Аладдина:

— Ты слышала, что говорит визирь? Иди и передай твоему сыну: если он хочет жениться на моей дочери, пусть присылает сорок золотых блюд с такими же камнями, и сорок невольниц, и сорок рабов.

Мать Аладдина поцеловала перед султаном землю и пошла домой. Она шла и говорила себе, качая головой:

— Откуда же Аладдин возьмет все это? Ну, допустим, что он пойдет в подземный сад и наберет там еще камней, но откуда возьмутся рабы и невольницы? Так она разговаривала сама с собой всю дорогу, пока не дошла до дому. Она вошла к Аладдину грустная и смущенная. Увидя, что у матери нет в руках блюда, Аладдин воскликнул:

— О матушка, я вижу, ты сегодня говорила с султаном. Что же он сказал тебе?

— О дитя мое, лучше было бы мне и не ходить к султану, и не говорить с ним, — ответила старуха. — Послушай только, что он мне сказал.

И она передала Аладдину слова султана, а Аладдин засмеялся от радости.

— Успокойся, матушка, — сказал он, — это самое легкое дело.

Он взял лампу и потер ее, и когда мать увидела это, она бегом бросилась в кухню, чтобы не видеть джинна. А джинн сейчас лее явился и сказал:

— О господин, я к твоим услугам. Чего ты хочешь? Требуй — получишь.

— Мне нужно сорок золотых блюд, полных драгоценными камнями, сорок невольниц, чтобы несли эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять, сказал Аладдин.

— Будет исполнено, о господин, — ответил Маймун, раб лампы. — Может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город или построил дворец? Приказывай.

— Нет, сделай то, что я тебе сказал, — ответил Аладдин, и раб лампы исчез.

Через самое короткое время он появился снова, а за ним шли сорок прекрасных невольниц, и каждая держала на голове золотое блюдо с драгоценными камнями. Невольниц сопровождали рослые, красивые рабы с обнаженными мечами.

— Вот то, что ты требовал, — сказал джинн и исчез.

Тогда мать Аладдина вышла из кухни, осмотрела рабов и невольниц, а потом выстроила их парами и гордо пошла впереди них ко дворцу султана.

Весь народ сбегался смотреть на это невиданное шествие, и стража во дворце онемела от изумления, когда увидела этих рабов и невольниц.

Мать Аладдина привела их прямо к султану, и все они поцеловали перед ним землю и, сняв блюда с головы, поставили их в ряд. Султан совсем растерялся от радости и не мог выговорить ни слова. А придя в себя, он сказал визирю:

— О визирь, каково твое мнение? Разве не достоин тот, кто имеет такое богатство, стать мужем моей дочери, царевны Будур?

— Достоин, о владыка, — отвечал визирь, тяжело вздыхая. Он не смел сказать «нет», хотя зависть и досада убивали его.

— О женщина, — сказал султан матери Аладдина, — пойди и передай твоему сыну, что я принял его подарок и согласен выдать за него царевну Будур. Пусть он явится ко мне — я хочу его видеть.

Мать Аладдина торопливо поцеловала землю перед султаном и со всех ног побежала

домой — так быстро, что ветер не мог за ней угнаться. Она прибежала к Аладдину и закричала:

— Радуйся, о сын мой! Султан принял твой подарок и согласен, чтобы ты стал мужем царевны. Он сказал это при всех. Иди сейчас же во дворец султан хочет тебя видеть. Я выполнила поручение, теперь кончай дело сам.

— Спасибо тебе, матушка, — сказал Аладдин, — сейчас пойду к султану. А теперь уходи — я буду разговаривать с джинном.

Аладдин взял лампу и потерял ее, и тотчас же явился Маймун, раб лампы. И Аладдин сказал ему:

— О Маймун, приведи мне сорок восемь белых невольников — это будет моя свита. И пусть двадцать четыре невольника идут впереди меня, а двадцать четыре — сзади. И еще доставь мне тысячу динаров и самого лучшего коня.

— Будет исполнено, — сказал джинн и исчез. Он доставил все, что велел Аладдин, и спросил:

— Чего ты хочешь еще? Не хочешь ли ты, чтобы я разрушил город или построил дворец? Я все могу.

— Нет, пока не надо, — сказал Аладдин.

Он вскочил на коня и поехал к султану, и все жители сбежались посмотреть на красивого юношу, ехавшего с такой пышной свитой. На рыночной площади, где было больше всего народу, Аладдин достал из мешка горсть золота и бросил ее. Все кинулись ловить и подбирать монеты, а Аладдин бросал и бросал, пока мешок не опустел.

Он подъехал ко дворцу, и все визири и эмиры встретили его у ворот и проводили к султану. Султан поднялся к нему навстречу и сказал:

— Добро пожаловать тебе, Аладдин. Жаль, что я не познакомился с тобой раньше. Я слышал, что ты хочешь жениться на моей дочери. Я согласен. Сегодня будет ваша свадьба. Ты все приготовил для этого торжества?

— Нет еще, о владыка султан, — ответил Аладдин. — Я не выстроил для царевны Будур дворца, подходящего ее сану.

— А когда же будет свадьба? — спросил султан. — Ведь дворец скоро не выстроишь.

— Не беспокойся, о владыка султан, — сказал Аладдин. — Подожди немного.

— А где ты собираешься построить дворец, о Аладдин? — спросил султан. — Не хочешь ли ты выстроить его перед моими окнами, вот на этом пустыре?

— Как тебе будет угодно, о владыка, — ответил Аладдин.

Он простился с царем и уехал домой вместе со свитой.

Дома он взял лампу, потерял ее и, когда появился джинн Маймун, сказал ему:

— Ну, теперь выстрой дворец, но такой, какого еще не было на земле. Мелеешь это сделать?

— Могу! — воскликнул джинн голосом, подобным грому. — К завтрашнему утру будет готов. Останешься доволен.

И в самом деле, на следующее утро на пустыре возвышался великолепный дворец. Стены его были сложены из золотых и серебряных кирпичей, а крыша была алмазная. Чтобы взглянуть на нее, Аладдину пришлось взобраться на плечи джинна Маймуна — так высок был дворец. Аладдин обошел все комнаты во дворце и сказал Маймуну:

— О Маймун, я придумал одну шутку. Сломаю вот эту колонну, и пусть султан думает, что мы забыли выстроить ее. Он захочет построить ее сам и не сможет этого сделать, и тогда

он увидит, что я сильнее и богаче его.

— Хорошо, — сказал джинн и махнул рукой; колонна исчезла, как будто ее и не было. — Не хочешь ли ты еще что-нибудь разрушить?

— Нет, — сказал Аладдин. — Теперь я пойду и приведу сюда султана.

А султан утром подошел к окну и увидел дворец, который так блестел и сверкал на солнце, что на него больно было смотреть. Султан поспешно позвал визиря и показал ему дворец.

— Ну, что ты скажешь, о визирь? — спросил он. — Достоин ли быть мужем моей дочери тот, кто в одну ночь построил такой дворец?

— О владыка султан, — закричал визирь, — разве ты не видишь, что этот Аладдин — колдун! Берегись, как бы он не отобрал у тебя твое царство!

— Завистливый ты человек, о визирь, — сказал султан. — Мне нечего бояться, а ты говоришь все это из зависти.

В это время вошел Аладдин и, поцеловав землю у ног султана, пригласил его посмотреть дворец.

Султан с визирем обошли весь дворец, и султан не уставал восхищаться его красотой и пышностью. Наконец Аладдин привел гостей к тому месту, где Маймун разрушил колонну. Визирь сейчас же заметил, что недостает одной колонны, и закричал:

— Дворец не достроен! Одной колонны здесь не хватает!

— Не беда, — сказал султан. — Я сам поставлю эту колонну. Позвать сюда главного строителя!

— Лучше не пробуй, о султан, — тихо сказал ему визирь. — Тебе это не под силу. Посмотри: колонны такие высокие, что не видно, где они кончаются, и они сверху донизу выложены драгоценными камнями.

— Замолчи, о визирь, — гордо сказал султан. — Неужели я не смогу выстроить одну колонну?

Он велел созвать всех каменотесов, какие были в городе, и отдал все свои драгоценные камни. Но их не хватило. Узнав об этом, султан рассердился и крикнул:

— Откройте главную казну, отберите у моих подданных все драгоценные камни! Неужели всего моего богатства не хватит на одну колонну?

Но через несколько дней строители пришли к султану и доложили, что камней и мрамора хватило только на четверть колонны. Султан велел отрубить им головы, но колонны все-таки не поставил. Узнав об этом, Аладдин сказал султану:

— Не печалься, о султан. Колонна уже стоит на месте, и я возвратил все драгоценные камни их владельцам.

В тот же вечер султан устроил великолепный праздник в честь свадьбы Аладдина и царевны Будур, и Аладдин с женою стали жить в новом дворце.

Вот пока все, что было с Аладдином.

Что же касается магрибинца, то он вернулся к себе в Ифрикию и долго горевал и печалился. Он испытал много бедствий и мучений, стараясь раздобыть волшебную лампу, но она все-таки не досталась ему, хотя была совсем близко. Только одно утешение было у магрибинца: «Раз этот Аладдин погиб в подземелье, значит, и лампа находится там. Может быть, мне удастся завладеть ею и без Аладдина».

Так он раздумывал об этом целыми днями. И вот однажды он захотел убедиться, что лампа цела и находится в подземелье. Он погадал на песке и увидел, что все в сокровищнице

осталось так, как было, но лампы там больше нет. Сердце его замерло. Он стал гадать дальше и узнал, что Аладдин спасся из подземелья и живет в своем родном городе. Быстро собрался магрибинец в путь и поехал через моря, горы и пустыни в далекую Персию. Снова пришлось ему терпеть беды и несчастья, и наконец он прибыл в тот город, где жил Аладдин.

Магрибинец пошел на рынок и стал слушать, что говорят люди. А в это время как раз кончилась война персов с кочевниками, и Аладдин, который стоял во главе войска, вернулся в город победителем. На рынке только и было разговоров, что о подвигах Аладдина.

Магрибинец походил и послушал, а потом подошел к продавцу холодной воды и спросил его:

— Кто такой этот Аладдин, о котором все люди здесь говорят?

— Сразу видно, что ты нездешний, — ответил продавец. — Иначе ты знал бы, кто такой Аладдин. Это самый богатый человек во всем мире, а его дворец — настоящее чудо.

Магрибинец протянул водоносу динар и сказал ему:

— Возьми этот динар и окажи мне услугу. Я и вправду чужой в вашем городе, и мне хотелось бы посмотреть на дворец Аладдина. Проводи меня к этому дворцу.

— Никто лучше меня не покажет тебе дорогу, — сказал водонос. — Идем.

Он привел магрибинца ко дворцу и ушел, благословляя этого чужеземца за щедрость. А магрибинец обошел вокруг дворца и, осмотрев его со всех сторон, сказал про себя:

— Такой дворец мог построить только джинн, раб лампы. Наверное, она находится в этом дворце.

Долго придумывал магрибинец хитрость, с помощью которой он мог бы завладеть лампой, и наконец придумал.

Он пошел к меднику и сказал ему:

— Сделай мне десять медных ламп и возьми за них какую хочешь плату, но только поторопись. Вот тебе пять динаров в задаток.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил медник. — Приходи к вечеру, лампы будут готовы.

Вечером магрибинец получил десять новеньких ламп, блестящих, как золотые. Он провел ночь без сна, думая о хитрости, которую он устроит, а на рассвете поднялся и пошел по городу, крича:

— Кто хочет обменять старые лампы на новые? У кого есть старые медные лампы? Меняю на новые!

Народ толпой ходил за магрибинцем, а дети прыгали вокруг него и кричали:

— Бесноватый, бесноватый!

Но магрибинец не обращал на них внимания и кричал:

— У кого есть старые лампы? Меняю на новые!

Наконец он пришел ко дворцу. Аладдина самого в это время не было дома — он уехал на охоту, и во дворце оставалась его жена, царевна Будур.

Услышав крики магрибинца, Будур послала старшего привратника узнать, в чем дело, и привратник, вернувшись, сказал ей:

— Это какой-то бесноватый дервиш. У него в руках новые лампы, и он обещает дать за каждую старую лампу новую.

Царевна Будур рассмеялась и сказала:

— Хорошо бы проверить, правду ли он говорит или обманывает. Нет ли у нас во дворце какой-нибудь старой лампы?

— Есть, госпожа, — сказала одна из невольниц. — Я видела в комнате господина

нашего Аладдина медную лампу. Она вся позеленела и никуда не годится.

А Аладдину, когда он уезжал на охоту, понадобились припасы, и он вызвал джинна Маймуна, чтобы тот принес, что нужно. Когда джинн принес заказанное, раздался звук рога, и Аладдин заторопился, бросил лампу на постель и выбежал из дворца.

— Принеси эту лампу, — приказала Будур невольнице, — а ты, Кафур, отнеси ее магрибинцу, и пусть он даст нам новую.

И привратник Кафур вышел на улицу и отдал магрибинцу волшебную лампу, а взамен получил новенький медный светильник. Магрибинец очень обрадовался, что его хитрость удалась, и спрятал лампу за пазуху. Он купил на рынке осла и уехал.

А выехав за город и убедившись, что никто его не видит и не слышит, магрибинец потерял лампу, и джинн Маймун явился перед ним. Магрибинец крикнул ему:

— Хочу, чтобы ты перенес дворец Аладдина и всех, кто в нем находится, в Ифрикию и поставил бы его в моем саду, возле моего дома. И меня тоже перенеси туда.

— Будет исполнено, — сказал джинн. — Закрой глаза и открой глаза, и дворец будет в Ифрикии. А может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город?

— Исполни то, что я тебе приказал, — сказал магрибинец, и не успел он договорить этих слов, как увидел себя в своем саду в Ифрикии, у дворца. И вот пока все, что с ним было.

Что же касается султана, то он проснулся утром и выглянул в окно — и вдруг видит, что дворец исчез и там, где он стоял, — ровное гладкое место. Султан протер глаза, думая, что он спит, и даже ущипнул себе руку, чтобы проснуться, но дворец не появился.

Султан не знал, что подумать, и начал громко плакать и стонать. Он понял, что с царевной Будур случилась какая-то беда. На крики султана прибежал визирь и спросил:

— Что с тобой случилось, о владыка султан? Какое бедствие тебя поразило?

— Да разве ты ничего не знаешь? — закричал султан. — Ну так выгляни в окно. Что ты видишь? Где дворец? Ты — мой визирь и отвечаешь за все, что делается в городе, а у тебя под носом пропадают дворцы, и ты ничего не знаешь об этом. Где моя дочь, плод моего сердца? Говори!

— Не знаю, о владыка султан, — ответил испуганный визирь. — Я говорил тебе, что этот Аладдин — злой волшебник, но ты мне не верил.

— Приведи сюда Аладдина, — закричал султан, — и я отрублю ему голову!

В это время Аладдин как раз возвращался с охоты. Слуги султана вышли на улицу, чтобы его разыскать, и, увидев его, побежали к нему навстречу.

— Не взыщи с нас, о Аладдин, господин наш, — сказал один из них. Султан приказал скрутить тебе руки, заковать тебя в цепи и привести к нему. Нам будет тяжело это сделать, но мы люди подневольные и не можем ослушаться приказа султана.

— За что султан разгневался на меня? — спросил Аладдин. — Я не сделал и не задумал ничего дурного против него или против его подданных.

Позвали кузнеца, и он заковал ноги Аладдина в цепи. Пока он делал это, вокруг Аладдина собралась толпа. Жители города любили Аладдина за его доброту и щедрость, и, когда они узнали, что султан хочет отрубить ему голову, они все сбежались ко дворцу. А султан велел привести Аладдина к себе и сказал ему:

— Прав был мой визирь, когда говорил, что ты колдун и обманщик. Где твой дворец и где моя дочь Будур?

— Не знаю, о владыка султан, — ответил Аладдин. — Я ни в чем перед тобой не виновен.

— Отрубить ему голову! — крикнул султан, и Аладдина снова вывели на улицу, а за ним вышел палач.

Когда жители города увидели палача, они обступили Аладдина и послали сказать султану:

«Если ты, о султан, не помилуешь Аладдина, то мы опрокинем на тебя твой дворец и перебьем всех, кто в нем находится. Освободи Аладдина и окажи ему милость, а то тебе придется плохо».

— Что мне делать, о визирь? — спросил султан, и визирь сказал ему:

— Сделай так, как они говорят. Они любят Аладдина больше, чем нас с тобой, и, если ты его убьешь, нам всем несдобровать.

— Ты прав, о визирь, — сказал султан и велел расковать Аладдина и сказать ему от имени султана такие слова:

«Я пощадил тебя, потому что народ тебя любит, но если ты не отыщешь мою дочь, то я все-таки отрублю тебе голову. Даю тебе сроку для этого сорок дней».

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Аладдин и ушел из города.

Он не знал, куда ему направиться и где искать царевну Будур, и горе так давило его, что он решил утопиться. Он дошел до большой реки и сел на берегу, грустный и печальный.

Задумавшись, он опустил в воду правую руку и вдруг почувствовал, как что-то соскальзывает с его мизинца. Аладдин быстро вынул руку из воды и увидел на мизинце кольцо, которое дал ему магрибинец и о котором он совсем забыл.

Аладдин потерял кольцо, и тотчас явился перед ним джинн Дахнаш, сын Каш каш а, и сказал:

— О владыка кольца, я перед тобой. Чего ты хочешь? Приказывай.

— Хочу, чтоб ты перенес мой дворец на прежнее место, — сказал Аладдин.

Но джинн, слуга кольца, опустил голову и ответил:

— О господин, мне тяжело тебе признаться, но я не могу этого сделать. Дворец построен рабом лампы, и только он один может его перенести. Потребуй от меня что-нибудь другое.

— Если так, — сказал Аладдин, — неси меня туда, где находится сейчас мой дворец.

— Закрой глаза и открой глаза, — сказал джинн.

И когда Аладдин закрыл и снова открыл глаза, он увидел себя в саду, перед своим дворцом.

Он взбежал наверх по лестнице и увидел свою жену Будур, которая горько плакала. Увидев Аладдина, она вскрикнула и заплакала еще громче теперь уже от радости. Успокоившись немного, она рассказала Аладдину обо всем, что с ней произошло, а затем сказала:

— Этот проклятый магрибинец приходит ко мне и уговаривает меня выйти за него замуж и забыть тебя. Он говорит, что султан, мой отец, отрубил тебе голову и что ты был сыном бедняка, так что о тебе не стоит печалиться. Но я не слушаю речей этого злого магрибинца, а все время плачу о тебе.

— А где он хранит волшебную лампу? — спросил Аладдин, и Будур ответила:

— Он никогда с ней не расстаётся и всегда держит ее при себе.

— Слушай меня, о Будур, — сказал Аладдин. — Когда этот проклятый опять придет к тебе, будь с ним ласкова и приветлива и обещай ему, что выйдешь за него замуж. Попроси его поужинать с тобою и, когда он начнет есть и пить, подсыпь ему в вино вот этого сонного

порошка. И когда магрибинец уснет, я войду в комнату и убью его.

— Мне будет нелегко говорить с ним ласково, — сказала Будур, — но я постараюсь. Он скоро должен прийти. Иди, я тебя спрячу в темной комнате, а когда он уснет, я хлопну в ладоши, и ты войдешь.

Едва Аладдин успел спрятаться, в комнату Будур вошел магрибинец. На этот раз она встретила его весело и приветливо сказала:

— О господин мой, подожди немного, я принаряжусь, а потом мы с тобой вместе поужинаем.

— С охотой и удовольствием, — сказал магрибинец и вышел, а Будур надела свое лучшее платье и приготовила кушанья и вино.

Когда магрибинец вернулся, Будур сказала ему:

— Ты был прав, о господин мой, когда говорил, что Аладдина не стоит любить и помнить. Мой отец отрубил ему голову, и теперь нет у меня никого, кроме тебя. Я выйду за тебя замуж, но сегодня ты должен исполнять все, что я тебе скажу.

— Приказывай, о госпожа моя, — сказал магрибинец, и Будур стала его угощать и поить вином и, когда он немного опьянел, сказала ему:

— В нашей стране есть обычай: когда жених и невеста едят и пьют вместе, то последний глоток вина каждый выпивает из кубка другого. Дай же мне твой кубок, я отопью из него глоток, а ты выпьешь из моего.

И Будур подала магрибинцу кубок вина, в который она заранее подсыпала сонного порошка. Магрибинец выпил и сейчас же упал, как пораженный громом, а Будур хлопнула в ладоши. Аладдин только этого и ждал. Он вбежал в комнату и, размахнувшись, отрубил мечом голову магрибинцу. А затем он вынул у него из-за пазухи лампу и потер ее, и сейчас же появился Маймун, раб лампы.

— Отнеси дворец на прежнее место, — приказал ему Аладдин.

Через мгновение дворец уже стоял напротив дворца султана, и султан, который в это время сидел у окна и горько плакал о своей дочери, чуть не лишился чувств от изумления и радости. Он сейчас же прибежал во дворец, где была его дочь Будур. И Аладдин с женой встретили султана, плача от радости.

И султан попросил у Аладдина прощения за то, что хотел отрубить ему голову, и с этого дня прекратились несчастья Аладдина, и он долго и счастливо жил в своем дворце вместе со своей женой и матерью, пока не пришла к ним всем смерть.

ДЯДЮШКА ДОЛГОНОС

Французская сказка

Жили-были по соседству два короля. Друг другу они так завидовали, что однажды началась у них война. Один король был все битый да битый, никак не мог управиться со своим войском.

Стало оно как-то на берегу реки, а через реку ни моста, ни жердочки. Послал король офицера посмотреть, что враги делают.

Офицер залез на верхушку высоченного дерева, всего леса выше, туда-сюда посмотрел и вдруг видит: чуть не под ним на поляне ребятишки играют, костер развели. И тут подходит к ним человек, да такой длинноносый, что носу и конца нет. Ребятишки бросили игру и к нему:

— Дядюшка Долгонос! Дядюшка Долгонос!

— Здравствуйте, детки, — говорит Долгонос.

— Здравствуй, дядюшка Долгонос! Что нового у тебя?

— Да кое-что есть, ребятишки!

— Скажи скорей, дядюшка Долгонос!

— Я вам скажу, да только вы — молчок. Воюют друг с другом два короля. Один все битый да битый, через реку без моста никак войско не переправит. А не знает, что растет в лесу, от нас неподалеку, красный дуб. Одну веточку с него срежешь, поперек реки положишь — сразу мост вырастет.

Только об этом никому ни слова!

Крик-крак, брик-бряк!

Слово скажешь — камнем станешь!

Крик-крак, брик-бряк!

Офицеру только того и надо. Слез он с дерева и пустился искать красный дуб. Нашел, срезал веточку и понес к королю.

— Ваше величество, — говорит, — я берусь за одну ночь мост через реку проложить. Пусть армия будет наготове. И ни о чем больше не спрашивайте.

— Сделаешь, что обещал, — отвечает король, — хорошо награжу тебя.

Положил офицер веточку на берегу, а она вдруг ну расти да расти: в мост превратилась, через реку перекинулась. Прошла армия по мосту и побила врага, врасплох застала.

Немного времени прошло, собрали враги все свои войска и опять короля побили.

Решил опять офицер к дереву вернуться. На самый верх забрался, видит: опять поляна, на поляне у огня ребятишки, а к ним, откуда ни возьмись, шагает человек с длиннющим носом.

— Здравствуй, дядюшка Долгонос!

— Здравствуйте, детки!

— А что ты нам расскажешь?

— Что расскажу-то? Да знаю кое-что.

— Скажи скорей, дядюшка Долгонос!

— Я вам скажу, да только вы молчок. Навел король мост через реку, да все равно его потом побили. И не знает он, что растет в лесу, неподалеку от нас, дуб-дупло. В дупле труха.

Соберешь эту труху, неприятелю в глаза бросишь — сразу враг задохнется и ослепнет. Только об этом никому ни слова!

Крик-крак, брик-бряк!

Слово скажешь — камнем станешь!

Крик-крак, брик-бряк!

Офицеру только того и надо. Слез он с дерева и ну скорей искать дуб-дупло. Нашел, все карманы трухой набил и идет к королю.

— Ваше величество, — говорит, — шлите армию в бой, а я спереди стану, тогда все и увидите. Только б ветер дул от нас на врага.

— Пусть будет, как ты говоришь, — отвечал король. — Побьем врага — я тебя хорошо награжу.

Началась назавтра битва. Бросает офицер труху по ветру, а она в тучи превращается и вражеских солдат душит. Кто тут же замертво упал, кто убежал, один на тысячу разве только и спасся. Сдался враг, и подписали мир. Хвалит король офицера за победу.

— Я тебе обещал добрую награду. Даю тебе дочь в жены, лучшей награды не придумаю.

Дочь короля, что дневной свет, красива. А офицер-то уж давно был в нее влюблен. Ждет он свадьбы, ходит, гуляет с невестой по двору, развлекается. Она ему и говорит:

— Как же вы мост через реку наладили да такой мор на врага напустили?

— Ах, королевна, я вам все скажу. Залез я на самое высокое дерево в лесу, вижу огонь на поляне, а у огня ребятишки. Тут идет к ним человек с длинным носом. Я их разговор и подслушал.

— А о чем был разговор?

— А вот о чем, королевна.

Только принялся ей рассказывать про те секреты, как вдруг обратился в камень. Королевна испугалась, зовет на помощь. Весь дворец собрался и был там офицеров дядя.

— Ах, — кричит, — что стало с моим племянником?!

Принялась королевна рассказывать, как да что было, и сама вдруг окаменела. Горе во дворце. Велел король поставить окаменевших жениха и невесту в собор, и все надели траур.

А у дяди офицера все не идет с ума странная история, хочется ему повидать того долгоноса. Не утерпел он и пошел в лес. Залез на самое большое дерево и видит: правду сказала королевна. На поляне костер горит, вокруг костра ребятишки играют, а тут к ним и человек с длинным носом идет.

— Здравствуй, дядюшка Долгонос!

— Здравствуйте, детки!

— Какие сегодня новости, дядюшка Долгонос?

— Да уж кое-что есть.

— Скажи-ка нам! Скажи-ка нам!

— Я вам скажу, да только вы молчок. Когда я вам рассказывал про короля, что не может через реку перебраться и врага побить, его офицер сидел неподалеку от нас на дереве и меня подслушивал. Он и мост через реку перекинул, и волшебной трухой из дупла врагов закидал. Король в награду отдал ему свою дочь в жены. Но офицер выдал мою тайну королевне, да и она тоже проболталась. Оба и окаменели, все королевство теперь в трауре. А не знают люди, что есть в чаще леса родник, зеркальцем прикрыт. Поднимешь зеркальце, зачерпнешь чуть-чуть ключевой воды, на невесту с женихом брызнешь — они снова и оживут. Только об этом никому ни слова!

Крик-крак, брик-бряк!

Слово скажешь — камнем станешь!

Крик-крак, брик-бряк!

Офицеров дядя медлить не стал, скорей искать родник. Не один час потратил. Не сразу нашел. К вечеру идет в собор с волшебной водой, не терпится ему испытать средство. Только брызнул на своего племянника, а тот уже живой, бросился дяде на шею. То же самое и с королевной случилось. Все обрадовались, снова к свадьбе готовятся.

А король все спрашивает дядю офицера, как он королевскую дочь оживил. Но тот крепится, не выдает тайну, боится, как бы и его не постигло страшное наказание. Король все донаимает, и чувствует офицеров дядя, что нет мочи молчать. «Пойду-ка я снова к тому высокому дереву, может, что еще услышу и беду миную».

Вот отправился он в лес, на дерево взобрался и смотрит сверху на поляну. Опять все как было: ребятишки у огня, а к ним идет человек с длинным носом:

— Здравствуйте, детки!

— Что нового, дядюшка Долгонос?

— Да уж кое-что есть, детки. Я вам скажу, да только вы молчок. Вы уже знаете, что офицер с королевной в камень превратились. А дядя офицеров спрятался на дереве недалеко от нас и меня подслушал, сходил к роднику и оживил невесту с женихом. Они снова живы-здоровеньки, а дядя крепится, нет мочи тайну сбересть. Выдаст он тайну — камнем станет. А не знает, что растет на берегу реки апельсиновое дерево. Если сорвать с него апельсин и съесть, а потом вырезать дырочку в стволе и весь секрет туда шепотом сказать, ничего плохого с тобой не случится. Секрет по стволу в корни уйдет и в реке утонет. Хоть говори о нем, хоть кричи, а уж камнем не станешь. Только об этом никому ни слова!

Крик-кряк, брик-бряк!

Слово скажешь — камнем станешь!

Крик-кряк, брик-бряк!

Офицеров дядя слушает во все уши. Скорей с дерева и к реке. Нашел апельсиновое дерево и все сделал, как говорил дядюшка Долгонос. А потом пошел и без страха королю рассказал, как что было.

На следующий день и свадьбу сыграли. Если б вам про все веселье и про все забавы рассказать, что там были, и до завтра бы времени не хватило. Одно только скажу, что жили молодые счастливо и долго, а в стране у них были мир да богатство.

АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

Арабская сказка

Когда-то, очень давно, в одном персидском городе жили два брата — Касим и Али-Баба. Когда умер их отец, они поделили деньги, которые после него остались, и Касим стал торговать на рынке дорогими тканями и шелковыми халатами. Он умел расхваливать свой товар и зазывать покупателей, и в его лавке всегда толпилось много народу. Касим все больше и больше богател и, когда накопил много денег, женился на дочери главного судьи, которую звали Фатима.

А Али-Баба не умел торговать и наживать деньги, и женат он был на бедной девушке по имени Зейнаб. Они быстро истратили почти все, что у них было, и однажды Зейнаб сказала:

— Слушай, Али-Баба, нам скоро будет нечего есть. Надо тебе что-нибудь придумать, а то мы умрем с голоду.

— Хорошо, — ответил Али-Баба, — я подумаю, что нам делать.

Он вышел в сад, сел под дерево и стал думать. Долго думал Али-Баба и наконец придумал. Он взял оставшиеся у него деньги, пошел на рынок и купил двух ослов, топор и веревку.

А на следующее утро он отправился за город, на высокую гору, поросшую густым лесом, и целый день рубил дрова. Вечером Али-Баба связал дрова в вязанки, нагрузил ими своих ослов и вернулся в город. Он продал дрова на рынке и купил хлеба, мяса и зелени.

С тех пор Али-Баба каждое утро уезжал на гору и до самого вечера рубил дрова, а потом продавал их на рынке и покупал хлеб и мясо для себя и для Зейнаб. И вот однажды он стоял под высоким деревом, собираясь его срубить, и вдруг заметил, что на дороге поднялась пыль до самого неба. А когда пыль рассеялась, Али-Баба увидел, что прямо на него мчится отряд всадников, одетых в панцири и кольчуги; к седлам были привязаны копья, а на поясах сверкали длинные острые мечи. Впереди скакал на высокой белой лошади одноглазый человек с черной бородой.

Али-Баба очень испугался. Он быстро влез на вершину дерева и спрятался в его ветвях. А всадники подъехали к тому месту, где он только что стоял, и сошли на землю. Каждый из них снял с седла тяжелый мешок и взвалил его себе на плечи; потом они стали в ряд, ожидая, что прикажет одноглазый — их атаман.

«Что это за люди и что у них в мешках? — подумал Али-Баба. — Наверное, это воры и разбойники».

Он пересчитал людей, и оказалось, что их ровно сорок человек, кроме атамана. Атаман встал впереди своих людей и повел их к высокой скале, в которой была маленькая дверь из стали; она так заросла травой и колючками, что ее почти не было видно.

Атаман остановился перед дверью и громко крикнул:

— Симсим, открой дверь!

И вдруг дверь в скале распахнулась, атаман вошел, а за ним вошли его люди, и дверь опять захлопнулась за ними.

«Вот чудо! — подумал Али-Баба. — Ведь симсим-то — это маленькое растение. Я знаю, что из него выжимают масло, но я не знал, что оно может открывать двери!»

Али-Бабе очень хотелось посмотреть поближе на волшебную дверь, но он так боялся

разбойников, что не осмелился слезть с дерева.

Прошло немного времени, и вдруг дверь снова распахнулась, и сорок разбойников вышли с пустыми мешками. Как и прежде, одноглазый атаман шел впереди. Разбойники привязали к седлам пустые мешки, вскочили на коней и ускакали.

Тогда Али-баба, который уже устал сидеть скорчившись на дереве, быстро спустился на землю и подбежал к скале.

«А что будет, если я тоже скажу: „Симсим, открой дверь?“ — подумал он. — Откроется дверь или нет? Попробую!»

Он набрался храбрости, вдохнул побольше воздуха и во весь голос крикнул:
— Симсим, открой дверь!

И тотчас же дверь распахнулась перед ним, и открылся вход в большую пещеру.

Али-Баба вошел в пещеру, и, как только он переступил порог, дверь снова захлопнулась за ним. Али-Бабе стало немного страшно: а вдруг дверь больше не откроется и ему нельзя будет выйти? Но он все же пошел вперед, с удивлением осматриваясь по сторонам.

Он увидел, что находится в большой комнате и у стен стоит множество столиков, уставленных золотыми блюдами под серебряными крышками. Али-Баба почувствовал вкусный запах кушаний и вспомнил, что с утра ничего не ел. Он подошел к одному столику, снял крышки с блюд, и у него потекли слюнки, — на блюдах лежали все кушанья, каких только можно пожелать: жареные куры, рисовый пилав, блинчики с вареньем, халва, яблоки и еще много других вкусных вещей.

Али-Баба схватил курицу и мигом обглодал ее. Потом принялся за пилав, а покончив с ним, запустил руки в халву, но уже не мог съесть ни кусочка — до того он был сыт. Отдохнув немного, он осмотрелся и увидал вход в другую комнату. Али-Баба вошел туда — и зажмурил глаза. Комната вся сверкала и блестела — так много было в ней золота и драгоценностей. Золотые динары и серебряные дирхемы грудями лежали прямо на земле, словно камни на морском берегу. Драгоценная посуда — кубки, подносы, блюда, украшенные дорогими камнями, — стояла по всем углам. Кипы шелка и тканей — китайских, индийских, сирийских, египетских — лежали посреди комнаты; по стенам висели острые мечи и длинные копья, которых хватило бы на целое войско.

У Али-Бабы разбежались глаза, и он не знал, за что ему взяться: то примерит красный шелковый халат, то схватит золотой поднос и смотрит в него, как в зеркало, то наберет в пригоршню золотых монет и пересыпает их.

Наконец он немного успокоился и сказал себе:

— Эти деньги и драгоценности, наверное, награблены, и сложили их сюда разбойники, которые только что здесь были. Эти богатства не принадлежат им, и если я возьму себе немножко золота, в этом не будет ничего дурного. Ведь его здесь столько, что нельзя сосчитать.

Али-Баба подоткнул полы халата и, встав на колени, стал подбирать золото. Он нашел в пещере два пустых мешка, наполнил их динарами, притащил к двери и крикнул:

— Симсим, открой дверь!

Дверь тотчас же распахнулась.

Али-Баба вышел из пещеры, и дверь захлопнулась за ним. Колючие кусты и ветки переплелись и скрыли ее от глаз. Ослы Али-Бабы паслись на лужайке. Али-Баба взвалил на них мешки с золотом, прикрыл их сверху дровами и поехал домой.

Когда он вернулся, уже была ночь и встревоженная Зейнаб ждала его у ворот.

— Что ты делал в лесу так долго? — спросила она. — Я думала, что тебя растерзали волки или гиены. Отчего ты привез дрова домой, а не продал их?

— Сейчас все узнаешь, Зейнаб, — сказал Али-Баба. — Помоги-ка мне внести в дом эти мешки и не шуми, чтобы нас не услышали соседи.

Зейнаб молча взвалила один из мешков себе на спину, и они с Али-Бабой вошли в дом. Зейнаб плотно прикрыла за собой дверь, зажгла светильник и развязала мешок. Увидя золото, она побледнела от страха и крикнула:

— Что ты наделал, Али-Баба? Кого ты ограбил?

— Не тревожься, Зейнаб, — сказал Али-Баба. — Я никого не ограбил и сейчас расскажу тебе, что со мною сегодня случилось.

Он рассказал ей про разбойников и пещеру и, окончив свой рассказ, сказал:

— Смотри, Зейнаб, спрячь это золото и не говори о нем никому. Люди подумают, что мы и вправду кого-нибудь ограбили, и донесут на нас султану, и тогда он отнимет у нас все золото и посадит нас в подземелье. Давай выкопаем яму и спрячем туда золото.

Они вышли в сад, выкопали при свете луны яму, сложили туда все золото, а потом опять забросали яму землей.

Покончив с этим делом, Али-Баба лег спать. Зейнаб тоже легла, но она еще долго ворочалась с боку на бок и думала:

«Сколько же золота привез Али-Баба? Как только рассветет, я пересчитаю все монетки до последней!»

На следующее утро, когда Али-Баба, как всегда, уехал на гору, Зейнаб побежала к яме, раскопала ее и принялась пересчитывать динары.

Но их было так много, что Зейнаб не могла сосчитать. Она не очень хорошо считала и все время сбивалась. Наконец это ей надоело, и она сказала себе:

— Лучше я возьму меру и перемеряю золото. Вот только меры у меня нет. Придется попросить у Фатимы.

А Касим с Фатимой жили в соседнем доме. Зейнаб сейчас же побежала к ним. Вошла к сени и сказала Фатиме:

— Сделай милость, одолжи мне ненадолго меру. Я сегодня же верну ее тебе.

— Хорошо, — ответила Фатима, — но моя мера у соседки. Сейчас я схожу за ней и дам ее тебе. Подожди здесь в сенях, у тебя ноги грязные, а я только что постлала чистые циновки.

Все это Фатима выдумала. И мерка, которой мерили крупу, висела на своем месте — в кухне, над очагом, и циновок она не меняла уже дней десять. На самом деле ей просто очень хотелось узнать, для чего Зейнаб вдруг понадобилась мерка, — ведь Фатима хорошо знала, что в доме у Али-Бабы давно уже нет никакой крупы. А спрашивать Зейнаб она не желала: пусть Зейнаб не воображает, что Фатима интересуется ее делами. И она придумала способ узнать, не спрашивая. Она вымазала дно мерки медом, а потом вынесла ее Зейнаб и сказала:

— На, возьми. Только смотри, не забудь возвратить ее в целости и не позже чем к закату солнца. Мне самой нужно мерить чечевицу.

— Спасибо тебе, Фатима, — сказала Зейнаб и побежала домой. Она выгребла из ямы все золото и начала торопливо его мерить, все время оглядываясь по сторонам.

Золота оказалось десять мер и еще полмеры.

Зейнаб вернула мерку Фатиме и ушла, поклонившись ей до земли. Фатима сейчас же схватила мерку и заглянула в нее. И вдруг она увидела: ко дну мерки прилип какой-то

маленький светлый кружочек.

Это был новенький золотой динар.

Фатима не верила своим глазам. Она повертела монету между пальцами и даже попробовала ее на зуб: не фальшивая ли? Но динар был самый настоящий, из чистого золота.

— Так вот какая это крупа! — закричала Фатима. — Они такие богачи, что Зейнаб даже меряет золото мерой. Наверное, они кого-нибудь ограбили, а сами притворяются бедняками. Скорее бы Касим вернулся из лавки! Я непременно все расскажу ему. Пусть пойдет к Али-Бабе и пригрозит ему хорошенько! Али-Баба, наверное, поделится с ним.

Фатима весь день просидела у ворот, ожидая Касима. Когда стало смеркаться, Касим вернулся из лавки, и Фатима, не дав ему даже снять тюрбана, закричала:

— Слушай, Касим, какая у меня новость! Твой брат Али-Баба прикидывается бедняком, а он, оказывается, богаче нас с тобой!

— Что ты выдумала! — рассердился Касим. — Богаче меня нет никого на нашей улице, да и во всем квартале. Недаром меня выбрали старшиной рынка.

— Ты мне не веришь? — обиделась Фатима. — Ну, так скажи, как ты считаешь деньги, когда подсчитываешь по вечерам выручку?

— Обыкновенно считаю, — ответил Касим. — Складываю в кучки динары и дирхемы и пересчитываю. А как насчитаю сотню, загибаю палец, чтобы не ошибиться. Да что ты такие глупости спрашиваешь?

— Нет, не глупости! — закричала Фатима. — Ты вот считаешь динары на десятки и сотни, а Зейнаб, жена твоего брата, считает мерами. Вот что она оставила в моей мерке.

И Фатима показала ему динар, который прилип ко дну мерки.

Касим осмотрел его со всех сторон и сказал:

— Пусть меня не зовут Касимом, если я не допытаюсь, откуда у Али-Бабы взялись деньги. Хитростью или силой, но я отберу их у него!

И он сейчас же отправился к своему брату. Али-Баба только что вернулся с горы и отдыхал на каменной скамье перед домом. Он очень обрадовался Касиму и сказал:

— Добро пожаловать тебе, Касим! Ты не часто бываешь у меня. Что привело тебя ко мне сегодня, да еще в такой поздний час?

— Добрый вечер, брат мой, — важно сказал Касим. — Меня привела к тебе большая обида.

Обида? — удивился Али-Баба. — Чем же мог я, бедный дровосек, обидеть старшину рынка?

— Ты теперь богаче меня, — сказал Касим. — Ты меряешь золото мерами. Вот что моя жена нашла на дне мерки, которую она одолжила твоей жене Зейнаб. Не обманывай меня: я все знаю! Почему ты скрыл от меня, что разбогател? Наверное, ты кого-нибудь ограбил?

Али-Баба понял, что Касим проведал его тайну, и решил во всем признаться.

— О брат мой, — сказал он, — я вовсе не хотел тебя обманывать. Я только потому ничего тебе не рассказал, что боялся воров и разбойников, которые могут тебя убить.

И он рассказал Касиму про пещеру и про разбойников. Потом протянул брату руку и сказал:

— О брат мой, мы с тобой оба — сыновья одного отца и одной матери. Давай же делить пополам все, что я привезу из пещеры. Я знаю, как туда войти и как уберечься от разбойников. Возьми себе половину денег и сокровищ — этого хватит тебе на всю жизнь.

— Не хочу половину, хочу все деньги! — закричал Касим и оттолкнул руку Али-

Бабы. — Говори скорее, как войти в пещеру, а если не скажешь, я донесу на тебя султану, и он велит отрубить тебе голову.

— Зачем ты грозишь мне султаном? — сказал Али-Баба. — Поезжай, если хочешь, в пещеру, но только тебе все равно не увезти всех денег и сокровищ. Даже если бы ты целый год возил из пещеры золото и серебро, не отдыхая ни днем, ни ночью, — и тогда ты не увез бы и половины того, что там есть!

Он рассказал Касиму, как найти пещеру, и велел ему хорошо запомнить слова: «Симсим, открой дверь!»

— Не забуду, — сказал Касим. — Симсим... симсим... Это, кажется, растение, вроде конопли. Буду помнить.

На следующее утро Касим оседлал десять мулов, положил на каждого мула по два больших сундука и отправился в лес. Он пустил своих мулов пастись на опушке леса, отыскал дверь в скале и, встав перед нею, закричал изо всех сил:

— Эй, Симсим, открой дверь!

Дверь распахнулась. Касим вошел, и дверь снова захлопнулась за ним.

Касим увидел пещеру, полную сокровищ, и совсем потерял голову от радости. Он заплясал на месте, потом бросился вперед и стал хватать все, что попадалось под руку, — охапки дорогих тканей, куски золота, кувшины и блюда, потом бросал их и срывал со стен золотые мечи и щиты, хватал пригоршнями деньги и совал их за пазуху. Так он метался по пещере целый час, но никак не мог забрать всего, что там было. Наконец он подумал:

«У меня времени много. Буду выносить отсюда мешок за мешком, пока не нагружу всех мулов, а потом приеду еще раз. Я буду ездить сюда каждый день, пока не заберу все, до последней монетки!»

Он схватил мешок с деньгами и поволок его к двери. Дверь была заперта. Касим хотел произнести волшебные слова, которые открывали дверь, но вдруг оказалось, что он позабыл их. Он помнил только, что надо сказать название какого-то растения. И он крикнул:

— Горох, открой дверь!

Но дверь не открылась. Касим немного испугался. Он подумал и крикнул опять:

— Пшеница, открой дверь!

Дверь и не шевельнулась. Касим от страха уже ничего не мог вспомнить и кричал названия всех растений, какие знал:

— Овес, открой дверь!

— Конопля, открой дверь!

— Ячмень, открой дверь!

Но дверь не открывалась. Касим понял, что ему никогда больше не выбраться из пещеры. Он сел на мешок с золотом и заплакал.

В это время разбойники ограбили богатых купцов, отобрали у них много золота и дорогих товаров. Они решили все это спрятать в пещере. Подъезжая к лесу, атаман заметил на опушке мулов, которые мирно щипали траву.

— Что это за мулы? — сказал атаман. — К их седлам привязаны сундуки. Наверно, кто-нибудь разузнал про нашу пещеру и хочет нас ограбить!

Он приказал разбойникам не шуметь и, подойдя к двери, тихо произнес:

— Симсим, открой дверь!

Дверь отворилась, и разбойники увидели Касима, который старался спрятаться за мешком с деньгами. Атаман бросился вперед, взмахнул мечом и отрубил Касиму голову.

Разбойники оставили тело Касима в пещере, а сами переловили мулов и, погнав их перед собой, ускакали.

А Фатима весь день просидела у окна — все ждала, когда покажутся мулы с сундуками, полными золота. Но время проходило, а Касима все не было. Фатима прождала день, прождала ночь, а утром с плачем прибежала к Али-Бабе.

Али-Баба сказал:

— Не тревожься, Фатима. Я сейчас сам поеду на гору и узнаю, что случилось с Касимом.

Он тотчас же сел на осла и поехал в лес, прямо к пещере. И как только вошел в пещеру, увидел, что его брат лежит мертвый на мешках с деньгами.

Али-Баба вынес тело Касима из пещеры, положил его в мешок и печальный поехал домой, думая про себя:

«Вот до чего довела Касима жадность! Если бы он согласился разделить со мной деньги и не захотел забрать себе их все, он и сейчас был бы жив».

Али-Баба устроил Касиму пышные похороны, но никому не сказал, как погиб его брат. Фатима говорила всем, кто провожал Касима на кладбище, что ее мужа растерзали в лесу дикие звери.

Когда Касима похоронили, Али-Баба сказал Фатиме:

— Знаешь что, Фатима, продай мне твой дом, и будем жить вместе. Тогда и мне не придется строить нового дома, и тебе не так страшно будет жить одной. Хорошо?

— О Али-Баба, — сказала Фатима, — мой дом — твой дом, и все, что у меня есть, принадлежит тебе. Позволь только мне жить с вами — больше мне ничего не нужно.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Али-Баба, и они с Зейнаб и Фатимой зажили вместе.

Али-Баба еще несколько раз ездил в пещеру и вывез оттуда много золота, драгоценных одежд, ковров и посуды. Каждый день у него на кухне готовилась пища не только для него самого, Зейнаб и Фатимы, но и для всех его бедных соседей, которым нечего было есть. А когда соседи благодарили его, он говорил:

— Приходите и завтра и приводите с собой всех бедняков. А благодарить не за что. Я угощаю вас на деньги моего брата Касима, которого съели на горе волки. Он был богатым человеком.

Скоро все бедняки и нищие стали приходить к дому Али-Бабы к обеду и ужину, и жители города очень его полюбили.

Вот что было с Али-Бабой, Зейнаб и Фатимой.

Что же касается разбойников, то они через несколько дней опять приехали к пещере и увидели, что тело их врага исчезло, а мешки с деньгами разбросаны по земле.

— В нашу пещеру опять кто-то заходил! — вскричал атаман. — Недавно я убил одного врага, но, оказывается, их несколько! Пусть не буду я Хасан Одноглазый, если я не убью всякого, кто хочет поживиться нашей добычей. Храбрые разбойники! Найдется ли среди вас смельчак, который не побоится отправиться в город и разыскать нашего обидчика? Пусть не берется за это дело трус или слабый! Только хитрый и ловкий может исполнить его.

— О атаман, — сказал один из разбойников, — никто, кроме меня, не пойдет в город и не выследит нашего врага. Недаром зовут меня Ахмед Сорви-голова. А если я не найду его, делай со мной что хочешь.

— Хорошо, Ахмед, — сказал атаман. — Даю тебе один день сроку. Если ты найдешь нашего врага, я назначу тебя своим помощником, а если не найдешь — лучше не

возвращайся. Я отрублю тебе голову.

— Будь спокоен, атаман, не пройдет дня, как ты узнаешь, где найти своего врага, — сказал Ахмед. — Ждите меня сегодня к вечеру здесь в лесу.

Он сбросил с себя разбойничье платье, надел синий шелковый халат, красные сафьяновые сапоги и тюбетейку и пошел в город.

Было раннее утро. Рынок был еще пуст, и все лавки были закрыты; только старый башмачник сидел под своим навесом и, разложив инструменты, ждал заказчиков.

Ахмед Сорви-голова подошел к нему и, поклонившись, сказал:

— Доброе утро, дядюшка. Как ты рано вышел на работу! Если бы я не увидел тебя, мне пришлось бы еще долго ждать, пока откроется рынок.

— А что тебе нужно? — спросил старый башмачник, которого звали Мустафа.

— Я чужой в вашем городе, — ответил Ахмед. — Только сегодня ночью я пришел сюда и ждал до рассвета, пока не открыли городские ворота. В этом городе жил мой брат, богатый купец. Я пришел к нему из далеких стран, чтобы повидать его, и, подходя к городу, услышал, что его нашли в лесу мертвым. Теперь я не знаю, как отыскать его родных, чтобы поплакать о нем вместе с ними.

— Ты говоришь, твой брат был богатый купец? — спросил башмачник. — В нашем городе недавно хоронили одного купца, и я был на похоронах. Жена купца говорила, что его растерзали волки, но я слышал от одного человека, что это неправда, а что этого купца на самом деле нашли в лесу убитым, без головы, и тайком привезли домой в мешке.

Ахмед Сорви-голова очень обрадовался. Он понял, что этот богатый купец и есть тот человек, которого убил атаман.

— Ты можешь меня провести к его дому? — спросил Ахмед башмачника.

— Могу, — ответил башмачник. — Но только как же мне быть с работой? Вдруг кто-нибудь придет на рынок и захочет заказать мне туфли, а меня не будет на месте?

— Вот тебе динар, — сказал Ахмед. — Возьми его за убытки, а когда ты покажешь мне дом моего брата, я дам тебе еще динар.

— Спасибо тебе за твою щедрость! — воскликнул обрадованный Мустафа. Чтобы заработать этот динар, мне нужно целый месяц ставить на туфлях заплатки. Пойдем!

И башмачник привел Ахмеда к дому, где жил Касим.

— Вот дом, где жил убитый купец. Здесь поселился теперь его брат, сказал Мустафа.

«Его-то мне и надо!» — подумал Ахмед. Он дал Мустафе динар, и Мустафа ушел, кланяясь и благодаря. Все дома в этом городе были обнесены высокими стенами, так что на улицу выходили только ворота. Запомнить незнакомый дом было нелегко.

— Надо отметить этот дом, — говорил Ахмед сам себе, — чтобы потом узнать его.

Он вытащил из кармана кусок мела и поставил на воротах дома крестик. А потом пошел обратно и радостно говорил себе:

— Теперь я запомню этот дом и приведу к нему завтра моих товарищей. Быть мне помощником атамана!

Только Ахмед успел уйти, как из дома вышла служанка Али-Бабы по имени Марджана, девушка умная и храбрая. Она собралась идти на рынок за хлебом и мясом к обеду. Закрывая калитку, она обернулась и вдруг увидела на воротах крестик, нарисованный мелом.

«Кто это вздумал пачкать наши ворота? — подумала она. — Наверное, уличные мальчишки. Нет, крест слишком высоко! Его нарисовал взрослый человек, и этот человек задумал против нас злое дело. Он хочет запомнить наш дом, чтобы нас убить или ограбить.»

Надо мне сбить его с толку».

Марджана вернулась домой, вынесла кусок мела и поставила кресты на всех соседних домах. А потом ушла по своим делам.

А разбойник прибежал в пещеру и крикнул:

— Слушай, атаман! Слушайте все! Я нашел дом нашего врага и отметил его крестом. Завтра я вам покажу его.

— Молодец, Ахмед Сорви-голова! — сказал атаман. — Завтра к утру будьте все готовы. Мы спрячем под халаты острые ножи и пойдем с Ахмедом к дому нашего врага.

— Слушаем и повинемся тебе, атаман, — сказали разбойники, и все стали поздравлять Ахмеда с удачей.

А Ахмед Сорви-голова ходил гордый и говорил:

— Вот увидите, я буду помощником атамана.

Он всю ночь не спал, дожидаясь утра, и, как только рассвело, вскочил и разбудил разбойников. Они надели широкие бухарские халаты, белые чалмы и туфли с загнутыми носками, спрятали под халаты ножи и пошли в город. И все, кто их видел, говорили:

— Это бухарцы. Они пришли в наш город и осматривают его.

Впереди всех шел Ахмед с атаманом. Долго водил Ахмед своих товарищей по городу и наконец отыскал нужную улицу.

— Смотрите, — сказал он, — вот этот дом. Видите, на воротах крест.

— А вот еще крест, — сказал другой разбойник. — В каком же доме живет наш враг?

— Да вон и на том доме крест! И на этом! И здесь крест! Да тут на всех домах кресты! — закричали вдруг остальные разбойники.

Атаман рассердился и сказал:

— Что это значит? Кто-то перехитрил тебя, Ахмед! Ты не выполнил поручения, и не придется тебе больше с нами разбойничать. Я сам отрублю тебе голову!

И когда они вернулись в лес, жестокий атаман отрубил голову Ахмеду. А потом сказал:

— Кто еще возьмется отыскать дом нашего врага? У кого хватит храбрости? Пусть не пробует это сделать ленивый или слабый!

— Позволь мне попытаться, о атаман, — сказал один из разбойников, Мухаммед Плешивый. — Я — человек старый, и меня так легко не проведешь. А если я не исполню поручения, казни меня так же, как ты казнил Ахмеда.

— Иди, Мухаммед, — сказал атаман. — Буду тебя ждать до завтрашнего вечера. Но смотри: если ты не найдешь и не покажешь мне дом нашего врага, тебе не будет пощады.

На следующее утро Мухаммед Плешивый отправился в город. Ахмед рассказывал разбойникам про Мустафу, и Мухаммед прямо пошел на рынок к старому башмачнику. Он повел с ним такой же разговор, как и Ахмед, и пообещал ему два динара, если Мустафа покажет ему дом убитого купца. И Мустафа, обрадованный, довел его до самых ворот.

«Придется и мне как-нибудь отметить дом», — подумал Мухаммед. Он взял кусок кирпича, валявшийся на дороге, и нарисовал на воротах маленький крестик в правом верхнем углу.

«Здесь его никто не увидит, кроме меня, — подумал он. — Побегу скорей за атаманом и приведу его сюда».

И он быстро пошел обратно к своим товарищам. А Марджана как раз возвращалась с рынка. Увидев, что от ворот их дома крадучись отошел какой-то человек и побежал по дороге, она сообразила, что тут что-то неладно.

Марджана подошла к воротам, внимательно осмотрела их и увидела в правом верхнем углу маленький красный крестик.

«Так вот, значит, кто ставит кресты на наших воротах, — подумала Марджана. — Подожди же, я тебя перехитрю».

Она подняла с земли кусок кирпича и поставила такие же кресты на воротах всех домов их улицы.

— Ну-ка, попробуй теперь найти наш дом! — воскликнула она. — Тебе это так же не удастся, как вчера!

А Мухаммед Плешивый всю дорогу бежал, не останавливаясь, и наконец вошел в пещеру, еле переводя дух.

— Идемте скорее! — крикнул он. — Я так отметил этот дом, что уж теперь нашему врагу не уйти. Собирайтесь же скорее, не мешкайте!

Разбойники завернулись в плащи и пошли вслед за Мухаммедом. Они очень торопились, чтобы дойти до города засветло, и пришли туда перед самым закатом солнца. Найдя знакомую улицу, Мухаммед Плешивый подвел атамана к самым большим и красивым воротам и указал ему пальцем на маленький красный крестик в правом верхнем углу ворот.

— Видишь, — сказал он, — вот моя отметка.

— А это чья? — спросил один из разбойников, который остановился у соседних ворот. — Тут тоже нарисован крестик.

— Какой крестик? — закричал Мухаммед.

— Красный, — ответил разбойник. — И на тех воротах точно такой же. И напротив — тоже. Пока ты показывал атаману свой крестик, я осмотрел все соседние ворота.

— Что же, Мухаммед, — сказал атаман, — и тебя, значит, перехитрили? Хоть ты и хороший разбойник, а поручения не выполнил. Пощады тебе не будет!

И Мухаммед погиб так же, как и Ахмед. И стало в шайке атамана не сорок, а тридцать восемь разбойников.

«Надо мне самому взяться за это трудное дело, — подумал атаман. — Мои люди хорошо сражаются, воруют и грабят, но они не годятся для хитростей и обмана».

И вот на следующее утро Хасан Одноглазый, атаман разбойников, пошел в город сам. Торговля на рынке была в полном разгаре. Он нашел Мустафу-башмачника и, присев рядом с ним, сказал:

— О дядюшка, почему это ты такой печальный? Работы, что ли, мало?

— Работы у меня уже давно нет, — ответил башмачник. — Я бы, наверное, умер с голоду, если бы судьба не послала мне помощь. Позавчера рано утром пришел ко мне один щедрый человек и рассказал, что он ищет родных своего брата. А я знал, где дом его брата, и показал ему дорогу, и чужеземец подарил мне целых два динара. Вчера ко мне пришел другой чужеземец и опять спросил меня, не знаю ли я его брата, который недавно умер, и я привел его к тому же самому дому и опять получил два динара. А сегодня вот уже полдень, но никто ко мне не пришел. Видно, у покойника нет больше братьев.

Услышав слова Мустафы, атаман горько заплакал и сказал:

— Какое счастье, что я встретил тебя! Я третий брат этого убитого. Я пришел с Дальнего Запада и только вчера узнал, что моего дорогого брата убили. Нас было четверо братьев, и мы все жили в разных странах, и вот теперь мы сошлись в вашем городе, но только для того, чтобы найти нашего брата мертвым. Отведи же меня к его дому, и я дам тебе столько же, сколько дали мои братья.

— Хорошо, — радостно сказал старик. — А больше у него нет братьев?

— Нет, — ответил атаман, тяжело вздыхая. — Нас было четверо, а теперь стало только трое.

— Жалко, что вас так мало, — сказал старый Мустафа и тоже вздохнул. Идем.

Он привел атамана к дому Касима, получил свою плату и ушел. А атаман сосчитал и хорошо запомнил, сколько ворот от угла улицы до ворот дома, так что ему не нужно было отмечать ворота. Потом он вернулся к своим товарищам и сказал:

— О разбойники, я придумал одну хитрость. Если она удастся, мы убьем нашего врага и отберем все богатства, которые он увез из пещеры. Слушайте же меня и исполняйте все, что я прикажу.

И он велел одному из разбойников пойти в город и купить двадцать сильных мулов и сорок кувшинов для масла.

А когда разбойник привел мулов, нагруженных кувшинами, атаман приказал разбойникам влезть в кувшины. Он сам прикрыв кувшины пальмовыми листьями и обвязал травой, а сверху проткнул дырочки для воздуха, чтобы люди не задохнулись. А в оставшиеся два кувшина налил оливкового масла и вымазал им остальные кувшины, чтобы люди думали, что во всех кувшинах налито масло.

Сам атаман надел платье богатого купца и погнал мулов в город.

Наступал вечер, уже темнело. Атаман направился прямо к дому Касима и увидел, что у ворот сидит человек, веселый и приветливый. Это был Али-Баба. Атаман подошел к нему и низко поклонился, коснувшись рукой земли.

— Добрый вечер, почтенный купец, — сказал он. — Я чужеземец, из далекой страны. Я привез запас дорогого масла и надеялся продать его в вашем городе. Но мои мулы устали от долгого пути и шли медленно. Когда я вошел в город, уже наступил вечер и все лавки закрылись. Я обошел весь город, чтобы найти ночлег, но никто не хотел пустить к себе чужеземца. И вот я прошел мимо тебя и увидел, что ты человек приветливый и радушный. Не позволишь ли ты мне провести у тебя одну ночь? Я сложу свои кувшины на дворе, а завтра рано утром увезу их на рынок и продам. А потом я уеду обратно в мою страну и буду всем рассказывать о твоей доброте.

— Входи, чужеземец, — сказал Али-Баба. — У меня места много. Расседлай мулов и задай им корму, а потом мы будем ужинать. Эй, Марджана, посади собак на цепь, чтобы они не искусали нашего гостя!

— Благодарю тебя, о почтенный купец! — сказал атаман разбойников. Пусть исполнятся твои желания, как ты исполнил мою просьбу.

Он ввел своих мулов во двор и разгрузил их у стены дома, осторожно снимая кувшины, чтобы не ушибить разбойников. А потом нагнулся к кувшинам и прошептал:

— Сидите тихо и не двигайтесь. Ночью я выйду к вам и сам поведу вас в дом.

И разбойники шепотом ответили из кувшинов:

— Слушаем и повинуемся, атаман!

Атаман вошел в дом и поднялся в комнату, где уже был приготовлен столик для ужина. Али-Баба ждал его, сидя на низенькой скамейке, покрытой ковром. Увидя гостя, он крикнул Марджане:

— Эй, Марджана, прикажи зажарить курицу и приготовить побольше блинчиков с медом. Я хочу, чтобы мой гость был доволен нашим угощением.

— Слушаю и повинуюсь, — сказала Марджана. — Я приготовлю все это сама, своими

руками.

Она побежала в кухню, живо замесила тесто и только что собралась жарить, как вдруг увидела, что масло все вышло и жарить не на чем.

— Вот беда! — закричала Марджана. — Как же теперь быть? Уже ночь, масла нигде не купить. И у соседей не достанешь, все давно спят. Вот беда!

Вдруг она хлопнула себя по лбу и сказала:

— Глупая я! Горюю, что нет масла, а здесь, под окном, стоят сорок кувшинов, с маслом. Я возьму немного у нашего гостя, а завтра чуть свет куплю масла на рынке и долью кувшин.

Она зажгла светильник и вышла во двор. Ночь была темная, пасмурная. Все было тихо, только мулы у колодцев фыркали и звенели уздечками.

Марджана высоко подняла светильник над головой и подошла к кувшинам.

И как раз случилось так, что ближайший кувшин был с маслом. Марджана открыла его и стала переливать масло в свой кувшин.

А разбойникам уже очень надоело сидеть в кувшинах скрючившись. У них так болели кости, что они не могли больше терпеть. Услышав шаги Марджаны, они подумали, что это атаман пришел за ними, и один из них сказал:

— Наконец-то ты пришел, атаман! Скорей позволь нам выйти из этих проклятых кувшинов и дай расправиться с хозяином этого дома, нашим врагом.

Марджана, услышав голос из кувшина, чуть не упала от страха и выронила светильник. Но она была умная и храбрая девушка и сразу поняла, что торговец маслом — злодей и разбойник, а в кувшинах сидят его люди и что Али-Бабе грозит страшная смерть.

Она подошла к тому кувшину, из которого послышался голос, и сказала:

— Скоро придет пора. Молчи, а то тебя услышат собаки. Их на ночь спустили с цепи.

Потом она подошла к другому кувшину и спросила:

— Кто тут?

— Я, Хасан, — ответил голос из кувшина.

— Будь готов, Хасан, скоро я освобожу тебя.

Так она обошла все кувшины и узнала, что в тридцати восьми кувшинах сидят разбойники и только в два кувшина налито масло.

Марджана схватила кувшин с маслом, побежала на кухню и нагрела масло на огне так, что оно закипело.

Тогда она выплеснула кипящее масло в кувшин, где сидел разбойник. Тот не успел и крикнуть — сразу умер. Покончив с одним врагом, Марджана принялась за других. Она кипятила масло на огне и обливала им разбойников, пока не убила всех. А затем она взяла сковородку и нажарила много румяных блинчиков, красиво уложила их на серебряное блюдо, облила маслом и понесла вверх в комнату, где сидели Али-Баба и его гость. Али-Баба не переставал угощать атамана разбойников, и скоро тот так наелся, что еле мог двигаться. Он лежал на подушках, сложив руки на животе, и тяжело дышал.

Али-Баба увидел, что гость сыт, и захотел повеселить его. Он крикнул Марджане:

— Эй, Марджана, спляши для нашего гостя лучшую из твоих плясок.

— Слушаю и повинуюсь, господин, — ответила Марджана с поклоном. Позволь мне только пойти и взять покрывало, потому что я буду плясать с покрывалом.

— Иди и возвращайся, — сказал Али-Баба.

Марджана убежала к себе в комнату, завернулась в вышитое покрывало и спрятала под ним острый кинжал.

А потом она возвратилась и стала плясать.

Али-Баба и атаман разбойников смотрели на нее и качали головами от удовольствия.

И вот Марджана посреди танца стала все ближе и ближе подходить к атаману. И вдруг она, как кошка, прыгнула на него и, взмахнув кинжалом, вонзила его в сердце разбойника. Разбойник громко вскрикнул и умер.

Али-Баба остолбенел от ужаса. Он подумал, что Марджана сошла с ума.

— Горе мне! — закричал он. — Что ты наделала, безумная? В моем доме убит чужеземец! Стыд и позор на мою голову!

Марджана опустила на колени и сказала:

— Выслушай меня, господин, а потом делай со мной, что захочешь. Если я виновата — убей меня, как я убила его.

И она рассказала Али-Бабе, как она узнала о разбойниках и как погубила их всех. Али-Баба сразу понял, что это те самые разбойники, которые приезжали к пещере и которые убили Касима.

Он поднял Марджану с колен и громко закричал:

— Вставай, Зейнаб, и разбуди Фатиму! Нам грозила страшная смерть, а эта смелая и умная девушка спасла всех нас!

Зейнаб и Фатима сейчас же прибежали и крепко обняли Марджану, а Али-Баба сказал:

— Ты не будешь больше служанкой, Марджана. С этого дня ты будешь жить вместе с нами, как наша родная сестра.

И с этих пор они жили спокойно и счастливо, пока не пришла к ним смерть.

ДОЧЬ МОРСКОГО ЦАРЯ

Английская сказка

Давным-давно, еще до того, как первые мореходы пустились в плаванье, стремясь увидеть земли, что лежат за морем, под волнами мирно и счастливо жили морской король и морская королева. У них было много красивых детей. Стройные, кареглазые, дети день-деньской играли с веселыми морскими барашками и плавали в зарослях пурпурных водорослей, что растут на дне океана. Они любили петь, и куда бы ни плыли, пели песни, похожие на плеск волн.

Но вот великое горе пришло к морскому королю и его беззаботным детям. Морская королева захворала, умерла, и родные с глубокой скорбью похоронили ее в коралловой пещере. А когда она скончалась, некому стало присматривать за детьми моря, расчесывать их длинные волосы и убаюкивать их ласковым пением.

Морской король с грустью глядел на своих нечесаных детей, на их волосы, перепутанные, как водоросли. Он слышал, как по ночам дети не спят и мечутся на ложах, и думал, что надо ему снова жениться — найти жену, чтобы заботилась о его семье.

А надо сказать, что в дремучем лесу на дне моря жила морская ведьма. Ее-то король и взял в жены, хоть и не питал к ней любви, ибо сердце его было погребено в коралловой пещере, где покоилась мертвая королева.

Ведьме очень хотелось стать морской королевой и править обширным морским королевством. Она согласилась выйти за короля и заменить мать его детям. Но она оказалась плохой мачехой. Глядя на стройных, кареглазых детей моря, она завидовала их красоте и злилась, сознавая, что на них приятней смотреть, чем на нее.

И вот она вернулась в свой дремучий лес на дне моря и там набрала ядовитых желтых ягод морского винограда. Из этих ягод она сварила зелье и заклала его страшным заклятием. Она пожелала, чтобы дети моря утратили свою стройность и красоту и превратились в тюленей; чтобы они вечно плавали в море тюленями и только раз в году могли вновь принимать свой прежний вид, и то лишь на сутки — от заката солнца до следующего заката.

Злые чары ее пали на детей моря, когда те играли с веселыми морскими барашками и плавали в чаще пурпурных водорослей, что растут на дне океана. И вот тела их распухли и утратили стройность, тонкие руки превратились в неуклюжие ласты, светлая кожа покрылась шелковистой шкуркой, у одних — серой, у других — черной или золотисто-коричневой. Но их нежные карие глаза не изменились. И голоса они не потеряли — по-прежнему могли петь свои любимые песни.

Когда их отец узнал, что с ними случилось, он разгневался на злую морскую ведьму и навеки заточил ее в чашу дремучего леса на дне моря. Но расколдовать своих детей он не мог.

И вот тюлени, что когда-то были детьми моря, запели жалобную песню. Они печалились, что не придется им больше жить у отца, там, где раньше им было так привольно, что уже не вернуть им своего счастья. И старый морской король со скорбью смотрел на своих детей, когда они уплывали вдаль.

Долго, очень долго плавали тюлени по морям. Раз в году они на закате солнца отыскивали где-нибудь на берегу такое место, куда не заглядывают люди, а найдя его,

сбрасывали с себя шелковистые шкурки — серые, черные и золотисто-коричневые — и принимали свой прежний вид. Но недолго могли они играть и резвиться на берегу. На другой же день, как только заходило солнце, они снова облекались в свои шкурки и уплывали в море.

Люди говорят, что впервые тюлени появились у Западных островов как тайные посланцы скандинавских викингов. Так это или нет, но тюлени и правда полюбили туманные Западные берега Гебридских островов. И даже в наши дни можно видеть тюленей у острова Льюис, у острова Роны, прозванного «Тюленьим островом», а также в проливе Харрис. До жителей Гебридских островов дошел слух о судьбе детей моря, и все знали, что раз в году можно увидеть, как они резвятся на взморье целые сутки — от одного заката солнца до другого.

И вот что случилось с одним рыбаком, Родриком Мак-Кодрамом из клана Доналд. Он жил на острове Бернерери, одном из Внешних Гебридских островов. Как-то раз он шел по взморью к своей лодке, как вдруг до него донеслись голоса, — кто-то пел среди больших камней, разбросанных по берегу. Рыбак осторожно подошел к камням, выглянул из-за них и увидел детей моря, что спешили наиграться вволю, пока не зайдет солнце. Они резвились, и длинные волосы их развевались по ветру, а глаза сияли от радости.

Но рыбак смотрел на них недолго. Он знал, что тюлени боятся людей, и хотел было уже повернуть назад, как вдруг заметил сваленные в кучу шелковистые шкурки — серые, черные и золотисто-коричневые. Шкурки лежали на камне, там, где дети моря сбросили их с себя. Рыбак поднял одну золотисто-коричневую шкурку, самую шелковистую и блестящую, и подумал, что не худо было бы ее унести. И вот он взял шкурку, принес ее домой и спрятал в щель над притолокой входной двери.

Под вечер Родрик сел у очага и принялся чинить невод. И вдруг вскоре после захода солнца услышал какие-то странные жалобные звуки — чудилось, будто кто-то плачет за стеной. Рыбак выглянул за дверь. Перед ним стояла такая красавица, каких он в жизни не видывал, — стройная, с нежными карими глазами. Она была нагая, но золотисто-каштановые густые волосы, как плащом, прикрывали ее белое тело с головы до ног.

— О смертный, помоги мне, помоги! — взмолилась она. — Я — несчастная дочь моря. Я потеряла свою шелковистую тюленью шкурку и, пока не найду ее, не смогу вернуться к своим братьям и сестрам.

Родрик пригласил ее войти в дом и укутал своим пледом. Он сразу догадался, что это — та самая морская дева, чью шкурку он утром взял на берегу. Ему стоило только протянуть руку к притолоке и достать спрятанную там тюленью шкурку, и морская дева смогла бы снова уплыть в море к своим братьям и сестрам. Но Родрик смотрел на красавицу, что сидела у его очага, и думал: «Нет, надо мне оставить ее у себя. Эта прекрасная дева-тюлень избавит меня от одиночества, внесет радость в мой дом, и как тогда будет хороша жизнь!» И он сказал:

— Я не могу помочь тебе отыскать твою шелковистую тюленью шкурку. Должно быть, какой-то человек нашел ее на берегу и украл. Сейчас он, наверное, уже далеко. А ты останься здесь, будь моей женой, и я стану почитать тебя и любить всю жизнь.

Дочь морского короля подняла на него глаза, полные скорби.

— Что ж, — молвила она, — если мою шелковистую шкурку и вправду украли и найти ее невозможно, значит, выбора у меня нет. Придется жить у тебя и стать твоей женой. Ты принял меня так ласково, как никто больше не примет, а одной блуждать в мире смертных

мне страшно.

Тут она вспомнила всю свою жизнь в море, куда уже не надеялась вернуться, и тяжело вздохнула.

— А как хотелось бы мне навек остаться с моими братьями и сестрами! добавила она. — Ведь они будут ждать и звать меня по имени, но не дождутся...

Сердце у рыбака заныло, так ему стало жаль этой опечаленной девушки. Но он был до того очарован ее красотой и нежностью, что уже знал: никогда он не сможет ее отпустить.

Долгие годы жили Родрик Мак-Кодрам и его прекрасная жена в домике на взморье. У них родилось много детей, и у всех детей волосы были золотисто-каштановые, а голоса нежные и певучие. И люди, что жили на этом уединенном острове, теперь называли рыбака «Родрик Мак-Кодрам Тюлений», потому что он взял в жены деву-тюленя. А детей его называли «дети Мак-Кодрама Тюленьего».

Но за все это время дочь морского короля так и не забыла своего великого горя. Часто она бродила по берегу, прислушиваясь к шуму моря и плеску волн. Порой она даже видела своих братьев и сестер, когда они плыли вдоль берега, а порой слышала, как они зовут ее, свою давно потерянную сестру. И она всем сердцем жаждала вернуться к ним.

И вот однажды Родрик собрался на рыбную ловлю и ласково простился с женой и детьми. Но пока он шел к своей лодке, заяц перебежал ему дорогу. Родрик знал, что это не к добру, и заколебался — не вернуться ли домой? Но посмотрел на небо и подумал: «Уж если нынче быть худу, так только от непогоды. А мне не впервой бороться с бурей на море». И он пошел своей дорогой.

Но он еще не успел далеко уйти в море, как вдруг и правда поднялся сильный ветер. Он свистел над морем, свистел и вокруг дома, где рыбак оставил жену и детей. Младший сынишка Родрика вышел на берег. Он приложил к уху раковину, чтобы послушать шум прибоя, но мать окликнула его и велела ему идти домой. Как только мальчик ступил за порог, ветер подул с такой силой, что дверь домика с грохотом захлопнулась, а земляная кровля затряслась. И тут из щели над притолокой выпала шелковистая тюленья шкурка. Это ее когда-то запрятал Родрик, и принадлежала она его прекрасной жене.

Ни словом не осудила она того, кто столько долгих лет держал ее у себя насильно. Только сбросила с себя одежду и прижала к груди тюленью шкурку. Потом сказала детям: «Прощайте!» — и пошла к морю, туда, где играли на волнах белые барашки. А там она надела свою золотисто-коричневую шкурку, бросилась в воду и поплыла.

Только раз она оглянулась на домик, где хоть и жила против воли, но все же познала маленькое счастье. Шумел прибой, на сушу катились волны Атлантического океана, и пена их окаймляла берег. За этой пенной каймой стояли несчастные дети рыбака. Дочь морского короля видела их, но зов моря громче звучал у нее в душе, чем плач ее детей, рожденных на земле. И она плыла все дальше и дальше и пела от радости и счастья.

Когда Родрик Мак-Кодрам вернулся домой с рыбной ловли, он увидел, что входная дверь распахнута настежь, а дом опустел. Не встретила хозяйина заботливая жена, не приветствовало его веселое пламя торфа в очаге. Страх обуял Родрика, и он протянул руку к притолоке. Но тюленьей шкурки там уже не было, и рыбак понял, что его красавица жена вернулась в море. Тяжко стало ему, когда дети со слезами рассказали, как мать только молвила им: «Прощайте!» — и покинула их одних на берегу.

— Черен был тот час, когда шел я к своей лодке и заяц перебежал мне дорогу! — сокрушался Родрик. — И ветер тогда был сильный, и рыба ловилась плохо, а теперь

обрушилось на меня великое горе...

Он так и не смог забыть свою красавицу жену и тосковал по ней до конца жизни. А дети его помнили, что их матерью была женщина-тюлень. Поэтому ни сыновья Родрика Мак-Кодрама, ни внуки его никогда не охотились на тюленей. И потомков их стали называть «Мак-Ко драмы Тюленьи».

ВЕЛИКАН ДРЕГЛИН ХОГИН

Шотландская сказка

Жил-был один человек, и было у него три сына, а кормить их денег не хватало. И вот когда старший сын вырос и увидел, что дома прокормиться нечем, он пошел к отцу и сказал:

— Отец, дай мне коня, чтоб на нем верхом ездить, дай собаку, чтоб с ней на охоту ходить, а еще дай сокола, чтоб его на дичь напускать, и я пойду по белу свету свое счастье искать.

Отец дал ему все, что он просил, и старший сын тронулся в путь. И вот он все ехал и ехал по горам и долам, а вечером подъехал к темному дремучему лесу и забрался в самую глухомань — думал, где-нибудь тропинку найдет. Но никакой тропинки в лесу не было. Юноша порыскал в чаще и наконец понял, что заблудился.

Делать нечего, пришлось ему привязать коня к дереву, а себе приготовить постель из листьев. Но тут он заметил, что вдали светится огонек. Юноша сел на коня, поехал на этот огонек и немного погодя выбрался из леса на поляну. На поляне стоял великолепный замок. Во всех его окнах горел свет, но входная дверь была заперта.

Юноша подошел к двери и постучался. Никто не ответил. Тогда он приложил к губам свой охотничий рог и громко затрубил в надежде, что в замке его услышат.

И тут дверь вдруг открылась сама собой. Юноша прямо диву дался. Но еще больше он удивился, когда вошел в замок и стал ходить по комнатам: во всех комнатах ярко горел огонь в каминах, а в большом зале был накрыт стол, и на нем стояли блюда с сытными яствами. Но во всем обширном замке как будто не было ни одного человека.

Юноша очень продрог, промок и притомился. И вот он поставил своего коня в стойло на огромной конюшне, а собаку и сокола с собой взял и вернулся в замок. Сел за стол в большом зале и поужинал досыта. Потом примостился у огня, чтобы обсушиться.

Время было позднее, и юноша уже хотел было подняться наверх и вздремнуть в одной из спален, как вдруг часы на стене пробили полночь. Тотчас открылась дверь, и в зал вошел огромный страшный великан Дреглин Хогин. Он был косматый, с длинной бородой, глаза его под кустистыми бровями горели мрачным огнем. В руке он держал какую-то диковинную дубинку.

Великан как будто ничуть не удивился незваному гостю. Он прошел через весь зал и тоже сел у камина напротив юноши. Оперся подбородком на руки и уставился на гостя.

— А что, конь твой лягается? — спросил он наконец грубым, резким голосом.

— Еще как лягается-то! — ответил юноша.

И правда, отец ведь смог дать ему только необъезженного жеребца.

— Я умею объезжать коней, — сказал великан, — и я помогу тебе объездить твоего. Возьми вот это и брось на своего коня.

Тут он выдернул у себя из головы длинный жесткий волос и подал его юноше. И так грозно он говорил, что юноша не посмел ослушаться — пошел на конюшню и бросил волос на своего коня. Потом он вернулся в зал и снова сел у камина. Как только он уселся, великан опять спросил:

— А что, пес твой кусается?

— Еще как кусается-то! — ответил юноша.

И правда, собака у него была такая злая, что никто, кроме хозяина, не смел ее погладить.

— Я умею приручать самых диких собак на свете, — сказал великан. Возьми вот это и брось на своего пса.

Он выдернул другой волос у себя из головы и подал его юноше, а тот сейчас же бросил волос на свою собаку.

Потом великан задал юноше третий вопрос:

— А что, сокол твой клюется?

Юноша рассмеялся.

— Еще как клюется-то! — ответил он. — Мне приходится завязывать ему глаза, пока он не летает, а не то он заклюет всех, кто ему под клюв попадет.

— Больше не будет клеваться, — мрачно проговорил великан. — Брось-ка на своего сокола вот это.

И он в третий раз выдернул у себя из головы волос и подал его юноше, а тот бросил волос на сокола, как раньше бросал на коня и собаку.

И тут не успел он и глазом моргнуть, как страшный великан вскочил и с такой силой ударил его по голове своей диковинной дубинкой, что бедняга замертво повалился на пол. И тотчас же собака и сокол замертво упали рядом с хозяином, а конь в конюшне оцепенел. Он недвижно стоял в стойле, словно каменный.

Значит, вот как умел укрощать великан неприрученных животных.

Прошло сколько-то времени, и второй из трех братьев пошел к отцу и стал его просить, как просил старший брат:

— Отец, дай мне коня, сокола и собаку и отпусти по белу свету побродить, счастье свое поискать.

Отец выслушал его и дал ему все, что он просил, как раньше дал старшему сыну.

И вот юноша пустился в путь, вечером подъехал к темному дремучему лесу и заблудился, как и старший брат. Вскоре он тоже заметил вдали огонек, подъехал к замку, вошел в него, поужинал и сел у огня. Словом, сделал все как старший брат. Потом вошел великан и задал ему те же три вопроса, что задавал его старшему брату, а юноша ответил на них так же, как отвечал тот. И ему тоже великан дал три своих волоса с приказом бросить один волос на коня, другой на собаку, третий на сокола. А потом убил его, как убил его старшего брата.

Шло время; младший брат ждал-ждал старших братьев, да так и не дождался. И вот он попросил у отца коня, собаку и сокола и сказал, что хочет поехать па поиски братьев. А бедный старик, хоть и боялся остаться один на старости лет, дал ему все то, что он попросил.

Младший брат пустился в путь и вечером подъехал к темному дремучему лесу, а потом и к замку. Но он был малый смекалистый, и ему не по нраву пришлось все, что он увидел. Не понравился ему и пустой замок, и накрытый стол, а пуще всего — сам хозяин, великан Дреглин Хогин. И юноша решил держать ухо востро.

И вот когда великан спросил, лягается ли его конь, юноша только коротко ответил: «Да». А когда великан дал ему свой волос и приказал бросить его на коня, юноша пошел на конюшню, но волоса на коня не бросил, а зажал его в кулаке и вернулся в замок.

Тут он улучил время, когда великан на него не смотрел, и бросил волос в огонь. Волос зашипел, как змея, и сгорел.

— Что это шипит? — подозрительно спросил великан.

— Да это вода капает из сырого полена, — спокойно ответил юноша.

Великан ему поверил. Потом он дал ему еще два волоса и приказал бросить их на собаку и сокола, а юноша бросил их в огонь. Оба волоса зашипели, но великан на это не обратил внимания. Он думал, что гость уже в его власти. Встал и ринулся на него с дубинкой. Но юноша был начеку и, едва великан поднялся, громко свистнул.

И тут верный его конь выбежал из конюшни, а собака проснулась и вскочила с места, а сокол — он сидел на плече у хозяина — взмахнул крыльями и резко крикнул. И все трое кинулись на великана. Тогда он испытал на себе, как лягается конь, и как кусается пес, и как клюется сокол. Они лягали, кусали и клевали его, пока ему конец не пришел.

Юноша увидел, что великан уже мертвый, взял у него из рук дубинку и пошел осматривать замок. И вот он спустился в темное, мрачное подземелье и нашел там своих братьев. Они лежали рядом, холодные и словно каменные. Младший брат дотронулся до них великановой дубинкой, и они сразу ожили и вскочили на ноги, целые и невредимые.

Потом юноша пошел в другое подземелье и увидел двух коней, двух соколов и двух собак. Они, как и их хозяева, лежали словно мертвые. Юноша дотронулся до них волшебной дубинкой, и они тоже ожили.

Тогда он позвал братьев, и все трое обыскали другие подземелья и нашли в них горы золота и серебра — столько, что им на весь век хватить могло. Потом они зарыли в землю великана и поселились в его замке. Двое братьев поехали домой и вернулись со стариком отцом. И вот зажили они в замке счастливо, да и по сей день так живут.

СКАЗКА О РАЗНОЦВЕТНЫХ РЫБАХ

Персидская сказка

В некотором царстве жил у самого моря бедный рыбак. Каждое утро выходил он на берег и закидывал сети. Раз ему попались в сеть четыре красивых разноцветных рыбки: одна белая, другая красная, третья синяя и четвертая желтая. Рыбак удивился и решил снести их султану в подарок. Пришел он во дворец, показал своих рыбок и просил допустить его до султана.

Подивились все на разноцветных рыбок и доложили о том султану. Когда султан увидел рыбок, они ему очень понравились. Он приказал их отнести на кухню и зажарить, а рыбаку велел дать за каждую по сто червонцев.

Повариха вычистила рыб, положила на сковороду и поставила на огонь. Когда рыбы поджарились с одной стороны, она повернула их на другую сторону. Вдруг раскрылась стена, и явилась волшебница, подошла к очагу, постучала палочкой по сковороде и говорит:

— Рыбки, рыбки, скажите мне, чьи вы?

Рыбки подняли головы и громко ответили:

— Твои, твои, твои.

Волшебница перевернула сковороду и исчезла.

Повариха ахнула, бросилась к очагу, а рыбы-то все уж превратились в уголь. Бедная женщина заплакала.

«Что теперь делать, накажет меня султан», — думала она. В это время султан прислал спросить, готова ли рыба. Повариха рассказала, что случилось.

Султан послал за рыбаком и говорит ему:

— Принеси мне еще четырех таких же рыб.

Рыбак сходил на озеро, опять поймал таких же рыб и принес во дворец. Султан снова заплатил ему четыреста червонцев, сам пошел на кухню и сказал поварихе:

— Ну-ка зажарь этих рыб, я посмотрю, правду ли ты мне сказала.

Повариха вычистила рыб, положила на сковороду, поджарила их с одной стороны и перевернула... Вдруг стена опять раздвинулась, явилась волшебница, постучала о сковороду и спросила:

— Рыбки, рыбки, чьи вы?

Рыбы подняли головы и сказали:

— Твои, твои, твои!

Волшебница опрокинула сковороду и исчезла.

Султан послал за рыбаком.

— Где ты ловишь этих рыб? — спрашивает он его.

Рыбак отвечает:

— В озере, что под горой.

— А далеко ли это озеро отсюда?

— Да если идти, так надо шесть часов, а ехать — часа два.

— Ну, так проводи нас туда, — сказал султан рыбаку.

Сели они на коней и скоро приехали к чудесному озеру. Вода в озере прозрачная, и видно, как в ней плавают разноцветные рыбы. Султан говорит своим придворным:

— Вы оставайтесь тут, а я пойду по берегу: может быть, я что-нибудь и узнаю.

Через несколько времени увидел он дворец из черного камня. Постучался в ворота. Никто не подает голоса. Толкнул ворота — они отворились. Султан вошел во двор, поднялся на крыльцо и вошел во дворец.

Вдруг слышит: в соседней комнате кто-то жалобно стонет. Он пошел туда. Смотрит: на высоком троне сидит богато одетый юноша и горько плачет.

— Прости меня, что я не вышел тебе навстречу. Я не могу двинуться с места.

Тут он распахнул свою одежду. И что же султан увидел? Юноша был живой человек только наполовину: ноги его были из черного камня.

Султан задрожал от ужаса.

— Кто ты и как с тобой случилось такое несчастье? — спросил он.

Юноша печально начал рассказывать.

— Здесь было царство Черная Земля, и я был в нем королем. На месте этого озера была столица. Я женился на одной княжне и скоро узнал, что отец ее — злой колдун. Тогда я сказал жене: «Не смей принимать своего отца в моем доме».

Однажды жена ушла купаться, а я сидел у окна. В это время мимо окна шли две рабыни. Они не видели меня и разговаривали: «Зачем королева каждую ночь ходит в сад?» — спросила одна. Другая отвечает: «Туда к ней приходит отец колдун: они сговариваются убить нашего короля и отобрать у него царство».

Надо узнать, правда ли это, решил я.

Ночью я стал караулить. В полночь жена вышла из своей комнаты. Я сунул за пояс саблю и на цыпочках за ней. Была темная-темная ночь... В саду к ней подошел колдун, ее отец, и они стали разговаривать. Я спрятался за дерево и слушаю. Колдун говорит: «Милая дочка, мне уж надоело ждать. Я хочу завтра же быть королем Черной Земли». А моя жена отвечает: «Батюшка! Я готова сделать для тебя все, что хочешь. Только научи меня». Колдун говорит: «Вот тебе моя волшебная палочка...»

После этого он стал шептать ей что-то на ухо. Тогда я выскочил из-за дерева, ударил колдуна по голове и скрылся в темноте. Ну, думаю, отлично: теперь колдуна нет в живых.

Прошел месяц. Опять я сидел у окна и опять слышу, как в саду разговаривают рабыни. «Что это наша королева полюбила Зеленую беседку? И день и ночь сидит там». А другая в ответ: «Там лежит больной колдун, ее отец, его кто-то ударил по голове саблей. Королева лечит его всякими лекарствами». Тогда я велел позвать жену и строго сказал ей: «Твой отец, колдун, хотел завладеть моим царством. Я ему разрубил голову, а ты о нем все-таки заботишься. Значит, ты мой враг».

Тогда жена закричала: «А, так это ты ранил моего отца. Хорошо, что ты мне сказал». Она подняла волшебную палочку и сказала: «Будь же ты ни жив, ни мертв, будь полукамень, получеловек. Пусть твоя столица превратится в озеро, а твои люди в рыб».

С тех пор я уже три года сижу на одном месте. Каждый день жена приходит и бьет меня. Султан выслушал рассказ и спросил:

— Где же она, эта злая колдунья, твоя жена?

— Должно быть, в Зеленой беседке, — отвечает король.

— Постой же, я ее перехитрю, — сказал султан и пошел в сад. Спрятался за дерево и стал ждать.

Скоро королева вышла из беседки и пошла во дворец бить мужа. Тогда султан побежал в беседку.

В темном углу лежал колдун и тяжело дышал. «Умри, злодей», — крикнул султан и заколол колдуна саблей. Вытащил его из беседки и бросил в глубокий колодец. Сам вернулся обратно, лег на его место, а саблю спрятал под одеяло.

Во дворце королева била своего мужа, а бедный король громко кричал и стонал. Наконец королева пришла в беседку. Султан сделал вид, что проснулся, и слабым голосом сказал:

— Твой муж очень громко кричит и не дает мне спать. Ты уже довольно его наказала. Прости его, тогда я выздоровею.

— Отец мой, как я рада! — воскликнула королева. — Уже целый год я не слыхала твоего голоса... И вдруг ты заговорил. Я сейчас же исполню твое желание. — И побежала во дворец.

Скоро она вернулась назад и сказала:

— Я сделала все, что ты мне велел.

Султан быстро поднялся, взмахнул саблей, отрубил злодейке голову и пошел во дворец.

Сам король Черной Земли вышел к султану навстречу. Султан сказал:

— Радуйся, враги твои погибли, — и рассказал все, что было в беседке.

Король не знал, как его и благодарить.

— Ну, теперь мне пора домой, — сказал султан, — проводи меня в мою столицу.

Король засмеялся и спросил:

— Ты думаешь, твоя столица близко?

Султан говорит:

— Да, если идти — так шесть часов, а ехать — часа два, не больше.

— Ты ошибаешься, — сказал король. — Царство мое было заколдовано, и оттого ты попал в него так скоро. А теперь тебе придется ехать не два часа, а два месяца. Ну да я все-таки тебя провожу.

Король нагрузил пятьдесят верблюдов дорогими подарками, взял с собою сто слуг, и все вместе поехали в столицу султана.

На месте озера стоял теперь большой город. Люди ходили, гуляли, ездили на лошадях и верблюдах как ни в чем не бывало.

Через два месяца путники прибыли в страну султана. Народ ликовал: все уж думали, что султан погиб. Теперь он вернулся цел и невредим и объявил пир на весь мир. Призвали и рыбака. Султан сказал ему:

— Я освободил заколдованную страну. А кто меня туда провел? Ты. За это будь моим главным казначеем.

И вот бедный рыбак сделался богатым и знатным человеком.

ТРИ СОБАКИ

Английская сказка

Давным-давно жил-был король, который много путешествовал по разным странам. И вот, во время одного из своих путешествий, повстречал он прекрасную леди, на которой вскоре женился и привез ее к себе домой. В скором времени у них родилась дочка, и была то большая радость, потому что весь народ любил своих короля и королеву. Но в тот самый день, когда дитя народилось на свет, во дворце появилась странного вида старуха и сказала, что ей надо увидеться с королем. И когда она вошла в зал, она предупредила короля, что девочка не должна выходить за двери замка, пока ей не исполнится пятнадцать лет, иначе горные великаны заберут ее.

Король послушался слов старухи и приказал, чтобы ребенка не выпускали из дворца.

Прошло немного времени, и у короля с королевой родилась вторая дочь. И снова пришла та старуха и повторила свое предупреждение. Затем появилась на свет третья дочь, и случилось то же самое. Король с королевой очень беспокоились, но они строго-настрого приказали ни под каким предлогом не выпускать принцесс за двери замка и терпеливо ждали, пока дочери достигнут нужного возраста и смогут выйти из дворца. Девочки все росли и хорошели, но за месяц до того дня, когда старшей должно было исполниться пятнадцать лет, королю пришлось уехать на войну.

В то весеннее утро, когда уехал их отец, ярко светило солнце, а девочки сидели у окна и любовались цветами в саду. Им так сильно хотелось выйти и спуститься в сад, что в конце концов они не выдержали и побежали вниз к маленькой дверце, что вела в сад. Конечно, возле каждой двери в замке всегда стояла стража, которой было приказано не выпускать принцесс, но девочки так просили и умоляли, что охранник, который не знал, почему был издан такой приказ, не выдержал и позволил принцессам выйти в сад.

Некоторое время они играли среди цветов, но вскоре спустилась густая мгла, обернулась пеленой вокруг них и взмыла в небеса, унося принцесс неведомо куда.

Во все края были посланы гонцы, но они ничего не смогли узнать о судьбе трех принцесс. Когда король вернулся с войны, пришлось рассказать ему все, что случилось, и убитые горем остались король с королевой в своем опустевшем без милых дочерей замке.

Король объявил по всей стране, что тот, кто найдет принцесс, сможет жениться на одной из них, да еще и получит в приданое полкоролевства.

Множество молодых людей откликнулось на зов и среди них два принца из соседних стран, до чьих ушей дошла эта история. Они отправились в путь хорошо вооруженными и на прекрасных лошадях, потому что были богаты и могущественны, но они в то же время были глупы и очень высокомерны. И все время они хвастались, что скоро вернутся с принцессами и потребуют положенной награды.

А в той же самой стране, далеко от столицы, в маленькой лесной избушке жила-была бедная женщина с сыном. Он был славным парнем, кроме того, храбрым и сильным. Целыми днями он пас в лесу трех свиней — все их богатство — и наигрывал красивые мелодии на деревянной флейте, которую сам когда-то и смастерил.

Однажды сидел он так в лесу и наигрывал на своей дудочке, когда к нему подошел древний-древний старик с прекрасной большой собакой.

Парень сразу подумал, ему хотелось бы иметь вот такую собаку, чтобы та охраняла его, да и скучновато, ведь одному в лесу. Старик, казалось, прочитал его мысли, потому что без лишних слов предложил ему собаку в обмен на свинью. Парень тут же согласился, к старик сказал ему, что собаку зовут Быстрохват и хозяин прикажет быстро схватить что-либо, пес так и делает, будь это хоть самый: огромный великан.

Когда юноша вернулся домой и рассказал матери, что он сделал, та рассвирепела, схватила палку и принялась колотить его, и не останавливалась, как бы он ее ни упрашивал. Тогда он позвал. Быстрохвата, который тут же бросился и быстро схватил ее, но при этом, однако, не причинил ей боли. Так что пришлось женщине смириться с потерей.

На следующий парень снова пошел в лес, уселся на пенек и принялся наигрывать на флейте, а собака плясала под музыку самым удивительным образом. Вскоре опять появился старик уже с новой собакой, и вновь был совершен обмен, потому что парень подумал, было бы замечательно иметь двух собак для своей защиты. Второго пса звали Разорви, и старик сказал, что если ему прикажут, он в клочья разорвет даже самого ужасного великана на свете. Мать юноши была сильно раздосадована, но на этот раз она не стала его быть — слишком уж она боялась двух огромных собак!

На следующий день он, как обычно, снова пошел в лес. Теперь у него осталась всего одна свинья, но зато с ним были две огромные собаки, которые плясали, когда он играл на своей флейте.

И снова появился старик. На этот раз третья, и последняя, свинья была отдана в обмен на собаку. Этого пса звали Остроух, потому что у него был такой тонкий слух, что он мог слышать все, что творилось на мили и мили вокруг, он даже мог слышать, как растет трава и распускаются цветы — такой тонкий был у него слух, по словам старика.

И парень пришел домой вполне довольный своими тремя собаками, и хотя его матушка была неприятно поражена — и не удивительно, ведь теперь она осталась без своих любимых хрюшек, — юноша искренне уверял ее, что она не осталась в накладе, а даже наоборот — поменяла своих свиней на нечто очень нужное в хозяйстве.

На следующий день он очень рано ушел на охоту и вернулся только поздно вечером, нагруженный дичью, которую подстрелил в лесу. Еще день спустя он сказал матери, что хочет пойти попытать счастья и вернуться богатым, чтобы обеспечить ей спокойную старость.

Он прошел долгий путь, и в глубокой чаще огромного дремучего леса он снова встретил старика, от которого получил собак.

Старик спросил куда, он держит путь, и когда юноша ответил, что идет попытать счастья, старик посоветовал ему идти прямо, пока он не достигнет королевского дворца, и там его ждет удача. Парень послушался совета и весело пошел по указанному пути. В дороге он расплачивался за еду и ночлег тем, что устраивал представления, где он сам играл на флейте, а собаки плясали под его музыку.

Наконец он пришел в большой город, и там услышал о королевском указе, в котором говорилось об исчезнувших принцессах, так как именно в этом городе и находился дворец короля, их отца. Он помнил, что говорил ему старик, и направился прямо во дворец, где жили несчастные король с королевой. Когда же он продемонстрировал королевскому гофмейстеру, как могут танцевать собаки, ему тотчас позволили выступить перед их величествами в надежде, что это хоть немного их развеселит. И король был так поражен, увидев собачьи танцы, что тут же спросит у юноши, какую тот желает награду. Но юноша

ответил, что у него единственная просьба — разрешить ему отправиться на поиски принцесс. Король не думал, что у такого юного паренька могут быть хоть какие-то шансы на успех, но он и не запретил ему ехать и сказал, что ему не откажут в обещанных наградах, если он привезет назад трех девушек.

И юноша отправился в путь вместе со своими тремя собаками, и надо сказать, что в этом путешествии они ему оченьгодились. Остроух все время говорил ему, что происходило на мили вокруг, Быстрохват нес его узелок, а сам юноша, когда очень уставал, ехал верхом на Разорви, потому что Разорви был самым сильным из всех псов.

Однажды Остроух подбежал к юноше и сказал, что они подъезжают к большой горе и это он слышит, как одна из принцесс прядет пряжу внутри горы.

— Горы принадлежат великану, — сказал Остроух, — но его сейчас нет дома.

Когда она подъехали к горе, Остроух сказал, что он слышит стук золотых подков великанова коня в десяти милях отсюда.

Парень приказал собакам выломать дверь в горе, и там, внутри, он увидел прекрасную принцессу, которая сидела и прядла золотую пряжу.

Увидев нашего паренька, она очень удивилась, ведь она не видела ни одного живого существа за последние семь лет. Она умоляла его уйти, потому что знала, что великан убьет его как только вернется. Но юноша никуда не пошел. Когда великан вернулся, он пришел в бешенство, увидев, что дверь выломана, и громовым голосом закричал:

— Кто посмел выломать мою дверь?

— Я посмел, — ответил юноша, — а сейчас я переломаю тебе все кости.

После этого он спустил на великана своих собак, и те разорвали его в клочья.

Затем юноша навьючил великанова коня мешком с драгоценностями, усадил в седло принцессу и продолжил свой путь.

Так они ехали несколько дней, но вот подбежал Остроух и сказал, что они опять подъезжают к высокой горе и он слышит, как девушка в горе прядет пряжу. Великана не было дома, но он находился примерно в восьми милях отсюда. Остроух слышал стук золотых подков его коня.

Как и раньше, собаки выломали дверь в горе, и вторая принцесса была спасена. А когда приехал великан, собаки расправились с ним так же быстро, как и с его братцем. Потом юноша усадил вторую принцессу на подкованного золотом скакуна, и они продолжили свой путь вместе.

Можете представить, как радовались принцессы, когда они встретились после стольких лет разлуки.

Через несколько дней путешественники добрались до третьей горы. На этот раз великан был в пяти милях от своего дома. Внутри горы сидела третья прекрасная принцесса и ткала золотое полотно. Но когда третий великан приехал домой, он не стал кричать или ругаться, потому что уже знал о судьбе своих вспыльчивых братьев. Наоборот, он стал изображать хорошие манеры и дружески пригласил юношу остаться и пообедать с ним. Юноша был тронут и принял приглашение, но принцесса тихо заплакала, да и у собак было тяжело на сердце. Когда с едой было покончено, юноша спросил, есть ли чего-нибудь выпить.

— На вершине холма, — ответил великан, — находится источник, в котором бьет чистое вино. Но мне некого послать туда, чтобы нам принесли вина.

— Ничего, — сказал юноша, — я пошлю одного из моих псов.

Великан был доволен, потому что очень хотел избавиться от собак. И Быстрохвату дали

кувшин и велели, чтобы он шел за вином. И он с неохотой отправился. Время шло, а пес все не возвращался, и великан предложил послать Разорви, хотя тот еще больше не хотел уходить и оставлять хозяина одного, но ему ничего не оставалось делать, как подчиниться ему. Принцесса заплакала, а великан обрадовался, видя, что его замыслы осуществляются. Прошло еще некоторое время, и великан сказал:

— Я что-то не слишком высокого мнения о твоих собаках, не очень-то они послушные, и сейчас наверняка бегают за зайцем вокруг горы.

Юноша рассердился, услышав эти слова, и приказал Остроуху немедленно идти и привести остальных собак обратно. Остроух тоже не хотел идти, но хозяин настаивал. И как только пес дошел до вершины горы, высокая каменная стена выросла вокруг него. Вот что, оказывается, произошло с его товарищами. Это великан хотел помешать им с помощью волшебных чар.

И теперь, когда собаки не было, великан схватил огромный меч, который висел на стене, и сказал юноше, что пришла пора ему расставаться с жизнью. Юноша был очень напуган, но он не растерялся.

— У меня есть только одна просьба, — сказал он. — Прежде чем я умру, позволь мне помолиться и сыграть гимн на моей деревянной флейте.

Великан согласился, но как только юноша начал играть на своей флейте, чары тотчас рассеялись, и освобожденные собаки примчались с горы и разорвали великана в клочья.

На этот раз юноша нашел золотую колесницу, которая принадлежала великану, впряг в нее лошадей и повез принцесс к отчужденному дому. Принцессы просто не знали, как благодарить своего отважного спасителя. Он был красивым парнем, и, когда правил колесницей, его темные кудри развевались на ветру. Каждая из принцесс сняла со своего пальца по золотому кольцу и вплела ему в волосы. Они уже подъезжали к дому, когда их остановили два жалких оборванца и попросили помощи. Оказалось, что это те самые два принца, которые когда-то отправились на поиски принцесс. Они потерпели неудачу и жалко выглядели, потому что потратили все деньги, а с ними и все свое бывшее могущество.

Юноша пожалел их и взял в колесницу. Но они были очень жестокими и завистливыми и, когда узнали о приключениях юноши, решили избавиться от него.

Однажды собаки охотились где-то в лесу, и принцы накинулись на юношу и задушили его, прежде чем успел он позвать их. Подлые принцы пригрозили принцессам и под страхом смерти заставили их поклясться, что они будут обо всем молчать. А затем удрали и оставили бедного парня лежать на тропинке. Принцессы отправились домой и очень горевали, особенно младшая. Она и юноша полюбили друг друга, и девушка пообещала стать его женой.

Но очень скоро собаки бросились на поиски своего хозяина, а когда нашли, то вылизали его раны и улеглись со всех сторон, не давая ему замерзнуть. Не прошло много времени, как парень ожил и был готов продолжать путь. Но когда он прибыл во дворец короля, он обнаружил, что там собралось множество гостей, все радуются и веселятся. Юноша спросил, какой отмечается праздник, и ему сказали, что старшие принцессы выходят замуж за двух принцев, которые всем рассказывают про свои подвиги.

Но младшая принцесса, как ему сказали, не принимает участия в празднестве. Она сидит в стороне и все время плачет.

Юноша спросил, можно ли ему развлечь гостей собачьими танцами, и когда его ввели в зал, все были поражены его привлекательной внешностью и приятными манерами. Но как

только три принцессы увидели его, они вскочили со своих мест и бросились в объятия своего спасителя. При виде этого подлым обманщикам принцам ничего не оставалось, как спешно бежать, и больше никто о них ничего не слышал.

Юноша мог с легкостью доказать правду с помощью колец, подаренных принцессами, но ему не пришлось этого делать, потому что ему и так все поверили. Он женился на младшей принцессе, а вскоре нашлись мужья и для остальных двух.

Отважный юноша заслужил великую честь, и когда старый король умер, его выбрали править королевством. Предания ничего не говорят о старушке матери и трех собаках, но следует полагать, что старая женщина была окружена всеобщим вниманием и почтением до конца своих дней. Что же касается собак, то их холил и лелеял весь двор, а когда молодые король и королева обзавелись детишками, то Быстрохват, Остроух и Разорви охраняли их и играли с ними лучше, чем любая нянька!

ЕЖ И МЕДВЕДЬ

Английская сказка

Как-то раз рано утром светило солнышко, теплый ветер дул по скошенной траве, жаворонки распевали над полями, а пчелы гудели на гречихе. У дверей своего уютного домика стоял маленький ежик и дышал утренним воздухом, напевая про себя веселую песенку. Вдруг он увидел проходящего мимо медведя и поздоровался. А медведь был господин, вроде как бы знатный и уж очень надменный. Он ничего не ответил на привет ежа и сказал ему, скорчив презрительную гримасу:

— Чего это ты выстроил на моей тропинке, по которой я гуляю, свою избушку без моего разрешения?

— Извините, господин медведь, — ответил еж. — Я не знал, что вы здесь гуляете. Я быстренько постараюсь что-нибудь сделать.

— Это ты-то быстренько, — рассмеялся медведь, — с твоими короткими кривыми ногами?

— Мои ноги, — обиделся еж, — ничуть не хуже других, даже заячьих. И можно поспорить еще, кто быстрее.

— Ха-ха-ха, — закатился от хохота медведь. — Ты быстрее зайца, надо же такое сказать.

— Да, — ответил, обидевшись, еж. — Я могу доказать это.

— Хорошо, — согласился медведь. — Давай сделаем так. Ты побежишь с зайцем наперегонки, и если обгонишь его, то я разрешаю тебе и дальше жить в твоей избушке, а если нет, то пеняй на себя.

— Идет, — согласился еж. — Только я с утра ничего не ел. Сперва пойду домой и немного позавтракаю, а через полчаса вернусь на это же самое место. А ты вызывай зайца.

Медведь согласился и пошел за зайцем. А еж пришел домой и говорит своей жене:

— Хочу бежать я с зайцем взапуски, и ты должна быть при этом.

— Ах, Боже ты мой! — стала кричать на него жена. — Да ты что, одурел, в самом деле. Да в своем ли ты уме? Как можешь ты бежать с зайцем взапуски?

— Да ты уж, жена, лучше помолчи, — говорит ей еж, — это дело мое. В мужские дела ты не вмешивайся. Ступай оденься и пойдем вместе со мной.

Что тут было ей делать? Хочешь не хочешь, а пришлось ей идти вслед за мужем.

Идут они вдвоем по дороге в долине, и говорит еж жене:

— А теперь внимательно выслушай, что я тебе скажу. Видишь, вон по тому большому полю мы и побежим с зайцем взапуски. Заяц будет бежать по одной борозде, а я по другой, а бежать мы начнем с горы. А твое дело только стоять здесь на борозде. Когда заяц пробежит по своей борозде, ты и крикнешь ему навстречу: «А я уже здесь!»

С тем и добрались они на поле. Указал еж жене место, где ей надо стоять, а сам отправился повыше. Когда он пришел, заяц и медведь были уже на месте.

— Давай, что ли, начинать? — говорит заяц.

— Ладно, — отвечает еж, — начнем.

И стал каждый на свою борозду. Начал заяц считать:

— Ну, раз, два, три!

И помчался как вихрь вниз по полю, А еж пробежал примерно шага три, забрался затем в борозду и уселся себе там преспокойно.

Добежал заяц до конца поля, а ежиха и кричит ему:

— А я уже здесь!

Заяц остановился и был немало удивлен: он подумал, что это кричит, конечно, сам еж. А известно, что ежиха выглядит точно так же, как и еж. Но заяц подумал: «Тут что-то неладно», — и крикнул:

— Давай побежим еще раз назад!

И кинулся он вихрем, прижав уши, по борозде, а ежиха осталась преспокойно на своем месте. Добежал заяц до конца поля, а еж кричит ему навстречу:

— А я уже здесь!

Разозлился заяц и крикнул:

— Давай бежать еще раз назад!

— Как хочешь, — ответил еж, — мне-то все равно, сколько тебе будет угодно.

Так бегал заяц еще семьдесят три раза, а еж все приходил первым. Всякий раз, когда заяц прибегал на край поля, еж или ежиха говорили:

— А я уже здесь!

Но на семьдесят четвертый раз не добежал заяц до конца: упал без сил.

Раздосадованный медведь отправился восвояси, а еж пошел с ежихой домой. Если они не умерли, то живут они в своей избушке и сейчас.

КРАСАВЕЦ ВОДОНОС

Персидская сказка

Было это или не было, но говорят, что в давние времена у одного великого падишаха была красавица дочь. Красавица дочь была и у его визиря. Однажды, когда обе девушки сидели у окна и весело разговаривали, улицу переходил красивый водонос.

Дочь падишаха заметила и окликнула:

— Эй, водонос, водонос, ответь, кто красивее, дочь визиря или я?

— Вы обе прекрасны, — промолвил красавец водонос, — но дочь визиря прекраснее.

Сказал он так и пошел своей дорогой. А дочь падишаха с тех пор возненавидела соперницу.

Прошло немного времени, и дочь падишаха тяжело заболела. Старый отец созвал всех мудрецов и врачей, чтобы те вылечили царевну. А она вложила в руку одного из врачей горсть золота и сказала:

— Пойди и скажи моему отцу: «Ваше величество, если ваша дочь не выпьет крови дочери визиря, она никогда не поправится».

Врач отправился к падишаху и повторил, как ему велели:

— О мой падишах, если ваша дочь не выпьет крови дочери визиря, она никогда не поправится.

Падишах приказал позвать визиря и передал ему слова врача. Визирь опечалился: он очень любил свою дочь. Чтобы спасти девушку, он убил большую кошку, и кровь ее отнес во дворец падишаха. А сам, вернувшись домой, велел сделать большой ореховый сундук с замками изнутри. В этот сундук он посадил свою дочь и отнес на базар.

Как раз в это время по базару проходил красавец водонос. Увидел он сундук, купил его и принес домой.

На следующий день рано утром водонос отправился по своим делам. А девушка потихоньку открыла сундук и вышла из него. Она прибрала комнату, застелила постель водоноса, поела немного и снова забралась в сундук.

Вечером приходит красавец водонос домой — и что ж он видит?! Комната прибрана, постель застелена. «Кто-то приходил сюда», — подумал он и улегся спать.

На следующее утро водонос снова ушел разносить воду. Девушка опять убрала комнату и спряталась в сундук. Вернулся водонос домой и снова увидел всюду чистоту и порядок. Он призадумался, потом подошел к сундуку:

— Эй, кто там?! А ну-ка, выходи! Дай взгляну на тебя!

Девушка молчала. Что оставалось делать водоносу? Он постоял немного и пошел спать.

А утром он купил у соседа кусок мяса и принес домой. «Авось, — подумал он, — на этот раз я подстерегу того, кто хозяйничает у меня в доме».

Только он ушел, девушка вылезла из сундука, убрала комнату, сварила мясо, положила его на блюдо и принялась стирать белье.

Тут в комнату вошел водонос.

— Ах! — воскликнула девушка и закрыла лицо передником.

— Красавица, теперь ты моя, а я твой, — сказал водонос, — не бойся, видно, ты — моя судьба.

Он пригласил свидетелей, женился на девушке, и стали они жить в любви и ласке.

Однажды водонос нагрузил мулов подарками, посадил молодую жену на осла и отправил ее погостить к своей матери. Позавидовали соседи красоте молодой женщины и написали водоносу письмо: «Твоя жена стала воровкой».

Разгневался тут водонос и решил убить жену. Отправился он к дому матери. Жена выбежала его встречать, увидела в руке мужа нож и поняла, что он хочет убить ее. Красавица бросилась в речку, которая протекала возле дома. Течение подхватило ее и вынесло в море. А море пожалело ее и забросило в рыбацьи сети.

Вытащили рыбаки сети и видят: лежит в них молодая женщина, да такая красивая, словно луна на небе. Рыбаки заспорили:

— Она будет моя! — закричал один.

— Нет, она моя! — возразил другой.

Чуть не передрались они между собой. Тогда вмешался старый рыбак:

— Кто быстрее всех принесет выпущенную стрелу, тот и возьмет себе красавицу, — сказал он.

На том и порешили. Трое рыбаков помчались за пущенной стрелой, а жена водоноса осталась одна. Быстро собрала она рыбацьи сети, схватила их и убежала.

Бежала она, бежала, и вдруг перед ней появился странный старик. Увидел он красавицу и сразу же в нее влюбился.

— Ах, прекрасная, теперь ты моя! Я уж тебя из своих рук не выпущу! воскликнул он.

Но жена водоноса не растерялась, набросила на голову старика сети и побежала дальше.

Наконец, изнемогая от усталости, прибежала она к источнику. Возле источника росло дерево. Девушка, забралась на него и уселась на ветку отдохнуть.

В это время мимо проходил сын падишаха. Ему захотелось пить. Он нагнулся к источнику и увидел в нем отражение красавицы. Царевич поднял голову, разглядел ее среди ветвей, сразу же в нее влюбился и захотел взять — обе в жены.

— О господин, — сказала ему хитрая женщина, — хорошо, что ты не напился из этого источника. Вода его волшебная и приносит несчастье. Садись лучше рядом со мной и посмотрим, что будет.

Царевич сделал так, как просила. В сказках время быстро идет. Не прошло и часа, как к источнику подошли три рыбака. Стали они пить воду, увидели отражение красавицы, которую потеряли, и упали без чувств.

Через некоторое время пришел к источнику старик. Он тоже захотел напиться, увидел в воде красавицу и упал как подкошенный.

Немного спустя пришел за водой красавец водонос. Наклонился он над источником и тоже лишился чувств.

Сын падишаха, видевший все это, подивился и приказал своим приближенным схватить их всех и посадить в тюрьму. Приказ его был исполнен. Но жена водоноса совсем этого не хотела, и она сказала царевичу:

— О мой господин, эти рыбаки меня вытащили из моря, этот старик хотел меня обидеть, а красавец водонос — мой муж.

— Правда ли это, о красавица? — спросил царевич и тут же приказал рыбаков отпустить, старику отрубить голову, а водоносу вернуть его жену.

— Возьми свою красавицу, — сказал царевич водоносу, — да смотри больше из рук не выпускай. И будьте вы оба счастливы до конца дней своих!

И красавец водонос в другой раз женился на дочери визиря. Свадьба продолжалась сорок дней и сорок ночей.

ВОЛШЕБНАЯ КОРОБОЧКА

Арабская сказка

Давным-давно в одном городе на базарной площади каждый день появлялся слепой нищий и кричал заунывным голосом:

— Пусть каждый подаст мне милостыню и ударит по лицу! Прошу каждого дать мне милостыню и пощечину! Сейчас я расскажу историю, как жадность к богатству ослепила мои глаза и я перестал видеть белый свет...

И слепой рассказал такую историю:

— Меня зовут Абдулла, и родом я из Багдада. После смерти отца получил я немалое наследство, но был неразумен, ленив и быстро промотал все свое добро. Жена уговорила меня купить на последние деньги пару верблюдов. Стал я перевозить грузы и так жить. Понемножку копил деньги, стал богатеть, и через несколько лет в моем караване было уже восемьдесят верблюдов. Я перевозил товары из Багдада в Барсу и в другие большие города.

Однажды возвращался я с караваном домой в Багдад и на полпути остановился отдохнуть. Спутал я верблюдов и пустил их пастись, а сам присел под деревом ужинать. Вдруг откуда-то появился карлик. Он подошел ко мне, и мы поздоровались. Карлик присел рядом со мной и спросил, откуда я и куда держу путь. Я ему ответил и поделился с ним ужином. Так мы сидели под деревом и разговаривали.

Вдруг карлик сказал:

«Я знаю в горах место, где спрятан огромный клад. Если нагрузить всех твоих верблюдов золотом и всякими драгоценностями, и то не заметишь убыли: там нет числа сокровищам».

Услышал я эти слова карлика и страстно захотел овладеть сокровищами. И я стал просить карлика:

«Покажи мне это место, и я дам тебе одного верблюда. Нагружай его драгоценностями и вези куда хочешь».

«Ты дешево хочешь получить такое несметное богатство, — ответил карлик. — Вот если отдашь мне половину своих верблюдов, тогда я отведу тебя и покажу сокровища».

«Если отдам ему сорок верблюдов, а остальные сорок нагрузу золотом для себя, и то будет очень хорошо, — подумал я. — Шутка ли, без труда получить такое огромное богатство!» И я пообещал отдать карлику сорок верблюдов.

Вот мы собрали своих восемьдесят верблюдов в один караван и тронулись в путь. Скоро мы достигли горы и вступили в глубокое, мрачное ущелье. Такое оно было узкое, что верблюды с трудом могли пробираться там, да и то гуськом. Карлик шел впереди. Вдруг он остановился и сказал:

«Вот мы и пришли. Усади своих верблюдов на землю и приготовь их для погрузки».

Я сделал так, как велел карлик. Тогда он прошел еще немного вперед и остановился у высокой скалы. Потом собрал охапку хвороста и поджег его. Когда костер разгорелся, карлик бросил в огонь какой-то порошок и тихо произнес несколько слов. Вдруг земля под ним задрожала, как при землетрясении, раздался страшный треск, и в скале подле того места, где горел костер, появилась глубокая трещина.

«Иди за мной», — сказал карлик.

Мы вошли в трещину и очутились в огромной пещере. Что увидели там мои глаза! Кучи золотых монет, сундуки драгоценных металлов... Клянусь своей жизнью, сокровищам не было конца!

Я стал как безумный хватать драгоценности и золотые монеты и набивать свои карманы. Но карлик велел мне скорее выносить сундуки и мешки и грузить на верблюдов.

Когда мы нагрузили всех верблюдов, карлик достал из одного сундука какую-то маленькую серебряную коробочку, осмотрел ее и бережно положил себе в карман. Потом он взял меня за руку и вывел из пещеры. Только мы вышли, карлик произнес опять заклинание. Земля дрогнула, трещина сомкнулась — и перед нами была только высокая скала.

Верблюды с трудом поднялись — так тяжела была кладь. Скоро мы выбрались из ущелья и вышли на дорогу.

«Прощай и будь счастлив. Теперь ты самый богатый человек», — сказал карлик.

Он отсчитал сорок верблюдов и пошел в сторону Басры. А я повернул остальных сорок верблюдов в родной Багдад.

Шагнул я было вперед и остановился. Жадность когтями сжала мое сердце: «Я отдал карлику сорок моих верблюдов да еще сокровища. Зачем я это сделал? Я ограбил сам себя, несчастный! На что карлику такое богатство. Может быть, я сам когда-нибудь нашел бы это ущелье и этот клад, и тогда все сокровища достались бы мне одному».

И мне так стало жаль своих верблюдов и сокровищ, что я не выдержал и побежал догонять карлика.

«О великий карлик! — сказал я ему. — Ты одинокий странник, зачем тебе столько верблюдов? Ты не справишься с ними. Лучше отдай мне десять обратно, хватит тебе и тридцати. Я всю жизнь буду помнить твое добро».

Карлик молча отсчитал мне десять верблюдов, а остальных погнал дальше своей дорогой.

Теперь у меня было пятьдесят верблюдов, нагруженных золотом и драгоценностями, и я был счастлив. Но не успел пройти и пятнадцати шагов, как жадность снова стала терзать меня: «Почему я не попросил у него сразу двадцать или тридцать верблюдов! Может быть, он и уступил бы мне их. Зачем ему эти богатства?»

И я снова пустился бежать за карликом, догнал его и сказал:

«Ведь ты не забыл, что эти верблюды — мои? Я знаю все их повадки и умею управлять ими. А тебе будет трудно справиться с ними. Лучше отдай мне еще двадцать из них. Хватит тебе и десяти верблюдов».

Карлик ничего не сказал и отдал мне еще двадцать верблюдов, а остальные десять повел с собой.

Но жадность овладевала мной все больше и больше. Я стал просить его отдать мне и остальных десять верблюдов.

Карлик не сказал ни слова и отдал последних верблюдов.

Теперь я собрал всех своих верблюдов, поставил по порядку и, совсем счастливый, собрался идти в Багдад. Вдруг я вспомнил про ту серебряную коробочку, которую карлик положил в карман, и подумал: «Карлик без спора отдал мне сорок верблюдов с драгоценностями, не взять ли у него и эту коробочку? На что она ему? А мне пригодится — ведь она тоже денег стоит».

Но не тут-то было! Карлик коробочку не отдал. Сколько я ни просил его, он говорил «нет», и все тут. Мне все больше и больше хотелось получить эту коробочку, а карлик уже не

слушал меня, молча повернулся и пошел своей дорогой.

Тут я подумал: «Глупец я! Неспроста карлик отдал сорок верблюдов с драгоценностями; он взял себе самое дорогое — эту коробочку. Должно быть, в ней скрыты все сокровища мира!»

У меня от жадности помутился разум. Я бросился за карликом, схватил его и пригрозил: «Отдавай коробочку, карлик, не то возьму ее силой!»

Карлик увидел, что я могу убить его, подал мне серебряную коробочку и хотел уйти. Но я не отпустил его и спросил:

«Скажи, что же скрыто в этой коробочке? Чем она дорога?»

«В этой коробочке заключено драгоценное вещество. Если уметь им пользоваться, то будешь видеть все клады», — ответил карлик.

Тогда я стал просить карлика показать мне, как нужно пользоваться тем веществом. Карлик долго молчал, а я требовал и грозил. Наконец он открыл коробочку, погрузил в нее два своих пальца, быстро вынул их, что-то прошептал и провел ими по моему правому веку.

И вдруг горы вокруг как бы раскрылись передо мною, и я увидел, где лежит золото, где серебро, где алмазы и разные драгоценности. Теперь я мог собрать все богатства мира, но и этого было мало.

«Намажь мне и левое веко», — приказал я карлику.

«Нельзя, — сказал карлик, — ты ослепнешь навсегда, если еще раз помажешь глаз этим веществом».

Но я не поверил карлику — я подумал, что он обманывает меня, хочет скрыть от меня что-то очень важное.

«Если ты не сделаешь этого, я убью тебя!» — закричал я в ярости.

«Хорошо, я исполню твою просьбу. Но за то, что случится после этого, ты будешь расплачиваться сам», — ответил карлик и прикоснулся волшебным веществом к моему левому глазу.

Только он сделал это, как вдруг все вокруг погрузилось в непроглядную тьму. Я ослеп.

Когда я понял это, я бросился к ногам старца, рыдал и умолял его:

«Возьми себе всех верблюдов, все сокровища и эту коробочку с чудодейственным веществом, только прости меня и верни мне зрение!»

«Жалкий человек! — сказал старец. — Ты не послушал меня, а теперь уже никто не может помочь тебе. Всю жизнь ты будешь оплакивать тот день, когда жадность ослепила тебя».

После этого карлик забрал всех верблюдов с драгоценностями и ушел.

Я долго кричал, рыдал и умолял карлика вывести меня на главную дорогу, где бы я мог пристать к какому-нибудь проходившему каравану, но карлик не слышал меня.

Долго скитался я, голодный, оборванный, в горах, пока не выбрался на большую дорогу. Потом мне удалось примкнуть к проходившему каравану, и я, слепой нищий, с тех пор брожу по свету и прошу милостыню.

И я дал клятву себе вместе с милостыней просить и пощечину в наказание за мою жадность.

СЧАСТЛИВКА И НЕСЧАСТЛИВКА

Венгерская сказка

Было у одного ткача две жены, и от каждой жены — по дочери. Одну из дочерей звали Счастливка, а другую — Несчастливка. Ткач любил больше старшую жену и ее дочь Счастливку. Эта старшая жена и ее дочь ничего не делали по хозяйству, только сидели да ели. Несчастливка же и ее мать сучили пряжу, убирали дом, а к концу дня получали немного рису да попреки со всех сторон.

И вот ткач умер. Старшая жена припрятала все его сбережения и стала жить со своей дочерью отдельно. Она то и дело таскала с рынка либо рыбью голову, либо огромную тыкву, стряпала лакомые блюда и потчевала ими дочь.

А Несчастливка с матерью день и ночь пряли пряжу, ткали полотенца, а то и простую холстину. За эту тяжелую работу им перепадал иногда грош, иногда полтора, так что жили они впроголодь.

Однажды их пряжу попортили мыши. Мать Несчастливки распутала нитки, сложила их в корзину и выставила на солнце, а сама захватила белье, мыло и отправилась на берег стирать. Несчастливка осталась дома сторожить пряжу.

Вдруг откуда ни возьмись налетел сильный ветер, поднял пряжу и унес. Несчастливка залилась слезами.

— Не плачь, Несчастливка, пойдем со мной, я верну тебе пряжу, — сказал ей ветер.

И Несчастливка отправилась вслед за ветром.

По дороге ей повстречалась корова.

— Куда ты собралась, Несчастливка? Вычисти-ка сначала мой хлев, попросила она.

Несчастливка утерла слезы, вычистила хлев, дала корове воды и снова побежала за ветром.

Немного погодя ей повстречалось банановое дерево.

— Куда ты идешь, Несчастливка? Меня душит лиана, оттяни-ка ее, — сказало дерево.

Несчастливка остановилась, оборвала со ствола бананового дерева лиану и побежала дальше.

Не успела она отойти подальше, как ее остановило манговое дерево:

— Куда ты спешишь, Несчастливка? Мой ствол страдает от колючек, очисти его.

Несчастливка очистила ствол мангового дерева от колючек, собрала нападавшие вокруг него листья, привела все в порядок и опять отправилась за ветром.

Затем ей встретилась лошадь.

— Несчастливка, куда торопишься? Дай мне несколько охапок травы, попросила лошадь.

Несчастливка дала лошади травы и пошла дальше.

Наконец она остановилась перед богатым домом. В доме никого не было, только на веранде одиноко сидела старушка и сучила нитки. Из ниток в одно мгновение получалось несколько сари.

Эта старушка была матерью луны.

— Подойди к старушке, Несчастливка, попроси у нее пряжи, — шепнул ветер.

Несчастливка подошла к старушке, прикоснулась к ее ногам и низко поклонилась.

— О бабушка, — сказала она, — ветер забрал у меня всю пряжу, и теперь матушка будет бранить меня. Дай мне пряжу, бабушка!

Мать луны отбросила назад пряди волос, белых, как настоящий лунный свет, и увидела перед собой маленькую девочку, чей голосок был нежным и сладким, как сахар.

— Пстой, погоди, золотая моя луна, — сказала старушка, — вон в той горнице есть шали и платья. Возьми все это, пойди окунись два раза в пруду, потом поешь немного в той горнице, а уж после этого получишь и пряжу.

Несчастливка вошла в горницу, где было много прекрасных шалей и платьев. Но она выбрала себе стиранные и рваные шаль и платье, и, захватив кусочек мыла, отправилась искупаться.

Слегка намылившись, Несчастливка спустилась к воде.

Едва успела она окунуться, как превратилась в красавицу. Да еще какую! Таких не было и среди небесных дев. Девочка окунулась второй раз руки и ноги ее оказались сплошь покрыты драгоценностями.

Увешанная золотом и блестящими камнями, она медленно встала и отправилась в горницу, где для нее уже была приготовлена еда. Сколько там было всяких яств! Несчастливке и во сне такое не снилось. Скромно сев в уголок, девочка съела всего лишь немного риса, а затем направилась к старушке.

— Пришла, моя золотая девочка, — сказала мать луны, — теперь пойди вон в ту комнату, принеси мне из сундука пряжу.

Несчастливка отправилась в комнату и увидела там множество сундуков и маленьких, и больших. Она выбрала маленький, игрушечный сундучок и принесла его старушке.

— Моя драгоценная, мне это не нужно, — сказала мать луны. — В этом сундучке лежит твоя пряжа. Теперь ты возвращайся к своей матушке. И вот тебе в придачу корзиночка золотых орехов.

Почтительно поклонившись старушке и взвалив сундучок на плечо, взяв корзиночку в руку, Несчастливка отправилась домой. Драгоценности, украшавшие ее, освещали ей путь.

Вскоре ее остановила лошадь:

— Несчастливка, Несчастливка, подойди ко мне и возьми то, что я дам тебе.

И лошадь дала ей прекрасного крылатого жеребенка.

Манговое дерево позвало:

— Подойди, подойди ко мне, Несчастливка, и возьми то, что я дам тебе.

Манговое дерево дало ей горшочек с золотыми монетами.

Банановое дерево сказало:

— Подойди ко мне, Несчастливка, и возьми то, что я дам тебе.

И дерево протянуло девочке огромную гроздь золотых бананов.

— Несчастливка, Несчастливка, — позвала ее корова, — возьми-ка то, что я дам тебе.

Корова дала ей волшебного теленка.

Несчастливка погрузила на жеребенка горшочек с монетами и золотые бананы, взяла теленка за веревку и отправилась дальше.

— Несчастливка, Несчастливка, куда ты делаешь? И где пряжа? — тревожно зывала мать, разыскивая повсюду свою дочь. Увидев ее, она даже вскрикнула от удивления:

— О, где ты была столько времени? О, моя опора в жизни, откуда ты все это получила? — И крепко обняла дочь.

Несчастливка все поведала матери. Обрадованная женщина вместе с дочерью

отправилась к матери Счастливки.

— Соседи добрые! Счастливка! — радостно восклицала она. — Прошли для нас тяжелые времена, смотрите, сколько добра получила моя Несчастливка от старушки — матери луны! Пусть Счастливка возьмет себе немного, Несчастливке и так хватит!

Мать Счастливки вытаращила от удивления глаза и сделала недовольную гримасу.

— Очень нам надо! — закричала она. — Да я вас метлой отхлещу! Я, мать Счастливки, не пойду на такую сделку! Подавитесь вы этой рухлядью!

Про себя же она подумала: «Пусть огонь сожжет врага, разве моя счастливая дочь не родилась в сорочке?! Если уж так на роду написано, моя Счастливка завтра же принесет домой сокровища еще побогаче этих».

Униженные Несчастливка с матерью вернулись к себе домой.

Ночью из раскрытого сундучка вышел царевич — жених Несчастливки. Он сел верхом на коня, омыл свои уста молоком волшебной коровы, и хижина Несчастливки и ее матери озарилась чудесным светом.

А тем временем мать Счастливки тайком заперла ворота, разложила у черного входа пряжу, что-то пошептала над ней, усадила Счастливку караулить, а сама взяла узел с бельем и поташом и отправилась стирать на берег.

Вскоре налетел сильный ветер, поднял и унес пряжу. Счастливка побежала за ветром.

В пути ей повстречалась корова.

— Куда ты бежишь, Счастливка? — спросила корова. — Постой, выслушай меня.

Но Счастливка даже не обернулась. Ее окликали и банановое дерево, и манговое дерево, и лошадь, но Счастливка ни на кого не обращала внимания, только сердилась и бранилась со всеми.

— Как бы не так, — говорила она, — стану я вас слушать! Ведь я направляюсь к самой матери луны!

Вслед за ветром Счастливка добралась до дома старушки.

— О старушка, старушка, что ты делаешь? — быстро заговорила она, едва переступив порог. — Сперва дай мне все, что полагается, а потом уж сучи пряжу. Ведь ты дала столько добра разине-Несчастливке.

С этими словами Счастливка схватила прялку и сломала ее.

— Постой, постой, — воскликнула мать луны, — ты, такая маленькая девочка, говоришь грубости старшим и ведешь себя так гадко! Ну хорошо, пойдешь искупаться и поешь, а потом получишь остальное.

Не успела старушка договорить, как Счастливка стремглав бросилась в дом, выбрала себе самую лучшую шаль, самое лучшее платье и, захватив горшочек с ароматным маслом и плоску с сандаловым маслом, отправилась на берег реки. Там она семь раз натерлась маслом, семь раз смазала себе волосы, семь раз заглянула в зеркало и лишь после этого вошла в воду и окунулась.

Окунулась Счастливка один раз — и стала красавицей, окунулась второй раз — и на ее теле появились золотые украшения. Но ей было этого мало. Она оглянулась и подумала: «Окунусь-ка я в третий раз: может быть, мне еще что-нибудь достанется».

Но, о ужас! Окунулась Счастливка в третий раз и видит — на всем теле ее появились темные пятна, волосы сбились и спутались, стали как пакля. Столько несчастий сразу!

— Что произошло со мной?

С рыданиями бросилась Счастливка к старушке — матери луны.

— А, — воскликнула старушка, — вижу, несчастная, что ты окунулась три раза! Ну, иди, не плачь, уже поздно. Надо тебе поесть.

Проклиная старуху, Счастливка отправилась в горницу, наелась до отвала сладкой рисовой молочной каши и сладких пирожков, ополоснула рот и руки и вернулась к старушке.

— Ну, бабушка, теперь я отправляюсь домой. Дашь ты мне что-нибудь или нет?

Мать луны указала ей на комнату, где хранились сундуки.

Счастливка выбрала самый большой сундук, какой только могла поднять, поставила его себе на голову и, нещадно браня всех предков старухи до четырнадцатого колена и сетуя на свой безобразный вид, отправилась домой.

При встрече со Счастливкой шакалы в испуге шарахались в сторону, а встречные путники падали в обморок.

По дороге ее лягнула лошадь.

— Ай, ай, ай! — вскрикнула Счастливка.

С треском упала перед ней обломившаяся ветка с мангового дерева.

— Ой, смерть моя! — завопила Счастливка.

Гроздь бананов упала с бананового дерева ей на спину.

— Пропала я, пропала! — закричала она.

Нагнув голову, корова боднула ее рогами.

Перепуганная, запыхавшаяся Счастливка наконец добралась до дому.

А тем временем ее мать, готовясь к торжественной встрече, украсила пол свежими ветками, приготовила место для еды и уселась в ожидании дочери. Но, увидев входящую Счастливку, она в ужасе воскликнула:

— Что это? Какое чудовище!

Безобразный вид дочери напугал ее до смерти. Она закатила глаза, зашаталась и упала без чувств.

Придя в себя и немного успокоившись, она сказала дочери:

— О несчастная, внеси сундук в дом. Если жених появится — все еще может обернуться благополучно.

И сундук поставили в комнате.

— Почему у меня болят ноги? — спросила Счастливка.

— Надень на них украшения, — ответила мать.

— Почему у меня ноет все тело?

— Надень ожерелье, — сказала мать.

Потом у Счастливки заломило руки, заболели горло и голова. Но она надела ожерелье и украшения, расчесала на пробор волосы и села в ожидании. А успокоенная мать отправилась на покой.

Ночью сундук открылся, и из него вышел жених Счастливки...

На другой день Счастливка не отворила двери своей комнаты.

— Что случилось? — тревожилась мать. — Уже поздно, почему она не встает?

Увы!.. Прошло довольно много времени, а дочери нет и нет. Мать осторожно подошла к двери комнаты и приоткрыла ее.

— О, горе мне! От Счастливки не осталось и следа. Ее проглотил удав!

Вне себя от горя, мать зашаталась, ударилась головой оземь и умерла.

ЗЛОЙ ВОЛШЕБНИК

Арабская сказка

Жил-был царь. Хотя он и был женат, детей у него не было. Однажды вызвал он магрибинеца и сказал:

— Если я дам тебе средство, чтобы у твоей жены рождались дети, ты отдашь мне своего первенца?

Царь ответил:

— Хорошо.

Тогда магрибинец дал ему две конфеты — одну зеленую, другую красную и сказал:

— Ты съешь зеленую, а жена твоя пусть съест красную.

Царь отдал красную конфету жене. Она съела ее, забеременела и родила мальчика, которого назвали Умным Мухаммедом. Он был смышленным, способным к наукам и к тому же имел красивый голос.

Потом царица родила второго сына, неловкого и неумного; его назвали Умным Али; а потом родился и третий: тот был и вовсе глупым.

Через десять лет к царю пришел магрибинец и сказал:

— Отдай мне обещанного сына.

Царь отправился к жене:

— Пришел магрибинец за нашим первенцем.

— Ни за что не отдам его, — сказала мать. — Лучше пусть заберет Али.

— Хорошо, — ответил царь.

Он позвал Али и передал его магрибинцу. Тот взял мальчика и отправился с ним в путь. Шли они горной дорогой до полудня; тут магрибинец спросил Али:

— Не голоден ли ты и не хочешь ли пить?

— Мы идем уже полдня. Как же тут не проголодаться и не захотеть пить? — ответил мальчик.

Магрибинец взял его за руку, отвел назад к царю и сказал:

— Нет, это не первенец!

Тогда царь позвал всех троих сыновей. Магрибинец протянул руку и указал на Умного Мухаммеда.

Прошли они путь в половину дня, и магрибинец сказал Мухаммеду:

— Не голоден ли ты и не хочешь ли пить?

— Если ты хочешь есть и пить, то хочу и я, — ответил тот.

— Да, ты мой сын! — воскликнул магрибинец.

Он топнул ногой и спустился вместе с Умным Мухаммедом под землю.

Этот магрибинец был злым волшебником. Спустившись под землю, он привел мальчика во дворец, стоявший среди сада, принес ему какую-то книгу и сказал:

— Читай!

Умный Мухаммед взял книгу, но не мог понять в ней ни слова. А магрибинец сказал ему:

— Если ты не выучишь эту книгу наизусть за тридцать дней, я отрублю тебе голову.

Затем он оставил его и ушел. Двадцать девять дней сидел над книгой Умный Мухаммед

и не мог разобрать ни слова. Тогда он подумал: «Завтра я умру; пойду прогуляюсь перед смертью по саду».

Он вышел в сад и увидел там девушку, привязанную за волосы к дереву.

— Кто тебя привязал? — спросил он.

— Волшебник-магрибинец, — ответила девушка.

— А за что?

— За то, что я выучила наизусть книгу колдовства.

Тогда Умный Мухаммед отвязал девушку и сказал:

— Мне он тоже дал книгу, чтобы я выучил ее за тридцать дней; но я не выучил, и вот завтра я умру.

— Я помогу тебе, — сказала девушка, — но, когда магрибинец придет к тебе, скажи, что ты ничего не смог выучить.

И она стала учить его по книге колдовства, а потом сказала:

— Теперь снова привяжи меня за волосы.

Умный Мухаммед привязал ее, и они расстались. К концу следующего дня магрибинец пришел к Умному Мухаммеду и спросил:

— Ты выучил книгу?

— Я не понял в ней ни слова, — ответил юноша.

Тогда магрибинец вытащил свой нож, отрезал Мухаммеду правую руку и сказал:

— Даю тебе отсрочку еще на тридцать дней; если не выучишь книгу наизусть, я отрублю тебе голову.

— Хорошо, — ответил Мухаммед.

Когда магрибинец ушел. Умный Мухаммед прочитал три слова из книги колдовства, и рука его приросла к своему месту. Он снова отправился к девушке, отвязал ее, и они стали прогуливаться по саду. И тут они вдруг нашли три потерянных листка из книги колдовства, которые магрибинец вот уже сорок лет тщетно разыскивал. Умный Мухаммед прочитал их, и они с девушкой сумели подняться на поверхность земли. Мухаммед привел двух коней, на одного из них он сел сам, а на другого села девушка.

— Ты поезжай к своим родителям, а я поеду к своим, — сказал Мухаммед.

Он приехал домой и постучал в дверь. Мать отворила ему, обрадовалась, и они побеседовали до утра. А утром он сказал ей:

— Матушка! Я дам тебе ягненка; продай его, но ни за что не продавай веревку, которая б/дет на нем.

Мать взяла ягненка и пошла на базар. К ней обратился хозяин кофейни, торговец лекарствами.

— Женщина, ты продаешь ягненка?

— Покупай его, но только веревку я не продам, — ответила она.

— Хорошо. Продашь его за три серебряных монеты?

— Ладно, да пошлет Аллах тебе удачу, — ответила женщина.

Торговец лекарствами, довольный, взял ягненка.

— Отведу-ка я его в подарок царю, — сказал он.

И люди, которые сидели в кофейне, одобрили слова торговца:

— Правильно, это подарок, достойный царя.

Торговец лекарствами принес тарелку с водой напоить ягненка. Ягненок поставил в тарелку передние ноги. Торговец ударил его. Ягненок поднял задние ноги, погрузился в воду

— и исчез. Торговец всплеснул руками:

— Ах! Ягненок утонул в тарелке!

Люди подумали, что торговец сошел с ума:

— Нужно его отправить в сумасшедший дом!

А магрибинец между тем отправился туда, где оставил Умного Мухаммеда. Но он не нашел ни его, ни девушки и сказал:

— Клянусь Аллахом! Будь он хоть на седьмой земле, я приведу его.

И магрибинец отправился в город, где жил Умный Мухаммед. Там он услышал людские толки о ягненке, утонувшем в тарелке. «Не иначе как это проделки Умного Мухаммеда, — подумал магрибинец. — Нужно остаться здесь и подкараулить его».

А хитроумный Мухаммед на другой день позвал свою мать и сказал ей:

— Я дам тебе верблюда, продай его на базаре, но ни за что не продавай вместе с ним и повод, даже если бы тебе дали за него четыре тысячи золотых монет.

Мать обернулась и увидела перед собой верблюда. Она взяла его за повод, привела на базар и поручила перекупщику. А магрибинец стоял в это время на базаре и все видел.

Когда верблюд был передан, магрибинец обратился к перекупщику:

— Мне нужен этот повод. Купи для меня верблюда, если пожелает Аллах, за двадцать тысяч золотых монет. Я возьму только повод, а верблюда отдам тебе.

Перекупщик отправился к матери Умного Мухаммеда:

— Продашь верблюда за четыре тысячи золотых монет?

— Да откроет Аллах врата прибыли, — возразила она.

— А за пять тысяч продашь его? — спросил перекупщик.

— Хорошо, да пошлет Аллах тебе удачу. Но знай, что повод с верблюдом я продать не могу.

— На что тебе этот кусок веревки? — спросил перекупщик. — Возьми за него еще тысячу золотых монет и продай.

Мать Умного Мухаммеда обрадовалась, что может получить такое богатство, и согласилась.

Магрибинец взял верблюда, отдал его перекупщику, а повод выдернул и положил к себе в сумку. Он поскакал в степь, радуясь, что Умный Мухаммед теперь у него в руках.

Но Умный Мухаммед обернулся вороном и взлетел ввысь. Тогда магрибинец превратился в коршуна и помчался за ним. Так летали они два дня и две ночи. Магрибинец стал нагонять Умного Мухаммеда. Но тот увидел внизу какой-то сад, спустился и обернулся гранатом на высоком дереве.

А сад этот принадлежал султану, отцу той девушки, которую освободил Мухаммед. Магрибинец отправился к султану:

— Я прошу у тебя один гранат. Болен близкий мне человек, и он просит гранатовых плодов. А мне сказали, что их нет нигде, кроме как в твоём саду.

— Разве сейчас время для гранатовых плодов? — спросил султан.

Магрибинец ответил:

— О султан! Если не найдешь в твоём саду хоть одного граната, пусть падет моя голова.

Тогда султан позвал главного садовника и спросил:

— Правда ли, что у тебя есть гранаты?

— О господин! Разве сейчас время для гранатовых плодов? — изумился садовник.

— Пропала твоя голова, — сказал султан магрибинцу.

Но тот возразил:

— Прикажи садовнику обойти сад и поискать на деревьях.

По приказанию султана садовник отправился в сад. На одном из деревьев он увидел большой гранат, срезал его, принес и отдал султану.

Тот посмотрел на красивый плод и усомнился, стоит ли отдавать его. Он позвал визиря:

— Мне не хотелось бы отдавать этот гранат магрибинцу.

— А если бы в саду не нашлось граната, разве ты не отрубил бы голову магрибинцу? — спросил визирь.

— Да, отрубил бы, — отвечал султан.

— Значит, гранат принадлежит ему по праву, — сказал визирь.

И султан отдал гранат магрибинцу.

Но не успел магрибинец взять его, как гранат раскололся и все зерна рассыпались в разные стороны. Магрибинец тотчас обернулся петухом и стал клевать зерна одно за другим. Султан и визирь глядели на все это с изумлением.

А Умный Мухаммед спрятался в зернышко, которое закатилось под ножку трона. Магрибинец продолжал клевать зерна, пока не склевал их все. Наконец он увидел и последнее зерно, в котором была жизнь Мухаммеда, и уже вытянул шею, чтобы схватить его, но зерно вдруг превратилось в кинжал. Кинжал ударил петуха в грудь и рассек ее пополам.

Тут Умный Мухаммед принял свой прежний облик и предстал перед султаном.

— Расскажи, что тут произошло? — спросил султан.

И Умный Мухаммед поведал ему всю историю от начала до конца и сказал:

— Это я развязал волосы твоей дочери и освободил ее.

Султан позвал свою дочь.

— Дочь моя, знаешь ли ты этого человека? — спросил он.

Девушка ответила:

— Да, это Умный Мухаммед, который развязал мои волосы.

— Если он твой спаситель, ты должна выйти за него замуж, — решил султан.

Он приказал составить брачный договор, и все веселились целых сорок дней.

А Умный Мухаммед и дочь султана стали жить счастливо и растить сыновей и дочерей.

ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ ПЛОДОВ

Английская сказка

Жил некогда король, и росло в его королевстве высокое дерево — такое высокое, что вершины его не было видно. Очень хотелось королю узнать, сколь высоко то дерево и что на нем растет. Послал он во все концы королевства гонцов, повелел оповестить всех: коли найдется такой молодец, что взберется на макушку дерева и сорвет с него плоды, тому молодцу король отдаст свою дочь в жены и завещает ему королевство. Много людей пришло попытать счастья, да никому не удалось достигнуть вершины, а иные сорвались с дерева и убились.

Вздумал попытать счастья один удалец из дальних краев. Пошел через дремучий лес, и повстречался ему пастух. Спросил его молодец, той ли дорогой он идет. И видит — на ногах у пастуха какие-то железные крючья, вроде звериных когтей. Молодец полубопытствовал, что это такое. Пастух сказал, что с такими крючьями он быстро взлезает на деревья, спасаясь от диких зверей. Молодец, хоть и одет был в богатый наряд, предложил пастуху поменяться с ним платьем. Но в придачу попросил те железные когти. Пастух рассмеялся, подумал, что прохожий шутит: экая блажь — менять красивую одежду на лохмотья. Но, увидев, что молодец и вправду хочет меняться, согласился и, кроме господской одежды, получил еще вдобавок много денег.

Вот пришел молодец в королевский город, переоделся, только железные крючья оставил при себе, да прямехонько к королю — низко ему поклонился и сказал, зачем пожаловал. Король дал ему дозволение. Тогда молодец захватил с собой железные когти, взял всякой снеди на семь дней и полез на дерево. Смотрят на него люди и дивятся, как ловко он карабкается. Но вот уже три дня и три ночи взбирается молодец на дерево, а на стволе все нет ни единого сука. Лишь на четвертый день в вышине показались вроде как бы ветви, а на седьмой день увидел он, что не ветви то, а дворец. Добрался он до дворца и постучался в железную дверь. Вскоре послышались шаги, дверь отворилась, и он увидел красавицу девушку. Она пригласила гостя войти, повела его в серебряный зал и попотчевала всякими яствами и вином. В замке жили три заколдованные девицы. Молодец остался у них ночевать, — ведь он не спал целую неделю.

Утром разбудили его девицы, накормили вкусными кушаньями, а потом самая красивая из них говорит:

— По пути к вершине встретятся тебе еще два дворца. До первого будешь лезть четырнадцать дней. Живут в том дворце шесть девиц, они тебе расскажут, как быть дальше. Вот тебе ломоть хлеба. Как проголодаешься, захочешь пить или устанешь, лизни его, и тотчас пройдут и голод, и жажда, и усталость.

Минуло уже десять дней, а замка все не видать. На одиннадцатый день что-то заблестело в вышине, а на четырнадцатый молодец постучался в дверь чудесного дворца из чистого золота. В золотом дворце девицы встретили его так же радушно, как и в серебряном, накормили, напоили, спать уложили, а наутро сказали:

— Над нами есть еще один дворец. Три недели будешь добираться до него. Живут там девять девушек, они-то и расскажут тебе, как достигнуть вершины дерева.

На прощанье девицы дали ему ломоть хлеба, — стоит, мол, его лизнуть, как пройдут и

голод, и жажда, и усталость. В третьем дворце, построенном из драгоценных камней и прекрасных жемчужин, встретили молодца так же приветливо, накормили, напоили и оставили ночевать. Здесь жили девять девушек, у одной из них были золотые волосы. От нее молодец узнал, что до вершины придется ему лезть целый месяц.

— Там найдешь пять золотых плодов, — сказала девушка, — три справа и два слева. Те, что справа, срежешь вот этими ножницами. Но горе нам, если срежешь те, что слева. Дерево сильно закачается и повалится вместе с дворцами, и все мы погибнем. Как сделаешь свое дело, тотчас же спускайся на землю. Там собралось великое множество людей, все ждут не дождутся тебя: хотят узнать, какие плоды ты принесешь, и услышать, что было с тобой в пути. Но ни одной живой душе, даже королю, не рассказывай про то, что ты видел и слышал. А наутро жди нас у большой дороги. Мы поедем в алмазной карете, запряженной золотыми конями. Мчатся те кони быстрее птицы. Успеешь до кареты дотронуться — чары разрушатся, не успеешь — дьявол увезет нас в замок без окон и дверей.

Спустился молодец на землю. Народу видимо-невидимо, все допытываются, что он видел и что так долго делал на дереве. А он знай себе помалкивает, даже от короля свою добычу утаил. Наутро встал спозаранку и отправился в условленное место поджидать карету. С первыми лучами солнца закружилась вдали небольшое облачко пыли. Все ближе, ближе, наконец совсем близко; вот уже и карета видна. Но она вихрем промчалась мимо, молодец не успел до нее дотронуться.

Совсем было голову потерял он от горя. А когда немного успокоился, пошел к королю, поведал ему все без утайки, показал три золотых плода и сказал, что пойдет искать по белу свету замок без окон и дверей.

Вот уж два месяца блуждает молодец по белу свету, а про замок без окон и дверей и слыхом не слыхать.

На исходе третьего месяца заплутался он в темном лесу. Под утро видит вдали, на холмике, вроде как свет брезжит, молодец и свернул в ту сторону. Подходит к тому месту и видит — стоит покосившаяся избушка. А жила в избушке Луна. Смело постучался он в ветхую дверь, загремел ржавый засов, дверь отворилась и — о ужас! Молодец даже отшатнулся: перед ним страшная старуха, а в руках у нее горящая лучина. Была та старуха стара, как мир, велика, как дуб, черна, как головешка, глазищи что плоски, волосы как лошадиная грива, а уж худа, тоща — ну, кожа да кости. Старуха была матерью Луны. Поглядела она сердито на гостя — спрашивает, зачем пожаловал. Молодец ответил, что ищет замок без окон и дверей, не укажет ли она к нему дорогу. А старуха отвечает:

— Уже много тысяч лет не отлучалась я из дому больше чем на час. Откуда ж мне знать про такой замок? Вот моя дочь Луна, наверное, знает про него — ведь она каждую ночь обходит весь свет. А сейчас ступай прочь, как бы худа не было. Скоро Луна вернется, и коли застанет тебя здесь, берегись: разорвет в клочки!

Стал бедняга молить бабку, чтоб не прогоняла его, а спрятала бы в каком ни на есть закутке и выведала у дочки про замок, а когда она уйдет, все и рассказала б ему. Так слезно он упрашивал, что старуха сжалилась и спрятала его под лестницей. Вот пришла домой Луна и уже с порога почуяла человеческий дух. Спрашивает мать, не прячет ли та человека. Поначалу мать отнекивалась, но Луна так разбушевалась, что пришлось рассказать все без утайки. Взмолилась старуха, просит смилостивиться и помочь бедняге найти замок без окон и дверей, — если, конечно. Луна знает, где тот замок воздвигнут. Сжалилась Луна над молодцом, велела вылезти из-под лестницы и говорит ему:

— Рада б тебе помочь, да сама я про такой замок не знаю, не ведаю. Да будет тебе известно, что я еще никогда не освещала всей земли. Верно, замок тот таится в какой-нибудь пустыне, куда я еще не заглядывала. Иди-ка лучше к Солнцу, оно видит больше, чем я. Может, Солнце и укажет тебе дорогу к замку.

Долго плутал молодец по лесу, но все не находил замок Солнца. Наконец разыскал его и вошел туда. Дома была только мать Солнца. Она была еще старше и страшнее матери Луны. Смиловилась и она над гостем, спрятала его и обещала расспросить про замок. Вернулось вечером Солнце домой и ну бранить мать за то, что пустила в дом человека.

Услышал про это несчастный, вышел к Солнцу и так горестно стал просить пособить ему в беде, что Солнце сжалилось над ним и говорит:

— Может, и есть на земле такой замок, да я про него не знаю. Я тоже не во все уголки земли заглядываю. Вот Ветер — тот продувает все дыры и должен знать про все на свете. Ступай к нему!

Три дня искал молодец дом Ветра. Наконец нашел. На счастье, в ту пору был дома Главный Ветер. Поведал молодец ему свою печаль и попросил пособить. Ветер слушал внимательно, а как молодец закончил, взял дудку и заиграл на ней, да так громко, что его слышали все ветры на свете. Тотчас примчались они, но о замке без окон и дверей никто и слыхом не слыхал. Один ветер припоздал, — у него разболелась нога, и он отстал от других. Он прибежал через час и рассказал про замок без окон и дверей. А если Главный Ветер не верит, то пусть сам пойдет и посмотрит. До того замка ветрам не более четверти часа ходу, а для человека — несколько лет. Жаль стало Главному Ветру беднягу, и он велел сплести большую корзину — в корзине нести человека будет сподручнее. Вот сплели корзину, молодец влез в нее, а Главный Ветер подхватил ее и в мгновение ока доставил к самому замку. Стал Ветер оглядывать замок — нет ли какой щелочки, чтоб забраться внутрь. На самой высокой башенке заметил он маленькую дырочку. Пробрался через нее и с такой силой пронесся по замку, что стены задрожали. В замке было восемнадцать девушек да еще дьявол со своей матерью. Все девушки, кроме Золотоволосой, были мертвы. Золотоволосая считалась самой большой грешницей, а потому ее дьявол обрек на великие муки — умереть последней, чтобы она перед смертью видела мучения своих подруг. Схватил Ветер дьявола и что было мочи швырнул его через дыру наружу и там так его измолот, что от дьявола остались только пыль и прах. Потом ухватил Ветер мать дьявола да так потрянул, что у нее все косточки затрещали. Повелел он рассказать, как девушек извели. Юлит старуха, твердит, что-де она про то и знать ничего не знает, потому как это дело рук ее сына. Пригрозил Ветер и с ней разделаться, как с дьяволом, коли будет запирается. Струхнула старая дьяволица и рассказала все начистоту. Пришлось ей открыть и то, как девушек можно оживить: в шкафу спрятана кропильница, если обрызгать из нее девушек, они сразу оживут. Взял Ветер кропильницу, окропил на пробу одну девицу, и та ожила. Тогда схватил он старуху, швырнул в дыру и измолот, как и дьявола. Потом оживил одну за другой всех девушек и вдохнул силы в Золотоволосую, — она едва дышала. Перенес потом всех по очереди в корзину, а замок разрушил.

Спасенных девушек вместе с молодцом Ветер благополучно доставил к королевскому дворцу. Да только женился молодец не на королевне, а на Золотоволосой. И жили они в любви и согласии долгие-долгие годы.

КРОШКА ФЕЯ

Английская сказка

Жил некогда король с королевой, и был у них единственный сын. Вот вырос королевич, и король с королевой устроили праздник. Созвали они на пир самых знатных людей со всего королевства. Засветились окна тысячью огней, засверкали белые палаты серебром, золотом и дорогими самоцветами.

В полночь гости разошлись по домам, а королевич вышел погулять в рощу, где росли старые липы. Взошла луна, стало светло, как днем, королевичу не спалось. Роща стояла, словно заколдованная, — толстые стволы старых деревьев отбрасывали темные тени, а лунный свет, проникая сквозь листву, рисовал на земле причудливые узоры. Королевич задумавшись брел по мягкой траве и не заметил, как вышел на поляну. Смотрит — а на поляне, озаренная лунным светом, стоит маленькая фея в белом наряде, и блещет на нем золотое шитье. Длинные волосы ее разметались по плечам, а на голове сверкает золотая корона, осыпанная драгоценными камнями. И была эта фея совсем крошечная. Словно куколка! Остановился королевич и глаз от нее отвести не может. А она вдруг заговорила, и голосок ее зазвенел, будто серебряный колокольчик:

— Прекрасный королевич! Меня тоже пригласили на праздник, да не посмела я в гости к тебе прийти, — очень уж я маленькая. А теперь вот хочу поздороваться с тобой при луне, свет ее заменяет мне солнечные лучи!

Приглянулась королевичу маленькая фея. Ночная волшебница ничуть не испугала его. Подошел он к маленькой фее и взял ее за руку. Но она вдруг вырвалась и пропала. Осталась в руке у королевича лишь феена перчатка, такая крошечная, что королевич с трудом натянул ее на свой мизинец. Опечаленный, вернулся он во дворец и никому ни словом не обмолвился о том, кого видел в старой роще.

На следующую ночь королевич снова отправился в рощу. Бродит он при свете яркого месяца, все ищет маленькую фею. А ее нет нигде. Загрустил королевич, вынул из-за пазухи перчатку и поцеловал ее. И в тот же миг перед ним предстала фея. Королевич до того обрадовался, что и сказать нельзя! Сердце у него в груди так и запрыгало от счастья! Долго они гуляли при луне, весело болтали друг с другом. И удивительное дело! Пока они разговаривали, малютка фея на глазах у королевича заметно подросла. Когда пришла им пора расставаться, она была вдвое больше, чем в прошлую ночь. Теперь перчатка не налезала ей на руку, и фея вернула ее королевичу со словами:

— Возьми перчатку в залог и хорошенько береги ее.

Сказала — и в то же мгновение исчезла.

— Я буду хранить твою рукавичку у себя на сердце! — воскликнул королевич.

С тех пор каждую ночь королевич и фея встречались в роще под старыми липами. Пока светит солнце, королевич места себе не находит. День-деньской тоскует он по своей фее, ждет не дождется, когда ночь настанет и месяц на небе проглянет, и все гадает: «Придет ли сегодня моя фея?» Королевич любил маленькую фею все сильнее и сильнее, а фея каждую ночь становилась все выше. На девятую ночь, когда наступило полнолуние, фея сравнялась ростом с королевичем.

— Теперь я буду приходить к тебе всякий раз, когда месяц выплывет на небе! — весело

проговорила фея нежным своим голоском.

— Нет, дорогая моя! Не могу я без тебя жить! Ты должна быть моей. Я тебя сделаю королевой!

— Милый мой! — отвечает ему фея. — Я буду твоей, но ты должен мне обещать, что всю жизнь будешь любить только меня одну!

— Обещаю, обещаю! — не задумываясь, закричал королевич. — Обещаю всегда любить тебя одну, а на других и смотреть не стану.

— Хорошо! Только помни — я буду твоей лишь до той поры, пока ты останешься верен своему слову.

Три дня спустя сыграли свадьбу. Приглашенные не могли надивиться красоте маленькой феи.

Счастливо прожили королевич со своей молодой женой семь лет, как вдруг умер старый король. На похороны собралось народу видимо-невидимо. У гроба его проливали слезы самые красивые и знатные женщины королевства. И была среди них одна черноокая красавица с рыжими волосами. Не молилась она богу, не оплакивала покойного короля, а неотступно преследовала взглядом молодого королевича. Королевич заметил, что красавица с рыжими волосами глаз с него не сводит, и это показалось ему необычайно приятным.

Когда похоронная процессия двинулась на кладбище, королевич, который вел под руку свою жену, трижды посмотрел на черноокую красавицу. Вдруг жена его запуталась в юбке и чуть было не упала.

— Ой, посмотри-ка, платье стало мне длинно! — воскликнула она.

И правда... Только королевичу и невдомек, что его жена стала меньше ростом.

Но вот старого короля похоронили, и все двинулись обратно во дворец. А рыжеволосая красавица следовала за королевичем по пятам, ни на шаг не отставала, да и он на нее поглядывал украдкой. Так и не заметил королевич, что его жена снова превратилась в маленькую фею. А едва вошли в старую рощу, фея и вовсе исчезла. Королевич женился на рыжеволосой красавице с черными глазами. Да только не прожил он с новой женой и трех дней счастливо. Сначала потребовала она купить ей алмазную кровать. А там и пошло... То одно ей подавай, то другое, да все такие диковинки, каких ни у кого нет. А если, случалось, не выполнит королевич ее желания, красавица сразу в слезы, и ну плакать, и ну бранить мужа. До того надоели королевичу прихоти жадной красавицы, что выгнал он ее из дому...

Только тогда понял королевич, что он наделал. Горюет он, вздыхает по маленькой фее. И снова, лишь выплывет месяц на небе, идет королевич в рощу, где растут старые липы, и зовет свою милую, добрую фею. Искал ее королевич, искал, звал свою фею, звал и уж состариться успел, ожидая ее. Да только маленькая фея так и не вернулась к нему...

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА

Шведская сказка

Жила-была на свете маленькая девочка, которую звали Лиза. Она жила вместе со своими Папой и Мамой в небольшом красном домике в Делекарлии в Швеции.

Мама сшила ей чудесное оранжевое платье. Лиза носила его вместе с передничком в красную полоску, маленьким красным чепчиком и голубым шарфиком. Папа подарил ей замечательные красные башмачки и восхитительный зонтик того же цвета, что и шарфик.

Все эти новые вещи делали Маленькую Лизу просто очаровательной.

«Я самая красивая девочка во всей Швеции», — думала про себя Маленькая Лиза.

Однажды Мама сказала Лизе:

— Одень-ка свое нарядное платье и новые башмачки и ступай навестить Бабушку. Я испекла для нее пирог. Иди через лес по большой тропинке, никуда не сворачивая, и скоро доберешься до ее избушки.

Маленькая Лиза пришла в неопишуемый восторг и от радости захлопала в ладоши. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: разве она не собиралась в одиночку отправиться к Бабушке, жившей в самой глубине леса? Может быть, Лиза даже останется на ночь у Бабушки, и та расскажет ей какую-нибудь из своих чудесных волшебных сказок!

Пообещав маме быть осторожной и не сходить с тропинки, Лиза поцеловала Маму на прощание, подхватила свою корзинку и отправилась в путь.

В лесу царил приятная прохлада. Маленькая Лиза весело шагала вперед, слушая пение лесных птиц. Она уже зашла довольно далеко в лес, когда вдруг увидела кустики земляники, торчавшие у края тропинки.

«Как здорово! Мне так хочется ягод», — подумала Маленькая Лиза и остановилась, чтобы сорвать их. Они оказались такими вкусными, что Лиза сорвала еще и еще. Она никак не могла оторваться от ягод, ведь чем дальше она уходила от тропинки, тем крупнее и слаще они становились. Скоро Лиза забралась в глухую чащу. Слишком поздно вспомнила она о том, что обещала Маме никуда не сворачивать с дорожки.

— Что же мне теперь делать? — воскликнула перепуганная девочка.

В тот же миг она услышала глухое рычание и, подняв глаза, увидела огромного медведя, приближавшегося к ней.

— Гр-р! Гр-р! Сейчас я тебя съем, — сказал медведь.

— Не ешьте меня, пожалуйста, Дяденька Медведь, — взмолилась Маленькая Лиза. — Если вы отпустите меня, то я охотно отдам вам свой чудесный передничек вместе с голубым шарфиком.

— Ладно, — сказал Медведь. — Я не стану есть тебя, если ты отдашь мне свой передничек и шарфик.

Глубоко вздохнув. Маленькая Лиза отдала ему и передничек, и шарфик, и Медведь затопал дальше своей дорогой, ворчливо напевая себе под нос: «Я самый красивый медведь во всем лесу!»

Бедная-бедная Маленькая Лиза! Слезы хлынули у нее из глаз. Ей было жалко своих красивых вещей. К тому же она не знала, куда идти, чтобы выбраться из этой чащи.

Внезапно до нее донесся жуткий вой, и откуда ни возьмись перед ней очутился

громадный волк, жадно причмокивавший губами.

— Хе-хе! Сейчас я тебя съем, — сказал он.

— Пожалуйста, очень прошу вас. Дяденька Волк, не ешьте меня, — стала просить его Лиза. — Лучше я дам вам свое замечательное оранжевое платьице.

— Но оно слишком мало для меня, — возразил Волк.

— А вы наденьте его на голову, как косынку, — сказала Маленькая Лиза.

— Ну что ж, это мне нравится, — сказал Волк, одевая платьице на голову. Он гордо зашагал прочь, говоря себе: «Теперь я самый красивый волк в лесу».

Маленькая Лиза пошла дальше по лесу.

— Только бы мне найти дорогу домой, и все было бы ничего, — вздыхала она.

Но она вновь услышала странный шум. На этот раз дорогу ей преградил большой рыжий Лис.

— Ага! Какой славный обед! Стой смирно, потому что я сейчас съем тебя, — сказал лис.

— Не надо, не ешьте меня. Дяденька Лис, — сказала Маленькая Лиза. Если вы не тронете меня, то я с радостью отдам вам свой чудесный голубой зонтик.

— Твой зонтик и вправду очень мил, — заметил Лис. — Давай его мне, и я не стану есть тебя.

Делать нечего, пришлось Маленькой Лизе расстаться со своим зонтиком, а довольный Лис побежал дальше, твердя:

— Теперь я самый красивый лис во всем лесу.

Бедная Маленькая Лиза, как горько она плакала! Ведь из всего чудесного наряда у нее остались только маленький красный чепчик и милые красные башмачки. Все остальное ей пришлось отдать. Она даже потеряла корзинку! Должно быть, она забыла ее на том месте, где повстречалась с Медведем. Тени становились все длинней, и сумерки уже начали сгущаться в огромном черном лесу. Лиза изо всех сил старалась быть смелой и продолжала брести вперед. Звезды замерцали на темном небе. Сквозь ветви деревьев луна приветливо улыбалась девочке. Выбившись из сил девочка присела отдохнуть на большой камень. Она думала о своих потерянных вещах; о Маме, оставшейся в уютном домике далеко отсюда; о Бабушке, которая ждала ее и, наверное, то и дело поглядывала в окошко. Бедная Маленькая Лиза, заблудившаяся в лесу! Как она плакала!

Вдруг она услышала, как кто-то окликнул ее тоненьким голоском:

— Почему ты плачешь, девочка?

Лиза открыла глаза: у самых ее ног сидел, припав к земле, кролик.

— Если ты не хочешь отвечать мне, — сказал кролик, хлопая длинными розовыми ушами, — то я побегу дальше. Я спешу. Ха! Какие у тебя славные башмачки. Ты не дашь их мне, чтобы я мог бегать еще быстрее?

— Бери их, бери. Братец Кролик, — сказала Маленькая Лиза. — У меня ведь больше нет моего красивого наряда, зачем же мне эти башмачки? Возьми их и надень на задние лапки.

С этими словами она сняла красные башмачки и протянула их кролику.

— Огромное спасибо, — поблагодарил ее он и обул задние лапы в башмачки. — Ты очень милая и добрая девочка. И поэтому, если хочешь, ты можешь залезть ко мне на спину и убедиться, как быстро я умею бегать.

Маленькая Лиза забралась на спину кролика, и тот с места помчался так, что только ветер свистел у них в ушах. Разумеется, она крепко держалась за шерстку кролика: ведь ей не

хотелось свалиться на землю на такой скорости!

Они весело летели сквозь темный лес, как вдруг тишину, окружавшую их, нарушил ужасный шум.

— Ой! — закричала Маленькая Лиза. — Должно быть, это Медведь, Волк и Лис которые хотели съесть меня, собрались вместе. Скорей, скорей, бежим отсюда.

— Не бойся. Маленькая Лиза, — возразил кролик. — Если ты будешь как следует держаться, никто не сумеет поймать нас. Никто во всем лесу не может угнаться за мной. Однако давай сначала посмотрим, почему они подняли такой шум.

Они подкрались к поляне, с которой доносилось злобное рычание, и спрятались за толстое дерево.

Маленькая Лиза выглянула из-за ствола и, как вы думаете, что она увидела? Медведя, Волка и Лиса, ссорившихся из-за того, кто из них самый красивый зверь в лесу. Они спорили громко и яростно. В гневе каждый из них содрал с себя одежду, чтобы быть готовым к драке.

Лис, который был очень хитрым, забежал за огромный ствол старого дуба. Медведь и Волк кинулись за ним. Медведь ухватил за хвост Лиса, а тот вцепился в хвост Волку. Волк, в свою очередь, сумел дотянуться до короткого хвостика Медведя, и все трое пустились бегом вокруг дерева, постепенно разгоняясь быстрее и быстрее!

Пока они тщетно старались догнать друг друга, Маленькая Лиза подкралась потихоньку к своим вещам, валявшимся на траве, и подняла их.

— Если вам не нужен мой чудный наряд, то я, пожалуй, заберу его назад, — сказала она.

Однако Лис, Волк и Медведь были слишком заняты грызней между собой, чтобы заметить девочку. Они приходили во все большую ярость и, естественно, кружили все быстрее. Они носились с такой скоростью, что Маленькая Лиза просто не могла различить их. Разумеется, им было некогда оглядываться на нее. Девочка быстро натянула на себя платице, передник и шарфик, схватила зонтик и бросилась назад к дереву, за которым ее поджидал Братец Кролик.

— Я думаю, нам лучше поскорее скрыться отсюда, пока они нас не увидели, — сказала Лиза, забираясь к нему на спину, и вкрадчиво добавила: Если б ты отвез меня прямо домой к Мама и Папе, то я угостила бы тебя горячими вафлями с вареньем.

— Замечательное предложение. Пожалуй, я соглашусь, — ответил Братец Кролик и помчался еще быстрее, чем прежде.

Прошло совсем немного времени, и они добрались до дома Маленькой Лизы. Можете себе представить, как удивилась ее Мама, увидев свою дочь, едущую верхом на кролике. Но еще больше она удивилась, услышав рассказ о том, что приключилось с Лизой в лесу.

— Видишь, что получается, когда ты не слушаешься? Ты ведь не должна была сворачивать с главной тропинки, Лиза, — отчитывала девочку Мама. Однако, будучи счастливой оттого, что дочь вернулась домой целой и невредимой, она простила ее и сказала:

— Давайте устроим небольшой праздник по случаю твоего благополучного возвращения. И так как ты обещала Братцу Кролику, что ты угостишь его вафлями и вареньем, то я думаю, мы можем устроить настоящий вафельный пир.

Она разожгла плиту, и вскоре весь дом наполнился запахом вафель. Она испекла их целую гору, а когда все было готово, Маленькая Лиза, Папа, Мама и их новый друг Братец Кролик сели ужинать. Какими вкусными оказались вафли, и как славно они хрустели на

зубах!

Братец Кролик съел пятьдесят девять вафель, Мама — семьдесят, Папа восемьдесят две. Что же касается Маленькой Лизы, то она так проголодалась, что съела целых сто тридцать три вафли.

Представляете?

ЦАРЬ И КРАСАВИЦА

Болгарская сказка

Жил-был в одной стране разбойник. Нажил он грабежами немалое богатство. Но вот настал его смертный час. Позвал разбойник жену и сказал ей:

— Запомни, когда я помру, все добро раздай беднякам, себе же оставь только саблю, коня и собаку. А как вырастет наш сын, станет крепким да смелым, скажи ему, что отцовская сила была в сабле. Возьмет он саблю булатную — тотчас станет таким же могучим, как я. Исполни все свято, жена... Ну, прощай, умираю.

Сказал так отважный разбойник и отдал богу душу, скончался.

Жена все исполнила в точности. Как похоронила мужа, раздала беднякам на помин души все его богатства, оставила только саблю, коня и собаку для сына, когда тот вырастет.

Рос, рос паренек — да и вырос. Сравнялось ему восемнадцать. И стал он выспрашивать, в чем таилась отцовская сила.

Мать не посмела открыть ему тайну, боялась, что не сбережет он в такие незрелые годы отцово наследство. Но сын всякий день приставал к ней с расспросами. Хочешь не хочешь, а пришлось рассказать ему, что отцовская сила таилась в сабле, да еще в коне и собаке.

Как узнал про то разбойничий сын, взял отцовскую саблю, взнуздal боевого коня, оседлал его, свистнул собаку и поехал на главную площадь людей поглядеть да себя показать.

Давно не бывал на воле могучий конь, рвется вперед, так и взвился бы в небо, кабы не узда. Да и сам паренек не глядит, куда мчится. И сшиб он нечаянно царского сына. Тут же, на месте, царевич и умер. Закричали царские слуги, всполошился народ — кутерьма поднялась превеликая, бросились все ловить разбойничьего сына. Как учуял он беду, пришпорил коня. Серым соколом ринулся конь вдоль по улице. Слуги все рассказали царю, снарядил он погоню — да поздно: разбойничий сын был уже далеко.

Несколько дней мчался он без оглядки, а когда страх помаленьку утих, придержал коня, стал раздумывать, как ему быть, что делать: вернуться домой или дальше скакать куда глаза глядят. Не знал он еще, что отцовской саблей мог бы все царское войско перебить, если б вздумали с ним потягаться, — побоялся вернуться, решил ехать вперед, поискать какой-нибудь город большой и там поселиться.

Ехал он, ехал — дней этак пять или шесть — и увидел вдруг в чистом поле громадную башню, всю из хрусталя. Ох, и блестела та башня под солнцем! Подивился разбойничий сын на чудесную башню и решил разузнать, что в ней сокрыто. Подъехал к башне поближе, осмотрел ее всю вокруг — где же двери? Искал, искал, — как будто и нет нигде ни входа, ни выхода — так искусно они были спрятаны. Заглянул парень внутрь через стекла — и что же он видит? Сидит в башне красавица, Дунья Гюзели.

Знала девушка о своей красоте, потому-то и в башню затворилась: все ждала — вот придет к ней первейший храбрец и сокрушит все преграды великим геройством.

— Отвори, красавица! — попросил сын разбойника. — Отвори, я войду!

Но ответила девушка так:

Только храброму витязю впору

Сбить замки, поломать все затворы.
Робким нет в эту башню дороги.
Если храбр — так войди без подмоги.
Если б робкого я ожидала,
Я б сидеть в этой башне не стала!

Услыхал эти речи сын разбойника, выхватил саблю из ножен, разогнал ретивого коня и ударил по башне с налету. Зазвенели хрустальные стены, распахнулись ворота, и влетел удалец на коне прямо в терем к девице.

Увидела Дунья Гюзели, какой храбрец да красавец предстал перед нею, догадалась с первого взгляда, что он ее суженый. Обняла его, поцеловала, взяла за руку, отвела в свою спальню, и стали они мужем и женою.

Время шло. Как-то раз отправилась Дунья Гюзели в баню. Честь честью помылась, оделась, а как вышла на улицу да перешагнула через канаву водосточную, сорвалась у нее с ноги узорчатая туфелька и упала в ручей. Слуги бросились вслед, да не поймали — вода быстро текла!

Уплыла туфелька далеко-далеко, и выбросило ее на зеленую лужайку. Проходили мимо царские слуги, увидели красивую туфельку, подивились чудесным узорам: вся-то она расшита жемчугом да самоцветами! Прочитали и имя хозяйки, шелком да бисером вышитое.

— Ну и туфелька! — молвили царские слуги. — Не иначе как красавица ее носила. Ведь недаром назвали ее Дуньей Гюзели, что значит — «Красавица мира». Отнесем-ка находку царю, пусть посмотрит. Может, и награду большую получим.

Так и сделали. Посмотрел царь на туфельку, подивился чудесной вышивке, а больше всего понравилось ему имя хозяйки. Наградил он своих слуг за находку, обещал еще больше, если найдут Дунью Гюзели да во дворец ее приведут.

И отправились царские слуги разыскивать Дунью Гюзели по всем селам и всем городам. Спрашивали встречных и поперечных — не знают ли, где живет красавица. А ведь недаром говорится: «Язык доведет до Стамбула». Попался им такой человек, что указал дорогу к хрустальной башне. Вот пришли туда слуги, сказали красавице:

— Хочет царь немедленно взять тебя в жены.

Польстили те речи Дунье Гюзели, а все же она отвечала:

— Вот, выпейте, слуги, по чарке, да и ступайте с богом обратно. И пуще всего старайтесь, чтоб муж мой не узнал, с чем вы ко мне приходили, не то несдобровать вам.

Услыхали царицы посланцы такие слова, головы повесили, вернулись к царю и передали ответ.

Рассердился царь и говорит:

— Возьмите немедленно войско в пятьсот воинов и добудьте красавицу силой.

Отобрали пятьсот человек из царевых полков и снова двинулись к башне.

Увидела Дунья Гюзели войско, кликнула мужа и просит:

— Запри ворота покрепче.

— Не бойся, красавица женушка, не пугайся! — ответил ей муж. — Покуда я жив, мне и три таких войска не страшны. Сейчас ты увидишь, как я с ними расправлюсь.

Лишь только солдаты приблизились к башне, он выехал к ним на коне, с саблей наголо.

— Э-гей! Ты, что ли, муж красавицы Дуньи Гюзели?

— Я самый, — ответил разбойничий сын. — Что вам нужно?

— Жену твою нужно, — сказали солдаты. — К царю ее повезем. Отдай, если хочешь остаться в живых, напрямик говорим.

— И жены не отдам, и плохого вы мне ничего сделать не можете. Убирайтесь немедленно, если вам жизнь дорога.

Ну, конечно, солдаты взялись за оружие. Да только не знали они, что за сила таится в заветной сабле. Пришпорил парень коня, взмахнул отцовской саблей и единым ударом срубил врагам головы. Лишь кое-кого оставил в живых — чтоб было кому рассказать царю о сражении.

Ну что ж, побежали солдаты к царю. Тотчас снарядил он второе такое же войско. Но муж красавицы Дуньи и второе войско порубил. И несколько раз посылал еще царь отборных солдат к хрустальной башне — конец всегда был одинаков. Никак не удавалось царю захватить Дунью Гюзели.

Но вот наконец отыскал он лиходейку-старуху и приказал ей добыть красавицу хитростью.

— Ну что ж, я добуду, — ответила бабка. — Только вели ты сделать кибитку из шелка на двух человек — такую, чтоб по небу летала, свезла бы меня к Дунье Гюзели, а потом к тебе нас доставила. Тогда и выйдет твое дело.

Уж очень хотелось царю добыть себе в жены красавицу. Построили старухе кибитку, пустили ее в поднебесье. Добралась бабка до места, кибитку в кустарнике спрятала, сама пешком пошла к жилищу красавицы и попросилась переночевать, а то, мол, она из далеких краев возвращается и, на беду, заблудилась.

Услышала Дунья Гюзели ту слезную просьбу, и жалко ей стало старуху; пустила ее в свой дворец, напоила ее, накормила. А тут как раз и муж возвратился. Взглянул на старуху и очень обрадовался: пусть, мол, и вовсе останется, коли захочет, а то Дунья Гюзели проводит весь день одна-одинешенька.

— Сам бог привел тебя к нам, бабушка. Захочешь — так оставайся у нас вместо матери, заботиться будем о тебе, как о родной.

— Ах, сыночек! Неужто пригреешь старуху? Добрая ж душа у тебя! Останусь! От добра добра разве ищут?

— Ну, дай тебе бог здоровья, бабушка.

Чего захотела старуха, того и добилась: стала вором домашним, Встанет спозаранку, день-деньской вынюхивает, высматривает, в чем таится великая сила хозяина. И жену подстрекала разузнать, расспросить мужа.

— Уж какая ты счастливая, дочка! Муж у тебя — богатырь! Узнать бы, милая, в чем его удаль! Спросила бы ты, доченька, как-нибудь вечерком, в чем его молодецкая сила!

— А что же, бабуся, и правда спрошу, — отвечает Дунья Гюзели.

И верно, спросила его в тот же вечер.

— Да разве не знаешь, красавица женушка, в чем моя сила?

— Не знаю, — откуда ж мне знать, если ты, господин мой, о том ни слова не говорил!

— Так знай, моя сила — в той сабле, что досталась мне от отца... И в коне, и в собаке... Но в сабле — больше всего. Как саблю сниму, я больным становлюсь, и тут уж ребенок меня одолеет. Вот видишь, женушка, в чем моя сила?

Так и узнала Дунья Гюзели, в чем сила супруга, да хитрой старухе про то и рассказала.

«А мне только того и нужно, красавица, — подумала лиходейка. — Теперь исполню

свое обещанье царю».

И стала она сторожить, как бы выкрасть хозяйскую саблю да спрятать. А ведь не зря говорится: «И вода спит, один черт не дремлет». Улучила злодейка минуту, сняла ночную порой саблю с гвоздя да кинула в глубокий бассейн. Молодец тотчас заболел.

— А ты не тревожься, дочурочка, — сказала старуха Дунье Гюзели. — Уж если я здесь, значит, горе избудем. Не горюй, не кручинься, пойдем лучше в лес, поищем целебных трав. Попоим болящего отваром травяным натошак три денечка — всю хворь как рукой снимет.

Пошла красавица вдвоем со старухой иудой в лес искать целебных трав, а подлая бабка быстрехонько к самой кибитке ее приманила, тайком для отлета кибитку наладила и стала уговаривать Дунью Гюзели войти посмотреть: что, мол, за штуку они отыскали — из земли, что ли, выросла иль с неба свалилась? Вошла первой бабка, вошла за ней Дунья Гюзели — кибитка тотчас и взвилась.

Беда! Поняла тут Дунья Гюзели, что бабка ее обманула, сперва испугалась ужасно: не ведьма ли бабка или, может, какая русалка?

Плачет красавица:

— Несчастливая я! Да что же со мной теперь будет? Зачем ты так сделала, бабка? Что видела ты от меня плохого? Зачем подняла ты меня в облака и несешь неведомо куда!

— Не бойся, дурочка! — молвила бабка. — Я тебе зла не желаю. Царицей хочу тебя сделать, в царских палатах жить станешь, а не в дикой пустыне. Правду говорю, не бойся.

Летела, летела кибитка, до царского дворца долетела. Спустилась на землю, и повела бабка Дунью Гюзели к царю. Как увидел ее царь, обомлел, сердце так и заколотилось: уж очень приглянулась ему красавица. Да только вот Дунье Гюзели он не понравился: и старый, и больно невзрачен. Смотрит она на него, и будто враг лютей перед нею, а не царь в раззолоченном платье, в короне да со скипетром в руке. Но хоть не по сердцу он, а теперь уж ничего не поделаешь. У силы нет правды!

— Ну вот, красавица, видишь? Хоть твой муж и побил у меня много войска, а все же попалась ты мне в руки! Сейчас обвенчаемся, станешь царицей!

— Знать, такая уж моя судьба, — отвечала красавица. — Пойду за тебя замуж... Только ты, царь, сначала устрой, как положено, оглашение сорокадневное и всем повели, чтобы шли во дворец меня чествовать да красотой моею любоваться. И вот что еще скажу тебе: знаю я дивное средство, могу превратить тебя, царь, в молодого. Как станет тебе двадцать пять, тогда и обвенчаемся. Ладно?

Выслушал царь ее речи, на все согласился, назначил день свадьбы и стал ожидать, что опять станет молодым. А Дунья Гюзели нарочно хитрила, чтоб выиграть время, надеялась — муж-то разузнает, придет и избавит ее от несчастья.

А что ж он делает, бедный парень, больной, одинокий?

Заржал его конь, пес залаял — оба есть запросили. А парень и встать не может. Понял он тогда, что это старухины козни. Говорит он:

— Послушай-ка, пес, друг мой верный, поищи, где спрятала чертова бабка заветную саблю, а то ведь, пожалуй, я так и умру безвременно.

Услышал его слова пес, пожалел хозяина и бросился саблю разыскивать. Искал, искал — нет нигде. Прибежал наконец к бассейну, увидел саблю на дне, нырнул один раз, другой раз и третий — никак не достанет. Много раз прыгал он в воду — схватил-таки саблю, принес своему господину. Тот взял ее в руки и тотчас поправился. Накормил он коня и собаку — и в путь: помчался искать свою супругу по всему государству, из города в город, из

деревни в деревню. А как доскакал до столицы да услышал про царскую свадьбу, сразу угадал, кто царева невеста, узнал и о том, что вскорости царь станет совсем молодым, двадцатипятилетним, да тут же и женится. Вмиг понял тогда молодец, чьи все это затеи, не стал тратить времени даром, отправился на окраину города к знакомой старухе, дал ей кучу денег и велел сшить побыстрее три платья — для нее и для двух ее дочерей, пусть оденутся понаряднее и пойдут поглядеть на цареву невесту да честь ей воздать, как предписано царским указом.

Старуха живо позвала искусного портного. Через два дня все платья были готовы. Тотчас нарядились и бабка и дочери и пошли вместе с парнем в царские хоромы, поглядеть на невесту. Пришли они к ней. Красавица сразу мужа признала и повела его в другую палату, где мужчины пировали, да по дороге и спрятала в опочивальне — в просторной закрытой нише. Женщин же она всласть угостила и домой отправила — сказала, что парень попозже придет, вслед за ними.

А было то накануне сорокового дня. Все ждали его с нетерпением: всем хотелось взглянуть, как царь чудом преобразится и вдруг помолодеет.

Настал вечер тридцать девятого дня. Пришел старый царь в полутемную спальню, чтобы лечь рядом с Дуньей Гюзели и стать молодым. А дверцы ниши распахнулись, выскочил оттуда разбойничий сын, взмахнул своей саблей и снес царю голову. Спрятали мертвого в потаенное место, а утром вышла Дунья Гюзели к народу, а рядом с ней предстал красивый и молодой царь двадцати пяти лет.

Изумился народ великому чуду. А Дунья Гюзели и муж ее, сын-то разбойника, царем и царицей сделались в этой стране.

Вот так-то: не рой другому яму, сам в нее попадешь.

КРОШКА МЭТТИ И КОРОЛЬ

Английская сказка

Крошка Мэтти была пастушкой. Каждое утро она выводила овец на пастбище. Иногда она бродила с ними по полям и холмам, но больше всего ей нравилось пасти их возле дороги.

В те времена в этой стране правил прекрасный молодой король, и решил этот король однажды отправиться в странствия на поиски невесты; она должна быть красивой, благородного происхождения, а прежде всего должна королевская невеста быть скромной, работающей и искренней. На меньшее король бы не согласился. Так он решил, сел однажды утром на лошадь и отправился в путь.

Ехал он, ехал, и дорога привела его к тому месту, где Крошка Мэтти пасла своих овец. Увидев маленькую пастушку, король вежливо с ней поздоровался и сказал:

— Да благословит тебя Господь, Крошка Мэтти, как ты поживаешь?

— Хорошо, спасибо, — ответила Крошка Мэтти, — хоть и одета я в лохмотья. Но когда я выйду замуж за короля, то буду одеваться только в чистое золото!

— Никогда этому не бывать, — сказал король.

— О, нет, именно так и будет, — возразила Крошка Мэтти.

И король поехал дальше. Ехал он, ехал, пока не добрался до иноземного королевства, и влюбился он там в иноземную принцессу. Она была очень хороша собой, и все вокруг только и говорили о ее скромности. Король попросил ее руки и, получив согласие, предложил своей невесте до свадьбы навестить его королевство. Затем он счастливый отправился домой.

Прошло немного времени, и принцесса из иноземного королевства выехала с пышной свитой в королевство своего жениха. Ехала она, ехала, пока дорога не привела ее прямо к тому месту, где Крошка Мэтти пасла овец. Увидев маленькую пастушку, принцесса высокомерно поздоровалась с ней и сказала:

— Добрый день. Крошка Мэтти, как поживает король?

— Хорошо, — ответила Крошка Мэтти, — но у порога его дворца есть камень, и камень этот определяет характер любого человека, ступившего на него.

Принцесса поехала дальше и вскоре добралась до королевского дворца. Едва она наступила на камень у порога, как раздался голос:

«Сэр, не обманывайтесь лицом и одеждой!

Берегитесь, скромность ее напускная!

Присмотритесь к ней, милорд,

Скромности верьте, а не словам!»

Услышав, что сказал камень, король принцессу и видеть не захотел. Его суженая должна быть на самом деле скромной! И уехала принцесса, как и приехала, не солоно хлебавши.

Через некоторое время король решил опять отправиться на поиски невесты. Рано утром он сел на коня и выехал из ворот дворца.

И опять ехал он, ехал, пока дорога не привела его к тому месту, где Крошка Мэтти пасла овец. Увидев маленькую пастушку, он вежливо поздоровался и сказал:

— Да благословит тебя Господь, Крошка Мэтти, как ты поживаешь?

— Хорошо, спасибо, — ответила Крошка Мэтти, — хоть и одета я в лохмотья. Но когда я выйду замуж за короля, то буду одеваться только в чистое золото!

— Никогда этому не бывать, — сказал король.

— О, нет, именно так и будет, — сказала Крошка Мэтти.

И король поехал дальше. Ехал он, ехал, пока наконец не приехал в еще одно иноземное королевство, где влюбился в Другую иноземную принцессу. Была она еще прекраснее, чем первая, и далеко разносился слух о ее трудолюбии. Король попросил ее руки и, получив согласие ее отца, пригласил свою невесту нанести визит в его королевство до свадьбы. Затем он счастливый отправился домой.

Вскоре принцесса из чужой страны отправилась с высокомерными спутниками в гости к королю. Ехала она, ехала, пока дорога не привела ее к тому месту, где крошка Мэтти пасла овец. Увидев маленькую пастушку, принцесса гордо поздоровалась с ней и сказала:

— Добрый день. Крошка Мэтти, как поживает король?

— Хорошо, — ответила Крошка Мэтти, — но у порога его дворца есть камень, и камень этот определяет характер любого человека, ступившего на него.

Принцесса поехала дальше и вскоре добралась до королевского дворца. Едва она наступила на камень у порога, как раздался голос: «Сэр, не обманывайтесь лицом и одеждой! Берегитесь, трудолюбие ее напускное! Присмотритесь к ней, милорд, Трудолюбию верьте, а не словам!»

Услышав, что сказал камень, король свою невесту и слушать не захотел. Ведь его жена действительно должна быть трудолюбивой! И пришлось принцессе, сгорая от стыда, возвращаться домой. Так расстроилась и эта свадьба.

Через некоторое время король в третий раз отправился странствовать по свету в поисках невесты. Однажды рано утром он сел на коня и пустился в дорогу.

И опять ехал он, ехал, пока не встретил Мэтти, которая пасла овец. Увидев маленькую пастушку, он вежливо с ней поздоровался и сказал:

— Да благословит тебя Господь, Крошка Мэтти, как ты поживаешь?

— Хорошо, спасибо, — ответила Крошка Мэтти, — хоть и одета я в лохмотья. Но когда я выйду замуж за короля, то буду одеваться только в чистое золото!

— Никогда этому не бывать, — сказал король.

— О, нет, именно так и будет, — сказала Крошка Мэтти.

И король поехал дальше. Ехал он, ехал, пока не приехал в третье иноземное государство, где влюбился еще в одну иностранную принцессу. Она была еще красивее, чем остальные, и люди по всей стране говорили о ее искренности. Король попросил ее руки и, получив согласие, пригласил невесту нанести визит в его королевство до свадьбы. После этого он счастливый поехал домой.

Вскоре после этого иноземная принцесса с великолепной свитой выехала с визитом в его королевство. Ехала она, ехала, пока дорога не привела ее прямо к тому месту, где Крошка Мэтти пасла овец. Увидев маленькую пастушку, принцесса высокомерно поздоровалась с ней и сказала:

— Добрый день, Крошка Мэтти, как поживает король?

— Хорошо, — ответила Крошка Мэтти, — но у порога его дворца есть камень, и камень этот определяет характер любого человека, ступившего на него.

Иноземная принцесса не поверила и отправилась дальше. Но едва она доехала до

королевского дворца и ступила на камень у порога, как раздался голос:

«Сэр, не обманывайтесь лицом и одеждой!
Берегитесь, искренность ее напускная!
Присмотритесь к ней, милорд,
Искренности верьте, а не словам!»

И снова расстроилась свадьба. Ведь невеста короля должна быть искренней! И пришлось иноземной принцессе, сгорая от стыда, так и не выйдя замуж, возвращаться домой. А король отправился на поиски невесты в последний раз. Рано утром вскочил он в седло и поехал.

И вновь ехал он, ехал, пока не встретил Крошку Мэтти, которая пасла овец. Увидев маленькую пастушку, он учтиво с ней поздоровался и сказал:

— Да благословит тебя Господь, Крошка Мэтти, как ты поживаешь?

— Хорошо, спасибо, — ответила Крошка Мэтти, — хоть и одета я в лохмотья. Но когда я выйду замуж за короля, то буду одеваться только в чистое золото!

— Никогда этому не бывать, — сказал король.

И король отправился дальше, пока не доехал до очень далекого королевства, где влюбился еще в одну иноземную принцессу. Была та принцесса прекраснее всех, и повсюду шла молва о ее скромности, трудолюбии и искренности. Попросил король ее руки, получил согласие, а после этого пригласил свою невесту оказать ему честь и навестить его королевство перед свадьбой. После того он счастливый и довольный поехал домой.

Через некоторое время иноземная принцесса отправилась с великолепной свитой в гости к своему жениху. Дорога привела ее к пастбищу, где Крошка Мэтти пасла своих овец. Увидев маленькую пастушку, принцесса высокомерно с ней поздоровалась и сказала:

— Добрый день, Крошка Мэтти, как поживает король?

— Хорошо, — ответила Крошка Мэтти, — но у порога его дворца есть камень, и камень этот определяет характер любого человека, ступившего на него.

Услышав это, иноземная принцесса призадумалась, а потом спросила у Крошки Мэтти, не сможет ли она поехать в королевский дворец вместо принцессы. Крошка Мэтти с радостью согласилась. Она быстро сняла с себя свои лохмотья и, нарядившись в шелка и бархаты принцессы, поехала в королевский дворец. Когда она наступила на камень у порога, раздался голос:

«Будьте внимательны, милорд она — другая!
Она искренна, скромна, трудолюбива!
Она — воплощение вашего идеала,
И лучшей вы никогда не найдете!»

— Тогда я женюсь только на ней и ни на ком больше, — сказал король, услышав эти слова. А чтобы не ошибиться и ни с кем не спутать свою невесту, он надел ей на голову золотой обруч. Затем он отослал невесту домой и пообещал, что очень скоро он за ней приедет.

Когда Крошка Мэтти вернулась на тот лужок, где паслись ее овцы, она вернула прекрасные одежды иноземной принцессе и опять переделась в свои старые лохмотья. А счастливая принцесса поехала домой дожидаться своего суженого.

И жених не заставил себя долго ждать. В одно прекрасное утро он вскочил в седло и поехал за невестой.

Как и раньше, дорога привела его к той лужайке, где Крошка Мэтти пасла овец. Увидев красивую маленькую пастушку, король учтиво с ней поздоровался и сказал:

— Да благословит тебя Господь, Крошка Мэтти, как ты поживаешь?

— Хорошо, спасибо, — ответила Крошка Мэтти, — хоть и одета я в лохмотья. Но когда я выйду замуж за короля, то буду одеваться только в чистое золото!

— Никогда этому не бывать, — сказал король.

— О, нет, именно так и будет, — сказала Крошка Мэтти.

И, сказав это, она наклонила голову, и что-то блеснуло у нее в волосах.

Подошел король поближе и что же он видит? На голове у Крошки Мэтти тот самый обруч, который он возложил на голову своей невесты. Король тут же все понял. И, увидев, что никогда не найти ему девушки прекраснее, он посадил Крошку Мэтти к себе в седло и увез в свой королевский дворец.

Так случилось, что Крошка Мэтти стала королевой и одевалась с тех пор только в чистое золото.